

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

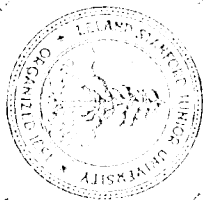
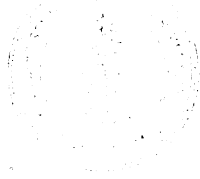
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 210 175 837

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

годъ **X.** **І Ю Н Ъ.** **1891** годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Кладъ. Романъ Н. Ѳ. Бамина	3
II. Изъ «Болгарскихъ мотивовъ». Стихотвореніе А. В. Круглова.	59
III. Очерки средневѣковой жизни. П. В. Безобразова.	60
IV. По Сѣверному Кавказу. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). М. Слободянина	73
V. Весною. Стихотвореніе Л. Афанасьева	95
VI. Три удара молніи. Разсказъ Лудовина Галеви	96
VII. Письма о современной журналистикѣ. О. В.	122
VIII. Шулханъ-Арухъ. (Этюды). А. А. Бынова.	140
IX. Памяти прошлаго. Стихотвореніе Апол. Коринфскаго.	154
X. Жертва добродѣтели. Разсказъ Джемса Пэна	156
XI. Законъ и общинное землевладѣніе. (Окопч.). Н. П. Дружинина.	164
XII. Пльбный воинъ. Стихотвореніе Л. И. Пальмина.	178
XIII. На шахтахъ. Романъ С. С—видова	179
XIV. Долой оружіе! Романъ-хроника Берты фонъ-Зуттнеръ	226
XV. Въ лѣсу. Стихотвореніе Ив. Бунина	332

(См. на оборотѣ).

№ 6 «Наблюдателя» вышелъ 1-го іюня 1891 года.

Подписка на журналъ продолжается. Новые подписчики немедленно

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

- XVI. Французская выставка въ Москвѣ. **М. Симмагинова** 1
- XVII. Политическая хроника 9
 Праздникъ социалистовъ. — Французскіе анархисты. — Убіиства въ Фурми. — Парламентскія волненія. — Безпорядки въ Италіи. — Соціализмъ въ Германіи. — Принятіе рейхстагомъ законопроекта о рабочихъ. — Поѣздки и рѣчи Вильгельма II. — Кто хозяинъ въ представительномъ правленіи? — Нынѣшній шовинистъ и бывшій буршъ. — Цензура, не пропускающая императорскихъ рѣчей. — Смерть Мольте и живучесть Бисмарка. — Война сербскаго правительства со своей королевой. — Бѣлградскія спены' и столкновения. — Новые подвиги жидовства. — Убіиство христіанской дѣвочки въ Корфу. — Неудачный походъ противъ русскихъ финансовъ Ротшильда, отказывающагося отъ своей подписи. — Англія, интригующая за спиною жида. — Дрейфюсъ и французскіе жида. — Какъ относятся къ жидовству Германія и Англія? — Возвращеніе Цесаревича.
- XVIII. Новыя книги: 1) *Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа.* Сочиненіе *Анны Столбовской.* Изданіе К. Т. Солдѣтенкова. Москва. 1891. 2) *Исторія педагогики, Карла Шмидта.* Томъ первый. До-христіанская эпоха. Переводъ *Э. Циммермана.* Москва. 1891. 3) *Помощь самообразованію.* Сборникъ публичныхъ лекцій и популярно-научныхъ статей, издаваемый и редактируемый врачомъ *А. Ѳ. Тельмихинымъ.* — Выпускъ 2-й. — Саратовъ. 1890 25
- XIX. Наши внутреннія дѣла. 32
 Опять судебная ошибка! — Штабъ-капитанъ Сазоновъ и перипетіи его печальной исторіи. — Братья Крутовы и ихъ изворотливость. — Черезчуръ выдающееся усердіе витебской слѣдственной власти. — Пособничество „камеры преданія суду“. — Безъ вины виноватыѣ. — Рѣчь оберъ- и рокурора уголовного кассационнаго департамента, А. Ѳ. Кони. — Исторія Игвалинскаго товарищества. — „Странная ошибка“ минскаго отдѣленія крестьянскаго банка. — *Dura lex, sed lex.* — Всепожирающіе таланты. — Кто извлекалъ пользу отъ крестьянскаго банка?
- XX. Итоги десятилѣтія 44
- XXI. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): Стихотворенія: **Старога Капрала, Аориста, Дебютанта и Ефима Простосердова** 54
- XXII. Объявленія.

НАВНОДАТЕЛЪ

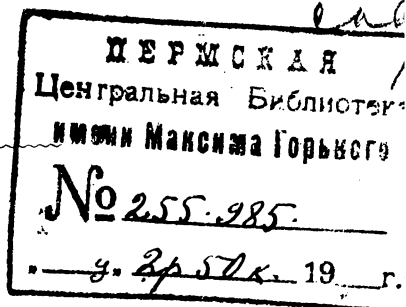
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 6. І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремяной и Владимірской ул.,
№ д. 1—6, кв. 14.

1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОВЬЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

JUL 10 1872

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Н. О. Важинъ, П. В. Везобразовъ, В. И. Вибиковъ, П. Д. Воборыкинъ, графъ П. Д. Вутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В. И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, проф. В. П. Даневскій, Н. П. Дружининъ-Ю. Г. Зависоцкій, проф. А. И. Загоровскій, П. В. Засодимскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. О. Каптеревъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, О. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, В. Е. Случевскій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣвъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. Е. Шеллеръ (А. Михайловъ), Г. Г. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:

За полгода:

Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб.	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики «Наблюдателя», желающіе получить второе, дополненное изданіе монографій редактора: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничныя приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причѣмъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу	8 р.	5 р.	4 р.

Библиотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжныя магазины, при которыхъ они состоятъ) пользуются разсрочкою платы *подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не меньше 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

К Л А Д Ъ.

Р о м а н ъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ Москвѣ Павелъ Андреевичъ пробылъ дней шесть и почти все это время или спалъ, или сидѣлъ въ креслѣ у окна, неодѣтый, иногда даже неумытый, со включенными волосами, снѣдаемый лихорадкой и тревожными мыслями.

— Ну, что?—по два, по три раза въ день спрашивалъ его Щипачевъ, который, напротивъ, былъ безконечно веселъ и по цѣлымъ днямъ проводилъ въ трактирахъ, на скачкахъ, въ загородныхъ театрахъ, навѣдываясь лишь на нѣсколько минутъ къ своему „расклеившемуся“ товарищу.

— Какъ ты мнѣ надоѣлъ съ этимъ твоимъ: „ну, что?“—съ досадой сказалъ, наконецъ, разсердившійся Павелъ Андреевичъ.—Да ничего... все прекрасно!

— Надоѣлъ или не надоѣлъ, а правду все таки нужно же говорить,—совершенно спокойно отвѣчалъ Щипачевъ.— Нельзя такъ сидѣть и киснуть, какъ ты сидишь и киснешь. Боленъ,—такъ полагается лѣчиться; усталъ,—такъ нужно отдыхать; если же тебѣ скучно, такъ „слѣдуетъ себя веселить“, какъ говорятъ нѣмцы. А то выходитъ одна какофонія.

Павелъ Андреевичъ отмахнулся рукой отъ него и отъ его какофоніи.

— Нѣтъ, право,—продолжалъ Щипачевъ.— Положимъ,

ты принимаешь теперь хину, да вѣдь отъ этого, по правдѣ говоря, мало удовольствія, потому что отъ нея дѣлаются только какіе-то тамъ завалы... Все это одна шелуха! А вотъ я тебѣ расскажу случай дѣйствительнаго исцѣленія, которое и произошло-то совсѣмъ на моихъ глазахъ. Былъ у меня товарищъ, тоже актеръ. Не умѣю тебѣ объяснить, съ чего это съ нимъ приключилось, только вдругъ онъ завелъ точь въ точь такую же какофонію, какую ты теперь тянешь: и лихорадка у него, и аппетита нѣтъ рѣшительно ни къ чему, и тоска смертная. Кись, кись человекъ, ѣлъ, ѣлъ эту хину,—все никакого толку. Случились у насъ къ этому самому времени проводы одного товарища. Взялъ я моего больного, чуть не насильно затащилъ его на эти проводы, да и съ самага же перваго момента прописалъ ему забористаго коньяку, — рюмку, другую, третью... Ну, и пошло, и пошло... Съ обѣда, слѣдовательно, часовъ такъ съ четырехъ, пилъ онъ до утра; утромъ ввязался на улицѣ въ драку съ подгулявшими канцеляристами и получилъ синякъ на лѣвую скулу; до вечера спалъ, а къ вечеру проснулся, я тебѣ скажу, здоровехонекъ, какъ будто никакой лихорадки даже и во снѣ не видалъ. Вотъ это такъ настоящая система лѣченія!

Павель Андреевичъ курилъ, смотрѣлъ въ открытое окно на бульваръ и молчалъ.

— А главное, признаться по правдѣ,—продолжалъ со-товарищъ, помолчавъ и посмотрѣвъ на него, — не нравятся мнѣ твои глаза. Какъ только вспомню о нихъ, гдѣ бы я ни былъ, такъ сейчасъ же и забеспокоюсь: а вдругъ ты надѣнешь шляпу на голову и вздумаешь прогуляться по бульварамъ въ этомъ самомъ костюмѣ,—въ нижнемъ бѣльѣ и въ пальто, накинутомъ на ночную рубашку? И что только сидить у тебя въ головѣ въ то время, когда ты глядишь такими глазами? Желалъ бы, желалъ бы я это знать!

Не говоря ни слова, Павель Андреевичъ освободилъ отъ папирсы правую руку и началъ что-то писать указательнымъ пальцемъ на подоконникѣ. Щипачевъ не обратилъ на это вниманія, но еслибы онъ всмотрѣлся попристальнѣе, то, по всей вѣроятности, увидѣлъ бы, что его товарищъ трижды написалъ одно и то же слово: „воръ“.

— Ты видѣлъ, что я написалъ? — спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, не видѣлъ. Что такое ты написалъ?

— То самое, что сидить у меня въ головѣ и что тебѣ такъ желалось бы знать.

— Ахъ, дьяволятина... прозѣваль!.. А въ другой разъ ты не потрудишься написать?

— Нѣтъ, въ другой разъ не напишу.

Въ первые два, три дня своего пребыванія въ Москвѣ Павелъ Андреевичъ никакъ не могъ повѣрить тому, что те перь уже все кончено и все устроилось благополучно. Ему думалось, напротивъ, что не только не наступилъ конецъ его терзаніямъ, а именно теперь-то и начинаются самые ужасные дни его жизни, потому что теперь онъ очутился въ положеніи какого-то звѣря, котораго будутъ выслѣживать, преслѣдовать, травить. И даже не „будутъ“ только, а ужъ выслѣживаютъ. Вотъ этотъ подозрительный человекъ въ цилиндрѣ, что уже цѣлый часъ ходитъ взадъ и впередъ подъ окнами по бульвару, безпрестанно поглядывая на подъѣздъ гостинницы, — можетъ быть, поставленъ именно слѣдить за нимъ. Тотъ оборванный малый съ цыганскимъ лицомъ, что уже два раза врвался къ нему въ номеръ, предлагая на продажу туфли, — можетъ быть, вовсе не сапожникъ и не торговецъ, а полицейскій сыщикъ. Вотъ эти люди, что вошли гурьбой въ коридоръ и молча идутъ по немъ, тоная, какъ лошади, — идутъ, быть можетъ, арестовать его. Да, ближе, прямо къ его двери... Нѣтъ, прошли дальше... Вздрагивая отъ лихорадочнаго озноба, засовывая руки, какъ въ муфту, въ рукава пальто, онъ то бродилъ по комнатѣ, прислушиваясь ко всякому голосу, раздававшемуся въ коридорѣ, то ложился, скорчившись, на диванъ и погружался въ тревожную дремоту до перваго подозрительнаго движенія въ гостинницѣ, которое тотчасъ же заставляло его поднимать голову, опять прислушиваться и ощупывать у себя въ карманѣ револьверъ.

Однако, мало по малу, взвѣсивая послѣдовательно всѣ обстоятельства, Павелъ Андреевичъ успѣлъ, наконецъ, убѣдить себя, что въ сущности ему не грозитъ почти ни малѣйшей опасности. Прошлая жизнь его, кажется, достаточно

безупречна, слѣдовъ его участія въ подкопѣ не могло остаться рѣшительно никакихъ, о векселѣ никто не знаетъ, денегъ у него нѣтъ и не будетъ, — и, слѣдовательно, совершенно немыслимое дѣло, чтобы у кого бы то ни было могли появиться хоть какіянибудь подозрѣнія на него... Послѣ этого, нервы его начали нѣсколько успокоиваться, но на душѣ все таки не сдѣлалось легче. „Воръ“! думалъ онъ, сжимая голову руками и смотря передъ собою тѣми полными тоски и отчаянія глазами, которые такъ беспокоили Щипачева. „Воръ, воръ!“ постоянно повторялъ онъ самому себѣ, какъ будто это слово было выжжено неизгладимыми буквами на его совѣсти. Ему думалось, что жизнь его теперь какъ будто уже кончена, а дальше пойдетъ одно какое-то жалкое доживаніе, безъ всякихъ надеждъ на чтонибудь хорошее въ будущемъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ: на что же хорошее можетъ надѣяться человѣкъ, который потерялъ уваженіе къ самому себѣ и знаетъ, что люди не отворачиваются отъ него только потому, что не знаютъ о немъ всей правды? Да, жизнь кончена... Вѣрнѣе, одна жизнь кончена и начинается другая, такая же темная, какъ вырытый имъ подземный ходъ. Одинъ, до нѣкоторой степени порядочный, человѣкъ умеръ, и остался другой, который постоянно будетъ думать со страхомъ, — не явились ли какіянибудь подозрѣнія на него, не скажутъ ли ему сегодня или завтра прямо въ лицо: „вѣдь ты *воръ!*“ Наконецъ, на шестой день своего сидѣнія въ Москвѣ, Павелъ Андреевичъ, лежавшій на диванѣ, вдругъ всталъ съ него и началъ собираться къ отъѣзду, говоря самому себѣ, что нужно же попробовать уйти куданибудь отъ этой гнетущей его тоски, нужно же чтонибудь дѣлать, хотя бы, напримѣръ, покончить съ векселемъ, который все таки нѣсколько беспокоилъ его.

На другой день, часу въ шестомъ вечера, онъ былъ уже у себя дома, а еще черезъ полчаса увидѣлся съ Муравлевымъ.

— Наконецъ-то! — вскричалъ Муравлевъ, увидѣвшій его съ балкона и вышедшій къ нему на встрѣчу, въ прихожую. — А я уже началъ было безпокоиться, — не захворалъ ли ты на чужой сторонѣ.

— Да я и въ самомъ дѣлѣ хворалъ и хвораю, — глухо отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.

— Что еще такое?

— Лихорадка.

Когда они вышли изъ прихожей въ залу и Муравлевъ могъ лучше разсмотрѣть своего товарища, — еще больше похудѣвшаго, постарѣвшаго и даже изможденнаго, — онъ только ахнулъ и качнулъ головою.

— Д-да! — проговорилъ онъ. — Ты и уѣхалъ отсюда не очень хорошъ, а воротился теперь... воплощеннымъ страданіемъ.

„Папочка“, по обыкновенію переваривавшій въ креслѣ въ углу свой обѣдъ, тоже подошелъ къ Павлу Андреевичу и тоже покачивая головой, говорилъ соннымъ голосомъ: „Да... да! Въ особенности нехороши глаза... нехороши глаза!“

— Ну, а ты... какъ себя чувствуешь? — спросилъ, проходя дальше въ кабинетъ, Павелъ Андреевичъ, намѣревавшійся было спросить: „какъ поживаешь“, но сейчасъ же подумавшій, что „какъ себя чувствуешь“ будетъ опредѣленіе и лучше.

— Ахъ, превосходно, отлично! Не знаю, сколько лѣтъ же я не чувствовалъ себя до такой степени хорошо! — воскликнулъ Муравлевъ, весело улыбаясь ему.

И пристально смотрѣвшій на него Павелъ Андреевичъ тотчасъ же увидѣлъ, что передъ нимъ дѣйствительно совсѣмъ другой Муравлевъ, — сбросившій съ своихъ плечъ угнетавшія его заботы, помолодѣвшій, оживившійся, даже какъ будто начавшій больше обращать вниманія на свой костюмъ и на свою наружность. Глаза горятъ, бѣлые зубы блестятъ изъ подъ усовъ, усы красиво подстрижены, прическа — другая, на щекахъ румянецъ.

— Знаешь ли, — продолжалъ Муравлевъ, ставъ колѣнями на стулъ и облокотившись обѣими руками на столъ, около котораго сидѣлъ Павелъ Андреевичъ, — многіе говорятъ, что вся наша жизнь идетъ полосами, — черная, бѣлая, черная, бѣлая... Никогда я не вѣрилъ въ эти полосы, а теперь, пожалуй, не прочь и повѣрить. Цѣлые годы шла у меня какая-то нескладная путаница и запутывалась все хуже и хуже. Неудачи во всемъ, непріятныя неожиданности на каждомъ

шагу. И вотъ, точно въ самомъ дѣлѣ шла, шла эта черная полоса и наконецъ сошла вся, а за нею потянулась бѣлая. Разомъ все перемѣнилось!.. Ты знаешь, больше всего меня беспокоили мои глаза и предстоявшая опасность остаться скоро безъ мѣста. И вдругъ, недѣли полторы назадъ, мнѣ предлагаютъ новое мѣсто, которое откроется мѣсяца черезъ четыре и будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше моего теперешняго. Потомъ, черезъ какіе нибудь три дня, устраняются мучившія меня денежныя затрудненія... Вскорѣ вслѣдъ за этимъ, тоже препорядочно озабочивавшая меня сестра Таня пишетъ, что помирилась со своимъ сбѣжавшимъ мужемъ и везетъ его для водворенія на прежнее мѣсто жительства. И—самое главное—по мѣрѣ того какъ улаживаются всѣ эти дѣла, я чувствую, что моимъ глазамъ дѣлается все лучше, точно и съ нихъ постепенно сходить что-то раздражавшее и развѣдавшее ихъ. Я не могу понять, что это такое, если только не предположить, что на нихъ дѣйствовало самымъ убійственнымъ образомъ то угнетенное состояніе, въ которомъ я постоянно находился...

— Слѣдовательно, теперь *все* хорошо? — съ удареніемъ спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— *Все, все* отлично!—выразительно отвѣчалъ Муравлевъ и тотчасъ же, опять отдавшись радостнымъ мыслямъ, тѣснившимся въ немъ, весело продолжалъ:—Право, чувствую себя какъ школьникъ, счастливо сдавшій страшный экзаменъ, или какъ больной, ускользнувшій почти отъ вѣрной смерти. Не могу нарадоваться на жизнь... мечтаю... собираюсь устроить ее теперь совсѣмъ, совсѣмъ иначе. Довольно съ меня той денежной путаницы, изъ которой я едва вылѣзъ. Довольно съ меня того ужаса, котораго я натерпѣлся. Будетъ! Брошу эту квартиру, разгоню эту орду бабъ... Найму себѣ квартиру въ три или четыре комнаты, изъ прислуги буду держать всего одного человѣка, какого нибудь простаго запаснаго солдата, который будетъ меня вслечать: „ваше благородіе“... Буду понемногу уплачивать долги, буду жить да поживать себѣ спокойно, главное—спокойно... Начну теперь совсѣмъ новую жизнь.

Вдругъ, точно вспомнивъ что-то даже болѣе важное и интересное, чѣмъ все то, о чемъ говорилъ до сихъ поръ, онъ

стукнулъ по столу карандашемъ, который держаль въ рукѣ, и воскликнулъ:

— Да!.. что я тебѣ скажу... Ты помнишь Тонева?

Павель Андреевичъ вспомнилъ сначала только одного Тонева, Николая, который уже давно умеръ. Потомъ ему смутно припомнился другой Тоневъ, студентъ, котораго онъ довольно часто встрѣчалъ у Муравлева въ старые годы, — высокій, худощавый, нервный, всегда страстно спорившій съ Муравлевымъ и съ тоскою восклицавшій: „Ахъ, господа! такъ нельзя смотрѣть на вещи, господа“, хотя никакихъ господъ передъ нимъ не было, потому что говорилъ обыкновенно одинъ только Муравлевъ, а Павель Андреевичъ только слушалъ, совсѣмъ не вмѣшиваясь въ эти мало интересные для него отвлеченные споры.

— Обоихъ Тоневыхъ помню...

— Признаться, о Николаѣ я совсѣмъ забылъ. Я говорю объ Алексѣѣ... Онъ теперь здѣсь, — прѣхалъ сюда, къ сестрѣ; у него здѣсь сестра...

— Что же онъ? — спросилъ Павель Андреевичъ, продолжая думать, что Муравлевъ недаромъ же заговорилъ о Тоневѣ въ то время, когда говорилъ о переустройствѣ всей своей жизни.

— Вотъ... божій человѣкъ... именно божій человѣкъ! Ты помнишь, онъ и въ прежніе годы громилъ нашу жизнь еще пуще, чѣмъ я ее громилъ. Разница была только въ томъ, что я говорилъ: „такая она есть и такую останется еще очень долго“, а онъ говорилъ, что чуть ли не завтра должна начаться новая жизнь. Ну, вотъ всѣ эти годы онъ и старался завести себѣ новую жизнь. Работалъ за десятерыхъ, зарабатывалъ по временамъ очень большія деньги и всѣ ихъ просяживалъ на разныя тамъ артели, потребительныя и производительныя ассоціаціи, общежитія и Господь еще знаетъ на что. Лопалась одна изъ этихъ затѣй, — онъ заводилъ другую; оказывались никуда негодными одни люди, — немедленно принимался вербовать другихъ, лучшихъ... И вотъ, черезъ десять лѣтъ этой погони за новой жизнью, онъ въ концѣ концовъ пришелъ къ тому самому, съ чего слѣдовало бы начать, то есть къ тому, что для новой жизни прежде всего нужны новые люди съ новой душой, съ новымъ сердцемъ и, пожа-

луй, съ новою кровью. Жаль бѣднягу!.. Не то, чтобы онъ разочаровался и отчаялся во всемъ. Онъ говоритъ, что вотъ только отдохнетъ немного и опять примется за работу, только уже съ другаго конца. А какая тутъ работа, когда ему осталось жить не годы и даже не мѣсяцы, а всего какихъ нибудь нѣсколько недѣль. У него что-то въ родѣ скоротечной чахотки, да еще съ нѣкоторыми осложненіями. Строилъ, строилъ человѣкъ новую жизнь для другихъ людей, ничего не выстроилъ, а только свое собственное здоровье разстроилъ до того, что не вынесъ первой поряточной простуды.

Помолчавъ немного, Муравлевъ прибавилъ:

— Чудакъ! Знаешь, что онъ сказалъ, когда услышалъ о подкопѣ подъ нашъ банкъ? „Ну, что жъ... волка не убили, а все таки хоть одинъ зубъ у него выбили!“ Всѣ эти банки, биржи, всякихъ видовъ процентчики—это для него предметъ особенной ненависти.

Посмотрѣвъ на него и продолжая недоумѣвать,—неужели онъ говорилъ о Тоневѣ только затѣмъ, чтобы передать эти его слова, Павелъ Андреевичъ спросилъ:

— Кстати, не слышно ли чего нибудь новаго объ этомъ нашемъ подкопѣ?

— Ничего новаго. Да и вообще ничего нѣтъ. Пришли, взяли и ушли,—вотъ и все. Утверждаютъ только, что подкопъ сдѣланъ специалистомъ своего дѣла, очевидно, не въ первый разъ производившимъ работу этого рода,—прибавилъ Муравлевъ, смотря прямо въ угрюмые глаза Павла Андреевича и кусая губы, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Вчера я слышалъ изъ вѣрнаго источника: доискались, что вещи, оставленные этими господами, куплены въ Петербургѣ,—сказалъ проснувшійся „папочка“, остановившись въ дверяхъ и перевязывая у себя на шеѣ галстукъ.

— Ну, это немного,—насмѣшливо замѣтилъ Муравлевъ.

— Все таки нить...

Павелъ Андреевичъ, облокотившись обѣими руками на колѣни, положилъ голову на ладони и пересталъ спрашивать. Онъ зналъ напередъ, что слушать всѣ эти разговоры и рассказы о подкопѣ будетъ для него очень тяжело, но все таки не ожидалъ, что это будетъ такъ тяжело и больно, какъ оказалось на самомъ дѣлѣ.

— Однако, я вижу, тебѣ порядочно нездоровится, — ска-
алъ Муравлевъ.

— Нехорошо.

— А я сталъ рассказывать тебѣ о Тоневѣ именно въ
азсчетъ на то, что не пойдемъ ли мы сегодня повидаться
ъ нимъ.

— Нѣтъ, я вовсе не въ такомъ настроеніи, чтобы хо-
ить по гостямъ, — пасмурно проговорилъ Павелъ Андрее-
ичъ. — По необходимости, схожу завтра въ гости къ Дивову,
потомъ, пожалуй, опять уѣду, чтобы только ни съ кѣмъ не
идѣться. Не знаю даже, зайду ли къ дядѣ, чтобы посмо-
рѣть, что съ Яшей... Ты ничего не слыхалъ, — что у нихъ
амъ дѣлается?

— Должно быть, ничего нѣтъ новаго. Шлеинъ бывалъ у
меня не одинъ разъ, но ничего не говоритъ, хотя недавно,
апримѣръ, разговоръ довольно долго ходилъ совсѣмъ около
ихъ, потому что говорили... *о тебѣ*. Нужно тебя предупре-
ить на всякій случай, что Шлеинъ почему-то очень интере-
уется тобой: куда ты уѣхалъ, давно ли уѣхалъ, скоро ли
амѣревался возвратиться...

Павелъ Андреевичъ молча поднялъ на него свои больные
и печальные глаза, какъ будто спрашивая: „Это еще что
акое?“

— Шлеинъ — дуракъ, — продолжалъ Муравлевъ, взглянувъ
симоходомъ, ушелъ ли „папочка“ изъ залы. — Ему, очевидно,
чень хотѣлось выпытать у меня что-то такое о тебѣ, но кон-
илось тѣмъ, что о твоихъ дѣлахъ онъ, разумѣется, ничего
е узналъ, а себя выдалъ. Разспрашивая о тебѣ, онъ ни къ
елу ни къ городу заговорилъ вдругъ о Дивовѣ, такъ что для
меня сейчасъ же стало ясно, что ты сидѣлъ у него въ головѣ
очему-то рядомъ съ Дивовымъ. А о Дивовѣ онъ рассказы-
алъ, что старикъ не прочь иногда препорядочно выпить на
ужой счетъ, и ловкіе люди, намѣревающіеся перехватить у
его деньжонокъ, нерѣдко пользуются этою слабостью. Заве-
утъ его куданибудь въ хорошую гостинницу, угостятъ, под-
оятъ... И когда онъ дойдетъ до извѣстнаго градуса, тогда,
о словамъ Шлеина, дѣлается совсѣмъ ручнымъ: смѣшли-
ымъ, довольно щедрымъ, очень откровеннымъ и даже болт-
ивымъ...

Павелъ Андреевичъ всталъ, пораженный этимъ новымъ грозившимъ ему несчастіемъ, и машинально доставалъ изъ кармана часы.

— Понимаешь?—сказалъ Муравлевъ, тоже вставая.—Что же касается до меня, то я сильно подозреваю, что какая нибудь компанія, со Шлеинымъ въ томъ числѣ, недавно ушла Дивова, и старый грѣхпроводникъ сболтнулъ что нибудь о твоёмъ векселѣ.

Павелъ Андреевичъ посмотрѣлъ наконецъ на часы, которые уже съ минуту держалъ въ рукѣ.

— Этого еще не доставало! — проговорилъ онъ сквозь стиснутые зубы, съ тоскою думая, что, въ самомъ дѣлѣ, тогда только и не доставало, чтобы теперь, послѣ всего имъ вынесеннаго и сдѣланнаго, исторія съ векселемъ все таки стала бы извѣстна всѣмъ.—Восьмой часъ... Я хотѣлъ сходить къ Дивову завтра утромъ, но если ты можешь дать мнѣ деньги сейчасъ, я сейчасъ и пойду.

Муравлевъ молча выдвинулъ ящикъ письменнаго стола чтобы достать деньги. Павелъ Андреевичъ, взявъ свою шляпу ходилъ крупными шагами по кабинету и думалъ, что Дивовъ могъ не только проговориться, но и показать кому нибудь вексель; могъ, наконецъ, совсѣмъ не проговариваясь, а съ совершенно трезвой головой и спокойнымъ расчетомъ, пойти къ дядѣ и показать ему вексель... „Этого еще не доставало только этого одного не доставало!“ мысленно повторялъ онъ и въ немъ все сильнѣе и сильнѣе поднималась страшная злоба на все и на всѣхъ,—на людей, на обстоятельства, на судьбу, не дававшую ему отдыха и безопасно обрушивавшую на него ударъ за ударомъ. Конца этому нѣтъ, нѣтъ, и не видно! Взявъ извощика, онъ, черезъ какихъ нибудь десять минутъ, былъ уже на Соборной улицѣ, передъ двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ Дивова. Ходъ въ квартиру былъ со двора Павелъ Андреевичъ вошелъ въ калитку и сейчасъ же увидѣлъ самого Дивова, который, въ тужуркѣ и бѣлой фуражкѣ, присматривалъ за работою плотника, поправлявшаго рѣшетчатые ворота въ садъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, хоть засталъ васъ дома,—угрюмо сказалъ Павелъ Андреевичъ, думавшій дорогой, что теперь ему остается еще раза три не застать Дивова дома

— Мнѣ нужно передать вамъ кое-что... очень интересовавшее ась недѣли двѣ назадъ.

Сначала Дивовъ посмотрѣлъ на него нѣсколько смущенно какъ будто подозрительно, но при послѣднихъ словахъ нѣсколько улыбнулся.

— А!.. Пріятныя вѣсти пріятно и слушать. Теперь это вѣщо интересуеть меня, пожалуй, даже больше прежняго. Ийдемте, ийдемте, милости просимъ!—сказалъ онъ.— Невѣрку назадъ я опять навѣдывался къ вамъ, чтобы спрашиться, не пришло ли отвѣта отъ вашего товарища. Хозяйка ваша сказала мнѣ, что вы уѣхали въ Москву, и я тогда же подумалъ, что, вѣроятно, вы заблагоразсудили лучше повидаться лично съ вашимъ товарищемъ, чѣмъ списываться письменно...

Павелъ Андреевичъ молчалъ. Было не похоже на то, чтобы Дивовъ показывалъ вексель дядѣ. Но было очень, очень похоже на то, что онъ говорилъ объ этомъ векселѣ или даже показывалъ его кому нибудь другому. „Навѣрное говорилъ, можетъ быть, даже цѣлой полуцѣпной компаніи, потому что иначе онъ не смотрѣлъ бы такимъ сконфуженнымъ, когда видѣлъ меня!“ думалъ Павелъ Андреевичъ, стараясь не поднимать своихъ полныхъ злобы глазъ на этого ненавистнаго ему теперь стараго паука, предупредительно отворявшаго передъ нимъ двери и пропускавшаго его впередъ. Когда пришли въ кабинетъ, Дивовъ подвинулъ Павлу Андреевичу стулъ на минуту ушелъ въ другую комнату. Возвратившись оттуда въ векселемъ и еще разъ попросивъ своего гостя садиться, сѣлъ самъ за письменный столъ, стоявшій бокомъ къ окну, надѣлъ очки, подвинулъ къ себѣ счеты и принялся вычитывать проценты. Павелъ Андреевичъ продолжалъ стоять, зловотившись на конторку, и со сдвинутыми бровями, смущенной внизъ головой угрюмо смотрѣлъ на блестявшій, какъ зеркало, полъ и на узорчатую холщевую дорожку, лежавшую посрединѣ его, отъ двери до двери. Потомъ онъ пошелъ на столъ деньги. Дивовъ пересчиталъ ихъ и передалъ вексель. Павелъ Андреевичъ осмотрѣлъ его, разорвалъ и положилъ въ карманъ.

— Теперь я попрошу васъ отвѣтить мнѣ вотъ на какой вопросъ: показывали вы этотъ вексель кому нибудь, или не

показывали? — рѣзко спросилъ онъ и, сжавъ рукой спину подвинутого ему вѣнскаго стула, думалъ, что если услышитъ „да“, то въ ту же секунду изо всей силы ударитъ этимъ кулакомъ Дивова и избьетъ его, какъ собаку.

Все еще возившійся съ деньгами, Дивовъ поднялъ голову и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него поверхъ оправы своихъ очковъ.

— Съ какой стати-съ? — спросилъ онъ даже нѣсколькими дрогнувшимъ отъ обиды голосомъ. — Я веду дѣла не по бабьему. Вотъ есть здѣсь одна барыня, которая тоже вздумала заниматься денежными операціями, такъ у нея это случается.

— И никому не говорили о немъ?

Теперь Дивовъ снялъ очки и, весь наморщившись, обѣими руками почесалъ у себя за ушами.

— А, успѣли таки разнести по всѣмъ улицамъ! — съ досадою проворчалъ онъ, отталкивая отъ себя счета въ одну сторону, очки въ другую. — Право, ужъ не знаю, что я говорилъ и чего не говорилъ... Вышелъ тутъ, изволите ли вы думать, такого рода грѣхъ. Нѣкоторые теплые ребята, съ Басильемъ Васильевичемъ, вашимъ двоюроднымъ братцемъ и главѣ, затащили меня въ гостинницу... ну, и угостили, препорядочно нагрѣли вашего покорнѣйшаго слугу, — иначе говоря, вытянули у меня двѣсти пятьдесятъ рублей, которыми я врядъ ли ворочу теперь добромъ. Что тамъ говорилось въ это время этого угощенія, — я, какъ есть, ничего не помню. Только два дня спустя, Василій Васильевичъ опять встрѣчается со мной и съ ехидной этакой улыбочкой спрашиваетъ меня между прочимъ: „Такъ у васъ находится трехтысячный вексель моего двоюроднаго брата, а? И за вѣрную подпись нашего общаго дядюшки, который, однако же, никакихъ векселей не подписывалъ, а?“ Сначала я было озадачился, но потомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло. „Кто это вамъ наскандалилъ?“ — спрашиваю. „Да вы же сами, два дня назадъ, въ Европейской гостинницѣ... Развѣ не помните?“ — говоритъ. Ну, я, разумѣется, засмѣялся и говорю ему: „Такъ неужел же вы не поняли, что я просто пошутилъ въ застойной бесѣдѣ? Мало ли что люди мелютъ, когда заложать себѣ за галстукъ? Съ вашимъ двоюроднымъ братцемъ у меня дѣйствительно бывали денежные дѣла, но только сотни на двѣ, н

три; а чтобы ему выдавать и мнѣ отъ него принимать трехтысячные векселя, такъ для этого ни онъ, ни я недостаточно богатые люди. Извините“. Вотъ что я ему сказалъ, и можете быть совершенно спокойны, что даже родной отецъ не узналъ бы отъ меня ни чуточки больше этого. Я веду дѣла не по бабьи-съ...

Павелъ Андреевичъ вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ, хотя на душѣ у него все таки было тяжело и горько.

— Такъ онъ сказалъ, что дядя не подписывалъ никакихъ векселей? Однако, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь, что этотъ вексель подписанъ дѣйствительно дядей?—съ горечью спросилъ онъ, собравшись уходить.

— Знаю, очень хорошо понимаю-съ... Мало ли какія обстоятельства бывають въ жизни... Я ни на одну минуту не сомнѣвался, что получу мои деньги акуратно и ни до какихъ неприятностей вы меня не доведете,—сказалъ, вставая, Дивовъ, отлично знавшій почеркъ Алексѣя Тихоновича, — съ которымъ былъ нѣкогда пріятелемъ, но потомъ поссорился, — и все время думавшій, что безхарактерный старикъ просто поручился за племянника тайкомъ отъ своихъ домашнихъ, въ сущности, отъ жены.

Выдя на улицу, Павелъ Андреевичъ медленно пошелъ по направлению къ Соборной площади и съ тоскою думалъ: кончено ли съ этимъ несчастнымъ клочкомъ бумаги, отравившимъ ему жизнь, или еще не все кончено? Вѣрнѣе, что еще не все. Василій Васильевичъ, Шлейнъ, Валентина Константиновна и многіе, многіе другіе, привыкшіе вѣрить скотѣ дурному, чѣмъ хорошему, ни за что не повѣрятъ, что Дивовъ шутилъ, когда говорилъ въ гостинницѣ о существованіи у него этого трехтысячнаго векселя съ бланковою надписью дяди. Не повѣрятъ, не захотятъ повѣрить. Скажутъ: какими вещами не шутятъ дѣловые люди, и, пожалуй, будутъ правы. Сначала всѣ они будутъ ожидать, что вотъ—отъ скоро, когда подойдетъ срокъ уплаты по векселю, эта сторія обнаружится. А потомъ, когда время будетъ идти и ти, ничего не обнаруживая, нѣсколько разочаруются, но у всѣхъ у нихъ останется непоколебимое убѣжденіе, что все эти въ жизни Павла Андреевича было нѣчто таинственное темное, изъ чего онъ успѣлъ выпутаться какими-то неиспо-

вѣдимыми путями. Какъ сумѣлъ онъ выпутаться? Откуда могъ достать такія большія деньги? зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Москву, когда у него нѣтъ тамъ никого, съ кѣмъ бы онъ даже изрѣдка переписывался? Зачѣмъ ему нужно было передъ этимъ выходить въ отставку?.. И вотъ, когда они будутъ ломать себѣ головы надъ этими вопросами, достаточно будетъ какойнибудь самой ничтожной случайности, чьейнибудь шутки, что онъ участвовалъ въ подкупѣ подъ банкъ,—этого совершенно достаточно будетъ, чтобы противъ него зародилось подозрѣнiе, что, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ причастенъ этому подкупу. А разъ зародилось такое подозрѣнiе, оно непременно выростетъ и богъ знаетъ до чего можетъ дойти и довести. Вѣдь у Дивова, по всей вѣроятности, есть какіянибудь счетныя книги, въ которыя онъ заноситъ всѣ свои денежныя сдѣлки и операціи. Да, наконецъ,—и помимо книгъ,—если къ нему обратится за справками полиція, съ какой стати будетъ онъ скрывать, что у него дѣйствительно былъ трехтысячный вексель Павла Андреевича съ надписью его дяди?

Въ это время Павелъ Андреевичъ шелъ все также медленно по боковой аллеѣ городского сада на Соборной площади. Дойдя до одной изъ скамеекъ, онъ машинально сѣлъ на нее и, въ порывѣ овладѣвшаго имъ отчаянiя, охватилъ голову руками. Тотчасъ же опомнившись, онъ отнял руки и увидѣлъ устремленные на него глаза проходившей мимо дѣвушки или молодой женщины, — темные, выразительные, смотрѣвшіе какъ будто съ нѣкоторымъ страхомъ и, вмѣстѣ, съ соболѣзнованiемъ и участiемъ. Въ ту же секунду она перестала смотрѣть на него и немножко ускоренными шагами прошла дальше, но Павелъ Андреевичъ еще нѣсколько времени продолжалъ смотрѣть ей вслѣдъ. Чтò она подумала о немъ? Приняла его за сумашедшаго? за пьянаго? за больного? Нужно же раскиснуть до такой степени, что незнакомые люди, встрѣтившіеся на улицѣ, начинаютъ обращать на него вниманiе! Закуривъ папиросу, онъ пошелъ по аллеѣ дальше, къ тому ея концу, близъ котораго проходила Московская улица. Вотъ и домъ дяди. Остановившись около подъѣзда, Павелъ Андреевичъ съ минуту думалъ: идти или не идти къ дядѣ? Само собою разумѣется, что это свиданiе

не доставить ему никакого удовольствія, но дѣло идетъ теперь не объ удовольствіяхъ, а о томъ, какъ лучше поступить, чтобы избѣжать грозящихъ опасностей. Конечно, лучше идти. Дядя уже слышалъ отъ Василья Васильевича о векселяхъ, слѣдовательно, непременно заговорить о немъ, и если ему сказать рѣшительно, что никакого векселя нѣтъ, то, можетъ быть, еще удастся положить конецъ всѣмъ толкамъ и догадкамъ. Непременно нужно идти. Тѣмъ болѣе, что быть здѣсь и не зайти къ дядѣ—значить дать поводъ къ новымъ пересудамъ и подозрѣніямъ. Изъ передней онъ услышалъ смѣхъ и говоръ въ нѣсколько голосовъ, мужскихъ и женскихъ. Очевидно, у дяди были гости. Когда онъ вошелъ въ залу, всѣ, сидѣвшіе вокругъ стола за картами, замолчали, и, какъ ему показалось, на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, — дяди, Валентины Константиновны, Шлеина, Василя Васильевича и его жены, — выразились удивленіе и любопытство. Послышались сдержанныя восклицанія: „а!“ „вотъ это кто!“ и затѣмъ опять всѣ замолчали и смотрѣли на него. Пожавъ руки однимъ, раскланявшись съ другими, Павелъ Андреевичъ сѣлъ около дяди.

— Ну, какъ теперь ваше здоровье, дядя?—спросилъ онъ, очень довольный тѣмъ, что ему удалось держать себя такъ, какъ онъ держался и прежде съ этими людьми.

— Живу еще!—не сразу и неопредѣленнымъ тономъ отвѣчалъ старикъ, какъ будто не зная, какъ ему говорить съ племянникомъ.—Вотъ добрые люди развлекаютъ меня, играютъ въ дурачки...

Жена Василя Васильевича хихикнула.

— Какіе же это дурачки? Это мушка,—сказала она.

— Ну, въ мушку... Гдѣ же это ты пропадалъ столько времени?

Павелъ Андреевичъ курилъ папиросу и, повидимому, совершенно спокойно посмотрѣлъ сначала на жену своего двоюроднаго брата, когда она хихикнула, потомъ опять на дядю,—на его теплый сюртукъ, на глухой жилетъ, застегнутый подъ самое горло, на озабоченное лицо съ опущенными внизъ глазами.

— Я уѣзжалъ въ Москву.

— И я слышалъ, что будто бы въ Москву... Да что та-

кое тебѣ тамъ понадобилось? Недѣли двѣ, должно быть, ты пропадалъ, если не больше. И никому не сказавшись...

— Такъ вышло, неожиданны для меня самого,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—Мнѣ вздумалось отъ скуки съѣздить на день, много на два, въ N., повидаться съ товарищемъ, съ которымъ давно не видался. Изъ N. я попалъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ Москву... Потомъ захворалъ,—схватилъ лихорадку, отъ которой не могу отдѣлаться и по сіе время. Да не знаю... пожалуй, заберу кое-какія нужныя вещи и опять уѣду. Можетъ быть, я совсѣмъ переселюсь туда на житье...

— Вотъ ты какъ!—проговорилъ старикъ, въ первый разъ посмотрѣвъ ему прямо въ глаза и почувствовавъ въ глубинѣ души искреннее сожалѣніе, что племянникъ, на котораго онъ столько лѣтъ привыкъ смотрѣть почти какъ на сына, какимъ-то несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ отдалается отъ него все больше да больше и вотъ, наконецъ, собирается уѣхать совсѣмъ.

— Кажется, что такъ будетъ лучше,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—Конечно, жаль уѣзжать отсюда: привыкъ я и къ городу, и къ людямъ. Но за послѣднее время мнѣ что-то не повезло здѣсь,—все разлаживается и расклеивается. Не знаю... Однако, гдѣ же Яша?—прервалъ онъ самого себя.

— Боленъ нашъ Яша,—тихо сказалъ старикъ и вздохнулъ, думая о томъ, что вотъ тоже и Яша каждый день справляется о своемъ Павлѣ Андреевичѣ и, видимо, страшно тоскуетъ о немъ.

— Все то же, что и прежде, или есть чтонибудь новое?

— Нѣтъ, все тоже... да довольно и этого!—съ горечью пробормоталъ дядя и махнулъ рукой.

— Надо будетъ пойти повидаться съ нимъ,—сказалъ Павелъ Андреевичъ, вставая и туша папиросу.

Дядя тоже всталъ, вздумавъ навѣстить больного сына вмѣстѣ съ нимъ. Комната Яши была отдѣльная, съ ходомъ изъ прихожей, довольно длинная, но въ одно окно. На столѣ передъ окномъ горѣла маленькая лампа синяго стекла. У дальней стѣны виднѣлась бѣлая постель, но къ постели Яша даже не подходилъ въ то время, когда былъ боленъ. Въ углу около стола стояло старинное, обитое кожей, кресло съ очень высокой прямоугольной спинкой, и въ немъ-то про-

сизиваль Яша, во время болѣзни, дни и ночи. Въ немъ сидѣлъ онъ и теперь, въ туфляхъ на босу ногу, въ нижнемъ бѣльѣ, въ старомъ синемъ пальто поверхъ его, свѣсивъ голову на грудь и положивъ руки на обтянутыя кожей ручки кресла. Въ двухъ шагахъ отъ него, лежала на полу комнатная собака Лайка, и—казалось— что этотъ неподвижный человѣкъ по цѣлымъ часамъ не можетъ отвести глазъ отъ собаки, а собака приставлена кѣмъ-то неотлучно слѣдить за нимъ. Когда отецъ и двоюродный братъ отворили дверь и вошли въ комнату, Яша даже не пошевелился, хотя по его раскрытымъ глазамъ, съ ихъ то расширившимися, то суживавшимися зрачками, было видно, что онъ не спитъ. Но когда Павелъ Андреевичъ сказалъ, подойдя къ нему: „что, братъ, Яшурка, плохо?“—онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, и на его лицѣ показалось что-то въ родѣ радостной улыбки, искаженной болью, которая всегда усиливалась у него при малѣйшемъ движеніи.

— Какъ видно, очень даже плохо?—повторилъ Павелъ Андреевичъ, сядя около него.

Яша провелъ рукой посерединѣ головы, ото лба къ затылку, показывая, что у него будто раскалывается черепъ.

— Скверное дѣло. Ну, мнѣ тоже не очень хорошо,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.—Я поѣхалъ на день, на два повидаться съ товарищемъ, и тоже расхворался. Больше недѣли просидѣлъ въ гостинницѣ вотъ точно также, какъ сидишь ты, да и теперь еще не могу оправиться.

— Голова?

— Да, и голова, и все... Лихорадка.

Яша медленно поднялъ свою свѣсившуюся опять голову, чтобы посмотрѣть на него.

— Больно поворачивать глаза,—сказалъ онъ.—И голову поднимать больно. И все больно... Да, и ты нездоровъ, очень... я вижу. Я видѣлъ, что ты былъ нездоровъ и тогда, когда еще не уѣзжалъ.

— Я самъ теперь думаю, что лихорадка потихоньку заползала въ меня еще въ то время.

— Я видѣлъ... только думалъ, что у тебя какія нибудь дѣла... или неприятности, или заботы. А?

— Какія у меня дѣла, милый!—съ нѣкоторою грустью и

горечью отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—Бездѣльничая,—вотъ и все. Непрiятности есть, разумѣется, да у кого и когда ихъ не бываетъ? А забота у меня только одна: какъ-то удастся мнѣ устроиться въ будущемъ. Не знаю...

Яша хотѣлъ спросить еще: какія у него непрiятности и не нуждается ли онъ въ деньгахъ, но, вспомнивъ, что тамъ, у дверей, стоитъ отецъ, при которомъ Павелъ Андреевичъ, все равно, не станетъ говорить откровенно, замолчалъ. Голова его начала опускаться все ниже и ниже на грудь, дыханіе дѣлалось тяжелѣе, брови слегка нахмурились. Онъ сердился на нелюбимыхъ имъ людей, говоръ и смѣхъ которыхъ глухо доносился сюда изъ залы сквозь затворенныя двери; сердился на отца, промѣнявшаго Павла Андреевича на этихъ людей, и, отъ волненія, боль въ головѣ становилась у него все невыносимѣе и невыносимѣе, до того, что наконецъ на его глазахъ показались слезы. Увидѣвъ, что настала одинъ изъ тѣхъ приступовъ боли, когда, самое лучшее было оставить Яшу въ полномъ покоѣ,—не говорить съ нимъ и даже не глядѣть на него,—Павелъ Андреевичъ тихо вышелъ изъ комнаты.

— Съ тобою, по крайней мѣрѣ, хотъ говорить. Съ другими ни съ кѣмъ и не говорить,—со вздохомъ сказалъ старикъ и, дотронувшись до локтя Павла Андреевича, направлявшагося къ двери въ залу, прибавилъ:—Нѣтъ, зайдемъ прежде ко мнѣ въ комнату; мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Они молча прошли въ кабинетъ. Старикъ разсѣянно передвинулъ зачѣмъ-то стулъ съ одного мѣста на другое, передвинулъ лампу на столъ, взглянулъ на какія-то бумаги, лежавшія подлѣ нея, и вообще смотрѣлъ человѣкомъ очень задумавшимся и даже забывшимъ, для чего онъ сюда пришелъ. Теперь, когда онъ побывалъ въ комнатѣ больного сына, очевидно, такъ привязаннаго къ своему двоюродному брату, ему стало еще тяжелѣе думать, что Павелъ Андреевичъ уйдетъ куда-то за тысячу верстъ. Каково будетъ тогда бѣдному Яшѣ съ этими нелюбимыми имъ Васильями Васильевичами, Шлеинными и другими, имъ подобными франтами, которые теперь таскаются къ нимъ въ домъ? Да, признаться, и у него, старика, не лежитъ сердце ко всѣмъ этимъ господамъ. Нѣтъ, не лежитъ. Не смотря на весь тотъ серьезный

разладъ, какой вышелъ между нимъ и Павломъ Андреевичемъ изъ-за ихъ отношеній къ Валентинѣ Константиновнѣ, онъ все таки не промѣнялъ бы Павлушу ни на кого.

— Вотъ что, братецъ,—сказалъ онъ наконецъ, повернувшись къ племяннику.—Скажи ты мнѣ, пожалуйста, откровенно: какія у тебя дѣла съ Дивовымъ?

Павель Андреевичъ, облокотившійся обѣими руками на спинку кресла, придалъ своему лицу нѣсколько удивленное выраженіе. Чувствуя, что, по милости Яши, дядя относится къ нему теперь скорѣе дружелюбно, чѣмъ враждебно и подозрительно, онъ былъ почти совершенно спокоенъ.

— Съ Дивовымъ?!. Какія у меня могутъ быть съ Дивовымъ дѣла, кромѣ денежныхъ? Нѣсколько разъ я занималъ у него деньги, по двѣсти, по триста рублей, вотъ и все,—сказалъ онъ.

— Тутъ пошли какіе-то странные толки. Говорять, у него есть твой вексель на большую сумму... Будто бы онъ самъ проговорился въ пьяномъ видѣ, что вексель на три тысячи и за моимъ поручительствомъ...

— Пустяки какіе!.. На три тысячи!.. Это или пьяная, глупая шутка съ его стороны, или недоразумѣніе какое нибудь, или, всего вѣрнѣе, сплетня. Послѣдній мой вексель у него былъ на триста рублей. Да и то *былъ*... А теперь у него нѣтъ ровно никакого моего векселя, не только на три тысячи рублей, но и на три тысячи копѣекъ.

Старикъ пожалъ плечами.

— Я такъ и думалъ, что это вранье, — сказалъ онъ.— Но, признаться, меня сбивало съ толку одно обстоятельство. Помнишь ты, когда былъ у меня въ послѣдній разъ, вотъ въ этой самой комнатѣ, то говорилъ Валентинѣ Константиновнѣ, что у тебя есть какой-то долгъ чести... что тебѣ необходимо найти и уплатить три тысячи.

Павла Андреевича точно огнемъ обожгло воспоминаніе объ этихъ глупо вырвавшихся у него словахъ.

— Да вѣдь это же была шутка! — воскликнулъ онъ, покраснѣвъ.

— Знаю, что шутка. Тогда я такъ и посмотрѣлъ на твои слова, какъ на шутку. Но вотъ теперь опять слышу: три

тысячи... Положимъ,—думалъ я,—могло быть просто совпаденіе, но все таки неприятно...

— А могло быть и такъ, что именно изъ этой шутки о трехтысячномъ долгѣ чести и выросъ слухъ о трехтысячномъ векселѣ,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.—Интересно было бы знать: говорилъ ли Дивовъ объ этомъ векселѣ комунибудь съ глазу на глазъ, или были при этомъ и другіе?

— Не то, чтобы съ глазу на глазъ... Тамъ была цѣлая компанія, но говорилъ-то онъ одному, другіе не слышали. Да и всѣ были пьяны. Никто ничего толкомъ не понималъ и не помнилъ. Дивовъ чуть ли не на другой же день отрекся отъ своихъ словъ и сказалъ, что никакого твоего векселя на три тысячи у него нѣтъ. А теперь и ты говоришь, что не только на три тысячи, но и никакихъ твоихъ векселей у него нѣтъ...

— Никакихъ. Ни у него, ни у кого другаго.

— Но, можетъ быть, есть какіе нибудь другіе долги... товарищамъ, знакомымъ?

— Даже и такихъ долговъ нѣтъ.

— Честное слово?

— Честное слово,—ни векселей, ни долговъ.

— Ну, нѣтъ такъ нѣтъ,—сказалъ старикъ, помолчавъ немного.—Хотя, по правдѣ сказать, мнѣ было бы, пожалуй, пріятнѣе, еслибы у тебя оказался какой нибудь неприятный долгъ, хотя бы и трехтысячный, отъ котораго я могъ бы тебя избавить. Во-первыхъ, я считаю себя твоимъ должникомъ! Это разъ. А во-вторыхъ... Ну, да довольно и того, что я считаю себя твоимъ должникомъ и всегда буду радъ случаю доказать тебѣ, что я люблю тебя по прежнему... Помни это.

— Благодарю васъ, дядя,—нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, съ горечью думая, что любовь эта, къ сожалѣнію, проснулась въ немъ нѣсколько поздно и, можетъ быть, опять пройдетъ какъ разъ къ тому времени, когда появится надобность въ ней.—Напрасно вы считаете себя моимъ должникомъ. Благодарю васъ; но теперь я, право, ни въ чемъ не нуждаюсь, а когда израсходуются мои послѣдніе ресурсы, — къ тому времени, надѣюсь, мнѣ удастся пристроиться къ какому нибудь дѣлу...

— Только не въ Москвѣ... пожалуйста, только устранивайся здѣсь,—горячо перебилъ его старикъ.

Почти сейчасъ же послѣ этого объясненія, Павелъ Андреевичъ ушелъ. Проводивъ его до двери, старикъ возвратился въ залу, сердитый на всѣхъ сплетниковъ, разносящихъ по городу скверные слухи о человѣкѣ, который въ тысячу разъ лучше ихъ.

— Все глупости!—сердито сказалъ онъ.—Никакихъ векселей у него нѣтъ! Я ему прямо сказалъ, что считаю себя его должникомъ и буду радъ случаю выручить его изъ затруднительнаго положенія. А онъ мнѣ объявилъ, что у него нѣтъ ровно никакихъ ни векселей, ни долговъ, ни трехтысячныхъ, ни трехрублевыхъ... Одиѣ сплетни!

Выдя изъ дома дяди, Павелъ Андреевичъ медленно пошелъ по улицѣ. Покончено ли хоть теперь съ этимъ векселемъ? Покончено ли со всѣмъ этимъ отвратительнымъ лганьемъ, отъ котораго у него жжетъ глаза и горять щеки?—спрашивалъ онъ самого себя и почти тотчасъ же отвѣчалъ себѣ съ тоскливымъ вздохомъ, что, разумѣется, еще ничего не покончено. Завтра же тѣ или другіе изъ его знакомыхъ будутъ его спрашивать,—гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, слышалъ ли о подкопѣ подъ банкъ, и опять придется лгать, разыгрывать роль ничего не знающаго и ни въ чемъ виновнаго человѣка. Нѣтъ, онъ сегодня же уѣдетъ опять въ Москву. Завернетъ на нѣсколько минутъ къ Муравлеву, потомъ заѣдетъ къ себѣ на квартиру, чтобы взять кое-какія нужныя вещи, и сейчасъ же, сейчасъ же—на пароходъ.

II.

Павелъ Андреевичъ, дѣйствительно, тогда же возвратился въ Москву, въ тотъ самый номеръ гостинницы, изъ котораго выѣхалъ сутки назадъ. Нѣсколько дней онъ по прежнему хандрилъ и сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, не смотря на всѣ старанія Щипачева вытащить его туда, „гдѣ живутъ люди“. Но потомъ, по выраженію все того же Щипачева, „стало и на нашей улицѣ показываться солнышко“. Лихорадка проходила. Припадки безпричиннаго, чисто паническаго ужаса,

что вотъ-вотъ сейчасъ откроютъ или уже открыли все, — и его участіе въ подкопѣ, и исторію съ векселемъ, — повторялись съ нимъ все рѣже и рѣже. Даже та душевная боль, о которой онъ думалъ, что она никогда не пройдетъ и не можетъ пройти, дѣлалась мало по малу тише, легче. Конечно, онъ покуда не забывалъ еще ни на одну минуту, что онъ — *воръ*. Но теперь это слово уже не жгло такъ его совѣсть, какъ жгло прежде. Теперь для своего воровства онъ находилъ все больше оправданій и всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Что было дѣлать? Оставалось одно только: умереть. Человѣку, защищающему свою жизнь, люди не ставятъ въ вину даже убійство. А онъ — развѣ сдѣлалъ кому нибудь неисправимый вредъ, кромѣ, пожалуй, самого себя?.. Къ тому же, онъ пошелъ на это преступленіе не ради одного только себя. Для себя онъ взялъ только тѣ деньги, какія были ему необходимы, чтобы спасти свою жизнь и честь... И наконецъ, развѣ можно, по справедливости, назвать преступникомъ человѣка, который рѣшился на преступленіе только въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, послѣ мучительной душевной борьбы, почти въ сумашествіи и, конечно, никогда въ жизни не сдѣлаетъ больше ничего подобнаго, какъ не дѣлалъ и прежде. „Безъ горя жизнь не прожить, безъ стыда лица не износить“... И разъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, человѣкъ извѣдалъ этотъ мучительный стыдъ передъ самимъ собою, дошелъ до преступленія, которое нельзя ни воротить, ни исправить, — ему остается только одно: постараться всею послѣдующею жизнью по возможности примириться съ своею совѣстью и искупить свой проступокъ.

Говоря другими словами, какъ ни печальна представлялась сначала Павлу Андреевичу его „другая“ жизнь, начавшаяся послѣ совершеннаго имъ преступленія, онъ все таки началъ понемногу свыкаться съ нею. Правда, это привыканіе шло тяжело, медленно. По временамъ, безъ всякой видимой причины, на него нападала такая гнетущая тоска, что онъ готовъ былъ, кажется, рвать на себѣ волосы, биться головой объ стѣну и рыдать, какъ женщина. Одинъ разъ, когда ему вздумалось вспомнить свое дѣтство и сходить ко всенощной въ церковь военной гимназіи, онъ воротился къ себѣ домой, потрясенный до глубины души нахлынувшими на него воспо-

минаніями, и всю ночь до разсвѣта пробродилъ по своему номеру, размышляя:—да не лучше ли ему теперь же всадить себѣ пулю въ голову, чѣмъ влacity жалкую жизнь вора, съумѣвшаго до поры до времени скрыть слѣды своего воровства? Иногда на него находила слѣпая, повидимому, тоже безпричинная злоба на все и на всѣхъ. Въ другое время, напротивъ, сердце его наполнялось щемящею жалостью ко всѣмъ,—къ неизвѣстному покойнику, отвозимому на кладбище, къ провожавшимъ его заплаканнымъ женщинамъ, къ нищимъ, къ бродягамъ, голоднымъ собакамъ, къ арестантамъ, проходящимъ куда-то подъ конвоемъ.

— Опять дуришь?—обыкновенно говаривалъ Щипачевъ, когда видѣлъ его въ такомъ настроеніи.

— Сердце болитъ,—однажды сказалъ ему Павелъ Андреевичъ.

— Опять, опять нашла дурь,—я вижу. Если что болитъ, надо идти къ лѣкарю, а не распускать напрасно нюни, — строго отвѣчалъ Щипачевъ.

Въ обществѣ,—даже въ такомъ беззаботномъ, всегда какъ будто немного выпившемъ и несовсѣмъ выспавшемся обществѣ,—въ какомъ преимущественно вращался Щипачевъ, Павлу Андреевичу всегда было нѣсколько тяжело. „Нѣтъ, нужно домой“, думалъ онъ все чаще и чаще. „Нужно пристроиться къ какому нибудь дѣлу. Половину дня буду на службѣ, половину дня за работой въ саду. Тогда будетъ легче“. Онъ написалъ Муравлеву, чтобы тотъ постарался найти ему какое нибудь частное мѣсто, въ управленіи пароходнаго общества, что ли, и со дня на день собирался и самъ ѣхать домой. Теперь, во второй свой пріѣздъ въ Москву, онъ пробылъ въ ней уже больше двухъ недѣль. Щипачевъ задержалъ его еще на недѣлю. Въ одинъ пасмурный вечеръ онъ пришелъ видимо озабоченный, съ бровями, поднявшимися почти до самыхъ волосъ, и объявилъ, что ему предстоитъ получать наслѣдство, тысячь, говорить, на десять.

— Когда человѣку повезетъ, такъ повезетъ,—разсуждалъ онъ, разводя руками. — Не было ни гроша, да вдругъ—алтынъ! Кололъ дрова, чтобы заслужить отъ хозяйки тарелку щей, а потомъ какъ поперли на меня деньги, не знаю, куда ихъ и дѣвать. Сначала нашель кладъ, потомъ поѣхали

выигрыши за выигрышами, а теперь еще это наследство... Вѣдь ты посуди: около него стояло четыре человѣка, изъ которыхъ двоимъ младшимъ не было и двадцати лѣтъ обоимъ вмѣстѣ... Нужно же было, чтобы всѣ эти четыре человѣка умерли одинъ за другимъ и оставили мнѣ домъ, садъ и какіе-то тамъ покосы на островахъ. Ну, на что мнѣ эти острова? Ужь не правду ли говорятъ люди, что деньги сами идутъ къ деньгамъ? Это что еще за дьяволятина такая? — спросилъ онъ, съ нѣкоторымъ суевѣрнымъ страхомъ представляя себѣ, что къ его деньгамъ со всѣхъ сторонъ ползутъ и двигаются чужія деньги.

— Все таки это наследство хорошо хоть въ томъ отношеніи, что теперь никто не спроситъ, откуда у тебя явился твой алтынъ, — сказалъ Павелъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, теперь никто не спроситъ. Могу шумѣть сколько угодно, — согласился Щипачевъ и затѣмъ присталъ къ нему, чтобы онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ посмотреть на наследство.

Павелъ Андреевичъ поѣхалъ и проѣздивъ еще цѣлую недѣлю, такъ что къ себѣ домой возвратился почти черезъ мѣсяцъ послѣ своего отъѣзда. Приѣхалъ онъ тоже въ шестомъ часу вечера и опять таки прежде всего пошелъ къ Муравлеву. Въ прихожей горничная сказала ему, что Григорій Александровичъ еще не приѣзжалъ. Въ дверяхъ залы ему встрѣтился „папочка“, очевидно уже собравшійся уходить изъ дому, потому что подъ мышкой онъ несъ свою черную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, а въ рукахъ — перчатки и шляпу.

— Наконецъ-то, наконецъ-то! — заговорилъ онъ, почему-то обрадовавшись появленію Павла Андреевича. — И нужно сказать: много, много поправились теперь. А то въ послѣдній свой приѣздъ сюда вы смотрѣли куда какъ нехорошо.

— Не мудрено. Вѣдь я былъ нездоровъ почти два мѣсяца.

— Два мѣсяца... Ахъ, молодые люди, нынѣшніе молодые люди! Люди бываютъ больны по нѣскольку лѣтъ сряду, бываютъ больны всю жизнь! — воскликнулъ онъ укоризненно и принялся рассказывать объ одномъ кавказскомъ генералѣ, который былъ нѣсколько разъ тяжело раненъ, — въ грудь, въ голову, въ ногу, — безпрестанно подвергался мучительнымъ операціямъ и, при всемъ томъ, оставался человѣкъ-человѣкомъ, —

веселымъ, добрымъ и гостеприимнымъ. — Вотъ это были люди! Богатыри, — не вы!

— Это правда, мы не богатыри, — сказалъ Павелъ Андреевичъ, и потомъ спросилъ: — гдѣ это сегодня Григорій Александровичъ?

— Я не знаю... Развѣ мнѣ мнѣ говорить что нибудь? Чтѣ я увижу своими глазами, только то и знаю. Вотъ я вижу, напримѣръ, что онъ спячиваетъ съ ума, — это я и знаю, — съ раздраженіемъ проговорилъ старикъ, застегивая перчатку на лѣвой рукѣ, и Павелъ Андреевичъ вдругъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что у этого наряднаго и молодцоватаго „папочки“ довольно замѣтно затряслась голова, чего съ нимъ еще никогда не случалось.

— Изъ чего вы видите, что онъ спячиваетъ съ ума? — спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Изъ всего вижу. Во-первыхъ, онъ влюбился... этѣ умный-то человекъ, прожившій на свѣтѣ тридцать три или тридцать четыре года... ужъ не знаю. Во-вторыхъ, въ какую-то учительницу, которая учитъ дѣвочекъ въ городскомъ училищѣ вязать чулки и получаетъ, надо полагать, что нибудь въ родѣ трехъ рублей съ копѣйками. Далѣе онъ, кажется, намѣревается жениться на этой особѣ... По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ того, что онъ собирается производить какія-то реформы въ нашей жизни: перемѣнить квартиру, когда окончится срокъ контракта, распустить прислугу, сократить расходы... Ну, я васъ спрашиваю: какъ возможно сокращать расходы, когда намъ и безъ того не хватаетъ денегъ?

Павелъ Андреевичъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Но я несовсѣмъ хорошо понимаю: какъ же ихъ не сократить, когда не хватаетъ денегъ? — не безъ любопытства спросилъ онъ.

— Очень просто: надобно побольше доставать денегъ... Не сокращать расходы, которые и безъ того доведены у насъ до минимума, только что достаточнаго для мало-мальски сноской жизни, а нужно добывать деньги. Онъ не глупъ, не бѣднѣ, не уродъ, хорошо образованъ... Для чего же ему дано такое воспитаніе и общественное положеніе, что онъ можетъ

входить въ какія угодно двери и завязывать какія угодно связи и отношенія? Все ему дано и все у него есть. Горе только въ томъ, что жить мы не умѣемъ... жить не умѣемъ, вотъ въ чемъ наше горе! — съ глубокимъ прискорбіемъ воскликнулъ онъ, и опять у него затряслась голова, а плечи начали подниматься выше и выше, будто усиливаясь сдерживать это трясеніе.

Приѣхалъ, наконецъ, съ „дѣловаго“ обѣда Муравлевъ, все тотъ же помолодѣвшій и оживленный. Очевидно, онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа: радостно улыбаясь, потрепалъ Павла Андреевича по плечу, безъ всякихъ разговоровъ далъ пять рублей „папочкѣ“, угрюмо попросившему у него три, и затѣмъ опять обратился къ своему возвратившемуся домой „блудному“ товарищу.

— Отлично, отлично!—весело сказалъ онъ, уводя его въ кабинетъ.—Теперь ты все таки до нѣкоторой степени напоминаешь прежняго Павла Андреевича, а то я началъ уже отчаиваться, что увижу его когда нибудь. И гдѣ ты пропалъ столько времени?

Павель Андреевичъ объяснилъ — гдѣ и, между прочимъ, рассказалъ о задержавшемъ его на лишнюю недѣлю наслѣдствѣ Щипачева.

— Отлично, отлично!—опять повторилъ Муравлевъ, для котораго, какъ видно, все было теперь „отлично“.—Значить, онъ можетъ хоть рысаковъ заводить, никому это не покажется страннымъ или подозрительнымъ. Очень, очень радъ, не столько за него, сколько за насъ, потому что ему всѣ эти деньги навѣрное не принесутъ никакого добра.

— Очень можетъ быть,—согласился Павель Андреевичъ.—Ну, а ты какъ живешь? Недавно я слышалъ очень странное извѣстіе, будто бы ты начинаешь спячивать съ ума...

Муравлевъ весело засмѣялся.

— А, онъ уже успѣлъ пожаловаться тебѣ! Нужно не сокращать расходы, и безъ того мизерные, нужно увеличивать доходы!.. При нѣкоторомъ умѣньѣ обращаться съ людьми, можно занимать три, четыре мѣста, каждое съ хорошимъ жалованьемъ и почти безъ всякаго серьезнаго дѣла... Можно приискать себѣ жену съ порядочнымъ приданымъ тысячъ въ двѣсти. Знаю, знаю! Все это онъ мнѣ говорилъ на разные

лады, и прямо, и не прямо. Ну, я не сталъ съ нимъ разговаривать о томъ, что жениться на приданомъ или изъ-за приданого—препорядочная таки гадость... по моему, лучше ужъ прямо украсть. Я ему сказалъ только: какъ же онъ не обратилъ вниманія на то, что женщина, которая приноситъ съ собой тысячъ двѣсти приданого, по большей части сама же и проживаетъ не только ихъ всѣ, но и еще столько же изъ мужниныхъ денегъ? Это его озадачило на нѣкоторое время.

Павель Андреевичъ засмѣялся.

— Еще говорилъ онъ мнѣ, будто бы ты влюбился,—сказалъ онъ съ лукавымъ взглядомъ.

Муравлевъ посмотрѣлъ на него какъ-то странно,—не то съ недоразумѣнiемъ, не то озабоченно,—и наконецъ пожалъ плечами.

— Положимъ, я не влюбился, — медленно проговорилъ онъ, не сводя по прежнему недоумѣвающихъ глазъ съ Павла Андреевича. — Но знаешь ли, что я тебѣ скажу? Въ этомъ моемъ „папочкѣ“ есть нѣчто такое, что иногда ставитъ меня втупикъ, а иногда просто пугаетъ. Повидимому, онъ вѣдь ни на что не обращаетъ вниманія,—либо спитъ, либо объдаетъ, не поднимая головы отъ тарелки, либо дремлетъ въ креслѣ, а между тѣмъ кажется, что онъ какъ будто бы подмѣчаетъ самыя мелкія мелочи. Десятки разъ случалось, что, когда мнѣ приходилось задумываться о чемъ нибудь, онъ вдругъ переставалъ дремать въ креслѣ и заводилъ разговоръ именно о томъ, о чемъ я думалъ. Именно какъ будто подсказывалъ отвѣты на тѣ вопросы, которые меня беспокоили. Что это такое? Дремлетъ—и все видитъ... спитъ и продолжаетъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлается вокругъ него. Что это? просто ли стариковская опытность, благодаря которой онъ по одному какому нибудь слову, жесту, выраженію лица можетъ угадывать чужія мысли? Или что нибудь другое?

— Ты сказалъ, что ты не влюбленъ,—замѣтилъ съ той же лукавой усмѣшкой Павель Андреевичъ,—однако, изъ твоихъ словъ выходитъ, что „папочка“ какъ будто бы угадалъ, что ты влюбленъ.

— Онъ, можетъ быть, сказалъ тебѣ даже, въ кого я влюбленъ?—спросилъ Муравлевъ, вмѣсто отвѣта.

— Онъ сказалъ, что въ какую-то особу, которая учить

дѣвчонокъ въ городскомъ училищѣ вязать чулки и получаетъ за это, вѣроятно, рубля три съ копѣйками...

Муравлевъ опять пожалъ плечами.

— Право, я не знаю, учить ли она вязать чулки и сколько получаетъ. „Папочка“ знаетъ, какъ видно, несравненно больше, чѣмъ я, — сказалъ онъ, дѣлаясь все болѣе хмурымъ и озабоченнымъ. — Исторія, въ сущности, очень простая. Съ мѣсяцъ назадъ, сюда пріѣхалъ Тоневъ, какъ я уже говорилъ тебѣ. Я бывалъ у него и познакомился или, лучше сказать, возобновилъ старое знакомство съ его сестрой.

— Съ Лизой?

— Да, съ прежней Лизой, съ теперешней Лизаветой Павловной... Недѣли черезъ двѣ Тоневъ уѣхалъ въ Крымъ дѣлаться, но я все таки продолжалъ бывать у Лизаветы Павловны, потому что, говоря откровенно, эта дѣвушка мнѣ очень нравится и очень меня интересуеъ. Такихъ я не видалъ еще... Но все таки, за эти двѣ недѣли послѣ отъѣзда ея брата, я былъ у нея... что же... ну, два-три раза, не больше. Спрашивается теперь: какимъ же образомъ „папочка“ могъ узнать, что я бываю у нея и интересуюсь ею, — именно ею, а не какоюнибудь изъ другихъ женщинъ, съ которыми вижусь даже чаще... чѣмъ съ нею?.. Признаюсь, мнѣ это до крайности непріятно. Обо мнѣ могутъ говорить что угодно, хоть бы то, что именно я обокралъ нашъ банкъ... Мнѣ все равно. Но я не могу равнодушно подумать о томъ, что пойдутъ всевозможныя гадкія шуточки и сплетни о Лизаветѣ Павловнѣ.

— Онъ говорилъ даже, что ты собираешься жениться на ней и, вслѣдствіе этого, задумываешь разныя перемѣны въ образѣ жизни, — прибавилъ Павелъ Андреевичъ.

— Даже и это? Ну, въ такомъ случаѣ пиши пропало! Если онъ считаетъ ее главною причиною предстоящихъ ему непріятностей, въ такомъ случаѣ бѣдной дѣвушкѣ нечего ждать отъ него снисхожденія. Онъ — злой старикъ. Злобы и ядовитости ему не занимать стать. Онъ будетъ теперь острить и злоязыничать на ея счетъ со всѣми встрѣчными и поперечными... Нѣтъ, чортъ возьми! Надо будетъ поговорить съ нимъ серьезно. Пусть онъ оставитъ ее въ покоѣ, иначе я тотчасъ же распрощаюсь съ нимъ и не дамъ ему больше ни

одной копѣйки. Этотъ аргументъ, по всей вѣроятности, подействуетъ на него. Это онъ пойметъ!

Павель Андреевичъ задумчиво слушалъ его и отъ времени до времени также задумчиво смотрѣлъ на него. Съ самаго начала этого разговора, ему начало казаться, что Муравлевъ говорить и разсуждаетъ какъ-то странно: слишкомъ нервно и придирчиво относится къ своему „папочкѣ“, преувеличиваетъ факты, волнуется изъ-за такихъ пустяковъ, на которые можно было бы просто не обращать вниманія. Что онъ? Выпилъ лишнее за своимъ дѣловымъ обѣдомъ и отуманенъ виномъ? Увлеченъ гнѣвомъ на своего „папочку“, выводящаго его изъ терпѣнія? Или это увлеченіе совсѣмъ другаго рода,—болѣе или менѣе серьезное увлеченіе этой дѣвушкой, которая, по его же собственнымъ словамъ, очень нравится ему и очень интересуетъ его? Пожалуй, что послѣднее предположеніе всего вѣрнѣе... „Должно быть, такъ“, думалъ онъ, слушая дальше Муравлева, все больше и больше волновавшагося по поводу того, что „папочка“ будетъ злоязычничать насчетъ Лизаветы Павловны.

— Такъ вотъ какъ! — произнесъ наконецъ Павель Андреевичъ. — Дѣло идетъ о Лизѣ!..

— Ты помнишь ее? — спросилъ, остановившись, Муравлевъ, ходившій изъ угла въ уголъ и кипѣвшій гнѣвомъ на „папочку“. — Она тебя хорошо помнить и говорила мнѣ, шутя, что никогда не теряла тебя надолго изъ виду, потому что нерѣдко встрѣчалась съ тобой на улицахъ. Она тебя видѣла даже въ тотъ вечеръ, когда ты пріѣзжалъ сюда изъ Москвы и пошелъ отъ меня къ Дивову. Но ты всегда смотрѣлъ на нее, какъ на незнакомую...

— Что же мудренаго?.. Вѣдь я ее видалъ лѣтъ тринадцать назадъ, когда ей было лѣтъ одиннадцать, десять... Тогда ея глаза приходились почти какъ разъ на одномъ уровнѣ съ моими глазами, когда я сидѣлъ, а она стояла передо мной. Помню, глаза у нея были хорошіе... Худенькая, тоненькая... къ тому же, я вѣдь мало ее видѣлъ. Съ этимъ младшимъ Тоневымъ я не былъ близко знакомъ и началъ бывать у нихъ только тогда, когда сюда пріѣхалъ старшій Тоневъ, Николай... Ну, ты помнишь, онъ вѣдь прожилъ годъ, не больше. Съ Лизой у него была самая нѣжная дружба и, когда онъ за-

стрѣлился, это до такой степени сильно подѣйствовало на нее, что она жестоко захворала. Всѣ думали, что умереть... Ну, потомъ умерла мать, младшій Тоневъ жилъ въ Петербургѣ, Лиза поселилась у бабушки, которую я совсѣмъ не зналъ. Такъ она и скрылась у меня изъ виду.

— А, такъ Николай былъ ея любимецъ!—сказалъ Муравлевъ, почти съ жадностью слушавшій все, что говорилось о Лизѣ и совсѣмъ забывшій на это время о папочкѣ. — И, знаешь ли, она никогда, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о немъ, точно его и не было. Одинъ разъ, помню, я сказалъ что-то о твоей дружбѣ съ нимъ, но она промолчала, будто не слышала. Должно быть, воспоминаніе о немъ остается и теперь ея большимъ мѣстомъ.

— Вотъ она какая!—одобрительно проговорилъ Павелъ Андреевичъ, очень любившій покойнаго и тоже всегда вспоминавшій о немъ съ сожалѣніемъ.

— Интересно рассказывалъ мнѣ о ней Алексѣй Тоневъ,—продолжалъ Муравлевъ послѣ небольшого молчанія.—Лѣтъ, должно быть, семь назадъ, въ Петербургѣ у него тоже пошла черная полоса, какія бываютъ у всѣхъ. Мѣсто, какое было, онъ бросилъ, а другаго не могъ найти. Запасныхъ денегъ на черный день у него никогда не водилось. Близкихъ знакомыхъ, какъ нарочно, никого не осталось именно къ тому самому времени, когда они были больше всего нужны. Одни уѣхали въ провинцію, съ другими онъ только что передъ этимъ поссорился, третьи сами на него сердились неизвѣстно за что. Въ довершеніе всего, онъ, по его выраженію, „схватилъ натошакъ простуду“, которая перешла въ „маленькій тификъ“: начались головныя боли, жаръ, ознобъ, иногда бредъ и полный упадокъ силъ. А нужно тебѣ сказать, что жилъ Тоневъ совсѣмъ особнякомъ,—не въ меблированныхъ комнатахъ у когонибудь, гдѣ все таки могла найтись какаянибудь сердобольная женская душа,—а нанималъ отдѣльную маленькую квартиру, въ одну комнату, съ кухней. Въ обыкновенное время это особнячество представляло, конечно, нѣкоторыя свои удобства, но въ эти черные дни оно оказалось ужаснымъ. Прислуживалъ Тоневу дворникъ, черствый и жадный мужикъ, который прежде чистилъ въ этомъ домѣ выгребныя и помойныя ямы, а потомъ случайно посту-

пилъ сюда дворникомъ на зимнее время, покуда не было работы въ деревнѣ. Прислуживалъ онъ и прежде скверно, а когда Тоневъ задолжалъ ему во время болѣзни рубля полтора, сталъ поступать совсѣмъ по свински... Одинъ разъ Тоневъ, проснувшись ночью, почувствовалъ, что коченѣеть отъ холода: это слуга забылъ закрыть трубу въ печкѣ. Въ другой разъ онъ едва не умеръ отъ угара, и со страшною головою болью, шатаясь отъ дурноты и слабости, долженъ былъ растворять трубы, форточки, вытаскивать головешки изъ печки... Тоневъ написалъ письма двоимъ изъ своихъ знакомыхъ,—отвѣта не было, и, какъ оказалось потомъ, письма не дошли по адресу... Онъ говорилъ, что началъ приходить въ отчаяніе. Думалъ, что совсѣмъ погибаетъ. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, къ нему является Лизавета Павловна. Онъ думалъ, что бредить; лежалъ на своемъ диванѣ, смотрѣлъ на нее во всѣ глаза и молчалъ. Она тоже смотрѣла на него и потомъ сказала: „я такъ и знала, что съ тобой что-то очень, очень нехорошо“... Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ принимался допрашивать ее, почему она могла узнать, что ему „нехорошо“, но такъ и не могъ добиться ничего опредѣленнаго. „Чувствовала... ты у меня не выходилъ изъ головы... сердце болѣло о тебѣ“,—вотъ и все. И изъ-за того, что у нея болѣло сердце о немъ, она проѣхала нѣсколько сотъ верстъ зимой на лошадахъ, истратила чуть не всѣ свои деньги, сама порядочно простудилась и однако же поспѣла какъ разъ во время, чтобы спасти его. „Маленькій тификъ“ Тонева затянулся на цѣлый мѣсяць. Потомъ понадобилось еще мѣсяца полтора, чтобы совсѣмъ поправиться, набраться силъ и найти мѣсто или работу. Все это время Лизавета Павловна ходила за нимъ, готовила кушанье, прибирала квартиру, даже сама стирала бѣлье на кухнѣ, потому что денегъ съ собой она могла привезти всего что-то рублей сорокъ, да еще кое-какія вещи, которыя можно было заложить. А когда Тоневъ совсѣмъ выздоровѣлъ и нашелъ порядочное мѣсто, она тотчасъ же начала собираться обратно. Братъ насилу могъ уговорить ее, чтобы она, по крайней мѣрѣ, подождала, покуда откроется навигація и пойдутъ пароходы. „За что же я потеряю самое лучшее вре-

мя,—не увижу весны? У васъ здѣсь—какая весна? Да и вообще, у себя дома лучше“,—говорила она.

— Въ самомъ дѣлѣ, должно быть, хорошая дѣвушка,—проговорилъ Павелъ Андреевичъ будто про себя, такъ что Муравлевъ скорѣе угадалъ, чѣмъ разслышалъ его слова.

— Ты помнишь, гдѣ они жили прежде?—спросилъ Муравлевъ.

— Ну, да... На Кружной, кажется... Почти какъ разъ передъ этою старенькою церковью...

— Она и теперь живетъ тамъ же, въ томъ же самомъ домѣ, только въ другой квартирѣ... Мѣсто—такое, въ которомъ трудно найти что нибудь хорошее, кромѣ того, пожалуй, что тамъ много садовъ и зелени,—зелень даже на улицѣ. Ото всего далеко, улица не мощеная, вмѣсто порядочныхъ тротуаровъ—мостики, вмѣсто газовыхъ фонарей—керосиновые. Спрашивается: зачѣмъ ей нужно жить непременно тамъ? „Привыкла!“ Говорить, что знаетъ тамъ чуть не каждое дерево, свѣсившее вѣтви черезъ заборъ, каждую заплату на мосткахъ. Говорить, что по этой самой землѣ, мимо этихъ заборовъ и домишекъ ходили всѣ ея близкіе люди,—отецъ, мать, братья. По ея словамъ, она только на этой Кружной улицѣ и чувствуетъ себя дома. И она всѣхъ знаетъ, и ее всѣ знаютъ... Въ этомъ отношеніи, она какая-то странная.

— Что же въ этомъ страннаго? Если тамъ она всѣхъ знаетъ и ее всѣ знаютъ, зачѣмъ же ей идти къ незнакомымъ людямъ!—возразилъ Павелъ Андреевичъ.—Съ кѣмъ же или у кого она живетъ? Или одна?

— Нѣтъ, съ ней живетъ какая-то пожилая женщина. Но кто она такая: родственница, просто ли хорошая знакомая, и даже кто изъ нихъ настоящая хозяйка въ квартирѣ,—не могу разобрать. Знаю только, что ее зовутъ Ольгой Федоровной.

— Бѣдно живутъ?

— Вотъ это—тоже вопросъ. Она до такой степени сбила меня съ толку, что, право, и не знаю, какъ тебѣ сказать. По моему, разумѣется, бѣдно. Но она говоритъ, что считаетъ себя сравнительно богатой, потому что у нея все есть, что нужно, и даже больше, чѣмъ нужно... Право, я не знаю... Квартира крошечная, ходъ мимо какихъ-то сараевъ, сту-

пеньки и половицы скрипятъ подъ ногами, окна маленькія, мебель какая-то странная...

Павель Андреевичъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— Ну, что между вами общаго, что общаго?—тихо воскликнулъ онъ, продолжая смѣяться.—Право, точно встрѣтились два человѣка совсѣмъ изъ разныхъ странъ и говорятъ каждый на своемъ языкѣ. Я думаю, вы очень туго понимаете другъ друга и безпрестанно открываете одинъ въ другомъ эти „странные“ взгляды и „странныя“ привычки?

Муравлевъ посмотрѣлъ на него какимъ-то загадочнымъ взглядомъ и также загадочно сказалъ:

— Ну, можетъ быть, найдется между нами и кое-что общее... А знаешь что?—прибавилъ онъ тотчасъ же, взглянувъ мелькомъ на часы.—Сдѣлай мнѣ одно большое удовольствіе: поѣдемъ теперь къ ней. Я ей говорилъ, что когданибудь приду вмѣстѣ съ тобой. Она говоритъ, что будетъ очень рада возобновить старое знакомство. Ольга Ѳедоровна тоже знаетъ тебя и, какъ кажется, очень цѣнитъ.

— Ольга Ѳедоровна? Откуда она можетъ знать меня?

— Не знаю. Признаться, я не полюбопытствовалъ спросить.

Павель Андреевичъ въ недоумѣніи задумался, но, не припомнивъ никакой Ольги Ѳедоровны въ числѣ хоть скольконибудь знакомыхъ ему женщинъ, пожалъ плечами.

— Нѣтъ... я пойду когданибудь... но только не теперь,—сказалъ онъ.—Сегодня я почти не спалъ ночь на желѣзной дорогѣ и совсѣмъ не расположенъ ходить по гостямъ. Я думалъ было зайти отъ тебя на четверть часа къ дядѣ, провѣдать Яшу, да и то не знаю, пойду ли. Никуда не хочется.

— Впрочемъ, пожалуй, даже лучше будетъ пойти къ ней въ какойнибудь другой день,—сказалъ Муравлевъ.—Я забылъ, что сегодня воскресенье. По воскресеньямъ у нея почти всегда бываютъ гости, съ которыми, признаться, мнѣ не особенно пріятно встрѣчаться.

— Также „странные“?—съ усмѣшкой спросилъ Павель Андреевичъ.

— Нѣтъ, скорѣе просто непріятные. Учитель земской школы, который даетъ теперь уроки сыну какого-то подгороднаго землевладѣльца. Старообразный, блѣдно-желтый гос-

подинь въ синихъ очкахъ, и его сестра, дебелая молодая дѣвица, которая очевидно смотритъ на своего брата, какъ на „генія“. Непріятно то, что и братъ, и сестрица съ первой же нашей встрѣчи начали смотрѣть на меня, какъ на злѣйшаго своего врага. Положимъ, открыто они не выказываютъ этого чувства. Но вѣдь оно всегда прорывается въ какомъ нибудь пустякѣ: во взглядѣ, въ тонѣ голоса или хоть въ поворотѣ головы. Каждый разъ, когда мнѣ случается слегка не согласиться съ этимъ господиномъ, его сестра немедленно воззрится въ насъ, точно на двухъ пѣтуховъ, собирающихся подраться, и очевидно ожидаетъ, что вотъ-вотъ сейчасъ ея блѣдно-желтый пѣтухъ съ одного удара продолбитъ мнѣ голову. Непріятно!

„Навѣрное, соперники!“ — подумалъ Павелъ Андреевичъ и, слегка махнувъ рукой на всю эту исторію, изъ которой, по его мнѣнію, и не могло ничего выйти, кромѣ странностей и непріятностей, собрался уходить. Сначала онъ пошелъ было домой, но на серединѣ дороги подумалъ, что не можетъ же онъ лечь спать теперь, когда еще нѣтъ девяти часовъ. Что же онъ будетъ дѣлать дома? Лучше зайти ненадолго къ дядѣ.

Дверь, на его звонокъ, отперла сама Валентина Константиновна, страшно разсерженная, метавшая молніями изъ своихъ маленькихъ глазъ и рвавшая всѣ двери такъ, какъ будто очень желала разнести ихъ въ щепки. За нею, въ дверяхъ изъ залы въ прихожую, показался самъ старикъ, печальный и пасмурный. Съ перваго же взгляда на нихъ обоихъ, Павелъ Андреевичъ увидѣлъ, что между дядей и его супругой недавно, а, можетъ быть, даже сейчасъ, происходило какое нибудь непріятное объясненіе.

— Здравствуй, здравствуй, дружокъ. Опять на одинъ вечеръ или, можетъ быть, нынче пробудешь дня три? — сказала старикъ ласково, но съ печалью и горечью.

— Нѣтъ, думаю, что теперь останусь здѣсь совсѣмъ... разумѣется, если не случится ничего особеннаго.

— Ну, слава богу. А то въ прошлый разъ я послалъ на другой день сказать тебѣ, что съ тобой хочеть повидаться Яша, а мнѣ приносятъ отвѣтъ: „вчера же и уѣхалъ обратно!“

— Нельзя было, дядя. Я общалъ, что непременно вочуюсь въ Москву, — сказалъ Павелъ Андреевичъ. — Скажите, что теперь Яша?

Старикъ тяжело вздохнулъ, но не сказалъ покуда ни слова. Войдя съ племянникомъ въ кабинетъ, онъ прибавилъ огня въ лампы, передвинулъ кресло и только тогда отвѣчалъ медленно и дрожавшимъ голосомъ:

— Горе мое—Яша... Мука моя—Яша... Измучилъ онъ мнѣ душу... Положимъ, много за мной грѣховъ и много я надѣлалъ въ жизни ошибокъ, но все таки жестоко наказываетъ меня Богъ. Теряюсь я... не знаю, что дѣлать.

Павелъ Андреевичъ ждалъ, что послѣ этого предисловія дядя объяснитъ, почему Яша сдѣлался для него горемъ и мукой; но старикъ замолчалъ и, повѣсивъ голову, машинально вертѣлъ кольцо на указательномъ пальцѣ.

— Неужели Яша все еще не можетъ поправиться? — спросилъ наконецъ Павелъ Андреевичъ.

— Не приложу ума, что дѣлать, — отвѣчалъ старикъ на свои собственныя мысли. — А? Ты говоришь: не можетъ поправиться? Нѣтъ, то прошло. Теперь другое... Не знаю только, которое лучше и поправился ли онъ, или не поправился... Да вотъ ты самъ увидишь, если не уѣдешь опять... Теперь его нѣтъ дома. Ушелъ съ утра, когда мы еще спали, и съ тѣхъ поръ не возвращался.

— Куда же онъ ушелъ?

Старикъ вздернулъ плечами.

— Не знаю... Да надо думать, что и самъ онъ не знаетъ хорошенько, куда идетъ... *Такъ* идетъ... куда глаза глядятъ. Одинъ разъ, Валентина Константиновна пошла къ своимъ знакомымъ и видитъ, что Яша сидитъ въ саду около собора, — смотритъ, какъ играютъ дѣти. Часа черезъ два она возвращалась обратно и видитъ, что Яша все сидитъ на той же самой скамейкѣ и выводитъ тросточкой по песку какіе-то узоры. А на дняхъ еще лучше: мать нашей горничной ходила на кладбище и видѣла, что Яша сидитъ тамъ подъ деревомъ и ѣстъ булку.

Павелъ Андреевичъ задумчиво и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Это еще что такое съ бѣднымъ юношей?

— А дома? — спросилъ онъ потомъ.

— Дома!.. Въ томъ-то и дѣло, что иной разъ кажется, будто у Яши теперь одна забота: чтобы какъ можно меньше бывать дома и какъ можно рѣже встрѣчаться съ нами... Иногда бываетъ и дома. Ходить, ходить по своей комнатѣ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголь, а придетъ время объѣдать,—либо уйдетъ изъ дому, либо ляжетъ спать. Если взглянетъ къ нему въ комнату кто нибудь изъ прислуги или Валентина Константиновна,—запрется на ключъ. Зайдешь къ нему самъ и начнешь его разспрашивать чуть не со слезами: „Что съ тобой, Яша? Отчего ты не живешь дома? Отчего ты никогда не выдешь къ намъ и не посидишь, не поговоришь съ нами?“ Отвѣтъ одинъ: „Пожалуйста, не беспокойтесь обо мнѣ, папа... Я теперь ничего... Я теперь здоровъ“. И постарается поскорѣе уйти.

Павель Андреевичъ молчалъ и думалъ. Что Яша могъ на цѣлые дни убѣгать изъ дома, вполне перешедшаго въ распоряженіе нелюбимыхъ имъ людей, это онъ еще понималъ отчасти. Но какъ Яша могъ отдалиться отъ отца, къ которому всегда былъ привязанъ всѣмъ сердцемъ,—это оставалось для него необъяснимымъ. Какой еще переворотъ произошелъ въ больной душѣ бѣднаго юноши?

— И старается поскорѣе уйти!.. И я не могу вытянуть изъ него больше ни слова!.. Чтò же, чтò могу я сдѣлать, когда ничего не знаю и не понимаю!.. Нужно же, наконецъ, войти и въ мое положеніе!—съ отчаяніемъ вскричалъ старикъ, хотѣвшій сказать этими словами, что если Яша не можетъ сжитья съ Валентиной Константиновной и ея друзьями, то чтò же въ этомъ случаѣ дѣлать ему, старику? Не прогнать же свою жену!..

— Вы говорите: онъ спрашивалъ обо мнѣ,—сказалъ Павель Андреевичъ.

— Спрашивалъ... прежде... когда былъ боленъ. Потомъ не спрашивалъ о тебѣ и ни о чемъ не спрашивалъ. Когда пришло письмо отъ тебя, я сказалъ ему, что ты скоро приѣдешь, но онъ и на это не обратилъ вниманія, точно не слышалъ...

„Слѣдовательно, ему не нужно и меня“,—подумалъ Павель Андреевичъ, ничего не понимая.

— Нужно будетъ повидаться съ нимъ, — сказалъ онъ. —

Можетъ быть, мнѣ и удастся что нибудь вывѣдать отъ него. Вы ему скажите, что мнѣ нужно было бы переговорить съ нимъ, или, еще лучше, я оставлю ему записку.

— Записку лучше. А то я самъ не знаю, когда мнѣ удастся его увидѣть.

Написавъ записку и услышавъ, что въ столовой собираютъ посуду къ ужину, Павелъ Андреевичъ сталъ прощаться.

— Уходишь? бѣжишь и ты? — съ горечью сказалъ старикъ. — Ну, ну, не буду тебя удерживать. Насильно не удержишь не только племянника, но и роднаго сына.

III.

Утромъ, когда Павелъ Андреевичъ пилъ чай на своей террасѣ, пришелъ Яша.

— Здравствуй, здравствуй, Яшурка, — сказалъ Павелъ Андреевичъ, ласково сжимая въ своихъ рукахъ его холодную, тонкую руку, но тотчасъ же машинально выпустилъ ее и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, точно вмѣсто ожидаемаго Яши вдругъ увидѣлъ передъ собой чужаго человѣка.

И, дѣйствительно, стоявшій передъ нимъ Яша былъ совсѣмъ не прежній Яша. Въ походкѣ и движеніяхъ его не осталось и слѣда отъ прежней нервной суетливости. Онъ похудѣлъ и очень загорѣлъ отъ постоянного пребыванія на воздухѣ, на солнцѣ и на вѣтру. Но, главное, совсѣмъ не то было у него теперь выраженіе лица и не тѣ глаза. Отъ времени до времени, въ его лицѣ виднѣлось что-то очень печальное и страдальческое, но преобладающимъ его выраженіемъ оставалась холодная сдержанность, точно этотъ страдающій и печальный человѣкъ пришелъ въ какую нибудь контору, въ лавку или вообще къ людямъ, которымъ не можетъ быть никакого дѣла до того, страдаетъ онъ или не страдаетъ.

— Здравствуй, — сказалъ Яша и сѣлъ на стулъ, не снимая пальто и не выпуская изъ рукъ фуражки. — Ты давно пріѣхалъ?

— Вчера вечеромъ.

Яша помолчалъ.

— А въ тотъ разъ ты на другой же день уѣхалъ обратно?

— Не на другой, а въ тотъ же день, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи.

Яша опять помолчалъ, какъ гость, явившійся съ визитомъ и не знающій, о чемъ бы ему поговорить еще минуту пять или десять, которыя надо просидѣть съ хозяиномъ.

— Какое нибудь спѣшное дѣло?

— Нѣтъ, какія у меня дѣла! Просто общалъ товарищу возвратиться по возможности скорѣе. Потомъ хворалъ. Потомъ товарищъ упросилъ меня съѣздить съ нимъ въ Смоленскую губернію,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, все еще озадаченно и почти растерянно смотрѣвшій на неузнаваемаго имъ Яшу.— Яша! Да что такое сдѣлалось съ тобой? Ты сердился за что нибудь на меня? Или я обидѣлъ тебя чѣмъ нибудь?—вскричалъ онъ наконецъ.

Яша поднялъ на него печальные глаза и тотчасъ же опустил ихъ, опять поднялъ и опять опустилъ.

— Нѣтъ. За что я могу сердиться на тебя?.. Ты всегда былъ добрѣ ко мнѣ... Ничего худаго ты мнѣ никогда не сдѣлалъ и ничѣмъ не обидѣлъ. За что мнѣ сердиться на тебя?

— Такъ что же съ тобой сдѣлалось? Отчего ты теперь говоришь со мной, какъ чужой съ чужимъ? Да и не со мной однимъ... Отецъ тоже жалуется, что не можетъ добиться отъ тебя ни слова и почти не видитъ тебя, точно ты бѣжишь отъ него...

— Жалуется... Не понимаю, на что тутъ жаловаться. Что я не болтаю безъ умолку по прежнему и не суюсь всѣмъ подъ ноги, какъ совался прежде? Странно... Развѣ кому нибудь хуже отъ этого? Я думаю, всѣмъ лучше. Никому не приходится затыкать уши и кричать, чтобы я не совался. Этого я не понимаю,—недоумѣвающимъ, сдержаннымъ тономъ разсуждалъ Яша.—Къ тому же, развѣ я всегда болталъ и совался? Когда я боленъ, я ни съ кѣмъ не говорю, а сижу на одномъ мѣстѣ; мнѣ даже непріятно, чтобы кто нибудь былъ въ комнатѣ и глядѣлъ на меня. Теперь я не чувствую себя очень больнымъ, но у меня нѣтъ охоты болтать о всякихъ пустякахъ и лѣзть ко всѣмъ подъ ноги. Нѣтъ охоты,—вотъ и все. Можетъ быть, это отъ болѣзни,—я не знаю. А что я рѣдко бываю дома, такъ это оттого, что я много хожу. Докторъ говорилъ, что мнѣ нужно быть какъ можно больше на

воздухъ. Теперь я самъ вижу, что это хорошо. Сегодня утромъ у меня точно сжимало голову, а когда я походилъ часа два, вся боль прошла. Теперь опять начинаетъ сжимать виски и лобъ, но я знаю, что пойду, похожу подольше — и опять все пройдетъ. Кому худо оттого, что я много хожу?

Онъ всталъ, собираясь отправиться „ходить“. Павелъ Андреевичъ смотрѣлъ на него, не отводя глазъ, точно хотѣлъ заглянуть въ самую сокровенную глубину его души.

— Ахъ, Яша!—грустно сказалъ онъ. — Не то худо, что ты сдѣлался молчаливъ и мало бываешь дома. То худо, что ты сталъ чужимъ для тѣхъ людей, которые тебя любятъ. И мнѣ это тяжело, а твоему отцу еще тяжелѣе!

Брови Яши нахмурились и все больше и больше надвигались надъ опущенными внизъ глазами.

— Говорилъ я прежде о всякихъ глупостяхъ, какія приходили въ голову, — было нехорошо; не сталъ о нихъ говорить, — тоже нехорошо. И такъ нехорошо, и этакъ нехорошо... Право, ужъ я не знаю, что будетъ хорошо, — печально проговорилъ онъ и, встрепенувшись, прибавилъ: — Нѣтъ, я лучше пойду. У меня опять разбалывается голова... виски... больно...

Онъ наскоро дотронулся холодной рукой до руки своего двоюроднаго брата и ушелъ, а Павелъ Андреевичъ, какъ сидѣлъ, такъ и остался сидѣть на своемъ мѣстѣ, неподвижный, опечаленный, недоумѣвающей. Что такое творится съ этимъ несчастнымъ бѣднягой? Или, въ самомъ дѣлѣ, всю эту перемѣну произвела въ немъ болѣзнь? Если во время болѣзни онъ всегда хотѣлъ быть одинъ и не терпѣлъ, чтобы его разспрашивали о чемъ бы то ни было или даже просто глядѣли на него, то не могло ли это болѣзненное душевное состояніе остаться у него и тогда, когда прошла физическая боль? Или, можетъ быть, разгадка кроется въ вырывавшихся у него неоднократныхъ намекахъ на то, что онъ всѣмъ недовадалъ и всѣмъ совался подъ ноги? Ему и прежде случилось иногда говорить, что онъ—человѣкъ лишній на свѣтѣ, никому не приносящій никакой пользы или радости, а только всѣхъ удручающій своими болѣзнями. Теперь,—отчасти подъ влияніемъ неблагоприятныхъ перемѣнъ въ домашней жизни, стчасти и вслѣдствіе болѣзни, — быть можетъ, эти мысли

сдѣлались его постоянными мыслями, заставляющими его упорно отдѣляться отъ всѣхъ, чтобы никому не „надоѣдать“ и никому не быть въ тягость? Что же предстоитъ дальше?

Вечеромъ приѣхалъ Муравлевъ и сталъ его звать, вмѣстѣ съ собой, къ Лизаветѣ Павловнѣ.

— Хорошо, пожалуй, — вяло согласился Павелъ Андреевичъ. — Утромъ приходилъ Яша и нагналъ на меня такую тоску, что я не знаю, за что взялся. Лежу, думаю о томъ, какъ глупо складывается жизнь у всѣхъ у насъ, и тоскую.

Квартира Тоневой оказалась растворенной настезъ, но въ ней никого не было. Впрочемъ, почти тотчасъ же пришла со двора, съ чулкомъ въ рукахъ, Ольга Ѳедоровна, дѣйствительно показавшаяся Павлу Андреевичу нѣсколько знакомой, и сказала, что Лиза сейчасъ придетъ: она въ саду играетъ въ крокетъ съ хозяевами. Черезъ минуту пришла и Лизавета Павловна и, казалось, очень обрадовалась своему новому гостю.

— Я такъ часто встрѣчалась съ вами, такъ часто слышала о васъ, что мнѣ казалось даже страннымъ, что въѣдъ на самомъ дѣлѣ мы не знакомы, — сказала она.

— Развѣ онъ такъ часто говорилъ обо мнѣ? — спросилъ Павелъ Андреевичъ, взглянувъ на Муравлева.

— Это не онъ. То есть онъ самъ по себѣ... Но онъ и самъ недавно сталъ бывать у насъ. А прежде мнѣ говорила о васъ Ольга Ѳедоровна.

Оказалось, что Ольга Ѳедоровна была старая пріятельница хозяйки того дома, въ которомъ жилъ Павелъ Андреевичъ, и, такимъ образомъ, дѣйствительно могла имѣть самыя обстоятельныя свѣдѣнія о немъ и его образѣ жизни. Сообразивъ это, Павелъ Андреевичъ невольно потушился и подумалъ, что врядъ ли могли Ольга Ѳедоровна и Лизавета Павловна слышать о немъ чтонибудь доброе, кромѣ развѣ того, что онъ исправно платитъ деньги и никого не обижаетъ. Да и вообще, что добраго въ немъ и во всей его жизни? Странное чувство пробудилось въ немъ, когда онъ нѣсколько присмотрѣлся къ квартирѣ Лизаветы Павловны и къ ней самой. Около стѣны, вдвинувшись въ уголъ, стояло старое, уже много лѣтъ не открывавшееся фортепяно, на которомъ нерѣдко играли при немъ мать Лизаветы Павловны

и Николай Тоневъ. Надъ фортепяно висѣла въ потускнѣвшей позолоченой рамѣ закоптѣлая и мѣстами потрескавшаяся большая картина, передъ которой онъ стаивалъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, стараясь разсмотрѣть нѣкоторыя, наиболѣе пострадавшія отъ времени, сцены изображеннаго на ней наводненія. Мебель была почти все та же, что и прежде: тѣ же стулья съ деревянными спинками и мягкими подушками безъ пружинъ, тѣ же столы съ затѣйливо изогнутыми ножками, украшенными рѣзбой, тѣ же двѣ этажерки съ закругленными полками, съ выдвигаемыми ящиками внизу, съ перегородками на верхнихъ полкахъ. Все, все то же... Та же передъ окнами бѣлая церковь съ зеленою входною дверью, зеленою крышею, съ полѣнницами дровъ за оградой, со стаями голубей на колокольнѣ. Та же площадь, заросшая травой. Тѣ же мостки съ деревянными тумбами. Казалось, что вотъ-вотъ послышатся на этихъ мосткахъ знакомые шаги запоздаваго гдѣ-то Николая Тонева, потомъ онъ самъ появится подъ окнами и, увидавъ въ одномъ изъ нихъ свою любимицу Лизу, почтительно сдѣлаетъ ей подъ козырекъ.

Прошлое вспоминалось со всѣми подробностями, умершее воскресало въ душѣ Павла Андреевича. Ему думалось, что онъ точно былъ гдѣ-то въ отъздѣ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, а теперь воротился... И вдругъ въ немъ, неожиданно для него самого, сложилось непоколебимое убѣжденіе, что эта Лиза, превратившаяся теперь въ Лизавету Павловну, должна быть очень, очень хорошею дѣвушкой, если она только здѣсь чувствуетъ себя дома. Значить, у нея не „дѣвичья память“. Значить, ей дорого не только воспоминаніе о любимыхъ людяхъ, но дороги даже предметы, окружавшіе ихъ; дороги даже каменные плиты этой маленькой церкви, на которыхъ нѣкогда стаивали близкіе ей люди. Значить также, что ее не только „всѣ знаютъ“ въ этомъ уголкѣ, но всѣ любятъ, если она не чувствуетъ надобности перебираться куда нибудь въ другое мѣсто—„гдѣ лучше“.

— Но вѣдь вы и прежде жили въ этой квартирѣ. Миѣ кажется, что я сиживалъ у этого самого окна, — невольюно сказалъ онъ, взглянувъ еще разъ на церковь и на деревянную скамейку подлѣ ея массивной двери.

— Нѣтъ, мы жили тамъ, въ большомъ домѣ, — отвѣчала Лиза, указывая направо.

— Въ томъ домѣ, что черезъ полисадникъ. А это флигель. Здѣсь жилъ тогда Лукинъ. Хозяева сами здѣсь не жили, — заговорила, усаживаясь подлѣ него, Ольга Ѳеодоровна, принесшая самоваръ, и принялась рассказывать, что хозяинъ уѣхалъ тогда на службу въ Сибирь, но только вдвоемъ съ женой, а дѣти оставались здѣсь на попеченіи бабушки. Съ наступленіемъ весны, Ольга Ѳеодоровна повезла дѣтей въ Сибирь, къ родителямъ, за двѣ съ половиной тысячи верстъ. Всѣхъ четверыхъ она доставила вполне благополучно, и съ тѣхъ поръ для нея „пошло такое положеніе“, что ей то и дѣло приходилось отвозить чужихъ дѣтей, — кого въ институтъ, кого въ корпусъ, одну въ Петербургъ, другаго въ Полтаву. Была въ Кіевѣ, была въ Воронежѣ, была даже въ Варшавѣ...

— Ну, теперь ужъ давно не ѣзжу. Пора и отдохнуть. Скоро семьдесятъ лѣтъ, — сказала она.

— Семьдесятъ лѣтъ? Вы шутите! — сказалъ Павелъ Андреевичъ, съ недоумѣніемъ глядя на ея темные волосы, почти безъ признаковъ сѣдины, на ясные глаза, на изрѣзанное морщинами, но румяное лицо.

— У нея всѣ зубы цѣлы, — прибавила отъ себя Лиза, разговаривавшая съ Муравлевымъ.

— По зубамъ, я не знаю сколько, а по годамъ шестьдесятъ восьмой годъ, — сказала Ольга Ѳеодоровна и продолжала рассказывать Павлу Андреевичу, что теперь она уже лѣтъ семь сидитъ на одномъ мѣстѣ, вотъ въ этой самой квартирѣ, вмѣстѣ съ Лизой.

Оказалось, что Лиза приходится ей дальней родственницей. Когда Лиза осталась, послѣ смерти бабушки, совсѣмъ одинокой, Ольга Ѳеодоровна предложила, что она найметъ на свое имя квартиру, а Лиза будетъ жить у нея нахлѣбницей. Нѣкоторое время такъ и было, — Лиза платила ей семнадцать рублей въ мѣсяцъ, а Ольга Ѳеодоровна кормила ее, поила чаемъ, прибирала и отопляла комнаты, но потомъ, понемногу да понемногу, все такъ перепуталось, что теперь и не разберешь, кто на кого работаетъ.

— Деньги-то я получаю по прежнему, а работать-то

она пожалуй, на меня больше работаетъ, чѣмъ я на нее, — съ лукавой усмѣшкой сказала Ольга Ѳедоровна.

— Какъ же я могу работать, когда съ утра ухожу въ школу?—опять замѣтила мелькомъ разговаривавшая съ Муравлевымъ Лиза, на минуту повернувъ къ ней голову.

— Квартира эта значитъ какъ бы моя, — продолжала Ольга Ѳедоровна, не обращая на нее вниманія, — а деньги за нее платить она и мебель здѣсь тоже больше ея, а не моя. Значить, на самомъ-то дѣлѣ, чья же это квартира и кто у кого живетъ? Деньги на кушанье и на чай и кофе тоже идутъ изъ ея кармана, а кушаемъ и пьемъ мы сообща. Вотъ какъ у насъ хорошо устроено... Теперь работа. Утромъ и пойду за провизіей, — это ужъ мое дѣло, потому что, надо правду сказать, дѣлать покупки она не большая мастерица. А приду домой, — квартира уже вся прибрана и чай на столѣ собранъ. Положимъ, я стряпаю кушанье, такъ зато она мало ли чего на меня стряпаетъ: то платье какое нибудь перешиваетъ, то платокъ вяжетъ, то капоръ какой нибудь вздумаетъ шить.

Павель Андреевичъ невольно улыбался. Вчера Муравлевъ готовъ былъ, кажется, до утра говорить о Лизѣ, а сегодня Ольга Ѳедоровна не можетъ наговориться о ней. Должно быть, въ нее всѣ влюблены.

— Интересно знать, ссоритесь вы иногда или не ссоритесь, — смѣясь, сказалъ онъ.

— О, да какъ еще! Иной разъ я кого нибудь похваляю, а она не хвалить, или она хвалить, а я не хвалю. Такой споръ пойдетъ, такими словами она меня обзываетъ: и придира-то я, и клязница, и старовѣрка!.. А какая я старовѣрка? Я крестомъ вотъ какимъ крещусь; по мнѣ, кури хоть табакъ, хоть крапиву, если хочешь, только будь добрымъ человѣкомъ! — энергично махнувъ сложенными тремя перстами, сказала она и съ лукавой усмѣшкой выразительно посмотрѣла на Лизу.

Павель Андреевичъ тоже смотрѣлъ на нее и вдругъ замѣтилъ, что она, сначала весело улыбавшаяся, при послѣднихъ словахъ Ольги Ѳедоровны начала краснѣть все больше и больше, и украдкой взглянула на нее съ упрекомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я недавно довела ее до слезъ, — ска-

зала она, очевидно, больше для того, чтобы скрыть овладѣвшее ею смущеніе.

— До слезъ, до слезъ! Сперва по одной щекѣ поползла слеза, потомъ по другой, и слова нейдуть изъ горла, — до того она меня разобидѣла, — подтвердила Ольга Федоровна съ самымъ серьезнымъ видомъ, но все съ тѣмъ же лукавымъ огонькомъ въ глазахъ.

Потомъ она заговорила о своей хорошей знакомой — хозяйкѣ Павла Андреевича, о его квартирѣ, о садѣ, который онъ опять привелъ въ порядокъ.

— Да, я люблю возиться въ немъ. Нужно же что нибудь дѣлать, — сказала она.

— Ваша хозяйка говорила, что вы хотѣли опять поступить въ военную службу, — обратилась къ нему Лиза.

— Прежде я такъ и думалъ. Теперь думаю — лучше будетъ поступить на частную.

— А какого мѣста вы ищите себѣ? — спросила она.

— Право, я и самъ не знаю... какое попадется. Въ земской управѣ, въ думѣ, въ паровой конторѣ... какого ни будь счетчика, журналиста, даже хоть кописта. Мнѣ все равно. Рублей на пятьдесятъ, пожалуй, даже на сорокъ въ мѣсяць.

— Какъ же ты будешь жить на сорокъ рублей? — съ недоумѣніемъ спросилъ Муравлевъ.

— Отчего же... можно жить, — отвѣчалъ своимъ равнодушно-вялымъ тономъ Павелъ Андреевичъ.

И Ольга Федоровна, и Лизавета Павловна, смѣясь, смеялись на Муравлева и затѣмъ обѣ принялись доказывать ему, что какъ же одинокому человѣку не прожить на сорокъ рублей?! Люди, — сельскіе учителя, на примѣръ, — живутъ даже на десять, на восемь рублей!.. Павелъ Андреевичъ не принималъ въ завязавшемся спорѣ почти никакого участія и съ увеличивавшимся тоскливымъ чувствомъ, зародившимся въ немъ съ того момента, когда рѣчь зашла о мѣстѣ и о военной службѣ, думалъ: ну, затѣмъ ему понадобилось прійти сюда, когда онъ десятки разъ повторялъ себѣ, что чѣмъ меньше будетъ заводить новыхъ знакомствъ, тѣмъ лучше. За чѣмъ? Чтò въ этомъ хорошаго? И Ольга Федоровна, и Лиза почему-то составили себѣ о немъ самое хорошее мнѣніе.

встрѣтили его, дѣйствительно, какъ стараго друга, возвратившагося послѣ долгаго отсутствія. А какое, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть о немъ хорошее мнѣніе, когда онъ больше ничего, какъ не уличенный до поры, до времени воръ!.. „И этотъ тоже воръ!“ мысленно прибавилъ онъ, посмотрѣвъ далеко не дружелюбными глазами на Муравлева, доказывавшаго въ это время, что въ сельскіе учителя идутъ только тѣ, кому некуда больше дѣваться.

— Это — не жизнь, а каторга для огромнаго большинства, подвижничество для ничтожнаго меньшинства, — говорилъ онъ, горячася.

Тоже воръ! И неужели въ него серьезно закралась несчастная любовь къ этой дѣвушкѣ? Неужели можетъ случиться такое несчастье, что и она любитъ его? — думалъ онъ и пылливо всматривался въ лицо Лизы. Нѣтъ, не похоже. Добрые, ясные глаза, оживленное лицо, нѣсколько взволнованный голосъ, но ни во взглядѣ, ни въ выраженіи лица, ни въ тонѣ голоса невозможно подмѣтить рѣшительно ничего, изъ чего можно было бы заключить, что она видитъ въ Муравлевѣ не обыкновеннаго хорошаго знакомаго, а несравненно болѣе дорогаго для нея человѣка. Къ тому же, она какъ-то слишкомъ... не то предупредительна, не то церемонна въ обращеніи съ Муравлевымъ, какъ-то черезчуръ щепетильно выбираетъ выраженія, когда говоритъ съ нимъ, и, вообще, между ними не чувствуется той близости, которая сама собою устанавливается между людьми, любящими другъ друга. Нѣтъ, не похоже, чтобы она увлекалась имъ, думалъ онъ, успокоиваясь и продолжая задумчиво смотрѣть на ея сѣрые глаза, на гладко причесанные русые волосы, на ея худощавое и нѣсколько блѣдное лицо. Руки у нея тонкія, плечи, какъ будто, нѣсколько узкія для ея лѣтъ, довольно высокій ростъ. Вся она какая-то нѣрвная, сухая, точно хрупкая, хотя далеко не смотритъ болѣзненною. А впрочемъ, если взять въ расчетъ все, — продолжительную и тяжелую болѣзнь, которую она перенесла послѣ смерти старшаго брата, потомъ кончину матери, одиночество, скорбь объ утраченныхъ дорогихъ людяхъ, наконецъ, бѣдную рабочую жизнь, — то, пожалуй, окажется, что было бы даже странно, еслибы Лиза вышла иною. Именно такую она и должна была выйти: сер-

дечною, нервною, впечатлительною, слишкомъ близко принимающею къ сердцу даже то, на что другіе люди не обратили бы никакого вниманія.

Часовъ около одиннадцати, Муравлевъ и Павелъ Андреевичъ пошли домой. Муравлевъ, тоже замѣтившій или, вѣрнѣе, инстинктивно почувствовавшій, что въ несомнѣнно дружескихъ отношеніяхъ къ нему Лизаветы Павловны все таки оставалось что-то неудовимо сдержанное, какъ будто разъединяющее его отъ нея, былъ пасмурень и недоволенъ. Онъ долго молчалъ; Павелъ Андреевичъ тоже не говорилъ ни слова.

— Надо тебя поздравить. Ты съ перваго же взгляда до того очаровалъ Ольгу Ѳедоровну, что она сейчасъ же принялась открывать тебѣ всю подноготную, — насмѣшливо сказала наконецъ Муравлевъ.

— Она мнѣ очень понравилась, — вяло отвѣчала изъ мрака Павелъ Андреевичъ, шедшій шагахъ въ двухъ отъ него.

— Даже очень? Нѣтъ, мнѣ не нравится. Я не особенно склоненъ любить людей, которые недолюбливаютъ меня. А эта старуха меня недолюбливаетъ, — я вижу. Когда она рассказывала о несогласіяхъ, какія происходятъ между ними изъ-за того, что Лизавета Павловна хвалитъ когонибудь, а она не хвалитъ, — рѣчь шла обо мнѣ. Именно поэтому Лизавета Павловна и поспѣшила поскорѣе замаять этотъ разговоръ. А иначе съ чего бы ей конфузиться и заминать его?

— Нѣтъ... не знаю. Кто же знаетъ?.. А, можетъ быть, рѣчь шла обо мнѣ: Ольга Ѳедоровна меня хвалила, а Лиза называла шалопаемъ, — также вяло возразилъ Павелъ Андреевичъ.

— Ты думаешь? Ну, а Лизавета Павловна тоже очень тебѣ понравилась, или не очень?

— Очень. Лиза — милая дѣвушка... Такъ что я теперь очень жалѣю, что пошелъ къ ней.

— Боишься влюбитья въ нее?

— Нѣтъ... Не то... Я десять разъ говорилъ себѣ, что мнѣ не слѣдуетъ заводить знакомствъ съ порядочными людьми — и вижу теперь, что былъ правъ. Дѣйствительно, не слѣдовало...

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросилъ Муравлевъ,

уже начавшій было успокоиваться и даже приходитъ въ довольно веселое настроеніе, но вдругъ почувствовавшій, что его товарищъ недаромъ такъ тянетъ слова и вовсе не расположенъ шутить, а намѣревается завести какую-то „непріятную философію“.

— То, что мнѣ лучше не затесываться въ общество порядочныхъ людей. Когда я сидѣлъ у этихъ моихъ новыхъ знакомыхъ и говорилъ самъ себѣ, что обѣ онѣ добрыя, хорошія, милыя женщины, — знаешь, какое слово постоянно вертѣлось у меня въ головѣ?

— Именно?

— „Воръ“, — сухо отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ и, бросивъ на землю докуренную папиросу, принялся затапывать ногой разсыпавшіяся искры.

Муравлевъ, не останавливаясь и не оглядываясь, шель дальше, блѣдный, со стиснутыми зубами, взбѣшенный. Если этотъ сумашедшій называетъ воромъ себя, то, разумѣется, точно также называетъ воромъ и его, своего соучастника. Если онъ находитъ непозволительнымъ для себя затесываться къ порядочнымъ людямъ, то, конечно, находитъ это точно также непозволительнымъ и для него, Муравлева. Говоря иначе, смыслъ его словъ тотъ, что имъ обоимъ слѣдовало бы не ходить больше къ Лизаветѣ Павловнѣ!.. Что онъ, — въ самомъ дѣлѣ начинаетъ сходить съ ума вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ имъ потрясеній? Или влюбился съ перваго взгляда въ Лизавету Павловну и не можетъ допустить того, чтобы она досталась другому?.. Этого еще не доставало, чтобы они, послѣ пятнадцати лѣтъ дружбы, сдѣлались соперниками и врагами. Нижего глупѣе этого нельзя было бы придумать даже нарочно.

— Я думалъ, ты оставилъ эту исторію въ Москвѣ и забылъ о ней, — сказалъ онъ, пріостановившись и обождавъ, чтобы Павелъ Андреевичъ, неторопливо шедшій въ нѣсколькихъ шагахъ сзади, поравнялся съ нимъ.

— Какъ видишь, нѣтъ.

— Жаль... напрасно! Я уже говорилъ тебѣ, какъ смотрю на это... Было время, были несчастныя обстоятельства, которыя заставили насъ рѣшиться на несовсѣмъ хорошее дѣло. Были и прошли. И теперь мы сдѣлались опять тѣми же са-

мыми людьми, какими были прежде. Ни у меня нѣтъ теперь рѣшительно никакихъ дурныхъ намѣреній, за которыя меня могла бы упрекнуть совѣсть, ни у тебя ихъ, навѣрное, нѣтъ. Дурное *было* и *прошло*... Правда, оно *было*, но что же дѣлать? Не найдется человѣка, въ жизни котораго не было бы какого нибудь дурнаго поступка, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка! Изъ этого слѣдуетъ только то, что люди не ангелы и что не всякій человѣкъ, который сдѣлалъ дурной поступокъ, непременно дурной человѣкъ, — говорилъ Муравлевъ тономъ пріятеля, старающагося убѣдить и успокоить раздражительнаго болѣзнаго товарища.

— Ты думаешь по своему, а я по своему. Я говорю только о себѣ... Говорю, что для меня лучше было бы не заводить этого новаго знакомства: легче было бы, — тѣмъ же вялымъ тономъ отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ и остановился на углу, отъ котораго имъ приходилось идти въ разныя стороны.

Муравлевъ тоже остановился, задумчивый, недовольный, видя, что онъ нисколько не убѣдилъ и не успокоилъ своего товарища. Но что же дѣлать и что же еще говорить, когда онъ, какъ видно, не хочетъ ни вдуматься въ приводимые доводы, ни трезво обсудить свое положеніе, а просто нервничаетъ, какъ женщина, руководствующаяся одними только минутными впечатлѣніями. Придетъ другой день, придутъ другія впечатлѣнія, — тогда, по всей вѣроятности, онъ и самъ забудетъ свою сегодняшнюю пѣсню.

— Просто, ты сегодня въ дурномъ настроеніи, — сказалъ онъ, кликнувъ извозчика.

— Это правда, въ очень дурномъ, — согласился Павелъ Андреевичъ и, пожавъ ему руку, задумчиво пошелъ своей дорогой по темной и безлюдной улицѣ.

„Было и прошло!.. Не найдется человѣка, на совѣсти котораго не было бы ни одного дурнаго поступка... Люди не ангелы“, съ горечью припоминалъ онъ слова Муравлева. Да, да... „Безъ горя жизнь не прожить, безъ стыда лица не износить“. — Все это онъ знаетъ, думалъ, слышалъ, выучилъ наизусть. Десятки разъ говорилъ онъ самому себѣ, что невозможно назвать преступникомъ человѣка, который рѣшился на

преступленіе при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, почти въ сумашествіи, и никогда больше въ жизни не сдѣлаетъ ничего подобнаго. Какой это преступникъ? И однако же, не смотря на всё это, повидимому, очень успокоительные доводы, совѣсть его нисколько не думаетъ успокоиваться и при всякомъ удобномъ случаѣ повторяетъ ему все одно и то же,—что онъ воръ. Очевидно, то же самое творится и съ Муравлевымъ. Иначе, почему бы это слово произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ добрую минуту не могъ сказать ничего, а когда наконецъ заговорилъ, то заговорилъ сначала такимъ сухимъ и враждебнымъ тономъ, какимъ еще никогда не говорилъ съ нимъ? Чтò же, неужели и въ ихъ дружескія отношенія начинаетъ закрадываться что-то недоброе? Сперва пошелъ постепенно увеличивавшійся разладъ съ дядей. Потомъ ушла Груня. Потомъ невѣдомое что-то оттолкнуло отъ него Яшу. Теперь появилась первая, покуда чуть замѣтная, трещина въ дружбѣ съ Муравлевымъ. А дальше не остается уже ровно ничего, — потянется жизнь такая же темная и пустынная, какъ эта улица...

Черезъ нѣсколько дней, Павелъ Андреевичъ встрѣтился на улицѣ съ Лизой. Онъ хотѣлъ было пройти мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ ея, но она сама подошла и заговорила съ нимъ.

— Вы опять ѣздили въ Москву или, можетъ быть, хворали?

— Нѣтъ, никуда не ѣздилъ и, слава богу, здоровъ. А что?

— Вчера я видѣла Григорія Александровича и спрашивала о васъ. Онъ говоритъ, что уже давно не видѣлъ васъ. Вы къ нему не показываетесь, а ему все время было некогда: сначала у него были по вечерамъ совѣщанія по поводу дѣлъ того общества, въ которомъ онъ получаетъ свое новое мѣсто, а третьяго дня пріѣхала его сестра.

— Нѣтъ, я все сидѣлъ дома. Никуда не хотѣлось идти. Копался въ саду.

Затѣмъ она сказала, что сейчасъ получила письмо отъ брата, стала рассказывать о томъ, какъ онъ устроился въ Крыму, и, въ концѣ концовъ, случилось какъ-то такъ, что Павелъ Андреевичъ, сначала намѣревавшійся не заводить никакого продолжительнаго разговора, незамѣтно для самого

себя разговорился и шелъ съ нею все дальше и дальше по направленію къ Кружной улицѣ.

— Алеша пишетъ, что теперь онъ чувствуетъ себя почти совсѣмъ хорошо и даже начинаетъ толстѣть, — говорила Лиза. — Не знаю, для одного ли только того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, онъ пишетъ это, или ему въ самомъ дѣлѣ лучше. Во всякомъ случаѣ, если онъ живъ до сихъ поръ и если еще не потеряна надежда на выздоровленіе, то это — благодаря одному только Григорію Александровичу. Еслибы вы видѣли, какой страшный и жалкій пріѣхалъ сюда Алеша!.. Я уже не говорю о томъ, что онъ умиралъ, исходилъ кровью, съ каждымъ днемъ становился слабѣе и слабѣе. Но и его душевное состояніе было ужасное: онъ былъ золь на всѣхъ, потерялъ всякую вѣру во все, дошелъ до какого-то злобнаго отчаянія, какого мнѣ еще никогда не приходилось видѣть. И вотъ Григорію Александровичу, съ которымъ Алеша всегда любилъ спорить, хотя никогда ни въ чемъ не соглашался, удалось понемногу успокоить его. Потомъ онъ поднялъ на ноги и привезъ къ намъ лучшихъ здѣшнихъ докторовъ. А когда они сказали, что Алешѣ необходимо уѣхать на югъ и жить какъ можно спокойнѣе, Григорій Александровичъ досталъ ему билеты на проѣздъ, рекомендательныя письма къ одному извѣстному доктору и столько денегъ, что Алеша можетъ безъ всякой заботы прожить на нихъ больше года... Вѣдь, въ сущности, Григорій Александровичъ очень добрый человекъ? — вдругъ спросила она и взглянула прямо въ глаза Павлу Андреевичу, видимо растроганная и полная благодарности къ Муравлеву.

Павелъ Андреевичъ, никогда не размышлявшій о томъ, — доброе или не доброе у Муравлева сердце, — помолчалъ нѣсколько времени.

— Право, я не знаю, какъ вамъ сказать, — отвѣчалъ онъ наконецъ. — Муравлевъ всегда держался какъ-то особнякомъ ото всѣхъ... Но мнѣ онъ былъ самымъ добрымъ другомъ въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ. Я всегда его очень любилъ. Съ отцомъ своимъ онъ тоже добръ и терпѣливъ, хотя съ нимъ нетрудно было бы потерять терпѣніе. Сестру любить и балуетъ... И никогда я не видѣлъ и не слышалъ,

чтобы онъ сдѣлалъ комунибудь зло или поступилъ съ кѣмъ-нибудь жестоко или грубо...

— Да, да... Не смотря на то, что онъ держится особнякомъ и говоритъ, что презираетъ людей... Да, да!—съ улыбкой сказала Лиза и еще разъ кивнула головой, желая сказать, что она именно такъ и понимала Муравлева.—Помню, я еще маленькой дѣвочкой смотрѣла на него, какъ на какого-то особеннаго человѣка. Онъ казался мнѣ какимъ-то очень большимъ, больше всѣхъ, богаче всѣхъ, образованнѣе всѣхъ,—разсказывали, что онъ говорилъ на трехъ иностранныхъ языкахъ,—умнѣе всѣхъ... Знаете ли, вѣдь онъ имѣлъ огромное вліяніе на Алешу. Прежде Алеша былъ совсѣмъ простенькій юноша: посредственно учился, кое-что почитывалъ,—больше, впрочемъ, романы,—но предпочиталъ всякимъ книгамъ ералашъ и вовсе не думалъ продолжать образованіе, а собирался прямо изъ гимназіи поступить на службу. Говорилъ, что съ него будетъ и гимназическаго образованія: для того, чтобы писать отношенія, не нужно изучать философію. Но знакомство съ Григоріемъ Александровичемъ точно разбудило его. Ему вдругъ понадобилась и эта не нужная до того времени философія, и иностранные языки, надъ которыми онъ прежде смѣялся, и высшее образованіе. Уже черезъ годъ, когда онъ пріѣхалъ изъ университета на вакаціи, его нельзя было узнать... Правда, онъ, какъ говорится, пошелъ по другой дорогѣ, чѣмъ Григорій Александровичъ, однако же, если онъ пошелъ куда-нибудь, а не остался сидѣть на одномъ мѣстѣ, такъ это случилось только благодаря Григорію Александровичу.

Она стала спрашивать объ отцѣ, о сестрѣ, о болѣе близкихъ знакомыхъ Муравлева, и когда Павелъ Андреевичъ, давъ ей обстоятельныя характеристики „папочки“ и Татьяны Александровны, прибавилъ: что близкихъ знакомыхъ у Муравлева нѣтъ совсѣмъ, Лиза задумалась и видимо опечалилась за Муравлева.

— Да... Я такъ и думала... Мнѣ почему-то всегда казалось, что у него въ семьѣ мало хорошаго, и никого нѣтъ... главное, никого нѣтъ близкаго,—сказала она и вздохнула.

Потомъ, когда они уже подходили къ ея квартирѣ, Лиза завела разговоръ о самомъ Павлѣ Андреевичѣ, о его дядѣ,

котораго встрѣчала въ одномъ знакомомъ семействѣ, о Валентинѣ Константиновичѣ, о Яшѣ. Особенно ее заинтересовала и завладелъ ея сочувствіемъ Яша, о которомъ она уже и прежде кое-что слышала.

— Что съ нимъ?.. Что это еще за печальная загадка?— нѣсколько разъ повторяла она, слушая разсказъ Павла Андреевича. И вдругъ, представивъ себѣ этого „больнаго мальчика“ одиноко скитающимся съ утра до ночи гдѣ-то по улицамъ, по кладбищамъ или также одиноко сидящимъ по цѣлымъ часамъ въ городскомъ саду, на скамейкѣ, Лиза вспыхнула гнѣвомъ и негодованіемъ на Павла Андреевича. Что это такое?! Кажется, онъ добрый человѣкъ и, кажется, любить этого несчастнаго мальчика, а между тѣмъ цѣлую недѣлю не позаботится навѣстить, разыскать его! Она, на его мѣстѣ, уже десять разъ сбѣгала бы къ нему. Какъ бы онъ тамъ ни встрѣчалъ ее, но пусть бы только видѣлъ, что онъ не всѣмъ надобѣ и есть люди, которые о немъ помнятъ и думаютъ... Что это такое?! Если чѣмъ и можно до нѣкоторой степени извинить Павла Андреевича, такъ развѣ только тѣмъ, что у него у самого какъ будто лежитъ на сердцѣ какая-то большая забота или большое горе.

— Право... все таки вамъ слѣдовало бы сходить къ нему, — сказала она, стараясь говорить какъ можно мягче, однако все же съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Конечно, я пойду опять, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ своимъ вялымъ тономъ.—Я былъ у него уже три раза. Мнѣ самому скучно безъ него. Я и сегодня, когда встрѣтился съ вами, нарочно бродилъ по улицамъ, въ надеждѣ увидѣть его гдѣнибудь.

Лиза покраснѣла до самыхъ висковъ: она негодовала на него и возмущалась его, несуществовавшимъ на самомъ дѣлѣ, безсердечіемъ.

— Простите, пожалуйста... Какъ же мнѣ показалось, вы сказали, что не... не...—проговорила она, заикаясь.

— Должно быть, я сказалъ, что не видѣлся съ нимъ. Всѣ три раза я не могъ застать его дома,—ни рано утромъ, ни поздно вечеромъ.

— Пожалуйста, извините... Я припоминаю теперь... Мнѣ показалось, вы говорили раньше, что не выходили изъ дому

или ни съ кѣмъ не видѣлись. Я все перепутала, — сконфу-
женно говорила Лиза и поскорѣе ушла, чтобы приготовить
все къ чаю.

Пришла Ольга Ѳедоровна, сидѣвшая въ хозяевами въ саду,
и со вздохомъ заговорила о томъ, что давно ли, кажется,
была весна, а теперь уже наступаетъ и лѣту конецъ: не
успѣешь выйти послѣ обѣда на улицу или въ садъ, какъ,
глядишь, и ночь идетъ.

— Скоро и опять придется надѣвать лямку на плечи:
начнутся занятія въ школахъ,—пасмурно сказала она и опять
вздохнула.

— Пора. Пожалуй, что становится и скучно безъ дѣла,—
равнодушно проговорила Лиза мимоходомъ.

— Ну, скучать-то, кажется, не о чемъ. Не богъ знаетъ,
какое веселое дѣло возиться съ такою оравой.

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, трудно? — спросилъ
Павель Андреевичъ.

— Что? учительствовать трудно?—переспросила Лиза, со-
биравшая на столъ чайную посуду изъ шкафа.—Ахъ, пожа-
луйста, не слушайте ея. Ну, чтò она понимаетъ въ нашей
жизни, когда она „старовѣрка“? Еслибы ей дать власть и
возможность, она нарядила бы меня, какъ куклу, и посадила
бы подъ стеклянный колпакъ или, по крайней мѣрѣ, къ окну.
Такъ бы я и сидѣла, покуда бы не умерла со стыда и скуки.
А она бы стала потомъ плакать и удивляться, отчего это я
умерла, когда она устроила меня такъ отлично... Да и не
она одна такъ говорить; знаете ли, иногда, когда при-
помнишь все, чтò приходится слышать объ этомъ несчастномъ
учительствѣ, то сдѣлается какъ-то странно и обидно... Ну,
отчего это люди не могутъ посмотрѣть попроще на такое про-
стое дѣло? Одни говорятъ: „скучно“, „трудно“... Другіе ви-
дятъ въ этомъ какую-то „миссію“, точно будто я тамъ спа-
саю какія-то погибающія души и при этомъ каждый день
рискую своею жизнью. Григорій Александровичъ тоже смо-
тритъ на это, какъ на „подвигъ“, потому, видите ли, что
трудъ будто бы очень великъ, а вознагражденіе за него слиш-
комъ ничтожно. Ну, какой тутъ подвигъ? Вонъ, въ ново-
строющемся домѣ, плотники и каменщики работаютъ съ ран-
него утра до поздней ночи изъ-за какихъ нибудь восьми или

десяти рублей въ мѣсяцъ. Это тоже подвигъ? Въ домикѣ рядомъ—прачка по цѣлымъ днямъ возится и у раскаленной плиты лѣтомъ, и у проруби въ жестокіе морозы, а зарабатываетъ еще меньше плотниковъ. Также подвигъ? У хозяевъ въ мезонинѣ живетъ ихъ дальній родственникъ, семейный человекъ, который и утромъ, и вечеромъ ходитъ на службу въ полицію, писать бумаги, и получаетъ четырнадцать рублей въ мѣсяцъ. Опять таки подвигъ?.. Ну, какіе тутъ подвиги и миссіи? Никакихъ въ этомъ нѣтъ ни подвиговъ, ни „миссій“, а самая обыкновенная настоящая жизнь. Григорій Александровичъ говорилъ, что у него есть большой балконъ, чуть не больше нашей квартиры, и весь обставленъ цвѣтами... Ну, вотъ съ этого балкона онъ, должно быть, и смотритъ на жизнь и, разумѣется, ему представляются какіе-то подвиги тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и слѣда, а идетъ самая обыкновенная и простая работа... Вотъ Ольга Федоровна вяжетъ чулокъ, — пожалуй и это подвигъ? Потому что чулки вѣдь очень полезная и даже благодѣтельная вещь, а вознаграждается эта работа совсѣмъ плохо...

Ольга Федоровна раза два порывалась было сказать, что какъ тамъ ни говори, а все таки въ годы Лизы лучше возиться въ своей семьѣ и со своими дѣтьми, чѣмъ съ чужими, но благоразумно удержалась. Павелъ Андреевичъ съ одобрительной улыбкой слушалъ дѣвушку, все какъ будто выроставшую въ его глазахъ. Она не горячилась, даже не повышала голоса и говорила совершенно спокойно, развѣ только съ нѣкоторою досадою на то, что вотъ люди не хотятъ понять такого простаго и яснаго дѣла.

— Одно время я была конторщицей въ здѣшнемъ „ломбардѣ“,—продолжала она.—Вотъ тамъ, дѣйствительно, было скучно, потому что приходилось работать, какъ машина: какія цифры дадутъ, такія и пиши... Иной разъ и хотѣлось бы сдѣлать что нибудь не машинное, а человеческое, да что тамъ дѣлать?.. Потомъ была гувернанткой. Это, разумѣется, уже несравненно лучше. Но въ школѣ мнѣ еще лучше, хоть бы по одному тому, что здѣсь у меня все свое: свой уголь, свой обѣдъ, свой чай, свои знакомые, а не тѣ, какіе приходятъ къ хозяевамъ. Конечно, и въ школѣ есть свои неприятности, но гдѣ же ихъ нѣтъ? Иногда случается и уста-

вать, но что же изъ этого и какое тутъ горе? Вотъ теперь дома, когда заиграешься въ крокетъ, или засидишься долго за книгой, или придешь съ какой нибудь дальней прогулки—иногда устанешь еще больше. Что же объ этомъ говорить?

Павель Андреевичъ опять заговорился и засидѣлся у нея почти до одиннадцати часовъ. Возвращаясь домой, онъ встрѣтился у дверей своей квартиры съ Муравлевымъ.

— А, ты ходишь... Отчего же ты не заходилъ столько времени ко мнѣ?—сказалъ Муравлевъ.—Я нарочно уллучилъ минуту, хотя и несовсѣмъ обыкновенную, чтобы справиться, не захворалъ ли ты опять.

— Нѣтъ, здоровъ. Сижу больше дома. Встрѣтился сегодня съ Лизой и просидѣлъ у нея весь вечеръ. Много говорили о тебѣ.

— Интересно: что же вы говорили обо мнѣ?

— Между прочимъ, Лиза говорила, что ты очень добрый человѣкъ, хоть и выдаешь себя за человѣконенавистника... что если ея братъ остался живъ до сихъ поръ и не потеряна надежда на его выздоровленіе, то это единственно благодаря тебѣ.

— А, объ этихъ деньгахъ!—пренебрежительно проговорилъ Муравлевъ.—Ты знаешь, онѣ мнѣ не дорого достались...

— Напротивъ, страшно, страшно дорого!—подавленнымъ полушопотомъ отвѣчалъ Павель Андреевичъ.

Опять онъ точно оттолкнулъ отъ себя Муравлева. Опять Муравлевъ посмотрѣлъ на него холодными, почти злыми глазами, но тотчасъ же постарался освободиться отъ овладѣвавшего имъ враждебнаго чувства къ старому товарищу.

— Ну, что объ этомъ говорить... не стану спорить. Во всякомъ случаѣ, когда у меня есть какія бы то ни было деньги, ты знаешь, я не имѣю привычки засовывать ихъ поглубже за голенище. Вынуть ихъ изъ кармана было для меня нетрудно; гораздо болѣе труднымъ представлялось для меня—перемѣстить ихъ въ карманъ Тонева,—сказалъ онъ и засмѣялся.—Тутъ вышла у насъ довольно оригинальная исторія. Когда я началъ издалека подѣзжать къ нему съ этими деньгами, онъ сначала посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, видимо не понимая, куда я клоню, но потомъ понялъ, и знаешь,

что сказалъ мнѣ? „Кажется, вы собираетесь предложить мнѣ денегъ? Пожалуйста, не стѣсняйтесь. На своемъ вѣку я столько роздалъ своихъ денегъ на чужія дѣла, что не вижу ничего особеннаго въ томъ, если, наконецъ, и въ мой карманъ попадутъ чужія деньги“... Чудакъ! Дѣйствительно, онъ зарабатывалъ порядочныя деньги, и всѣ онѣ расходились у него направо и налево, именно на чужія дѣла. Большой чудакъ!.. Да, впрочемъ, и другіе Тоневы устроены не по обыкновенной мѣркѣ.

Н. Бажинъ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗЪ „БОЛГАРСКИХЪ МОТИВОВЪ“.

Въ цѣпяхъ, презрѣнные рабы,
Покорно иго мы сносили,
Но днемъ и ночью у судьбы,
У неба—воли мы просили.

Была услышана мольба:—
Мы, какъ одинъ, всѣ вдругъ возстали;
Побѣдой кончилась борьба
И цѣпи рабства съ насъ упали.

Но для чего жъ лилася кровь,
Зачѣмъ мы билися съ врагами:
Ярмо раба насъ давить вновь
И чужеземецъ править нами!

Когда насталъ конецъ борьбѣ,
Мы въ счастье вѣрили, какъ дѣти:
Свободы ждали мы себѣ—
И получили снова плети!

А. Кругловъ.

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ.

IV.

Средневѣковый домъ.—Зала, горница, мезонинъ.—Освѣщеніе.—Туалетъ.—
Комнатныя животныя: собаки, птицы, кошки.—Часы ¹⁾.

Средневѣковый домъ имѣлъ дверь на главномъ фасадѣ, чрезъ которую входили въ залу. Зала занимала главную часть дома и въ свою очередь имѣла три двери. Одна вела въ горницу, другая въ хлѣвъ, соприкасавшійся съ залой, третья въ садъ; туда же былъ иногда выходъ прямо изъ горницы. Въ залѣ находились главныя окна, чрезъ которыя падалъ свѣтъ; по большей части это были только отверстія безъ рамъ, закрывавшіяся деревянными ставнями. Въ стѣнахъ, между залой и горницей, и залой и хлѣвомъ были продѣланы окна другого сорта, просто отверстія, ничѣмъ не прикрытыя.

Наиболѣе точное понятіе объ устройствѣ домовъ даютъ намъ средневѣковыя *fabliaux* или повѣсти въ стихахъ. Въ одной изъ нихъ мы читаемъ, что одна женщина, *dame Aubergee*, пришла въ гости къ горожанкѣ, и хозяйка, желая похвастаться, свела ее въ горницу, сосѣдную съ залой, и показывала тутъ свою красивую кровать. Въ наружной стѣнѣ продѣлывались тоже окна втораго типа и, благодаря этому, одинъ мужъ, возвращаясь домой, еще не отворивъ двери, видѣлъ уже, что дѣлалось у него въ залѣ. Въ повѣсти *Le rove clerc*, клеркъ проситъ позволенія переночевать въ домѣ мельника; но мельничиха не принимаетъ его, потому что мужа нѣтъ дома и она ждетъ любовника. Клеркъ уходитъ и встрѣчаетъ мельника, который сердится за такое негостепримство жены

¹⁾ Th. Wright: A history of domestic manners and sentiments in England during the middle ages. K. Weinhold: Die deutschen Frauen in den Mittelalter. Franklin: La vie privée d'autrefois. Lacroix: Moeurs, usages et costumes.

и ведетъ гостя назадъ. Въ это время, въ залѣ сидитъ хозяйка со своимъ любовникомъ; услышавъ стукъ въ дверь, она выпроваживаетъ любовника въ хлѣвъ; оттуда онъ черезъ окно (значить, чрезъ простое отверстіе) слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ залѣ.

Объ устройствѣ деревенскаго дома, не отличавшагося существенно отъ городскаго, можетъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующій рассказъ. Два вора собираются похитить у нѣкоего Траверса ветчину, которую тотъ привязалъ къ перекладинѣ въ залѣ. Воры продѣлываютъ отверстіе въ стѣнѣ и одинъ изъ нихъ входитъ въ домъ, не разбудивъ Траверса, хотя тотъ спалъ съ женой въ горницѣ при открытой двери. Ветчину похищаютъ и уносятъ; хозяинъ просыпается отъ шума, который поднимаютъ воры, уходя, бѣжитъ за ними въ догонку и отнимаетъ окорокъ. Онъ рѣшается теперь сварить ветчину и поѣсть ее; разводитъ въ залѣ огонь и вѣшаетъ надъ нимъ котелъ, наполненный водой. Возвращаются и воры, и чрезъ наружное окно видятъ, что ветчина варится. Они влѣзаютъ на крышу, снимаютъ кусочекъ кровли и, зацѣпивъ длиннымъ крюкомъ окорокъ, уносятъ его.

Еслибы средневѣковые живописцы умѣли хорошо рисовать и соблюдали бы перспективу, мы имѣли бы совершенно ясное представленіе о внѣшности тогдашняго дома по рисункамъ, нерѣдко встрѣчающимся въ рукописяхъ. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ изображеній похожи на неумѣлые рисунки нашихъ дѣтей и даютъ очень мало. Тѣмъ не менѣе, въ Лондонѣ хранится одна рукопись XIV вѣка, на которой довольно хорошо представленъ домъ и Лансело, собирающійся пробраться на свиданіе съ королевой. Это невысокій домъ повидимому съ черепичной крышей, оканчивающейся деревянными зубцами; наружная дверь безъ ручки, но со скважиной для ключа; въ домѣ всего два окна, одно удлинненное, другое четырехъугольное съ рѣшеткой. Королева сообщила Лансело, что изголовье ея кровати стоитъ возлѣ окна и чтобы онъ пришелъ ночью къ окну, защищенному желѣзною рѣшеткою, побесѣдовать съ нею; при этомъ она сказала ему, что стѣна залы, смежная съ ея комнатою, пришла въ ветхость и мѣстами развалилась, такъ что легко пройти черезъ нее. Но Лансело предпочитаетъ сломать рѣшетку окна и проникнуть прямо въ комнату королевы. На другомъ рисункѣ той же рукописи представлено слѣдующее: жена одного рыцаря имѣетъ интригу съ королемъ Клавдіемъ. Обманутый мужъ поджидаетъ въ залѣ, когда король выдетъ изъ комнаты его жены, и собирается схватить его тутъ; но король, узнавъ какъ-то объ ожидающей его опасности, вылѣзаетъ въ окно.

Изъ этого рисунка видно, что горница, служившая спальней, находилась рядомъ съ залой и не имѣла отдѣльнаго выхода.

Изъ разныхъ намековъ можно заключить, что даже въ домахъ богатыхъ людей была всего одна комната, служившая спальней и предназначенная хозяйкѣ и ея служанкамъ; она и представляла слѣдовательно женскую половину. Въ залѣ готовили кушанье, обѣдали, принимали гостей, а ночью зала обращалась въ общій дортуаръ всего семейства, исключая хозяйки. Устройство дома было разное въ разныхъ сословіяхъ; такъ напр., у аристократовъ хлѣвъ не прилегалъ прямо къ залѣ, а на мѣсто его часто устраивали отдѣльную кухню. Въ высшихъ кругахъ чувствовалась потребность имѣть побольше комнатъ, а потому къ дому пристраивали иногда башенки. Въ нѣкоторыхъ залахъ надстраивали мезонинъ, представлявшій одну комнату надъ залой, куда взбирались по крутой лѣстницѣ прямо съ улицы; встрѣчалась впрочемъ и внутренняя лѣстница. Мезонинъ играетъ видную роль въ средневѣковыхъ романахъ. Одинъ буржуа приходитъ къ своей женѣ, переодѣвшись ея поклонникомъ. Она замѣчаетъ обманъ и запираетъ мужа въ мезонинѣ, прося его подождать тутъ, пока всѣ лягутъ спать. Затѣмъ идетъ встрѣтить своего возлюбленнаго и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ прямо въ горницу. Она проситъ друга подождать ее здѣсь, пока она не накормитъ ужиномъ прислугу, и идетъ въ залу. Отсюда она посылаетъ прислугу побить мужа, говоря, что это мужчина, который преслѣдуетъ ее своими ухаживаніями и котораго она хочетъ наказать. Прислуга дѣйствительно нападаетъ на хозяина; онъ спасается въ садъ, куда сходитъ прямо по лѣстницѣ, не заходя въ нижній этажъ дома. Мезонинъ считался самымъ безопаснымъ мѣстомъ, потому что въ него можно было проникнуть только чрезъ одну дверь. Въ одной сказкѣ отшельникъ и его спутникъ просятъ переночевать у богатаго, но очень скупаго ростовщика. Послѣдній отказывается пустить ихъ въ домъ и позволяетъ имъ только переночевать на крыльцѣ. Утромъ отшельникъ отправляется въ мезонинъ и видитъ хозяина, который ночевалъ тамъ, боясь быть ограбленнымъ и убитымъ въ домѣ. Мезонинъ отводился также почетнымъ лицамъ и хорошо платившимъ гостямъ. Въ одной сказкѣ, къ дому буржуа подходятъ три слѣпца и требуютъ, чтобы ихъ приняли лучше, чѣмъ обыкновенно. Имъ отводятъ помѣщеніе въ мезонинѣ и тутъ угощаютъ ихъ, какъ рыцарей.

Домъ строились обыкновенно плотниками изъ дерева; каменныхъ построекъ было очень мало. Въ средніе вѣка довольствовались очень скромными помѣщеніями и даже короли не претен-

довали на обширныя палаты. Это видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1251 г. англійскій король Генрихъ III пожелалъ посѣтить Гемпшайрскую провинцію, а потому онъ приказалъ построить въ мѣстечкѣ Фриментлѣ домъ, въ которомъ были бы: зала, кухня, комната съ мезониномъ для него и комната съ мезониномъ для королевы. Слѣдовательно, въ королевской резиденціи было всего пять комнатъ. Даже во дворцахъ далеко не всѣ окна имѣли стеклянныя рамы; многія представляли простыя отверстія, прикрытыя ставнями; такимъ образомъ, дома не были безусловно защищены отъ вѣтра и дождя. Въ царствованіе вышеупомянутаго Генриха III, рѣшено было въ покояхъ королевы замѣнить деревянныя ставни стекломъ, чтобы въ комнатѣ не дуло такъ сильно. Въ каждой комнатѣ устраивали подъ потолкомъ перекладины, на которыхъ можно было вѣшать разныя вещи и которыя замѣняли наши вѣшалки и шкапы. Меблировка съ нашей точки зрѣнія была самая убогая; стулья встрѣчались рѣдко; сидѣли на широкихъ подоконникахъ или на скамьяхъ. Скамейки дѣлались самыя простыя, это были доски, положенныя на козлы. Столы были—точно такія же доски на козлахъ. Встрѣчались и столы, привинченные къ полу, такъ что ихъ нельзя было переставлять. Сказанное относится къ дому средняго сословія, потому что рыцарскіе замки были гораздо обширнѣе и гораздо роскошнѣе обставлены. Состоятельные люди всего больше заботились объ убранствѣ горницы. Тутъ вѣшали по стѣнамъ разныя матеріи или обои, но не приклеивали ихъ и за обоями легко было прятаться. Кромѣ скамьи или стула, въ горницѣ ставили обыкновенно кресло. Въ одной сказкѣ, жена священника, вставая съ постели, садится въ кресло. Въ одной англійской поэмѣ, дама, принимая гостя, подаетъ ему кресло, въ которомъ могутъ помѣститься семь человѣкъ и надъ которымъ устроенъ балдахинъ. Въ горницѣ всегда устраивали каминъ. Огонь раскладывался на желѣзныхъ таганахъ и вокругъ огня собирались домочадцы для интимныхъ разговоровъ. Въ немногихъ домахъ клали въ горницахъ ковры; по большей части полъ дѣлали изъ тростника. Въ горницѣ стояли сундуки и маленькій столъ, за которымъ иногда ужинали хозяинъ съ хозяйкой, когда желали уединиться. Обыкновенно же всѣ домочадцы ужинали вмѣстѣ въ залѣ и сейчасъ же послѣ этого ложились спать, потому что въ тѣ времена все дѣлалось рано.

Вставали обыкновенно вмѣстѣ съ солнцемъ. На другое утро, какъ только взошло солнце, всталъ король Гуго,—поется въ одной старинной пѣснѣ. Въ одной сказкѣ говорится, что гости короля, послѣ большаго вечерняго пиршества, спали очень долго, до шести

часовъ утра. Аристократы имѣли обыкновеніе, вставши, отправляться въ приходскую или, свою домовую церковь. Одинъ рыцарь вставалъ на зарѣ, слушалъ обѣдню въ своей церкви, затѣмъ входилъ на башню и, осматрѣвъ оттуда мѣстность, только послѣ этого приступалъ къ завтраку. Вотъ времяпровожденіе одной набожной дамы: она поднималась очень рано; пока она вставала, нѣсколько монаховъ пѣли утреннія молитвы; затѣмъ она шла въ свою домовую церковь и слушала тамъ мессу; послѣ этого занималась своимъ туалетомъ и отправлялась погулять въ садъ. Послѣ прогулки, она вновь присутствовала при богослуженіи и затѣмъ обѣдала; послѣ обѣда навѣщала больныхъ, вечеромъ ужинала, послѣ ужина призывала метрдотеля и дѣлала распоряженія по дому на слѣдующій день. Завтракали, кажется, въ неопредѣленное время, обѣдали обыкновенно въ 9, рѣже въ 10 часовъ утра, ужинали большей частью въ 5 часовъ пополудни. Лѣтомъ сидѣли дольше, до сумерекъ; когда начинало темнѣть, гости расходились. Главная причина, почему ложились рано, заключалась въ томъ, что освѣщеніе было дорого и недоступно среднему классу. Въ средневѣковыхъ рассказахъ упоминаются разныя системы освѣщенія, но всѣ онѣ считались большою роскошью. Во время торжественныхъ пиршествъ стояли люди съ зажженными факелами. За ужиномъ жгли восковыя свѣчи, вставлявшіяся въ подсвѣчники, иногда довольно красивые. Свѣчи вставлялись тогда не такъ, какъ теперь, въ отверстіе, а вонзались въ остріе, которымъ оканчивался подсвѣчникъ. Въ одномъ романѣ говорится, что дочери герцога и ихъ служанки спали всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, и у нихъ была всего одна свѣча, которую прикрѣпили къ спинкѣ одной изъ кроватей, такъ что въ данномъ случаѣ даже не было подсвѣчника. У знатныхъ лицъ иногда всю ночь горѣла свѣча или лампа. Но эти лампы, повидимому, освѣщали очень плохо; по крайней мѣрѣ, одинъ средневѣковый поэтъ выразился такъ: въ комнатѣ не было свѣта, горѣла всего одна лампа. Лампа представляла небольшую и довольно плоскую чашу, глиняную или металлическую, куда наливали масло и ставили свѣтильню. Чаще всего лампы вѣшали на перекладки. Но когда надо было освѣтить большое пространство, напримѣръ, залу, прибѣгали къ живымъ подсвѣчникамъ,—разставляли прислугу съ факелами; это былъ единственный способъ получить сколько нибудь яркое освѣщеніе.

Бросимъ взглядъ на средневѣковую спальню. Кровати скрывались за занавѣсью, которая прикрѣплялась къ потолку и за которой стояла кровать. Въ началѣ среднихъ вѣковъ спали обыкновенно на соломѣ, но позже богатые люди заводятъ перины. По-

стель убиралась почти также, какъ теперь; сначала клали нѣчто мягкое въ родѣ одѣяла, на него матрасы, на матрасы стеганое одѣяло, а въ изголовье подушку. На одѣяло клали простыни и затѣмъ всю кровать застилали покрываломъ, дѣлавшимся обыкновенно изъ зеленого шолка, но часто и изъ болѣе роскошнаго матеріала, напр., дорогихъ мѣховъ. Кровать была предметомъ, который показывали и которымъ хвастались, конечно, потому, что въ спальнѣ принимали гостей. Въ одной комнатѣ стояло по двѣ и по нѣскольку кроватей, и гостей зачастую помѣщали на ночь въ той же комнатѣ, гдѣ спали хозяйнѣ съ хозяйкой; иногда стлали постель на полу въ залѣ.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что въ средніе вѣка спали безъ рубашекъ. Одинъ моралистъ, нападая на щегольство дамъ, говорить, что какъ бы ни были красивы ихъ платья днемъ, ночью онѣ лежатъ въ постели совсѣмъ нагія, какъ мать родила. Въ одномъ романѣ, героиня, къ крайнему изумленію своей прислужницы, ложится спать въ рубашкѣ и считаетъ нужнымъ объяснить, что у нея на тѣлѣ есть пятно, котораго она не желаетъ показывать. Въ одной англійской рукописи нарисованы король и королева въ постели, совершенно голые, но съ коронами на головѣ; конечно, они не спали въ коронѣ и въ данномъ случаѣ это только условный знакъ, чтобы показать, что представлены коронованныя особы. На рисункѣ одной французской рукописи представлена сцена въ гостинницѣ. По стѣнѣ устроены койки, отдѣленные другъ отъ друга деревянными перегородками и напоминающія общую каюту на нѣкоторыхъ пароходахъ; къ гостинницѣ подъѣхалъ вооруженный всадникъ; одинъ изъ тутъ ночевавшихъ испугался, соскочилъ съ постели и бѣжитъ совсѣмъ голый. Всего удивительнѣе, что, при такомъ пренебреженіи къ тѣлу, голову все таки прикрывали особымъ ночнымъ уборомъ. Въ спальнѣ, дамы совершали свой туалетъ, о чемъ мы имѣемъ, впрочемъ, довольно мало свѣдѣній. На одномъ средневѣковомъ рисункѣ видимъ даму, которая, полулежа въ кровати, расчесываетъ волосы большимъ и чрезвычайно рѣдкимъ гребнемъ, а въ лѣвой рукѣ держитъ круглое металлическое зеркало. Моралисты и сатирики напали на дамъ за то, что онѣ слишкомъ много занимаются своей красотой. Ихъ обвиняли въ томъ, что онѣ измѣняютъ естественную форму тѣла; это, вѣроятно, намекъ на шнуровку. Онѣ, по словамъ моралистовъ, выщипываютъ лишніе волосики на лицѣ и бровяхъ, красятъ волосы и щеки. Рыцарь де-ла-Туръ-Ландри рассказываетъ своимъ дочерямъ, что исторія царя Давида съ женою Уриію произошла оттого, что она расчесывала волосы у открытаго окна и ее можно было

видѣть съ улицы; она была наказана за то, что обращала слишкомъ много вниманія на свою прическу.

Мода существовала и въ средніе вѣка; одѣвались и причесывались не какъ кому нравилось, а какъ было принято. Съ теперешнимъ временемъ разница въ томъ, что моды мѣнялись не такъ часто, не ежегодно, а два, три раза въ столѣтіе и то не всегда. Это видно, на примѣръ, на прическѣ. Француженки XII вѣка проводили прямой проборъ, заплетали волосы въ двѣ косы, переплетая ихъ золотыми или серебряными нитками, и косы висѣли спереди. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, косы исчезаютъ, замужнія дамы собираютъ волосы на затылкѣ и только дѣвушки носятъ косы на спинѣ, что долго считалось знакомъ дѣвственности. Въ XIV вѣкѣ косы укладываютъ на вискахъ. Въ XV вѣкѣ, можно сказать, не было никакой прически, волосъ совсѣмъ не видно; ихъ скрываютъ подъ довольно безобразными головными уборами.

Въ Германіи, длинные волосы считались также символомъ дѣвственности вплоть до XVIII вѣка, но по большей части дѣвушки носили распущенные волосы. Замужнія проводили проборъ, который не былъ слишкомъ широкъ и сдерживался обручемъ или лентой. Часть волосъ падала по щекамъ; ихъ подстригали и завивали. Локончики вокругъ ушей считались большимъ украшеніемъ. Чтобы придать болѣе блеска волосамъ, ихъ смазывали саломъ и переплетали шолковыми нитками. Остальные волосы носились или распущенными на спинѣ, или ихъ заплетали въ косы. Эта прическа доставляла иногда женщинамъ непріятныя минуты, потому что сердитые мужья нерѣдко таскали женъ за косы и подобное обращеніе случалось даже въ рыцарскомъ быту. Оттого, можетъ быть, въ XIII вѣкѣ въ Германіи, въ подражаніе французской модѣ, стали собирать волосы къверху. Противъ этого возставали нѣмецкіе проповѣдники, находя неприличнымъ, что у дамъ не покрытъ затылокъ.

Женскій туалетъ завершался разными золотыми и серебряными украшениями. На шею и на руки надѣвали браслеты, представлявшіе просто обручи. Браслеты эти, которые носили и мужчины, дарились обыкновенно королями. Когда Вальтеръ Аквитанскій спасся бѣгствомъ, Аттилѣ досталось въ добычу столько браслетовъ, что онъ могъ подарить сотню ихъ франкскому королю. Въ Нибелунгахъ говорится, что, когда Зигфридъ приходитъ въ Вормсъ съ сообщеніемъ, что братъ Кримгильды идетъ съ добытой имъ невѣстой, и требуетъ награды за радостную вѣсть, Кримгильда даритъ ему 24 браслета. На груди носили разные золотыя вещи, украшенныя драгоценными камнями. Пряжки на кушакахъ состав-

ляли также украшенія; ихъ дѣлали изъ благородныхъ металловъ и иногда работали надъ ними, какъ надъ предметами искусства. На пальцахъ носили кольца, въ ушахъ серьги. Высокопоставленныя дамы занимались туалетомъ подолгу и находили въ этомъ развлеченіе среди довольно монотонной жизни. Другимъ развлеченіемъ служили комнатныя собачки и птицы. Въ углу комнаты устраивали перекладину и тамъ сидѣлъ любимый соколъ. На средневѣковыхъ рисункахъ нерѣдко представляли даму, у которой на ладони сидитъ птица. Въ одномъ романѣ играетъ видную роль ручной жаворонокъ. Соколы, которыхъ обыкновенно употребляли только на охотѣ, иногда превращались въ любимыхъ членовъ семьи; даже въ гости ходили, держа своего любимаго сокола на рукѣ. Птицъ держали или на свободѣ въ комнатѣ, или въ клеткахъ; особенно дорожили тѣми птицами, которыя могли говорить. Попугаи, хотя изрѣдка и упоминаются, составляли все таки въ средніе вѣка большую рѣдкость; обыкновенной говорящей птицей была сорока, которая часто играла выдающуюся роль въ средневѣковыхъ рассказахъ. Звукподражательная способность этой птицы привела къ значительному преувеличенію ея умственныхъ способностей; во многихъ рассказахъ сорока сообщаетъ мужу о слабостяхъ жены и на этомъ построено все дѣйствіе. Рыцарь де-ла-Туръ-Ландри, въ своихъ совѣтахъ дочерямъ, написанныхъ во второй половинѣ XIV вѣка, рассказываетъ, въ назиданіе противъ жадности, исторію о сорокѣ. Я расскажу вамъ исторію, — говоритъ онъ, — о женщинахъ, которыя лакомятся въ отсутствіе мужей. Жила-была дама; у нея была сорока, которая рассказывала обо всемъ, что видѣла. Хозяинъ дома держалъ въ садкѣ угря и приберегалъ его на тотъ случай, что къ нему зайдутъ друзья, которыхъ онъ любилъ угощать. Однажды мужъ ушелъ изъ дому, а жена говоритъ своимъ служанкамъ, что хорошо было бы съѣсть угря; онѣ такъ и сдѣлали и условились сказать, что рыбу съѣла выдра. Когда хозяинъ вернулся домой, сорока начала говорить ему: господинъ, госпожа съѣла угря. Онъ пошелъ къ своему садку и, замѣтивъ, что угорь пропалъ, началъ спрашивать жену, что съ нимъ случилось. Она начала рассказывать сочиненную ею басню, но мужъ сказалъ, что онъ все знаетъ, — ему рассказала сорока. Это повело къ большой ссорѣ и перебранкѣ. Но когда хозяинъ ушелъ, жена его и служанки выщипали у сороки всѣ перья на головѣ, приговаривая: ты рассказала объ угрѣ. Такимъ образомъ, бѣдная сорока стала совсѣмъ-лысой. Съ тѣхъ поръ, какъ только она видѣла плѣшиваго человѣка, она говорила ему: а, ты рассказалъ объ угрѣ. Вотъ это хорошій примѣръ, что не слѣдуетъ женщинѣ лакомиться потихоньку

отъ мужа; надъ этой дамой всѣ смѣялись, потому что сорока всѣмъ пожаловалась на нее.

Другой рассказъ основанъ тоже на разговорѣ этой птицы. У одного буржуа была сорока, отвѣчавшая на всѣ вопросы. Жена этого буржуа была никуда негодной женщиной и, какъ только мужъ уходилъ изъ дому, она посылала за своимъ другомъ. Но сорока, очень любившая своего господина, рассказывала ему обо всемъ, что дѣлалось въ его отсутствіе, и такимъ образомъ мужъ узналъ похождения жены. Однажды онъ ушелъ изъ дому и сказалъ женѣ, что не вернется домой ночевать; она немедленно же пригласила своего друга. Но тотъ боялся войти въ домъ, потому что у самаго входа висѣла клѣтка съ сорокой. Однако любовница придала ему храбрости и онъ прошелъ черезъ залу въ спальню. Сорока узнала его и закричала: «Ты, господинъ, который тамъ въ горницѣ, отчего ты не приходишь, когда хозяинъ дома»? Птица больше ничего не сказала во весь день, но дама старалась придумать какую нибудь штуку, чтобы предотвратить опасность. Когда наступила ночь, она позвала служанку и дала ей большой кувшинъ, наполненный водою, зажженную свѣчу и деревянный молотъ. Въ полночь служанка влѣзла на крышу, начала стучать молотомъ, подносить свѣчу къ щелямъ и лить воду на сороку, пока она не стала совсѣмъ мокрой. На слѣдующее утро, мужъ пришелъ домой и началъ допрашивать сороку. «Господинъ,—сказала птица,—другъ госпожи былъ здѣсь и провелъ у насъ ночь, онъ только сейчасъ ушелъ». Мужъ очень разсердился и собирался бранить жену, но сорока остановила его. «Всю ночь была гроза,—сказала птица—гремѣлъ громъ и сверкала молнія, а дождь былъ такой сильный, что я совсѣмъ вымокла». «Нѣтъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—всю ночь стояла отличная погода безъ дождя и вѣтра». «Вотъ видишь,—сказала хитрая дама,—можно ли вѣрить твоей птицѣ? Почему ты вѣришь тѣмъ сказкамъ, которыя она распускаетъ обо мнѣ, а не вѣришь, когда она болтаетъ вздоръ о погодѣ? Тогда мужъ подумалъ, что его обманула сорока; онъ схватилъ птицу и свернулъ ей шею. Но, какъ только онъ сдѣлалъ это, — посмотрѣлъ на верхъ и замѣтилъ, что нѣкоторыя черепицы сняты. Тогда онъ взялъ лѣстницу, полѣзъ на крышу и раскрылъ тайну. Еслибы онъ не дѣйствовалъ такъ поспѣшно, говорится въ рассказѣ, его любимая птица была бы спасена.

Въ нѣкоторыхъ домахъ держали обезьянъ. Однажды одинъ крестьянинъ вошелъ въ домъ своего барина и увидѣлъ обезьяну, одѣтую такъ, какъ одѣвались знатные люди, и стоявшую къ нему спиной: онъ принялъ ее за сына своего господина и отвѣсилъ ей

низкій поклонъ. Но когда онъ замѣтилъ, что это обезьяна, онъ закричалъ: «будь ты проклята! я принялъ тебя за Дженкина, сына моего барина». Но любимымъ животнымъ была все таки собака. На одной рукописи XIII вѣка нарисована королева, которая держитъ на колѣняхъ собаку и разговариваетъ съ ней. Въ одномъ трактатѣ, хозяйкѣ дается совѣтъ заботиться о комнатныхъ животныхъ, маленькихъ собакахъ и птицахъ, такъ какъ эти созданія не умѣютъ говорить и не могутъ ничего попросить. Въ одной англійской сатирѣ осмѣиваются дамы, которыя черезчуръ любятъ своихъ собачекъ, обращаются съ ними крайне деликатно и закармливаютъ ихъ, въ то время какъ со служанками онѣ поступаютъ грубо и морятъ ихъ съ голоду. Кошекъ держали въ комнатахъ очень рѣдко, потому что въ средніе вѣка ихъ считали нечистыми животными, и въ народномъ воображеніи представленіе о кошкѣ соединялось съ представленіемъ о колдовствѣ и дьявольскомъ навожденіи.

Теперь ни одно семейство не можетъ обходиться безъ часовъ, между тѣмъ какъ въ средніе вѣка всякій инструментъ для измѣренія времени представлялъ большую рѣдкость и величайшую роскошь. Точность въ распредѣленіи времени завелась очень поздно, едва ли не съ нынѣшняго вѣка. Въ средніе вѣка все дѣлалось приблизительно въ такой-то часъ и при этомъ сообразовались съ церковнымъ звономъ. Тогда не говорили: приходи ко мнѣ въ такомъ-то часу, или: найду къ вамъ вечеромъ, а выражались такъ: приходите, когда ударятъ къ обѣднѣ, или: буду у васъ послѣ вечерняго звона. Я говорилъ уже, что въ извѣстные часы дня и ночи звонили на церковныхъ колокольняхъ и по этому звону начиналась и прекращалась работа ремесленниковъ. Въ церквяхъ, конечно, надо было опредѣлить какъ нибудь время, и это дѣлалось днемъ по солнцу, ночью по звѣздамъ. Монахъ, обязанный звонить ночью, спалъ днемъ, а ночью не ложился и отъ времени до времени выходилъ наблюдать небо. Въ одномъ житіи говорится, что клюнійскій монахъ вышелъ посмотреть звѣзды и узнать, не пора ли звонить. Когда небо сплошь покрывалось тучами и не было видно ни одной звѣзды, прибѣгали къ разнымъ другимъ соображеніямъ. Бодрствующій монахъ опредѣлялъ время приблизительно по количеству прочитанныхъ имъ псалмовъ отъ послѣдняго наблюденія надъ свѣтилами, или по количеству прочитанныхъ страницъ, или по тому, сколько сгорѣло масла въ лампѣ, или насколько уменьшилась восковая свѣча. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ полагалось вставать, когда запоетъ пѣтухъ.

Но уже въ VII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были болѣе вѣрные способы опредѣлять, который часъ. Въ одномъ монастырскомъ

установлено сказано, что иноки, которымъ поручено наблюдать за церковнымъ звономъ, должны днемъ и ночью справляться съ часами. Здѣсь разумѣются, конечно, такъ называемые гномоны, или солнечные часы, и *клепсидры*, объ устройствѣ которыхъ я сейчасъ скажу. Представьте себѣ стеклянный сосудъ съ самымъ незначительнымъ отверстіемъ; если его наполнить водой, она будетъ вытекать очень медленно; на сосудѣ можно отмѣтить чертой, насколько вода опустилась въ теченіе часа, двухъ часовъ и т. д. Это и будетъ самымъ первобытнымъ *клепсидромъ*. Однако этотъ инструментъ былъ совершенно недостаточенъ, особенно въ древности, когда часъ не былъ опредѣленнымъ промежуткомъ времени, одинаковымъ и лѣтомъ и зимою. Астрономы, какъ извѣстно, называютъ искусственнымъ днемъ время, въ которое земля обращается вокругъ солнца и которое обнимаетъ естественные день и ночь. Народъ не допускалъ, чтобы ночь называли днемъ, и дѣлилъ сутки на двѣ неравныя части: время, когда свѣтитъ солнце, и когда оно не свѣтитъ. Поэтому естественный день и естественную ночь раздѣлили на 24 часа, такъ что на день и на ночь приходилось по 12 часовъ. Но такъ какъ день бываетъ разной величины въ разное время года, то и часъ оказывался разной продолжительности. Напр., въ Александріи самый длинный лѣтній день составляетъ 14 часовъ и, слѣдовательно, часъ имѣлъ 70 минутъ; зимою же въ дни только 10 нашихъ часовъ и тогдашній часъ равнялся 50 минутамъ. Слѣдовательно, примитивный *клепсидръ*, показывавшій и зимою и лѣтомъ часъ одинаковой величины, оказывался черезчуръ неточнымъ. Поэтому придумали систему конусовъ, гдѣ изъ одного вода переливалась въ другой и притомъ такъ, что можно было замедлять и ускорять ея теченіе. Для приготовленія такого инструмента требовалось много труда, потому что надо было измѣрять теченіе воды въ разное время года и результаты получались все таки не точные. Скоро придумали нѣчто, гораздо болѣе сложное и изящное. Представьте себѣ постаментъ, на которомъ стоитъ колонна, раздѣленная черточками на 24 части; при каждой чертѣ стоятъ цифры, сначала арабскія отъ 1—12, потомъ римскія отъ I—XII. Направо отъ колонны—плачущій Амуръ, налѣво Амуръ съ палочкой въ рукахъ. Когда вы хотите узнать, который часъ, смотрите на лѣваго Амура: если его палочка указываетъ на 3, значитъ три часа. Объяснить подробно устройство этого *клепсидра* я не берусь, тѣмъ болѣе, что онъ очень сложенъ и приводится въ дѣйствіе, между прочимъ, зубчатыми колесами; безъ рисунка мое объясненіе было бы все таки непонятнымъ. Но сущность этого механизма заключается въ томъ, что изъ плачущаго Амура вода капаетъ по кап-

лямъ и попадаетъ въ резервуаръ, устроенный подъ Амуромъ съ палочкой. Пробка, лежащая въ этомъ резервуарѣ, по мѣрѣ прибавленія воды, постепенно поднимается, поднимаетъ придѣланную къ ней трубку и Амура, прикрѣпленнаго къ этой трубкѣ. Амуръ приподнимается и палочка его переходитъ съ часа на два, на три и т. д. Позже придумали еще болѣе удобный клепсидръ, въ которомъ вода и пробка приводили въ движеніе стрѣлку, указывавшую часъ на кругломъ циферблатѣ, раздѣленномъ на 12.

Не смотря на эти усовершенствованія, клепсидры были очень дорогою вещью и находились только въ богатыхъ монастыряхъ, при дворѣ и у высокопоставленныхъ особъ. Не удивительно, если вспомнить, что дешевые часы, доступные всѣмъ и каждому, явились на нашей памяти. Во Францію первый клепсидръ былъ привезенъ въ 500 году; онъ былъ присланъ въ подарокъ Теодорихомъ Великимъ герцогу Бургундскому. Въ этомъ механизмѣ вода, капаящая по каплямъ, указывала на прохожденіе времени. Удивленные бургундцы не могли постичь этого явленія; они наблюдали за часами, чтобы убѣдиться, что никто къ нимъ не прикасается, и наконецъ пришли къ заключенію, что механизмъ одушевляется какимъ нибудь божествомъ. Въ 761 году папа Павелъ I прислалъ Пипину Короткому ночные часы,—значить не солнечные,—показывавшіе время и ночью. Съ особенно хитрымъ механизмомъ познакомились въ Европѣ при Карлѣ Великомъ, когда Гарунъ-аль-Рашидъ, калифъ багдадскій, подарилъ этому императору часы, изготовленные на востокѣ. Другъ и совѣтникъ Карла, Эгингардъ описываетъ ихъ такъ: механизмъ приводился въ движеніе водою, отмѣчалъ прохожденіе 12 часовъ и въ тотъ моментъ, когда оканчивался каждый часъ, маленькіе мѣдные шарики падали на помещенный подъ ними колоколъ и своимъ паденіемъ заставляли его звонить. Тутъ были также 12 всадниковъ, которые по прошествіи двѣнадцати часовъ выходили изъ двѣнадцати оконъ и отъ этого бывшія открытыми окна закрывались за ними. Подражать этому арабскому механизму научились не скоро, и только въ XII вѣкѣ появляются клепсидры со звономъ. Въ монастырекомъ уставѣ, написанномъ около 1120 года, пономарю приказано располагать часы такъ, чтобы они звонили до перваго церковнаго звона. Не смотря на то, что часы съ восточнымъ боемъ встрѣчаются почти во всѣхъ богатыхъ церквяхъ конца XIII вѣка, французскій король Людовикъ IX предпочиталъ руководствоваться свѣчами, которыя были опредѣленной длины и сгорали въ опредѣленное количество часовъ. «Каждый день,—разсказываетъ духовникъ королевы,—онъ уходилъ въ свои покои и тамъ зажигалъ свѣчу опре-

дѣленной длины, приблизительно въ три фута; и пока она горѣла, онъ читалъ библію или какую нибудь другую священную книгу, а когда свѣча догорала, призывалъ одного изъ своихъ каплановъ». Этотъ способъ измѣрять время былъ очень распространенъ, и на этомъ основаніи ночь дѣлилась на три свѣчи. Свѣча эта означала треть ночи; сказать: три свѣчи, или: всю ночь — было равносильно. Выражались, напримѣръ, такъ: онъ работалъ цѣлый день и ночью до второй свѣчи.

Первые большіе часы въ Парижѣ, устроенные на подобіе нашихъ, были поставлены королемъ Карломъ V въ концѣ XIV вѣка. Онъ пожелалъ имѣть на дворцовой башнѣ часы съ боемъ, которыми могли бы руководствоваться парижане и которые существовали уже въ Германіи и Италиі. Но въ Парижѣ не нашлось мастера, и изъ Германіи выписали Генриха Рика, умудрившагося устроить эту хитрую штуку. Онъ сдѣлалъ башенные часы въ современномъ смыслѣ этого слова, дѣйствовавшіе посредствомъ гирь и колесъ, но еще очень несовершенные; они показывали только часъ, но не минуты; гири вѣсили не меньше 500 фунтовъ, и заводить эти часы приходилось каждыя 7—8 часовъ.

Наши мужики, какъ извѣстно, почти не знаютъ чиселъ и считаютъ по праздникамъ; въ средніе вѣка это было принято во всей Европѣ. Когда хотѣли точно обозначить день, дѣлили мѣсяцъ на начинающійся и кончающійся. Такъ, напримѣръ, вмѣсто 8 сентября, говорили: въ 8-й день начинающагося мѣсяца сентября; вмѣсто 28 апрѣля—третій день кончающагося мѣсяца. Во второй половинѣ мѣсяца считали дни съ конца. Самые мѣсяцы въ обществѣ часто называли не январь, февраль и т. д., а иначе. Такъ, говорили: пасхальный мѣсяцъ, т. е. мѣсяцъ, на который падала пасха (мартъ или апрѣль), длинный мѣсяцъ, вмѣсто іюнь, по случаю длинныхъ дней; мѣсяцъ сѣна—вмѣсто іюль, мѣсяцъ жатвы—вмѣсто августъ, одиннадцатый—вмѣсто января, потому что январь былъ одиннадцатый мѣсяцъ, когда годъ начинался съ марта; двѣнадцатый—вмѣсто февраля.

• П. Безобразовъ.

(До слѣд. №).

ПО СЪВЕРНОМУ КАВКАЗУ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

Въ плоскостной Дигоріи.

Однимъ изъ самыхъ глухихъ и малоизвѣстныхъ уголковъ Сѣвернаго Кавказа до сихъ поръ остается Дигорія. Не смотря на то, что послѣдняя составляетъ неотъемлемую часть Осетіи, о которой такъ много пишутъ и говорятъ, она рѣдко останавливаетъ на себѣ вниманіе ученаго изслѣдователя или любознательнаго туриста. Это обстоятельство, въ значительной мѣрѣ, зависитъ отъ географическаго положенія дикаго первобытнаго уголка, черезъ который не идетъ ни одна изъ наиболѣе бойкихъ дорогъ. Дигорія заняла предгорье Кавказскаго хребта вплоть до снѣжныхъ великановъ его, въ мѣстности между кабардинскими и татарскими народностями Нальчикскаго округа и Ардонскимъ ущельемъ, по которому пролегаетъ военно-осетинская дорога; такимъ образомъ, она составляетъ крайній юго-западный уголокъ Осетіи, вошедшій, въ срединѣ 1888 года, въ составъ Владикавказскаго округа Терской области. Дигорцы—тѣ же осетины, хотя и отличаются отъ нихъ нѣкоторыя чертами, ставящими ихъ по отношенію къ остальнымъ осетинамъ почти въ такое же положеніе, какъ малороссы стоятъ по отношенію къ великоруссамъ; но, тѣмъ не менѣе, они составляютъ одно племя и одинъ народъ.

Этотъ-то, во многихъ отношеніяхъ, оригинальный уголокъ удалось мнѣ посѣтить прошлымъ лѣтомъ и сдѣлать о немъ нѣсколько замѣтокъ, которыми я рѣшаюсь подѣлиться съ читателями.

Рано утромъ, почтовая тройка лихо мчала меня изъ Владикавказа. Было начало іюля. Весь май и іюнь шли непрерывные

дожди и населеніе запоздало съ сельско-хозяйственными работами. Въ степи шла усиленная уборка травы. Вся мѣстность близъ города пестрѣла косарями и гребцами, а кое-гдѣ стояли уже копны сѣна, казавшіяся точно насаженными на коль. Зимой, когда сѣно осядетъ вокругъ этого кола, его берутъ веревкой за верхушку, наклоняютъ и такимъ образомъ легко и сразу сваливаютъ всю копну на сани. Въ степи душно: жара достигаетъ, не смотря на ранній часъ, 40°. По мѣрѣ удаленія отъ города, поля все менѣе и менѣе оживлены. Въ высокой травѣ уже преобладаетъ сорная растительность, не привлекающая косаря и остающаяся нетронутой. Встрѣчаются относительно небольшія пространства въ 5—20 десятинъ земли, занятія хлѣбами. Но хлѣба въ этомъ году плохи: отъ обильныхъ дождей они сильно засорились травами, вышли рѣдки; зерно налилось плохо, колось мелкій и тонкій. До самой Ардонской станицы (34 версты отъ Владикавказа) преобладающее мѣсто занимаютъ громадныя пространства невоздѣланной земли. Здѣсь какъ-то жутко, тоскливо: кажется, точно въѣхалъ въ тѣ предѣлы, гдѣ нѣтъ уже человѣческой жизни и культуры. Мы переѣзжаемъ нѣсколько шумныхъ горныхъ ручьевъ, обыкновенно ничтожныхъ и мелководныхъ, но теперь,—подъ влияніемъ дождей и таянія снѣговъ въ горахъ,—пополнѣвшихъ, помутнѣвшихъ и иногда небезопасныхъ. Шумно мча свои воды, эти рѣчонки катятъ по своему, сплошь усѣянному мелкимъ щебнемъ, дну довольно большіе камни и еще болѣе усиливаютъ и безъ того значительный гулъ горнаго потока. Мѣстами вода заходитъ за колѣни лошадей, которыя съ трудомъ тащатъ тарантасъ, задерживаемый и быстрымъ теченіемъ, и неровнымъ дномъ, усѣяннымъ щебнемъ и гольшемъ. Ардонъ, разбрасывающій свои притоки кругомъ станицы, которой далъ имя, вполне оправдываетъ свое названіе бѣшеной рѣки (*ар*, по осетински, бѣшенный, сумашедшій, а *дон* — вода, рѣка). Онъ такъ шумитъ, пѣнится, такъ вздымаетъ свои волны, что невольно привлекаетъ особенное вниманіе жителя средней Россіи, не привыкшаго къ такимъ оригинальнымъ рѣкамъ. На немъ и его притокахъ нѣсколько прекрасныхъ мостовъ. Лучшій и наибольшій изъ нихъ, передъ станицей, — нѣкогда солидной и прочной постройки, — теперь содержится такъ дурно, что ѣзда по этому мосту прекращена уже нѣсколько лѣтъ, и мы переѣзжаемъ широкую рѣку въ бродъ. Приходится стать въ тарантасъ на сидѣнье, чтобы не замочить ногъ.

Всю дорогу слѣва тянутся непрерывной грядой великаны Передоваго хребта, превосходящаго, какъ извѣстно, своей высотой вершины Главнаго хребта. Противъ Владикавказа—Казбекъ,

съ своими двумя снѣжными конусами и такой же сѣдловиной между ними; затѣмъ покрыты вѣчными снѣгами еще другія вершины, среди которыхъ мнѣ указали Джемари-хохъ, Адай-хохъ и др. ¹⁾ По направленію къ плоскости, по которой мчитъ меня лихая тройка, Передовой хребетъ понижается, параллельно съ идущими съ нимъ Пестрыми горами, представляющими рядъ голыхъ гранитныхъ и трахитовыхъ бесплодныхъ скалъ. Еще ближе къ плоскости темнѣютъ относительно-небольшіе, широкіе бугры Черныхъ горъ, сплошь покрытые густою лѣсною растительностью. Передъ проѣзжимъ, время отъ времени, открываются ущелья, дымящіяся туманами и прорѣзывающія гигантскими расщелинами несокрушимую громаду каменныхъ породъ. Мы ѣдемъ въ 10—30 верстахъ отъ Черныхъ горъ, но ни ясность всего пейзажа, ни очертаніе отдѣльныхъ вершинъ нисколько не измѣняются по мѣрѣ приближенія или удаленія отъ нихъ. Все видишь передъ собой эту громаду, этихъ великановъ Кавказа, и не можешь оторвать отъ нихъ глазъ.

Вотъ мы на плоскости. Стоитъ взглянуть въ непрерывно тянущуюся равнину направо отъ дороги, и близкое сосѣдство горъ невольно забывается. Безконечная степь, полосы несжатого озимаго ячменя, работающіе въ полѣ люди — все это знакомѣе и ближе сердцу русскаго человѣка.

Станица Ардонская слилась съ осетинскимъ селеніемъ Ардонъ, въ концѣ котораго возвышается зданіе духовнаго училища для инородцевъ, содержимаго на средства общества распространенія христіанства среди горцевъ Кавказа. За селеніемъ мѣстность гораздо больше оживлена въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Здѣсь, видимо, нѣтъ уже такого простора земель, какой наблюдался у казачьихъ станицъ. Это уже земли осетинскихъ ауловъ. Трава здѣсь почти убрана, а на большинствѣ полей убираютъ ячмень. Кукуруза густой зеленой чащей выдѣляется среди пожелтѣвшихъ полей хлѣбныхъ злаковъ. Мы подъѣзжаемъ къ Бѣлой рѣчкѣ и я бывшій здѣсь двѣ недѣли назадъ, просто не узнаю рѣки. Тогда мы ѣхали черезъ многія высохшія русла ручьевъ и притоковъ, по обнаженному дну которыхъ, сплошь усѣянному мелкимъ сухимъ голышемъ, невозможно было замѣтить даже небольшой лужицы. Сама рѣчонка, въ видѣ небольшого потока сажень въ 5 или 7 ширины, занимала только одно русло и своимъ мелководьемъ рѣшительно не обращала на себя никакого вниманія. Теперь же передо мной была грозная широкая рѣка, разбившаяся на множе-

¹⁾ Хохъ, по осетински, означаетъ гору.

ство бурныхъ рукавовъ и занявшая собою, по крайней мѣрѣ, четверть или треть версты. Сухія русла превратились теперь въ шумныя рѣчки, переправляясь черезъ которыя даже привычная туземная лошадь боязливо осматривается и ощупываетъ ногой устойчивость почвы. Вода покрыла оси тарантаса и приближается къ кузову его. Еще одно усиліе лошадей, и мы выбираемся на продолговатый островъ, образуемый рукавами. Передъ нами еще болѣе бурный и глубокий потокъ, но ямщикъ благоразумно ѣдетъ у самаго берега противъ теченія и, выбравъ мѣсто помельче, переѣзжаетъ и этотъ рукавъ, глядя на стремительность котораго, начинаешь и самъ ощущать головокруженіе. Черезъ 10 — 20 минутъ мы, наконецъ, благополучно переѣзжаемъ всѣ безчисленные протоки и рукава Бѣлой рѣчки, такъ внезапно переполнившейся отъ дождей въ горахъ, и невольно вздохъ облегченія вырывается изъ моей груди.

— А назадъ хуже будетъ ѣхать,—флегматично заявляетъ мой ямщикъ-казакъ, оглядывая проѣханное пространство, и, постегивая лошадей, прибавляетъ:—вода дуже идетъ съ горъ.

— А бываютъ ли несчастія при такихъ переправахъ? — спрашиваю я.

— Тутъ не слыхать, ваше выс-іе, — почтительно отвѣчаетъ ямщикъ,—а у насъ въ Ардонѣ, прошлымъ лѣтомъ, такъ арбу перекинуло въ водѣ и татарчукъ утонулъ.

Ямщикъ передаетъ далѣе подробности этого происшествія съ такими подробностями, изъ которыхъ для васъ дѣлается очевиднымъ, что его гораздо болѣе интересовала судьба арбы и коня, чѣмъ погибшаго «татарчука».

Но вотъ и Христіанское селеніе — первый и крупнѣйшій дигорскій аулъ. Здѣсь предстоитъ мнѣ продолжительный отдыхъ и стоянка.

Два крупнѣйшихъ дигорскихъ селенія—христіанское и магометанское—расположились на плоскости близъ горъ, а послѣднее, такъ сказать, у самаго входа въ горы. Они получили свое названіе исключительно по религіи, которую исповѣдуетъ населеніе, и, служа, такимъ образомъ, представителями двухъ вѣроученій, не прекращаютъ между собою ни дружескихъ отношеній, ни кровныхъ связей. Въ Христіанскомъ селеніи выстроена красивая каменная церковь и большое зданіе народнаго училища. Но дигорцы—плохіе христіане и не очень охотно посѣщаютъ свою церковь; училище же, какъ говорили мнѣ, всегда переполнено дѣтьми.

Здѣсь предстояло мнѣ разыскать домъ дигорца Тукаева, у котораго гостилъ въ это время сынъ его Соломонъ Алексѣевичъ,

мой пріятель, съ которымъ мы собирались объѣхать вмѣстѣ горную Дигорію. Соломонъ Алексѣевичъ получилъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и служилъ гдѣ-то въ Кубанской области. Сѣверный климатъ нашей первопрестольной столицы, — какъ это часто бываетъ для кавказскихъ горцевъ, — оказался слишкомъ суровымъ, и Соломонъ Алексѣевичъ окончилъ курсъ уже со всѣми задатками легочной чахотки. Развитие недуга нѣсколько задержалось на югѣ, но все таки онъ замѣтно таялъ и въ это лѣто пріѣхалъ отдохнуть и полѣчиться на родинѣ у отца. Отсюда мы стоворились ѣхать вмѣстѣ въ горы: — я для ознакомленія съ мѣстностью, а Габуди, — такъ по осетински звали Соломона Алексѣевича, — для лѣченія. Мѣстные горцы противъ легочной чахотки употребляютъ въ горахъ кефиръ, въ который кладутъ куски льда, добываемаго изъ возможно болѣе глубокихъ слоевъ вѣчныхъ ледниковъ. Говорятъ, что отъ этого кефиръ не только охлаждается, но въ немъ происходятъ какія-то неизвѣстныя измѣненія, которыя не вызываются обыкновеннымъ зимнимъ льдомъ. Это-то лѣченіе и хотѣлъ попробовать нашъ Габуди, медленно умиравшій отъ неизлѣчимой болѣзни. Къ сожалѣнію, оно не принесло ему никакой пользы... Старика Тукаева разыскать въ селеніи нетрудно. Его знаетъ тамъ и старшій, и малый, потому что онъ человѣкъ незаурядный. Будучи неграмотнымъ, онъ первый во всемъ селеніи началъ учить дѣтей: одного въ семинаріи, другаго — Габуди — въ реальномъ училищѣ, по окончаніи котораго далъ ему возможность поѣхать въ Москву. Онъ первый открылъ въ селеніи лавочку, первый пріобрѣлъ такія улучшенныя сельско-хозяйственныя машины, какъ сѣнокосилку и т. п. Правда, со всѣмъ этимъ ему не везло: лавочка давала убытки и ее пришлось закрыть, машины были куплены неудачно и ихъ забросили. Старшій сынъ — семинаристъ — умеръ, передъ окончаніемъ курса, а Габуди былъ такъ близокъ къ могилѣ. Старикъ жилъ нелегко, а потому нельзя было не удивляться той энергіи и той бодрости, которыя сохранились въ немъ. Онъ всегда на ногахъ, всегда хлопочетъ, не смотря на то, что отъ всего его довольно значительнаго состоянія осталось теперь одно воспоминаніе.

Едва мы подъѣхали къ его домику, выстроенному на европейскій ладъ, какъ къ намъ вышелъ на встрѣчу Соломонъ Алексѣевичъ, бодро державшійся на ногахъ и, очевидно, чувствующій себя въ это время гораздо лучше прежняго. Слѣдомъ подошелъ и его отецъ, одѣтый въ бѣлую суконную черкеску, но безъ кинжала. Это — средняго роста симпатичный старикъ, съ серьезнымъ лицомъ, привѣтливыми карими глазами, съ совершенно бѣлою сѣдой боро-

дой и, по общему обыкновению осетинъ, гладко остриженный. Онъ радушно протягиваетъ мнѣ руку, приглашаетъ въ домъ и самъ беретъ мои вещи, чтобы внести ихъ туда же. Домикъ, согласно установленному обычаю, во всю его длину снабженъ открытой галереей, на столбахъ которой поддерживается черепичная крыша. Съ галереи мы вступаемъ въ коридоръ, отдѣляющій одну или двѣ жилыя комнаты отъ чулана и упирающійся въ чистую комнату, очевидно, «кунацкую». Внутри дома нѣсколько грязновато, но чувствуешь себя свободно. Мебель, — несомнѣнное произведеніе деревенскаго столяра, — напоминаетъ обыкновенную обстановку небогатаго мѣщанской семьи: стулья и диванъ обиты ситцемъ, а столъ покрытъ скатертью изъ простаго холста. Въ комнатѣ свѣтло и пахнетъ «черемшой», — этимъ общимъ кушаньемъ у всѣхъ народностей сѣвернаго Кавказа, употребляемымъ то какъ приправа, вмѣсто хрѣна, горчицы и чесноку, то какъ самостоятельное блюдо. Многіе русскіе, сравнивая по вкусу черемшу со спаржей, съ прибавленіемъ нѣкоторой остроты, находятъ ее очень вкусной, но я никогда не могъ преодолѣть отвращенія къ ея зловонію и потому не рѣшался попробовать этого чисто восточнаго кушанья. Мы остаемся въ «кунацкой», вдвоемъ съ Соломономъ Алексѣвичемъ. Отецъ его хлопочетъ около лошадей, по части нашего снаряженія въ дальнѣйшую дорогу. Изрѣдка онъ входитъ, только чтобы перебраться нѣсколькими словами съ сыномъ о необходимыхъ вещахъ для путешествія въ горахъ. Меньшой сынъ его приносить намъ чай, кефиръ и квасъ, чтобы освѣжиться напитками съ дороги. Онъ почтительно останавливается въ дверяхъ, не имѣя права, по обычаю, сѣсть при старшемъ братѣ. Этотъ же обычай, уже не соблюдаемый Соломономъ Алексѣвичемъ по отношенію къ отцу, удерживаетъ послѣдняго при людяхъ отъ желанія побыть вмѣстѣ съ гостями и сыномъ. Женщины, во все время моего пребыванія въ домѣ Тукаевыхъ, не показывались изъ своихъ комнатъ, хотя мнѣ и пришлось видѣть, черезъ отворенную въ коридоръ дверь, стройную, типичную красавицу, сестру Габуди. Вслѣдъ за чаемъ, безъ перерыва, подаютъ и обѣдъ. На столѣ ставится все сразу: жареная курица съ приправой черемши, вареная баранина, шашлыкъ (мелкіе куски баранины, жареные на вертелѣ), пирожки съ творогомъ, жареные въ маслѣ, какъ-то особенно сваренный въ маслѣ сыръ, цѣлые вороха чурека (ячменнаго хлѣба) и добрая бутылка араки. Арака — это плохая водка, съ большою приправою сивушнаго масла, изготовляемая чуть ли не въ каждомъ осетинскомъ дворѣ. Я могъ только слегка попробовать ее, а хозяева — спасибо имъ! — не принуждаютъ пить. Все, кромѣ твороговыхъ пирожковъ,

не вкусно. Мясо мокають въ чашку съ кефиромъ, въ который положена толченая черемша. Это замѣняетъ хрѣнъ. Чурекъ можно ѣсть только пока онъ свѣжій; черезъ день же послѣ изготовленія, онъ уже дѣлается твердымъ, какъ подошва, и невкуснымъ. Обѣдъ окончился около часу дня.

Послѣ обѣда, мы идемъ осматривать аулъ. Это — большое селеніе въ 760 дворовъ—или, по мѣстному выраженію, «дымовъ»—и съ 4,611 душами населенія обоого пола. Такимъ образомъ, средній составъ семьи не великъ; число мужчинъ превышаетъ число женщинъ: на 121 мужчину приходится только 109 женщинъ. Земли у жителей христіанскаго селенія относительно немного—всего 7,670 дес., т. е. немногимъ болѣе 10 дес. на дворъ, или 3,15 дес. на наличную душу мужскаго пола, что, при обилии здѣсь свободныхъ земель и при господствѣ «переложной системы» пользованія, оказывается очень недостаточнымъ. Благодаря этому обстоятельству, и скотоводство, даже не смотря на близость чисто-альпійскихъ пастбищъ, развилось слабо. Болѣе 45 проц. домохозяевъ оказываются «безлошадными», хотя это обстоятельство, — вслѣдствіе того, что главной рабочей силой служатъ волю, — не имѣетъ того значенія, какъ въ средней Россіи. Однако и число дворовъ, совсѣмъ не имѣющихъ крупнаго рогатаго скота, достигаетъ 50, т. е. $\frac{1}{4}$ общаго числа. Овцеводство, которое могло бы развиться при близости пастбищъ, также мало распространено: на все селеніе насчитывается лишь немного болѣе 4,000 овецъ. Что касается торговли, то она приняла большіе размѣры, чѣмъ можно было бы ожидать: здѣсь цѣлыхъ 16 лавокъ, торгующихъ по гильдейскимъ документамъ, и двѣ—мелочныхъ. Преобладаютъ лавки съ краснымъ товаромъ, причемъ во второмъ отдѣленіи такой лавки устроены закрома для ссыпки кукурузы, которая принимается торговцами преимущественно въ обмѣнъ на товаръ. Такая мѣновая торговля даетъ значительный доходъ торговцамъ и, разумѣется, разорительна для покупателей. Питейныхъ заведеній нѣтъ: право свободного изготовленія араки исключаетъ надобность въ нихъ. Изъ промышленныхъ заведеній насчитываютъ 28 мельницъ, 14 кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ, 7 кузницъ и 11 другихъ мелкихъ заведеній. До ближайшаго базара (въ ст. Ардонской) 10—12 версть.

Если судить по наружному виду церкви объ усердіи прихожанъ, то легко можно ошибиться: зданіе церкви красиво и опрятно, но жители селенія—плохіе христіане. Сами они рассказываютъ, что стариковъ ихъ «крестилъ приставъ». Собереть, бывало, народъ къ водѣ, писарь запоетъ: «во Іордане крещающесе Гос-

поди», а приставъ велить всѣмъ лѣзть въ воду, и затѣмъ цѣловать крестъ. Такое упрощеніе христіанскаго обряда никого не смущало, а вновь крестившіеся даже радовались, такъ какъ за крещеніе они получали кумачевыя рубашки. Вкусъ къ послѣднимъ такъ развился, что многіе стали креститься подъ другими вымышленными именами уже по нѣскольку разъ. Такое легкомысленное отношеніе продолжалось однако недолго. Вскорѣ было возбуждено нѣсколько процессовъ за «вѣроотступничество» и виновные жестоко поплатились. Тутъ только дигорцы увидѣли, что съ ними не шутятъ. Но отъ этого они, разумѣется, не сдѣлались лучшими христіанами. Напротивъ, по словамъ Габуди и многихъ другихъ, всѣ осетины въ религіозномъ отношеніи—народъ вполне индифферентный. Правда, они вѣрятъ во единаго Бога, но и только; Христа почитаютъ, но скорѣе такъ, какъ магометане почитаютъ Магомета, а никакъ не наравнѣ съ Богомъ. Обряды до нельзя смѣшанные: есть христіанскіе и магометанскіе, но большинство — прямо языческіе.

Въ три часа, наконецъ, мы выѣхали верхомъ по направленію къ Ново-Магометанскому селенію, отстоящему въ 20-ти верстахъ отъ Христіанскаго. Проводникомъ у насъ былъ дальній родственникъ Тукаевыхъ, Карасе, а шестнадцатилѣтній мальчикъ Александръ ѣхалъ на навьюченной лошади и держалъ за поводъ еще такую же. Намъ предстоялъ еще продолжительный путь въ горахъ, а потому нужно было беречь какъ свои силы, такъ и силы лошадей. Вся наша группа въ четыре всадника и пять коней подвигалась впередъ медленной, мелкой рысью. Габуди, я и Карасе ѣдемъ рядомъ, а Александръ нѣсколько сзади. Габуди рассказываетъ мнѣ о постановкѣ сословныхъ вопросовъ въ Дигоріи и совершенно отрицаетъ дворянскія права сословія баденятъ. Карасе плохо понимаетъ разговоръ, но весело и оживленно одобряетъ демократическіе взгляды Соломона Алексѣевича.

Однообразіе степной полосы смѣнилось оживленностью и разнообразіемъ слегка холмистой мѣстности, живо напоминающей долины Псела, Ворсклы или другой какой красавицы украинской рѣчки. Еслибы не тянущаяся слѣва отъ дороги высокая гряда кавказскихъ горъ-великановъ, да не стройная фигура Карасе, въ папахѣ и буркѣ, почти съ аршиннымъ кинжаломъ за поясомъ, то право можно было бы подумать, что мы совершаемъ прогулку гдѣ нибудь по Слободской Украинѣ, а не на высотѣ 3 тыс. футовъ у подножія снѣжныхъ великановъ. Вся мѣстность слегка волнистая, мы ѣдемъ то полемъ, кругомъ засѣяннымъ кукурузою, ячменемъ и пшеницей, то спускаемся въ неглубокую балку, примыкающую

однимъ своимъ берегомъ къ лѣсу, то снова поднимаемся по отлогому склону среди роскошной травы, пестрѣющей, какъ послѣ дождя, самой свѣжей зеленью, самыми яркими колерами. Нигдѣ, кромѣ Сѣвернаго Кавказа, у подножія горнаго хребта нельзя встрѣтить такой замѣчательной свѣжести и яркости цвѣтовъ, травъ и растений. Горная рѣчонка, попадающаяся намъ на пути, хотя увеличилась въ размѣрѣ, но все таки мелководна и не велика. Лошади останавливаются на срединѣ теченія и съ жадностью пьютъ ея студеную воду. Часа черезъ два мы чувствуемъ приближеніе вечерней прохлады, и холодное дыханіе свѣжныхъ горъ понуждаетъ насъ снять съ сѣделъ бурки и навинуть ихъ на плечи. Часамъ къ семи мы вѣзжаемъ въ Ново-Магометанскій аулъ и, проѣхавъ пѣвую массу узкихъ кривыхъ улицъ, подъѣзжаемъ къ дому тетки Соломона Алексѣевича.

Пока мы сходимъ съ лошадей и отряхиваемся отъ пыли, на зеленой травѣ двора появились тюфяки, плетенныя подстилки изъ сухой травы и подушки, принесенныя для насъ сыномъ хозяйки. Мы усѣлись среди двора, а Соломонъ Алексѣевичъ пошелъ въ саклю повидаться съ теткой. Она,—какъ узналъ я,—магометанка, и притомъ ревностная, какъ и всѣ дигорцы-магометане. Въ дѣтствѣ она, кажется, принимала св. крещеніе, какъ и братъ ея—Алексѣй, отецъ Габуди. Но, выдя замужъ за магометанина и притомъ въ аулѣ, гдѣ совсѣмъ не было христіанъ, она возвратилась къ прежней религіи. Собственно ренегатства здѣсь никакого не было, такъ какъ крещеніе въ то время не сопровождалось никакимъ внушеніемъ новой вѣры и считалось простой и выгодной (ради кумачевой рубахи) формальностью, которую совершали изъ уголивости къ начальству. Всѣ крестившіеся оставались въ сущности послѣдователями Магомета, продолжали родниться съ магометанами же путемъ браковъ, совсѣмъ забывъ про совершенное надъ ними крещеніе. Только много лѣтъ спустя, населеніе узнало, что оно теперь другой вѣры и, хотя отчасти, стало знакомиться съ этой вѣрой. Тетка Соломона Алексѣевича не узнала и этого немногаго, такъ какъ была уже замужемъ за магометаниномъ, жила среди магометанъ и въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ не отличалась ничѣмъ отъ окружающихъ. Она и послѣ смерти своего мужа пользуется нѣкоторымъ почетомъ и слыветъ за старуху очень добрую, симпатичную и ласковую. «Даже самъ приставъ не кричитъ на нее»,—наивно говорили мнѣ, желая охарактеризовать ея симпатичность.

Сюда же во дворъ принесли кипящій самоваръ, гдѣ-то взятый по случаю пріѣзда гостей. Чай и сахаръ у насъ нашлись, а вмѣ-

сто хлѣба намъ принесли тѣ же вкусныя горячія лепешки съ творогомъ и безъ творогу. По бѣдности, хозяйка не имѣла постоянной кунацкой и, пока мы сидѣли во дворѣ, кунацкую приготовляли. Дворъ очень обширенъ и его размѣрамъ позавидуетъ всякій крестьянинъ наиболѣе многоземельной губерніи средней Россіи. Домъ, раздѣлявшій усадьбу на двѣ части—огородъ и собственно дворъ,—очень типиченъ для осетинскихъ ауловъ. При длинѣ въ 15—20 аршинъ, онъ имѣетъ въ ширину не болѣе 5—6-ти и представляетъ такимъ образомъ рядъ клѣтокъ, поставленныхъ одна около другой, покрытыхъ одной черепичной крышей и имѣющихъ, каждая, свой отдѣльный выходъ въ открытую галерею, расположенную по длинѣ всего дома. Крайняя къ воротамъ комнатка служитъ, во время пріѣзда гостей, кунацкой; средняя замѣняетъ кладовую, а остальные—жилая комнаты. Во дворѣ расположены довольно просторныя навѣсы, сарай, амбаръ, ясли для корма скота, кукурузная плетѣнка и непремѣнная принадлежность всякаго осетинскаго двора, всегда отсутствующая у русскаго мужика,—отхожее мѣсто. Домъ и амбаръ—рубленые, а остальные постройки—плетневые, крытыя соломой.

Кунацкая, куда перешли мы, какъ только стемнѣло, не велика—по 6—7 арш. въ длину и ширину,—но чиста и уютна. Стѣны почти цѣликомъ закрыты: съ одной стороны, вязаной скатертью, съ бахромой, пришитой къ кумачу, съ другой—коленкоромъ съ нашитыми кумачевыми цвѣтами, а съ третьей—ситцевыми платками. У стѣны, что противъ двери, низкая широкая лавка-диванъ, на которой уложены тюфяки и подушки. Здѣсь мы усаживаемся съ Габуди. Карасе, Александръ, сынъ хозяйки и нѣсколько осетинъ-дигорцевъ, пришедшихъ полюбопытствовать на пріѣзжихъ, стоятъ у дверей, растворенныхъ настезь. Намъ подають ужинъ на низенькомъ кругломъ столикѣ, съ возвышенными краями на подобіе блюда. На столикѣ лежали чурекъ, куски варенаго барашка, шашлыка и много тѣхъ же лепешекъ-пирожковъ. Кефиръ съ черемшой фигурируютъ въ видѣ приправы и стоятъ на самой срединѣ столика въ деревянной мисочкѣ. Кушанья приносятъ тетка Габуди и ея дочь, очень молоденькая дѣвушка, со свѣжимъ миловиднымъ лицомъ. Она нѣсколько конфузится и закрывается головнымъ платкомъ.

— Пріѣзжай къ намъ въ аулъ,—говоритъ ей шутя Соломонъ Алексѣевичъ:—я тебя замужъ за христіанина отдамъ.

— Не хочу,—отвѣчаетъ она,—отъ него свиньей воняетъ.

Слѣдуетъ взрывъ хохота, а стыдливая красавица убѣгаетъ. На мой вопросъ Соломонъ Алексѣевичъ объясняетъ, что отвращеніе

отъ свинины здѣсь настолько значительно, что даже изъ христіанъ-осетинъ только немногіе употребляютъ ее.

Скоро послѣ ужина, сынъ хозяйки просилъ собравшихся не беспокоить насъ и мы улеглись очень рано. Подъ гостепріимнымъ кровомъ дигорца можно спать совершенно спокойно. Еслибы была хоть малѣйшая опасность, хозяинъ самъ будетъ лучшимъ сторожемъ своего гостя и не дастъ его въ обиду. Утромъ, въ пять часовъ, отворили ставни и яркая полоса свѣта пробудила насъ. Передъ отбѣздомъ, мы напились чаю и молока. Не успѣли осмотрѣться, какъ опять появился тотъ же столикъ съ тѣми же яствами, какъ и вчера. Габуди говорить, что и онъ, и я больны, и что ѣсть намъ поэтому невозможно. Это обстоятельство хотя и огорчаетъ хозяевъ, но причина настолько уважительна, что отказъ не принимается за обиду. Народу набирается въ кунацкую много и всѣ входящіе привѣтствуютъ насъ словами: «уа бонъ хуорзъ» (да будетъ добрый день). Въ комнатѣ дѣлается душно и мы выходимъ на галерею, гдѣ усаживаемся на крылечкѣ. Къ Габуди подсаживается его тетка и ласково, нѣжно гладитъ его рукой по спинѣ. Соломонъ Алексѣевичъ говорить мнѣ, что положеніе женщины въ Дигоріи и Осетіи не такъ плохо, какъ думаютъ многіе. Правда, домашняя работа лежитъ всецѣло на женщинахъ, но полевая работа теперь не входятъ въ кругъ ихъ обязанностей: онѣ исполняются уже мужчинами. Жена въ домѣ имѣетъ свои права и свою власть, и хозяинъ, на котораго не имѣетъ вліянія жена—большая рѣдкость. На супруговъ, живущихъ между собою недружно, смотрятъ неодобрительно, а мужа, бьющаго свою жену, презираютъ. Народная пословица прямо говорить: «если словами не исправишь жену, то палкой—тѣмъ болѣе». Вдова пользуется правами, общими для домохозяевъ, а тетка Соломона Алексѣевича,—какъ мы уже говорили,—уважается своими односельцами. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняется еще много старыхъ обычаевъ. Такъ, въ знакъ уваженія къ мужу и его семьѣ, обычай требуетъ, чтобы молодая женщина, въ первое время по вступленіи въ домъ мужа, говорила не иначе, какъ шопотомъ, чтобы она не называла его по имени и не произносила фамиліи, а употребляла выраженія въ третьемъ лицѣ. Гостямъ женщина, по прежнему обычаю, тоже не должна показываться; но теперь это уже не такъ строго соблюдается. Тетка Габуди продолжала ласкать его и упрашивала остаться еще погостить у нея. Но намъ нужно было слѣзнуть и мы, распростившись съ гостепріимной хозяйкой, тронулись въ дальнѣйшій путь.

Селеніе Ново-Магометанское почти вдвое меньше Христіан-

скаго. Въ немъ насчитываютъ немногимъ больше 300 дворовъ съ 2,234 душ. населенія обоого пола. Земли приходится на душу гораздо меньше, чѣмъ въ Христіанскомъ селеніи, а именно: на личную душу удобной—менѣе 1,4 дес., а на душу мужскаго пола—2,6 дес., т. е. приблизительно столько же, сколько въ центральныхъ черноземныхъ малоземельныхъ губерніяхъ. Впрочемъ, здѣсь есть еще до 1,000 дес. выпаса, дающаго возможность жителямъ имѣть овецъ, даже нѣсколько больше, чѣмъ въ Христіанскомъ селеніи, которое,—какъ мы уже видѣли,—вдвое превышаетъ своими размѣрами и населенностью Ново-Магометанскій ауль. Малоземелье, съ одной стороны, и религія съ другой побуждаютъ ново-магометанскихъ жителей мечтать о переселеніи въ Турцію.

— Но неужели,—спрашиваю я Соломона Алексѣевича, —имъ никто не скажетъ, что въ Турціи будетъ гораздо хуже?

— Какъ не говорятъ!—отвѣчаетъ онъ.—Я сейчасъ то же самое повторялъ имъ, но они утверждаютъ, что знаютъ это хорошо и если идутъ, то только для того, чтобы сохранить въ чистотѣ свою вѣру.

— Кто же мѣшаетъ имъ въ этомъ здѣсь?—недоумѣваю я.

— Солдаты берутъ, свинью велятъ ѣсть,—вмѣшивается Карасе.

Разговоръ продолжается на ту же тему, и я прихожу къ убѣжденію, что реальныхъ поводовъ къ переселенію со стороны свободы вѣроисповѣданія не существуетъ. Все дѣло ограничивается слухами, что новобранцевъ изъ осетинъ заставляютъ ѣсть изъ общей посуды, вмѣстѣ со всѣми, и что они волею-неволею вынуждены отступать отъ своей религіозной обрядности. Не знаю, насколько вѣрны эти слухи, но еслибы и такъ, то едва ли они понудятъ массу жителей бросать насиженные мѣста и разоряться на переселеніе въ невѣдомый край. Какъ только минетъ острый періодъ неудовольствій по поводу введенія личной воинской повинности,—такъ сейчасъ же забудется и Турція, и переселеніе.

II.

По Урухскому ущелью.

Не смотря на раннюю пору, солнце допекаетъ насъ очень чувствительно. Масса оводовъ положительно мучитъ нашихъ лошадей, которыя, даже не смотря на плеть и узду, останавливаются подъ всадникомъ, забрасываютъ голову на бокъ или опускаютъ ее между переднихъ ногъ. По совѣту Карасе, мы надѣваемъ бурки, рас-

пуская ихъ на крупъ и бока лошадей, чтобы хоть отчасти предохранить бѣдныхъ животныхъ отъ надоедливыхъ насѣкомыхъ. Въ такомъ видѣ бурка образуетъ какъ бы шатеръ, предохраняетъ отъ палящаго, не смотря на ранній часъ, солнца и не мѣшаетъ вѣтерку охватывать своей прохладой и всадника, и лошадь. Оводы горячатъ коней, и мы крупной рысью ѣдемъ по ярко цвѣтущему лугу. Сочная густая трава образуетъ коверъ, полный прелести и свѣжести. Этотъ рѣдкій по своей очаровательности лугъ тянется три-пять верстъ, и затѣмъ постепенно заполняется низко растущими кустами ольхи, появляющимися то въ одиночку, то группами и, наконецъ, берущими перевѣсъ надъ травяною растительностью. Еще верстъ черезъ пять—мы у опушки лѣса, широкой темной лентой опоясывающаго предгорную полосу и самыя Черныя горы. Спустившись въ лѣсную неглубокую долину, ѣдемъ широкой, просторной дорогой. На пути наше вниманіе невольно привлекаетъ одинокая могила съ перпендикулярно стоящимъ на ней тесанымъ камнемъ, подъ сѣнью гигантской груши. Еще верстъ пять-семь такой привольной красивой дороги, окаймленной лѣсною чащей съ рододендронами и типичнымъ травянистымъ кустарникомъ («прикрыть»), дѣйствительно прикрывающимъ всю землю, а затѣмъ мы вступаемъ въ полосу величественнаго, густаго кавказскаго лѣса.

Этотъ лѣсъ очень мало похожъ на лиственные лѣса средней Россіи, часто обилующей самыми разнообразными древесными и кустарниковыми породами, да веселыми лѣсными полянками, покрытыми сочною травой. Здѣсь вся громада лѣса состоитъ почти исключительно изъ буковъ (чинарь), не имѣющихъ ни одной вѣточки на стройныхъ прямыхъ стволахъ своихъ, до высоты 20—30 аршинъ. Лишь вершины ихъ, высоко поднявшіяся къ небу, переплетаются вѣтвями. Ни кустарника, ни мелкихъ деревьевъ почти нѣтъ; сильно отѣзенная и влажная почва лишена травяной растительности. Только мохъ да папоротники покрываютъ землю. Влажный и сырой воздухъ въ средѣ этихъ великановъ, достигающихъ толщины трехъ обхватовъ, давитъ и гнететъ путника, которому поскорѣе хочется выбраться на открытое мѣсто. Но до этого еще далеко, и мы продолжаемъ медленнымъ шагомъ подвигаться впередъ. Почти никогда не просыхающая грязь въ лѣсу густа, клейка и достигаетъ щиколотки лошади. Узкая дорога и объѣзды грязи по чащѣ лѣса заставляютъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ коня, такъ какъ иначе рискуешь раздробить колѣно о буковый стволъ или потерять глазъ отъ удара вѣтки немногочисленнаго молодника.

Мы ѣдемъ уже около часу времени, а подвинулись впередъ еще очень немного. И лошади, и всадники выбились изъ силъ, а потому, при поворотѣ вправо по тропѣ съ замѣтнымъ подъемомъ, мы рѣшили устроить привалъ, отдохнуть и закусить. Пока кипятили воду, взятую изъ небольшого, но чистаго, какъ хрусталь, горнаго потока, я пошелъ побродить и осмотрѣться въ лѣсной чащѣ. Грустную картину расхищенія грандіозныхъ богатствъ представляетъ лѣсъ нагорной полосы Сѣвернаго Кавказа. Громаднѣйшія деревья въ нѣсколько обхватовъ толщины, срубленныя весною, *для того чтобы прокормить почками скотъ* (!) лежатъ на сырой землѣ и гниютъ. Ими почти никогда не пользуются. Другіе лѣсные великаны надрублены или потеряли часть коры и постепенно засыхаютъ на корню. Масса валежника и сушняка могла бы служить для отопленія громаднаго города, а между тѣмъ она гибнетъ непроизводительно. Туземецъ всегда рубить свѣжее и лучшее изъ деревьевъ, хотя бы ему нуженъ былъ только одинъ сучокъ, только одна вѣточка. Колоссальное богатство таетъ и, при дальнѣйшемъ расхищеніи, грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для всего края. Какъ варварски истребляется этотъ лѣсъ! Работникъ никогда не даетъ себѣ труда нагнуться и рубить дерево у корня; нѣтъ, онъ рубитъ его на уровнѣ своей груди, т. е. на полтора-два аршина отъ земли. Громаднѣйшій пенъ пропадаетъ даромъ и уже не можетъ дать никакихъ новыхъ порослей. Молодые деревья, для толстыхъ кольевъ, истребляются ежегодно десятками тысячъ штукъ, а предѣлы лѣса все болѣе и болѣе суживаются. *Въ Терской области насчитываютъ сотни тысячъ десятинъ лѣса*, а между тѣмъ въ немъ отъ безразборчиваго истребленія уже ощущается нужда: стоимость сажени дровъ во Владикавказѣ, какъ и въ безлѣсной черноземной полосѣ Россіи, превышаетъ 20 рублей.

Послѣ короткаго отдыха, мы опять сѣли на лошадей и минутъ черезъ десять начали спускаться въ глубокую балку. Зигзагообразный спускъ до-нельзя крутъ, а мѣстами кажется даже чуть не отвѣснымъ. Онъ шоссированъ (чего я не замѣчалъ нигдѣ по дорогѣ раньше), но очень плохо и узко. Здѣсь только съ большимъ трудомъ можно проѣхать на двухколесной арбѣ, да и то, вѣроятно, не всегда. Мѣстами спускъ совершенно сухъ, мѣстами представляетъ глинистую почву, размягченную дождями, а кое-гдѣ его смачиваетъ родниковая вода, пробивающаяся тутъ же изъ горы и образующая скользкія неудобныя пространства. На одномъ изъ такихъ мѣстъ моя лошадь поскользнулась и я, по неопытности къ такого рода поѣздкамъ, уронилъ короткій поводъ и

едва-едва не скатился внизъ по крутизнѣ. Чуть держась на сѣдлѣ, спускаюсь на дно балки; но здѣсь мостикъ, перекинутый черезъ довольно бурный горный потокъ, оказывается сломаннымъ и мы волей-неволей переправляемся въ бродъ. Отсюда идетъ подъемъ, такой же крутой, зигзагообразный и также плохо шоссированный. Отъ Габуди узнаю, что этотъ путь проложенъ отъ самаго Ново-Магометанскаго почти до с. Донифарсъ лишь очень недавно. Прежде здѣсь шла только узенькая тропинка, по которой невозможно было ѣхать двумъ всадникамъ въ рядъ. Инженеръ Ольшевскій, по условію съ дигорскими обществами, расширилъ эту дорогу, выкорчевалъ въ лѣсу пни, расчистилъ бугры, поставилъ мостики и мѣстами шоссировалъ путь, шириной приблизительно въ 1 сажень. Впрочемъ, значительно большая часть его—грунтовая. Послѣ сдачи дороги, содержалъ ее и ремонтировалъ подрядчикъ, но теперь онъ отказался и дорога остается безъ ремонта. По понятіямъ горцевъ, дорога и въ этомъ видѣ хороша, такъ какъ по ней, хоть съ трудомъ, но все таки физически возможно проѣхать въ арбѣ, или—вѣрнѣе—провести подъ устцы лошадь, запряженную въ арбу. Такое мнѣніе объ этой дорогѣ можетъ навести только на несовѣмъ пріятныя размышленія объ относительности понятій о хорошихъ и дурныхъ «путяхъ сообщенія»...

Подъемъ продолжается. Лошади карабкаются, усиленно закидывая ноги и тяжело дыша. При поворотѣ влѣво за выступъ горы, передъ нами вдругъ раскрывается роскошнѣйшая картина. Направо, внизу, пѣнясь и вздымаясь, шумно катитъ свои воды широкой и величественный Урухъ, разбивающійся на нѣсколько рукавовъ и захватывающій все дно котловины. Ударяясь о громаднѣйшіе камни, которые засоряютъ его русло, онъ то разбивается въ миллиарды мелкихъ капель, блистающихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, то, вздымаясь и темнѣя, съ шумомъ перекатывается черезъ препятствія. Справа его тѣснятъ широкіе лѣсные холмы, одинъ живописнѣе другаго, а слѣва—гора, по маленькому уступу которой, едва замѣтному въ общей картинѣ, лѣпится тѣснямая лѣсомъ ничтожная тропинка въ сажень шириной, называемая здѣсь «прекрасною дорогой». Величественная природа колоссальныхъ холмовъ, громаднаго стараго лѣса и вѣчно движущейся шумной массы воды до-нельзя умаляетъ здѣсь и животныхъ, и людей, и ихъ ничтожную работу, почти незамѣтную въ общей грандіозной мощи природы. Подъемъ оканчивается обширнымъ нагорнымъ плато, на которое мы и вѣзжаемъ съ облегченнымъ сердцемъ. Дорога опять нѣсколько отклоняется отъ Уруха. На ней, къ немалому моему удивленію, мы встрѣчаемъ топкія, почти

болотистыя мѣста. Привыкши въ Россіи съ понятіемъ о топи соединять изменности, невольно удивляешься, встрѣчая такую же топь на высотѣ какихъ нибудь 3—4 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога здѣсь также широка, какъ столбовая, а лѣсъ удаляется. Но вотъ опять такой же крутой спускъ на дно балки—и опять подъемъ. Взобравшись вверхъ, мы останавливаемся на привалѣ, такъ какъ лошади наши совсѣмъ выбились изъ силъ не столько отъ ѣзды, сколько отъ цѣлыхъ тучъ несносныхъ оводовъ. Мы сламываемъ вѣтки и ими стараемся отогнать надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, но это помогаетъ мало. Я тоже сильно усталъ отъ непривычной верховой ѣзды на скверномъ казачьемъ сѣдлѣ: лопить поясницу, колѣни дрожать, ощущается легкое головокруженіе.

Съ нашего привала горы кажутся уже больше и грандіознѣе; онѣ тѣснѣй столпились къ Уруху,—котораго отдаленный шумъ слышенъ отсюда, — и обнажили свои трахитовые и известковые бока. Простору видимо дѣлается все меньше и меньше. Мы прислушиваемся къ шуму невидимой рѣки; вдругъ воздухъ потрясается какъ отъ сильнаго раската грома: то свалился какой либо лѣсной гигантъ, столѣтній букъ, и нарушилъ однообразіе лѣсныхъ звуковъ. Прямо противъ насъ возвышается колоссальная скала—Ахсента, или Урсъ-хохъ (бѣлая гора), названная такъ за свои бѣлые известняки. Спускаясь по узенькому уступу этой скалы, мы въѣзжаемъ въ Урухское ущелье, называемое также туземцами Ахсентскимъ, и представляющее одинъ изъ поразительнѣйшихъ и величественнѣйшихъ видовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Судя по себѣ, я убѣжденъ, что многіе жители русской равнины имѣютъ самое превратное понятіе о такихъ горныхъ дорогахъ, какъ военно-грузинская, и совсѣмъ не представляютъ себѣ дороги ущельемъ. Я, напримѣръ, ѣдучи на Кавказъ, наивно воображалъ себѣ, что пробираться горной дорогой—это значитъ карабкаться все вверхъ и вверхъ, точно по конусу сахарной головы, а потому былъ чрезвычайно удивленъ, въ первый разъ увидѣвъ горное ущелье. Представьте себѣ, читатель, гигантскую глыбу въ нѣсколько десятковъ верстъ длины и ширины, одной изъ тѣхъ горныхъ породъ, которыя вы видите въ минералогическихъ коллекціяхъ,—трахита, базальта, известняка, или, что еще вѣрнѣе, слоистой смѣси этихъ и другихъ породъ. Представьте дальше, что по этой гигантской глыбѣ, имѣющей 1½—2 версты толщины, послѣдовалъ столь же гигантскій ударъ тупымъ орудіемъ. Не смущайтесь тѣмъ, что даже Святогорь-богатырь не могъ нанести такого удара, а допускайте, что отъ него весь этотъ кусокъ далъ трещину почти во всю свою

толщину. Эта-то трещина, узкая, мрачная, глубокая, извилистая и шероховатая, напомнит вам горное ущелье. Бока этой трещины, «жилища змѣя», будут берегами ущелья, а по днищу ея будет бѣшено мчаться обильный горный потокъ. Входя въ эту трещину и имѣя въ виду выбраться изъ нея на противоположномъ концѣ и притомъ ближе къ верхней площади всей гигантской глыбы горныхъ породъ, человекъ не можетъ, разумѣется, подняться по вертикальному боку ущелья, а постояннымъ кропотливымъ трудомъ, пользуясь каждымъ маленькимъ уступомъ, взрывая на пути громадные камни и выдалбливая въ каменной стѣнѣ узенькіе карнизы, проводить дорогу отъ дна ущелья до противоположной вершины. Эта дорога также мала и ничтожна передъ громадой скалъ, образующихъ стѣны ущелья, какъ и легкая царापинка гвоздемъ по нешлифованному камню.

Подобная дорожка-царापина, едва достаточная для того, чтобы по ней можно было проѣхать двумъ всадникамъ въ рядъ, начинается въ Урухскомъ ущельѣ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ рѣкой, kloпочущей по дну пропасти. Она высѣчена въ громаднѣйшихъ скалахъ, въ большинствѣ случаевъ отвѣсно поднимающихся или даже повисшихъ надъ дорогой. Такъ и кажется, что вдругъ эта милліонно-пудовая громада сорвется на путниковъ-лигмеевъ и буквально не оставитъ отъ нихъ даже слѣда. Въ большинствѣ случаевъ, она мѣшаетъ разсмотрѣть лѣвый берегъ ущелья, его высоту и горныя породы, залегающія здѣсь. Волей-неволей взоръ обращается къ пропасти и къ противоположному берегу ущелья, поднимающемуся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ Урухомъ. Этотъ берегъ, правый отъ насъ и лѣвый по теченію рѣки, виденъ совершенно ясно и отчетливо. Онъ сложился изъ нѣсколькихъ ярусовъ горныхъ породъ, громоздящихся другъ надъ другомъ и часто имѣющихъ замѣтно слоистое сложеніе. Одни изъ этихъ ярусовъ совершенно обнажены и торчатъ голыми уступами; другіе, напротивъ, покрыты роскошной зеленью. Совершенно отказать себя нельзя, какъ кустарники и даже цѣлыя деревья успѣли примоститься почти на отвѣсныхъ склонахъ бесплодныхъ скалъ. Но тѣмъ поразительнѣе и оригинальнѣе этотъ зеленый уборъ на голыхъ каменистыхъ громадахъ, часто неправильными массами торчащихъ изъ подъ своего зеленого покрова. Разсматривая этотъ покровъ, я замѣтилъ преобладаніе кустарниковыхъ породъ, но небольшіе вязы и липы тоже встрѣчаются здѣсь. Промежутки между деревьями заросли обширными роскошными папоротниками, отличающимися, какъ и весь растительный покровъ ущелья, замѣчательной яркостью и свѣжестью зелени. Крутой спускъ вывелъ

насъ въ это поразительное и величественное по своей красотѣ Урухское ущелье. О немъ можно кое-что рассказать, можно говорить о частностяхъ, но описать его, представить передъ читателемъ въ одной яркой и вѣрной картинѣ — едва ли возможно. Это—нѣчто непередаваемое, неизъяснимое, но столь поразительное по своей красотѣ, столь великое, что едва ли найдется чело-вѣкъ, который не былъ бы пораженъ такой красотой и такимъ величіемъ. Изумленные и положительно ошеломленные неожиданнымъ зрѣлищемъ, остановились мы съ Габуди и нѣсколько минутъ не въ силахъ были произнести ни слова. Мы стоимъ на узкомъ карнизѣ дороги, а у насъ подъ ногами, въ бездонной пропасти, куда не проникаетъ лучъ солнца, реветъ, вздымается и грохочетъ, катя по дну камни, бѣшенный Урухъ, пѣнистый, стремительный, вѣчно стѣсняемый громадами скалъ, но вѣчно же прорывающійся сквозь нихъ и еще свирѣпѣе и сильнѣе мчащій свои темныя мутныя воды. Прямо противъ насъ возвышается колоссальный берегъ ущелья, поднимающійся на тысячи футовъ, то выдѣляющій изрѣдка трахитовыя и известковыя обнаженія самыхъ причудливыхъ формъ, то, напротивъ, одѣтый яркой зеленью разныхъ оттѣнковъ и окутанный легкой дымкой тумана, то увѣчан-ный грозными зубцами скалъ и колоссальныхъ каменныхъ кругляковъ, брошенныхъ какою-то страшною силой на вершины утесовъ. Налѣво и направо, противъ теченія и по теченію Уруха, тянется эта колоссальная щель, то сближая, то отдаляя свои каменные берега. Направо отъ насъ, на днѣ ущелья, скалы сдвинулись, столпились другъ къ другу, но бѣшенный потокъ, клопоча и вздымаясь, прорвалъ себѣ узкій ходъ и съ шумомъ бросилъ въ него свои пѣнистыя сѣдыя волны. Выше, по той же вертикальной линіи, скалы расширились, образовавъ съ обѣихъ сторонъ родъ полукруговъ, а затѣмъ снова сблизились, всего на 5—7 саженей. И вотъ въ этомъ мѣстѣ, саженяхъ въ 30-ти надъ нами, искусной рукой переброшенъ съ одного берега на другой живописный мостикъ, кажущійся какою-то изящной миньютурной игрушкой въ этомъ мірѣ великановъ и гигантовъ.

Долго созерцали мы эту поразительную картину, полную величественной, дикой прелести и оставляющую въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. Когда мы двинулись впередъ, я чувствовалъ, что меня уже ничто не можетъ поразить. Воображеніе отказывалось представить нѣчто такое, что могло быть еще лучше, еще прекраснѣе и величественнѣе того, что мы видѣли. А между тѣмъ, по мѣрѣ движенія впередъ, передъ нами открывались все новые и новые виды, столь же оригинальные, столь же грандіозные и

паразительно прекрасные. Продолжительный рядъ величественныхъ картинъ какъ-то утомляетъ, удручаетъ случайнаго ихъ созерцателя. Чувствуешь, что весь внутренній міръ уже заполненъ этими впечатлѣніями, что новымъ уже нѣтъ мѣста въ душѣ. Со знаешь, что окружающіе виды не хуже, если не лучше предшествовавшихъ, но они уже не дѣйствуютъ такъ, какъ прежніе; они точно покрыты какой-то пеленой,—точно видишь ихъ во снѣ, а не наяву. Черезъ какихъ нибудь полчаса, они начинаютъ уже тяготить васъ, удручать. Встрѣчаемыя опасности кажутся гораздо серьезнѣе, значительнѣе. Голова слегка кружится и взоръ невольно обращается въ пропасть, которая какъ будто тянетъ васъ въ невѣдомую глубину. Мысль работаетъ слабо. Лошадь бодро идетъ по краю карниза дорожки; отдѣльные камни срываются изъ подъ ея ногъ и шелестъ паденія ихъ въ бездну невольно заставляетъ сердце усиленно биться. Такъ и кажется, что будь предоставленъ выборъ, при несчастномъ паденіи съ лошади, свалиться налѣво, на скалу, гдѣ возможно еще задержаться, или направо, въ пропасть, гдѣ будешь истерзанъ о камни, прежде чѣмъ упадешь на дно,—я невольно, повинувшись какой-то неопределимой, точно гипнотической притягательной силѣ пропасти, добровольно избралъ бы паденіе направо, въ ту бездонную трещину... Физическая усталость выступаетъ съ особой силой; колѣни начинаютъ дрожать отъ непривычнаго держанія ногъ въ короткихъ стременахъ казачьяго сѣдла и я долженъ собрать всѣ силы, чтобы бодро держаться на лошади. Чтобы не вызывать большаго головокруженія невольнымъ заглядываніемъ въ бездну, я сосредоточиваю взглядъ на гривѣ и головѣ коня... Меня начинаетъ клонить ко сну. Крайняя усталость моя обращаетъ вниманіе Карасе и онъ предупредительно направляется ко мнѣ и ѣдетъ рядомъ со мной, отгѣсня мою лошадь ближе къ скалѣ, а самъ пробираясь по самому карнизу. Не смотря на крайнюю опасность такой ѣзды, привычная лошадь его идетъ бойко и увѣренно. Это полное спокойствіе всадника и коня пріободрило меня и я начинаю разговоръ объ опасностяхъ такого путешествія. Карасе весело смѣется и въ отвѣтъ указываетъ мнѣ мѣстности, гдѣ происходятъ у нихъ скачки и джигитовки во время празднества въ честь покойниковъ. Не подтверди его словъ правдивый Габуди и не скажи онъ, что рѣдкое изъ этихъ торжествъ оканчивается благополучно, я, право, не повѣрилъ бы въ возможность скакать во всю прыть тамъ, гдѣ отъ крутизны не можетъ удержаться никакой предметъ. Нужно имѣть когти кошки, чтобы пробраться по тѣмъ стремнинамъ, гдѣ происходятъ подобныя джигитовки.

Мы все поднимаемся и поднимаемся; изрѣдка проѣзжаемъ короткій крутой спускъ, но и то только для того, чтобы удобнѣе подняться дальше. Ущелье начинаетъ расширяться и дорога идетъ уже зизгагами; мы то и дѣло описываемъ повороты назадъ. Карнизъ дороги въ иныхъ мѣстахъ искусственно укрѣпленъ каменными стѣнами и путь, наконецъ, выходитъ близко къ вершинѣ лѣваго берега ущелья.

Здѣсь долина Уруха совсѣмъ широка и уже безлѣсна, а посрединѣ заполнена широкими массивными буграми, покрытыми низкорослой травой. Нашъ карнизъ - дорога образуетъ уже широкую площадку, постепенно спускающуюся ко дну ущелья. На ней мѣстами лежатъ громадныя глыбы известняка, точно разбросанныя чьей-то невидимой рукой. Вдали виденъ горный аулъ — Задалескъ, Махческаго прихода. У одинокаго памятника, поставленнаго на могилѣ дигорца, нѣсколько лѣтъ назадъ упавшаго въ пропасть и, разумѣется, въ дребезги разбишагося, мы остаиваемся на отдыхъ. Смотрю на часы и узнаю, что собственно ущельемъ мы ѣхали ровно часъ съ четвертью. Первые полчаса привала проходятъ въ безмолвномъ отдыхѣ: всѣ мы собираемся съ силами. Когда усталость нѣсколько забылась, наше вниманіе привлекъ прежде всего надгробный памятникъ, представляющій собой толстую каменную плиту, вертикально воткнутую въ землю. Верхушка ея округлена, а на передней сторонѣ вырѣзанъ и раскрашенъ грубый рисунокъ. Добрую половину плиты заняло неуклюжее изображеніе челоуѣка по поясъ. На шеѣ его изображенъ крестъ, на груди патроны, а передъ поясомъ нѣсколько молотковъ. Подъ чертой изображена всякая всячина: различное оружіе, олень, лошадь, салоги и челоуѣкъ — все въ довольно миньятюрномъ видѣ, но грубо и безъ всякой отдѣлки. Въ самомъ низу надпись: «памятникъ Сабану Соспоеву, умеръ ...» — числа разобратъ нельзя. Я остановился на этомъ памятникѣ въ виду типичности его. По всей Осетин, въ горахъ и на плоскости, можно встрѣтить много такихъ памятниковъ, стоящихъ то одиноко, то небольшими группами, то образующихъ, наконецъ, цѣлыя кладбища.

Противъ самаго привала въ скалистой стѣнѣ, образующей берегъ ущелья, по которому пролегаетъ наша дорога, на самой вершинѣ ея, легко замѣтить довольно правильное трехъугольное углубленіе, напоминающее входъ въ пещеру, а вблизи его — глубокую расщелину въ каменистомъ гребнѣ вершины, образовавшуюся точно отъ удара острымъ орудіемъ. По поводу этихъ двухъ расщелинъ, подошедшій пастухъ рассказалъ Габуди, а послѣдній перевелъ мнѣ легенду, которую я и привожу въ пересказѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ виденъ разрѣзъ скалы, была нѣкогда соляная жила, которую тщательно оберегаль и хранилъ святой Георгій (по осетински—Уаснерги)—этотъ излюбленный герой-святитель всего осетинскаго народа. Онъ позволялъ людямъ свободно пользоваться солью, и все населеніе дорожило ею. Но Георгію нужно было уѣхать оттуда и онъ поручилъ одному человѣку сторожить ту соль, такъ какъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ другой злой человѣкъ, который хотѣлъ похитить ее. Едва уѣхалъ Георгій, какъ явился злой человѣкъ къ этому мѣсту, но сторожъ не пустилъ его. Тогда пришла отъ него женщина, но и ее не пустилъ сторожъ. Приходилъ быкъ, но и тотъ потерпѣлъ неудачу. Наконецъ является собака, которая, какъ извѣстно, не ѣстъ соли, а потому сторожъ и пустилъ ее. Но она схватила соль въ зубы и убѣжала. Возвращавшійся Георгій видѣлъ это и въ догонку пустилъ ей стрѣлу, которая попала однако въ скалу и образовала въ ней это трехугольное отверстіе. Прискакавшій Георгій въ гнѣвъ ударилъ шашкой по вершинѣ, гдѣ отъ этого удара образовалась видимая и теперь расщелина. Такъ была потеряна людьми соль въ этомъ мѣстѣ Дигоріи.

Нѣсколько правѣе въ той же скалѣ видна пещера-часовня, по мѣстному,—джиуара. Такихъ джиуаръ довольно много не только въ горной Осетіи, но и у другихъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа. Всѣ онѣ имѣютъ много общихъ чертъ, а потому считаю нужнымъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Джиуары, устроенныя въ скалистыхъ естественныхъ гротахъ, имѣютъ одно, два и болѣе отдѣленій, входъ въ которыя, если онъ бываетъ слишкомъ широкъ, задѣлывается искусственной каменной стѣнкой лишь съ небольшимъ проходомъ. Внутри пещеры всегда можно видѣть, на нѣкоторомъ разстояніи отъ пола, нѣсколько брусевъ, укрѣпленныхъ концами въ противоположныхъ стѣнахъ; тутъ же по угламъ укрѣпляются шести, колья и палки, всѣ, какъ и брусья, употребляемые для навѣшиванія на нихъ предметовъ, предназначенныхъ для жертвоприношеній. Мясо приносимыхъ въ жертву животныхъ жаривается здѣсь на устроенномъ изъ камней очагѣ, а затѣмъ переносится на жертвенникъ, представляющій возвышеніе посреди пещеры, обильно покрываемое вѣтвями и листьями. Вдоль стѣнъ укладываются брусья, замѣняющіе сидѣнья. Жертвоприношенія продолжаются до сихъ поръ, совершаясь, — какъ на примѣръ, въ Задолесскомъ джиуарѣ, — два раза въ годъ отъ всего общества. Въ жертву приносятъ рѣшительно все, имѣющее какое нибудь практическое значеніе. Больше всего въ такихъ пещерахъ можно встрѣтить роговъ и череповъ, оставшихся отъ принесенныхъ здѣсь въ жертву домашнихъ и дикихъ животныхъ: туровъ, быковъ, оле-

ней, козь и т. п. Много приносятъ сюда предметовъ домашняго обихода: ложекъ, чашекъ, котловъ и т. п., а также пуль, стрѣль, копій, кожъ, мѣдныхъ и серебряныхъ монеть, и много другихъ вещей.

Жители Задолеска—христиане, но это не мѣшаетъ имъ исполнять чисто языческіе обряды, въ томъ числѣ и жертвоприношенія. Впрочемъ, въ послѣднее время, вѣра въ джгуары падаетъ и среди молодежи были уже случаи похищенія нѣкоторыхъ жертвенныхъ вещей.

Отъ привала наша дорога уже совсѣмъ не благоустроена и очень часто переходитъ просто въ тропу. Спуски чрезвычайно круты. Самая тропинка наклонна и одного неосторожнаго шага совершенно достаточно, чтобы скатиться въ пропасть. Голова кружится при спускѣ съ этой крутизны и по этимъ ужаснымъ тропамъ, удержаться на которыхъ,—въ особенности когда онѣ смочены дождемъ,—почти невозможно. Мы то спускаемся съ одного бугра, то поднимаемся на другой. Вдали показывается селеніе Лесгодъ. Лѣтъ 7—8 тому назадъ, въ немъ было двадцать «дымовъ» (дворовъ), но снѣжный обвалъ въ одинъ зимній день стеръ съ лица земли 11 дворовъ, причемъ погибло 9 человѣкъ. Недалеко раскинулось живописное кладбище, состоящее изъ множества низкихъ, широкихъ часовень изъ дикаго камня. Одинокая башня близъ огромной скалы кажется какимъ-то волшебнымъ явленіемъ въ этомъ краѣ величественныхъ и суровыхъ картинъ дикой природы.

Въ воздухѣ пахнуло «холодомъ востока», и мы, усталые и разбитые путники, не безъ удовольствія подъѣзжали къ станціи Данифарсъ, послѣ девятичасовой утомительной ѣзды.

М. Слобожанинъ.

(Окончаніе будетъ).

ВЕСНОЮ.

Люблю задумчивыхъ весеннихъ вечеровъ
Неуловимую, таинственную прелесть,
Когда такъ нѣженъ блескъ прозрачныхъ облаковъ
И листьевъ трепетныхъ такъ ласковъ грустный шелестъ.
Когда, въ мечтательномъ и тихомъ полуснѣ,
Поля пустынные и рощи сладко дремятъ,
И, въ блѣдномъ сумракѣ и кроткой тишинѣ,
Лѣснаго соловья жемчужнымъ трелямъ внемлютъ;
Когда по воздуху ихъ звонкій переватъ
Гремитъ восторженнымъ и радостнымъ призывомъ,
И будить въ сердцѣ жизнь... и, трепетомъ объять,
Мечтаешь до зари въ волненіи счастливомъ.
Мечтаешь, какъ дитя, въ задумчивой тиши,
Забывши прозу дня и сонъ гнетущей скуки,
И хочется тогда всю музыку души,
Всѣ чувства перелить въ восторженные звуки!

Л. Афанасьевъ.

ТРИ УДАРА МОЛНИИ.

Монсежуръ былъ выбранъ депутатомъ въ февралѣ 1871 г., и это случилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Безъ всякаго политическаго прошлаго и едва достигнувъ лѣтъ избирательнаго парламентскаго ценза, т. е. двадцатипятилѣтняго возраста, Монсежуръ обладалъ уже довольно кругленькимъ капиталцемъ, живя въ окрестностяхъ Сень-Шамона.

Командуя батальономъ любителей, онъ оказалъ подвиги храбрости и былъ раненъ въ сраженіи при Мансѣ, десятаго января 1871 года. Онъ лежалъ въ походномъ госпиталѣ св. Креста, когда, къ крайнему своему изумленію, получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ Бордо. Разумѣется, онъ былъ далеко не изъ тѣхъ, кого можно бы обвинять въ интриганствѣ или въ какихъ бы то ни было избирательныхъ фокусахъ, чѣмъ вообще не брезгаютъ остальные депутаты. Итакъ, не вѣдая о своемъ кандидатствѣ, онъ сдѣлался депутатомъ безъ всякаго съ своей стороны желанія.

Кому только неизвѣстно, въ какомъ волненіи и замѣшательствѣ находились избирательныя собранія въ 1871 году? Между прочимъ, очень быстро образовался комитетъ консерваторовъ въ главномъ городѣ департамента нижней Саоны, и составилъ списокъ изъ семи лицъ. Въ первомъ подобномъ списокѣ не упоминалось и имени де-Монсежюра. Но вотъ, наканунѣ самаго избранія, одинъ изъ семи, нѣкто господинъ де-Лормьё, заявилъ, что онъ отказывается отъ своей кандидатуры, и сконфуженный комитетъ, взятый, какъ говорится, врасплохъ, быстро вписалъ въ списокъ имя Монсежюра. Теперь избиратели подавали голоса за Монсежюра также, какъ раньше за господина де-Лормьё. И чтò это была за чу-

десная баллотировка „по спискамъ“, когда избиратели вотируютъ съ закрытыми глазами, сами хорошенько не зная, за кого и за чтò. При баллотировкѣ по округамъ, выборщикъ можетъ еще отдавать себѣ слабый отчетъ въ тѣхъ глупостяхъ, которыя онъ надѣлалъ; при выборахъ же по баллотировочнымъ спискамъ, онъ даже о нихъ не подозрѣваетъ. Вотъ такимъ-то образомъ и Монсегюръ неожиданно-негаданно попалъ въ депутаты. И какъ только выздоровѣлъ, то, не медля, прямо изъ госпиталя, отправился въ палату депутатовъ, находившуюся въ Бордо.

Въ эту эпоху, Франція не имѣла равно никакихъ политическихъ убѣжденій, и въ этомъ отношеніи Монсегюръ былъ очень похожъ на Францію. Однако палата все таки склонялась къ возстановленію монархіи, — вотъ почему имперія плохо кончила, а республика плохо начала. Монсегюръ принялся изучать списокъ своихъ коллегъ, и встрѣтилъ среди членовъ правой стороны имена двухъ своихъ пріятелей. И, чтобы сразу попасть въ привычную среду, онъ постарался сѣсть рядомъ съ ними. Занявъ же такое положеніе, онъ въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1871 до 1876, постоянно вотируетъ вкупѣ со своей группой, дѣлая это съ большимъ спокойствіемъ и благодушіемъ. Но, въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, Монсегюръ издержалъ много денегъ. Онъ былъ молодъ, богатъ и потому могъ совершенно самостоятельно распоряжаться своей жизнью и карьерой, хотя и съ тою, и съ другой распорядился довольно глупо. Онъ связался съ нѣкоей молодой особой, по имени Режинеттой, которая играла время отъ времени маленькія роли въ театрѣ Палерояля. Къ счастью или несчастью, Монсегюръ былъ очень влюбчивъ и легко воспламенялся. Вотъ и теперь, при первомъ же взглядѣ на Режинетту, онъ весь сомлѣлъ отъ восторга и получилъ въ грудь первый, такъ сказать, ударъ молніи.

Режинетта была блондинкой, съ большими черными глазами, очень маленькой рукой, но чрезвычайно широкимъ сердцемъ. При этомъ, не мѣшаетъ припомнить одно замѣчаніе г. Мельяка, въ его комедіи: „Причисленный (attaché) къ посылству“: „Нѣтъ сомнѣнія, что деньги находятъ себѣ очень обширное помѣщеніе въ рукахъ женщины, въ особенности если эти ручки — маленькія“. Эту поговорку вполне оправдала

на себя и Режинетта, потому что, въ первую же сессію законодательнаго собранія, у г. де-Монсежюра вылетѣло нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, которые были быстро подобраны ловкой ручкой Режинетты.

Но вотъ, въ 1876 году, наступило время отмѣны баллотировочныхъ списковъ и г. Бюффе добился возстановленія системы выборовъ по округамъ. Тогда Монсежюру пришла фантазія остаться въ депутатахъ; ему понравилась политика, съ которой онъ отлично уживался, хотя подчасъ это занятіе и казалось ему не очень-то легкимъ. Монсежюръ относился очень серьезно къ своимъ депутатскимъ обязанностямъ, акуратно присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ, почти благоговѣнно слушалъ всѣ рѣчи и принималъ во всемъ самое живое участіе, испуская вмѣстѣ со своей парламентской группой крики восторга, если его сотоварищи находились въ восторгѣ, или ревѣлъ отъ гнѣва, когда его кучка свирѣпствовала. Словомъ, это былъ образцовый депутатъ. По утрамъ онъ принадлежалъ Франціи, а вечеромъ—Режинеттѣ. Она бросила Палероаль, хотя вѣрнѣе было бы сказать, что Палероаль ее бросилъ. Слѣдовательно, теперь она была свободна, хотя страшно скучала, искала ангажементовъ, но не находила ихъ, мечтала о *Comédie française*, и вотъ однажды вечеромъ сказала Монсежюру:

— Ахъ, какъ бы я хотѣла опять поступить въ театръ, но не въ комическій, а драматическій! Вотъ бы, напримѣръ, въ *Comédie française*?

— А, въ *Comédie française*?

— Ну да! О, я почти увѣрена, что тамъ игра ничуть не мудренѣе той, какая идетъ во всѣхъ остальныхъ театрахъ, и я отлично знаю, что драматическія роли, которыя даются во Французскомъ Театрѣ, были бы вполнѣ по мнѣ.

— Драматическія роли?

— Да, драматическія роли. Я, конечно, очень хорошенькая, но лучше всего у меня руки. О, онѣ восхитительны, эти руки! А это, кажется, всего нужнѣе въ драмѣ, потому что все время надо подымать ихъ къ небу, конвульсивно потрясать ими въ воздухъ, обвиняя судьбу или зывая къ богамъ. Изъ моихъ словъ ты можешь заключить, что я знаю толкъ въ трагедіи. Драматическая роль пойдетъ ко мнѣ, какъ

перчатки или какъ древній костюмъ. Однажды, когда я была одѣта весталкой...

— Весталкой?

— Ну да, весталкой! Чего жъ ты смѣешься?

— Я не смѣюсь.

— Это было на костюмированномъ балу. Когда я вошла въ залу, то всѣ кинулись любоваться моими руками. Тутъ же находился одинъ литераторъ, настоящій литераторъ, который когда-то написалъ какіе-то стихи; вотъ онъ мнѣ и сказалъ, что съ такими руками слѣдуетъ немедленно поступить на сцену и играть не иначе, какъ въ трагическихъ роляхъ. Но ты не знаешь, не зависитъ ли отъ правительства этотъ Французскій Театръ? Право, мнѣ кажется, что тебѣ стоило бы только сказать слово въ-время, наканунѣ бурнаго засѣданія, когда наступить твоя очередь подавать голосъ. Вотъ, напримѣръ, я знаю, что наканунѣ ты обѣдалъ у одного министра, и интересно знать, объ чемъ ты съ нимъ говорилъ? Вѣроятно, все объ этой желѣзной дорогѣ, которая такъ интересуется депутатовъ? А вотъ объ томъ, что интересуется меня, и обо мнѣ, ты, конечно, не вспомнилъ! Конечно, избиратели предпочли тебя другимъ конкурентамъ, но вѣдь и я сдѣлала то же самое, а между тѣмъ я отъ тебя никогда не видѣла ни малѣйшей благодарности.

— О, ужъ и ни малѣйшей!..

— Да, да, ни малѣйшей! Ты вотъ даже не похлопоталъ о бюро табаку для папаши. Конечно, ты сослался не безъ основанія на то, что у него нѣтъ никакихъ правъ, но все таки, еслибъ ты захотѣлъ, то могъ бы приписать ему какуюнибудь заслугу. Право, дѣла моей подруги Валеріи идутъ успѣшнѣе моихъ. Ей попался депутатъ, который умѣетъ требовать того, чего пожелаетъ. Онъ пристроилъ ея тетку, вившую у нея на шеѣ, въ Одеонъ; она состоитъ тамъ при ложахъ; а отецъ Валеріи поступилъ сторожемъ при сквэрѣ, который никогда не открывается, и вся его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы каждое утро пойти посмотреть, хоропо ли заперта калитка. Вотъ этакое-то мѣстечко было бы недурно и для моего папаши. Но прежде всего, Фердинандъ, умоляю тебя, похлопочи о своей Режинеттѣ. Ну, будь такой

милый, пойди завтра къ министру и устрой такъ, чтобы я поступила во Французскій Театръ.

И вотъ, въ ожиданіи своего ангажемента въ Comédie française, бѣдняжка Режинетта, лишенная возможности играть сама, начинаетъ ходить каждый вечеръ въ театръ, и смотреть, какъ играютъ другія. Каждый разъ она запиралась въ аванложѣ, а Монсегюръ долженъ былъ состоять неотлучно при ней, въ этой удушливой атмосферѣ, ослѣпленный и сжигаемый газомъ отъ рампъ, и въ сотый разъ смотрѣть на одно и то же. Онъ попробовалъ какъ-то выйти на короткое время изъ ложи, чтобы прогуляться немного по бульвару и расправить окоченѣлыя члены; но, вернувшись, нашелъ ложу набитою молодыми людьми, а когда онъ соорилъ недовольную мину, то Режинетта замѣтила ему:

— Ты самъ виноватъ! Ну, что тебѣ стоитъ постоять вонъ тамъ, сзади меня. А я не могу запретить своимъ добрымъ знакомымъ навѣщать меня, когда я одна.

Монсегюръ, который былъ очень влюбленъ и очень ревнивъ, послѣ такихъ словъ, не смѣлъ пошевелиться, и вотъ онъ сталъ вести сидячую, замкнутую жизнь. Однажды, въ началѣ 1873 года, портной принесъ ему примѣрить рендеготъ, но когда онъ попробовалъ застегнуться, то не могъ, и не мудрено: онъ пополнилъ. Это открытіе привело его въ отчаяніе. Онъ былъ довольно красивъ, по крайней мѣрѣ, по его собственному разумію, и потому немедленно отправился къ своему доктору.

— Я очень разстроенъ, — сказалъ онъ ему.

— Чѣмъ же? Вы развѣ больны?

— Нѣтъ, но я начинаю толстѣть.

— А вы занимаетесь гимнастикой?

— Совсѣмъ нѣтъ. Дни провожу я въ Версалѣ, въ залѣ засѣданій, вечера же посвящаю театрамъ.

— Но вѣдь вы можете ходить гулять по утрамъ?

— По утрамъ я сплю; да и ни разу въ своей жизни не пробовалъ просыпаться раньше десяти, одиннадцати часовъ. Сонъ мнѣ необходимъ.

— Но все же надо пользоваться воздухомъ и ходить какъ можно больше ходить, во всякомъ случаѣ не меньше трехъ, четырехъ часовъ въ день; другихъ лѣкарствъ не существуетъ

противъ первыхъ приступовъ ожиренія. Ходите по утрамъ, или—все равно—по вечерамъ, такъ какъ вы говорите, что днемъ занимаетесь дѣлами вашей палаты.

Какъ? ходить по утрамъ и ради этого пожертвовать своимъ сномъ? Никогда! Или ходить по вечерамъ и жертвовать Режинеттой? Тоже никогда, сто разъ никогда! Остается пожертвовать своими засѣданіями въ палатѣ. Но, остановясь на этомъ рѣшеніи, Монсегюръ все таки не хотѣлъ совсѣмъ покинуть Версаль. Эти маленькія путешествія туда, по желѣзной дорогѣ, были одобрены его врачомъ. При этомъ, не мѣшаетъ замѣтить, что въ то время, когда палата находилась въ Версалѣ, всѣ законодатели пользовались отличнымъ здоровьемъ. По удостовѣреніямъ статистики выходитъ, что смертность парламентскихъ дѣятелей значительно увеличилась съ того времени, какъ палата была перенесена въ Парижъ.

Итакъ, Монсегюръ продолжалъ свои посѣщенія Версаля; пріѣхавъ же туда, онъ посвящалъ пятнадцать минутъ на восхожденіе по ступенямъ, прохаживался по заламъ, пожималъ руки своимъ коллегамъ и затѣмъ отправлялся на нескончаемую прогулку по версальскому парку. И, не смотря на это, имя его фигурировало во всѣхъ голосахъ. Теперь для него нашлась надежная точка опоры. Между прочимъ, онъ попросилъ своего товарища по засѣданіямъ хлопотать за него при слѣдующихъ выборахъ. Благодаря увлекательности новаго режима, Монсегюръ нашелъ къ концу года свой рендегуть значительно просторнѣе и былъ этимъ очень обрадованъ. Онъ похудѣлъ. Вотъ какую повелъ онъ жизнь, и вотъ почему законодательные труды казались ему такими легкими. На этомъ же основаніи онъ рѣшилъ не прекращать своихъ прогулокъ по версальскому парку: эти прогулки приносили ему или, вѣрнѣе, Режинеттѣ двѣнадцать тысячъ франковъ въ годъ. И дѣйствительно, когда, въ одинъ прекрасный день, она указала на дверь нѣкому господину, который нѣсколько беспокоилъ Монсегюра, то послѣдній, въ порывѣ благодарности, рѣшилъ окончательно распроститься со своей депутатской карьерой, чтобы посвятить всѣ свои дни прекрасной палерояльской артисткѣ. Впрочемъ, она стояла на сторонѣ своего финансоваго бюджета и совѣтовала Монсегюру не оставлять совсѣмъ политической дѣятельности и начать вести

энергичную избирательную борьбу въ окрестностях Сень-Шамона, такъ какъ борьба предстояла неминуемая. Монсегиору предстояла война противъ легитимизма и радикализма. Онъ долженъ былъ занять извѣстную позицію, организовать, также какъ и его противники, группу сторонниковъ, собирать публичныя сходы, исповѣдовать свои политическія убѣжденія и заявить свою программу. И онъ принялся за дѣло, нельзя сказать, чтобы неловко. Онъ отлично чувствовалъ, что образъ првленья для него совершенно безразличенъ и что онъ великолѣпно ужился бы съ республикой, еслибъ она соединилась съ монархіей, или, наоборотъ, еслибы монархія сдѣлала шагъ къ республикѣ. Онъ былъ выбранъ шестью тысячами голосовъ противъ двухъ, поданныхъ за легитимиста, и противъ пятисотъ, поданныхъ за радикала.

Монсегиуръ занялъ снова прежнее мѣсто въ правомъ центрѣ и возлѣ Режинетты. Онъ нашель ее еще красивѣе и еще жаднѣе, и хладнокровно продолжалъ смотрѣть на систематическое ограбленіе своего кошелька. Это продолжалось до того самаго дня, когда его коллега Ламбертенъ, членъ и секретарь праваго центра, попросилъ Монсегиура сдѣлать ему честь — откушать у него въ среду, 15-го марта, въ семь часовъ вечера.

II.

И вотъ, въ среду, 15-го марта, въ семь часовъ вечера, на порогѣ свѣтло-розовой гостиной, на бульварѣ Гаусманъ, въ домѣ подъ № 67, въ первомъ этажѣ надъ антресолями, Монсегиуръ получилъ внезапно второй ударъ молніи въ грудь, гораздо сильнѣе того, который поразилъ его вечеромъ, въ театрѣ Палероаль. Госпожа Ламбертенъ оказалась восхитительной брюнеткой. Тоненькая, нѣжная, но пухлая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этому слѣдуетъ быть, она обладала таліей феи, — а именно: не шире пятидесяти двухъ сантиметровъ, — и плечами безупречной красоты.

Конечно, она изо всѣхъ силъ постаралась заинтересовать и занять своихъ гостей, давая имъ понять, что у нея есть нѣчто, еще болѣе увлекательное и интересное, кромѣ великолѣпныхъ плечъ; въ подобныхъ случаяхъ всѣ аллюри

ея доходили до чрезвычайной тонкости и она по обыкновенію показывала все, что только можно было показать за политическимъ обѣдомъ... потому что, какъ ни какъ, а все же это былъ обѣдъ „политическій“.

Г-жа Ламбертенъ была женщина очень умная, очень энергичная и рѣшительная. Власть она любила больше всего на свѣтѣ, хотя отлично понимала, какое ничтожество самъ по себѣ ея мужъ; только благодаря ей, Лаурѣ Ламбертенъ, онъ пользовался извѣстнымъ почетомъ и уваженіемъ. Это она сдѣлала своего мужа муниципальнымъ совѣтникомъ, затѣмъ мэромъ, генеральнымъ совѣтникомъ, депутатомъ, секретаремъ лѣваго центра и проч., и проч. Словомъ, онъ былъ ей всѣмъ обязанъ. Но она мѣтила на лучшее: она хотѣла видѣть его министромъ, а дорога къ министерству требовала предсѣдательства въ лѣвомъ центрѣ, и вотъ куда нужно было его провести. Ей стоило немалыхъ трудовъ увеличить лѣвый центръ своими приверженцами, которые помогли бы улучшенію карьеры г. Ламбертеня. Она была жива, горяча и энергична, и притомъ же, обладая значительной дозой страстности, храбро и самоотверженно расплачивалась *de sa gorge persöone*, когда это требовалось.

Послѣ обѣда, г-жа Ламбертенъ завладѣла Монсегюромъ и стала потчивать его политическимъ разговоромъ.

Какъ! онъ застрялъ на скамейкахъ правой стороны? Да это просто безуміе. Франція идетъ впередъ, и намъ слѣдуетъ идти за ней. Настоящая сторона — это лѣвая сторона. И всякому слѣдуетъ быть въ лѣвомъ центрѣ!

Лаура говорила очень горячо и очень сильно. Ея одушевленіе увеличивало еще больше ея красоту. Вслѣдствіе волненія, маленькія голубыя жилки вздулись у нея на вискахъ, нѣжно просвѣчивая на бѣлоснѣжной кожѣ. Монсегюръ не слушалъ того, что говорила г-жа Ламбертенъ, а только глядѣлъ на нее. То же самое происходило съ однимъ изъ моихъ пріятелей, страстно влюбленнымъ въ пѣвичку, у которой было прелестное личико, но фальшивый голосъ. И для того, чтобы посмотреть на ту, которую обожалъ, онъ обыкновенно затыкалъ уши ватой... Также и Монсегюръ сидѣлъ въ нѣмомъ восторгѣ, какъ очарованный, не спуская глазъ съ идеальныхъ плечъ и остальныхъ аксессуаровъ

обворожительной говоруньи. Когда-то онъ вдосталь наслушался разныхъ ораторовъ, въ то время, когда сидѣлъ еще въ палатѣ. Но ни Тьеръ, ни герцогъ де-Брольи, ни Гамбетта, ни монсиньоръ Дюпанлу,—ни одинъ изъ нихъ не производилъ на него такого сильнаго впечатлѣнія.

Однажды вечеромъ онъ обѣдалъ у Тьера, и президентъ республики, выходя изъ-за стола, отвелъ его въ большой уголъ залы, принадлежавшей версальской префектурѣ. Обстановка сцены была та же самая, и рѣчи тѣ же. Тьеръ, отличный говорунъ и ораторъ, долго восхвалялъ заслуги и права лѣваго центра, и Монсегюръ былъ, конечно, хорошаго мнѣнія о краснорѣчии Тьера, но теперь онъ просто падалъ ницъ передъ краснорѣчіемъ г-жи Ламбертень. А все потому, что у милаго Тьера не было декольтэ, потому что слова его не подчеркивались улыбкой розовыхъ, какъ вишни, хорошенькихъ губокъ, которыя открывали рядъ бѣлыхъ, какъ молоко, зубовъ, и еще потому, что слова знаменитаго оратора не сопровождались такими изящными движеніями прелестныхъ ручекъ, отдѣленныхъ отъ торжествующихъ въ своей красѣ роскошныхъ плечъ едва замѣтнымъ кусочкомъ шолка.

Въ началѣ одного интереснаго романа Мариво, Маріанна была опрокинута на улицѣ каретой Вальвиля. Бѣдной Маріаннѣ повредили ногу. И вотъ Вальвиль выпрыгиваетъ изъ своей кареты, поднимаетъ Маріанну, усаживаетъ въ этипажъ, увозитъ къ себѣ, затѣмъ укладываетъ на кушетку и посылаетъ за хирургомъ, который пріѣзжаетъ и проситъ Маріанну показать ногу. Та краснѣетъ, конфузится, но, тѣмъ не менѣе, соображаетъ, что у нея самая хорошенькая ножка въ мірѣ, что Вальвиль не преминетъ ее замѣтить и что приключеніе можетъ окончиться для нея очень выгодно. Но она все таки нѣсколько ломается, прося доктора снять только башмакъ. Затѣмъ она понемножку сдается и, рассказывая про этотъ случай, очень мило прибавляетъ: — „Когда нога моя была разута, то хирургъ принялся тщательно ее разсматривать и ощупывать. Дурачокъ, чтобы лучше изслѣдовать, гдѣ боль, очень часто нагибался, потому что былъ старъ. Вальвиль же, невольно подчиняясь его движеніямъ, тоже часто нагибался, но потому что былъ молодъ; онъ, конечно, ничего не пони-

маль въ моей болѣзни, но зато отлично разсмотрѣлъ мою ногу“.

То же самое случилось и съ Монсегиоромъ. Онъ не много смыслилъ въ политикѣ, но зналъ толкъ въ красивыхъ плечахъ. И ему показалось, что его кто-то нѣжно повлекъ къ лѣвому центру, когда г-жа Ламбертенъ сказала ему:

— Вѣрьте мнѣ, вѣрьте... Существуетъ только одна сторона—это наша!

У Лауры Ламбертенъ была первосортная портниха, а потому корсажъ ея платья былъ вѣрхомъ дерзкаго соблазна и задора, очевидно предназначенныхъ для извѣстной цѣли. Взгляды Монсегиора съ лаской останавливались на живописныхъ контурахъ этого корсажа, правая и лѣвая сторона котораго представляли изъ себя очень хорошенькую, гармоничную группу, пріятно колыхавшуюся подъ напоромъ патристическихъ чувствъ, обуревавшихъ прелестную соблазнительницу. И Монсегиоръ невольно подумалъ, что было бы очень пріятно присоединиться къ этой группѣ. Въ головѣ его стали проноситься сумашедшія идеи, которыя впрочемъ имѣли строго парламентарный характеръ. Мысли его вертѣлись возлѣ различныхъ группъ, и какъ-то странно перекакивали на продольное мѣстечко между хорошенькими группами, рисовавшимися на корсажѣ; онъ думалъ о сочетаніи всѣхъ центровъ, объ образованіи и раздѣленіи различныхъ группъ. И эти мысли такъ засѣли въ его головѣ, что ко второй половинѣ марта Режинетта была отчасти позабыта; къ первой половинѣ апрѣля забыта еще больше, а наконецъ, къ концу апрѣля, ее бросили совсѣмъ. Монсегиоръ приготовлялся передвинуться къ лѣвому центру. Онъ сталъ вскорѣ въ числѣ короткихъ знакомыхъ, появлявшихся въ гостинной Ламбертенъ. Однажды вечеромъ, Монсегиору удалось впустить маленькій любовный намекъ въ потокъ горячихъ политическихъ рѣчей, лившихся изъ очаровательныхъ губокъ. Ему отвѣтили на это улыбкой. На другой день, въ политическій разговоръ уже была ввернута значительная доза комплиментовъ и полуднамековъ. Страсть вскорѣ стала преобладать во время этихъ бесѣдъ, въ которыхъ прежде упоминалось только о Дюфорѣ, о Жюльѣ Симонѣ, о г. Марсеро и Фурту. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, во вторникъ,

15-го мая 1877 г., — въ это знаменательное число, столь важное по своимъ послѣдствіямъ,—Монсегюръ пришелъ около двухъ часовъ къ г-жѣ Ламбертенъ. Мужъ былъ приглашенъ палатой для присутствованія на какой-то комисіи. Тогда Монсегюръ немедленно рѣшился. Пустившись въ объясненія, довольно откровенныя, онъ былъ до того краснорѣчивъ, отваженъ и убѣдителенъ, что ему не только позволили говорить, но даже кой-что и сдѣлать. Онъ удвоилъ свое краснорѣчіе и дерзость, какъ вдругъ г-жа Ламбертенъ, выдернувъ обѣ руки, которыя Монсегюръ уже успѣлъ зажать въ свои, вскричала:

— Вы говорите, что вы меня любите?

— Да, я васъ люблю!

— И что вы меня обожаете?

— Обожаю!

— И вы смѣете говорить это?

— Да, смѣю!

— Но вѣдь вы еще не записались членомъ лѣваго центра?

Тогда Монсегюръ возразилъ въ порывѣ энтузіазма:

— Выдя отсюда, я сейчасъ же записываюсь въ лѣвый центр! Клянусь вамъ въ томъ, слышите ли вы, Лаура, клянусь вамъ!—это было въ первый разъ, что онъ назвалъ ее Лаурой, но не въ послѣдній.

Въ этотъ же самый день, Монсегюръ, вѣрный своей клятвѣ, отправился около пяти часовъ записываться въ члены лѣваго центра. Это вызвало взрывы восторга во всей либеральной прессѣ. Каково! монархисты стали сами переходить къ республикѣ! Но между прежними друзьями Монсегюра возникли по этому поводу изумленіе и негодованіе. Они произнесли даже слово: „измѣна“.

— Но чего же вы хотите?—возражалъ онъ имъ.—Франція идетъ впередъ и я иду слѣдомъ за ней.

Итакъ, событіе произошло 15 мая 1877 года, а на другой день, 16 мая, маршалъ Макъ-Магонъ произвелъ государственный или, вѣрнѣе, безумный переворотъ: онъ написалъ свое знаменитое письмо Жюлю Симону. И какова игра судьбы! Еслибы маршалъ написалъ свое письмо вмѣсто 16—17 мая, еслибы г. Ламбертенъ не былъ отозванъ во дво-

рець Бурбоновъ для присутствованія въ своей комисіи, и еслибъ Монсежуръ не воспользовался этимъ случаемъ, чтобы побывать у г-жи Ламбертенъ,—что получило впоследствии такое рѣшающее значеніе,—то не произошло бы нижеслѣдующихъ важныхъ событій. Не сдѣлайся Монсежуръ 16 мая членомъ лѣваго центра, историческая цифра не измѣнилась бы. Теперь же триста шестьдесятъ два депутата (а не триста шестьдесятъ три) немедленно объявили, что кабинетъ, сформированный 17 мая, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ „союзъ враждебной для республики партіи, что грозитъ опасностью порядку, спокойствію государства и интересамъ народа“.

Вмѣсто того, чтобы быть въ числѣ „благородныхъ гражданъ непоколебимыхъ убѣжденій, спасителей народной свободы“, Монсежуръ, къ стыду своему, присутствовалъ среди безстыжихъ членовъ „самой ненавистной коалиціи“, стремившейся возвратить Францію къ худшимъ днямъ ея существованія.

Такимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, выражались въ то время. Слѣдовательно, не будь ослѣпительныхъ плечъ г-жи Ламбертенъ, цифра 363 противной стороны не оказалась бы больше цифры 362. Монсежуръ былъ только триста шестьдесятъ третьимъ въ любви, точно также, какъ гость за столомъ, который изъ любезности садится четырнадцатымъ. Благодаря любви, Монсежуръ претерпѣлъ вторичную баллотировку. Районъ Сень-Шамона оттолкнулъ бы отъ себя Монсежюра, оставайся онъ приверженцемъ праваго центра, но онъ привѣтствовалъ Монсежюра, какъ члена лѣваго центра, и подалъ за него семь тысячъ голосовъ. Главный редакторъ либеральнаго журнала въ Сень-Шамонѣ объявилъ, что Монсежуръ, обладая замѣчательнымъ политическимъ чутьемъ, отлично видѣлъ камень преткновенія, на который готова была налетѣть колесница республики. А, между тѣмъ, совсѣмъ не это предвидѣлъ Монсежуръ. Онъ вернулся въ палату, влюбленный болѣе чѣмъ когда нибудь и, слѣдовательно, болѣе чѣмъ когда либо преданный лѣвому центру. Но онъ не подумалъ о томъ, что его ожидало. Если округъ Сень-Шамона подвинулся впередъ, то округъ Баржетонъ, который былъ избирательнымъ округомъ самого Ламбертеня, подвинулся еще быстрѣе. Ламбертенъ, чтобы добиться

избранія, долженъ былъ принять приглашеніе—засѣдать на лѣвой республиканской сторонѣ. Послѣ этого избирательнаго періода, показавшагося нашему депутату вѣчнымъ,—потому что онъ удалялъ его ото всего, что онъ любилъ,—Монсегюръ прибѣжалъ къ г-жѣ Ламбертень, въ полной готовности возобновить опять экстра-парламентскія операціи прежняго засѣданія, но Лаура кротко его остановила и сказала:

— Другъ мой, къ какому собранію желаете вы примкнуть?

— Къ какому собранію? — вскричалъ Монсегюръ. — Неужели же вы могли подумать, что у меня хоть когда нибудь появится мысль покинуть лѣвый центръ?

— Боже мой! — возразила она: — не мудрено, если и вамъ придетъ въ голову эта мысль, такъ какъ мы и мои друзья его покидаемъ! Эдуардъ уже записался въ члены лѣвой республиканской стороны.

— Какъ, лѣвой республиканской стороны?

— Да! и вы думать не смѣйте отставать отъ Эдуарда! Вы ему столькимъ, столькимъ обязаны...

„Каково?“ думалъ между тѣмъ Монсегюръ. „Дѣло дошло уже до лѣвой республиканской стороны!“ И онъ сталъ было возражать, взятый врасплохъ этой неожиданностью.

— Вѣдь это значило бы ужъ дѣйствовать черезчуръ быстро.

— Но никакъ не быстрѣе Франціи, мой другъ. Что касается до Франціи, то она ужъ не идетъ, а летитъ. И надо летѣть вмѣстѣ съ ней.

— Но вы отъ меня многого хотите! Я не могу этого сдѣлать, Лаура, не хочу! Подумайте только о моихъ убѣжденіяхъ и связяхъ. Что съ ними станется?

— Ахъ,—страстно возразила она ему:—что это все въ сравненіи съ нашей любовью?

Г-жа Ламбертень обладала такой мягкой и обворожительной манерой, когда вела свои дѣла, что не мудрено, если она всегда кончала тѣмъ, что настаивала на своемъ. Черезъ два часа, Монсегюръ прямо отъ нея отправился записываться въ члены лѣвой республиканской стороны. И вотъ Ламбертень съ Монсегюромъ, рука объ руку, какъ два закадычные друга, переходятъ изъ лѣваго центра на лѣвую республи-

канскую сторону. Но эта сторона оказалась еще непокорнѣе и еще многочисленнѣе. Г-жѣ Ламбертень пришлось удвоить усердіе и поддать жару; но она была восхитительна въ этой роли и, не щадя ни силъ, ни трудовъ, обнаружила замѣчательную дѣятельность. Ея гостинная приняла особенно утонченный видъ. Съ ея розовыхъ губокъ безтрепетно слетало странное слово: „демократія“, тогда какъ прежде съ ея языка не сходило даже слово: „либерализмъ“. Такія благородныя усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Г-жа Ламбертень успѣла въ первый періодъ засѣданій присоединить къ лѣвой республиканской сторонѣ нѣсколькихъ боязливыхъ и нерѣшительныхъ сторонниковъ лѣваго центра; и въ новой группѣ ей удалось приобрести ту же самую популярность, которую она съ такимъ успѣхомъ завоевала себѣ въ прежней группѣ. Но зато бѣдняжка Монсегюръ былъ нѣсколко заброшенъ, и для дальнѣйшаго его успѣха не находилось мѣста. Ему могли теперь удѣлять только очень немного времени. Лаура была, вѣдь, такъ увѣрена въ немъ! А она не любила тратить своихъ силъ понапрасну. Ну, конечно, она предпочитала его другимъ, но въ то же время ради него она не хотѣла жертвовать никѣмъ и ничѣмъ. Онъ жаловался, ворчалъ, начиналъ грубо обращаться съ ней и становился все мрачнѣе и угрюмѣе. Такъ напримѣръ, вечеромъ, когда гостинная была биткомъ набита сенаторами и депутатами, разными чиновниками и журналистами, а г-жа Ламбертень съ безконечной граціей расточала свои любезности направо и налево, какъ будто стараясь всецѣло принадлежать всѣмъ и каждому, — Монсегюръ, ни на минуту не спуская съ нея глазъ, ловилъ ее по угламъ, дѣлалъ почти на виду у всѣхъ разные знаки, строилъ недовольныя мины, и всѣми этими аллюрами ужасно конфузиль ее и мѣшалъ сложнымъ маневрамъ утонченной политики. Дошло, наконецъ, до того, что она, вся пунцовая отъ гнѣва, объявила ему, что онъ дѣлается невыносимъ.

— Вы наповаль убьете мой салонъ, — сказала она. — Напримѣръ, на что было похоже ваше вчерашнее поведеніе? Вы компрометируете меня, афишируя мою связь съ вами, а въ концѣ концовъ вы же дѣлаетесь смѣшнымъ! И какъ только я совершенно невиннымъ образомъ начинала болтать съ кѣмънибудь tête-à-tête, вы немедленно появлялись передо мной со

своимъ мрачнымъ видомъ и совѣмъ некстати врываются въ мою бесѣду. Вотъ чего мой мужъ, г-нъ Ламбертенъ, ужь никогда бы себѣ не позволилъ! Словомъ, вы служите постояннымъ препятствіемъ къ счастью и будущности моего мужа.

— Но вѣдь я васъ люблю!

— И я васъ люблю, мой милый! Я вамъ уже говорила это тысячу разъ и опять повторяю. Я васъ люблю, люблю, люблю! Ну, довольно вамъ этого? И чего вамъ еще нужно? Ну, общайтесь же быть умницей и имѣйте терпѣніе! Вѣдь надо же имѣть ко мнѣ хоть крошечку довѣрія. Ахъ, довѣріе, это такая пріятная вещь, между тѣмъ какъ ревность только смѣшна и глупа!

Такъ прошли три года въ волненіяхъ нѣжности, перемежающихся съ гнѣвомъ, въ ссорахъ и стараніяхъ приладиться другъ къ другу, въ разлукахъ, повидимому, вѣчныхъ,—и затѣмъ въ неожиданныхъ перемиріяхъ. Монсегюръ постоянно собирался уложить свой чемоданъ и перебраться въ лѣвый центръ, черезъ который ему стоило только перепрыгнуть, чтобы попасть въ правый, гдѣ старые друзья примутъ его съ распростертыми объятіями, какъ раскаявшагося блуднаго сына. Но затѣмъ онъ опять сдавался, растроганный какой нибудь новой лаской, лестью, милой шуткой или нѣжной записочкой въ четыре строки, въ которой, между прочимъ, не было ни слова о политикѣ.

Онъ снова поддавался очарованію, попадалъ опять въ свои цѣпи и казнь продолжалась. Въ концѣ концовъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень счастливъ, хотя былъ очень влюбленъ. Недалеко отъ Баржетона, у Ламбертенъ была прелестная вилла Ларна, въ окрестностяхъ которой можно было отлично поохотиться. Монсегюръ, въ обществѣ четырехъ, пяти человекъ, взятыхъ не изъ среды лицъ, занимающихся политикой, ежегодно отправлялся туда открывать сезонъ.

Тутъ онъ давалъ себѣ роздыхъ отъ парламентскихъ интригъ, и это время было самымъ пріятнымъ и спокойнымъ для Монсегюра. По утрамъ, онъ верхомъ на лошади сопровождалъ Лауру, вечеромъ гулялъ съ ней же, при лунномъ свѣтѣ, на берегу рѣчки, извивавшейся въ паркѣ. Въ это время она принадлежала ему, одному только ему. И между ними никто

не стоялъ, кромѣ мужа. Но мужъ—это такой пустякъ, о которомъ даже не стоило говорить.

Но вотъ однажды, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1880 года, охотничій сезонъ у Ламбертенъ неожиданно принялъ политическій характеръ. Приближалось время выборовъ. Монсежуръ встрѣтилъ въ виллѣ Ларна до полдюжины депутатовъ лѣвой республиканской стороны и шесть человекъ, принадлежавшихъ къ республиканскому союзу. Засѣданія, слѣдовательно, продолжались, хотя въ маленькомъ видѣ, у г-жи Ламбертенъ. И вечеромъ, на всемъ протяженіи маленькой рѣчки, при лунномъ свѣтѣ, эхо доносило, вмѣсто горячихъ увѣреній въ любви, нелѣпыя пренія и сравненія прелестей „избирательныхъ списковъ“ съ „выборами по округамъ“.

Лаура была неуловима; она хотѣла устроить торжественный праздникъ въ честь республики. Это торжество должно было произойти въ паркѣ. Поговаривали, что на немъ будутъ присутствовать два министра. Главное мѣсто въ праздникѣ должны были занять: банкетъ, искусственные огни и длинная рѣчь, которую произнесетъ самъ г. Ламбертенъ. А такъ какъ самъ онъ былъ неспособенъ приготовить эту рѣчь, то Лаура, чтобы лучше ее обработать, обратилась къ помощи одного высокаго брюнета, неглупаго малаго, и заперлась вдвоемъ съ этимъ господиномъ, который былъ очень недурнымъ ораторомъ и принадлежалъ къ партіи республиканскаго союза. Монсежуръ вышелъ изъ себя и сдѣлалъ ужасную сцену Лаурѣ. Она холодно выслушала его и такъ какъ онъ все повторялъ: „Я уѣду, я уѣду!“ то она съ величайшимъ спокойствіемъ отвѣтила:

— Хорошо, у насъ два экспресса: одинъ идетъ завтра, въ девять часовъ утра, а другой вечеромъ, въ десять часовъ. Какъ только вы захотите, я прикажу проводить васъ на желѣзную дорогу.

— Тогда я уѣду сегодня вечеромъ.

— Сегодня вечеромъ, хорошо. Желѣзная дорога въ пятидесяти минутахъ разстоянія отсюда.

Монсежуръ почувствовалъ необходимость опять отдохнуть на лонѣ дружбы своихъ избирателей, уложилъ вещи въ чемоданъ и уѣхалъ въ тотъ же вечеръ съ десятичасовымъ поѣз-

домъ. Когда онъ сѣлся въ коляску, то Лаура, крѣпко пожавъ ему руку, шепнула:

— Вы большой ребенокъ, но вы къ намъ вернетесь!

— Никогда!—отвѣчалъ онъ. — Будущее намъ покажетъ, насколько благоразуменъ былъ его энергичный и рѣзкій отпоръ.

III.

У Монсегюра былъ на примѣтѣ нѣкто г. Бренкаръ, председатель избирательнаго комитета въ Сень-Шамонѣ. Этотъ господинъ, очень ловко промышлявшій политикой, былъ настолько опытенъ, что сумѣлъ прикидываться ярымъ филиппистомъ въ царствованіе Луи-Филиппа, былъ горячимъ кавеньякистомъ при Кавеньякѣ, смѣлымъ бонапартистомъ при Бонапартѣ, горячимъ тьеристомъ при Тьерѣ и энергичнымъ гревистомъ, со времени избранія г. Греви. Затѣмъ г. Бренкаръ рѣшилъ сдѣлаться ревностнымъ гамбеттистомъ, какъ разъ въ то время, когда Гамбеттѣ предстояло сдѣлаться влестителемъ Франціи и французской республики. Словомъ, г. Бренкаръ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ то время, когда кричатъ: „Да здравствуетъ нынѣшнее правительство!“ уже приготовляются крикнуть съ тѣмъ же самымъ энтузіазмомъ: „Да здравствуетъ будущее правительство!“

На наше бѣдное отечество, въ сущности, страшно клевету, ставя Франціи въ постоянный упрекъ, что она—революціонная нація. Нѣтъ ничего несправедливѣе этой молвы. Франція, наоборотъ, такая консервативная нація, что она изловчается быть такою сразу для обоихъ правительствъ,—какъ для того, которое существуетъ временно, такъ и для того, которое еще прячется за кулисами, но не сегодня-завтра перейдетъ къ наступательной роли и въ свою очередь ниспровергнетъ недавно господствовавшій режимъ. Монсегюръ долженъ былъ явиться въ свой комитетъ и отдать ему отчетъ о своихъ вотированіяхъ во время истекшихъ засѣданій. Еслибъ Монсегюръ захотѣлъ быть искреннимъ и точнымъ, то изложилъ бы свой отчетъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я разлюбилъ жену моего

коллеги Ламбертена; это ужасная кокетка, которая страшно мучила меня во все время засѣданій“. Какъ мужчина, какъ частный человекъ, онъ такъ бы и сказалъ, но, какъ депутатъ, онъ долженъ былъ вести рѣчь въ парламентскомъ духѣ и дать отчетъ во всѣхъ вопросахъ настоящей минуты. Дѣло шло объ изгнаніи іезуитовъ, о раздѣленіи церкви и государства, объ уничтоженіи сената, о ревизіи конституціи и т. д., и т. д.

Доклады и объясненія Монсежюра были какъ-то вялы и сбивчивы. Чтобы осязать вполне сладость республики, ему необходимы были такіе двигатели, какъ глаза и руки какойнибудь милой республиканки, которая обладала бы свойствомъ хорошенько натравлять его на монархію. Комитетъ принялъ крайне холодно отчетъ Монсежюра. Аптекарь Миньонэ попросилъ слова. Бренкаръ изъявилъ свое согласіе, и Миньонэ наговорилъ Монсежюру довольно много непріятныхъ вещей. По его строгой оцѣнкѣ, Монсежюръ былъ слишкомъ вялъ, слабъ и нерѣшителенъ; онъ не послушался голоса Франціи, хотя она говорила ясно и громко. Франція хочетъ, чтобы ее слушали и слушались. Надо было постоянно слѣдовать за ней, все впередъ и впередъ. На это Монсежюръ отвѣчалъ, что онъ уже такъ много ходилъ, что усталъ, а теперь чувствуетъ потребность въ отдыхѣ и думаетъ, что большинство французовъ охотно сдѣлало бы то же самое. Но подобный отвѣтъ произвелъ гибельный эффектъ. Высказанная Монсежюромъ мысль, что Франціи пора уже остановиться, вызвала въ аптекарѣ неистовый гнѣвъ. Миньонэ никакъ не можетъ допустить мысли, чтобы Франція когданибудь могла остановиться. Однако Бренкаръ принялъ участіе въ Монсежюрѣ; онъ видѣлъ, что тотъ готовъ наглушить и навредить себѣ въ мнѣніи всей партіи, а потому рѣзко закрылъ засѣданіе и, отведя Монсежюра въ сторону, сказалъ ему:

— Вы избрали фальшивый путь. Приходите сегодня вечеромъ ко мнѣ обѣдать. Мы обѣдаемъ запросто, въ своей семьѣ, и потому можемъ откровенно и вполне безопасно поговорить.—Этотъ Бренкаръ оказался не дуракъ. Конечно, ему было вовсе не трудно выжить Монсежюра и причислить себя къ депутатамъ при будущихъ выборахъ въ Сенъ-Шамонѣ; немного вульгарный, но дѣятельный, хорошій работникъ, при-

томъ же очень богатый, онъ обладалъ огромной практической сметкой, держа въ своихъ рукахъ большіе промышленные интересы, но не чувствовалъ ни малѣйшей охоты марать бумагу и адвокатствовать въ Парижѣ среди пятисотъ пятидесяти человѣкъ, въ рукахъ которыхъ находилась Франція. Онъ не желалъ быть депутатомъ, но также не хотѣлъ, чтобъ и Миньонэ былъ имъ, а это непременно случится, если Монсежуръ будетъ продолжать дѣйствовать по прежнему и опустить возжи. Въстѣ съ тѣмъ, Бренкаръ желалъ избавить Сень-Шамонъ отъ смѣшнаго положенія, еслибы избранникомъ очутился этотъ аптекаръ, который, хотя и кажется ярымъ либераломъ и франмасономъ, но въ сущности—отпѣтый дуракъ, что видно съ перваго взгляда. Итакъ, однажды вечеромъ, Монсежуръ отправился на обѣдъ къ Бренкару. Ихъ сѣло пять человѣкъ за столъ: г. и г-жа Бренкаръ, Люсьенъ Бренкаръ, въ формѣ лейтенанта второй гусарской бригады; мамзель Адриенна Бренкаръ и затѣмъ онъ самъ—Монсежуръ. Весь обѣдъ былъ наполненъ разглагольствованіями Бренкара по адресу Монсежура. Надо окончательно рѣшиться раньше общихъ выборовъ; необходимо, чтобы Монсежуръ покинулъ лѣвую республиканскую сторону, какъ онъ покинулъ лѣвый центръ. Будущее все принадлежитъ республиканскому союзу, Гамбеттѣ, и потому слѣдуетъ быть на сторонѣ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ будущее. Въ этомъ состоитъ теорія Бренкара, также какъ и многихъ другихъ. Впрочемъ, Монсежуръ все таки не слушалъ разглагольствованій г. Бренкара, какъ слушалъ когда-то г-жу Ламбертенъ, восхвалявшую достоинства лѣваго центра. Онъ смотрѣлъ теперь на Адриенну... Ударъ молніи поразилъ его *въ третій разъ*. Онъ былъ въ одно и то же время изумленъ и восхищенъ. Онъ отлично вспомнилъ, что три, четыре года тому назадъ встрѣчалъ маленькую шалунью, коротенькую, коренастую смуглянку, прогуливавшуюся по окрестностямъ Сень-Шамона со своей англичанкой. Эта проказница носила короткія платья, изъ подъ которыхъ виднѣлись большія ноги. Она была сурова, съ острыми угловатыми манерами, съ квадратной талией и безъ малѣйшей граціи. У нея довольно красивые глаза,—и только. Эта самая дѣвочка и была маленькая Бренкаръ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Монсежуръ не встрѣчалъ

ея, прїѣзжая въ Сенъ-Шамонъ. Въ этотъ періодъ времени она воспитывалась въ Парижѣ, и гдѣ же? О, праведное небо—въ монастырѣ! Г. Бренкаръ былъ вольтерьянецъ въ душѣ; онъ съ одушевленіемъ громилъ клерикализмъ, восхвалялъ свѣтское воспитаніе, ободрялъ возникшіе лица для молодыхъ дѣвушекъ, и, не смотря на это, все таки поручилъ Адриенну монахинямъ Sacré-Coeur. Она только что покинула монастырь и теперь, полная цвѣтущей прелести и граціи, сверкала первой свѣжестью своей весны—легкая, тонкая, прямая, какъ стрѣла, съ большими глазами, выразившими наивность и въ то же время смѣлость. Длинные рѣсницы мягко отгѣняли матовую блѣдность этого очаровательнаго личика, обрамленнаго двумя тяжелыми золотистыми косами, изъ подъ которыхъ спускались на спину волнистыя пряди волосъ и граціозно разсыпались по сборкамъ ея корсажа изъ бѣлаго муслина. Талія у нея сдѣлалась стройной, а нога—маленькой. Въдъ у женщины эти двѣ вещи имѣютъ способность увеличиваться отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, а затѣмъ уменьшаться отъ пятнадцати до двадцати. И вотъ Бренкаръ безъ конца говоритъ, говоритъ и говоритъ, а Монсежуръ съ восхищеніемъ смотритъ, смотритъ и смотритъ! Тотъ умъ, котораго онъ не находилъ въ словахъ отца, онъ находилъ его въ глазахъ дочери; красота одной скрашивала краснорѣчіе другаго. Однако, нельзя же было оставлять рѣчь Бренкара безъ всякаго возраженія. И отвѣтъ Монсежюра былъ очень неопредѣленный. Онъ сказалъ, что рѣшился не дѣлать больше ни одного шагу къ лѣвой сторонѣ. Можетъ быть, это будетъ ему стоить мѣста депутата, но онъ мало объ этомъ думаетъ. Пригвожденный на нѣсколько дней къ деревнѣ, онъ понялъ пріятность прежней жизни, и теперь чувствуетъ, что онъ точно переродился и снова начинаетъ жить. Онъ готовъ теперь обозрѣвать страну съ утра до вечера, пѣшкомъ, въ каретѣ и на лошади.

— А вы ѣздите верхомъ?

— Это было первое слово, которое онъ услышалъ отъ Адриенны, и эта фраза показалась восхитительной Монсежюру.

— Да, сударыня,—отвѣчалъ онъ.

— И вы любите кататься?

— Очень

— Я тоже люблю это, и страстно люблю. Каждое утро я ѣзжу верхомъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ.

— И мы даже можемъ повиниться,—прибавилъ молодой человѣкъ,—что не разъ прогуливались у васъ.

— У меня?

— Да,—сказала Адриенна.—Лѣса папаши смѣшаны то здѣсь, то тамъ съ вашими. Тамъ есть одинъ маленькій ровъ, но до чего онъ соблазнителенъ...

— До того соблазнителенъ, что вы нѣсколько разъ черезъ него прыгали?

— Не только нѣсколько разъ, а постоянно. Какъ только мы приближаемся къ этому мѣсту, то, пустивъ лошадь вскачь, мы воровскимъ образомъ галопируемъ по вашей землѣ.

— И вы совершенно правы, сударыня. Можете располагать моими лѣсами, сколько вамъ угодно, и прыгать черезъ ровъ съ совершенно спокойною совѣстью.

Политика была покинута. Принялись говорить о лошадяхъ, объ охотѣ, о собакахъ,—словомъ, о предметахъ вѣчно неистощимыхъ, и говорили съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ раньше о политикѣ. Но послѣ обѣда Бренкаръ завладѣлъ Монсегюромъ и началъ опять испускать громкія рѣчи. Наконецъ Адриенна пришла выручить Монсегюра изъ этого плѣна.

— Ну, полно, папаша, будь умницей и дай г. Монсегюру спокойно выпить свой кофе. Сколько кусковъ сахара положить вамъ?

— Два, сударыня.

— Возьмите чашку. А теперь я тебя спрошу, папаша: что мы сейчасъ будемъ дѣлать? Впрочемъ, обрати вниманіе на погоду, какая она сегодня чудесная! Не правда ли, намъ слѣдуетъ немного прогуляться по парку?

И они отправились гулять по парку. Какъ въ Ларнѣ, и тамъ была маленькая рѣчка, и точно также свѣтила луна. И пока Бренкаръ объяснялъ Монсегюру, какъ тамъ онъ вырылъ оврагъ, а здѣсь соорудилъ гротъ, Монсегюръ все время, не отрываясь, смотрѣлъ на Адриенну. Онъ любовался на легкость и энергичность ея походки, на грацію и гармонію всѣхъ ея движеній.

— Богиня, молодая богиня!—говорилъ онъ про себя. Монсегюръ, насколько намъ извѣстно, легко воспламенялся.

Это—большое благо въ жизни. Въ одну минуту, точно по мановенію волшебнаго жезла, манящій къ себѣ и въ то же время умиротворяющій видъ молодой, невинной дѣвушки вырвалъ изъ сердца Монсегиора самую память о грозной Лаурѣ Ламбертень. Единственная вещь, которая излѣчиваетъ отъ любви, это—любовь! Вернувшись съ прогулки, Монсегиоръ безбожно солгалъ; онъ ненавидѣлъ вистъ, а сказалъ, что его обожаетъ, и составилъ партію Бренкару и его женѣ. Но зато и надѣлалъ же онъ ренонсовъ...

И сколько неправильныхъ ходовъ! Онъ уступалъ въ игрѣ, когда надо было лѣзть на стѣну, и лѣзъ на стѣну, когда слѣдовало уступить. И всему этому была причиной Адриенна, которая постоянно вертѣлась около него: или работала тутъ же, съ четверть часа, надъ какой нибудь вышивкой, или шла смотрѣть, какъ рисуетъ ея братъ, или, подойдя къ роялю, тихонько наигрывала кончикомъ пальцевъ медленный маршъ Сильвіа, или, сѣвъ возлѣ отца, напротивъ Монсегиора, говорила:

— Ну, надо и мнѣ кое-чему научиться въ этой игрѣ.

Но тутъ Монсегиоръ уже оказывался не въ состояніи понимать что нибудь. Онъ окончательно терялъ голову, отвѣчалъ на черви трѣфами, а на пики—бубнами. Бренкаръ, который не любилъ шутить во время игры, строго замѣчалъ Монсегиору:

— Ну, вы не очень-то ловко играете въ вистъ.

— Да, не очень,—отвѣчалъ Монсегиоръ,—не очень.

— Однако, у васъ есть чутье въ игрѣ; но вы небрежны, а по временамъ на васъ находятъ странная разсѣянность.

Отправляясь къ Бренкарамъ на обѣдъ, Монсегиоръ заранѣе уже обрекалъ себя на скуку и потому приказалъ своему кучеру заѣхать за нимъ около десяти часовъ вечера. Но, сверхъ ожиданія, оказалось, что онъ едва успѣлъ уѣхать изъ гостей въ полночь, проигравъ къ тому же сто сорокъ фишекъ по десяти су. Это мамзель Бренкаръ была такъ счастлива и выиграла у него эти фишки. Она была въ восхищеніи отъ удачнаго вечера и увѣряла, что никогда въ жизни не встрѣчала такого прелестнаго молодаго человѣка. Итакъ, побѣда надъ дѣвицею Бренкаръ обошлась Монсегиору на первый разъ въ семьдесятъ франковъ; конечно, онъ не испугался такого

проигрыша. На другой день, въ семь часовъ утра, Монсегюръ, верхомъ на лошади, остановился у рѣшетки парка Бренкаровъ. Онъ оставался тутъ до часу, стараясь не быть замѣченнымъ, но зато самъ все отлично вида.

— Развѣ же она не сказала наканунѣ:— „Я каждое утро катаюсь верхомъ на лошади вмѣстѣ съ моимъ братомъ“.

И, около восьми часовъ, Монсегюръ дѣйствительно увидалъ брата и сестру; они въѣзжали въ лѣсъ. Монсегюръ издали послѣдовалъ за ними; затѣмъ, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ въ сторону, опередилъ ихъ, и искусно проманеврировавъ два-три раза, онъ, при поворотѣ аллеи, вдругъ наѣхалъ на нихъ, придавъ всему этому видъ совершенной случайности. И вотъ они уже втроемъ скачутъ и галопируютъ въ это чудесное утро, и какъ разъ направились къ тому мѣсту, гдѣ лѣса Монсегюра и Бренкара перемежаются. Они разомъ прыгнули черезъ извѣстный намъ ровъ, послѣ чего Монсегюръ, очутившись въ своихъ владѣнiяхъ, показалъ Люсьену и Адриеннѣ и свой паркъ, и свои лѣса. Адриенна слегка галопировала тутъ же, рядомъ съ нимъ, и онъ жадно пожиралъ ее глазами, находя, что на лошади она еще прелестнѣе, потому что при дневномъ свѣтѣ красота ея выдѣлялась еще ярче, чѣмъ при лунѣ. Партии въ вистъ послѣдовали за партiями, прогулки же верхомъ тоже шли своимъ порядкомъ, съ постояннымъ усердiемъ. Когда же настало время посѣщенiя палаты, то Монсегюръ попросилъ отпуска, по причинѣ нездоровья. И — странное дѣло! — Бренкаръ не заикался больше о „шагѣ впередъ“, то есть о переходѣ на сторону республиканскаго союза. Такимъ образомъ, прошло три мѣсяца, и Монсегюръ подумывалъ уже вернуться въ Парижъ, куда вскорѣ должна была прiѣхать его старуха-тетка, Каролина. Долгъ родства заставлялъ его поѣхать на свиданiе съ ней, какъ вдругъ случилось одно событiе, которое заставило его дѣйствовать наудалую и отбросить въ сторону всякiя родственныя обязательства.

Это событiе оказалось очень деликатнаго свойства это было ничто иное, какъ пожатiе руки — и только! Однажды вечеромъ, когда Монсегюръ собирался уже уходить, Адриенна такъ нѣжно и лукаво пожала ему руку, что онъ живо исполнился нетерпѣнiемъ и сердце его загорѣлось надеждой.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, ни одно слово не нарушило полнѣйшей невинности ихъ отношеній, какъ вдругъ, невольно и сладко привлекаемые другъ къ другу, они ощутили потребность выразить свою любовь, и это обнаружилось въ легкихъ пожатіяхъ рукъ, которыя съ каждымъ днемъ дѣлались все сильнѣе и выразительнѣе. О, вѣдь недаромъ существуетъ столько способовъ для выраженія любви! Ихъ пожатія рукъ прошли черезъ столько оттѣнковъ, намековъ и фразъ. Первые пожатія были такія быстрыя, нервѣшительныя, смущенныя. Тутъ наступила дружба, пріятельскія отношенія. Тогда они стали подавать другъ другу руку откровенно, энергично, по братски. Затѣмъ, черезъ ихъ пальцы прошелъ точно какой-то невѣдомый токъ, который произвелъ въ нихъ взаимный трепеть и замѣшательство; тутъ ужъ пожатія стали рѣзкими и нервными. Но кризисъ прошелъ быстро. Чувства ихъ, кроткія и спокойныя, способствовали тому, что сердца оставались чистыми, пожатія же рукъ становились долгими, нѣжными, довѣрчивыми, полными нѣги. Наконецъ, дошло дѣло до того, что сегодня вечеромъ Адриенна точно забыла, что рука ея находится уже довольно долго въ рукѣ Монсегюра, пока они, взволнованнымъ голосомъ, обмѣнивались совсѣмъ незначущими фразами... Но вотъ Адриенна, точно опомнившись, густо покраснѣла. Про себя она только сказала: „Ай, моя рука! Боже мой, гдѣ моя рука? И сколько времени она оставалась тамъ?“

Теперь она не могла промолвить слова отъ замѣшательства, Монсегюръ тоже, но руки ихъ оставались въ прежнемъ положеніи. Затѣмъ, послѣ минуты молчанія, которая показалась ему вѣчностью, Адриенна, не смотря на всю сладость этого мгновенія, нашла въ себѣ наконецъ мужество и выдернула свою руку.

Вотъ почему, на другой день утромъ, Монсегюръ вошелъ въ кабинетъ Бренкара серьезный и задумчивый. Онъ сѣлъ и началъ съ фразы, которую уже заранѣе обдумалъ.

— Любезнѣйшій г. Бренкаръ, мнѣ необходимо передъ вами высказаться.

При этихъ словахъ, его голосъ немного дрожалъ. Бренкаръ взглянулъ на него и сказалъ:

— Я знаю, въ чемъ дѣло.

— Вы знаете?

— Вы влюблены въ Адриенну и пришли просить у меня руки.

— Вы угадали.

— Ну, да! И вы думали до сихъ поръ, что мои глаза спрятаны въ карманъ? Вы—очаровательный молодой человѣкъ и очень свѣтскій; у васъ хорошее состояніе; мы съ вами со-сѣди, а между тѣмъ у насъ не вышло никакого пререканія изъ-за разграниченія владѣній или спора о собственности; объ истребленіи дичи у насъ тоже не было и рѣчи. Все это похвально для насъ обоихъ. Словомъ, я очень охотно назову васъ своимъ зятемъ, также какъ и моя жена. Вы побѣдили ея сердце въ первый же день знакомства. И вотъ почему мы не разлучили васъ съ Адриенной, когда стали замѣчать, что вы въ нее влюбляетесь. И будьте увѣрены, что иначе мы не допустили бы ни этихъ кавалькадъ, ни всѣхъ этихъ прогулокъ при лунѣ. Итакъ, съ моей стороны и со стороны моей жены, не существуетъ никакихъ препятствій. Но дѣло за Адриенной. Я съ ней поговорю и—между нами—не думаю, чтобы наша бесѣда затянулась. А вы пока прогуляйтесь по парку, пройдитесть взадъ и впередъ по дорогѣ—все это займетъ не болѣе полчаса времени—и затѣмъ возвращайтесь. Вернувшись, вы получите отъ меня окончательный отвѣтъ. Теперь идите, и до скораго свиданія.

Когда же Монсежуръ всталъ съ мѣста, то Бренгаръ прибавилъ:

— Не слишкомъ волнуйтесь и беспокойтесь во время вашей прогулки.

Монсежуръ и не думалъ беспокоиться. Онъ послушно прогуливался по парку, но походка его была неровная и слишкомъ быстрая. Когда онъ возвращался къ замку, то, при поворотѣ аллеи, въ ста шагахъ отъ него, мелькнуло въ зелени чье-то бѣлое платье: это была Адриенна. Она храбро шла къ нему на встрѣчу, но, подойдя уже въ упоръ, не произнесла ни слова. Слова становились излишними. Отвѣтъ Адриенны заключался въ ея глазахъ, въ улыбкѣ, въ наивной и откровенной радости всего ея существа. Она взяла за руку Монсежура и они медленными шагами двигались къ замку, все время не говоря ни слова. Когда мно-

гое хочется высказать, то лучше всего умѣть понимать молчаніе. Но когда они подходили уже къ подъѣзду, то Адриенна приостановилась и съ маленькимъ замѣшательствомъ сказала:

— Папаша согласенъ, но съ условіемъ...

— О, я на все готовъ! Всякое его желаніе я исполню безпрекословно.

— Что касается моего взгляда, то для меня это условіе совершенно безразлично, могу васъ увѣрить. До такой степени это мало меня затрогиваетъ, что я даже не могу отдать себѣ яснаго отчета въ той просьбѣ, которую предъявлю вамъ по порученію папаша. Вы должны явиться въ палату и записаться членомъ республиканскаго союза. Вѣдь я, кажется, такъ выразилась?

— О да, именно такъ...

— Вы согласны на это?

— Согласенъ ли я? Да отъ всего моего сердца. Я запишусь, куда бы вы ни захотѣли, слышите ли? и съ своей стороны представляю только одно условіе,—позволить васъ обождать!

— О, сколько вамъ угодно.

Вотъ какимъ образомъ любовь еще разъ рѣшила 'новое избраніе Монсегиора въ депутаты. Аптекарь появился, но былъ сокрушенъ; Монсегиоръ былъ выбранъ на его мѣсто; и въ эти послѣдніе дни отправился записаться въ члены республиканскаго союза. Одинъ депутатъ былъ уже тамъ, и готовился вписать свое имя; это былъ г. Ламбертенъ.

— А!—вскричалъ онъ, увидя Монсегиора,—вы собираетесь сдѣлать то же, что и я, и вы правы! Франція все идетъ впередъ, и намъ надо слѣдовать за ней. Г-жа Монсегиоръ, вѣроятно, вмѣстѣ съ вами въ Парижѣ? И вы, надѣюсь, не откажетесь привести ее къ намъ какънибудь вечеромъ. Моя жена, конечно, будетъ очень рада съ ней познакомиться.

(Л. Галеви).

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

II.

Въ російской имперіи, волею судебъ, существуютъ два любопытныхъ журнала. Оба журнала—«изъ новыхъ», какъ сказалъ бы г. Боборыкинъ, т. е. существуютъ не богъ знаетъ какъ давно и поэтому лишены традицій нашего литературнаго прошлаго; оба къ тому же составляютъ драгоцѣнное украшеніе Москвы и, на этомъ основаніи, на нихъ лежитъ «особый отпечатокъ», какъ сказалъ бы Грибоѣдовъ. Оба похожи другъ на друга, какъ два близнеца, похожи именно тѣмъ, что какъ тотъ, такъ и другой составляютъ отрицаніе журнала: это не журналы, а *альманахи*, какіе издавались праздными литераторами, желавшими заработать кое-какія деньжонки въ доброе старое время, въ сороковыхъ годахъ. Въ этихъ альманахахъ попадаются, конечно, и недурныя вещицы, даже хорошія, какъ, вообще, во всѣхъ альманахахъ; но всѣ эти литературныя работы ничѣмъ не связаны, не обнаруживаютъ никакой «руководящей мысли», — какъ нынче принято выражаться, — съ тою однако же оговоркой, что одинъ альманахъ, въ общемъ, обнаруживаетъ нѣкоторый легкій наклонъ въ сторону либерализма, а другой — такой же наклонъ въ сторону консерватизма. Но такъ какъ эти наклоны необыкновенно микроскопичны и для простаго смертнаго почти неуловимы, то оба альманаха можно смѣшать, — одинъ принять за другой, и наоборотъ, что, какъ кажется, и дѣлается сплошь и рядомъ читающей публикой.

Вы уже, конечно, догадываетесь, о какихъ именно журналахъ я говорю:—о «Русской Мысли» и о «Русскомъ Обозрѣніи». Ужасно похожи оба эти журнала или альманаха другъ на друга! Таково «неотразимое» впечатлѣніе, получаемое читателемъ изъ знакомства съ ними. Но въ чемъ именно заключается существенная черта этого сходства, на первое время трудно догадаться. Вывають такія лица, глядишь на нихъ и не вѣришь собственнымъ глазамъ: два разныхъ человѣка, а похожи изумительно! И что страннѣе всего, — станешь разсматривать детально черты того и другаго, — сходства нѣтъ, а въ общемъ — точно братья и сестра. Такого рода сходство французы выражаютъ словами: «un faux air de ressemblance». Такъ вотъ такой именно *faux air* и представляютъ собой два московскихъ журнала. Но въ чемъ заключается «*la faculté maitresse*» (какъ сказалъ бы Тэнъ) ихъ сходства? На эту тему

я долго размышлялъ и только послѣ долгихъ и мучительныхъ умственныхъ усилій открылъ эту черту. Черта эта—оппортюнизмъ. Вы не вѣрите? Право, такъ.

Слово оппортюнизмъ въ примѣненіи къ политикѣ возрасло на французской почвѣ fin de siècle. По русски, его съ удобствомъ можно было бы перевести: сѣсть между двухъ стульевъ, или еще лучше: «и нашимъ, и вашимъ». Политика эта заключается въ «принципѣ»: лавировать насколько возможно между различными и даже противоположными теченіями, быть всегда любезнымъ всѣмъ партіямъ, держать въ своей лавочкѣ всякій товаръ, отвѣчать на всѣ спросы и въ то же время дѣлать видъ, что несешь нѣкоторое знамя, исповѣдуешь нѣчто, съ кѣмъ-то не соглашаешься. Во Франціи, эта политика оппортюнизма была водворена вскорѣ послѣ провозглашенія третьей республики; она и въ самомъ дѣлѣ въ точности представляетъ политическій идеалъ французской буржуазіи, которая такъ была напугана франко-прусской войной, почувствовала себя въ такой степени безсильной, до такой степени боялась новыхъ политическихъ «недоразумѣній» между многочисленными французскими партіями, что въ концѣ концовъ пришла къ убѣжденію, что надо всѣмъ мирволить, со всѣми жить въ ладу, быть, однимъ словомъ, «во благовременіи,»—выраженіе, которое и есть буквальный переводъ слова opportun. По неисповѣдимой волѣ судебъ, въ то время какъ во Франціи политика оппортюнизма приняла нѣсколько шутовской образъ буланжизма, въ Москвѣ она приодѣлась въ литературный костюмъ и выразилась въ двухъ журналахъ, — въ «Русской Мысли» и въ «Русскомъ Обзорѣніи». Существованіе этихъ двухъ журналовъ на московской почвѣ, какъ и открывшаяся нынѣ *парижская* выставка *въ Москву*, лучше всякихъ разглагольствованій досужихъ газетчиковъ свидѣтельствуютъ о симпатіяхъ двухъ великихъ народовъ, — симпатіяхъ, о которыхъ какъ французскія, такъ и русскія газеты то и дѣло бесѣдуютъ съ публикой. Само собою разумѣется, что и мнѣ, въ качествѣ русскаго или, вѣрнѣе, франко-русскаго патріота, слѣдуетъ побесѣдовать объ этомъ обстоятельствѣ. Впрочемъ, меня занимаетъ не столько политика, — до которой мнѣ, собственно говоря, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, — сколько осиротѣвшая русская литература.

Впрочемъ, жаль, что, говоря о русской литературѣ, мнѣ приходится бесѣдовать о такихъ «представителяхъ» ея, какъ «Русская Мысль» и «Русское Обзорѣніе».

Относительно «Русской Мысли», могу торжественно заявить, что представительство этого журнала самое внушительное. Оно, если можно такъ выразиться, будетъ записано въ скрижаляхъ истории русской литературы. «Русская Мысль» имѣла своихъ представителей, если не ошибаюсь, даже на скамьѣ подсудимыхъ... Впрочемъ, не въ этомъ дѣло: das ist eine alte Geschichte. Я разумѣю представительство русскаго журнала не въ судѣ, а въ русской литературѣ. И, въ этомъ отношеніи, я долженъ сдѣлать маленькую характеристику «Русской Мысли».

«Русская Мысль» — журналъ необыкновенно разнообразный:

чего хочешь, того и просишь, — по поговоркѣ. Въ «портфель редакціи» на этотъ случай есть всякій товаръ, про запасъ, — и хорошій, и подмоченный, и полинялый, и самый свѣженькій. Не знаю, какимъ образомъ это случилось, но, не смотря на свои такъ сказать, природныя влеченія къ буланжизму, «Русская Мысль» нисколько не похожа въ этомъ отношеніи на французскіе «толстые журналы». Тамъ все приноровлено съ журнальной цѣлью, для журнальнаго читателя. Тамъ всякая статья написана специально для журнала, обработана ярко, бойко, сжато, съ общей точки зрѣнія, съ тѣмъ, чтобы дать ясное и точное понятіе о предметѣ, — именно въ журнальномъ смыслѣ слова, съ точки зрѣнія интереса современности. Въ «Русской Мысли» — какъ разъ наоборотъ. О современности редакція рѣшительно ничего не думаетъ, — ей нѣтъ до этого никакого дѣла, да впрочемъ и до читателей тоже нѣтъ дѣла. Это просто довольно неуклюжій сборникъ пространныхъ упражненій безъ всякаго отношенія ко времени и пространству. Такъ на примѣръ, г. Карелинъ — почтенный писатель; онъ задумалъ нѣчто изъ исторіи средневѣковаго папства и пишетъ по этому поводу «сочиненіе». Сочиненіе, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ достойно вниманія, но оно не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ какой бы то ни было современности. Авторъ желалъ бы (простительное авторское самолюбіе!) подѣлиться съ читающей публикой отрывками изъ этого сочиненія. Но гдѣ напечатать эти отрывки? Очевидно, въ «Русской Мысли», и вотъ редакція (непростительное легкомысліе!) беретъ рукопись и печатаетъ, даже не задавшись вопросомъ: кому это нужно и зачѣмъ? Точно также и г-жа Ватсонъ: она любитъ португальскую литературу и эта любовь весьма почтенна. Она бы хотѣла подѣлиться съ русскими читателями своими свѣдѣніями по части португальской литературы, хотя, собственно говоря, къ этому нѣтъ ни малѣйшаго повода, хотя русскому читателю, — какъ говорятъ въ Москвѣ, — «совершенно наплевать» на португальскую литературу. Но г-жѣ Ватсонъ, точно также какъ и московскому журналу, до всего этого нѣтъ никакого дѣла. Она пишетъ, а журналъ печатаетъ. Читаешь «Русскую Мысль» и удивляешься: пестрота страшная, — тутъ и португальская литература, и средневѣковое папство, и Ирландія сорокъ лѣтъ назадъ, и мужицкая «Калгота», и романъ Моассана, и повѣсть Оржешко, и романъ Сенкевича, и разсужденіе Шелгунова о восьмидесятникахъ и толстовцахъ, и «скромныя» воспоминанія г. Михайловскаго объ его литературныхъ успѣхахъ, и неуклюжія соображенія г. Протопопова о женскомъ творчествѣ, — и все это безъ видимаго отношенія къ живой дѣйствительности.

Вотъ эту-то именно погоню не столько за содержаніемъ, сколько за возможнымъ, а подчасъ даже и невозможнымъ разнообразіемъ, по принципу: — чего хочешь, того просишь, — я и называю литературнымъ оппортунизмомъ. Точно кажется, что почтенная редакція денно и ночью имѣетъ въ виду одну лишь цѣль: приобрѣтеніе возможно бѣльшаго количества подписчиковъ, и къ тому же приобрѣтеніе не путемъ качества, а путемъ количества, на всѣ вкусы. Вы любите романы Сенкевича? — Чудесно. Вотъ вамъ отрывокъ изъ

романа: «Безъ догмата». Иванъ Ивановичъ предпочитаетъ беллетристику изъ народнаго быта?—Еще лучше: пусть читаетъ отрывокъ изъ повѣсти г. Мамина. И такъ дальше, безъ конца; то есть, конецъ, можетъ быть, когда нибудь и будетъ, но когда — неизвѣстно, а пока—получайте отрывокъ съ надписью: «продолженіе». По временамъ, въ «Русской Мысли» встрѣчаются и хорошія вещи; но—странно!—съ этими хорошими вещами случаются прескверныя вещи. Такъ напримѣръ, въ прошломъ году «Русская Мысль» печатала «Переписку недавнихъ дѣятелей» (Герцена, Огарева, Бѣлинскаго). Переписка, дѣйствительно, интересна, да только... какъ бы это сказать? Оказывается, что многое изъ этой переписки уже было напечатано въ свое время въ разныхъ историческихъ журналахъ, а большое, очень извѣстное письмо Бѣлинскаго было цѣликомъ, много лѣтъ тому назадъ, напечатано г. Пышинымъ въ его книгѣ о Бѣлинскомъ, и съ тѣхъ поръ цитировалось сотни разъ. Значить, и тутъ вышло нѣчто странное: матеріалъ хорошъ, прекрасенъ,—спору нѣтъ,—да только... полинялъ. Въ нынѣшнемъ году, началъ появляться въ «Русской Мысли», какъ кажется, интересный и талантливо написанный романъ г. Эртеля; объ немъ-то я и намѣревалась, прежде всего, побесѣдовать съ моими читателями, но и тутъ вышла для меня неудача: въ трехъ книжкахъ журнала, романъ печатался маленькими клочками, и вдругъ—печатаніе прекратилось: въ четвертой книжкѣ уже нѣтъ романа г. Эртеля. Чтò случилось, неизвѣстно; редакция не потрудилась даже объяснить подписчикамъ, въ чемъ дѣло. За неимѣніемъ романа г. Эртеля, мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о другомъ произведеніи,—о романѣ г. Каронина, подъ заглавіемъ: «Учитель жизни». Романъ г. Каронина интересенъ по задачѣ: обрисовать типъ *новаго* человѣка, такъ сказать, «восьмидесятника», какъ говорить г. Шелгуновъ,—человѣка, ищущаго какого-то «смысла жизни» и находящаго этого смыслъ въ ученіи графа Л. Н. Толстаго. Помнится, г. Шелгуновъ въ своихъ «Очеркахъ русской жизни» много занимался этимъ новымъ типомъ, подсмѣивался надъ нимъ, по временамъ даже негодовалъ, чтò было, разумѣется, лишнимъ, и въ концѣ концовъ сдѣлалъ таки довольно любопытную характеристику этого типа. Въ своемъ послѣднемъ очеркѣ, предсмертномъ, онъ даже разсказалъ въ шутовскомъ тонѣ, какъ получилъ письмо отъ одного восьмидесятника, которое начиналось такъ: «Да не смущайте насъ, гѣни прошлаго, и вы, отцы, поймите своихъ дѣтей,—шире дорогу: восьмидесятникъ идетъ». Шелгуновъ, на этотъ разъ, не вознегодовалъ, а только посмѣялся надъ этой пошлой выходкой пошляка, потерявшаго даже чувство приличія, благодаря своему безмѣрному, великому самолюбію. Такъ вотъ именно этого самаго восьмидесятника и взялся описать г. Каронинъ. Впрочемъ, о романѣ я скажу нѣсколько ниже, а теперь кстати долженъ упомянуть о другой статьѣ въ той же «Русской Мысли», подъ заглавіемъ «Современная французская молодежь». Статья поучительная и наводящая на размышленія. Въ основаніе характеристики современной французской молодежи, авторъ взялъ одну публичную лекцію, читанную въ Парижѣ. Характеристика эта въ самомъ дѣлѣ любопытна и, если она вѣрна,

то приходится заключить, что современная французская молодежь не далеко ушла от наших «шалых» восьмидесятниковъ. Нынѣшніе молодые французы, если вѣрить автору, называютъ себя «интеллигентами» (intellectuels), должно быть, въ отличіе отъ безсловесныхъ животныхъ, къ которымъ причисляютъ всѣхъ другихъ французовъ. Интеллигентъ—избранное, высшее существо, тончайшая квинтъ-эссенція всяческой красоты; это — олимпіецъ, замѣрающій отъ восхищенія при созерцаніи своего величія и своего духовнаго совершенства, и съ холоднымъ презрѣніемъ смотрящій на копошащуюся вокругъ него человѣческую толпу: Какъ и все гениальное, рѣшеніе всѣхъ жизненныхъ вопросовъ, придуманное интеллигентомъ, оказывается удивительно простымъ. Это рѣшеніе пѣбликомъ сводится къ очень коротенькому, но весьма выразительному словечку «я». Въ интересахъ и хотѣніяхъ этого я заключается весь,—и единственный,—законъ, выше котораго нѣтъ и быть не можетъ никакихъ законовъ. Неустанно культивировать это я, какъ можно полнѣе удовлетворять его алетиты, развивать его способности къ наслажденію, доставлять возможность переживать maximum желательныхъ для него ощущеній,—вотъ къ чему должна сводиться жизнь интеллигента. Если, при этомъ, хотѣнія я придутъ въ коллизію съ интересами другихъ людей или всего общества,—tant pis для этихъ интересовъ, такъ какъ интеллигентъ, не задумываясь и не колеблясь, приноситъ ихъ въ жертву на алтарь своего бога, если только это окажется возможнымъ.—Между этими французскими интеллигентами, построившими все свое міровоззрѣніе на голомъ, чрезвычайно грубомъ, позорномъ эгоизмѣ, и нашимъ «шалымъ» восьмидесятникомъ несомнѣнно существуютъ родственныя черты, хотя на первый взглядъ они другъ на друга совершенно не похожи. Молодой французъ ошалѣлъ отъ пошлаго, бульварнаго, легкомысленнаго и дурашливаго скептицизма и, въ концѣ концовъ, увѣровалъ лишь въ самого себя. Но развѣ русскій «шалый» восьмидесятникъ не есть продуктъ подобнаго же легкомысленнаго и дурашливаго скептицизма, только на другой почвѣ? Развѣ онъ не также увѣровалъ въ себя, какъ и французъ? Французъ, конечно, глупо, но пользуется наукой и цивилизаціей, потому что онъ ему полезны и потому что онъ, по исторической традиціи, знаетъ, что «устранить» науку и цивилизацію нельзя. Русскій восьмидесятникъ отрицаетъ науку и цивилизацію, потому что считаетъ себя выше ихъ, и потому еще, что, вслѣдствіе своей дикости, полагаетъ, что съ наукой и цивилизаціей ничего не стоитъ «расправиться»,—просто наплевать и баста!

И вотъ г. Каронинъ, до сихъ поръ занимавшійся въ своихъ беллетристическихъ экскурсіяхъ лишь однимъ русскимъ мужикомъ, задумалъ изобразить въ печати «героя нашего времени»,—восьмидесятника. Для меня не важно то, что авторъ относится къ своему герою отчасти отрицательно, сводя его, въ концѣ повѣсти, съ того пьедестала, на которомъ онъ стоялъ, показываетъ его жизненную несостоятельность, а, главное, и несостоятельность его по отношенію къ любви:—все это вѣчно продѣлывается съ героями во всѣхъ русскихъ повѣстяхъ. Не важно для меня и то, что г. Ка-

ронинъ, возмѣвъ намѣреніе описать героя нашихъ дней, не нашель ничего лучше, какъ рабски скопировать тургеневскаго «Рудина», только, конечно, скопировать скверно, по ученически,—безъ малѣйшаго художественнаго дарованія. Все это постоянно продѣлывается русскими беллетристами «изъ новыхъ», изъ восьмидесятниковъ,—но любопытно мнѣ то, что г. Каронинъ и въ самомъ дѣлѣ убѣдилъ себя, что восьмидесятникъ можетъ быть героемъ повѣсти, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Тургеневъ тоже, въ концѣ концовъ, отнесся отрицательно къ Рудину, но, тѣмъ не менѣе, если онъ писалъ повѣсть о Рудинѣ, то только потому, что самъ по себѣ Рудинъ, какова бы ни была его общественная несостоятельность,—фигура значительная, явно историческая, имѣвшая корни въ самой жизни, призванная оказывать вліяніе. Только поэтому Рудинъ и былъ интересенъ, только поэтому Тургеневъ и заинтересовался имъ, и заинтересовалъ русское общество. Но восьмидесятникъ... Господи! да кто же можетъ интересоваться такимъ головотяпомъ, такимъ очумѣвшимъ отъ дикости и сомнѣнія пошлякомъ? Такихъ господъ не вѣнчаютъ и не развѣнчиваютъ въ литературѣ. Самое большое, что эти господа могли бы «сдѣлать» для литературы, это—внушить талантливому беллетристу легкій фарсъ, въ которомъ восьмидесятникъ былъ бы вышученъ въ надлежащемъ видѣ. Ничего этого не понялъ г. Каронинъ.

Не этотъ беллетристическій трафаретъ занимаетъ меня въ повѣсти г. Каронина, а совершенная безпомощность автора, который не умѣетъ и изобразить-то прилично своего героя, а представляетъ его такимъ оболтусомъ, что читатель только разводитъ руками отъ удивленія. Авторъ, напримѣръ, знакомитъ героя съ героиней; тотъ уже при первомъ свиданіи, за обѣдомъ, начинаетъ свои поученія. Героиня заикнулась на счетъ того, что вѣдь и съ прислугой надо обходиться по справедливости. Герой немедленно возмущается: «Ваше увѣреніе, что въ прислугѣ вы видите равнаго себѣ человѣка, двойная ложь. Во-первыхъ, это—логическій фокусъ, т. е. просто обманъ, въ родѣ того, когда магистръ магіи на глазахъ у васъ глотаетъ шпагу. Нанимая себѣ прислугу, вы этимъ самымъ устанавливаете фактъ рабства; вы нанимаете человѣка, но ставите его въ положеніе раба, который долженъ вмѣсто васъ исполнять работу. Вы нанимаете раба не для того дѣла, которое вы считаете высокимъ, но котораго вы не въ силахъ исполнить, а на дѣло непристойное, грязное, оскорбляющее ваши просвѣщенные чувства и мѣшающее вашимъ тонкимъ потребностямъ!» И пошелъ, и пошелъ; затѣмъ герой оканчиваетъ всю рѣчь «такимъ потрясающимъ голосомъ, словно говорилъ изъ трубы». Во второй прїѣздъ, герой снова распекаетъ героиню: «Вы до такой степени потеряли прямые пути, что сами свои мысли считаете преступными. Ибо кто бѣжить, чтобы скрыться, того догоняютъ. Кто боится, того еще болѣе страшатъ. Кто вѣрится въ силу палки, того палка эта и бьетъ. Вы такъ загниготизированы, ваша душа такъ пуста и умъ сталъ не самостоятеленъ, и разумъ ничтоженъ, что вы, подобно чувашу, завидѣвъ среди ночи чернѣющій пенъ, блѣднѣете, сердце ваше дрожитъ и вы готовы пасть ницъ...» Въ

третій приѣздъ, герой опять ругается: «Истина одна!—гремѣлъ онъ,—истина не только одна, но она вѣчна и безусловна. Она написана въ вашемъ сердцѣ и въ вашемъ разумѣ, и даже въ вашемъ тѣлѣ. Только вы заслонили ее идолами, ради которыхъ забыли ея голосъ. И одинъ изъ этихъ идоловъ — наука... Вы такъ поработили разумъ передъ этими идолами, что онъ пересталъ служить истинѣ, а служить лжи и обману, преступленію и кровавымъ бойнямъ, злу и насилію. Разумъ, единственный источникъ свѣта, сталъ служить мраку. Единственная его цѣль—познаніе истины и забота о счастіи людей, но они отняли эту цѣль, самого его отдали въ рабство бездушной наукѣ, а она изобрѣтаетъ пушки, бездымный порохъ, машины, ломающія тѣло и душу работниковъ...» Само собой разумѣется, что, говоря это, герой трубилъ не въ мѣру: «Жестокое лицо его стало совсѣмъ дикимъ, голосъ обратился въ грубу, слогъ мало по малу принялъ грубый, но сильный библейскій оттѣнокъ. Это было воплощенное вдохновеніе, вся сила котораго направлена была на разгромъ языческаго идола».

Всякому человѣку, конечно, свойственно говорить глупости, но дозволено ему это только до извѣстной степени; когда глупость выходитъ за эти предѣлы, то ее слѣдуетъ прятать, скрывать. Г. Каронинъ, къ сожалѣнію, не слѣдуетъ этому мудрому правилу и дозволяетъ врать своему герою совершенно немилосердно, и очень любитъ его враньемъ, полагая, что тотъ изрекаетъ что ни на есть самую послѣднюю, только что испеченную истину. Къ сожалѣнію, все это не ново, въ особенности для насъ. Все это—чрезвычайно бездарная, чрезвычайно пошлая копія нѣкоторыхъ статей г. Л. Н. Толстаго. Но г. Л. Н. Толстому, должно быть, очень грустно видѣть эту пошлую карикатуру на нѣкоторыя изъ его эксцентрическихъ идей. Очевидно, что г. Каронинъ, можетъ быть, изъ лишняго усердія, оказалъ жестокою услугу г. Л. Н. Толстому. Чтò у графа Толстаго было выражено, по крайней мѣрѣ, талантливо, хотя парадоксально, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ научными знаніями и съ философскими теченіями, противъ которыхъ онъ возстаетъ,—то въ повѣсти г. Каронина является въ такомъ грубомъ и голомъ видѣ, съ такимъ непроходимымъ невѣжествомъ, съ такимъ упорствомъ ограниченности, что, право, не знаешь, чему больше удивляться: глупости ли героя повѣсти, или непосредственной наивности г. Каронина, который изображаетъ эти «благоглупости», какъ нѣчто новое и неотразимое.

Любопытенъ также и тотъ жизненный матеріалъ, изъ котораго г. Каронинъ выкроилъ своего полоумнаго героя. Подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ «нравственныхъ» ученій, появились какіе-то шалые молодые люди, которые, вмѣсто власяницы, надѣваютъ на себя поддевки и проповѣдуютъ какой-то особенный «смыслъ жизни». Объ этомъ печальномъ маскарадѣ мы слышали вотъ уже нѣсколько лѣтъ, но «шалые» молодые люди до самаго послѣдняго времени не смѣли появляться въ русской беллетристической литературѣ; теперь они, благодаря повѣсти г. Каронина, сдѣлали свое «entrée» въ эту литературу... Я знаю, что во всемъ этомъ обвиняютъ графа Л. Н. Толстаго. Это онъ,—говорятъ,—своимъ уче-

нѣмъ смутить мозги «шалыхъ» молодыхъ людей; онъ придумалъ для русскихъ интеллигентовъ хожденіе пѣшкомъ вмѣсто ѣзды по желѣзной дорогѣ; это онъ рекомендовалъ точаніе сапогъ вмѣсто переписыванія канцелярскихъ бумагъ; наконецъ, онъ заставляетъ этихъ оболтусовъ искать какой-то смыслъ жизни въ паханіи земли, вмѣсто того, чтобы учить вокабулы въ гимназіи. И, кромѣ того, развѣ не онъ первый въ Россіи вздумалъ отрицать науку, искусство, философію; развѣ не онъ первый провозгласилъ принципъ индивидуальнаго совершенствованія русскаго интеллигента въ мужицкой средѣ и полнѣйшій индифферентизмъ ко всякаго рода общественной дѣятельности?—Всего этого я не отрицаю; все это дѣйствительно продѣлывалъ и продѣлываетъ графъ Толстой; онъ даже проповѣдуетъ противъ блиновъ и куренія табаку. Но изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ. Мало ли кто что можетъ проповѣдовать? Вѣдь и Жанъ-Жакъ-Руссо проповѣдовалъ, что просвѣщеніе вредно, что цивилизація портитъ людей и, для того чтобы сохранить до-историческую невинность, людямъ необходимо возвратиться къ первобытной простотѣ на лонѣ природы. Въ этомъ отношеніи, гр. Толстой только обновилъ ученіе Руссо и, конечно, какъ писатель, не смотря на всю парадоксальность и несостоятельность такого ученія, онъ былъ по своему правъ. Но вѣдь не его ученіе создало всѣхъ этихъ шалыхъ молодыхъ людей, открещивающихся отъ науки, какъ отъ нечистой силы, и отправляющихся пахать землю на доно природы. Этого не бываетъ не съ какими ученіями. Если «нравственное» ученіе имѣетъ практической успѣхъ, если его начинаютъ исповѣдовать, то, значитъ, въ самой жизни уже были зародыши этого ученія, а теоретическій проповѣдникъ только привелъ въ сознательную и болѣе или менѣе ясную логическую формулу то, что смутно и безсознательно бродило и прежде въ душѣ многихъ и многихъ. Я уже говорилъ, что даже во Франціи замѣчается нѣчто подобное, конечно, не въ такихъ грубыхъ и дикихъ формахъ, какъ у насъ. И когда сопоставишь эти «явленія» у насъ и въ Европѣ, то невольно придешь къ заключенію, что современная Европа, и мы въ томъ числѣ, переживаетъ въ настоящую минуту какой-то острый нравственный кризисъ, сулящій, можетъ быть, какіе либо результаты въ будущемъ, но въ настоящее время имѣющій крайне болѣзненный характеръ какой-то нравственной анеміи, которая уничтожаетъ или ослабляетъ энергію современнаго человѣка, какъ-то вдругъ потерявшаго, по дорогѣ жизни, всѣ завѣтные старыя идеалы, и не нашедшаго новыхъ.

Впрочемъ, современная беллетристика и вообще представляетъ собой странное явленіе. Какъ-то въ концѣ прошлаго года, помнится, въ «Русскомъ Обзорѣнн» была напечатана повѣсть г. Ахшарумова: «Блудный сынъ». Повѣсть эта—нѣчто въ родѣ исповѣди одного молодаго человѣка, который блестящимъ образомъ дебютировалъ въ литературѣ, но, потерпѣвъ за это гоненіе по службѣ, вышелъ въ отставку и, благодаря протекціи одного своего родственника, поступилъ на частное мѣсто и вскорѣ обра-

тился въ дѣльца, загребающаго деньги лопатою. Собственно, содержаніе повѣсти заключается въ перипетіяхъ этой жизни среди ворованія капиталами и заботъ, а также и катастрофъ, причиняемыхъ ими. Какъ картинка современныхъ нравовъ, повѣсть г. Ахшарумова несомнѣнно могла бы интересовать, еслибы она не была такъ растянута и еслибы дѣйствующія лица были хоть нѣсколько интереснѣе. Герой повѣсти съ презрѣніемъ относится къ «современнымъ» людямъ, пустымъ, безсодержательнымъ, помѣшаннымъ на приличіяхъ, но умѣющимъ обдѣлывать свои дѣлишки и разноситься сплетни по городу. Но вѣдь и герой самъ не далеко ушелъ отъ этихъ людей. Можетъ быть, во дни его молодости, у него и было что-либо за душой, но все это очень быстро улетучилось; познакомившись съ жизнью, онъ скоро бросилъ всякія идеи и «фантазіи» и сдѣлался первостатейнымъ дѣльцомъ, совершающимъ очень некрасивыя дѣла и не выдающимъ въ нихъ ничего дурнаго.

Вообще, меня удивляетъ одно обстоятельство. Въ доброе старое время, когда къ намъ не проникъ еще «настоящій» реализмъ, не рѣдко,—какъ и теперь,—изображались въ повѣстяхъ и романахъ всякіе беззащѣтныя люди, наживающіе милліоны нечистыми путями, совершающіе некрасивыя дѣла и преступленія. Но въ прежнія времена, изображая такихъ людей, авторъ считалъ своей обязанностью, подчеркивая ихъ пакости, объяснить, какимъ путемъ они дошли до такого паденія, и указывалъ, при случаѣ, на тѣ угрызенія совѣсти, которыя ощущали по временамъ эти люди, погрязшіе въ пороки. Дѣлалось это, въ большинствѣ случаевъ, не съ правоучительными цѣлями, а потому, что въ человѣкѣ, какъ бы пороченъ онъ ни былъ,—если только онъ не психопатъ,—никогда не угасаетъ свѣточъ идеала; и вотъ этотъ свѣточъ заставляетъ себя чувствовать въ угрызеніяхъ совѣсти. Такимъ образомъ, въ доброе старое время, мы имѣли и картины извѣстныхъ нравовъ, и изображенія извѣстнаго сорта людей, и, кромѣ того, человѣческій, а не звѣриный образъ. Въ современныхъ же повѣстяхъ — не то: теперь эти герои некрасивыхъ дѣлъ пишутъ съ какимъ-то азартомъ свои автобіографіи въ формѣ повѣстей и романовъ, рассказываютъ, въ засосъ, самыя некрасивыя дѣла, — слѣдовательно, точно любятъ собой, совершенно не подозрѣвая, какъ некрасиво все то, что они рассказываютъ. У этихъ людей нѣтъ никакой совѣсти, никакого чувства нравственности, но есть зато какое-то наивное самообольщеніе, какая-то прямолинейная тупость, мѣщающая имъ различать,—хотя бы теоретически,—добро отъ зла. Это не преступники, даже не порочные люди, а просто психопаты. и такихъ психопатовъ намъ взапуски стараются изображать современные беллетристы, точно сговорившись,—и не просто всякіе беллетристы, а беллетристы болѣе или менѣе таланты ивые. Они какъ бы хотятъ этимъ сказать, что именно наше время есть время повальной психопатіи. Воля ваша, но этому я отказываюсь вѣрить.

Такъ вотъ какія повѣсти и рассказы печатаетъ «Русское Обозрѣніе». Вообще въ этомъ журналѣ беллетристика чрезвычайно

своеобразна. Къ какой категоріи ее причислить—я не знаю, если только не къ категоріи... бездарной. Правда, въ «Русскомъ Обзорѣніи» печатается историческая повѣсть г. Е. Маркова: «Разбойница Орлиха». Къ сожалѣнію, она далеко не кончена или, вѣрнѣе, только начата, — такъ что высказать окончательное мнѣніе о ней нѣтъ возможности. Я не большой поклонникъ таланта г. Маркова, но въ его начавшемся романѣ изъ мѣстныхъ преданій XVIII вѣка есть, по крайней мѣрѣ, интересныя страницы. Очень хорошо, на-примѣръ, описаніе кулачнаго боя. Нѣкоторыя фигуры вельможъ того времени задуманы очень вѣрно и интересно, но всѣ онѣ какъ-то плохо рисуются воображенію, не выдѣляются на сѣромъ фонѣ семейной хроники; въ нихъ не чувствуется яркой индивидуальности. Есть также повѣсть г. Орловскаго, — котораго можно было бы назвать специально консервативнымъ беллетристомъ. Помнится, онъ началъ свое литературное поприще въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, продолжалъ его въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Э. Н. Берга, и теперь, — надѣмся, на время, — перешелъ въ «Русское Обзорѣніе» кн. Цертелева. Въ общемъ, г. Орловскій, конечно, не дурной разказчикъ, но особеннымъ талантомъ онъ тоже не отличается, — что можно было бы заключить по несомнѣнному эстетическому закону, априорно гласящему, что всякій беллетристъ, по столько, по сколько онъ узко тенденціозенъ (въ какую бы то ни было сторону, либеральную или консервативную), — не можетъ обнаруживать никакихъ особенныхъ талантовъ. Въ числѣ его недостатковъ, есть одинъ, самъ по себѣ не особенно значительный, но изъ котораго однако же вытекаютъ всѣ другіе недостатки, уже гораздо болѣе значительные: онъ необыкновенно многорѣчивъ. Въ его повѣсти, озаглавленной: «Чья вина?» сюжетъ—самый простой, обыденный, не требующій никакихъ особенныхъ толкованій, а между тѣмъ авторъ растянулъ его не въ мѣру, чуть ли не на всемъ печатныхъ листовъ, т. е., по размѣру, на цѣлый романъ. Такой растянутости не требовалъ не только самый сюжетъ, но не требовала его и характеристика лицъ. Они не выдѣляются, опять таки, ничѣмъ особеннымъ, исключительнымъ, ни по характеру своему, ни по поступкамъ, — это просто обыкновенныя смертные, занимающіе, такъ сказать, салоны русской беллетристики средней руки. Но г. Орловскій тѣмъ не менѣе многорѣчивъ и, за отсутствіемъ внѣшняго интереса событій, угощаетъ насъ длиннѣйшими разговорами, которые эти лица ведутъ между собой. Однако, и разговоры недостаточно интересны. За угощеніе мы, конечно, благодарны ему, но оно намъ не по вкусу. Въ этомъ отношеніи, г. Орловскій напоминаетъ тѣхъ любезныхъ и милыхъ хозяевъ, лишенныхъ однако тонкаго вкуса, которые чрезвычайно настойчиво, по демьяновски, угощаютъ васъ тѣмъ или другимъ блюдомъ...

Впрочемъ, то, что я сказалъ сейчасъ о г. Орловскомъ, я бы могъ примѣнить и вообще къ «Русскому Обзорѣнію» въ цѣломъ. Я уже говорилъ въ началѣ, что не могу не причислить этотъ журналъ, вмѣстѣ съ «Русской Мыслью», къ журналамъ новой формации, — оппортунистскія журналы. И дѣйствительно, на мой

взглядъ, это—альманахи оппортунизма, но въ ихъ оппортунизмѣ, однако, есть разница. «Русская Мысль», такъ сказать, оппортунистъ-интересанъ, между тѣмъ какъ оппортунизмъ «Русскаго Обозрѣнія» совершенно безкорыстенъ. Редакція этого почтеннаго журнала дѣлаетъ рѣшительно все, чтобы «угодить» своимъ читателямъ. Не ея вина, если читатели не всегда довольны угощеніями. Она, напримѣръ, въ изобиліи даетъ оригинальные романы, повѣсти и рассказы, но въ большинствѣ случаевъ эти произведенія какъ-то не выходятъ, не удаются; относительно переводныхъ беллетристическихъ произведеній, она списывается съ авторами, переводитъ съ корректуръ или съ рукописей, но до сихъ поръ я не замѣтилъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» такого переводнаго беллетристическаго произведенія, которое бы обратило на себя вниманіе и было бы, дѣйствительно, хоть сколько нибудь цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской переводной литературы. Кромѣ того, редакція имѣетъ «собственныхъ» корреспондентовъ въ Лондонѣ и Парижѣ, которые ежемѣсячно сообщаютъ новости дня изъ этихъ столицъ; но корреспонденціи эти чрезвычайно блѣдны и не представляютъ ни малѣйшаго интереса; любая газетная корреспонденція, писанная безъ всякихъ претензій, изо дня въ день, дастъ вамъ больше свѣдѣній и въ лучшемъ освѣщеніи, чѣмъ *compte rendu sommaire* корреспондентовъ «Русскаго Обозрѣнія». Наконецъ, и во всѣхъ другихъ отдѣлахъ редакція старается внести разнообразіе, жизнь, интересъ, но все эти старанія, на мой взглядъ, совершенно не производительны,—изъ нихъ ничего не выходитъ. Критика — совершенно случайна, безъ опредѣленнаго направленія; статьи въ большинствѣ случаевъ касаются вопросовъ спеціальныхъ, мало интересныхъ для обыкновеннаго читателя. Въ своемъ усердіи, редакція не забываетъ и другихъ украшеній,—напримѣръ, отъ времени до времени, по примѣру «Русской Мысли», она даетъ переводы статей европейскихъ публицистовъ и критиковъ; — напримѣръ, за этотъ годъ, она дала двѣ статьи г. Вогюэ,—и это, по моему, лучший, самый интересный отдѣлъ журнала. Впрочемъ, я забылъ еще одно дѣйствительное украшеніе «Русскаго Обозрѣнія»:—небольшой отрывокъ изъ воспоминаній Гончарова о Сибири. Какъ попалъ этотъ отрывокъ въ такую странную компанію,—я не знаю, но отрывокъ прекрасенъ.

Совершенно другое впечатлѣніе производитъ «Русскій Вѣстникъ»: это не только не оппортунистскій журналъ, но можно даже сказать—журналъ исключительно «направленскій». Къ строгому направленію — консервативному — тутъ все пригоняется: ученая статья, политическое обозрѣніе, внутренняя хроника, переводный романъ, критика, беллетристическое произведеніе. Въ смыслѣ окраски, журналъ несомнѣнно выигрываетъ отъ этого строгаго примѣненія одного и того же принципа; но,—какъ само собой разумѣется,—это ведетъ къ неизбежной односторонности и къ нѣкоторому безжизненному доктринерству. Вообще, надо отдать справедливость г. Бергу: это одинъ изъ редакторовъ, которыхъ теперь мало; онъ прекрасно знаетъ свою публику, знаетъ ея интересы и

даже сокровенныя мысли, знаетъ условія времени и пространства, и пользуется всѣми этими знаніями не безъ искусства. «Русскій Вѣстникъ» временъ катковскихъ превратился было подъ конецъ въ какую-то чрезвычайно неуклюжую египетскую мумію, выходящъ неакуратно, издавался спустя рукава, безъ видимой даже программы, наполнялся какими-то затхлыми матеріалами, никому не нужными; это дошло наконецъ до того, что читающая публика, интересующаяся литературой, совершенно перестала обращать на него вниманіе, и для кого онъ издавался въ послѣдніе годы жизни Каткова—рѣшительно неизвѣстно. Съ переходомъ редакціи въ руки г. Берга, все измѣнилось точно по манію волшебнаго жезла: журналъ сдѣлался разнообразнымъ и интереснымъ, съ опредѣленнымъ направлениемъ и опредѣленною программой, безъ прежняго «доносительнаго» оттѣнка. Если беллетристика въ «Русскомъ Вѣстникѣ» страдаетъ, то вѣдь она и во всѣхъ другихъ журналахъ страдаетъ: тутъ ничего не подѣлаешь,—и надо покориться судьбѣ! Зато этотъ журналъ въ настоящее время обращаетъ самое серьезное вниманіе на критику, чему, конечно, нельзя не сочувствовать, въ особенности если принять во вниманіе, что въ послѣдніе годы большинство русскихъ журналовъ усвоило себѣ прескверную привычку пичкать своихъ читателей посредственной и дешевой беллетристикою и не обращать ни малѣйшаго вниманія на умственное движеніе въ современномъ русскомъ обществѣ. Я даже думаю, что именно этимъ заботамъ о критикѣ журналъ г. Берга обязанъ своимъ успѣхомъ среди читающей публики. Въ русской журналистикѣ съ нѣкотораго времени установился странный взглядъ, что критика никому не нужна. Предполагается, видите ли, что русскій образованный читатель до такой степени измельчалъ и погрязъ въ практическихъ интересахъ, въ погонѣ за наживой и въ удовлетвореніи своего тщеславія, что всякое серьезное чтеніе, вводящее его въ міръ общихъ идей и теоретическихъ положеній, сдѣлалось уже для него недоступнымъ и что, поэтому, его слѣдуетъ содержать на діетѣ, какъ больнаго, и давать пищу, которая бы питала не его разумъ, а воображеніе, т. е. просто на просто забавляла бы его сказками да побасенками. Противъ этого я бы ничего не имѣлъ, еслибы эти сказки и побасенки принадлежали перу Тургенева, Достоевскаго, Гончарова,—такія побасенки, пожалуй, будутъ получше всякихъ ученыхъ разглагольствованій. Къ сожалѣнію, ни Тургеневыхъ, ни Достоевскихъ у насъ нѣтъ, а Гончаровъ почти совершенно пересталъ писать. Зато есть болѣе или менѣе сносные рассказчики, которыхъ образованіе, а слѣдовательно и кругозоръ мысли, чрезвычайно ограничены и потому не могутъ питать «ни ума, ни сердца» современнаго читателя. Чтеніе современныхъ беллетристовъ, за весьма малыми исключеніями, похоже на гашишъ, которымъ читатель отуманиваетъ свой разумъ и вслѣдствіе котораго онъ впадаетъ въ какой-то маразмъ. Поэтому, желаніе «Русскаго Вѣстника» оживить русскую критику заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Конечно, желаніе и осуществленіе этого желанія—не все едино. Въ этомъ отношеніи, я бы сказалъ, что прекрасныя намѣренія «Русскаго Вѣстника» еще неполнѣ осуществляются. Въ критикѣ,

разумѣтся, важенъ ясный общій принципъ, точно опредѣленное философское мировоззрѣніе; но она много теряетъ изъ своего значенія, когда становится узко-партийной, когда гнетъ все подъ своей уголь зрѣнія, не заботясь о широтѣ и справедливости своего критерія. Такая критика, какъ бы она талантлива ни была, не достигаетъ цѣли уже просто потому, что читатель невольно подмѣтитъ партийность и односторонность, слѣдовательно заподозритъ искренность автора, который имѣетъ въ виду не столько интересы чистой мысли, сколько извѣстное «воздѣйствіе» на умы читателей, въ видахъ болѣе или менѣе практическихъ. Къ несчастію, именно таковы образчики той критики, которую мы видимъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Главный камертонъ критики «Русскаго Вѣстника» принадлежитъ г. Елагину. Интересно, поэтому, познакомиться съ общими его положеніями. Слѣдуя по стопамъ Щедрина, — котораго онъ, впрочемъ, весьма не одобряетъ, — г. Елагинъ раздѣляетъ современную русскую литературу на двѣ категоріи: на литературу уличную и литературу не-уличную, настоящую. Къ уличной литературѣ принадлежатъ, видите ли, всѣ тѣ писатели, которые почему либо не любезны г. Елагину, т. е. всѣ тѣ, которые не подходятъ подъ его взгляды и подъ взгляды «Русскаго Вѣстника». Напримѣръ, гг. Успенскій, Эргель, Альбовъ пишутъ въ болѣе или менѣе либеральныхъ журналахъ, — значить, они никуда не годны, ибо принадлежатъ къ «улицѣ». Вы видите, какъ для г. Елагина все просто: «улица» и баста, и толковать нечего. Но, тѣмъ не менѣе, онъ толкуетъ и даже раздражается. А чѣмъ, казалось бы, тутъ раздражаться? Вообще говоря, въ русской литературѣ есть много уличнаго, т. е. мелкаго, глупаго, невѣжественнаго, какъ и во всякой другой литературѣ. Г. Елагинъ негодуетъ на то, что нѣтъ внѣшнихъ перегородокъ въ русской литературѣ: это, молъ, настоящая литература, а это уличная. Но онъ забываетъ, что ни въ какой литературѣ такихъ перегородокъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что эти перегородки устраиваетъ себѣ самъ читатель по своимъ вкусамъ и своему разумѣнію. Можно было бы, скажутъ, устроить нѣчто въ родѣ «вѣдомства», которое бы устанавливало эти перегородки; но увы! такое вѣдомство возможно только въ идеаль, потому что понятія объ «улицѣ» и «не-улицѣ» слишкомъ шатки и неустойчивы.

Покончивъ такимъ простымъ манеромъ съ «уличной» литературой, г. Елагинъ обращается къ настоящей, не-уличной литературѣ. У него и тутъ есть въ запасѣ цѣлая теорія. По его мнѣнію, послѣ Пушкина и Гоголя, мы окончили курсъ въ европейской школѣ, мы вышли изъ самаго высшаго ея класса, — изъ класса нѣмецкаго идеализма. Послѣ этого, само собой выяснились черты нашего западничества, зачалось славянофильство. Явилась необходимость приложить полученное нами образованіе къ изслѣдованію своего, роднаго. Славянофилы это и сдѣлали. И напрасно упрекаютъ ихъ европейскимъ происхожденіемъ, — ничего въ этомъ дурнаго нѣтъ, — но еще болѣе напрасно изъ этого дѣлаютъ выводы, будто бы славянофилы — тоже своего рода западники. По мнѣнію

г. Елагина, это совершенно невѣрно: заступъ, пробивающій скалу, не есть причина источника, который побѣжалъ изъ нея, орошая поля и нивы. Таковы и были, по отношенію къ Россіи, европейскія вліянія. Они пробили скалу, обнаружили Пушкина, Гоголя, Лермонтова, они обнаружили славянофильство съ его указаніемъ на православіе, какъ на наше особое, культурное начало; они же обнаружили нашихъ Толстыхъ и Достоевскихъ. Нельзя не удивляться глубокомыслию г. Елагина: самые запутанные, сложные вопросы о ростѣ человѣческой мысли, таинственная феноменология духа, обнаруживающаяся въ исторіи литературы—все это разрѣшается г. Елагинимъ чрезвычайно просто, однимъ ударомъ «заступа», простымъ сравненіемъ, хотя г. Елагину и должна быть извѣстна французская поговорка: *comparaison n'est pas raison*. Но г. Елагинъ не стѣсняется этимъ обстоятельствомъ. Дальнѣйшій ходъ развитія русской мысли опредѣляется столь же просто, какъ дальнѣйшее развитіе сравненія. Послѣ сороковыхъ годовъ, для г. Елагина начинается упадокъ. Шестидесятые года не дали ничего: «кое-гдѣ вспыхивавшіе огоньки таланта тотчасъ же потухали среди смрадной атмосферы догнивающего западничества». Я несомнѣнно увѣренъ,—какъ вѣроятно, и многіе читатели,—въ дѣйствительности этого упадка, но положимъ, что онъ былъ. Чѣмъ же онъ объясняется? Этого намъ г. Елагинъ не сообщаетъ и продолжаетъ свои размышленія: чередовавшіяся съ самыхъ шестидесятыхъ годовъ поколѣнія смотрѣли на Гоголя сквозь западническія очки, а Пушкина уже вовсе не знали. Русскіе молодые люди только и узрѣли Пушкина съ тѣхъ поръ, какъ было снято покрывало съ его памятника въ Москвѣ. Не смотря однако на этотъ поворотъ, воздухъ все еще «испорченъ атмосферой догнивающего западничества». Дышать не свободно. Откуда же и взяться литературѣ? Еслибы и появились таланты, имъ бы пришлось отцвѣсти, не успѣвши расцвѣсть. Съ другой стороны, писатели сороковыхъ годовъ сдѣлали свое дѣло. Они исходили всѣ тропинки (опять сравненіе), пробитыя Пушкинымъ и Гоголемъ; они, кромѣ того, воплотили все, навѣянное въ русской жизни нѣмецкимъ идеализмомъ и его отраженіями. Это уже дѣло конченное и похороненное. Надо повернуть къ источнику неисчерпанному и неисчерпаемому,—къ Пушкину и Гоголю, надо разгадать «тайну», о которой говорилъ Достоевскій, надо понять и почувствовать *слово*, завѣщанное ими. Въ чемъ однако заключается это *слово*,—будущій «логосъ» русской литературы, г. Елагинъ намъ не разъясняетъ. Воля ваша, но мнѣ кажется и критика г. Елагина столь же таинственною, какъ и то слово, о которомъ онъ говоритъ. *Догнивающій* западъ и какое-то таинственное *слово*, которое должно наконецъ обнаружиться, когда туманъ разсѣется, когда чары шестидесятыхъ годовъ улетучатся,—что это такое? Такъ говорили мистики, розенкрейцеры, иллюминаты, масоны, но чтобы такъ говорилъ русскій критикъ—это ново. Ново, но не вразумительно, ибо обязанность критика—разъяснять, а г. Елагинъ только запутываетъ.

Впрочемъ, путаница принадлежитъ не одному г. Елагину, а также и редакціи «Русскаго Вѣстника». Любопытно, что въ той

же самой книжкѣ «Русскаго Вѣстника», гдѣ находится слово г. Елагина, другой критикъ, г. Розановъ, въ статьѣ: «Легенда о великомъ инквизиторѣ», кочитъ этого самаго Гоголя на всѣ, такъ сказать, корки. Г. Розановъ не видитъ въ Гоголѣ ни души, ни поэзіи, ни проникновенія (?). По мнѣнію этого критика - философа, въ Гоголѣ поражаетъ «не избытокъ чловѣческаго существа, не полнота сверхънормальныхъ границъ нашей природы, но, напротивъ, глубокой и страшный изъянъ въ этой природѣ, недостатковъ того, что у всѣхъ есть, чего никто не лишентъ». «Идеала онъ не могъ найти и выразить; онъ, великій художникъ формъ, сгорѣлъ отъ безсильнаго желанія вложить хотя въ одну изъ нихъ какую нибудь живую душу». «Геніальный художникъ всю свою жизнь изображалъ чловѣка и не могъ изобразить его души. И онъ сказалъ намъ, что этой души нѣтъ, и, рисуя мертвыя фигуры, дѣлалъ это съ такимъ искусствомъ, что мы въ самомъ дѣлѣ на нѣсколько десятилѣтій повѣрили, что было цѣлое поколѣніе ходячихъ мертвецовъ, и мы возненавидѣли это поколѣніе, мы не пожалѣли о немъ всякихъ словъ, которыя въ силахъ только сказать чловѣкъ о бездушныхъ существахъ. Но онъ, виновникъ этого обмана, понесъ кару, которая для насъ еще въ будущемъ: онъ умеръ жертвой недостатка своей природы, и образъ аскета, жгущаго свои сочиненія, есть послѣдній, который оставилъ онъ отъ своей странной, столь необыкновенной своей жизни». Согласитесь сами, что читатель можетъ прійти въ отчаяніе отъ такого сопоставленія двухъ статей въ одномъ и томъ же журналѣ, въ одной и той же книжкѣ. Съ одной стороны, г. Елагинъ утверждаетъ, что Гоголь есть расцвѣтъ русской жизни, что онъ произнесъ таинственное слово будущаго, что онъ вложилъ въ русскаго чловѣка живую душу, а г. Розановъ тутъ же и также авторитетно убѣждаетъ насъ, что Гоголь, кромѣ «мертвыхъ людей», ничего другаго не создалъ, что онъ не могъ вложить въ своихъ героевъ живой души, потому что... у него самого ея не было (!!).

Г. Розановъ—чловѣкъ не бездарный, но онъ имѣетъ несчастіе принадлежать къ нѣсколько исключительной философской школѣ, подъ взгляды которой узко и односторонне подводитъ всѣ явленія жизни и литературы. Его обширный критико-философскій трудъ: «Легенда о великомъ инквизиторѣ» является довольно любопытнымъ образчикомъ этой критики. Въ началѣ этого труда, онъ старается выяснить свой критическій приемъ и тотъ standpoint, котораго онъ придерживается. По его мнѣнію, у cadaго почти творца въ сферѣ искусства мы находимъ одинъ центръ, около котораго группируются всѣ его созданія; эти послѣднія представляютъ собою какъ бы попытки высказать какую-то мучительную мысль и, когда она высказывается наконецъ,—появляется созданіе, согрѣтое высшею любовью творца своего и облитое немеркнущимъ свѣтомъ для другихъ. Таковъ былъ у Гёте «Фаустъ», девятая симфонія у Бетховена, Сикстинская Мадонна у Рафаэля. Такимъ образомъ, стоитъ только у писателя или художника отыскать этотъ центръ, и тогда весь онъ, вся его дѣятельность, вся значительность его созданій открываются сами собой. Это положеніе г. Ро-

завова можно сравнить съ извѣстнымъ критическимъ положеніемъ Тэна: «la faculté-maitresse». Но между этими двумя положеніями существуетъ нѣкоторая существенная разница. Тэнъ хочетъ сказать, что у всякаго значительнаго писателя существуетъ центральная способность, изъ которой вытекаютъ всѣ другія способности и свойства его таланта, такъ что, когда вы открыли эту центральную способность, то и вся дѣятельность писателя становится для васъ совершенно понятной. Тэнъ своей *faculté-maitresse* открываетъ и намѣчаетъ цѣлый критическій методъ, который можетъ быть чрезвычайно благотворенъ, если его примѣнять умѣючи и талантливо; но въ этомъ положеніи нѣтъ ничего догматическаго, насильственнаго, предрѣшающаго; въ немъ не скрыто никакое философское ученіе, никакая доктрина, это—просто методъ. У г. Розанова—другое; его «центр» не есть психологическое свойство таланта, а нѣчто такое, что выше таланта, есть извѣстный объектъ, къ которому сознательно или бессознательно писатель стремится всю свою жизнь. Такимъ образомъ, изъ области субъективной критики, основывающейся на законахъ психологіи, мы переходимъ непосредственно къ опредѣленной философской доктринѣ, которая и будетъ апіорно судить писателя, подводя его творчество къ этой исключительной точкѣ зрѣнія. Такое положеніе, на мой взглядъ, не можетъ быть критическимъ руководствомъ, но оно во всякомъ случаѣ можетъ привести къ любопытнымъ выводамъ. Г. Розановъ задался цѣлью примѣнить свой методъ къ Достоевскому. Впрочемъ, философскаго «центра» Достоевскаго онъ не отыскалъ; онъ очевидно не можетъ приискать формулы для этого центра и отдѣлывается туманными фразами, о которыхъ трудно что либо сказать. Гораздо интереснѣе,—интереснѣе, потому что опредѣленнѣе,—тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ по отношенію къ «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ».

Извѣстно, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» есть отдѣльный эпизодъ значительной красоты, въ которомъ Достоевскій, въ формѣ разсказа объ одной легендѣ XVI вѣка, имъ сочиненной, пытается подвести итоги своихъ отношеній къ вопросу о церкви и религіи. Для г. Розанова основная цѣль заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какой смыслъ имѣетъ эта легенда и каковы отношенія Достоевскаго къ религіи. Свои выводы онъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ отношеніи къ нашей исторической жизни, она (легенда) есть самая ядовитая капля, которая стекла, наконецъ, и отдѣлилась отъ той фазы духовнаго развитія, которую мы проходимъ вотъ уже два вѣка. Ббльшей горечи, ббльшаго отчаянія и, прибавимъ также, ббльшаго величія въ своемъ отрицаніи родныхъ сторонъ жизни мы не только не переживали никогда, но,—нельзя въ этомъ сомнѣваться,—и не будемъ переживать. «Легенда», вообще, есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ: шутливыя и двусмысленныя слова, которыми Фаустъ отдѣлывается отъ вопросовъ Маргариты о Богѣ, темнота религіознаго сознанія въ Гамлетѣ,—все это только блѣдный лепетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сказано и что было спрошено въ маленькомъ трактирѣ за пергородкой, куда нашъ великій художникъ прихотливо ввелъ отра-

зителей своихъ думъ, а потомъ, раздвинувъ вѣка, показалъ чудную картину явленія Христа «страдному и страдающему человѣчеству» и, введя его въ мрачное подземелье, снова показалъ оттуда далекую пустыню полторы тысячи лѣтъ тому назадъ и въ ней Его, готоваго выступить на спасеніе человѣческаго рода, и передъ Нимъ,—искусителя, который говорилъ, что это не нужно, что не сѣмѣеть Онъ спасти людей, не зная ихъ истинной природы и, рано или поздно, за это спасеніе придется взяться ему, лучше знающему эту природу и... любящему людей не менѣе, чѣмъ Онъ». Если снять съ мысли г. Розанова покровъ красивыхъ фразъ, которыми, кстаи сказать, онъ слишкомъ злоупотребляетъ, то его мысль окажется очень простою, а именно, что въ «Легендѣ» выразился нашъ постоянный скептицизмъ или, вѣрнѣе, слабость нашей философской мысли, которая, вѣчно стремясь къ рѣшенію величайшихъ вопросовъ, сознаетъ свое безсиліе и кончаетъ скептицизмомъ. Въ общемъ, можетъ быть, это и справедливо; что такова была мысль самого Достоевскаго, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но г. Розановъ не говоритъ намъ, каковы были отношенія Достоевскаго къ своей задачѣ, стоялъ ли Достоевскій на точкѣ зрѣнія безусловной вѣры и является ли такимъ образомъ «Легенда» только объективнымъ изображеніемъ нашего философскаго безсилія, или же онъ самъ, по крайней мѣрѣ, временами, сливался съ «умнымъ духомъ пустыни» и въ «Легендѣ», такимъ образомъ, выразилъ субъективное состояніе своего духа, вѣчно мучимаго сомнѣніями. Неясность мысли г. Розанова въ этомъ отношеніи непріятно поражаетъ: мѣстами онъ, кажется, склоняется къ первому рѣшенію; мѣстами видитъ въ «Легендѣ» субъективность Достоевскаго. Но вопроса въ ту или другую сторону не рѣшаетъ. Въ этомъ я вижу капитальную и существенную ошибку автора: для человѣка, имѣющаго претензію философски развивать свою мысль, такая двойственность пониманія, такая нерѣшительность, такая неясность не говорятъ въ пользу устойчивости его философскихъ взглядовъ.

Эта двойственность и неясность еще болѣе поражаютъ, когда г. Розановъ пробуетъ растолковать отношенія Достоевскаго къ католицизму. Всякій, кто внимательно читалъ «Легенду», конечно, замѣтилъ, что «Легенда» написана главнымъ образомъ съ цѣлью показать несостоятельность католицизма, какъ церкви. Коснувшись этого предмета, г. Розановъ дѣлаетъ характеристику соотношеній трехъ главныхъ христіанскихъ церквей. Для этого онъ расширяетъ задачу Достоевскаго и видитъ въ католицизмѣ выраженіе духовной стороны романской расы, въ протестантизмѣ—выраженіе германской расы, а въ православіи—выраженіе славянской расы. По его мнѣнію, стремленіе къ универсальному составляетъ самую общую и самую постоянную черту католической церкви и всей романской расы; стремленіе къ индивидуальному, особенному—коренную черту протестантизма и германской расы. Задача православія и славянской расы заключается въ гармоніи этихъ двухъ началъ. Г. Розановъ краснорѣчиво и талантливо характеризуетъ универсальность романской расы и индивидуализмъ германской; въ этихъ характеристикахъ можно, конечно, замѣтить много одно-

сторонняго и исключительнаго, но онѣ сдѣланы во всякомъ случаѣ талантливо. Впрочемъ, все это далеко не ново; почти то же говорили наши славянофилы. Но и заключеніе автора сходно съ заключеніемъ славянофиловъ; онѣ заключаетъ въ пользу славянской расы, которая должна-де установить гармонію между различными манифестаціями человѣческаго духа. Это было продѣлываемо не разъ; стоитъ только вспомнить Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Хомякова. Это, можно сказать, вѣчная мечта славянофиловъ: не будучи въ состояніи открыто и рѣзко очертить умственныя и душевныя особенности славянства, они рѣшаются, что славянство есть лишь синтезъ романства и германства, т. е. только связующее звено, какъ бы скрѣпляющее и приводящее къ сознанію два великихъ начала въ человѣчествѣ. И при этомъ не замѣчаютъ, что, желая поставить на недостижимую высоту славянской міръ, они въ дѣйствительности удѣляютъ ему скромное мѣсто посредника, въ которомъ никакихъ творческихъ силъ незамѣтно...

Такимъ образомъ, для меня несомнѣнно, что своей задаче г. Розановъ не выполнилъ. Онѣ не выяснилъ мировоззрѣнія Достоевскаго, слѣдовательно, оказался несостоятельнымъ, какъ критикъ; въ догматической, если можно такъ выразиться, части своего труда, онѣ обнаружилъ мистицизмъ, вмѣсто яснаго философскаго ученія, а въ концѣ концовъ читатель убѣждается, что г. Розановъ—не болѣе какъ ученикъ и послѣдователь старыхъ славянофиловъ, не привнесшій въ ихъ ученіе никакихъ новыхъ положеній, не обосновавшій этого ученія болѣе научнымъ образомъ.

Я указалъ на гг. Елагина и Розанова, какъ на двухъ главныхъ представителей критики «Русскаго Вѣстника»; оба склонны къ славянофильству и стремятся воскресить славянофильское ученіе. Изъ этого мы вправѣ заключить, что и редакція «Русскаго Вѣстника» въ значительной долѣ преслѣдуетъ славянофильскую тенденцію.

О. В.

ШУЛХАНЪ-АРУХЪ.

(Этюдь ¹⁾).

Никакая строгая цензура не можетъ остановить творческую дѣятельность человѣческой мысли. Эту старую истину, подтвержденную неоднократно въ исторіи, доказали еще разъ евреи на себѣ. Не смотря на суровыя угрозы, высказанныя на кагалномъ засѣданіи послѣ окончательнаго проредактированія Вавилонскаго Талмуда, еврейскіе ученые и философы не могли удержаться, чтобы не попытаться изложить свои воззрѣнія на то или другое мѣсто Мишны и Гемары. Попытки эти терпѣли иногда крушеніе, ихъ признавали не каноническими, но онѣ все таки существуютъ.

Первымъ выступилъ Исаакъ Альфаси, который написалъ въ 1032 г. «Малый Талмудъ», представляющій собой копію вавилонскаго, изъ которой выкинуты всѣ легенды и преданія. Эта книга не была признана кагаломъ и осталась въ числѣ еретическихъ или зловредныхъ для евреевъ.

Вторымъ явился знаменитый Мойша бенъ-Маймонъ (ум. въ 1204 г.), придворный врачъ султана Саладина въ Египтѣ и свободомыслящій философъ. Онъ написалъ нѣсколько произведеній, изъ которыхъ его славу составили: «Морэ-Небохимъ» (т. е. врачъ въ затрудненіи), философско-богословскій трактатъ съ разъясненіемъ темныхъ мѣстъ Бераятота, и «Мишна-Тора» (т. е. повтореніе закона) въ четырехъ томахъ, появившихся въ 1169 г. Почти сто лѣтъ спустя, кагалъ помирился съ либерализмомъ бенъ-Маймона, оцѣнилъ его коментаріи и призналъ ихъ ортодоксальными; дѣло въ томъ, что «Мишна-Тора» чрезвычайно способствовала популяризаціи Талмуда среди евреевъ.

¹⁾ Этотъ этюдъ служитъ какъ бы продолженіемъ „Вавилонскаго Талмуда“ (см. книги за апрѣль и май). Большимъ пособіемъ служила намъ книга Горэ О’Тума: „L’esprit juif“, 1888.

Раввинъ Янкель бенъ-Ашеръ окончилъ въ 1321 г., живя въ Толедо, «Арбаа-Туримъ», сочиненіе, служащее прямымъ дополненіемъ «Мишна-Торѣ». Въ 1565 г. появилось въ Венеціи первое изданіе сочиненія знаменитаго ученаго и раввина Иоселя Каро (род. въ 1488 г. въ Галилеѣ, ум. въ 1575 г. въ Итали), подъ заглавіемъ «Шулханъ-Арухъ» (т. е. накрытый столъ). Это былъ сводъ общежитейскихъ правилъ и законовъ для всѣхъ евреевъ; быстрое распространеніе этой книги доказывало ясно, что Каро сумѣлъ угодить «разсѣянному» народу и его руководителямъ. Какъ популярно изложенный требникъ, «Шулханъ-Арухъ» сдѣлался настольною книгою и постановленія его соблюдаются заботливо до настоящаго времени, содѣйствуя въ сильной степени «Вавилонскому Талмуду» и поддерживая неукоснительно своеобразный сепаратизмъ евреевъ, не имѣющихъ родины и беззащитно созидающихъ вездѣ свое государство въ государствахъ. Такимъ образомъ, «Вавилонскій Талмудъ» и «Шулханъ-Арухъ» составляютъ краеугольный камень «ордена евреевъ».

Вскорѣ послѣ появленія «Шулханъ-Аруха», краковскій раввинъ Мойша Иссерлесъ (ум. въ 1573 г.) напечаталъ два объемистыхъ сочиненія или сборника коментаріевъ къ сочиненіямъ бенъ-Ашера и Каро. Оба были приняты преимущественно западными евреями, то есть евреями Россіи, Германіи, Франціи и Англии, тогда какъ восточные и южные (въ Азіи, Африкѣ и южной Европѣ) держатся только одного Каро. Оставляя Иссерлеса въ сторонѣ, вернемся къ «Шулханъ-Аруху». Легко понять, что такая важная книга перепечатывалась неоднократно. Однако евреи замѣтили, что среди христіанъ начинаютъ появляться знатоки еврейскаго языка, которые безъ церемоній указываютъ на духъ вражды и ненависти къ не-евреямъ, которыми пропитано сочиненіе Каро. «Мудрый, яко змій», иеврейскій кагалъ разрѣшилъ тогда корректурныя поправки въ «Шулханъ-Арухъ», вполнѣ понятныя для еврея, но сбивающія съ толку христіанъ. Изъ двухъ извѣстныхъ намъ изданій, виленское въ 1879 г.) содержитъ въ себѣ гораздо больше этихъ «корректурныхъ поправокъ», чѣмъ штеттинское (въ 1865 г.), хотя, конечно, ощущаютъ болѣе правдивыя и болѣе раннія изданія, которыми и пользовались для нижеприводимыхъ изреченій «Накрытаго стола».

По содержанію своему, «Шулханъ-Арухъ» распадается на четыре асти, а именно: 1) «Орахъ-Хайимъ» (т. е. путь жизни). Онъ ѣлится, въ свою очередь, на двадцать семь главъ, содержащихъ 97 параграфовъ.

2) «Лоре-Деа» (т. е. господинъ знанія) содержитъ тридцать пять главъ и 403 параграфа.

3) «Эбенъ-Гаэзеръ» (т. е. камень спасенія) состоитъ изъ пяти главъ и 178 параграфовъ.

4) «Хошень-га-Мишпатъ» (т. е. охрана правосудія) представляетъ родъ свода гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, распадается на двадцать девять главъ и 427 параграфовъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ выдержкамъ изъ «Шулханъ-Аруха» характерно опредѣляющимъ отношенія евреевъ къ не-евреямъ остановимся на секунду, чтобы пересмотрѣть тѣ наименованія, которыя расточаются любезными сочленами «ордена евреевъ» — ихъ врагамъ. Выраженія: «христіане» они стараются вообще избѣгать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, замѣняя его, въ случаѣ прямой надобности, словомъ: «назарей». Кромѣ того, согласно Вавилонскому Талмуду, употребляются слѣдующія выраженія: *гойя* (женскаго рода *гойя*, множ. число *гойимъ*) означаетъ иновѣрца, язычникъ, не-еврей; *акумъ* — значитъ звѣздопоклонникъ; *обедъ-элилимъ* — идолопоклонникъ; *кути* — названіе народа, переселеннаго ассирійскими царями въ Палестину, гдѣ онъ смѣшался съ евреями и образовалъ самарянъ; наконецъ, *минимъ* — еретикъ. Послѣдніе два выраженія примѣняются только къ не-христіанамъ, такъ какъ христіане, съ еврейской точки зрѣнія, считаются вообще обедъ-элилимъ. Въ современной еврейской литературѣ, начиная съ Иссерлеса, къ христіанамъ примѣняется безразлично названіе «гойимъ» или «акумъ», поэтому, если встрѣчается какое нибудь правило относительно гойимъ или акумъ, то оно относится несомнѣнно къ христіанамъ.

Теперь перейдемъ къ выдержкамъ, которыя мы и расположимъ по рубрикамъ.

О левитахъ и молитвенныхъ выраженіяхъ.

Хотя нынѣ нѣтъ храма и жертвоприношеній, тѣмъ не менѣе потомки первосвященника Аарона должны пользоваться среди расчлѣненныхъ евреевъ нѣкоторыми преимуществами и почетомъ, предоставляемымъ прочимъ евреямъ, и сохраняютъ всегда право въ праздничный день преподавать свое благословеніе единоплеменникамъ. Но если одинъ изъ этихъ потомковъ сдѣлается *акумомъ* или развратникомъ, или будетъ жить позорно, то отецъ считаетъ обезчещеннымъ и теряетъ свои преимущества (Орахъ-Хайимъ, параграфъ 128, стр. 41).

Молитва «кадишъ» (она начинается словами: «итгадаь вейт-кадишъ», то есть: возвысь и освяти) можетъ быть произносима, если десять евреевъ соберутся вмѣстѣ и ничто нечистое,—напримѣръ изверженіе или акумъ,—не раздѣляетъ ихъ (Орахъ-Хайимъ, пар. 55, стр. 20).

Молитва «симунъ» (которую евреи произносятъ послѣ каждого вкушенія пищи и конецъ которой составляетъ благословіе хозяину дома) не должна быть произносима въ домѣ какого бы то ни было акума, чтобы онъ не получилъ благословія (Орахъ-Хайимъ, пар. 193, стр. 3).

За каждое удовольствіе, доставленное обонянію, еврей долженъ проговорить «бераху» (короткую благодарственную молитву), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, если духи помѣщены въ отхожемъ мѣстѣ, чтобы отбивать запахъ, или они находятся въ рукахъ женщины дурнаго поведенія, которая украшаетъ себя надушенными предметами, чтобы увлечь мужчинъ въ грѣхъ, или же если эти духи были въ церкви. Тогда запрещается произносить бераху въ знакъ удовольствія отъ аромата, разъ послѣдній былъ оскверненъ отхожимъ мѣстомъ или блудницею, или церковью (Орахъ-Хайимъ, пар. 217, стр. 2).

Вечеромъ, наканунѣ праздника пейзахъ, каждый еврей долженъ прочитать молитву «шефохъ», то есть молитву, въ которой просить Бога излить свой гнѣвъ на гойимъ; и если евреи читаютъ эту молитву съ усердіемъ, то Господь исполнить ее безъ сомнѣнія и пошлетъ мессію, который разразится гнѣвомъ на гойимъ (Орахъ-Хайимъ, пар. 480 и 690, стр. 16. Здѣсь приведенъ текстъ молитвы «шефохъ»: «простри гнѣвъ на народы, которые не познали тебя, и на царства, не призывающія имени твоего, такъ, какъ пожранъ Іаковъ и опустошено жилище его. Ты выскажешь свое негодованіе на нихъ и пыль гнѣва твоего охватитъ ихъ. Преслѣдуй ихъ въ гнѣвъ твоемъ и истреби ихъ подъ небесами Господними»).

Уроки нравственности.

Ставится въ обязанность евреямъ исполнять все, что больной выразилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, исключая распоряженій, составляющихъ грѣхъ. Такимъ образомъ, если больной назначилъ въ своемъ завѣщаніи что нибудь въ подарокъ акуму, исполнять этого не слѣдуетъ, такъ какъ считается великимъ грѣхомъ, — что мы увидимъ позднѣе,—дѣлать какой бы то ни было подарокъ на-зарю (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 256, стр. 3).

Считается обязанностью еврея, если онъ нашелъ что нибудь, будетъ ли это предметъ одушевленный или неодушевленный, возвратить находку хозяину. Вполнѣ понятно, что это дѣлается только тогда, когда предметъ принадлежитъ еврею; если же онъ принадлежитъ акуму, то не только нѣтъ надобности возвращать его, но считается тяжкимъ грѣхомъ отдать что нибудь акуму, за исключеніемъ случая, когда это дѣлается съ цѣлью побудить назареевъ сказать: «Еврей—очень честные люди!» (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 259, стр. 1). Когда еврей встрѣчаетъ навьюченное животное, которое упало подъ тяжестью своего груза, или черезчуръ набитую повозку, въ которой упряжныя животныя выбились изъ силъ, то онъ обязанъ поспѣшить на помощь проводнику или возчику. Подобная помощь обязательна со стороны каждаго еврея, какъ по отношенію къ ближнему, такъ и по отношенію къ животнымъ; но это обязательство существуетъ только тогда, если грузъ принадлежитъ еврею, а повозка назарею или, наоборотъ, животное принадлежитъ еврею, а грузъ акуму. Если же грузъ принадлежитъ еврею, а повозка акуму и самъ возчикъ также акумъ, или же, если животныя принадлежатъ акуму, а грузъ также акуму, тогда всякое сожалѣніе и всякое милосердіе прекращаются по отношенію къ владѣльцу груза и къ животнымъ. Въ такомъ случаѣ, ни одинъ еврей не обязанъ спѣшить на помощь владѣльцу груза или животнымъ (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 272, стр. 1, 8 и 9). Если еврей долженъ акуму и умеръ, то еврей не обязанъ уплачивать своего долга наслѣдникамъ, предполагая, конечно, что ни одинъ акумъ не знаетъ про этотъ долгъ. Если же акуму это извѣстно, то еврей долженъ уплатить деньги наслѣдникамъ, чтобы назареи не могли сказать: «Еврей—обманщики!» (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 283, стр. 1). Запрещается еврею воровать что бы то ни было какъ у еврея, такъ и у гоя, но послѣдняго дозволяется обманывать, напримѣръ, не уплачивать ему слѣдуемаго по счету. Хотя дозволяется обмануть гоя, но слѣдуетъ поступать въ этомъ осторожно, чтобы обманъ не обнаруживался и имя Господне не осквернялось (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 348, стр. 2). Если еврей состоитъ арендаторомъ государственной регалии или взялъ на откупъ отъ государства, за извѣстную сумму, повинности города или округа, то не должно вредить арендной статьѣ (или подрывать ее), но когда арендаторомъ состоитъ назарей, то дозволяется вредить ему, такъ какъ это равносильно неуплатѣ долга (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 369, стр. 6). Еврею съ евреемъ запрещается играть въ «кубья», то есть играть въ карты или кости и другія азартныя игры, такъ какъ все это—воровство и грабежъ, а оби-

ратъ еврея запрещается. Но съ акумомъ вполне можно играть въ «кубья» (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 370, стр. 1 и 3).

Запрещается еврею держать злую кусающуюся собаку не на цѣпи. Этотъ законъ имѣетъ силу только въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ евреями, но въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ акумами, можно имѣть еврею такую злую собаку (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 409, стр. 3).

Милостыня и подарки.

Въ праздничные дни, когда запрещено работать, нельзя точно также готовить себѣ и кушанье; однако, каждый можетъ стотсвить на огнѣ столько пищи, сколько ему нужно, чтобы поѣсть. Если еврею необходимо приготовить пищу для себя, то онъ можетъ добавить въ горшокъ провизіи и сверхъ того, что пойдетъ на него одного, напр., для прокормленія собаки, такъ какъ поддерживать жизнь собакъ составляетъ нашу обязанность. Но *добавлять провизіи, чтобы прокормить акума, строго воспрещается*, потому что въ еврейскія обязанности не входитъ поддерживать жизнь акумовъ (Орахъ-Хайимъ, пар. 512, стр. 1, 2 и 3).

Запрещается еврею дѣлать подарокъ акуму въ день его праздника; это допускается только тогда, когда акумъ—невѣрующій или свободомыслящій. Точно также евреямъ воспрещается принимать подарки отъ акума въ день его праздника; но если они опасаются, что отказъ повлечетъ для нихъ дурныя послѣдствія, то должны принять подарокъ, а затѣмъ тихонько выбросить (Горе-Деа, пар. 148, стр. 5 и 6). Строго запрещается еврею принимать милостыню отъ акума. Тотъ, кто подастъ еврею «седаку», то есть милостыню, получить благословеніе отъ Бога; такимъ образомъ, акумъ получить благословеніе, если еврей приметъ отъ него милостыню. Вотъ почему, если царь или монархъ гойимъ пришлетъ евреямъ денегъ для раздачи бѣднымъ, то не слѣдуетъ отсылать деньги назадъ, чтобы не оскорбить монарха, однако, раздавать своимъ бѣднымъ не полагается, а должно распредѣлить тайно среди бѣдныхъ гойимъ. Но когда монархъ дѣлаетъ подарокъ синагогѣ, то его можно принять, такъ какъ благословеніе синагоги не такъ важно. Отъ еврея, сдѣлавшагося назареемъ, никакія деньги не могутъ быть приняты (Горе-Деа, пар. 254, стр. 1 и 2).

У евреевъ былъ законъ: «Во время жатвы слѣдуетъ оставлять для бѣдныхъ колосья по окраинамъ полей и на поляхъ». Съ тѣхъ поръ какъ евреи разсѣяны среди акумовъ и ихъ поля могутъ быть среди принадлежащихъ акумамъ, этотъ законъ отмѣненъ, такъ какъ

бѣдныя изъ акумовъ могли бы подбирать колосья (Іоре-Деа, пар. 332, стр. 1).

Если еврей желаетъ передать свою недвижимость акуму и при этомъ имѣетъ сосѣдомъ еврея, то, по требованію послѣдняго, онъ обязанъ выдать расписку въ томъ, что онъ, продавецъ, отвѣтственъ за всѣ безпокойства, какія могутъ возникнуть отъ подобнаго сосѣдства. Въ случаѣ его отказа принять на себя отвѣтственность, раввинъ долженъ положить на него отлученіе, то есть проклясть (Іоре-Деа, пар. 334, стр. 43). Считается большимъ грѣхомъ дарить что нибудь акуму. Тѣмъ не менѣе, дозволяется подавать милостыню бѣднымъ изъ акумовъ, навѣщать ихъ больныхъ, отдавать послѣдній долгъ усопшему и утѣшать оставшихся въ живыхъ, но все это слѣдуетъ дѣлать для успокоенія акумовъ, чтобы они могли думать, будто еврей—хорошіе друзья для нихъ и сочувствуютъ ихъ несчастьямъ (Іоре-Деа, пар. 151, стр. 11 и 12).

Ростовщичество.

Во время Холь-га-Моэда (еврейскіе праздники весною и осенью) всякое отправленіе дѣлъ строго запрещено; но вполнѣ разрѣшается отдавать назарю деньги въ ростъ, а то иначе случай будетъ упущенъ и еврей потеряетъ свой выигрышъ (Орахъ-Хайимъ, пар. 539, стр. 13). Если еврей держитъ акума въ рукахъ (существуетъ халдейскій глаголъ: «тагарафья», что значитъ: *сдирать шкуру*, грабить, не выпускать изъ лапъ), то другой еврей можетъ прийти къ этому акуму, дать ему въ долгъ денегъ и надуть его такъ, чтобы онъ все потерялъ. Дѣло въ томъ, что *деньги акума есть имущество безъ хозяина*, и кто желаетъ или можетъ, тотъ имѣетъ право овладѣть этимъ имуществомъ. (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 156, стр. 5).

Строго запрещается еврею давать въ долгъ еврею же за высокіе проценты; напротивъ, назарю или еврею, сдѣлавшему назареемъ, вполнѣ разрѣшается давать деньги въ долгъ за высокіе проценты, потому что въ Бераитотъ (Библии) сказано: «Не препятствуй брату твоему жить возлѣ тебя»; на акума же никто не смотритъ, какъ на брата (Іоре-Деа, пар. 159, стр. 1). Еврей не долженъ ничего одолжать акуму за три дня до назарейскихъ праздниковъ, а въ особенности вступать съ нимъ въ какія нибудь дѣла, потому что акумъ можетъ изъ-за этого имѣть удовольствіе во время праздниковъ. Однако, *дозволяется давать ему деньги въ долгъ за большіе проценты, чтобы акумъ послѣ удовольствія испи*

таль печальныя послѣдствія своего займа, расплачиваясь позднѣе. (Юре-Деа, пар. 148, стр. 1).

Когда у еврея умереть одинъ изъ членовъ семейства, по которому онъ обязанъ носить трауръ, то въ теченіе семи дней онъ не долженъ покидать дома и заниматься дѣлами для пріобрѣтенія денегъ. Но если представляется возможность дать акуму деньги въ ростъ, то еврею дозволяется выйти изъ дома и прервать свой трауръ (Юре-Деа, пар. 380, стр. 3 и 5).

Судъ и свидѣтельствованіе.

Каждый «бетъ-динъ» (т. е. судъ, состоящій, по крайней мѣрѣ, изъ троихъ; судьями избираются обыкновенно раввины, хотя могутъ быть избраны и другія лица) до сего дня имѣетъ право проносить смертный приговоръ, если онъ считаетъ его необходимымъ, хотя преступленіе само по себѣ не заслуживало бы подобнаго наказанія (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 2, стр. 1). Если два еврея имѣютъ тяжбу по денежному дѣлу или по какому нибудь другому и вынуждены прибѣгнуть къ содѣйствію судьи, то имъ слѣдуетъ явиться въ бетъ-динъ и подчиниться его приговору, но *они не смѣютъ идти къ акуму или искать правосудія въ королевскомъ судѣ, гдѣ засѣдаютъ акумы, хотя бы законы этого суда походили на законы раввиновъ; во всякомъ случаѣ, это великій грѣхъ и страшное богохульство.* Когда у еврея идетъ споръ съ другимъ евреемъ и онъ нарушаетъ это предписаніе, добываясь правды передъ назарейскимъ судомъ, то бетъ-динъ имѣетъ власть отлучить его, пока онъ не откажется отъ исполненія приговора надъ его ближнимъ (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 26, стр. 1). *Еврей не можетъ служить свидѣтелемъ для акума противъ еврея.* Если акумъ требуетъ деньги съ еврея, который отрицаетъ это, то другому еврею, знающему правоту акума, запрещается быть свидѣтелемъ въ пользу акума. Когда еврей нарушить это предписаніе въ пользу назарей противъ еврея, тогда бетъ-динъ имѣетъ право подвергнуть такого свидѣтеля отлученію (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 28, стр. 3).

Только тотъ можетъ служить свидѣтелемъ, кто обладаетъ еще человѣческимъ образомъ и долею чести. Напримѣръ, тотъ, кто выходитъ на улицы безъ одежды или собираетъ подаваніе среди назареевъ, тотъ похожъ на безчестную собаку, а поэтому не можетъ служить свидѣтелемъ (Хошенъ-га-Мишпатъ, пар. 34, стр. 18). Не могутъ быть также свидѣтелями тѣ, которые *носятъ только на-*

звание человека; акумъ или окрещенный еврей, который еще хуже назарея, не могутъ никоимъ образомъ считаться за людей, а слѣдовательно ихъ показанія не имѣютъ никакой цѣны (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 34, стр. 19 и 22).

Если еврейскій быкъ поразить рогами быка акумовъ, то еврей не обязанъ вознаграждать акума, такъ какъ въ Берайтотъ сказано: «Когда быкъ человѣка ударить рогами быка ближняго...» (Исходъ, XXI, 35); но *акумъ не есть мой ближній. Когда же, наоборотъ, назарейскій быкъ поразитъ рогами быка еврейскаго, то необходимо, чтобы акумъ вознаградилъ еврея, потому что онъ акумъ* (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 406, стр. 1). Если еврей укралъ что нибудь у акума и отрицаетъ это передъ судомъ, который требуетъ отъ него присяги, то другіе евреи, знающіе о кражѣ, должны постараться помирить еврея съ назареемъ. Но когда примиреніе невозможно, терять тяжбы не желательно, а присяги не избѣжать, тогда *еврей можетъ дать ложную присягу, очищая себя внутренне мыслью, что это дѣлается по принужденію. Это постановленіе теряетъ свою силу, если акумъ не увѣренъ хорошо въ кражѣ; тогда еврей не можетъ давать ложной присяги, иначе имя Господне будетъ осквернено. Считается за основное правило, что еврей можетъ ложно присягнуть, если ему угрожаютъ тѣлеснымъ наказаніемъ, хотя бы была нарушена клятва и имя Господне могло бы быть осквернено; но если еврею угрожаетъ только денежное взыскаііе, то онъ не смѣетъ ложно присягать, разве только можно будетъ скрыть, что онъ клятвопреступникъ, и нельзя будетъ доказать, что имя Господне будетъ осквернено* (Юре-Деа, пар. 239, стр. 1). Строго запрещается еврею бить своего ближняго, хотя бы это былъ грѣшникъ, потому что тотъ, кто бьетъ ближняго, есть «расха», то есть нечестивый, дурной человѣкъ и онъ остается отлученнымъ, пока не попроситъ прощенія у ближняго. *Подъ именемъ ближняго понимаются только евреи, а бить акума вовсе не составляетъ грѣха.* Прежде чѣмъ просить прощенія у битаго, слѣдуетъ уплатить ему за пять вещей: за тѣлесное поврежденіе, за огорченіе, за врачей и лѣкарства, за потерянное время или за соотвѣтствующую потерю денегъ и, *наконецъ, за оскорбленіе* (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 420, стр. 1 и 3, пар. 422, стр. 1).

Купля и продажа.

Въ шаббатъ (т. е. день субботній) строго запрещается еврею продавать и покупать, но все таки еврей можетъ купить отъ на-

заряя домъ въ Палестинѣ; по этому случаю позволяется даже заниматься письмоводствомъ, лишь бы въ Палестинѣ однимъ акумомъ было меньше, а однимъ евреемъ больше (Орахъ-Хайимъ, пар 306, стр. 11).

Горожане (конечно, евреи) въ своей общинѣ могутъ запретить другимъ торговцамъ приходить и продавать свои товары; исключеніе допускается, если товары иноземныхъ купцовъ лучше или дешевле мѣстныхъ. Тогда запрещать не слѣдуетъ, потому что община получить лучшіе товары. При этомъ понимается, что покупателями будутъ евреи, но если покупателями явятся акумы, тогда иностранцевъ слѣдуетъ удалить, такъ какъ *будетъ грѣхъ удалить что нибудь хорошее на долю акума*. У евреевъ считается за непреложное правило, что лучше бросить кусокъ мяса собакамъ, чѣмъ дать его гою, такъ какъ собака всегда лучше, чѣмъ гой (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 156, стр. 7).

Когда еврей имѣетъ для своихъ дѣлъ прикащика, съ которымъ заключенъ договоръ, что все найденное имъ принадлежитъ хозяину, и когда прикащикъ обманулъ акума тѣмъ, что заставилъ его вторично отдать давно уплаченный долгъ, или же обсчиталъ его, то всѣ барыши принадлежатъ хозяину, потому что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на что-то найденное. Для евреевъ собственность назареевъ есть имущество безъ хозяина, слѣдовательно его можно взять себѣ, сколько силы позволять (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 176, стр. 12).

Если еврей послалъ разсылнаго получить съ акума деньги и если разсылный обманулъ акума, взявъ съ него больше, чѣмъ слѣдовало, то излишекъ принадлежитъ разсылному (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 183, стр. 7). Если акумъ имѣетъ дѣловыя сношенія съ евреемъ и къ нему явился второй еврей, который надуваетъ его объѣромъ, объѣсомъ или обсчитываніемъ, то *оба еврея дѣлятся барышами* (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 183, стр. 7). Когда еврей посылаетъ разсылнаго заплатить акуму долгъ, но разсылный замѣтитъ по прибытіи, что акумъ забылъ про долгъ, то тогда разсылный обязанъ вернуть деньги пославшему его; при подобной уплатѣ, разсылный не можетъ сказать, что онъ желалъ прославить имя Господне для того, чтобы акумъ сказалъ: «А еврей, однако, очень порядочные люди!» Онъ могъ бы поступить такъ съ собственными деньгами, но не имѣетъ права кидать деньги другаго (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 183, стр. 8). Если еврей продастъ другому еврею что нибудь движимое или недвижимое, а затѣмъ будетъ доказано, что эти вещи украдены у третьяго еврея, который и получить свою собственность обратно, то воръ-прода-

вещь обязанъ возвратитъ покупателю полученныя деньги, такъ какъ онъ не имѣлъ права воровать. *Но если еврей продастъ еврейю вещь, украденныя у акума, и назарей отниметь эти вещи, то нѣтъ надобности возвращать деньги* (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 225, стр. 1). Если еврей нанялъ домъ другаго еврея, то третій еврей можетъ предложить высшую наемную плату и оставить домъ за собою. Но если домъ принадлежит акуму, то да будетъ отлученъ тотъ, по чьей винѣ назарей получить больше денегъ (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 237, стр. 1). (Согласно Іоре-Деа, пар. 334, стр. 2 и 3, отлученіе бываетъ двухъ родовъ: «ниддуи», низшая степень, и «херемъ», высшая степень).

Еврей не смѣетъ торговать нечистыми предметами, напримѣръ: свиньями, церковною утварью и т. д., но перебить такую торговлю у назарей вполне возможно, потому что *считается добрымъ дѣломъ отнять что бы то ни было у назарей* (Іоре-Деа, пар. 117, стр. 1). Все, въ чемъ нуждаются евреи для совершенія своего богослуженія, не должно быть сработано акумомъ, но обязательно—евреемъ, такъ какъ подобныя вещи должны быть сдѣланы людьми, а *евреи не могутъ же считать акумовъ за людей* (Орахъ-Хайимъ, пар. 14, стр. 1). *Запрещается евреямъ усвоивать образъ жизни акумовъ*; они должны, по мѣрѣ возможности, отдѣляться отъ нихъ, напримѣръ, въ одеждѣ, въ прическѣ, въ обстановкѣ дома и т. д. Въ особенности же слѣдуетъ избѣгать носить одежду по чему нибудь отличительную среди назареевъ. Но среди этихъ назареевъ существуютъ занятія, какъ напримѣръ, врачей, ремесленниковъ, которые носятъ особо присвоенный костюмъ (слѣдуетъ помнить, что «Шулханъ-Арухъ» написанъ въ XVI вѣкѣ), то врачу или ремесленнику изъ евреевъ дозволяется надѣвать такой костюмъ, *если этимъ можно заработать больше денегъ* (Іоре-Деа, пар. 178, стр. 1).

Бракъ, коржилицы и акушерки.

Если мужчина или женщина изъ акумовъ или крещеныхъ евреевъ вступаетъ въ бракъ, то послѣдній не считается законнымъ. Когда мужчина или женщина изъ акумовъ приметъ іудейство, то онъ (или она) можетъ вторично вступить въ бракъ, не расторгая перваго, хотя бы ему было лѣтъ двадцать, такъ какъ *брачная жизнь назареевъ есть ничто иное, какъ распутство* (Эбенъ-Газеръ, пар. 26, стр. 1). *Если еврей женится на женщине изъ акумовъ, то ему слѣдуетъ дать 39 палочныхъ ударовъ*

и объявить брак незаконнымъ, а беть-динъ долженъ отлучить еврея, хотя бы онъ женился на бывшей іудейкѣ. Этотъ еврей можетъ жениться на другой, не разводясь даже съ первою женою, такъ какъ акумовъ нельзя считать за людей, а только за жеребцовъ и кобылъ (Эбенъ-Газзеръ, пар. 44, стр. 8). Припомнимъ, при этомъ, три изреченія изъ Талмуда: «Ихъ мясо есть мясо осла, а ихъ сѣмя есть сѣмя лошади» (XXIV Тебамотъ, 98); «сѣмя акума должно считать, какъ сѣмя скота» (XXV Кетуботъ, 3 в); «сожителство акума есть то же, что случка животныхъ» (XXXIV Сангедринъ, 74 в). Эти же мысли выражены въ XXX Кидушинъ, 68 а.

Каждый еврей обязанъ жениться, чтобы поддерживать и продолжать родъ человѣческой. Поэтому онъ долженъ взять жену, отъ которой могъ бы имѣть дѣтей; она не должна быть старухою или такою, отъ которой невозможно имѣть дѣтей. Однако, вотъ уже нѣсколько поколѣній, какъ этотъ законъ пересталъ строго соблюдаться. Если еврей имѣетъ вѣбрачныхъ или тупоумныхъ дѣтей, то онъ все таки исполнилъ свою обязанность, содѣйствуя продолженію рода человѣческаго. Но если его дѣти сдѣлались акумами, если назарей сдѣлался іудеемъ, а дѣти его остались назарейми, то онъ не исполнилъ своей обязанности къ поддержанію и распространенію рода человѣческаго, потому что *дѣтей акума нельзя даже приравнивать ко вѣбрачнымъ дѣтямъ или идиотамъ еврейскаго происхожденія* (Эбенъ-Газзеръ, пар. 16, стр. 1, пар. 1, стр. 1, 3, 6 и 7).

Запрещается еврейскою кормилицею кормить молокомъ дитя акума, такъ какъ этимъ она поможетъ выростить акума. Это ей дозволяется только тогда, когда обиліе молока причиняетъ ей большія страданія и можетъ вызвать болѣзнь. *Точно также запрещается еврею обучать назаря ремеслу, потому что ремесло можетъ прокормить назаря* (Оре-Деа, пар. 81, стр. 7). Запрещается еврею держать кормилицу изъ не-евреевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда можно имѣть еврейку, такъ какъ, по природѣ, вещество кормилицы переходитъ обыкновенно къ ребенку, а женщина не-еврейка дѣлаетъ ребенка глухимъ и передаетъ ему дурныя качества (Ора-Деа, пар. 154, стр. 2). Не только дозволяется, но считается обязательнымъ для еврейскою акушерки помочь еврейкѣ при родахъ въ субботній день и сдѣлать все необходимое, хотя этимъ была бы осквернена суббота. Напротивъ, запрещается помогать назарейкѣ, хотя этимъ и не осквернялась бы суббота, такъ какъ на нее можно смотрѣть только какъ на животное (Орахъ-Хайимъ, пар. 330, стр. 2).

Назарей и нечистыя животныя.

Когда чума разражается въ какой нибудь мѣстности и множество людей дѣлается ея жертвою, то евреи должны соединиться въ синагогѣ на цѣлый день и молиться безъ пищи и питья, чтобы Господь сжалился надъ ними и пожелалъ избавить ихъ отъ чумы. Но если чума появилась среди животныя, нѣтъ надобности дѣлать это; точно также, если чума явится среди акумовъ.

Строго запрещается обманывать себѣ подобныхъ, и для еврея уже считается обманомъ, если, продавая что нибудь, онъ возьмётъ на шестую часть больше противъ дѣйствительной стоимости; кто обманулъ ближняго, обязанъ исправить проступокъ. Конечно, это относится только къ евреямъ, потому что акума дозволяется обманывать; еврей вовсе не обязанъ возвращать акуму взятый отъ него излишекъ, такъ какъ въ Бераитотъ сказано: «Вы не должны обманывать своихъ братьевъ», а назареи намъ не братья; напротивъ, они хуже собакъ (Хошень-га-Мишпатъ, пар. 227, стр. 1; то же сказано въ XXXII Баба-Меція, стр. 49). Если еврей купилъ у акума посуду металлическую или глиняную, то обязанъ хорошо ее обмыть, потому что акумы всѣ грязны. Когда еврей продастъ посуду акуму и послѣдній вернетъ ее, то еврей также обязанъ вымыть ее, такъ какъ уже одно прикосновеніе акума мараетъ посуду (Йоре-Деа, пар. 120, стр. 1 и 11). Еврею запрещается хвалить акума въ его отсутствіи, говоря: «какой красивый назарей», если онъ хорошо сложенъ. Но въ тысячу разъ строже запрещается хвалить его хорошія качества, говоря: «какой ученый человѣкъ!» или: «какой знающій человѣкъ!» Когда имѣютъ въ виду прославить Господа за созданіе имъ красивой твари, то можно похвалить внѣшность назарея, такъ какъ *еврей можетъ восхвалять Господа по поводу красоты животнаго, а слѣдовательно и акума* (Йоре-Деа, пар. 151, стр. 14). Среди евреевъ установлено правило, что они должны очищаться омовеніемъ. Если послѣ омовенія они встрѣтятъ что нибудь нечистое, отвратительное, или акума, то они обязаны снова начать омовеніе, такъ какъ *одинъ видъ поганой вещи или акума, безъ прикосновенія, уже пачкаетъ* (Йоре-Деа, пар. 198, стр. 48). Перечислимъ здѣсь по «Бееръ-Гетебу» нечистыхъ животныхъ по нисходящимъ степенямъ: собака, оселъ, идиотъ, акумъ, верблюдъ, свинья, лошадь или прокаженный).

Бракъ среди назареевъ не обязателенъ, такъ какъ сношенія ихъ подобны случкѣ лошадей, живущихъ вмѣстѣ. Назарейскія дѣти

вовсе не состоятъ въ родствѣ со своими родителями, и если родители съ дѣтьми переходятъ въ іудейство, то сынъ, напримѣръ, можетъ жениться на своей матери (Іоре-Деа, пар. 269, стр. 1). Когда у еврея находятся въ услуженіи мужчина или женщина изъ акумовъ и одинъ изъ нихъ умретъ въ его домѣ, то запрещается другому еврею утѣшать его въ этой утратѣ; но онъ можетъ сказать: «Пусть Господь пополнить твою убыль», какъ обыкновенно говорятъ челоуѣку, если у него околѣваетъ быкъ или оселъ (Іоре-Деа, пар. 377, стр. 1). Запрещается еврею помѣщать свое дитя въ назарейское учебное заведеніе, гдѣ онъ учился бы, или къ назарейскому ремесленнику на выучку, потому что акуму направить его по дурной дорогѣ. Кромѣ того, еврей никогда не долженъ оставаться наединѣ съ акумомъ, такъ какъ всѣ акумы кровожадны (Іоре-Деа, пар. 153, стр. 1). Когда еврей присутствуетъ при кончинѣ другаго еврея, то въ минуту, когда душа разлучается съ тѣломъ, слѣдуетъ, въ знакъ траура, оторвать часть своей одежды, хотя бы это былъ грѣшникъ. Но когда онъ присутствуетъ при смерти крещенаго еврея, то такой знакъ траура запрещается, потому что въ такомъ случаѣ еврей долженъ радоваться, тѣмъ болѣе, что *такая радость денегъ не стоитъ*. Кромѣ того, запрещается еврею оказывать послѣдній долгъ акуму, напримѣръ, сопровождать его при похоронахъ или произносить рѣчь передъ гробомъ; все это дозволяется только тогда, когда это дѣлается изъ любви къ спокойствію (Іоре-Деа, пар. 340, стр. 5).

Приведенныя выдержки изъ «Шулханъ-Аруха» настолько опредѣленны, точны и краснорѣчивы, что не требуютъ вовсе поясненій. *Кто не нашъ, тотъ намъ врагъ!*—вотъ основное правило «ордена евреевъ», которому они слѣдуютъ на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности.

А. Быковъ.

ПАМЯТИ ПРОШЛАГО.

Порывы молодости сильной
Угасли въ трепетной груди;
Какъ передъ насыпью могильной,
Стою надъ жизнью... Впереди—
Тяжелый трудъ, нужда, лишенья
И безконечная борьба...
Вотъ все, что—кромѣ вдохновенья—
Даетъ мнѣ мачиха-судьба!..
Но даже здѣсь, въ стѣнахъ столицы,
Будя волненіе въ крови,
Мелькаютъ блѣдныя страницы
Моей развѣчанной любви...
Какъ отблескъ райскаго видѣнья,
Какъ добрый геній неземной,
Для всѣхъ невидимую тѣнью
Вездѣ ты слѣдуешь за мной;
Глядишь съ нѣмой мольбою въ очи,
И слово робкое: «люблю»
Я въ тишинѣ безсонной ночи
Съ тревогой сладкою ловлю...
Дитя мое! На скорбной трizinѣ
Увядшей юности моей
Не будетъ мѣста укоризнѣ
Минутнымъ призракамъ страстей...
Хоть мѣста нѣтъ былой надеждѣ,
Хоть вѣра въ сердцѣ умерла,—
Но память прошлаго, какъ прежде,
И непорочна, и свѣтла:

Съ ней—какъ съ теплою и блескомъ юга—
Роднится вольная мечта;
Въ ней ты, весны моей подруга,—
Съ тобой добро и красота!..
И надъ душой моею унылой,
Роняя поздніе цвѣты,
Витаешь неизмѣнно ты,
Какъ небожитель бѣлокрылый!..

Апол. Коринфскій.

ЖЕРТВА ДОБРОДѢТЕЛИ.

Разсказъ Джемса Пэна.

Я принадлежу къ числу лицъ, которыя три мѣсяца въ году возбуждаютъ зависть, а въ продолженіе остальныхъ девяти—сожалѣніе, словомъ, къ тѣмъ лицамъ, которыя живутъ „недалеко“ отъ Лондона. Лѣтомъ у насъ прекрасно; въ особенности великолѣпенъ садъ, привлекающій къ намъ массу знакомыхъ изъ Лондона. Они не только охотно остаются обѣдать, но, по своему личному желанію, остаются и до послѣдняго поѣзда. Тутъ намъ нужно осторожно обращаться даже съ такими выраженіями, какъ на примѣръ: „когда нибудь пріѣзжайте“, „въ хорошій день надѣмся васъ увидать“, и т. д., потому что тогда эти приглашенія принимаются буквально. Это было бы крайне пріятно, хоть и накладно для насъ, еслибы такъ продолжалось круглый годъ; но въ томъ-то и дѣло, что отъ октября до іюня никто и никогда не показывается къ намъ.

Мы получаемъ тогда на наши скромныя приглашенія отвѣты въ отрицательномъ смыслѣ, съ такимъ искреннимъ сожалѣніемъ, которое могло бы тронуть всякаго, на примѣръ: „мы уже давно отозваны... у насъ заболѣлъ ребенокъ... лошадь захромала“...—вообще какое нибудь обстоятельство постоянно удерживаетъ нашихъ друзей провести съ нами вечерокъ, какъ въ іюлѣ. Они, впрочемъ, надѣются опять имѣть это удовольствіе, когда погода будетъ нѣсколько мягче, иначе сказать,—будущимъ лѣтомъ.

У насъ тутъ прекрасное мѣстоположеніе, освѣжаемое вѣтеркомъ, съ чуднымъ видомъ лѣтомъ, съ лугами и цвѣтами

для игры бабочекъ и работы пчель... но зимой—холодно и пустынно.

Днемъ рѣшительно никого не видно; вечеромъ, въ неопредѣленное время развѣзжаетъ патруль. Прежде это мѣсто считалось любимымъ для разбойниковъ; я думаю, тогда было еще труднѣе собирать къ себѣ гостей, чѣмъ теперь. До сихъ поръ думаютъ, что здѣсь шляются бродяги, и это опасеніе очень возбуждаетъ нервы моей жены, когда дни начинаютъ убавляться, а съ ними и гости наши—развѣзжаться. Она настаиваетъ на томъ, чтобъ я на ночь дѣлалъ бдительный осмотръ всему дому и докладывалъ ей: все ли обстоитъ благополучно. Во мнѣ только пять футовъ росту въ сапогахъ, а въ туфляхъ (въ которыхъ мнѣ приходится совершать свое странствованіе) и того меньше, такъ что мнѣ часто приходится въ голову, что было бы разсудительнѣе оставить воровъ по своему произволу таскать разныя, даже золотыя вещи, а не рисковать своей жизнью, что (по крайней мѣрѣ, для меня)—гораздо дороже.

Конечно, я могъ бы „держать въ своихъ рукахъ полдюжину человѣческихъ жизней“ (выраженіе моего любимаго автора), еслибъ бралъ съ собой заряженный револьверъ, но дѣло въ томъ, что я такъ не искусенъ въ употребленіи какого бы то ни было оружія (если не считать зонтика), что, пожалуй, вмѣсто злодѣя, попалъ бы въ самого себя.

— Никогда, милая моя, — говорю я Юліи, — не соглашусь я пролить кровь человѣческую, тѣмъ болѣе свою собственную!

Впрочемъ, вѣря въ силу воображенія, я, отправляясь въ свое путешествіе, постоянно кладу въ карманъ халата игрушечное ружье, принадлежащее нашему сыну; оно съ виду совершенно какъ настоящее, и въ моихъ рукахъ можетъ оказать такое же дѣйствіе, только не подвергая мою жизнь опасности. Я представлялъ себѣ, какъ скажу, входя въ толпу разбойниковъ: „Несчастные! ваша жизнь въ моихъ рукахъ; (туть я прицѣливаюсь) но изъ милосердія я буду стрѣлять только въ одного, именно въ того, который послѣдній оставитъ мой домъ. Я буду считать до шести (или до шестнадцати, смотря по числу воровъ) и затѣмъ спущу курокъ“. — Послѣ такой рѣчи я рассчитывалъ, что они всѣ стремглавъ бросятся къ двери, черезъ которую вошли, а я за ними поверну два

раза ключъ въ замкѣ. Вы спросите меня: почему же именно два раза; на это могу отвѣтить прямо, что самъ знаю столько же, сколько и вы, но мой любимый писатель, который имѣетъ на меня большое вліяніе, постоянно употребляетъ это выраженіе, и—я думаю—онъ долженъ знать, почему.

Дѣло происходило въ началѣ туманнаго октября, когда листья рано облетѣли, а наши знакомые послѣдовали за ними; я сидѣлъ одинъ и рѣшилъ прочесть своего любимаго автора до конца, т. е. третью часть его сочиненій, въ которыхъ всѣ главныя дѣйствующія лица кончаютъ самоубійствомъ, исключая одного, который остается невредимымъ, но съ наслѣдственной склонностью къ убійству. Немного потрясенный этимъ рассказомъ и очень желая спать, я отправился на свое обычное разслѣдованіе нѣсколько небрежнымъ образомъ. Все оказалось, повидимому, благополучно въ столовой, въ гостиной, а также и въ кабинетѣ, гдѣ я обыкновенно сидѣлъ, но не все было благополучно въ нашей маленькой прихожей, гдѣ на кругломъ столѣ стояла пара большущихъ рабочихъ сапогъ, рядомъ съ чистенькимъ, хорошенькимъ зонтикомъ жены и ея перчатками. Даже въ самую страшную минуту меня поразило этотъ контрастъ и несообразность почти также сильно, какъ и присутствіе сапогъ, которые въ свою очередь удивили и встревожили меня также, какъ видъ знаменитыхъ слѣдовъ изумилъ Робинзона Крузе, и именно по той же причинѣ. И сапоги, и слѣдъ ничего не значили сами по себѣ, но мое воображеніе, сильно теперь возбужденное, сразу представило мнѣ, что кто нибудь долженъ былъ ихъ тутъ оставить, а, можетъ быть, находился и теперь гдѣ нибудь по близости, пожалуй, даже подъ моимъ кровомъ. Дайте профессору Оуэну ногу какого нибудь животнаго, онъ возстановитъ остальное въ своей головѣ, а чудный инстинктъ профессора передался на этотъ разъ мнѣ. Я представлялъ себѣ вполне ясно чудовище въ 6 футовъ вышины, широкое въ плечахъ, съ ногами, какъ каменная балюстрада, и руками, слишкомъ часто сжимающимися въ кулаки. Передняя эта вела въ кладовую, гдѣ,—навѣрно думалъ великанъ,—хранится все наше серебро, если оно еще цѣло. Ужасныя мысли толпились въ моей головѣ...

Конечно, я могъ бы тотчасъ отправиться въ кладовую, но

мнѣ не хотѣлось дѣйствовать очень поспѣшно; можетъ быть (не найдя ничего, чтобы украсть) бѣдняга раскается и уйдетъ. Было бы очень скверно помѣшать его раскаянію! Затѣмъ мнѣ пришло въ голову, что это могъ быть вовсе не воръ, а какой нибудь двоюродный братецъ одной изъ нашихъ горничныхъ. Очень нехорошо съ ея стороны пускать кого бы то ни было къ себѣ въ такой поздній часъ, но очень можетъ быть, что она такъ поступила и что теперь они закусываютъ въ кухнѣ холоднымъ тетеревомъ, который, я знаю, оставался отъ нашего обѣда. Такія обстоятельства и поступки безспорно достойны выговора, но я не терялъ надежды, что все обойдется мирнымъ порядкомъ. Кашляя довольно громко, чтобы дать знатъ о своемъ присутствіи и тѣмъ предоставить вору время уйти, пока я еще не вошелъ, я отправился въ верхній этажъ за разъясненіями. Но тутъ мнѣ пришлось почти отступить, благодаря необычайно крѣпкому сну женской прислуги. Наша, по крайней мѣрѣ, напомнила мнѣ сонъ животныхъ, погруженныхъ въ зимнюю спячку. Я стучался къ нимъ въ дверь болѣе четверти часа безъ всякаго толка, а другую четверть употребилъ на то, чтобы убѣдить ихъ черезъ замочную скважину, что дѣло не въ пожарѣ; еслибы это было такъ, то онѣ, безъ сомнѣнія, всѣ сгорѣли бы въ своихъ постеляхъ. Успокоившись насчетъ огня, онѣ почти также испугались, когда я передалъ имъ свое сообщеніе, хотя оно было выражено самымъ тонкимъ и деликатнымъ образомъ. Я спросилъ ихъ: нѣтъ ли случайно между ихъ мужской родней чловѣка, который носилъ бы замѣчательно толстые сапоги и не приходилъ ли онъ недавно... напримѣръ, сегодня вечеромъ. На это мнѣ съ негодованіемъ отвѣтили хоромъ, что даже не хотятъ и слышать о такомъ дикомъ предположеніи, и что никто изъ ихъ родственниковъ не носитъ толстыхъ сапогъ, такъ какъ всѣ они безъ исключенія—женскаго пола. Узнавъ все это и крайне опечалившись, я понялъ, что на меня теперь возложены дальнѣйшія разслѣдованія. Поэтому я и отправился, со свѣчей въ рукѣ и револьверомъ въ карманѣ, въ кладовую; къ великому моему облегченію, она оказалась пустой. Неужели воръ уже улизнулъ? Если такъ, то онъ ушелъ безъ сапогъ, такъ какъ эти послѣдніе продолжали стоять въ передней на столѣ во всю свою величину; ихъ

форма и объемъ поразили меня еще больше, чѣмъ прежде; невозможно, чтобы въ такихъ сапогахъ пришелъ только одинъ разбойникъ!

Затѣмъ я вышелъ въ кухню; ни одна мышь не шевелилась; только копошилась масса сверчковъ, которые при моемъ появленіи прыгнули въ разныя стороны; такимъ образомъ, они опорожнили столъ съ посудой, а подъ этимъ-то столомъ лежалъ человекъ, котораго я искалъ, свернувшись въ клубокъ, и какъ будто спалъ. Дѣйствительно, сначала я даже не слышалъ его дыханія, но, какъ только пламя моей свѣчки упало на него, онъ началъ сильно храпѣть. Я сразу понялъ, что это дѣлалось для того, чтобы я могъ принять его сонъ за тотъ, который сопровождаетъ обыкновенно честный трудъ. Я былъ увѣренъ, что онъ начнетъ мнѣ рассказывать, какъ, усталый и измученный, забрелъ подъ мой кровъ только съ той мыслью (какъ бы ни казались подозрительны обстоятельства, при которыхъ я его нашелъ), чтобы отдохнуть ночью, въ чемъ онъ такъ нуждался.

— Не стрѣляйте, сударь,—просилъ онъ, такъ какъ я взялся за ручку револьвера, — я бѣдный, но честный человекъ, и пришелъ сюда только согрѣться и вздремнуть.

— Какъ же вы вошли?—грубо спросилъ я.

— Я приподнялъ окно,—отвѣтилъ онъ жалобно,—и легъ вотъ тутъ.

— Такъ вы вѣрно выставили въ переднюю ваши сапоги, чтобы ихъ вычистили завтра утромъ?—Тутъ онъ засмѣялся, оскаливъ зубы, и какъ будто хотѣлъ сказать: „такъ какъ преимущество на вашей сторонѣ, то можете шутить сколько угодно; но еслибъ не ваше оружіе, мой любезный, вы шутили бы иначе,—могу васъ въ томъ увѣрить“!

— Ну, ступайте,—сказалъ я,—надѣньте ваши сапоги.

Онъ вылѣзъ, какъ дикій звѣрь изъ берлоги, и, тяжело ступая, прошелъ въ залу. Хотя у него и былъ очень злой видъ, но я былъ ему благодаренъ, что онъ такъ мирно шелъ, и даже былъ этимъ тронутъ.

— Вы, дѣйствительно, изъ нужды пришли сюда?—спросилъ я его.—Не голодны ли вы?

— Нѣтъ, теперь ужъ не голоденъ,—отвѣтилъ онъ, искоса поглядывая на меня. Онъ, конечно, намекалъ на то, что по-

ужиналъ на мой счетъ, и мнѣ тогда показалось очень откровеннымъ это признаніе. Еслибъ я тогда зналъ (какъ узналъ позднѣе), что онъ съѣлъ полторы тетерьки и выпилъ цѣлый большой кувшинъ сливокъ изъ Девоншира, который мы только что получили въ подарокъ, я бы счелъ его намекъ за сущую наглость. Такой же наглостью показался мнѣ его вопросъ, предложенный у двери, которую я самъ ему открылъ:

— Не дадите ли вы мнѣ поль-кроны, сударь, чтобъ наставить меня на честный путь?

Думая, что лучше разстаться друзьями, я далъ ему монету. Онъ плюнулъ въ уголъ „для счастья“, какъ онъ мнѣ объяснилъ, а я думаю: въ знакъ благодарности, такъ какъ другой онъ мнѣ не выразилъ, и съ опущенными глазами ступилъ черезъ порогъ, а затѣмъ въ калитку.

Уже было три часа ночи; туманъ началъ расчищаться, луна и звѣзды ярко блестяли. Чувство священнаго покоя начало мной овладѣвать; я сознавалъ, что совершилъ доброе дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлался отъ довольно опасной личности, слѣдовательно, могу теперь спокойно лечь спать, какъ остальные домочадцы. Впрочемъ жена моя, разбуженная прислугой, сгорала нетерпѣніемъ узнать о случившемся и я, конечно, долженъ былъ рассказать ей. Я описалъ ей мельчайшія подробности съ такой драматической силой, что она стала меня увѣрять въ твердой своей рѣшимости никогда не ночевать въ домѣ безъ меня. Это было должнымъ наказаніемъ за мои преувеличенія, которыми я украсилъ здѣсь и тамъ свой рассказъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было и очень грустно для меня. Иногда въ городѣ, послѣ обѣда въ клубѣ, меня задерживали нѣкоторыя обстоятельства, не подлежащія домашнему контролю (какъ напр., лишній роверъ въ вистѣ, и т. д.) и мнѣ нужно было только телеграфировать о своемъ сожалѣніи, что нѣтъ возможности въ-время вернуться. Теперь же являлся конецъ этому, если я не въ силахъ буду разубѣдить жену. Тогда я началъ распространяться, что теперь немислимо, чтобъ когда нибудь другой воръ пожаловалъ къ намъ, причемъ я сравнивалъ нашъ домъ съ ямой, вырытой пушечнымъ ядромъ и считающейся навсегда безопасной отъ другаго выстрѣла.

— Ну, не будемъ говорить объ этомъ, — воскликнула моя

жена, съ раздраженіемъ въ голосѣ.—Боже мой, да посмотри, кто это ѣдетъ по дорогѣ?

Она думала, что теперь воръ ѣдетъ къ намъ верхомъ, между тѣмъ оказалась совершенная противоположность (если можно такъ выразиться), т. е. ночной стражникъ.

— Постучи въ окно, позови его; я настаиваю, чтобъ ты съ нимъ видѣлся,—продолжала жена.

Я не могъ возражать, такъ какъ она сказала: „настаиваю“ (меня, конечно, пойметъ всякій женатый человѣкъ); поэтому я вышелъ и рассказалъ стражнику все, что произошло.

— Какъ давно былъ тутъ этотъ человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Больше часу; вамъ нечего и думать поймать его. Да къ тому же я видѣлъ, что онъ дѣйствительно раскаялся и рѣшилъ впередъ вести честную жизнь.

— Вы думаете? — спросилъ онъ меня сострадательнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно посѣтитель дома умалишенныхъ обращается къ тихому пациенту.

— Ну, хорошо; пока я здѣсь, я осмотрю весь домъ и только тогда буду увѣренъ, что больше никого нѣтъ; но не мудрено, что онъ оставилъ здѣсь своего товарища.

— Я увѣренъ, что пара сапогъ была только одна,—прибавилъ я.

Впрочемъ, зная, что это будетъ облегченіемъ для жены, я уступилъ его просьбѣ. Онъ привязалъ лошадь, вошелъ въ комнату съ фонаремъ въ рукахъ и осмотрѣлся кругомъ. Никого не было въ залѣ, потому что я только что прошелъ черезъ нее, никого въ гостинной, также и въ передней, но на столѣ, какъ и прежде, высилась пара гигантскихъ рабочихъ сапогъ.

— Что вы скажете на это?—спросилъ стражникъ, указывая на сапоги.

— Это тѣ же, тѣ же,—отвѣтилъ я въ замѣшательствѣ;—я подъ присягой показалъ бы, что это тѣ самые сапоги. Что бы это значило?

— Это значить, что человѣкъ, желавшій начать новую жизнь, недолго надъ этимъ думалъ, да и рѣшилъ вернуться къ прежней.

Дѣйствительно, такъ и вышло; мы увидѣли вора лежав-

шимъ на томъ же самомъ мѣстѣ и выжидавшимъ, повидимому, дальнѣйшихъ событій.

— А! это вы, господинъ полицейскій, — сказалъ онъ жалобно, — ну, тогда дѣло мое кончено.

Еслибъ ему опять пришлось имѣть дѣло со мной, то онъ навѣрно выпросилъ бы у меня еще полъ-кроны. Но, всего вѣроятнѣе, онъ рассчитывалъ на то, что, по крайней мѣрѣ, на нынѣшнюю ночь всякія подозрѣнія относительно жуликовъ исчезли и онъ можетъ свободно распоряжаться въ нашемъ домѣ. Это была смѣлая игра, но всѣ шансы, казалось, были на его сторонѣ. Я помогъ связать ему руки ремнемъ и полицейскій, ведя его, хладнокровно проговорилъ: „Теперь пойдете надѣвать сапоги!“

Второй разъ въ эту ночь приходилось мнѣ видѣть, какъ мой воръ производилъ эту процедуру, и какъ онъ выходилъ, хотя теперь уже не на свободѣ. Я не хотѣлъ, какъ говорится, прибавлять еще горечи къ страданіямъ этого несчастнаго, но не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Я думаю, вы должны были удовольствоваться ужиномъ и полъ-кроной, а не возвращаться опять сюда и стараться насъ ограбить.

Но этотъ аргументъ, повидимому, не произвелъ на него никакого впечатлѣнія: благодарность была чужда этому дикому человѣку. Какъ и многіе цивилизованные люди, онъ приписалъ свое несчастіе личной своей добродѣтели.

— Нѣтъ, сударь, вы не такъ поняли меня, — пробормоталъ онъ презрительно. — Я сдѣлался жертвой своего постоянства!

Законъ и общинное землевладѣніе.

IV.

Взысканіе съ крестьянъ казенныхъ податей, общественныхъ сборовъ и частныхъ долговъ.

Могутъ ли теперь крестьяне лишиться своихъ надѣльныхъ земель черезъ взысканіе съ нихъ казенныхъ податей, общественныхъ сборовъ и частныхъ долговъ?

Ясно выраженный, 19 февраля 1861 года, характеръ неотчуждаемости крестьянскихъ земель даетъ основаніе предполагать, что и такимъ путемъ крестьяне *не могутъ лишиться своихъ земель*. Крестьяне, бывшіе крѣпостные, должны были обязательно брать землю у своихъ помѣщиковъ. Считалось необходимымъ предоставить имъ это обезпеченіе. Соответственно же тому, законъ поставилъ и преграды возможному обезземеленію черезъ случайныя взысканія. Весьма ярко выразилось это въ правилахъ о взысканіи оброка въ пользу помѣщика въ теченіе временно-обязанныхъ отношеній. За помѣщикомъ оставалось право собственности на земли, отошедшія въ постоянное пользованіе крестьянъ. Казалось бы естественнымъ, при такомъ условіи, возвращать эту землю въ полное распоряженіе собственника въ случаѣ неисправности обязательныхъ арендаторовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, этого не было сдѣлано. Надѣльная земля и тутъ оставалась у крестьянъ. Въ случаѣ неисправности отдѣльнаго домохозяина, общество, испробовавъ болѣе мягкіе способы побужденія, могло продать «принадлежащее лично недоимщику недвижимое имущество», но—говорилось здѣсь—«за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы» (п. 4 ст. 261 Мѣстн. пол. великорос.). Наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, оно могло отобрать у недоимщика часть отвѣденныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ, — причѣмъ, конечно, уплативъ недоимку, неисправный домохозяинъ вновь получалъ надѣлъ и, слѣдовательно, лишался его здѣсь не навсегда. Если же передъ помѣщикомъ оказывалось неисправнымъ само общество, — то, не смотря на всю строгость мѣръ взысканія, все же, для удовлетворенія собственника, часть земли могла быть лишь отобрана на три года и сдана въ арендное содержаніе съ торговъ (п. 5 ст. 262 Мѣстн. пол. великорос.).

По переходѣ на выкупъ, невзносъ въ срокъ выкупныхъ платежей дѣлалъ крестьянъ-собственниковъ неисправными передъ государственною казною. При этомъ, общество могло принимать противъ недоимщика *тѣ же самыя мѣры взысканія*, какія были указаны ему для временно-обязанныхъ отношеній. А когда дѣлалось неисправнымъ оно само, то въ числѣ крайнихъ мѣръ не указывалось уже отобранія земли на три года (ст. 128 и 129 Пол. о вык.). Государство, естественно, выказывало тутъ бѣльшую снисходительность къ недоимщикамъ, чѣмъ къ какой оно обязывало помѣщика-собственника земли. Наконецъ, Общее положеніе указываетъ тѣ мѣры, которыя вообще примѣняются къ крестьянамъ при взысканіи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. Правила эти относятся ко всѣмъ разрядамъ сельскихъ обывателей. Ими и руководствуются, главнымъ образомъ, власти въ настоящее время. Въ названныхъ же правилахъ (статьи 187 — 191) предоставляются обществу: продажа недвижимаго имѣнія, принадлежащаго *лично* недоимщику,—за исключеніемъ опять таки выкупленной усадьбы (при общинномъ землевладѣніи) и отобраніе части или всего полеваго надѣла, опять же на время, впредь до взноса недоимки. Если же недоимка такимъ образомъ не пополняется, то она раскладывается на всѣхъ членовъ общества. Полиціи, при этомъ, довольно неопредѣленно вмѣняется въ обязанность «понуженіе» общества къ уплатѣ недоимки. А «при безуспѣшности мѣръ понужденія—говорится въ ст. 191—недоимка пополняется полиціею, посредствомъ продажи крестьянскаго *движимаго* имущества, если, вслѣдствіе какого либо бѣдствія, не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ». Затѣмъ, высоч. утвержденное 30 марта 1878 г. Положеніе главнаго комитета допускаетъ сдачу надѣльныхъ земель всего общества въ аренду на срокъ не долѣе 6 л. — въ томъ исключительномъ случаѣ, когда крестьяне *сами уклоняются отъ обработки* означенныхъ земель. Сдача эта можетъ, однако, состояться не иначе, какъ съ обоюднаго согласія министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Итакъ, крестьяне не могутъ быть лишены своихъ надѣльныхъ земель въ возмѣщеніе взысканій казенныхъ и общественныхъ. Обстоятельства эти, въ свою очередь, опредѣляютъ уже до нѣкоторой степени условія взысканія съ крестьянъ и *частныхъ долговъ*. Если крестьяне не могли быть лишены земли при неисправности передъ казною, земствомъ и міромъ, — то вполне естественна и невозможность обращать на ихъ земли частное взысканіе. *Интересъ государственный всегда стоитъ выше интереса частнаго*. Въ интересахъ государственныхъ, крестьяне надѣлены землею. Не могутъ же они лишиться земли въ интересахъ частныхъ лицъ, по частнымъ взысканіямъ, въ возмѣщеніе долговъ, сдѣланныхъ, быть можетъ, въ крайней нуждѣ, взысканіе которыхъ повергло бы ихъ въ полное разореніе. Разсмотрѣніе относящихся сюда законоположеній вполне подтверждаетъ эти апріорныя заключенія. Въ прим. 3 къ ст. 24 Общ. пол. указано, что денежные взысканія съ крестьянъ производятся, примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ въ статьяхъ, отъ 384 до 407 Устава о благоустройствѣ въ

казенныхъ селеніяхъ. Отвѣтчику дается срокъ на уплату долга. Затѣмъ взысканіе обращается на доходъ отъ недвижимаго имѣнія, принадлежащаго ему въ *личную* собственность, если таковое имѣется. Далѣе продается изъ движимаго имущества что возможно, безъ разстройства хозяйства и остановки земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, съ оставленіемъ всего необходимаго для уплаты податей и содержанія семейства отвѣтчика, какъ-то: ежедневной одежды, домашней утвари, земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ для за сѣва и сѣстныхъ припасовъ. Наконецъ, послѣ всего этого, возможна и продажа *крѣпостнаго* недвижимаго имущества. «Но — говорится въ ст. 399 — дома государственныхъ крестьянъ, построенные изъ казеннаго дѣла, также какъ участки земли и другихъ угодій, данныхъ имъ отъ казны въ *надѣленіе* или пожалованныхъ въ общественное владѣніе, равно земли и угодья, принадлежащія, *по покупке, цѣлому сельскому обществу, не могутъ* быть обращены на удовлетвореніе взысканія».

То же самое примѣняется нынѣ ко всѣмъ крестьянамъ. Совершенно ясно отсюда, что *земля, составляющая усадебную отдѣльность крестьянина, или даже полевая, хотя бы и выкупленная,* — вообще земля, полученная, *въ порядкѣ надѣленія*, въ видахъ обезпеченія быта и исполненія податныхъ обязанностей, — *никоимъ образомъ не можетъ быть продана въ удовлетвореніе частнаго взысканія*. Законъ воспрещаетъ даже продажу движимости, отъ которой могло бы послѣдовать *только* разстройство хозяйства и остановка земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій. Тѣмъ менѣе допускаетъ законъ продажу такого имущества, безъ котораго невозможно было бы дальнѣйшее веденіе хозяйства, безъ котораго крестьянинъ оказался бы совершенно несостоятельнымъ и лишился бы даже дневнаго пропитанія, сдѣлавшись обузою для правительства и своего сельскаго общества. *Только частное, на сторонѣ приобретенное, совершенно независимо отъ надѣла и порядка надѣленія, имущество* — *можетъ быть продано въ удовлетвореніе долговъ*, но и то лишь у *отдѣльнаго* крестьянина; купленное же цѣлымъ обществомъ крѣпостное недвижимое имѣніе, составляя частную его собственность, также не можетъ служить средствомъ удовлетворенія частныхъ долговъ этого общества. Таковы указанія закона по настоящему предмету. Еслибъ они исполнялись съ надлежащею точностью, то, очевидно, не были бы возможны и тѣ многочисленные случаи, когда крестьяне въ дѣйствительности лишаются своихъ надѣльныхъ земель черезъ обращеніе на нихъ взысканій.

Но вотъ, по части примѣненія относящихся сюда законовъ, циркуляръ министра внутр. дѣлъ отъ 9-го августа 1875 г. засвидѣтельствовалъ, между прочимъ: «изъ имѣющихся въ министерствѣ внутр. дѣлъ и юстиціи свѣдѣній, обнаружилось, что, при производствѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ, часто *продается самое необходимое въ ихъ хозяйство имущество*, причѣмъ бывали неоднократно примѣры продажи на покрытіе такихъ взысканій *рѣшительно всего* крестьянскаго имущества» «(Общее положеніе, изд. г. Данилова, 1889 г., стр. 28). Помимо того, для

правильнаго примѣненія закона вскорѣ возникло затрудненіе, ко-ренящееся въ свойствахъ нашей кодификаціи. Съ изданіемъ су-дебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., подлежащія мѣста и лица стали считать себя обязанными руководствоваться при взы-сканіи долговъ и съ крестьянъ—*общими*, болѣе строгими прави-лами, указанными по настоящему предмету въ уставѣ граждан-скаго судопроизводства. Что же касается до правилъ Общаго по-ложенія о крестьянахъ, то предположено было, что они отмѣнены именно изданіемъ судебныхъ уставовъ. Въ указѣ сената 23 іюля 1871 г., обнародованномъ во всеобщее свѣдѣніе въ «Собраніи узаконеній» за тотъ же годъ, и пришлось, вслѣдствіе этого, разъ-яснять, что къ крестьянамъ, при взысканіи съ нихъ долговъ, должны примѣняться именно прежнія правила, такъ какъ судеб-ными уставами 20 ноября 1864 г. они не были прямо отмѣнены. Однако, черезъ семь лѣтъ, въ рѣшеніи отъ 1 іюня 1878 г., сенатомъ было засвидѣтельствовано, что и послѣ того разъясненія— «на практикѣ *постоянно* встрѣчаются затрудненія въ точномъ по-ниманіи и примѣненіи статей Уст. о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, вслѣдствіе того, что приведеніе въ исполненіе судеб-ныхъ рѣшеній о взысканіи съ крестьянъ частныхъ долговъ, на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., поручается су-дебнымъ приставамъ, которые въ этихъ случаяхъ *исключительно* руководствуются подлежащими статьями судебныхъ уставовъ»... Въ этомъ же рѣшеніи обнаружилось, что предсѣдатель одного изъ сѣздовъ мировыхъ судей «не только не принялъ никакихъ мѣръ противъ устраненія неправильной продажи крестьянскаго имуще-ства, но, напротивъ, увѣдомилъ исправника, что пристава производятъ взысканіе съ крестьянъ казенныхъ недоимокъ и что онъ, предсѣдатель, не находитъ законныхъ основаній къ принятію ка-кихъ либо распоряженій по сообщенію исправника, кромѣ указа-ній судебнымъ приставамъ необходимости точнаго исполненія *Устава гражд. судопр.*». (Сборникъ г. Данилова за 1862—1879 г., стр. 13). Въ свою очередь, и сенатъ, въ рѣшеніи отъ 20 ноября 1884 г., едва ли правильно призналъ, будто частное взысканіе мо-жетъ быть обращено «на земли, по коимъ выкупная ссуда окон-чательно погашена, или на четвертные подворные участки быв-шихъ государственныхъ крестьянъ» (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 272). На это заключеніе сената, очевидно, повліяло распространен-ное возрѣніе на выкупленные земли, какъ на частную общеграж-данскую собственность, въ родѣ приобретаемой крѣпостнымъ по-рядкомъ, тогда какъ это—собственность по закону невыясненная, во всякомъ случаѣ ограниченная и притомъ полученная *въ порядкъ надѣленія*.

Что же касается до голой дѣйствительности, то г. Сазоновъ, относительно порховскаго уѣзда, замѣчаетъ—(«Крест. земел. соб-ственность», стр. 168),—что здѣсь «весьма распространены аукціон-ныя продажи за частные долги *всего* крестьянскаго имущества, не только движимости, послѣдняго скота, но даже—говоритъ онъ— продается на сломъ послѣдняя изба, всѣ постройки и, наконецъ, усадебныя мѣста, — словомъ, крестьянинъ лишается *рѣшительно*

всею и выбрасывается на улицу съ кучей дѣтей». Притомъ,—какъ замѣчаетъ почтенный авторъ въ другомъ мѣстѣ,—по условіямъ самой продажи, «послѣдняя корова, послѣдняя лошадь отнимается у крестьянина буквально за грошъ» (стр. 165). Условія этой продажи таковы, что, по его словамъ, «собственникъ *обыкновенно* даже не знаетъ о продажѣ его недвижимаго имущества, совершающейся въ мировомъ сѣздѣ» (стр. 115).—Если г. Сазоновъ нѣсколько и преувеличиваетъ, говоря, что это происходитъ «обыкновенно»,—то вѣтъ сомнѣнія, что случаи этого рода вполне возможны. Такъ, по отношенію къ одной губерніи съ довольно развитымъ уже населеніемъ, лично мнѣ извѣстенъ случай, когда аукціонную продажу недвижимости (притомъ бани) производилъ самъ взыскатель при одномъ лишь лицѣ, желавшемъ торговаться...

V.

Заключеніе.

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли всѣ вопросы, поставленные въ началѣ.

Нельзя, конечно, требовать отъ отвѣтовъ на нихъ, чтобы они находили себѣ всегда прямое, буквальное и полное подтвержденіе въ законоположеніяхъ 19-го февраля 1861 г. Свойства названныхъ законоположеній дѣлаютъ это невозможнымъ. Системы безупречной, совершенно строгой и стройной, — законоположенія 19-го февраля не представляютъ собою, да и не могутъ представлять, по условіямъ своего составленія (томы I и XVIII «Матеріаловъ»).

Для разсмотрѣнія предположеній губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, кромѣ главнаго комитета и состоявшей при немъ комисіи, были образованы, 17-го февраля 1859 г., двѣ особыя редакціонныя комисіи. Изъ нихъ на одну возлагалось составленіе *общихъ* положеній, на другую—*мѣстныхъ*. Затѣмъ, собственно для разсмотрѣнія предположеній о *финансовыхъ* мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій, 29-го апрѣля 1859 г., была образована новая финансовая комисіа. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ первомъ же засѣданіи 4-го марта 1859 г., обѣ первыя комисіи были подраздѣлены на три отдѣленія. А именно: изъ первой комисіи образовались отдѣленія *юридическое* и *административное*, а изъ второй—*хозяйственное*. По составу своему, отдѣленія заключали въ себѣ, въ значительной степени, сельскихъ хозяевъ и практиковъ, и не всегда юристовъ (въ особенности хозяйственное). Далѣе, по обсужденіи въ отдѣленіи каждаго предмета извѣстной программы, вносился особый по немъ докладъ въ общее присутствіе комисій. Особымъ, —вновь составившимся въ средѣ самихъ комисій, къ концу занятій, —кондификаціоннымъ отдѣленіемъ составлялись, наконецъ, самые проекты положеній. 10-го октября 1860 г. были уже заключены всѣ работы редакціонныхъ комисій. Въ столь

короткое время—почти въ полтора года—былъ выполненъ ими трудъ громадный, можно сказать, поразительный. О размѣрѣ этого труда можно судить уже по тому, что и невполнѣ и не цѣликомъ обнародованные матеріалы составили съ приложениями около 30 большихъ книгъ, со множествомъ таблицъ и цифровыхъ данныхъ. Ограниченный кругъ дѣятелей, да еще преслѣдуемый враждою и извѣтами, могъ вынести на своихъ плечахъ подобный гигантскій трудъ только благодаря обаянію освободительной идеи, извѣстному горячему отношенію къ дѣлу со стороны покойнаго государя и сочувствію громаднаго большинства населенія. Но, такъ или иначе, трудъ этотъ совершался, значить, съ крайнею поспѣшностью, притомъ въ разныхъ своихъ частяхъ болѣе или менѣе независимо, отдѣльными группами лицъ. Общее присутствіе ограничивалось затѣмъ простымъ утвержденіемъ особыхъ докладовъ, не имѣя возможности входить въ подробное ихъ обсужденіе. Задачи же разныхъ отдѣленій вовсе не были такъ точно разграничены, чтобы одно не разсчитывало на то, что другое во всѣхъ подробностяхъ обсудитъ предметъ, который первое не считало относящимся къ себѣ, и—наоборотъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, различіе между юридическимъ и административнымъ отдѣленіями? Что удивительнаго, далѣе, что хозяйственное отдѣленіе разрѣшало строго юридическіе вопросы о тѣхъ же поземельныхъ правахъ крестьянъ, кромѣ того, что почти все, подлежащее его обсужденію, и на самомъ дѣлѣ имѣло вполнѣ юридическій характеръ? А въ то же время особыхъ мѣръ къ согласованію отдѣльныхъ проектовъ не было принято. Наконецъ, и дальнѣйшее обсужденіе выработанныхъ проектовъ не обезпечивало вполнѣ ни развитія, ни согласованія, ни устраненія столь естественныхъ, при такихъ условіяхъ, недомолвокъ, противорѣчій и неясностей.

19-го февраля 1861 г. проекты, составившіе весьма большой томъ, были уже утверждены верховною властью. Слѣдовательно, менѣе четырехъ мѣсяцевъ было употреблено на ихъ окончательное обсужденіе въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, въ состоявшей при немъ комисіи и въ государственномъ совѣтѣ. Очень естественно, что проекты прошли этотъ законодательный путь почти безъ всякихъ измѣненій по существу и по формѣ и были обнародованы въ видѣ законовъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ были составлены редакціонными комисіями. За всѣмъ тѣмъ, *въ опредѣленія правъ крестьянъ приурочивались къ временно-обязаннымъ отношеніямъ* и очень мало простирались на послѣдующіе періоды, когда крестьяне должны были вносить и затѣмъ окончательно погасить выкупные платежи. Это было тѣмъ естественнѣе, что обязательнаго выкупа не было установлено съ самаго начала. Опредѣлялись ближайшія отношенія, разрѣшались непосредственно возникавшіе вопросы, устранялись наиболѣе явные поводы къ недоразумѣніямъ. Все остальное—предполагалось—будетъ выполнено вновь образованнымъ 19-го февраля главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія (на который, дѣйствительно, и были возложены соотвѣтствующія обязанности, крайне слабо имъ исполненныя или и вовсе незатронутыя,—по силѣ реакціи, обнару-

жившейся немедленно за 19-мъ февраля). Вотъ и причина значительнаго числа законодательныхъ вопросовъ, выставленныхъ нами въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вотъ и условія, весьма много затруднявшія нашу задачу и, быть можетъ, препятствовавшія достаточной разработкѣ настоящаго предмета другими лицами. Вотъ и объясненіе многочисленныхъ ошибокъ, касательно пониманія объема поземельныхъ правъ крестьянъ. Насколько затруднительно толкованіе постановленій 19-го февраля 1861 г., въ какой мѣрѣ представляется сложнымъ крестьянское дѣло и съ какою осторожностію слѣдуетъ утверждать за крестьянами именно *право на отчужденіе надѣловъ*—показываетъ слѣдующее. Въ рѣшеніи отъ 30-го мая 1884 г., гражданскій кассационный департаментъ сената выразилъ: «Разсмотрѣніе положеній 19-го февраля 1861 г., относительно права продажи крестьянскихъ усадебъ, показываетъ, что хотя, по п. 4 ст. 188 Общ. пол., п. 4 ст. 127 Пол. о вык., п. 4 ст. 261 Мѣстн. пол. великор., для пополненія недоимокъ по казеннымъ мірскимъ повинностямъ, по выкупнымъ платежамъ въ пользу помѣщика, и не разрѣшено продавать выкупленной крестьяниномъ усадьбы,—но въ п. 5 ст. 133 Пол. о вык., п. 5 ст. 264, 267 и 269 Мѣстн. пол. великор., п. 5 ст. 253, 256, 258 Мѣстн. пол. малорос., разъяснено, что это запрещеніе продажи усадьбы имѣетъ мѣсто только въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ со дня утвержденія положеній о крестьянахъ... Приведенныя правила Положеній 19-го февраля 1861 г. показываютъ,—продолжалъ сенатъ,—что въ законѣ нѣтъ безусловнаго воспрещенія продажи выкупленныхъ усадебныхъ мѣстъ, хотя къ этой мѣрѣ и слѣдуетъ обращаться лишь въ крайнихъ случаяхъ, при указанныхъ въ законѣ мѣрахъ крайней осторожности, подтвержденіемъ чему служить высочайше утвержденное 26-го мая 1881 г. мнѣніе государственнаго совѣта (Собр. узак. за 1882 г., № 33), изъ котораго видно—заключилъ сенатъ—что правительство озабочено принятіемъ мѣръ къ огражденію отчужденія крестьянами своихъ усадебъ, что не могло бы имѣть мѣста, еслибы продажа оныхъ была безусловно воспрещена закономъ».

Какъ видно, изъ настоящихъ соображеній сената слишкомъ трудно вывести опредѣленное заключеніе о томъ, можетъ ли быть продаваема крестьянская усадьба въ возмѣщеніе недоимокъ. Нельзя также вывести яснаго заключенія и о томъ, могутъ ли сами крестьяне отчуждать добровольно свои усадьбы. По первому вопросу, сенатъ ссылается на извѣстныя статьи закона, которыми понудительная продажа усадебъ воспрещается, и въ то же время находить возможнымъ указать на другія статьи закона, служащія, по его словамъ, какъ бы поясненіемъ къ первымъ статьямъ и допускающія продажу усадебъ съ 1870 г. Но въ дѣйствительности, тѣ и другія статьи не одинаковы по своему смыслу, занимаютъ самостоятельное мѣсто и ко взаимному поясненію и дополненію не служатъ. А именно: первыя статьи (п. 4 ст. 188 Общ. пол., п. 4 ст. 127 Пол. о вык., п. 4 ст. 261 Мѣстн. пол. великорос.) относятся до *общиннаго* землепользованія, какъ видно изъ общаго ихъ оглавленія надъ статью 127 («мѣры взысканія при приобрѣ-

тені земли цѣлымъ обществомъ»). Статьями этими продажа усадебъ, значить, воспрещается безусловно на все послѣдующее—послѣ перехода на выкупъ—время. Вторыя же статьи относятся къ *подворному* землевладѣнію, какъ опять видно изъ общаго ихъ названія, помѣщеннаго надъ статьею 131: «мѣры взысканія при пріобрѣтеніи земли отдѣльными домохозяевами». Этими статьями при подворномъ землевладѣніи, дѣйствительно, допускается понудительная продажа усадебъ за недоимку съ 1870 г.—Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ произошло то, что несравненно легче можетъ происходить съ цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ о земельныхъ правахъ крестьянъ: допущено смѣшеніе различныхъ по своему назначенію статей закона,—потому что въ самыхъ законоположеніяхъ 19-го февраля опредѣленія подворнаго и общиннаго землевладѣнія размѣщены въ перемежку, и иногда не бывають раздѣлены рѣшительно ничѣмъ одни отъ другихъ. Понятно, какія затрудненія должно вести за собою указываемое размѣщеніе статей закона при выясненіи правъ крестьянъ на надѣльную землю вообще.—Какъ видно, по второму вопросу—именно по вопросу о правахъ крестьянъ на добровольное отчужденіе—сенатъ высказался въ указываемомъ рѣшеніи еще менѣе опредѣленно. *Еслибы*—разсуждалъ сенатъ—существовало безусловное воспрещеніе добровольной продажи, то правительство *не было бы* и озабочено пріятіемъ мѣръ къ огражденію усадебъ отъ подобнаго отчужденія... При этомъ сенатъ указываетъ на законъ 26-го мая 1881 года, именно какъ на доказательство заботъ правительства въ этомъ направленіи. Что же такое представляетъ собою этотъ законъ? Обнародованный въ № 33 Собранія узак. и распор. правит. за 1882 г., законъ 26-го мая 1881 г. называется такъ: «По вопросу о порядкѣ отчужденія крестьянами усадебной осѣдлости и прочаго недвижимаго имущества». Не касаясь вовсе опредѣленія матеріальныхъ правъ крестьянъ на землю, какъ и рассмотрѣнное выше выс. утв. 21-го марта 1878 г. мнѣніе госуд. сов. касательно получения данныхъ на земли, выкупаемыя по ст. 169, настоящій законъ устанавливалъ именно облегченный порядокъ совершенія актовъ на отчужденіе крестьянами земель другъ другу и на пріобрѣтеніе ими земельной собственности отъ лицъ другихъ сословій. Въ этихъ видахъ, волостныя правленія превращались въ учрежденія еще болѣе похожія на нотаріальныя конторы, чѣмъ дѣлала ихъ ст. 91 Общаго пол. даже безъ этого дополненія къ ней. Затѣмъ, сдѣлки на переходъ недвижимыхъ имуществъ, совершаемыя здѣсь, освобождались отъ гербоваго сбора, какъ отъ крѣпостной пошрины и иныхъ въ казну сборовъ. Но—говорилось только здѣсь—при совершеніи означенныхъ сдѣлокъ «соблюдаются всѣ прочія условія, установленныя для отчужденія недвижимой собственности». Министру же внутр. дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставлялось дать мѣстнымъ начальствамъ ближайшія указанія о томъ, какія именно условія, установленныя для отчужденія недвижимой собственности, должны быть соблюдаемы волостными правленіями при совершеніи актовъ о переходѣ имуществъ на основаніи настоящаго узаконенія».

Трудно представить себѣ, какую смуту должно было произвести въ сельской средѣ настоящее, съ крайнею спѣшностью составленное, постановление... И послѣдствія, дѣйствительно имъ произведенныя, были бы еще печальнѣе, еслибы фактически дѣйствіе закона 26-го мая 1881 г., въ надеждамъ порядкѣ обнародованнаго, не было приостановлено чрезвычайною мѣрою, при исключительныхъ обстоятельствахъ...

Такою мѣрою явился указъ *правительствующаго сената*, по отдѣленію крестьянскихъ дѣлъ перваго департамента, отъ 25 января 1885 г. Сенатъ нашель: 1) что проэктированныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ правила касательно отчужденія крестьянскихъ недвижимыхъ имуществъ въ порядкѣ, установленномъ закономъ 26 мая 1881 г.,—требуютъ, въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ возбужденныхъ предположеній, утвержденія ихъ *законодательнымъ порядкомъ*, для чего необходимо болѣе или менѣе продолжительное время; 2) что впредь до утвержденія предположенныхъ правилъ установленнымъ порядкомъ, — «приведеніе въ исполненіе высочайше утвержденнаго 26 мая 1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта оказывается *преждевременнымъ* и можетъ повлечь за собою *множество затрудненій* относительно порядка примѣненія сего узаконенія», и 3) что «такого рода недоумѣнія возникли уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи», какъ это видно изъ поступившихъ въ сенатъ и министерство юстиціи представленій... Вслѣдствіе же всего изложеннаго, сенатъ, согласно съ заключеніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, счелъ необходимымъ разъяснить, что «примѣненіе на практикѣ высочайше утвержденнаго 26 мая 1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта можетъ послѣдовать не ранѣе изданія установленной—въ прим. 1 къ п. 3 означеннаго узаконенія—инструкціи и соответственныхъ правилъ» (Общее положеніе, изд. г. Данилова, стр. 119).

Очевидно, что законъ 26 мая 1881 г. составл яеть печальную ошибку... Только глубокимъ сознаниемъ сдѣланной ошибки и ея важности можно объяснить то, что оказалось возможнымъ и допустимымъ приостановить дѣйствіе означеннаго закона или просто отмѣнить его на дѣлѣ сенатскимъ указомъ, ибо, по основнымъ законамъ и по учрежденію правительствующаго сената, этого никакъ не могло быть.

Желательна была, однако, другая форма приостановленія дѣйствія даннаго закона. Сенатъ не могъ, къ сожалѣнію, поступить здѣсь въ порядкѣ ст. 228 дѣйствовавшаго тогда учрежденія правительствующаго сената въ составѣ т. I, ч. 2, изд. 1857 г. Означенною статьею дозволялось сенату входить съ докладомъ къ верховной власти только касательно *прежнихъ* узаконеній, «сопряженныхъ съ великими неудобствами въ исполненіи», несогласныхъ съ прочими постановленіями или же неясныхъ. Касательно же новыхъ постановленій ему не предоставлялось права подобныхъ докладовъ. Въ такомъ случаѣ, гораздо дѣйствительнѣе было бы возбужденіе законодательнаго вопроса и изданіе аутентическаго толкованія, напримѣръ, въ смыслѣ соображеній сената. Тогда, между прочимъ, примѣненіе высочайше утвержденнаго 26 мая

1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта не могло бы уже происходить ни въ какой формѣ или степени. Указъ же сената не устранилъ всѣхъ затрудненій. Означенный законъ не былъ внесенъ ни въ одно изъ послѣдующихъ продолженій къ Своду законовъ, — но онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ и считался подлежащимъ непремѣнному исполненію. Второму департаменту сената, между прочимъ, и пришлось разрѣшать разныя затрудненія въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ (18 ноября 1883 г. и др.). Со времени изданія означеннаго закона прошло почти десять лѣтъ. Нынѣ онъ можетъ почитаться старымъ и влекущимъ за собою «великія неудобства въ исполненіи». А потому теперь возможно и желательно было бы примѣненіе статьи 202 учрежденія правительствующаго сената, изд. 1886 г., соответствующей ст. 226 изд. 1857 г.

Итакъ, изъ всего изложеннаго выше, равно какъ изъ настоящаго примѣра, должно быть совершенно ясно, что толковать законы о крестьянахъ, въ отношеніи опредѣляемыхъ ими поземельныхъ правъ, — дѣйствительно, трудно... Но *каждый законъ должно принимать, какъ нечто цѣлое, направленное къ доброй цѣли и разумное*. Съ этой же точки зрѣнія, съ примѣненіемъ вытекающихъ отсюда приемовъ толкованія, могутъ быть представлены въ извѣстномъ систематическомъ видѣ и опредѣленія касательно поземельныхъ правъ крестьянъ. Законодательство 19 февраля 1861 г., при всѣхъ его недостаткахъ, все же составляетъ собою трудъ замѣчательный. Нельзя видѣть въ немъ только одни несогласимыя противорѣчія: въ немъ есть *общія идеи, основныя цѣли и стремленія*. Необходимо и пользоваться этими путеводными огнями. Нельзя ограничиваться взвѣшиваніемъ отдѣльныхъ разрозненныхъ статей и положеній. Цѣльный актъ, при этомъ, можетъ приобрѣтать нѣсколько смысловъ, тогда какъ въ немъ, — какъ и во всякомъ законѣ, — заключается только одинъ смыслъ, одна цѣль, одно стремленіе. Правда, надъ законоположеніями 19 февраля 1861 г. имѣется значительное наслоеніе въ видѣ новыхъ, несогласныхъ и идущихъ подчасъ въразрѣзъ съ ними постановленій; но и эти постановленія должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія общихъ и основныхъ опредѣленій 19 февраля 1861 г. Законодательныя постановленія должны быть отдѣляемы отъ постановленій, состоявшихся въ исполнительномъ порядкѣ. Равно, въ новыхъ законодательныхъ постановленіяхъ, матеріальныя опредѣленія должны быть различаемы отъ формальныхъ. (Кстати, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и замѣтно стремленіе предпосылать именно къ законодательству 19 февраля 1861 г. за изъясненіями матеріальнаго свойства, — что явно сказалось на томъ же законѣ 26 мая 1881 г.)

Въ чемъ же теперь заключается непрочность общиннаго крестьянскаго землевладѣнія? Законъ, какъ видно, не можетъ быть обвиняемъ въ томъ, чтобы имъ широко допускалось обезземеленіе крестьянъ въ томъ или другомъ видѣ. Поземельная собственность, ю крайней мѣрѣ, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и крестьянъ, устроенныхъ на одинаковыхъ съ ними основаніяхъ, достаточно ясно ограждается — при общинномъ землевладѣніи — прямыми по-

становленіями закона, общимъ его смысломъ и, наконецъ, его недомолвками, препятствующими обезземеленію крестьянъ... Правильное примѣненіе закона,—какъ оно указано въ Основныхъ законахъ,—могло бы также до извѣстной степени предохранить отъ обезземеленія и бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

И, тѣмъ не менѣе, не смотря на такія свойства закона, обезземеленіе крестьянъ происходитъ въ ужасающихъ размѣрахъ, согласно многочисленнымъ указаніямъ. Отчего? Потому, конечно, что законъ не *примѣняется въ дѣйствительности съ надлежащею правильностью*, и обезземеленіе происходитъ, такъ сказать, независимо отъ закона; крестьяне стоятъ, такъ сказать, *вне закона* касательно своихъ поземельныхъ отношеній. И вотъ что худо: худо, что о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, съ трудомъ поддающихся изслѣдованію и остающихся слишкомъ мало разработанными съ ихъ *юридической* стороны,—что объ этихъ поземельныхъ отношеніяхъ составились и окрѣпли извѣстныя *ходячія мнѣнія, являющіяся выводами именно изъ неправильной практики закона*... О поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ судятъ не по тому, какъ они указаны въ законѣ, прямо или косвенно, ясными постановленіями или общимъ духомъ законодательства, но судятъ о нихъ по тому, какъ эти отношенія разрѣшаются въ дѣйствительности, въ жизни, на практикѣ! Совершенно забываютъ при этомъ, что никакъ нельзя судить о законѣ по его примѣненію; что фактъ не есть право; что законъ иногда извращается въ примѣненіи до неузнаваемости; что жизнь стремится нерѣдко *обходить* его, и что, слѣдовательно, ея показанія нужно принимать—*скорый въ обратномъ смыслѣ*, и ужъ во всякомъ случаѣ, необходимо самымъ тщательнымъ образомъ провѣрять эти показанія. Упускается изъ виду, что тщательная повѣрка тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ труднѣе, запутаннѣе, обширнѣе законодательство по данному предмету,—потому что тѣмъ скорѣе и дальше жизнь можетъ отступать отъ закона и тѣмъ легче своекорыстная практика можетъ обходить его.

Замѣчательно, что самъ народъ не вѣритъ въ отчуждаемость своихъ земель. «Воспитанный въ вѣковой школѣ общинныхъ порядковъ,—говоритъ г. Сазоновъ на стр. 80 своей книги: «Неотчуждаемость крестьянскихъ земель»,—народъ не только не можетъ примириться со взглядомъ законодателя на землю, какъ на товаръ, но во многихъ мѣстностяхъ совершенно не знаетъ о существованіи закона, позволяющаго продавать землю».—И народъ совершенно правъ, въ особенности въ лицѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Не напрасно народъ и интересуется закономъ, основательно полагая, что законъ, въ истинномъ его смыслѣ, не допускаетъ того, что наблюдается въ жизни... «Мнѣ самому, на примѣръ, въ 1866 г. въ Опочкѣ, въ Гребневскомъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ — говоритъ г. Сазоновъ въ другомъ мѣстѣ той же книги—разъ приходилось быть свидѣтелемъ горячихъ и жесточенныхъ дебатовъ крестьянъ съ булаками и кабачиками по этому вопросу (то есть, по вопросу о неотчуждаемости земель) и, не смотря ни на какіе доводы и цитированіе законовъ (въ доказа-

тельство, что земля есть якобы товаръ) крестьяне не хотѣли вѣрить, говоря, что «этого не можетъ быть»¹⁾.

На стр. 101 г. Сазоновъ приводитъ замѣчаніе г. Пругавина: «непремѣнные члены, исправники, мировые судьи и частные изслѣдователи—все въ одинъ голосъ свидѣлствуютъ, что среди крестьянъ страшно развивается наклонность къ сутяжничеству, стремленіе «на законномъ основаніи» обдѣлывать свои дѣлишки. Цѣлая свора различнаго рода «ходатаевъ», «аблакатовъ» и «крючкотворовъ» выросла подлѣ крестьянства, оказывая ему услуги въ этомъ направленіи и систематически деморализуя его». Грустное явленіе!.. Не то, однако, въ немъ особенно грустно, что у крестьянства возникаютъ дѣла, требующія посторонней юридической помощи. Было бы странно, еслибъ такихъ дѣлъ не было—при неразрѣшимой путаницѣ крестьянскихъ отношеній. Но эти дѣла разоряютъ множество крестьянъ, начинающихъ ихъ, большею частью, вовсе не по страсти къ сутяжничеству (какъ это можетъ казаться ихъ безконтрольному началству, непремѣннымъ членамъ и исправникамъ), но просто потому, что нужно же гдѣ нибудь искать защиты. Особенно грустно въ приведенной картинѣ то, что юридическую помощь крестьянамъ оказываютъ, дѣйствительно, «аблакаты» и «крючкотворы»...

Никто не даетъ себѣ труда разъяснить крестьянамъ *истинный смыслъ закона*. Наоборотъ, *извращенныя* своекорыстными побужденіями, понятія о законѣ находятъ чрезвычайно дѣятельныхъ, сознательныхъ и бессознательныхъ, распространителей. Такъ, по словамъ г. Сазонова, въ порховскомъ уѣздѣ, — «залогъ пропагандировался со всѣхъ сторонъ» («Крестьянская земельная собственность», стр. 77). Городской банкъ разсылаетъ во всѣ волостныя правленія печатныя публикаціи о своей дѣятельности, причемъ подчеркиваетъ залогъ крестьянскихъ земель. «Вѣроятно, были приняты мѣры—говорить далѣе г. Сазоновъ—чтобы эти публикаціи висѣли на видномъ мѣстѣ—можетъ быть, дѣлались попытки вліять въ

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, кстати, что въ своей новой книжкѣ: „Крестьянская земельная собственность въ порховскомъ уѣздѣ“, дающей столь богатый матеріалъ по настоящему предмету, почтенный авторъ самъ находитъ, что истинный смыслъ закона едва ли допускаетъ обезземеленіе крестьянъ. Онъ дѣлаетъ здѣсь „краткій анализъ статей Положенія“—и, уже на основаніи этого анализа, находитъ возможнымъ утверждать, „что намѣренія создать полную собственность не было, да и не могло быть въ великомъ актѣ, надѣлившемъ не отдѣльныхъ крестьянъ, а общества ихъ землею, съ цѣлью обезпеченія быта“; что на самомъ дѣлѣ даже серьезнаго противорѣчія въ законѣ нѣтъ, а есть только неясность, сбивчивость, неопредѣленность. „Впрочемъ,—говоритъ онъ,—если допустить и противорѣчіе, то послѣднее должно быть истолковано въ указанномъ мною смыслѣ, въ виду прямыхъ и безспорныхъ видовъ освободительнаго акта. Логика и здравый смыслъ должны подсказать, что въ такомъ вопросѣ первой важности немаслимо неясности и даже противорѣчія *истолковывать въ смыслѣ, противномъ основнымъ цѣлямъ закона*“ (стр. 146).

должномъ духѣ на старшинъ и писарей. По крайней мѣрѣ, всѣ селенія Рельбицкой волости показали, что ихъ *вызывали въ волость и обязательно разъясняли право закладывать надѣлы*, доказывая выгодность и дешевизну кредита. По показаніямъ же крестьянъ, банковскіе дѣльцы не упустили случая: они зазывали всѣхъ пріѣзжавшихъ въ городъ и убѣдительно доказывали полезность залоговой операціи. «Когда бы не *объяснили*—говорили крестьяне—намъ и въ голову не пришло бы; мы лучше пошли бы съ сумой». «Пока въ правленіи намъ не прочитали, *мы и не знали, что можно закладывать*». «Что грѣшниковъ въ адъ тащили, то и насъ въ банку»... «Крестьяне, выкупившіе земли на капиталъ Пантелеева,—замѣчаетъ также г. Сазоновъ,—ходатайствовали о ссудѣ, но имъ было отказано, причеиъ земство мотивировало отказъ тѣмъ, что они, какъ собственники, *могутъ заложить земли въ банкъ*. Подобные же совѣты давались и другими компетентными лицами»... (Такихъ «компетентныхъ» мѣсть и лицъ нашлось—значить—немало). Когда крестьянамъ, выкупившимъ земли на пантелеевскій капиталъ, стали «со всѣхъ сторонъ» заботливо разъяснять право закладывать и продавать надѣлы, то они—по словамъ г. Сазонова—«*сильно испугались*» (стр. 102). Узнавъ, что законъ, какъ онъ былъ имъ разъясненъ, будто бы не ограждаетъ ихъ отъ обезземеленія, сами крестьяне принимаютъ мѣры противъ подобныхъ послѣдствій и постановляютъ на цѣломъ радѣ сходовъ приговоры о томъ,—«чтобы ни подъ какимъ видомъ не позволять отчужденія земли постороннимъ обществу лицамъ»... Но вотъ совершена залоговая операція при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ:—на крестьянъ начисляются платежи процентовъ на части незаконной ссуды, еще невыданные, обнаруживается естественно ихъ несостоятельность и—теперь возникаютъ «компетентныя» разъясненія о томъ, что заложенные земли можно и продать съ публичнаго торга...

Что же нужно въ интересахъ крестьянскаго землевладѣнія?

Во-первыхъ, необходимо подробно изслѣдовать *теоретически* обширную область законодательства о крестьянахъ вообще и въ частности постановленія, относящіяся до землевладѣнія сельскихъ обывателей. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ мало разработанъ, но какъ создавать новое, не зная стараго?

Въ видахъ же облегченія теоретической разработки законодательства о крестьянахъ, желательно обнародованіе матеріаловъ, относящихся до разсмотрѣнія проекта редакціонныхъ комисій въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, въ состоявшей при немъ комисіи и въ государственномъ совѣтѣ. Желательно было бы также изданіе матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, находящихся въ архивѣ бывшаго главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и въ земскомъ отдѣлѣ.

Во-вторыхъ, необходимо изслѣдовать *на мѣсть* всѣ юридическія условія существованія сельскихъ обывателей и, въ частности, условія землевладѣнія, послѣ того какъ достаточно изслѣдована экономическая и сельско-хозяйственная сторона общиннаго земле-

пользованія. Вопросы о новыхъ наилучшихъ опредѣленіяхъ слишкомъ сложны и обусловливаются слишкомъ многочисленными обстоятельствами въ жизни, для того, чтобы можно было довольствоваться, для разрѣшенія ихъ, теоретическими кабинетными построениями. Гораздо проще было пересоздавать волостной судъ 19 февраля 1861 г.,—однако, комисіи сенатора Любоцинскаго, прежде преобразованія, было поручено предварительное мѣстное изслѣдованіе предмета. Кто же рѣшится отвѣчать готовыми формулами на вопросы о наилучшемъ опредѣленіи поземельныхъ правъ крестьянъ?

Въ-третьихъ, только на основаніи такой двухсторонней предварительной разработки, могутъ быть созданы законы, которые точно и твердо охраняли бы крестьянское землевладѣніе. Между прочимъ же, и большая имущественная свобода можетъ быть предоставлена крестьянину не прежде пріобрѣтенія имъ вполнѣ обеспеченнаго *юридическаго* положенія по вопросамъ земельной собственности. При настоящихъ же условіяхъ, бѣдшая свобода въ распоряженіи землею привела бы къ еще болѣе многочисленнымъ случаямъ обезземеленія, чѣмъ тѣ, которые наблюдаются покуда, *какъ нарушенія существующихъ законовъ*.

Итакъ, вопросъ о поземельныхъ правахъ сельскихъ обывателей слѣдуетъ разсматривать въ связи со всѣми прочими условіями сельской жизни. Составленіе же необходимыхъ опредѣленій, въ частности относительно поземельныхъ правъ, должно быть обставлено надлежащими учеными силами, ибо оно не менѣе важно, чѣмъ составленіе новыхъ гражданскихъ законовъ вообще. Было бы очень печально, еслибы и въ новомъ гражданскомъ уложеніи не оказалось опредѣленій поземельныхъ правъ сельскихъ обывателей, подобно тому какъ таковыхъ нѣтъ въ нынѣшнемъ сводѣ законовъ гражданскихъ. Прямое отнесеніе этого предмета къ задачамъ комитета и редакціонной комисіи по составленію гражданскаго уложенія именно и обезпечивало бы разрѣшеніе настоящихъ вопросовъ надлежащими силами, обезпечивало бы также ихъ разрѣшеніе цѣлостное и послѣдовательное и, кромѣ того, давало бы дѣлу гласное обсужденіе. Мѣропріятія временныя, о—быкновеннымъ способомъ составленныя,—были бы недостаточны и неудовлетворительны.

Н. Дружининъ.

ПЛѢННЫЙ ВОИНЪ.

Меня томить бездѣйствіе неволи, —
Позорный плѣнъ!
О, дайте силъ, пустите въ лѣсъ и въ поле
Изъ душныхъ стѣнъ!
Тяжелъ покой! Я жажду грозной встрѣчи...
Въ бой и въ огонь!
Я отдохну въ кровавой, бурной сѣчѣ...
Гдѣ конь мой, конь?
Усталъ влачить, покоренъ и недуженъ,
Я жизнь мою...
О, я усталъ! Мнѣ сладкій отдыхъ нуженъ —
Въ огнѣ, въ бою!
Я воиновъ разсѣянной дружины
Собралъ бы вновь...
Я отдохну, лишь съ горь на дно долины
Польется кровь!..
Все грезится мнѣ битвы мигъ желанный,
Лишь я засну...
Подъ грохотъ бомбъ и стукъ оружья бранный
Я отдохну!
Пушкой война тупой покой встревожить.
О, веселѣй
Мнѣ отдохнуть въ крови враговъ, быть можетъ,
Или въ своей!
Не слаще ли, чѣмъ въ злой неволѣ, —
Въ моемъ плѣну, —
Подъ градомъ пуль упавъ на бранномъ полѣ,
Я отдохну?..

Л. Пальминъ.

НА ШАХТАХЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ 186* года, въ Петербургѣ, въ Большомъ театрѣ, шелъ балетный спектакль: давали новый балетъ въ бенефисъ знаменитой танцовщицы. Спектакль имѣлъ тотъ парадный и оживленный видъ, которымъ всегда отличается театръ въ тѣ дни, когда на сценѣ идетъ интересная новинка, съ участіемъ любимыхъ публикою балеринъ. Партеръ наполненъ сплошною массою фраковъ и разнокалиберныхъ военныхъ мундировъ; въ ложахъ—много красивыхъ женщинъ и дорогихъ туалетовъ. Всѣ поклонники и завсегдатаи балета, —отъ самыхъ дряхлыхъ старцевъ до юнѣйшихъ птенцовъ, отъ платоническихъ почитателей хореграфии до специальныхъ поклонниковъ той или другой корифейки, — были на лицо. Говорили о громадномъ множествѣ заготовленныхъ букетовъ, перечисляли предназначенные къ подношенію дорогие подарки. Балетъ, очевидно, нравился публикѣ. Роскошныя декорации, новизна народнаго сказочнаго сюжета, изящная, игривая музыка, —вся изъ русскихъ мотивовъ, — все это возбуждало довольно шумный и даже восторженный интересъ въ зрительной залѣ.

Только что кончился второй актъ. Бенефициантка произвела положительный фуроръ сценой въ палаткѣ киргизскаго хана, когда царь-дѣвица роскошными танцами, на мотивъ русскаго «соловья», приводитъ въ такой экстазъ престарѣлаго любителя прекраснаго пола, что этотъ тучный властитель, забывъ свой вы-

сокой санъ и возрастъ, пускается въ отчаянную присядку. Изъ первыхъ рядовъ кресель поднялись и пошли къ выходу двое мужчинъ. Одинъ былъ средняго роста, худощавый брюнетъ, въ военной кавалерійской формѣ, съ рѣзкими чертами лица, напоминающими южное происхождение; на видъ ему было около тридцати лѣтъ. Другой—лѣтъ на пять моложе, высокаго роста, очень полный блондинъ, безъ бороды и усовъ, въ безукоризненномъ фракѣ; волосы кудрявые, черты лица крупныя, глаза голубые, неглупые и очень добрые; походка лѣнивая, развалистая; вообще, фигура крупная и видная, вполнѣ русская и даже великорусская. И по манерамъ, и по безукоризненному французскому жаргону, оба—и военный и штатскій—несомнѣнно принадлежали къ «сливкамъ» общества.

— Ну-съ, что скажете вы теперь? — обратился штатскій къ военному.

— Да все то же: музыка, если хотите, не дурна...—отвѣчалъ военный.

— А балетъ?

— Русскій балетъ!... Что можетъ быть глупѣе идеи русскаго балета?

— Что же тутъ глупаго? Вѣдь это наша народная поэзія?

— Поэзія въ лаптяхъ... сильфида въ сарафанѣ. Не понимаю!

При выходѣ въ коридоръ, разговаривающихъ задержала толпа. Старшій собесѣдникъ взялъ подъ руку младшаго, и съ усмѣшкою глядя ему въ глаза, сказалъ:

— Александръ Владиміровичъ, васъ надо поздравить: Мишишка ваша нынче очень, очень интересна! И съ какимъ шикомъ протанцовала она свое соло!

Александръ Владиміровичъ оживился.

— А обратили вы вниманіе на костюмъ? Я самъ ей выбиралъ.

— Костюмъ прелестный! Одно кольцо чего стоитъ... такихъ изумрудовъ я и не видывалъ.

— Это я подарилъ ей вчера на именины.

— Баловникъ! Вѣдь на такіе сумашедшіе подарки никакихъ денегъ не хватитъ.

— На мой вѣкъ хватитъ!—добродушно разсмѣялся Александръ Владиміровичъ.

Молодой штатскій, обладавшій возможностью дѣлать сумашедшіе подарки безъ опасенія за «разрывъ кармана», пошелъ за кулисы поздравить съ успѣхомъ свою Мимишку, кото-

рая въ тотъ вечеръ, дѣйствительно, была очень мила, изображая одинъ изъ одушевленныхъ портретовъ въ палаткѣ киргизскаго хана, и съ большимъ вкусомъ протанцовала небольшое граціозное па. Кавалеристъ сталъ подниматься по лѣстницѣ, ведущей въ ложи. Въ коридорѣ бель-этажа ему встрѣтился довольно пожилой господинъ, маленькій, кругленькій, съ очевидными претензіями на осанистый и представительный видъ; туалетъ этого господина отличался особенной изысканностью: фракъ несомнѣнно парижской работы, брилліантовья запонки, масса брелочковъ, перстней и даже браслетъ на лѣвой рукѣ. Кавалеристъ сразу узналъ его.

— Сергѣй Сергѣевичъ, здравствуйте! какими судьбами?—обратился онъ къ кругленькому человѣчку.

Тотъ, кого назвали Сергѣемъ Сергѣевичемъ, вставилъ въ глазъ монокль и прищурился.

— А-а... господинъ Аранчѣвъ! — выговорилъ онъ, замѣтно стараясь картавить. — Извините: Константинъ... Константинъ... Да: Константинъ Дмитріевичъ!.. Теперь вспомнилъ... Очень радъ васъ видѣть.

Сергѣй Сергѣевичъ сбросилъ монокль и очень любезно пожималъ руку Константина Дмитріевича. Во всѣхъ манерахъ этого господина сказывалась очевидная рисовка, какое-то почти женское кокетство.

— Давно ли вы въ Петербургѣ, Сергѣй Сергѣевичъ?—спросилъ Аранчѣвъ.

— Давно, давно! Скоро недѣля. Уже успѣлъ соскучиться и собрался бѣжать изъ вашего Питера.

— Опять за границу?

— Избави Богъ! Довольно съ насъ, довольно этой «заграницы!» Пора и за свои дѣла приниматься!

— Такъ куда же?

— Туда, гдѣ ширь да гладь, да божья благодать... гдѣ новью пахнетъ, да-съ.

— Ужь не въ Туркестанъ ли?.. для контраста съ «заграницей?» Кстати, обновка эта у насъ въ модѣ.

— Не торопитесь, добрѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, не торопитесь! Придетъ время — все объяснится. А пока скажу только одно: безъ дѣла сидѣть мы не будемъ, нѣтъ-съ... не въ нашемъ это характерѣ!

Изъ театральной залы раздались звуки интродукціи къ третьему акту, и собесѣдники разстались. Въ слѣдующемъ антрактѣ, Александръ Владиміровичъ и Константинъ Дмитріевичъ, прогу-

ливаясь въ фойе, встрѣтили Сергѣя Сергѣевича, который занятъ былъ оживленнымъ разговоромъ съ какимъ-то внушительнымъ сановникомъ. Кругленькій человекъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ и сильной жестикуляціей, а сановникъ усиленно кивалъ съдой стриженной головой.

— Вы не знаете, кто сей?—спросилъ Аранчѣва Александръ Владиміровичъ, указывая на кругленькаго субъекта.

— А вы развѣ не знаете? — переспросилъ въ свою очередь Аранчѣевъ.—Это Сергѣй Сергѣевичъ Чарышевъ. Въ старину онъ бывалъ у васъ въ домѣ.

— Не знаю, не помню.

— Какъ же: онъ былъ тогда ремонтеромъ и покупалъ лошадей у васъ на заводѣ. Онъ служилъ въ гвардіи, хотя и недолго. У него было прекрасное состояніе, но жилъ-то онъ черезчуръ широко.

— Вы съ нимъ давно знакомы?

— Давно. Но вотъ уже лѣтъ шесть, какъ мы не встрѣчались.

— Гдѣ же онъ пропадалъ?

— Онъ былъ за границей. Оставшись, какъ говорится, на мели, вышелъ въ отставку, долго искалъ богатой вдовушки, не нашелъ, и съ горя уѣхалъ на теплыя моря.

— Что же онъ тамъ дѣлалъ?

— А богъ его знаетъ! Говорятъ, ѣздилъ по какимъ-то порученіямъ или по своимъ дѣламъ. Былъ вездѣ: въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Испаніи, и даже въ Египтѣ... И вотъ только на дняхъ вернулся въ Петербургъ.

— Интересный господинъ!

— Даже очень. Онъ человекъ замѣчательно ловкій и предпріимчивый. У него и сейчасъ въ головѣ какіе-то прожекты.

— Любопытно, очень любопытно!.. Вы меня познакомьте съ нимъ, да? И потомъ завтра же привозите его ко мнѣ обѣдать.

— Познакомить—познакомлю, а насчетъ обѣда—не знаю... У него, я думаю, всѣ минуты расчитаны...

Въ послѣднемъ антрактѣ, Аранчѣевъ познакомилъ Александра Владиміровича Золотилова съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Чарышевымъ.

— Какъ, Золотильовъ?—заговорилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Такъ вы, значить, сынокъ незабвеннѣйшаго Владиміра Николаевича!.. Очень, очень пріятно! Какъ же-съ, какъ же-съ! Мы съ вашимъ родителемъ были большіе пріятели... Охъ, да и грѣшники же мы были съ нимъ великіе!

— Какъ, грѣшники?—изумился Золотильовъ.

— Да-съ, грѣшники... Вино и женщины — вѣдь это грѣхъ, великій грѣхъ. Пусть философы разсуждаютъ иначе, а я говорю прямо по простецки: кто любитъ вино и хорошенькихъ женщинъ, тому уготована геена огненная.

Аранчѣевъ и Золотиловъ смѣялись. Чарышевъ воодушевился и продолжалъ:

— Охъ, всѣ мы, господа, грѣшники и притомъ нераскаянные... Какъ это, впрочемъ, глупо! — точно бывають грѣшники раскаянные!.. Да кто же станетъ каяться въ грѣхахъ, когда безъ нихъ мы — люди погибшіе? Въ грѣхѣ-то и есть наше спасеніе, примиреніе съ жизнью. И мы гоняемся за грѣхомъ неустанно... Вотъ мы сейчасъ въ балетѣ, — ну, скажите: зачѣмъ, для чего? Да все для него же, для нашего милѣйшаго грѣха. Направо — роскошная брюнетка, налево — пикантная блондинка... А на сценѣ? прелестнѣйшія ножки!.. Ножки — какое великое слово! не шутите, господа, этимъ словомъ! Вся суть, все дѣло — въ ножкѣ; смотрите на ножку, только на ножку... и никогда не ошибетесь въ достоинствѣ всего прочаго...

Теорія «ножки» понравилась. Она дала очень благодарную тему для дальнѣйшихъ каламбуровъ и остротъ. Скоро къ разговаривающимъ присоединилось еще нѣсколько общихъ знакомыхъ... Началось всестороннее обсужденіе достоинствъ спектакля, причѣмъ не замедлилъ обнаружиться фактъ, что новый балетъ понравился и имѣлъ большой успѣхъ — даже въ средѣ самыхъ строгихъ цѣнителей искусства. Хвалили декорации, музыку; находили очень умѣстнымъ введеніе народнаго комическаго элемента; восторгались новыми техническими трудностями, такъ блистательно побѣжденными знаменитой бенефицианткой. Аранчѣевъ, съ его мнѣніемъ о «мужицкомъ» балетѣ, остался почти безъ союзниковъ. А Чарышевъ сыпалъ остротами направо и налево, нимадо не смущаясь, что одна острота побиваетъ другую. — Золотиловъ съ увлеченіемъ восхвалялъ высокія достоинства перваго «русскаго» балета, причѣмъ выказалъ себя большимъ знатокомъ всѣхъ тонкостей хореографическаго искусства. Крайне довольный тѣмъ, что въ пользу его мнѣнія о новомъ балетѣ оказалось громадное большинство, онъ заявилъ настоятельное требованіе вспрыснуть, по русскому обычаю, успѣхъ балета и своей Мимишки, а кстати и ея вчерашнія именины. Всѣ охотно согласились съ такимъ заманчивымъ предложеніемъ и рѣшили ѣхать послѣ спектакля къ Боредю. Одинъ только Чарышевъ долго отказывался отъ поѣздки, ссылаясь на то, что дни и даже минуты его сочтены. Но когда молодежь стала настойчиво уговаривать кругленькаго человѣка

забыть, для такого экстреннаго случая, математику и, между прочими аргументами, поставила ему на видъ, что ужинъ будетъ украшенъ присутствіемъ нѣсколькихъ паръ очень хорошенъкихъ ножекъ, — Сергѣй Сергѣевичъ наконецъ согласился и торжественно объявилъ:

— Слагаю оружіе, сдаюсь. И предоставляю себя въ ваше полное распоряженіе...

Спектакль кончился. Публика стала развѣзжаться. Въ залѣ осталась только небольшая кучка отчаянныхъ крикуновъ, которые чуть не въ сотый разъ неотступно вызывали бенефициантку. Стройная балерина вылетала на сцену, дѣлала граціозные реверансы, улыбалась, посылала воздушные поцѣлуи... но можно было замѣтить, что и ей эта комедія уже надоѣла, что она ждетъ не дождется той минуты, когда изъ волшебной царицы превратится въ обыкновенную смертную. Режиссеръ понялъ это и приказалъ потушить газъ... Зала опустѣла. Наши балетоманы усадили въ карету Мимишку, вмѣстѣ съ ея хорошенъкой подругой Додо, захватили еще двухъ-трехъ французенокъ, и шумной веселой компаніей покатали къ Борелю.

Ужинъ у Бореля очень удался. Было шумно и весело. Шампанское лилось рѣкой, и дамы не отставали отъ кавалеровъ. Подъ конецъ, шумъ и веселье достигли уже размѣровъ вакханаліи.

Но въ то самое время, какъ веселое и возбужденное состояніе общества достигло своего апогея, случился одинъ эпизодъ, который едва не испортилъ общаго радостнаго настроенія. Кѣмъ-то былъ выдвинутъ опять вопросъ о «русскомъ» балетѣ, — и начались снова горячія, ожесточенныя, безтолковыя препирательства. Всѣ волновались, кричали, перебивали другъ друга; одинъ вспомнилъ принципъ «народности», другой приплелъ къ чему-то «славянскій съѣздъ»... Пренія обострились и грозили принять черезчуръ рѣзкій, зажигательный характеръ. На выручку явился Чарышевъ. Онъ громко и энергически потребовалъ слова и, когда ему удалось, послѣ долгихъ усилій, добиться нѣкотораго вниманія и относительной тишины, онъ сталъ въ ораторскую позу и, удачно подражая аффектированнымъ приемамъ французскихъ адвокатовъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Позвольте мнѣ предстать предъ вами въ видѣ громоотвода, назначеніе котораго — разсѣивать сгустившіяся тучи недоразумѣнія. Да, именно: «недоразумѣнія»... вотъ оно — настоящее слово! Здѣсь нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ; нѣтъ истины, нѣтъ и заблужденія. Здѣсь

есть одно недоразумѣніе. Я докажу вамъ это и, надѣюсь, вы согласитесь со мною... Я спрашиваю: въ чемъ состоитъ тотъ роковой вопросъ, который такъ волнуетъ наше общество? Выслушаемъ сначала одну сторону. Что хочетъ сказать, что хочетъ доказать многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ?.. Для ббльшей ясности я позволю себѣ резюмировать его мысль въ формѣ маленькаго экспромпта...

— Слушайте, слушайте!—раздалось въ публикѣ.

Чарышевъ продолжалъ:

— Вотъ что говорить, моими устами, многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ:

„Трепакъ въ оркестрѣ заиграли,
Полштофъ и лапти залясали...
Возвеселился гордый Россъ:
Въ балетъ кабакъ ты перенесъ!“

— Bravo, bravo! — кричали слушатели. — Метко... Удачно!.. Брависсимо!..

— Тихе, тихе, господа! Я продолжаю! — надрывался Чарышевъ, усиливаясь перекричать нестройный гулъ голосовъ.

— Тсъ! тсъ!—успокивала сама себя публика.

Чарышевъ продолжалъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Мы слышали, что сказалъ многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ... Что же скажемъ въ отвѣтъ ему мы,—всѣ, такъ наслаждавшіеся новымъ балетомъ?..

Онъ остановился и обвелъ публику торжествующимъ взглядомъ. Слушатели въ ожиданіи молчали.

— Мы скажемъ такъ:

„Испанскихъ ножекъ у насъ нѣтъ,
Но ножки есть, и есть балетъ...
А ножки изъ подъ сарафана
Плѣвать, клянусь, и не профана!“

Раздались оглушительные аплодисменты. Гвалтъ поднялся нестерпимый. Всѣ кричали, топали ногами, стучали стульями... Наступилъ настоящій хаосъ. Золотилловъ шумно подбѣжалъ къ роялю, грузно опустился на стулъ и, громко ударяя по клавишамъ, сталъ наигрывать мотивы изъ новаго балета. Пикантная Мимишка, сбѣлавшаяся еще пикантнѣе отъ чрезмѣрно разгорѣвшихся щечекъ, пустилась танцовать: высоко приподнимая шоловую юбку своего моднаго платья, она очень удачно подражала

отчаяннымъ пируетамъ героини вечера. А тяжеловѣсная толстуха Лаура, которую молодежь очень любила за ея безконечное добродушіе и невиннѣйшіе бирюзовые глаза, вздумала изобразить любовный экстазъ престарѣлаго хана, но, подѣ влияніемъ излишне выпитаго шампанскаго, потеряла равновѣсіе и очень эффектно рухнулась на полъ, при гомерическомъ хохотѣ и оглушительныхъ рукоплесканіяхъ всей компаніи... Вечеръ удался вполне. Всѣ были довольны. Особенно довольны были татары, такъ какъ Золотиловъ никогда не требовалъ счета и не любилъ брать сдачу.

Почти передъ разсвѣтомъ вернулся Золотиловъ въ свою роскошную холостую квартиру. Его встрѣтилъ пожилой солидный лакей Ионичъ, — типичная фигура стариннаго «крѣпостнаго» слуги.

Ионичъ молча уложилъ барина въ постель и сталъ гасить лампы, ворча себѣ подъ носъ:

— Вчера въ пять... а нынче въ шесть!.. И такъ-то круглый годъ!.. О-охъ, Господи помилуй!.. Грѣхи... грѣхи родителей!..

II.

Поздно проснулся на другой день Золотиловъ. Онъ чувствовалъ себя вполне бодрымъ и свѣжимъ, и находился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Ни на лицѣ, ни въ головѣ его не было почти никакихъ слѣдовъ ночной оргіи. Недаромъ же говорится, что привычка — вторая натура.

Александръ Владиміровичъ сейчасъ же вспомнилъ, что вчера, у Бореля, Чарышевъ далъ слово обѣдать у него сегодня, вмѣстѣ съ Аранчѣвымъ... Это дѣло серьезное, а между тѣмъ до обѣда надо успѣть еще сдѣлать нѣсколько необходимыхъ визитовъ, и, кромѣ того, справиться, нѣтъ ли въ привозѣ свѣжихъ устриць... На энергическій звонокъ Золотилова, появился Ионичъ, и, вслѣдъ затѣмъ, началась длинная, многосложная процедура умыванья и одѣванья. Занятіе это потребовало самаго сосредоточеннаго вниманія и очень серьезнаго обсужденія всѣхъ подробностей туалета. Прошло безъ малаго два часа, прежде чѣмъ это священнодѣйствіе было окончено, и баринъ могъ приняться за кофе... Тогда Александръ Владиміровичъ отдалъ приказаніе закладывать въ маленькія санки «Щеголя». Это былъ любимый сѣрый рысакъ Золотилова.

— Позвольте вамъ доложить, — почтительно началъ Ионичъ, — кучеръ сказывалъ: былъ сегодня кузнецъ и заковалъ «Щеголя»: припадаетъ теперь на правую заднюю...

Золотиловъ вспылить:

— Скоты, мерзавцы! Чего же смотрѣлъ болванъ Никита?!

— Не могу знать-сь.

— Хорошъ отвѣтъ, нечего сказать! Точно ты чужой чело-
вѣкъ! Послѣ этого, всѣхъ лошадей моихъ перепортятъ, мнѣ
ѣздить будетъ не на чемъ,—а тебѣ все равно, наплевать!..

Ионычъ молчалъ.

— Вотъ и полагайся на этихъ подлецовъ! — горячился Золо-
тиловъ.—Имъ рѣшительно все равно, хоть трава не расти!.. И
этотъ старый дуракъ—туда же! Наладилъ одно: «не могу
знать-сь»!.. Попробовалъ бы ты отвѣтить такъ покойному отцу!..

Молодой баринъ, крайне раздосадованный неудачнымъ нача-
ломъ дѣловаго дня и упорнымъ молчаніемъ Ионыча, нетерпѣливо
ходилъ по комнатѣ. Старый слуга продолжалъ молчать; только
лицо его потемнѣло и голова понурилась.

— Вотъ не угодно ли полюбоваться!—волновался все болѣе
и болѣе Золотиловъ.—Они еще позволяютъ себѣ гнѣваться, изво-
лятъ быть не въ духѣ!..

— Помилуйте, батюшка Александръ Владиміровичъ! — тихо
заговорилъ Ионычъ.—Въ какомъ же я могу быть духѣ? Вѣдь это
даже невозможно-сь... Не могу же я ежеминутно отлучаться на
конюшню и смотрѣть за всѣми кучерами и кузнецами... Хлопо-
чешь изо всѣхъ силъ, стараешься, можно сказать, живота не жа-
лѣючи, чтобы все было какъ ни на есть лучше... А вы, сударь-
баринъ, все изволите быть недовольны!.. Вѣдь это даже обидно-сь!..

Золотиловъ пересталъ ходить по комнатѣ и молча остановился
передъ Ионычемъ... Прошло одно мгновенье, и облако слетѣло
съ лица вспылчиваго барина, такъ разобитоего невозможно-
стью ѣхать на любимомъ рысакѣ; глаза его приняли обыкновен-
ное, доброе выраженіе; мягкая, ласковая улыбка разлилась по
лицу... Онъ дружески ударилъ Ионыча по плечу и добродушно
сказалъ:

— Ну, полно, полно, старина! перестань ворчать, не сердись!
Вѣдь ты меня не первый день знаешь... Захромалъ «Щеголь»,—
ну, и чортъ съ нимъ! Скажи этому дураку Никитѣ, чтобы закла-
дывалъ вороныхъ... Да, вотъ что еще, Ионычъ: сегодня у меня
будетъ обѣдать Константинъ Дмитріевичъ и еще одинъ госпо-
динъ,—Чарышевъ, Сергѣй Сергѣевичъ,—ты, можетъ быть, пом-
нишь? Онъ, говорятъ, бывалъ у насъ въ домѣ?..

— Какъ же-сь, помню,—отвѣчалъ Ионычъ:—они у насъ ло-
шадей покупали... Веселый господинъ!..

— Ну; вотъ, вотъ,—онъ самый... Такъ видишь ли, надо этимъ

дѣломъ заняться какъ слѣдуетъ; надо, чтобы обѣдъ у насъ былъ на славу. Поди, позови Никанора, и мы сейчасъ все это дѣло порѣшимъ.

Ионычъ ушелъ, распорядился насчетъ лошадей и вернулся въ сопровожденіи очень представительнаго повара Никанора. Произошло очень серьезное и тщательное обсужденіе мѣню предстоящаго обѣда,—при участіи всѣхъ наличныхъ членовъ присутствующаго триумвирата. При этомъ, предсѣдатель собранія, т. е. Золотиловъ, оказался такимъ тонкимъ и свѣдущимъ специалистомъ по части кулинарнаго искусства, что передъ нимъ зачастую долженъ былъ пасовать даже самъ Никаноръ,—извѣстный во всемъ Петербургѣ, какъ великій мастеръ своего дѣла. Мѣню составлено, и поваръ, снабженный самыми обстоятельными инструкціями, отпущенъ. Воронье стоитъ у подъѣзда, и бородатый кучеръ Никита съ трудомъ сдерживаетъ запряженныхъ въ щегольскія сани горячихъ, породистыхъ лошадей. Въ передней, Ионычъ надѣваетъ шубу на своего барина.

— Такъ смотри же, Ионычъ,—обращается онъ къ провожающему его старому слугѣ,—смотри, чтобы все было въ порядкѣ! Я на тебя надѣюсь... Да присмотри за поваромъ-то... а то онъ какъ разъ...

Обѣдъ, однако, вышелъ въ полномъ смыслѣ великолѣпный.

Яркое освѣщеніе залы, роскошная и изящная сервировка стола вполне соответствовали высокому качеству кушаньевъ и напитковъ. Молодой, очень приличный лакей служилъ за столомъ безукоризненно. Ионычъ съ большимъ достоинствомъ изображал метрдотеля. Никаноръ превзошелъ себя; устрицы были феноменальныя, а портвейнъ былъ такой, что, по авторитетному заявленію Чарышева, ничего подобнаго не подавали никогда даже за столомъ испанской королевы Изабеллы.

Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно. Радущіе хозяина не знали границъ, и дорогіе гости вполне оцѣнили его шашлыкъ, вполне русское хлѣбосолюство. Послѣ обѣда, перебрались въ кабинетъ. Все общество было въ самомъ благодушномъ настроеніи и съ комфортомъ расположилось на мягкихъ диванахъ. Подали сигары и ликеры.

— Вотъ когда чувствуешь себя вполне человѣкомъ!—заговорилъ Чарышевъ, раскуривая дорогую гаванну.—Послѣ такого обѣда, человѣкъ имѣетъ полное право назвать себя *человѣкомъ*.

— Сказано недурно, но требовало бы нѣкотораго поясненія,—замѣтилъ Аранчѣвъ.

— Это можно объяснить въ двухъ словахъ,—самодовольно

продолжалъ Чарышевъ.—Ну, скажите, можетъ ли какое-либо другое существо, кромѣ человѣка, пообѣдать съ такимъ изяществомъ и вкусомъ, съ такимъ обиліемъ и полнотою ощущеній? Конечно, нѣтъ. Одинъ человѣкъ, и то не каждый, способенъ такъ цѣнить дары природы, такъ наслаждаться ими! И это совершенно въ порядкѣ вещей: человѣкъ есть царь природы, и природа должна служить ему,—служить, какъ говорится, вѣрой и правдой.

— Именно такъ!—весело сказалъ Золотиловъ.—Вѣрой и правдой! А то бѣда, если природа вздумаетъ брать примѣръ съ насъ и служить такъ, какъ на примѣръ, служу я.

— Развѣ вы недовольны вашей службой?

— Напротивъ, очень доволенъ. А вотъ служба-то, кажется, мной недовольна.

— Что это значитъ?

— А вотъ что...

Александръ Владиміровичъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею затопить каминъ. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Для нагляднаго изображенія всѣхъ высокихъ достоинствъ моихъ служебныхъ занятій, я лучше всего расскажу вамъ, господа, маленькій анекдотъ... если хотите, даже и не анекдотъ, а дѣйствительное происшествіе, случившееся со мною не далѣе какъ сегодня.

Гости приготовились слушать. Хозяинъ откашлялся и приступилъ къ своему разсказу:

— Приѣзжаю я давеча утромъ къ тетускѣ моей, княгинѣ Лазовской. Вхожу въ гостинную и вижу: сидитъ на диванѣ мой непосредственный верховный начальникъ, графъ Валицкій, къ вѣдомству котораго я причисленъ. Тетуска, знавшая только, что я гдѣ-то отбываю службу, но никакъ не подозрѣвавшая, что я состою именно у графа Валицкаго, подводитъ меня къ нему и представляетъ... «Золотиловъ, Золотиловъ»... припоминаетъ графъ. «Если не ошибаюсь, кажется, я имѣю честь быть вашимъ начальникомъ... Очень, очень,—говорить,—пріятно встрѣтаться съ вами хоть здѣсь, молодой человѣкъ, такъ какъ въ министерствѣ я не имѣлъ еще удовольствія васъ видѣть».

Разсказывая эту исторію, Золотиловъ смѣялся самымъ раскатистымъ хохотомъ. Смѣялись и слушатели.

— Чѣмъ же кончилось такое интересное знакомство?—спросилъ Аранчѣвъ,

— Я сконфузился и изобразилъ собой очень глупую фигуру. А графъ добродушно рассмѣялся и сказалъ: порхайте, молодой

человѣкъ, порхайте!.. а когда устанете, — приходите къ намъ, мы васъ тогда усадимъ...

— Такъ. А что сказала княгиня?

— О, тетушка задала мнѣ жестокою головомоюку!

— И подѣломъ-сь, и подѣломъ-сь! — горячо вступился Чарышевъ.

— Благодарю...

— Не за что-сь, Александръ Владиміровичъ, не за что-сь! — также горячо продолжалъ Чарышевъ. — Я говорю правду, да-сь. Вѣдь вы — единственный преемникъ и представитель имени и громаднаго состоянія Золотиловыхъ. Вѣдь у васъ чуть ли не двадцать тысячъ десятинъ въ одной изъ лучшихъ губерній Россіи! Какъ же вамъ, послѣ этого, не грѣшно сидѣть въ Петербургѣ и заниматься только порханіемъ по цвѣточнымъ клумбамъ?

— Да что же мнѣ прикажете дѣлать? — съ неподдѣльнымъ изумленіемъ спросилъ Золотилонъ.

— Что? Дѣло дѣлать, да-сь.

— Какое?

— Бросить Петербургъ, засѣсть въ вашемъ Благодатномъ, и личнымъ примѣромъ, личной инициативой содѣйствовать развитію и процвѣтанію края, представителемъ котораго поставили васъ происхожденіе и общественная позиція.

— Покорно васъ благодарю! мнѣ пока и здѣсь хорошо.

— Да что же хорошаго въ вашемъ Петербургѣ?

— Во-первыхъ, онъ столько же нашъ, сколько и вашъ. А, во-вторыхъ, позвольте наконецъ спросить: за что вы такъ нападаете на нашу милую столицу?

— Я не нападаю, нѣтъ-сь. Я только говорю, что въ настоящее время люди нужнѣе въ провинціи. Петербургъ лишь разрабатываетъ идеи, намѣчаетъ, такъ сказать, пути; а настоящая работа, осуществленіе всѣхъ этихъ идей и проэктонъ — тамъ, въ нашихъ благодатныхъ палестинахъ.

— О какихъ такихъ палестинахъ, Сергѣй Сергѣевичъ, вы все говорите? — вмѣшался въ разговоръ Аранчѣевъ. — Вчера вы упомянули про какую-то новь... сегодня — какія-то палестины... Это становится, наконецъ, любопытно.

— Палестины эти, милѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, — медленно произнесъ Чарышевъ, — вовсе не такъ далеко отъ насъ, какъ кажется.

— Опять загадка! Вы положительно хотите насъ мистифицировать.

— Никакихъ загадокъ и мистификацій тутъ нѣтъ, — тѣмъ же

тономъ продолжалъ Чарышевъ.—Я говорю, твержу и повторяю только одно, что пора, господа, пора приниматься намъ за дѣло!

— Дѣло, развитіе... но вѣдь это пока только слова,—замѣтилъ Золотиловъ.—Не мѣшало бы вложить въ нихъ опредѣленное, реальное содержаніе.

— Совершенно справедливо! — подтвердилъ Аранчѣвъ.—И мнѣ кажется, мы вправѣ попросить объ этомъ уважаемаго проповѣдника теоріи дѣловой жизни... Въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Сергѣевичъ, не найдете ли вы возможнымъ приподнять хотя бы одинъ уголокъ вашей таинственной завѣсы... рассказать или, по крайней мѣрѣ, намекнуть, что именно дѣлаетъ въ настоящее время самъ господинъ проповѣдникъ?

Сергѣй Сергѣевичъ отвѣтилъ не сразу:

— Вы спрашиваете: что дѣлаю теперь я?.. Пока немного: изучаю.., геологію.

— Какъ, геологію?

— Да-съ, геологію, — науку о сокровищахъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли.

— Для какой это надобности?

— Странный вопросъ! Конечно, для того чтобы по силѣ возможности содѣйствовать рациональной эксплуатаціи этихъ богатствъ.

— Для этого существуютъ спеціалисты, инженеры...

— Инженеры, какъ техники, сами по себѣ. А люди практической, такъ сказать, коммерческой инициативы—еще нужнѣе.

— Не спорю, можетъ быть... Но все таки не понимаю, о какихъ богатствахъ вы говорите? Уралъ давно эксплуатируется. Одного золота добывается такая масса...

— Чтò золото! Золото—дѣло пустое!

— Ну, положимъ, несовсѣмъ...—съ улыбкой замѣтилъ Аранчѣвъ.—А какое же другое дѣло, смѣю спросить, не пустое?

— Каменный уголь!—произнесъ Чарышевъ, обводя слушателей торжествующимъ взглядомъ.

Слушатели разсмѣялись.

— Не смѣйтесь, господа!—продолжалъ Чарышевъ, поднимая къ верху указательный палецъ.—Каменный уголь—это въ настоящее время, можно сказать, самый капитальный вопросъ для Россіи. Да-съ. Фабрики и заводы растутъ какъ грибы; желѣзные дороги строятся тысячами верстъ,—и для всего этого нужно топливо, топливо!

— Не ошибитесь, Сергѣй Сергѣевичъ!—сказалъ Аранчѣвъ.—Судя по всѣмъ даннымъ, мы долго еще обойдемся безъ каменнаго

угля. И мнѣ кажется, вы гораздо лучше сдѣлаете, если обратите ваше просвѣщенное вниманіе на какія либо богатства, находящіяся не въ нѣдрахъ, а на поверхности земли.

— Нѣтъ, извините, Константинъ Дмитріевичъ!—съ неподдѣльнымъ жаромъ возразилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Позвольте на этотъ разъ не согласиться съ вами! Угольное дѣло я изучалъ и въ Пруссіи, и въ Бельгіи, и во Франціи. Я дѣлалъ строгія научныя аналогіи и, на основаніи этихъ аналогій, построилъ выводы, которые позволяю себѣ считать безошибочными.

— И въ силу этихъ аналогій вы покидаете нашъ Петербургъ?

— Именно.

— Куда же вы думаете ѣхать?

— Прежде всего, въ Москву.

— Это для чего?

— Для того, чтобы позондировать тамъ допотопныхъ тузовъ—капиталистовъ, сиднемъ сидящихъ на золотыхъ мѣшкахъ, и обратиться къ нимъ съ рѣчью такого содержанія: «не чувствуете ли вы, милые мѣшочки, потребности очнуться отъ вашего дремотнаго состоянія и совершить маленькій променадъ на югъ Россіи, съ патриотическою цѣлью—положить блистательное начало грандіозному развитію промышленности въ благодатномъ Донецкомъ краѣ?»

— Къ намъ въ гости? Милости просимъ!

— Точно такъ-съ! «И я питаю, моль, себя лестною надеждою встрѣтиться съ вами на поприщѣ благороднаго соревнованія въ дѣлѣ преуспѣянія роднаго края»,—двоихъ изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей котораго я имѣю удовольствіе видѣть предъ собою.

Съ этими словами, кругленькій человѣчекъ всталъ и очень граціозно раскланялся передъ своими собесѣдниками. Аранчѣвъ замѣтно заинтересовался проэктами Чарышева и сталъ выжидать его на болѣе подробныя разъясненія. Фантазія будущаго дѣятеля на поприщѣ каменноугольной промышленности размыкалась и онъ яркими красками рисовалъ блистательную будущность того края, куда предполагалъ перенести теперь свою дѣятельность.

— Все это хорошо, Сергѣй Сергѣевичъ, — возражалъ ему Аранчѣвъ,—и я первый отъ души желаю вамъ всякаго успѣха. Только... на край-то нашъ плоха надежда. Край заброшенный, дикій... народъ лѣнивый, къ дѣлу непривычный.

— Эхъ, господа!—съ увлеченіемъ ораторствовалъ Чарышевъ.—Нѣтъ такого заброшеннаго края, который нельзя было бы прибрать къ рукамъ, и нѣтъ такихъ дикарей, которыхъ нельзя было бы выучить считать по пальцамъ. Да и время подошло совсѣмъ другое: двѣ главныхъ дороги на югъ почти готовы, вездѣ чувствуется

пробужденіе промышленной дѣятельности... И въ концѣ концовъ, земство, которое должно радикально измѣнить всю фізіономію нашего края...

— Такъ вотъ на кого возлагаете вы ваши надежды?—иронически замѣтилъ Аранчѣвъ.—На земство? Поздравляю... Да скажите на милость: что такое, въ сущности, земство? Новая, нарядная и, вдобавокъ, вредная игрушка—и больше ничего.

— Какъ? Земство—нарядная игрушка? — вспыхнулъ Чарышевъ. — Вотъ ужъ этого я, признаюсь, не ожидалъ!.. Вотъ такъ сюрпризъ! Константинъ Дмитріевичъ, вы ли это говорите? Александръ Владиміровичъ, да что же вы молчите! Развѣ можно оставлять безъ протеста такіе парадоксы?

— Я плохо понимаю, что такое земство, — сказалъ Золотовъ, — но, мнѣ кажется, это вещь, во всякомъ случаѣ, недурная.

— Да помилуйте!—волновался Сергѣй Сергѣевичъ.—Земство—это децентрализація, сліяніе сословія!.. Земство выдвинетъ на первый планъ мѣстные интересы, пробудитъ дремлющія силы, оживитъ промышленность... Земство высоко подниметъ уровень народнаго благосостоянія, широко разольетъ дары просвѣщенія...

Долго ораторствовалъ Чарышевъ на эту тему, съ увлеченіемъ и даже съ убѣжденіемъ. Но въ концѣ его разсужденій, къ немалому изумленію слушателей, получились нѣкоторые выводы, діаметрально противоположные тѣмъ положеніямъ, которыя ораторъ ставилъ въ началѣ: земство, въ окончательномъ выводѣ, оказалось призваннымъ содѣйствовать не сліянію сословія, а, напротивъ, исключительному преобладанію дворянства; богатствами края будутъ пользоваться не преимущественно мѣстные жители, а всѣ пришлые, годные къ тому люди... Сергѣй Сергѣевичъ имѣлъ способность слишкомъ увлекаться своимъ краснорѣчіемъ и любилъ говорить до тѣхъ поръ, пока языкъ не откажется служить, а потому, въ концѣ его діалектическихъ упражненій, получались иногда самыя неожиданныя и эксцентрическіе результаты, и теорія «грѣха» очень удачно разрѣшалась у него теоріей «ножки»... Когда истошилось краснорѣчіе Чарышева, заговорилъ Аранчѣвъ.

— Для понятія земства,—медленно и съ разстановкой началъ онъ,—есть одно, очень меткое и ясное опредѣленіе: земство есть нивелировка. Это не сліяніе сословія,—нѣтъ! а именно нивелировка, т. е. сглаживаніе неровностей; иначе говоря: приниженіе,—интеллектуальное и нравственное,—лучшихъ, наиболѣе развитыхъ и просвѣщенныхъ элементовъ общества. Большинство,

масса—это низменная равнина; меньшинство, избранники — это рѣдкія возвышенности, которыя, въ силу закона нивелировки, понуждаются принизиться до... равнины.

— Не правда!—воскликнулъ Золотиловъ.

— Не спѣшите, Александръ Владиміровичъ!—спокойно продолжалъ Аранчѣвъ.—Выслушайте меня до конца!.. Массѣ, какъ большинству, трудяще приподняться, чѣмъ меньшинству принизиться: большинство всегда сильнѣе меньшинства. Представьте себѣ огромное топкое болото, и вообразите, что на этомъ болотѣ, въ видѣ рѣдкихъ оазисовъ, уцѣлѣло нѣсколько роскошныхъ столѣтнихъ дубовъ:—какая судьба ожидаетъ эти вѣковыя деревья? Тина неизбѣжно, засосетъ ихъ, болото поглотить.

— Константинъ Дмитріевичъ, вы забываете, — горячо возразилъ Александръ Владиміровичъ,—что развитіе, просвѣщеніе, однимъ словомъ, умственная и нравственная сила, — неизмѣримо могущественнѣе всякой темной, стихійной массы.

— Можетъ быть, въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ рассуждалъ Константинъ Дмитріевичъ,—но никакъ не тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ соціальныя, сословныя элементы. Въ этой области законъ нивелировки дѣйствуетъ съ самой строгой и неумолимой послѣдовательностью: за нивелировкой нравственной неизбѣжно слѣдуетъ нивелировка матеріальная... Что же получается въ результатѣ? Торжество грубой, невѣжественной массы... мужицкое царство дегтя и сивухи...

— Мужикъ—такой же человѣкъ! Онъ имѣетъ такое же право жизнь!—продолжалъ горячиться Золотиловъ.

— Я не отрицаю этого права. Мужикъ-землевладѣлецъ, мужикъ-мастеровой, мужикъ-купецъ,—всѣ эти мужики могутъ и должны жить; они полезны, даже необходимы въ общемъ строѣ соціальной жизни. Но мужикъ-гласный, мужикъ-присяжный, мужикъ-предсѣдатель,—это явленія, по меньшей мѣрѣ, болѣзненные. Это—ничѣмъ не оправдываемое посягательство на привилегіи просвѣщенія.

— Но на какомъ основаніи вы такъ разграничиваете дѣятельность мужика? Почему мужикъ можетъ быть хорошимъ купцомъ и не можетъ быть хорошимъ членомъ земской управы?

— А потому, что всякая машина работаетъ исправно только тогда, когда всѣ части ея пропорціональны. Допустите малѣйшее нарушеніе этой пропорціональности—машина закачается, разстроится и скоро совсѣмъ остановится. А нашъ «свободный» мужикъ черезчуръ уже нарушаетъ нашу пропорціональность. И мы имѣемъ полное право сказать: довольно съ насъ мужика!..

— Ха-ха-ха!—расхохотался Сергѣй Сергѣевичъ.—Понимаю. Такъ вотъ почему Константинъ Дмитріевичъ такъ возмущался вчерашнимъ балетомъ.

— Балетъ—дѣло пустое, — недовольнымъ тономъ произнесъ Аранчѣвъ,—хотя, говоря откровенно, балетъ мнѣ все таки не понравился... Дѣло не въ балетѣ. Дѣло въ направленіи, въ тенденціи, которая начинается черезчуръ смѣло появляться и на каедрѣ, и на сценѣ. Если дѣло пойдетъ такъ и далѣе,—недалеко время, когда насъ заставятъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ и канавы рыть, и на часахъ стоять...

— Нѣтъ, Константинъ Дмитріевичъ, вы черезчуръ мрачно смотрите на дѣло,—возразилъ Чарышевъ.—Законъ нивелировки далеко не имѣетъ такого значенія... Преобладающее значеніе должно оставаться и всегда останется за нами, за интеллигенціей... Александръ Владиміровичъ, надѣюсь, вы раздѣляете мое мнѣніе?

— Отчасти, да—промолвилъ Золотиловъ.

— Александръ Владиміровичъ поставленъ въ такое исключительное положеніе, — сказалъ Аранчѣвъ, — что имѣетъ возможность раздѣлять какія ему угодно мнѣнія или даже стоять выше всякихъ мнѣній. А мои обстоятельства, семейныя и матеріальныя, волей-неволей заставляютъ смотрѣть на вещи трезвѣе и не обманывать себя иллюзіями.

— У васъ большое семейство?—спросилъ Чарышевъ.

— У меня четверо дѣтей. Кромѣ того, много братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ иные еще учатся. А Кургановка уже заложена... Вотъ вамъ и нивелировка! Какъ придется выйти въ отставку, да ѣхать домой хозяйничать,—такъ и вспомнишь тогда мужицкій балетъ!.. А тамъ засуха, тамъ овражки, тамъ саранча! Того и гляди, вспомнишь про земство, самъ попросишься въ мировые, протянешь руку за этимъ земскимъ, мужицкимъ пирогомъ! Или ужъ лучше тогда, Сергѣй Сергѣевичъ, къ вамъ на шахты—превращать золото въ уголь, а уголь въ золото?

Чарышевъ посмотрѣлъ на часы.

— Ой-ой-ой!—заторопился онъ.—Какъ мы однако засидѣлись!.. А мнѣ еще у троихъ старичковъ да у двухъ старушекъ побывать надо!..

Стали прощаться.

— До свиданія, Александръ Владиміровичъ!

— Гдѣ же?

— Тамъ, на югѣ... на шахтахъ...

III.

Александръ Владиміровичъ Золотиловъ былъ единственный сынъ у отца, — богатаго помѣщика одной изъ южныхъ губерній Россіи.

Родъ Золотиловыхъ принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ коренныхъ великороссійскихъ губерній, отрасль котораго издавна переселилась въ южную Россію, Громадное богатство и высокія достоинства родословнаго древа скоро доставили фамиліи Золотиловыхъ первенствующее положеніе въ кругу мѣстной аристократіи. Большую роль играло здѣсь то обстоятельство, что на югѣ Россіи, — особенно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя принято включать въ составъ такъ называемой Новороссіи, — дворянство имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ центральной полосѣ нашего отечества. Тамъ дворянство не представляется въ видѣ историческаго сословія, крѣпко сплоченнаго общими преданіями и интересами, и въ средѣ его насчитывается очень мало старинныхъ аристократическихъ фамилій. Въ Новороссіи есть очень много дворянъ изъ иноземныхъ выходцевъ, поселившихся здѣсь въ половинѣ прошлаго столѣтія, и изъ чиновниковъ, пожалованныхъ землями въ началѣ нашей эпохи. Населеніе южныхъ губерній вообще представляетъ пеструю смѣсь самыхъ разнообразныхъ элементовъ: здѣсь живутъ и великороссы, и малороссы; встрѣчаются остатки военныхъ и казацкихъ поселеній, попадаются цѣлыя колоніи всевозможныхъ чужестранцевъ. Мѣстная аристократія отличается такимъ же случайнымъ и смѣшаннымъ характеромъ; этимъ и объясняется отчасти тотъ высокій авторитетъ, которымъ пользовался здѣсь родъ Золотиловыхъ, происходившій по прямой линіи чуть ли не отъ Рюрика и имѣвшій большія связи въ высшихъ петербургскихъ сферахъ.

Отецъ Александра Владиміровича, Владиміръ Николаевичъ Золотиловъ, строго поддерживалъ фамильныя преданія своего рода и очень гордился ими. Но онъ не былъ честолюбивъ и не имѣлъ пристрастія къ свѣтскому обществу, а потому не погнался ни за служебной карьерой, ни за столичной жизнью. Вполнѣ довольный своимъ выдающимся положеніемъ въ средѣ мѣстной аристократіи, онъ дослужился до чина штабъ-ротмистра гвардіи, вышелъ въ отставку, женился и зажилъ въ своемъ «Благодатномъ» широкой жизнью богатаго степнаго помѣщика. Женатъ онъ былъ лѣтъ пять не болѣе: жена его, очень добрая и хоро-

шая женщина, умерла вскорѣ послѣ того, какъ родился Саша, единственный сынъ Золотиловыхъ. Владиміръ Николаевичъ былъ человѣкъ неглупый и незлой. Хотя онъ вполне сознавалъ свое «расовое превосходство» и смотрѣлъ на крестьянъ, какъ на людей, созданныхъ только для того, чтобы доставлять барину возможность широко пользоваться всеми благами жизни, но онъ никогда не позволялъ себѣ слишкомъ большихъ злоупотребленій помѣщичьею властью. Правда, при отбываніи барщины и всѣхъ оброчныхъ повинностей, въ Благодатномъ и въ другихъ имѣніяхъ Золотилова, требовалась образцовая исполнительность и налагались иногда и тѣлесныя наказанія; но всѣ эти строгости и наказанія не отличались излишнею жестокостью и имѣли, скорѣе, характеръ какъ бы отеческихъ внушеній. Вообще, Золотилова никоимъ образомъ нельзя было причислить къ разряду тѣхъ жестокихъ помѣщиковъ - деспотовъ, которые были такъ верѣдки на Руси во времена крѣпостнаго права. Послѣ смерти жены, Владиміръ Николаевичъ на нѣкоторое время отказался отъ широкой, открытой жизни, и заперся въ своемъ Благодатномъ. Онъ искренно оплакивалъ преждевременную потерю любимой жены, ласкалъ и нянчилъ своего ребенка, занимался хозяйствомъ, строилъ новыя оранжереи и теплицы, проводилъ цѣлыя дни на своемъ знаменитомъ рисистомъ заводѣ... Но, съ теченіемъ времени, тяжелыя ощущенія молодого вдовца сгладились, смягчились; замкнутая жизнь въ стѣнахъ прародительскаго дома стала прискучивать. Прошелъ годъ, другой,—и Золотиловъ вернулся опять къ прежнимъ привычкамъ веселой, общительной жизни. Онъ широко распахнулъ двери гостепріимнаго дома для всѣхъ званыхъ и незваныхъ гостей, и зажилъ привольно, безшабашно, посвящая все время лошадямъ и картамъ, венгерскому и шампанскому, блондинкамъ и брюнеткамъ. Отношенія Владиміра Николаевича къ сыну были довольно своеобразны. Въ первое время, когда голубоглазый ребенокъ представлялъ изъ себя ничто иное, какъ живую, нарядную куколку,—отецъ только забавлялся и утѣшался имъ, какъ новой, интересной игрушкой. Но ребенокъ скоро подросъ, и куколка, превращавшаяся въ человѣка, потребовала и болѣе разумнаго къ себѣ отношенія. Это обстоятельство привело Владиміра Николаевича въ нѣкоторое смущеніе и заставило задуматься... Но недоумѣнія его продолжались недолго. Приглявѣвшись повнимательнѣе къ своему толстому, кудрявому мальчугану, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что сынъ его имѣетъ всѣ задатки превратиться со временемъ въ такого же неглупаго и незлаго человѣка, какъ и отецъ. Сдѣлавъ такое открытіе,

любящій родитель окончательно успокоился относительно дальнейшей судьбы своего единственного наследника, представлявшейся ему теперь вполне определенной и ясной. Умозаключение, которымъ разрѣшились въ данномъ случаѣ всѣ родительскія затрудненія, было такое: если человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ обыкновенныхъ людей и матеріальное положеніе его вполне удовлетворительно,—то будущность его вполне обеспечена; надо только предоставить жизнь ея естественному теченію, не усложняя и не затрудняя ее излишними мудрствованіями. Послѣ такого умозаключенія, Владиміру Николаевичу не оставалось ничего болѣе, какъ только продѣлать надъ сномъ всѣ приемы общепринятой педагогики, въ видѣ дорогихъ боннѣ, гувернантокъ, гувернеровъ, а въ концѣ концовъ,—въ видѣ привилегированнаго высшаго учебнаго заведенія.

Незадолго до конца безпечальнаго житія Владиміра Николаевича и домашняго воспитанія его сына, случилось обстоятельство, которое нѣсколько нарушило установившійся строй золотиловской жизни. Обстоятельство это явилось въ видѣ крестьянской реформы 19 февраля. Но, при извѣстной умѣренности помѣщичьихъ вождедѣній Золотилова, а—главнымъ образомъ—благодаря его громадному богатству, заставлявшему его относиться довольно равнодушно къ нѣкоторому сокращенію имущественныхъ правъ,—эмансипація золотиловскихъ крѣпостныхъ совершилась довольно благополучно, и, при составленіи уставныхъ грамотъ, крестьяне получили почти все то, что имъ слѣдовало получить.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, въ тотъ самый годъ, когда Александръ Владиміровичъ поступилъ въ привилегированное высшее учебное заведеніе, Владиміръ Николаевичъ Золотильовъ благополучно отошелъ въ вѣчность.

При такихъ-то условіяхъ росъ, воспитывался и обучался Александръ Владиміровичъ Золотильовъ.

Саша былъ, дѣйствительно, мальчикъ неглупый и незлой. Онъ былъ даже добрѣе отца, и очень напоминалъ характеромъ мать, отъ которой заимствовалъ ея голубые глаза и кудрявые бѣлокурые волосы. Природная доброта ребенка была главною причиною того, что къ нему почти не привились нравы и преданія крѣпостнаго права; но такъ какъ доброта эта была довольно поверхностна и пассивна,—крѣпостное право не вызвало и горячаго протеста въ душѣ молодаго Золотилова, чему содѣйствовало также и то, что окружавшія мальчика формы крѣпостной жизни были не слишкомъ суровы. До поступленія въ высшее учебное заведе-

ніе, Сашу Золотилова учили дома всевозможнымъ наукамъ и искусствамъ, учили много и усердно, но большею частію очень легко, поверхностно и формально, за исключеніемъ, конечно, французскаго языка. Къ сожалѣнію, во всей многочисленной толпѣ преподавателей и воспитателей богатаго барчука не нашлось ни одного, который отнесся бы къ своему дѣлу не съ формальной только стороны, а постарался бы поглубже заглянуть въ душу ребенка, найти въ ней искру божью и дать должное развитіе душевнымъ силамъ своего питомца,—что могло бы имѣть громадное значеніе для всей будущей судьбы Александра Владиміровича. Что касается отца Золотилова,—участіе его въ воспитаніи сына было вполне отрицательное; успокоившись на той мысли, что заведенная педагогическая машина вполне обезпечиваетъ дальнѣйшую жизненную карьеру ребенка, Владиміръ Николаевичъ не вмѣшивался болѣе въ его воспитаніе, придерживаясь мнѣнія, что подобное вмѣшательство, если и не будетъ сопровождаться вредными послѣдствіями, то ни въ какомъ случаѣ не принесетъ и пользы. Окружавшая ребенка роскошная обстановка, домъ, постоянно наполненный толпою шумныхъ, веселыхъ гостей, вѣчные разговоры о лошадяхъ и картахъ, сказочные обѣды и сверхъестественныя женки,—все это, конечно, не могло содѣйствовать пробужденію въ душѣ Саши Золотилова разумныхъ и гуманныхъ инстинктовъ. А примѣръ личной жизни отца,—веселой, разгульной, а иногда и цинической, — не могъ не дѣйствовать на воспріимчивую натуру ребенка самымъ деморализующимъ образомъ. И, дѣйствительно, пятнадцатилѣтній Золотиловъ въ очень грубой и реальной формѣ познакомился съ тѣми сторонами жизни, которыя въ этомъ возрастѣ должны бы представляться развѣ только въ видѣ таинственной и поэтической загадки... Не обладай этотъ мальчикъ природными добрыми инстинктами сердца да еще нѣкоторой вялостью и даже апатичностью натуры,—изъ него навѣрное выработался бы не типъ человѣка неглупаго и незлаго, а, напротивъ, личность вполне антипатичная, развратная, грубая...

Что же должно было получиться въ результатѣ такой домашней обстановки и воспитанія Золотилова? Сознаніе врожденнаго привилегированнаго положенія и полное невѣдѣніе условій настоящей трудовой жизни; наивная гордость сословными преимуществами и снисходительно-пренебрежительное отношеніе къ другимъ болѣе низменнымъ сферамъ жизни; умственные силы — насколько неразвитыя и неокрѣпшія; природная сердечная доброта—поверхностная и пассивная, неспособная ни на страсть, ни

на подвигъ; испорченное, загрязненное воображеніе и самыя смутныя представленія о долгѣ и нравственности; полное отсутствіе воли, характера, какой либо опредѣленной нравственной фizioноміи.

Реформа 19 февраля, совершившаяся на глазахъ молодого Золотилова, произвела на него очень слабое впечатлѣніе. Онъ не понималъ значенія этой реформы и потому не могъ ни радоваться ей, ни огорчаться ею. Смерть отца также не имѣла какого либо рѣшающаго значенія въ дальнѣйшей исторіи сына. Отца своего молодой Золотилонъ любилъ, но любилъ какъ-то болѣе теоретически,—такъ сказать, по принципу: у нихъ не было общихъ задушевныхъ интересовъ, не было ни дружбы, ни горячей любви. А между тѣмъ, послѣ смерти отца, восемнадцатилѣтній юноша увидѣлъ себя единственнымъ обладателемъ громаднаго состоянія,—что, конечно, не могло содѣйствовать появленію въ душѣ его какихъ либо сдерживающихъ и дисциплинирующихъ импульсовъ. Жизнь стала представляться молодому челвѣку еще проще, еще свободнѣе—да, именно: свободнѣе—отъ всякой заботы и печали, отъ всякой необходимости думать и трудиться. Высшее привилегированное учебное заведеніе, куда поступилъ и гдѣ окончилъ свое образованіе Золотилонъ, могло содѣйствовать расширенію его умственного и нравственного горизонта только въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Преподававшія тамъ спеціальныя науки не заинтересовали, да и не могли заинтересовать лѣниваго и равнодушнаго къ знанію, богатаго юношу. Товарищи почти всѣ были одного круга, всѣ обладали хорошими матеріальными средствами, а потому всѣ болѣе или менѣе принадлежали къ одному и тому же типу безпечальныхъ и беззаботныхъ россіянь. Не было настоящаго товарищества,—этой живой, плодотворной силы, которая часто имѣетъ такое громадное значеніе для натуръ, подобныхъ натурѣ Золотилова. А, между тѣмъ, кругомъ кипѣла новая жизнь. Теченіе общественной мысли разливалось широкой волной; новыя требованія жизни вызывали неустанную разработку новыхъ реформъ. Общество какъ бы перерождалось... Какъ и большинство его товарищей, Золотилонъ не былъ чуждъ новымъ теченіямъ мысли и «вѣяніямъ времени». Онъ почитывалъ журналы и газеты, горячо разсуждалъ о разныхъ новостяхъ дня и, повидимому, очень интересовался всѣмъ, что творилось въ окружающей его жизни. Но все это было очень легкомысленно, поверхностно, и имѣло всѣ отличительныя признаки дилетантизма; волненія окружающей дѣйствительности отражались въ душѣ Золотилова подобно тому, какъ грозовыя тучи от-

рзаются на гладкой поверхности тихаго пруда. Все это живое бiенiе пульса общественной жизни представлялось богатому молодому человѣку, какъ нѣчто, не имѣющее непосредственнаго отношенiя къ нему лично, какъ что-то слишкомъ удаленное отъ той прiятной, удобной жизни, которая вполнѣ застраховывала его особу отъ всѣхъ житейскихъ тревоженiй... Это былъ для него не болѣе, какъ разнообразный интересный спектакль, отличающiйся отъ настоящаго театральнаго представленiя только тѣмъ, что здѣсь сама жизнь заступаетъ мѣсто театральныхъ подмостковъ... По окончанiи курса наукъ въ привилегированномъ заведенiи, Золотиловъ поступилъ на службу, иначе говоря, былъ причисленъ къ какому-то департаменту,—къ какому именно, едва ли хорошо зналъ даже самъ причисленный... Служба эта была замѣчательно легкая и спокойная; она не требовала отъ привилегированнаго чиновника рѣшительно никакихъ обязательныхъ занятiй, не исключая даже необходимости хотя бы изрѣдка посѣщать мѣсто служенiя. Случай съ начальникомъ, рассказанный Золотиловымъ послѣ обѣда съ Чарышевымъ и Аранчѣевымъ, былъ не анекдотъ, а истинное событiе,—не смотря на всю кажущуюся его неправдоподобность. Всѣми другими житейскими дѣлами, имѣющими какое либо серьезное значенiе, Золотиловъ занимался съ такимъ же рвенiемъ и усердiемъ, какъ и своей службой. Читать онъ не любилъ, на фортепиано наигрывалъ только новыя балетныя мотивы, петербургскимъ хозяйствомъ его завѣдывалъ Юнычъ, а богатѣйшiя имѣнiя въ южной Россiи были отданы въ полное распоряженiе управляющаго, отчетовъ котораго хозяинъ даже никогда не просматривалъ. Управляющiй широко пользовался своимъ выгоднымъ положенiемъ и успѣшно сколачивалъ себѣ солидный капиталецъ; но имѣнiя давали такiе баснословные доходы, что, не смотря на всѣ «хищенiя» и злоупотребленiя управляющаго, Александръ Владимiровичъ имѣлъ полицiйшую возможность, безъ малѣйшихъ стѣсненiй, вести самую широкую и раздольную жизнь привилегированнаго свѣтскаго жуира. Онъ занималъ роскошную квартиру на одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга, держалъ великолѣпныхъ лошадей и приличный штатъ прислуги, былъ исправнымъ посѣтителемъ великосвѣтскихъ вечеровъ и раутовъ, и имѣлъ на содержанiи пикантную балетную корифейку Мимишку. Дома Золотиловъ бывалъ очень рѣдко, и все время свое посвящалъ свѣтскимъ увеселенiямъ или же холостымъ развлеченiямъ богатой, праздноя молодежи. Здоровьемъ онъ обладалъ прекраснымъ, пилъ шампанское, какъ воду, и не зналъ, что такое усталость послѣ трехъ бессонныхъ ночей къ ряду. Популярность

молодаго, богатаго прожигателя жизни въ закулисномъ балетномъ мірѣ и въ отдѣльныхъ кабинетахъ шикарныхъ ресторанохъ составляла прямую противоположность его популярности въ кругу департаментскихъ сослуживцевъ. Всѣ эти балетчицы, французженки, буфетчики, татары боготворили и на рукахъ носили милѣйшаго, добрѣйшаго, щедрѣйшаго барина.

Единственнымъ диссонансомъ въ жизни Золотилова являлся развѣ только старинный, вѣрный слуга его Ионычъ. Ионычъ нянчилъ Сашу, когда тотъ былъ еще ребенкомъ; Ионычъ былъ постояннымъ пѣстуномъ его въ деревнѣ и раздѣлялъ съ нимъ всѣ перипетіи его петербургской жизни. Ионычъ былъ безгранично преданъ своему барину... Но когда излишества его любимца выходили изъ всякихъ границъ, Ионычъ, на правахъ стараго слуги, позволялъ себѣ заявлять надоѣдливый, ворчливый протестъ, настоятельно указывая барину на необходимость провести хотя одинъ вечеръ въ году дома, или просмотрѣть хотя одинъ изъ отчетовъ зазавшагося управляющаго. Это ворчаніе, эти протесты Ионыча нарушали иногда общее гармоническое теченіе жизни безпечнаго жуира, но никогда не причиняли ему серьезнаго огорченія; напротивъ, они доставляли ему даже нѣкоторое интересное развлеченіе: Золотиловъ очень любилъ своего стараго Ионыча и находилъ особенное удовольствіе ссориться и мириться съ нимъ по десяти разъ на дню.

Такъ жилъ, служилъ и жуировалъ Александръ Владиміровичъ Золотиловъ. Наивная теорія родителя его оправдывалась результатами: сынъ являлся достойнымъ преемникомъ отца и проводилъ вполне безпечальную и беззаботную жизнь. Въ перспективѣ виднѣлась блистательная служебная карьера, съ избыткомъ чиновъ и регалій, или же почетное успокоеніе въ роскошной усадьбѣ Благодатнаго, въ образѣ помѣщика-семьянина, радушнаго амфитріона, общеуважаемаго представителя фамилныхъ традицій, уѣзднаго, а — можетъ быть — и губернскаго предводителя дворянства...

IV.

Служебная карьера, однако, не далась Золотилову. Ни въ характерѣ, ни въ привычкахъ его не было ни малѣйшихъ задатковъ для успѣшнаго прохожденія іерархической лѣстницы чиновъ и служебныхъ отличій. Александръ Владиміровичъ былъ совсѣмъ не честолюбивъ, и въ этомъ отношеніи походилъ на отца; тру-

дѣться онъ не любилъ и питалъ неодолимое отвращеніе въ перу и бумагѣ; служить же по способу «прислуживанія» не было ни желанія, ни надобности. Между тѣмъ, новыя вѣянія стали понемногу проникать и въ то учрежденіе, гдѣ служилъ чиновникъ, незнакомый со своимъ высшимъ начальникомъ; для успѣшнаго движенія по службѣ сдѣлалась необходимою нѣкоторая активная дѣятельность—даже и для «причисленныхъ». Волей-неволей, приходилось и Золотилу появляться иногда въ стѣнахъ скучнаго департамента... А благорасположенное начальство, желая дать молодому чиновнику возможность выдвинуться какъ можно скорѣе, вздумало давать ему иногда нѣкоторыя экстремныя порученія. Золотилу исполнялъ эти порученія, но исполнялъ очень медленно и небрежно. Сидя за столомъ, заваленнымъ бумагами, и дѣлая выводы изъ громадныхъ столбцовъ какихъ-то глупѣйшихъ цифръ, смыслъ которыхъ былъ ему вполне недоступенъ, онъ глубоко возмущался такимъ нелѣпымъ времяпровожденіемъ. Всѣ силы его души громко протестовали противъ стѣсненія его праздною, лѣнивою, свободной жизни... Кончилась вся эта исторія тѣмъ, что когда Золотилу продержалъ однажды чуть не годъ безъ всякаго движенія какую-то очень спѣшную и нужную бумагу,—за что послѣдовало очень рѣзкое замѣчаніе изъ самыхъ высшихъ инстанцій, — нашъ причисленный торжественно объявилъ, что вся эта возня со служебной чепухой надѣла ему до тошноты—и вышелъ въ отставку.

Случилось это года черезъ два послѣ перваго представленія перваго русскаго балета. Выдя въ отставку и насладившись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ абсолютной свободой, явившейся результатомъ прекращенія служебныхъ обязанностей, Золотилу вздумалъ прокатиться на югъ для осмотра своихъ владѣній. Поѣздка эта была затѣяна безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ и намѣреній, а просто по случайному наитію мысли, для развлечения и нѣкотораго разнообразія въ жизни. Но Юнычъ, этотъ неразлучный спутникъ своего барина, отнесся очень серьезно къ путешествію на югъ и возлагалъ на него большія надежды: онъ настоятельно указывалъ Александру Владиміровичу на неотложную необходимость самой строгой ревизіи его хозяйства.

Въ Благодатномъ все оказалось почти въ томъ же положеніи, какъ и при покойномъ отцѣ Золотилова. Домъ, флигеля, службы, конюшни, садъ, оранжереи,—однимъ словомъ, вся обширная, роскошная усадьба прародительской вотчины найдена была въ образцовомъ порядкѣ. Хозяйственный инвентарь, конскій заводъ, рабочій скотъ, овцы,—все это было въ самомъ исправномъ и удовлетворительномъ видѣ. Вообще, впечатлѣніе, которое производило на

всѣхъ наслѣдственное имѣніе Золотилова, было самое благопріятное: это было обширное, вполне благоустроенное, почти образцовое хозяйство. Очевидно, управляющій былъ великій мастеръ своего дѣла и умѣлъ въ совершенствѣ осуществлять теорію «сытыхъ волковъ и цѣлыхъ овецъ». Золотилловъ былъ очень доволенъ. Онъ сразу почувствовалъ себя хорошо въ этихъ громадныхъ комнатахъ обширнаго родительскаго дома, въ этихъ тѣнистыхъ аллеяхъ роскошнаго стариннаго сада, въ этихъ душистыхъ, привольныхъ, въ безконечную даль раскинувшихся, степяхъ. Ему показалось здѣсь очень уютно и свободно. И чѣмъ долѣе жилъ здѣсь Золотилловъ, тѣмъ лучше себя чувствовалъ, тѣмъ болѣе привлекало его все окружающее. Ему нравились эти сытые, лѣнныя воли, запряженные по три и по четыре пары въ тяжелый плугъ, и шествующіе по полянѣ методическимъ, размѣреннымъ шагомъ... Ему нравились эти лѣнныя фигуры добродушныхъ и въ то же время хитрыхъ хохловъ, ело-двигающихся за плугомъ и понукающихъ своихъ воловъ загадочными звуками: «цобъ-цобъ-цобе»... Ему нравились эти привѣтливая, бѣлая крестьянская хата, нестройною кучей сбившіяся по крутому косогору и еще безпорядочнѣе раскинувшіяся тамъ, за плотиной, по-надъ прудомъ... Ему нравились пріютившіяся по балкамъ, въ тѣни бѣлыхъ акацій и черешень, уютныя домики скромныхъ степныхъ помѣщиковъ, гдѣ съ такимъ почетомъ принимали молодого, богатаго представителя петербургскаго «свѣта». Ему пришлось по сердцу эти добрые, радушные сосѣди, которые такъ усердно потчивали дорогого гостя десятилѣтнею сливянкой, и при этомъ вели неумолчныя бесѣды о недавно открытыхъ желѣзныхъ дорогахъ, о неизбежно-простоящемъ, баснословно-грандіозномъ оживленіи и процваніи роднаго ярая... Все это до такой степени понравилось Золотиллову, что онъ рѣшился не разставаться пока съ Благодатнымъ и основать здѣсь свою постоянную резиденцію. Надолго ли?—объ этомъ не разсуждалъ скорый въ рѣшеніяхъ баринъ.

Остановившись на этомъ рѣшеніи и окончательнo устроившись на болѣе или менѣе долговременное пребываніе въ стѣнахъ родительскаго дома, Александръ Владиміровичъ принялся за хозяйство. Уступая настоятельнымъ требованіямъ Юныча и чувствуя самъ потребность ознаменовать чѣмъ либо свое вступленіе въ непосредственное завѣдываніе обширными владѣніями, онъ немедленно привелъ въ осуществленіе нѣсколько грандіозныхъ хозяйственныхъ реформъ и улучшеній. Первымъ дѣломъ, Золотилловъ уволилъ прежняго управляющаго и взялъ новаго. Сдѣлавъ онъ это не въ силу какихъ либо вѣскихъ и очевидныхъ факта-

ческихъ данныхъ, которыя служили бы къ изобличенію злыхъ махинацій прежняго управляющаго, а больше въ силу обычая, который требуетъ, чтобы всякая серьезная хозяйственная реформа обязательно начиналась съ перемѣны управляющаго. Слѣдующая реформа состояла въ продажѣ одного изъ имѣній, находившагося на довольно далекомъ разстояніи отъ резиденціи главнаго управления. Сдѣлалъ это Золотиловъ въ силу того вполнѣ резоннаго соображенія, что имѣніе это, если его не продать, всегда будетъ, какъ говорится, не къ рукѣ,—въ строгая хозяйскаго контроля; а съ другой стороны, деньги, вырученныя посредствомъ этой операціи, могутъ составить основной фондъ оборотнаго капитала, предназначаемаго для осуществленія грандіозныхъ реформъ въ двухъ остальныхъ имѣніяхъ Золотилова. Въ заключеніе своей реформаторской дѣятельности, Александръ Владиміровичъ устроилъ церковное торжество, съ крестнымъ ходомъ, молебномъ и водосвятиемъ,—послѣ чего крестьянамъ села Благодатнаго было выставлено угощеніе,—выражаясь на мѣстномъ нарѣчьи: магарычъ, а говоря просто, по русски—сивалдай. Угощеніе это было предоставлено крестьянскому люду въ такомъ ужасающемъ количествѣ, что трое изъ самыхъ жадныхъ охотниковъ до даровой выпивки въ тотъ же день отдали Богу души.

Совершивъ эти три подвига, Золотиловъ почилъ на лаврахъ. Все дальнѣйшее веденіе хозяйственныхъ дѣлъ и осуществленіе проектированныхъ реформъ и улучшеній онъ предоставилъ всецѣло новому управляющему, а самъ не замедлилъ обратиться къ своему излюбленному занятію, т. е. къ безпечальному и беззаботному провозженію жизни. Для осуществленія такого блага намѣренія потребовалось, конечно, содѣйствіе общества. Но затрудненій въ этомъ случаѣ не представило съ никакихъ: все мѣстное «лучшее» общество съ распростертыми объятіями встрѣтило богатаго, гостеприимнаго и, вдобавокъ, холостаго представителя высшихъ сферъ петербургской жизни, и съ полной готовностью предоставило и дома свои, и самихъ себя въ полное распоряженіе Золотилова, для наиболѣе успѣшнаго осуществленія идеала безпечальнаго и беззаботнаго провозженія жизни. Формы этой жизни были и здѣсь почти тѣ же, что въ Петербургѣ. Измѣнилась только обстановка и нѣкоторыя детальныя подробности. Здѣсь не было устриць и фазановъ; зато здѣсь были пудовыя кулебяки и кормленныя миндалемъ индѣйки. Здѣсь меньше пили шампанскаго и токайскаго; зато здѣсь въ страшномъ количествѣ истребляли великолѣпныя домашнія вишневки и сливянки. Здѣсь не было Мимшики и французенокъ; зато здѣсь было полное изо-

биліе всѣхъ сортовъ Палашекъ и Малашекъ. Здѣсь не ѣздили въ балетъ и дорогіе рестораны; зато въ широкихъ размѣрахъ практиковались очень веселыя и шумныя поѣздки на тройкахъ съ колокольчиками отъ одного помѣщика къ другому. Оригинальная особенность этихъ поѣздокъ состояла въ томъ, что каждый хозяинъ, принявъ и угостивъ, какъ подобаетъ, нагрывшихъ къ нему гостей, долженъ былъ запрягать свою тройку и ѣхать, вмѣстѣ со всѣми, далѣе,—въ слѣдующій, не менѣе гостеприимный домъ. Такимъ способомъ, численный составъ странствующей компаніи увеличивался съ каждымъ новымъ визитомъ и принималъ въ концѣ концовъ очень внушительные размѣры. Последнимъ пунктомъ, последнимъ пристанищемъ для этихъ своеобразныхъ кочевниковъ служило обыкновенно Благодатное: достигнувъ своей предѣльной величины, веселая компанія шумно вваливалась въ просторныя хоромы золотиловской усадьбы и осѣдала здѣсь нерѣдко на цѣлую недѣлю.

Но самое главное и привлекательное,—что было здѣсь и чего не было въ Петербургѣ,—это та простота, тѣ безпритязательныя и откровенныя формы, въ которыя укладывались всѣ проявленія безшабашной жизни. Эта, по истинѣ, замѣчательная простота сказывалась даже въ томъ, что здѣсь всѣ вещи назывались всегда ихъ полными, собственными именами. Такъ на примѣръ, если Иванъ Ивановичъ и Петръ Петровичъ собирались въ гости къ Павлу Павловичу, они всегда говорили прямо: «поѣдемъ къ Павлу Павловичу пить водку». И если Иванъ Ивановичъ выпивалъ у Павла Павловича такое количество водки, которое превышало всякіе предѣлы благоразумія, — на другой день и самъ Иванъ Ивановичъ, и Павелъ Павловичъ, и Петръ Петровичъ говорили и другъ другу, и всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, что Иванъ Ивановичъ былъ вчера «пьянъ», и «ловко пьянъ». Для опредѣленія пьянства существовалъ даже особый терминъ: «надрызаться»... Но не подумайте, что всѣ эти Иваны Ивановичи и Петры Петровичи были сами по себѣ люди прѣстные, а потому такъ просто говорили и поступали,—нѣтъ, многіе изъ этихъ господъ были люди черезчуръ даже тонкіе. Такъ на примѣръ, тотъ же Петръ Петровичъ, пользуясь чрезмѣрнымъ опьяненіемъ Ивана Ивановича, очень ловко вымѣнялъ у него великолѣпнаго рысака на жалкую клячу... Но тѣмъ-то и дорога была эта простота отношеній, что на другой день послѣ ловкой мѣновой аферы,—и самъ Петръ Петровичъ, и Иванъ Ивановичъ, и Павелъ Павловичъ говорили и другъ другу, и всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, что Петръ Петровичъ вчера «надулъ» и «ловко

надулъ» Ивана Ивановича. И говорилось это безъ малѣйшихъ признаковъ злости или негодованія, ибо надувательство совершилось вчера, когда пили водку, а когда пьютъ водку, тогда живутъ по простотѣ...

И не подумайте, что обмѣнъ жалкой клячи на великолѣпнаго рысака былъ событіемъ чисто случайнымъ, явившимся только какъ результатъ чрезмѣрнаго опьяненія обѣихъ участвовавшихъ въ мѣнѣ сторонъ, — нисколько. И Иванъ Ивановичъ, и Павелъ Павловичъ хорошо знали, что Петръ Петровичъ часто упражняется въ подобныхъ фокусахъ, и упражняется очень удачно: онъ никогда не сдѣлаетъ такой ошибки, чтобы вымѣнять своего рысака на клячу Ивана Ивановича. Всему обществу было извѣстно, что средства Петра Петровича очень плохи, а живетъ онъ черезчуръ хорошо, и живетъ именно благодаря своимъ пьянымъ аферамъ; каждый изъ его собутыльниковъ достаточно уже заплатилъ за удовольствіе пить въ обществѣ этого афериста. Всѣ отлично помнили случай, какъ Петръ Петровичъ вынулъ разъ изъ кармана колоду картъ и такъ ловко сталъ перекидывать направо — налѣво, что Павелъ Павловичъ въ какіе нибудь полчаса лишился не только рысака, но и часовъ, и куртки, и результатовъ урожая... Ни для кого не былъ секретомъ даже такой фактъ, что Петръ Петровичъ, подъ пьяную руку, обобралъ до нитки и выгналъ изъ дома роднаго брата, такъ что тому не оставалось ничего болѣе, какъ только застрѣлиться. Но тѣмъ-то и интересна была эта поучительная «простота», что и Иванъ Ивановичъ, и Павелъ Павловичъ нисколько не шокировались подобными подвигами Петра Петровича, и никогда не отказывались дѣлать съ нимъ пьяную компанію. И Иванъ Ивановичъ, и Павелъ Павловичъ беззавѣтно вѣрили въ истину, что щука существуетъ для того, чтобы карась не дремалъ, и если зубастая щука проглотить соннаго карася, тотъ никогда не долженъ быть за это въ претензіи.

Золотиловъ былъ человѣкъ русскій и потому не могъ оставаться равнодушнымъ ко всему тому, что имѣло характеръ или, по крайней мѣрѣ, видъ простоты; извѣстно, что простота есть отличительное качество русскаго человѣка... Когда прїѣзжій пѣтерскій гость очутился въ обществѣ Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей, его охватила какая-то особенная атмосфера задушевныхъ, простыхъ отношеній, широкаго, беззавѣтнаго задула, откровеннаго прожиганія пьяной жизни. Эти привлекательныя черты его новыхъ сподвижниковъ на поприщѣ безпечальнаго и беззаботнаго провѣденія жизни сразу овладѣли его вни-

маніемъ и заслонили въ его глазахъ всѣ остальные некрасивыя подробности новой обстановки. Александръ Владиміровичъ долго не подозрѣвалъ той безнравственной подкладки, которая скрыта была подъ этими внѣшними формами, и не имѣлъ никакого понятія о знаменитыхъ подвигахъ Петра Петровича и объ отношеніи къ этимъ подвигамъ Ивана Ивановича и Павла Павловича,—иначе онъ съ отвращеніемъ убѣждалъ бы изъ общества этихъ людей при первомъ же съ ними знакомствѣ. Золотиловъ вообще имѣлъ очень смутныя представленія о томъ, что такое безнравственные, грязные люди, и до какихъ размѣровъ можетъ доходить ихъ грязь и безнравственность; его наивная довѣрчивость, сердечная доброта и благодушнѣйшій оптимизмъ всегда заставляли его видѣть только хорошія стороны. Такимъ образомъ, и въ обществѣ Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей онъ разглядѣлъ и оцѣнилъ то, что представлялось ему наиболѣе симпатичнымъ—эту задушевную простоту, которая была такъ родственна его прямой, открытой натурѣ.

Но, надо сказать правду, простота эта не сразу понравилась Золотилову. Развертывавшаяся передъ нимъ безобразная картина мѣстныхъ нравовъ вначалѣ возмущала и отталкивала его. Сознаніе своего аристократическаго превосходства, привычка къ утонченнымъ формамъ петербургской жизни, таившіяся въ душѣ смутныя отголоски новыхъ вѣяній современности,—все это заявляло на первыхъ порахъ довольно громкій протестъ противъ черезчуръ откровенныхъ проявленій разнузданной жизни степныхъ провинціаловъ. Но, съ теченіемъ времени, протестъ этотъ становился все слабѣе и слабѣе, постепенно стихалъ и замиралъ. Въ характерѣ Золотилова не было ни малѣйшей устойчивости или выдержки, и весь арсеналъ его нравственнаго оружія былъ слишкомъ низкаго достоинства для успѣшнаго противодѣйствія окружающей обстановкѣ. А, между тѣмъ, усвоенныя привычки широкой, разгульной жизни настоятельно требовали своего удовлетворенія—въ какой бы то ни было формѣ. Тѣ формы, которыми, за неимѣніемъ лучшихъ, приходилось довольствоваться въ настоящее время, были, конечно, черезчуръ грубы, но та беззавѣтная, задушевная простота, которая больше всего плѣняла Золотилова въ новой его жизни, значительно сглаживала всѣ шероховатости и рѣзкости окружавшей обстановки, и постепенно понижала уровень его вкуса и требованій.

Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ Александръ Владиміровичъ сдѣлался постояннымъ, дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ отвратительныхъ кутежей этой пьяной компаніи... Путь былъ

скользкій, покатый,—и добрый, но слабохарактерный человекъ не могъ на немъ удержаться. Золотиловъ началъ быстро спускаться по наклонной плоскости нравственнаго паденія, а его безпечальная и беззаботная жизнь стала зачастую принимать характеръ самаго грубаго кутежа и безпробуднаго пьянства...

Съ теченіемъ времени, передъ глазами Золотилова стала постепенно развѣртываться и закулисная сторона этого пьянства; онъ начиналъ мало по малу знакомиться и со знаменитыми пьяными подвигами Петра Петровича... Но онъ уже слишкомъ втянулся во вкусъ этой компаніи, и сдѣлался ея вѣрнымъ адептомъ—не только по части выпивки, но и по части нравственной неустойчивости... Онъ не считалъ теперь унижительнымъ для своего достоинства пьянствовать вмѣстѣ съ завзятымъ мошенникомъ... Бывали и тяжелыя минуты. Сознаніе пробуждалось; раздавались громкіе укоры совѣсти. Все честное и хорошее, что таилось въ глубинѣ души Золотилова, возмущалось и протестовало противъ его распущенности и беспорядочности. Въ эти минуты, Александръ Владиміровичъ ясно сознавалъ всю низость своего паденія, ждалъ прійти въ себя, одуматься, очнуться. Но руки его были безсильны разорвать страшныя путы, которыя все крѣпче и крѣпче стягивали жалкую жертву своей безхарактерности... И несчастный молодой человекъ все глубже и глубже увязалъ въ страшной тинѣ дикаго пьянства и грубаго разврата.

А тина эта, въ полномъ смыслѣ слова, страшная тина. Кто не видалъ, какъ пьютъ и развратничаютъ наши захоластные, степные помѣщики, тотъ не имѣетъ понятія о томъ, что такое пьянство и развратъ!..

У.

Года черезъ два послѣ переселенія Золотилова на югъ, разстался съ Петербургомъ и Аранчѣевъ.

Константинъ Дмитріевичъ оказался правъ, разсуждая на обѣдѣ у Золотилова о пагубныхъ послѣдствіяхъ «нивеллировки»,—въ особенности для него лично. Состояніе Аранчѣева нельзя было и сравнивать съ состояніемъ Золотилова, тѣмъ болѣе, что оставшееся по смерти отца имѣніе «Кургановка» составляло пока нераздѣльную собственность не одного Константина Дмитріевича, но его матери, троихъ братьевъ и двухъ сестеръ. Это было имѣніе большое, богатое, очень доходное; но оно служило единствен-

нымъ источникомъ средствъ для покрытія всѣхъ расходовъ многочисленной семьи Аранчѣвыхъ и, къ тому же, было заложено. А между тѣмъ, для воспитанія малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, находившихся подъ опекою и попечительствомъ Константина Дмитріевича, и на поддержаніе вполне представительной аристократической жизни въ Петербургѣ—денегъ уходило черезчуръ много. Случилось два неурожайныхъ года подъ рядъ,—и положеніе Аранчѣва сдѣлалось настолько затруднительнымъ, что онъ долженъ былъ выйти въ отставку и, оставивъ братьевъ для окончанія образованія въ Петербургѣ, переселиться со всѣмъ семействомъ, съ матерью и сестрами, въ Кургановку.

Для жизни въ деревнѣ, средства Аранчѣвыхъ были вполне достаточны. При правильномъ хозяйствѣ и надлежащемъ надзорѣ, Кургановка давала возможность жить очень прилично, даже роскошно, и вполне избавляла Константина Дмитріевича отъ необходимости прибѣгать, въ какой бы то ни было формѣ, къ «земскому пирогу». Домъ въ усадьбѣ Аранчѣва былъ просторный, удобный, садъ—большой, тѣнистый; оранжереи и парники—въ порядкѣ; лошади, экипажи и всѣ принадлежности хозяйства и домашняго обихода—въ самомъ удовлетворительномъ видѣ. Все это давало возможность аристократической семьѣ блестящаго гвардейскаго офицера—до извѣстной степени примириться съ необходимостью перемѣнить столичную жизнь на деревенскую. Устроившись въ Кургановкѣ на постоянное жительство, Аранчѣвы поставили свой домъ на открытую погу. Но они были очень строги и разборчивы въ выборѣ новыхъ знакомыхъ и замѣтно желали окружить себя самымъ изысканнымъ обществомъ. Разные Иваны Ивановичи и Петры Петровичи появлялись довольно рѣдко въ Кургановкѣ, а если и появлялись, то держали себя здѣсь совершенно иначе, чѣмъ въ родныхъ Осиновкахъ и Подосиновкахъ. Аранчѣвы вообще старались строго поддерживать условныя традиціи петербургскихъ аристократическихъ гостинныхъ и сумѣли установить въ своемъ домѣ въ высшей степени приличный, можно даже сказать, чопорный тонъ свѣтской жизни. Къ этому обязывала какъ семейная обстановка хозяевъ, такъ и въ особенности то обстоятельство, что жена Константина Дмитріевича, Любовь Борисовна, по происхожденію своему принадлежала хотя къ небогатому, но знаменитому роду князей Гололобовыхъ. Но и у Аранчѣва была одна слабость, которая несовсѣмъ гармонировала съ изящнымъ строемъ его безукоризненной домашней обстановки: онъ имѣлъ сильную, непреодолимую страсть къ картамъ. Да, Константинъ Дмитріевичъ былъ страстный, азартный игрокъ!

Живя въ Петербургѣ, онъ постоянно велъ большую игру и игралъ, надо замѣтить, почти всегда счастливо; въ деревнѣ же онъ и подавно не могъ обходиться безъ карточныхъ развлеченій и потому, переселившись въ Кургановку, тотчасъ же сталъ подыскивать себѣ компаньоновъ для крупной игры. Для удовлетворенія этой страсти, онъ не прочь былъ заложить иногда банкъ въ просторномъ кабинетѣ своего дома, но большею частью предпочиталъ упражняться въ этомъ занятіи за предѣлами своихъ владѣній,—въ кругу тѣхъ же Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей, причѣмъ излишняя разборчивость въ выборѣ партнеровъ откладывалась, конечно, въ сторону.

Усадьба Золотилова была довольно далеко отъ имѣнія Аранчѣва, почти въ сорока верстахъ. Но въ деревнѣ разстояніе не служитъ препятствіемъ къ сближеніямъ; напротивъ, содѣйствуетъ имъ: поѣздка за сорокъ верстъ неизбѣжно требуетъ бѣльшей продолжительности визита. Золотиловъ и въ Петербургѣ бывалъ у Аранчѣвыхъ, гдѣ его всегда принимали съ особеннымъ удовольствіемъ. Но въ Петербургѣ кругъ знакомыхъ свѣтскаго молодого человѣка былъ слишкомъ обширенъ, и потому сношенія его съ семействомъ Константина Дмитріевича по неволѣ ограничивались довольно рѣдкими, какъ бы официальными визитами. Но въ степномъ захоlustѣ,—гдѣ постоянный контингентъ знакомыхъ Александра Владиміровича составляли только разные Иваны Ивановичи и Петры Петровичи,—появленіе въ близкомъ сосѣдствѣ представителей петербургскаго высшаго свѣта было для молодого человѣка слишкомъ даже пріятнымъ событіемъ. Онъ успѣшилъ возобновить знакомство съ людьми, съ которыми былъ, такъ или иначе, связанъ общими преданіями столичной жизни, и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ частыхъ и усердныхъ посѣтителей Кургановки. Вполнѣ приличный тонъ и безукоризненная обстановка дома Аранчѣвыхъ произвели очень благопріятное, отрезвляющее впечатлѣніе на Золотилова и вызвали въ душѣ его довольно замѣтную реакцію противъ собственной жизни, уровень которой такъ понизился въ послѣднее время. Сидя въ изящной гостинной Кургановки и поддерживая утонченный французскій разговоръ съ представителями аристократической столичной жизни, Александръ Владиміровичъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя воздухъ этой наиболѣе подходящей ему атмосферы и съ сокрушеніемъ думалъ о томъ, какъ унизительна для достоинства послѣдняго представителя рода Золотиловыхъ та грязная и пошлая среда, въ которой онъ преимущественно вращался въ послѣднее время. И чѣмъ чаще бывалъ онъ въ

этой изящной гостинной, въ обществѣ этихъ безукоризненно свѣтскихъ людей, тѣмъ рѣже онъ сталъ появляться въ обществѣ захолустныхъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе сталъ удаляться отъ необузданныхъ пооекъ и кутежей столь милой для него прежде компаніи. Александръ Владиміровичъ весь какъ-то ожилъ, повеселѣлъ, приободрился,—вообще, что называется, подтянулся. Эта случайно явившаяся поддержка пришла на помощь ему какъ нельзя болѣе во время: она, по всѣмъ вѣроятіямъ, спасла молодого Золотилова отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ нравственнаго паденія. Картежная игра, явившаяся неизбѣжнымъ результатомъ сближенія съ Аранчѣвымъ, не послужила,—какъ можно было опасаться,—серьезнымъ препятствіемъ къ возвращенію заблудшаго грѣшника на стезю добродѣтели. Золотиловъ не имѣлъ страсти къ картамъ, вообще къ азартной игрѣ. Его пассивная натура была слишкомъ лѣнива для такихъ сильныхъ ощущеній, да ощущенія эти едва ли и могли быть для него доступны при богатствѣ, дѣлавшемъ его равнодушнымъ и къ проигрышу, и къ выигрышу. Когда ему предлагали играть, онъ садился за карты, игралъ долго и много, постоянно проигрывалъ крупныя суммы; но дѣлалъ онъ это по безалаберности и безхарактерности, а не по страсти или увлеченію: игра въ карты не доставляла ему удовольствія.

Въ деревнѣ, всѣ, не исключая и самыхъ завзятыхъ аристократовъ, живутъ гораздо проще, чѣмъ въ городѣ, а потому, всякаго рода сближенія здѣсь несравненно легче и удобнѣе. Такимъ образомъ, и сближеніе Александра Владиміровича съ обитателями кургановской усадьбы шло быстрыми шагами впередъ. При этомъ, съ полною для всѣхъ очевидностью, вскорѣ выяснился тотъ фактъ, что особенною притягательною силою, по отношенію къ Золотилову, обладала одна изъ наиболѣе интересныхъ представительницъ семьи Аранчѣвыхъ,—старшая изъ двухъ сестеръ Константина Дмитріевича, Валентина Дмитріевна.

Валентина Дмитріевна была довольно красивая брюнетка, лѣтъ двадцати. Она получила очень хорошее, по тогдашнему времени, домашнее образованіе, хотя и въ строгихъ преданіяхъ условной порядочности и аристократическихъ приличій. Этотъ аристократизмъ рельефно отпечатлѣлся на всѣхъ чертахъ красиваго лица Валентины Дмитріевны, въ ея манерахъ и фигурѣ, на всемъ ея нравственномъ обликѣ, и невольно заставлялъ признать въ этой интересной особѣ чистѣйшій типъ сознательно-гордой, безукоризненно-изящной аристократки. Встрѣчаясь съ мамзель Аранчѣвой въ Петербургѣ, Александръ Владиміровичъ почти не

замѣчалъ ея въ толпѣ роскошныхъ красавицъ высшаго свѣта. Но здѣсь, въ деревнѣ, Валентина Дмитриевна явилась ему въ полномъ блескѣ превосходства, уничтожающаго всякую возможность соперничества, и невольно приковала къ себѣ его исключительное вниманіе. Бывая очень часто въ домѣ Аранчѣвыхъ, онъ имѣлъ полную возможность узнать и оцѣнить всѣ достоинства этой интересной барышни и успѣлъ до известной степени сблизиться съ ней; съ каждымъ днемъ онъ находилъ ее интереснѣе, и, при каждомъ новомъ свиданіи, все болѣе и болѣе поддавался обаянію ея изящной аристократической фигуры. Кончилось тѣмъ, что Золотиловъ сталъ ухаживать за Валентиной Дмитриевной на правахъ влюбленнаго кавалера.

Александръ Владиміровичъ почти и не замѣтилъ, какъ это случилось, но онъ на самомъ дѣлѣ влюбился въ Валентину Дмитриевну. Влюбился онъ, конечно, не сильно, влюбился настолько, насколько способна была влюбиться его апатичная, пассивная натура,—влюбился отъ праздности, отъ скуки, отъ внутренней реакціи противъ пошлой, бессмысленной жизни; влюбился отъ безсознательно народившейся въ тайникахъ души потребности жениться и остепениться... Но, какъ бы то ни было, онъ влюбился и началъ открыто ухаживать за Валентиной Дмитриевной, съ очень опредѣленными намѣреніями. Ухаживанія эти были встрѣчены болѣе чѣмъ благосклонно, и были даны ясныя намеки на взаимность... Черезъ полгода, Александръ Владиміровичъ былъ объявленъ женихомъ, а еще черезъ полгода сдѣлался мужемъ Валентины Дмитриевны.

Эти послѣдніе шесть мѣсяцевъ холостой жизни Золотилова доставили неистощимый сказочный матеріалъ для историческихъ воспоминаній цѣлой губерніи. Долго-долго послѣ того передавались изъ устъ въ уста легендарныя повѣствованія о страшномъ количествѣ на смерть загнанныхъ лошадей, ежедневно доставлявшихъ невѣстѣ роскошныя букеты изъ только что сорванныхъ цвѣтовъ; объ экстренномъ поѣздѣ, отправленномъ изъ Петербурга со свадебными подарками, и о грандіозномъ кортежѣ, доставившемъ эти сюрпризы съ желѣзной дороги въ Кургановку; о сумашедшихъ деньгахъ, заплаченныхъ за выписанную изъ Вѣны какую-то всемірно-извѣстную карету; о безумныхъ тратахъ на украшеніе дома и всей усадьбы Благодатнаго, и особенно сада, превращеннаго въ какое-то волшебное царство, съ роскошными фонтанами, фантастическими гротами, мраморными нимфами и пр. Александръ Владиміровичъ былъ какъ въ чаду и буквально соизилъ деньгами. Безумная расточительность влюбленнаго жениха

очень льстила самолюбію гордой невѣсты и высоко поднимала его авторитетъ въ глазахъ будущихъ родственниковъ. Всѣ находили подобное бессмысленное швыряніе денегъ какъ нельзя болѣе разумнымъ, умѣстнымъ, естественнымъ; особенно восторгался любовнымъ угаромъ Золотилова главный представитель фамилии Аранчѣвыхъ. Константинъ Дмитріевичъ вообще былъ доволенъ будущемъ зятемъ, но всего болѣе доволенъ тѣмъ, что влюбленному жениху и въ голову не приходило спросить старшаго брата невѣсты, не обязанъ ли онъ, какъ попечитель сестры, озаботиться обезпеченіемъ ея личныхъ матеріальныхъ интересовъ... А самъ попечитель объ этомъ обстоятельстве умалчивалъ весьма благоразумно.

Свадьба была веселая, и всѣ на свадьбѣ были счастливы и довольны. Не менѣе другихъ довольна была блестящей партіей дочери мать ея, Клеопатра Аполлоновна,—что, впрочемъ, не помѣшало добрѣйшей старушкѣ, отпуская невѣсту къ вѣнцу, пролить при этомъ удобномъ случаѣ обильныя, горячія слезы... Доволенъ былъ и старый Іонычъ. Встрѣчая новобрачныхъ на порогѣ родительскаго дома Золотилова, онъ хотѣлъ имъ что-то сказать... поперхнулся и залился самыми искренними, неподдѣльными слезами... слезами счастья и умиленія.

VI.

Вскорѣ послѣ свадьбы, молодые супруги собрались ѣхать за границу. Заграничное путешествіе предполагалось довольно продолжительное: Золотилковы разставались съ Благодатнымъ года на два, не менѣе. Волей-неволей Александру Владиміровичу пришлось подумать о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, которыя не могли быть брошены на произволь судьбы на такой продолжительный срокъ.

Какъ ни былъ увлеченъ Золотилловъ—сначала безпутной холостой жизнью, затѣмъ грандіозными сумасбродствами влюбленнаго жениха и, наконецъ, медовымъ періодомъ брачнаго сожителства, но онъ не могъ не видѣть, что хозяйственныя дѣла его идутъ далеко не такъ блистательно, какъ этого можно бы желать. Тѣ грандіозныя реформы и нововведенія, начало которымъ такъ эффектно положилъ самъ хозяинъ,—въ дальнѣйшемъ своемъ осуществленіи вызывали только массу очень ощутительныхъ и, въ то же время, непроизводительныхъ затратъ. Новый управляющій не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались, велъ свое

дѣло спустя рукава, и старался только всѣми мѣрами придержи-
ваться теоріи и практики своего предшественника. Правда, до
сихъ поръ все обходилось еще очень благополучно; не смотря на
самыя безумныя затраты, — хозяйственныя, свадебныя и всякія
другія, — въ общемъ результатѣ финансовыхъ оборотовъ Золоти-
лова расходъ блистательно сводился съ приходомъ. Причиною
этого были тѣ баснословные урожаи, о которыхъ понятія не имѣ-
ютъ въ средней полосѣ Россіи; въ южныхъ губерніяхъ, при од-
номъ такомъ урожаѣ и при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, земле-
владелецъ въ тѣ времена получалъ въ одинъ годъ, безъ особен-
ныхъ затратъ и усилій, такіе страшные доходы, о которыхъ по-
мѣщикамъ центральной Россіи не смѣлъ мечтать и во снѣ послѣ
пяти лѣтъ тяжелаго, упорнаго труда. Но такое благопріятное
положеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ имѣло характеръ случайный,
временный: рассчитывать на постоянные баснословные урожаи
нельзя; случится годъ-другой неурожайный — и бюджетъ легко
можетъ закончиться дефицитомъ... Какъ ни легкомысленно
относился Золотиловъ къ матеріальнымъ вопросамъ жизни,
но онъ понималъ всю неустойчивость своихъ хозяйственныхъ
дѣлъ и долженъ былъ серьезно подумать объ этомъ обстоятель-
ствѣ, собираясь уѣхать съ женой года на два, на три за
границу. Характеръ Золотилова, какъ и подобаетъ широкой на-
турѣ родовитаго русскаго барина, отличался самой широкой и
даже неумѣренной восприимчивостью. Александръ Владиміровичъ
былъ вообще болтливъ, а при разрѣшеніи какихъ-либо серьезныхъ
житейскихъ вопросовъ считалъ необходимымъ давать полную волю
своему языку. Какое-то инстинктивное сознаніе внутренней сла-
бости, неувѣренности, побуждало его искать опоры и помощи у
окружающихъ близкихъ и даже не близкихъ людей. Такъ было
и въ настоящемъ случаѣ: Золотиловъ очень громко и откровенно
разсуждалъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, о даль-
нѣйшей судьбѣ Благодатнаго; но болѣе всего трактовалъ онъ
объ этомъ предметѣ въ присутствіи Аранчѣева, который, кстати
замѣтить, счумѣлъ очень скоро пріобрѣсти полное довѣріе и рас-
положеніе зятя, и сдѣлался его ближайшимъ другомъ и совѣт-
никомъ.

Константинъ Дмитріевичъ подвергъ тщательному и всесторон-
нему разсмотрѣнію вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Благодатнаго.
Какъ результатъ своихъ изслѣдованій, онъ предложилъ на усмо-
трѣніе Золотилова одну идею или, лучше сказать, проэктъ, ко-
торый давалъ вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе вопросу.
Сущность этого блистательнаго проэкта состояла въ томъ, что

бы Золотиловъ отдавъ свои имѣнія въ аренду Аранчѣву на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Представляя подобный проэктъ на разсмотрѣніе зятя, Константинъ Дмитріевичъ очень долго и краснорѣчиво разъяснялъ высокія достоинства придуманной имъ комбинаціи. Онъ говорилъ, что, сдѣлавшись арендаторомъ Золотилова, явится только въ роли вполне надежнаго управляющаго и строжайшаго блюстителя интересовъ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ утверждалъ, что такая аренда не только гарантируетъ собственнику имѣнія значительный годовой доходъ, но и обезпечиваетъ какъ нельзя лучше дальнѣйшую судьбу его богатѣйшаго хозяйства. Онъ доказывалъ, что, обладая извѣстной опытностью въ хозяйствѣ и достаточнымъ запасомъ свободнаго времени, будущій арендаторъ можетъ вполне серьезно заняться арендуемыми имѣніями и очень скоро приведетъ ихъ въ самый благоустроенный видъ. Онъ говорилъ, что, одновременно съ развитіемъ и улучшеніемъ всѣхъ отраслей сельско-хозяйственной дѣятельности Благодатнаго, въ теченіе аренднаго срока, будетъ положено прочное начало новой, блистательной будущности имѣнія—всестороннимъ изслѣдованіемъ его минеральныхъ богатствъ. Онъ сулилъ, наконецъ, что недалеко время, когда желѣзная дорога пройдетъ возлѣ самаго Благодатнаго, которое должно встрѣтить эту новинку вполне подготовленнымъ къ самой широкой, производительной эксплуатаціи своихъ неисчислимыхъ естественныхъ богатствъ...

И чѣмъ болѣе говорилъ Аранчѣвъ, тѣмъ шире были раскрываемыя имъ перспективы; предъ изумленнымъ слушателемъ одна за другою развертывались заманчивыя, волшебныя картины будущаго: край оживаетъ, промышленность процвѣтаетъ; кругомъ свистятъ паровики, дыматъ громадныя заводскія трубы; вездѣ кипучая дѣятельность, грандіозныя предпріятія, быстрое обогащеніе. И въ центрѣ этой картины, на недосыгаемой высотѣ, гордо красуется родовое владѣніе Золотиловыхъ, въ полномъ блескѣ колоссальнаго развитія всѣхъ отраслей сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности. На всю Россію гремитъ слава Благодатнаго, съ его громадными посѣвами пшеницы и кукурузы, съ богатѣйшими каменноугольными шахтами, съ собственными рельсовыми путями, съ винокуренными, свеклосахарными, а, можетъ быть, и чугунно-плавильными и сталелитейными заводами.. Стоимость имѣнія возрастетъ до чудовищныхъ размѣровъ, и Александръ Владиміровичъ Золотиловъ явится однимъ изъ первыхъ милліонеровъ Россіи.. Когда Константинъ Дмитріевичъ окончилъ свою блестящую рѣчь,

украшенную всѣми цвѣтами ораторскаго краснорѣчія, — восторгъ Александра Владиміровича не имѣлъ границъ. Онъ былъ буквально пораженъ, очарованъ, уничтоженъ. Онъ бросился на шею безцѣнному другу, торжественно закрѣпилъ за нимъ навѣки титулъ благодѣтеля, и приказалъ подать шампанскѣго.

Когда, спустя нѣсколько дней, Аранчѣвъ привезъ перепи- санный на-бѣло контрактъ пятилѣтней аренды, Золотиловъ не сталъ даже читать эту бумагу и тотчасъ же ее подмахнулъ... Фактъ, повидимому, невѣроятный, неправдоподобный. Но почему же Золотиловъ не могъ подписать, не читая, контрактъ на от- дачу въ аренду собственнаго имѣнія ближайшему родственнику, если наши привилегированные «тузы», не углубляясь въ чтеніе, подписывали желѣзнодорожныя концессіи съ земскими гарантіями, которыя ложились впоследствии страшнымъ, невыносимымъ бре- менемъ на населеніе дѣлаго края?

Подписавъ контрактъ, Александръ Владиміровичъ, вполне довольный и счастливый, распрощался съ благодѣтелемъ-аренда- торомъ, расцѣловался съ Юнычемъ, усадилъ жену во всемірно- извѣстную карету, перекрестился широкимъ русскимъ крестомъ и выѣхалъ изъ воротъ своего Благодатнаго...

Молодые Золотиловы поѣхали, прежде всего, въ Москву. Здѣсь они пробыли недолго; побывали въ Кремлѣ, въ Соколь- никахъ, на Воробьевыхъ горахъ, прошлися раза два по открытой тогда выставкѣ и уѣхали въ Петербургъ. Петербургъ задержалъ супруговъ на болѣе продолжительное время; они прожили здѣсь дѣлный зимній сезонъ, возобновили всѣ прежнія связи и знаком- ства, дождались послѣдняго спектакля съ участіемъ Патти, — и только тогда собрались наконецъ выѣхать за предѣлы Россіи. За границей Золотиловы пробыли болѣе двухъ лѣтъ. Они изъ- ѣздили буквально всю Европу, — т. е. всѣ тѣ достопримѣчатель- ныя мѣста, которыя подробно описаны во всѣхъ извѣстныхъ путеводителяхъ. Молодые супруги были вездѣ, но нигдѣ, кромѣ Парижа, не останавливались надолго: все смотрѣли, и ничего не видали, — однимъ словомъ, путешествовали совершенно такъ, какъ обыкновенно путешествуютъ всѣ богатые и праздные, вѣчно и всюду скучающіе, російскіе туристы. Письма изъ дома по- лучались рѣдко, но и тѣ немногія посланія, которыми за это время удостоилъ своихъ родственниковъ Аранчѣвъ, отличались болѣе остроуміемъ, чѣмъ дѣловымъ характеромъ. Въ письмахъ своихъ Константинъ Дмитриевичъ только слегка упоминалъ о хозяйственныхъ арендныхъ дѣлахъ, и не вдавался по этому пред- мету ни въ какія излишнія подробности; онъ болѣе упражнялъ

свое остроуміе въ описаніи комическихъ тревожныхъ мѣстной жизни, вызываемыхъ ожиданіемъ постройки новой дороги, имѣющей превратить голую степь въ роскошный цвѣтникъ промышленной жизни. Кромѣ того, богатую тему для негодующихъ и злобствующихъ изліяній Аранчѣва доставляли тлетворныя послѣдствія тѣхъ «нивелирующихъ вѣяній эпохи», которыя всегда были ему такъ ненавистны, а преимущественно самая свѣжая тогда новинка—всесословная воинская повинность.

Каждое посланіе Аранчѣва обязательно заканчивалось передачей супружеской четѣ Золотиловыхъ нижайшихъ поклоновъ и сердечнѣйшихъ благопожеланій вѣрнаго слуги ихъ Ионыча. Старый Ионычъ сгоралъ нетерпѣніемъ получить скорѣйшее извѣстіе о появленіи на свѣтъ достойнаго продолжателя рода Золотиловыхъ; разлученный такъ надолго съ милымъ бариномъ и его «жинкой», Ионычъ находилъ единственное утѣшеніе въ постоянныхъ мечтахъ о томъ счастливомъ днѣ, когда вѣрный, преданный рабъ удостоится собственными очами лицезрѣть будущаго преемника всѣхъ золотиловскихъ прерогативъ и достояній...

УП.

На станціи «Милюки», по южной желѣзной дорогѣ, ожидали прибытія курьерскаго поѣзда. На платформѣ было довольно много самой разнообразной публики,—преимущественно, евреевъ и разныхъ мелкихъ торговцевъ. Съ этой станціи лежалъ прямой траектъ на ближайшій уѣздный городъ, и потому она всегда отличалась нѣкоторымъ оживленіемъ и многолюдствомъ.

Толстый начальникъ станціи, очевидно полякъ, торопливо ходилъ изъ конца въ конецъ по платформѣ и часто забѣгалъ въ телеграфную комнату,—вообще отличался большой суетливостью. Никакихъ замѣтныхъ поводовъ для суетливости не было: на станціи все было въ порядкѣ, поѣздъ шель даже безъ опозданія; но незадолго передъ тѣмъ на линіи произошло грандіозное крушеніе поѣзда, вслѣдъ за чѣмъ всѣмъ чинамъ желѣзнодорожной администраціи предписано было удвоить распорядительность, а, слѣдовательно, и суетливость. На скамейкѣ, возлѣ палатки временнаго лѣтнаго буфета, сидѣлъ Ионычъ. Онъ замѣтно постарѣлъ и какъ-то осунулся. На лицѣ его можно было ясно прочесть тяжелую, сосредоточенную озабоченность, которая только изрѣдка сглаживалась признаками нетерпѣливаго, радостнаго ожиданія. Ионычъ съ напряженіемъ смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ

былъ показаться поѣздъ, и постоянно отиралъ съ лица крупныя капли пота. День былъ весенній, очень жаркій; часы показывали восемь утра, но солнце пекло уже слишкомъ ощутительно.

Скоро подошелъ поѣздъ. Молодой, расторопный кондукторъ почтительно распахнулъ двери перваго класса, и изъ вагона показались Александръ Владиміровичъ и Валентина Дмитріевна Золотиловы. Наружность Александра Владиміровича почти не измѣнилась. То же довольное, добродушное выраженіе лица, та же пріятная, солидная полнота, та же лѣнивая, развалистая походка. Перемѣна представлялась только въ видѣ большой окладистой бороды, которую Золотиловъ отпустилъ за границей, и которая очень шла къ его широкому, открытому лицу. Валентина Дмитріевна замѣтно похорошѣла и какъ-то стала живѣе, подвижнѣе; она глядѣла такую же безукоризненной аристократкой, только менѣе чопорной. Ионычъ встрѣтилъ своихъ господъ самыми искренними, почтительными поклонами и привѣтствіями.

— Здравствуйте, батюшка Александръ Владиміровичъ и матушка Валентина Дмитріевна!—заговорилъ онъ.—Съ благополучнымъ прибытіемъ имѣю честь поздравить.

— Здравствуй, здравствуй, старикъ! — ласково сказала Золотиловъ.— Ну, какъ поживаешь? Соскучился безъ насъ?

— Ужь и не говорите, батюшка Александръ Владиміровичъ!— прерывающимся голосомъ говорилъ Ионычъ.— Ждали мы васъ, ждали, не чаяли и дождаться! Вѣдь мы безъ васъ что малыя сироты...

— Ну, ладно, ладно! — остановилъ Золотиловъ изліянія Ионыча.— Поди, распорядись-ка лучше насчетъ вещей, да вели и лошадей подавать!

Ионычъ исчезъ.

— Славный старикъ!—обратился Александръ Владиміровичъ къ женѣ.— Какъ жаль, что намъ не пришло въ голову взять его тогда съ собой за границу!..

— Ты увлекаешься, Александръ!—сказала Валентина Дмитріевна.— Этотъ старикъ хорошъ здѣсь, въ этихъ степяхъ. А въ Парижѣ онъ годился бы... развѣ только въ музей древностей...

У подѣзда стояла удобная дорожная коляска Золотиловыхъ. Ионычъ, вмѣстѣ съ другимъ лакеемъ, назначавшимся для сопровожденія особаго транспорта съ дорожными баулами и сундуками, усаживалъ господъ въ экипажъ.

— Сколько верстъ отсюда до Благодатнаго?—спросилъ Ионыча Александръ Владиміровичъ.

— Считаютъ до города сорокъ,—отвѣчалъ Ионычъ,—да отъ города до насъ верстъ тридцать пять будетъ.

— Часовъ въ двѣнадцать будемъ въ городѣ?

— Надо полагать, доѣдемъ. Тамъ лошадей перемѣнимъ, а къ обѣду, богъ дастъ, и домой будемъ.

Съ этими словами, Ионычъ взлѣзъ на козлы, еще разъ заботливо оглянулъ всю коляску, и произнесъ:

— Съ богомъ! трогай!..

Потянулась безконечная, ровная, степная дорога. Изрѣдка попадались небольшіе овраги, по мѣстному выраженію—балки, заросшія некрупнымъ и неровнымъ дубнякомъ. Около такихъ балокъ видѣлись иногда небольшіе хутора; большихъ селеній не встрѣчалось. Жара все увеличивалась. Александръ Владиміровичъ замѣтно былъ въ духѣ. Онъ даже не слишкомъ возмущался нестерпимой жарой, которая, при его полномъ сложеніи, всегда была для него черезчуръ ощутительной. Созерцаніе картинъ роднаго края доставляло ему несомнѣнное удовольствіе, и онъ нѣсколько разъ пробовалъ подѣлиться своими приятными впечатлѣніями съ женой. Но Валентина Дмитріевна, крайне утомленная дорогой, не выказывала никакого сочувствія и только жаловалась на страшную жару... На полдорогѣ между станціей и городомъ, налѣво, въ лощинѣ, глазамъ путешественниковъ представилась свѣжая земляная насыпь, и множество рабочихъ-землекоповъ, привозившихъ и отвозившихъ тачки съ землей,—картина, очень напоминающая оживленную работу въ муравейникѣ.

— Что это, Ионычъ? наша новая чугунка?—спросилъ Золотилловъ.

— Такъ точно-съ,—отвѣчалъ Ионычъ.—Здѣсь недавно еще начали работать, а около насъ, почитай, весь путь готовъ. Кой-гдѣ уже и рельсы наложены.

Александръ Владиміровичъ повеселѣлъ еще болѣе. Онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что жить въ Благодатномъ стало еще удобнѣе. Близость рельсоваго пути всегда доставляетъ удовольствіе; помимо всякаго экономическаго значенія, желѣзная дорога пріятна уже тѣмъ, что даетъ возможность ѣздить на станцію за пять или за десять верстъ, а не за семьдесятъ или восемьдесятъ.

Когда стали подлѣзжать къ городу, признаки новой жизни пробудившагося края выступили даже очень рельефно. Вправо отъ дороги высились кирпичныя стѣны только что выстроеннаго сахарнаго завода извѣстной петербургской фирмы. Около самаго города пріютился химическій заводъ одного нѣмца. Невдалекѣ строилось еще новое зданіе какой-то причудливой формы. Самый

городъ замѣтно ожилъ и принарядился: много новыхъ домовъ, на главной улицѣ мостовая, приличные извозчики. Золотиловъ съ гордостью припомнилъ тѣ роскошныя перспективы, которыя раскрывалъ, передъ отъѣздомъ его за границу, Аранчѣвъ, и окончательно пришелъ въ благодушное, можно сказать, умиленное настроеніе. Войдя въ небольшую комнату довольно приличной для уѣзднаго города гостиницы, Александръ Владиміровичъ немедленно потребовалъ знаменитаго малороссійскаго борща, которымъ славилась эта гостиница, и съ наслажденіемъ принялся за истребленіе вкуснаго національнаго кушанья. Валентина Дмитріевна отъ борща отказалась и приказала подать себѣ цыпленка. Во время этого импровизованнаго завтрака, Золотиловъ возобновилъ разговоръ съ Ионычемъ о новой желѣзной дорогѣ.

— Такъ какъ же, старина?—весело говорилъ онъ.—Значить, мы будемъ садиться теперь на поѣздъ чуть-чуть не у себя на дворѣ? Вотъ до какихъ временъ мы съ тобой дожили!

— Да-съ, времена подошли нынче мудренныя,—какъ-то загадочно выговорилъ Ионычъ.

— Не мудренныя, а хорошія! Теперь намъ съ тобой, Ионычъ, другая будетъ дѣла. Теперь, братъ, мы заживемъ!

Ионычъ молчалъ.

— Да, старина, теперь музыка у насъ пойдетъ другая. Нашъ край—богатѣйшій край; ему только и не доставало своей чугушки.

— Это точно-съ,—замѣтилъ Ионычъ.—Около этой самой чугушки много народу здѣсь понажилось. Вотъ хотя бы господинъ Горусиловъ—изволите знать?—большія деньги взяли за лѣсъ: эти самыя шпалы и телеграфныя столбы рубили на желѣзную дорогу.

— Ну, это, братъ, плохая нажива!—убѣжденно произнесъ Александръ Владиміровичъ.—Лѣсъ у насъ надо беречь пуще глаза; лѣтъ черезъ пять-шесть его будутъ на фунты продавать... Нѣтъ, Ионычъ, мы съ тобой ни одного деревца не вырубимъ. Вѣдь такъ, старина?

Старый слуга ничего не отвѣчалъ. А баринъ продолжалъ шутить и болтать до самаго того времени, пока не пришли доложить, что лошади готовы... Изъ города дорога шла сначала все подъ гору, и наши путешественники почти не замѣтили, какъ пролетѣли первыя семь верстъ. Но когда они переправились черезъ какую-то почти пересохшую рѣчонку, начался большой, довольно крутой подъемъ, такъ что кучеръ долженъ былъ пустить шагомъ уже изнемогавшихъ отъ страшной жары лошадей. Это обстоятельство испортило было расположеніе духа Золотилова, который ненавидѣлъ тихую ѣзду, и къ тому же начиналъ уже

раскисать отъ жары. Къ счастію, подъемъ скоро сдѣлался значительно отложе, и кони, понукаемые лихимъ окрикомъ молодцоватаго кучера, бойко вынесли экипажъ на самый гребень горы. Тогда передъ глазами путешественниковъ развернулся открытый видъ, настолько интересный, что къ Золотилову сразу вернулось все его благодушное настроеніе.

Внизу, на самомъ днѣ глубокой лощины, змѣйкой вилось полотно желѣзной дороги, съ уложенными на немъ рельсами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ полотно пересѣкалось дорогой, по которой ѣхали Золотиловы, желѣзнодорожный путь развѣтвлялся на нѣсколько линій,—это были развѣздные и запасные пути будущей станціи. Кругомъ виднѣлись начатія постройки станціонныхъ зданій: красивый вокзалъ, круглая водокачка, разные флигеля, пакгаузы, будки. А по ту сторону рельсовъ, почти прямо противъ вокзала, горделиво высилось необычно узкое каменное зданіе, очень оригинальной архитектуры. Около этого интереснаго сооруженія были навалены громадныя кучи земли, камня, сланцовъ; къ самому зданію подходила высокая насыпь, на которой виднѣлись цѣлыя вереницы маленькихъ вагончиковъ. Вокругъ разбросана масса разнообразныхъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ. И на всемъ этомъ пространствѣ, занятомъ непомерно высокимъ зданіемъ и всѣми другими сооружениями, кипѣла самая оживленная дѣятельность. Вездѣ копошились массы рабочихъ, двигались лошади, волы, вагончики, тачки. Слышались крики, шумъ, стукотня...

— Что это такое?—спросилъ Александръ Владиміровичъ.

— А это-съ шахта господина Чарышева,—отвѣчалъ Юнычъ.

— Какъ, его собственная?

— Никакъ нѣтъ-съ. Шахта эта какого-то знаменитаго купца—милліонщика. Только господинъ Чарышевъ тутъ всѣмъ этимъ дѣломъ орудуешь,—можно сказать, какъ полный хозяинъ.

— Вотъ такъ Сергѣй Сергѣевичъ! молодець! какое грандіозное дѣло затѣялъ...

— Да-съ, господинъ Чарышевъ большія дѣла дѣлаютъ. И сколько они этихъ самыхъ денегъ изводятъ—страсть!

— Хорошій у него уголь?

— А кто его знаетъ! Говорятъ, будто хорошій. Да пока неизвѣстно...

— Почему такъ?

— Да потому, что угля-то этого самаго никто еще не видалъ. Никакъ, вишь, до него не добьются: на большую воду попали... Да-съ, вотъ ужъ, почитай, два года, какъ господинъ Чарышевъ изволятъ все эту самую воду откачивать...

Александръ Владиміровичъ громко разсмѣялся. Улыбнулась даже и Валентина Дмитріевна. Когда коляска Золотиловыхъ переѣхала черезъ полотно желѣзной дороги и поравнялась съ новой шахтой знаменитаго купца-милліонщика, на верху высокой насыпи обрисовалась фигура самого Чарышева, въ большой соломенной шляпѣ и изящномъ лѣтнемъ костюмѣ. Сергій Сергѣевичъ занятъ былъ оживленнымъ разговоромъ съ какимъ-то джымъ мужчиной въ синей чуйкѣ и сильно жестикулировалъ руками. Замѣтивъ проѣзжающій экипажъ, онъ принялъ кокетливую позу, прищурился, вскинулъ монокль... Узнавъ Золотиловыхъ, онъ граціозно раскланялся и прокричалъ какое-то привѣтствіе... На самомъ поворотѣ съ большой дороги на проселочную, гдѣ начиналась уже земля, принадлежащая Благодатному, Золотиловъ вдругъ приказалъ остановиться и вышелъ изъ экипажа. Ионычъ, вслѣдъ за баринкомъ, соскочилъ съ козелъ. Вправо отъ дороги, пологій спускъ къ балкѣ былъ сплошь усѣянъ пнями недавно срубленныхъ деревьевъ. Отъ небольшого, но очень хорошаго лѣса, который почему-то особенно любилъ Золотиловъ, не осталось и слѣда.

— Что это?.. что это такое?!—закричалъ Александръ Владиміровичъ, указывая на вырубленную поляну.

Ионычъ молчалъ.

— Кто смѣлъ срубить этотъ лѣсъ, кто? Я тебя спрашиваю!—горячился Золотиловъ, наступая на Ионыча.

— Лѣсъ срубленъ по приказанію господина Аранчѣва,—глухо вымолвилъ Ионычъ.

— Да какъ же онъ...

Александръ Владиміровичъ спохватился. Онъ сердито посмотрѣлъ на стараго слугу и, не прибавивъ ни одного слова, пошелъ къ экипажу. Какое-то безсознательное неприятное ощущеніе скользнуло у него въ душѣ. Молча сѣлъ онъ въ коляску. Взобрался на козлы и Ионычъ.

— Во всякомъ случаѣ... это очень странно,—обратился Золотиловъ на французскомъ языкѣ къ женѣ.—Неужели же Константинъ Дмитріевичъ могъ вырубить этотъ лѣсъ?

— Вѣроятно, тутъ какое нибудь недоразумѣніе,—лѣниво отвѣчала Валентина Дмитріевна.

Скоро показалось и Благодатное. Вотъ она, знакомая, родная картина: вотъ эта скромная деревянная церковь, вся утонувшая въ чащѣ высокихъ, густыхъ тополей; вотъ эти бѣлыя крестьянскія хаты, такъ живописно разсыпавшіяся по обѣимъ берегамъ широкаго пруда, а вотъ и онъ, старый родительскій

домъ, такъ горделиво сіяющій высокою зеленою крышей и дорогами зеркальными стеклами! Вступая подъ сѣнь родительскаго крова, именитый владѣлецъ роскошнаго Благодатнаго былъ далеко не въ томъ розовомъ настроеніи духа, въ какомъ проѣхалъ онъ семьдесятъ верстъ, отдѣлявшія его резиденцію отъ станціи Мялюки... Мысль о вырубленномъ лѣсѣ не выходила изъ головы владѣльца. Поздно вечеромъ, сяди въ столовой за роскошно-сервированнымъ чайнымъ столомъ, онъ опять заговорилъ съ Юнычемъ.

— Что это значитъ, Юнычъ? Ты всю дорогу былъ какъ будто не въ духѣ... А тутъ этотъ лѣсъ... Что такое у васъ здѣсь творится?

Старикъ отвѣтилъ не сразу. Онъ какъ будто набирался рѣшимости... Послѣ довольно продолжительной паузы, онъ опустил голову къ низу, вздохнулъ и тихимъ-тихимъ голосомъ произнесъ:

— Неладно-съ, батюшка Александръ Владиміровичъ...

— Чтò такое неладно? говори!

— Да Константинъ Дмитріевичъ...

— Что Константинъ Дмитріевичъ?

— Не хорошо изволятъ поступать Константинъ Дмитріевичъ...

— Да ты съ ума сошелъ!—вспылилъ Золотилловъ.—Ты забьлъ, про кого говоришь... Ахъ ты, старый дуракъ! Пошелъ вонъ!..

Юнычъ вышелъ. Александръ Владиміровичъ былъ страшно огорченъ, обиженъ, раздосадованъ дерзкой выходкой Юныча, такъ затронувшей его родственныя чувства. Онъ излил свои тяжелыя ощущенія въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ женой за чайнымъ столомъ. Онъ очень сердился на стараго «холопа», который до того зазнался, что рѣшился позволить себѣ такую глупую фамиллярность, такую непростительную дерзость; онъ горько жаловался на злую судьбу, которая такъ отравляетъ ему первые дни послѣ возвращенія въ родные края; онъ до слезъ огорчался непростительной слабостью Константина Дмитріевича, который до такой степени избаловалъ здѣсь народъ, что явилась возможность этой глупой порубки... Связи и послѣдовательности въ жалостныхъ изліаніяхъ обиженнаго судьбой барина было немного, но огорченіе его было какъ нельзя болѣе искренно. Валентина Дмитріевна терпѣливо выслушала весь плачевно-минорный монологъ супруга, затѣмъ встала, медленно подошла къ нему, положила ему на плѣчи свои руки и начала говорить:

— Успокойся, другъ мой, прошу тебя. Волноваться изъ-за

такихъ пустяковъ—даже смѣшно. И къ чему такъ спѣшить? Не нынче, такъ завтра, прїѣдетъ братъ—и все объяснится, и ты первый, повѣрь, посмѣешься надъ этой глупой исторїей. А Юнычъ... ну, избаловался твой Юнычъ, поглупѣлъ на старости лѣтъ... Но, согласишься, нельзя же къ этимъ людямъ прикладывать нашу мѣрку; нельзя судить ихъ слишкомъ строго за проступокъ, значенія котораго они не понимаютъ. Притомъ, ты самъ вызвалъ Юныча на этотъ глупый разговоръ... Вся бѣда въ томъ, что вырвалось лишнее слово у выжившаго изъ ума старика, и, вдобавокъ, у старика, который, какъ ни какъ, а все таки преданъ тебѣ, по своему...

Александръ Владиміровичъ притихъ и нѣжно цѣловалъ руки Валентины Дмитріевны.

С. С—видовъ.

(Продолженіе будетъ).

ДОЛОЙ ОРУЖІЕ!

Романъ-хроника Берты фонъ-Зуттнеръ.

VII.

На другой день я занесла въ красныя тетрадки слѣдующее:

„То, что твердили мнѣ вчера колеса экипажа и уличные фонари, — не правда или, во всякомъ случаѣ, несовсѣмъ правда. Расположеніе къ благородному и умному человѣку — это такъ, но страсть? нѣтъ. Не стану же я отдавать своего сердца мужчинѣ, который принадлежитъ другой. Онъ также чувствуетъ ко мнѣ симпатію, мы сходимся во многомъ; можетъ быть, даже я единственная, кому онъ высказываетъ свои взгляды на войну, но чтобъ Тиллингъ былъ въ меня влюбленъ — о, до этого слишкомъ далеко! А тѣмъ менѣе я позволю себѣ въ него влюбиться. Я не пригласила его бывать въ моемъ домѣ внѣ официальныхъ пріемовъ; такая сдержанность послѣ нашей задушевной бесѣды могла показаться ему нѣсколько странной... Онъ ненавидитъ пріемные дни; онъ явно былъ обиженъ... но, пожалуй, такъ лучше. Когда послѣ вчерашнихъ впечатлѣній, такъ сильно взволновавшихъ меня, пройдетъ недѣли двѣ, я буду въ состояніи встрѣтить Тиллинга совершенно спокойно, свыкнувшись съ мыслью, что онъ любить другую; тогда наши дружескія отношенія, основанныя на сходствѣ мнѣній, сдѣлаются безопасными для спокойствія моего сердца. Дѣйствительно, бесѣды съ нимъ доставляютъ мнѣ большое удовольствіе; онъ совсѣмъ не то, что другіе. Я рада, что могу сегодня такъ хладнокровно констатировать этотъ фактъ; вчера же одну минуту мнѣ стало страшно за

себя; эта внезапная, неумѣстная вспышка жгучей ревности... но теперь все прошло: мой страхъ разсѣялся“.

Въ тотъ же день я посѣтила свою пріятельницу Лори Гризбахъ, въ домѣ которой такъ неожиданно узнала о смерти моего бѣднаго Арно. Лори была мнѣ ближе всѣхъ изъ числа знакомыхъ дамъ—моихъ сверстницъ. Не то, чтобъ мы во многомъ сходились между собою или вполнѣ понимали одна другую, что обыкновенно служить основой истинной дружбы—нѣтъ, но мы вмѣстѣ росли, одновременно вышли замужъ, видались тогда почти ежедневно и эта одинаковость положенія и постоянныя встрѣчи невольно сблизили насъ, не смотря на рѣзкое различіе характера и нѣкоторыхъ взглядовъ на вещи. По крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ, хотя и ограниченномъ кругу интересовъ мы искренно сочувствовали другъ другу и пріятно проводили вмѣстѣ цѣлыя часы. Разумѣется, Лори не знала многихъ сторонъ моей внутренней жизни, я никогда не говорила ей о своихъ умственныхъ занятіяхъ въ уединеніи и не чувствовала потребности дѣлиться съ нею тѣмъ, что было почерпнуто мной изъ книгъ. Какъ рѣдко можно открыть передъ человѣкомъ всю свою душу! Я очень часто испытывала это въ жизни, когда мнѣ приходилось раскрывать передъ однимъ изъ друзей одну, передъ другимъ—другую сторону своего духовнаго „я“. Иначе говоря, приходя въ соприкосновеніе съ той или этой личностью, я касалась только соотвѣтственнаго ограниченнаго регистра нотъ, причемъ остальная клавиатура молчала. То же самое было между мной и Лори: у насъ находилось много предметовъ для продолжительныхъ бесѣдъ: общія воспоминанія дѣтства, наши дѣти, различныя событія и происшествія въ нашемъ кругу, туалеты, англійскіе романы и т. п.

Сыночекъ г-жи Гризбахъ, Ксаверъ, былъ сверстникъ моего Рудольфа и его любимый товарищъ, а ея дочка, Беатриса, десятилѣтняя крошка, называлась въ шутку невѣстой Руди, будущей графиней Доцки.

— Наконецъ-то я тебя вижу! — такимъ восклицаніемъ встрѣтила меня обрадованная Лори. — Послѣднее время ты сдѣлалась настоящей отшельницей. Моего будущаго зятя я также давно не имѣла чести видѣть у себя. Пожалуй, Беатриса обидится на это... Ну, рассказывай, милочка, что ты

подблываешь... Какъ поживаютъ Роза и Лили?... Насчетъ Лили могу сообщить тебѣ интересную новость, которую мужъ мой услышалъ вчера въ кафе: въ твою сестру страшно влюбленъ одинъ человекъ, хотя я до сихъ поръ воображала, что онъ вздыхаетъ по тебѣ. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Какое хорошенькое на тебѣ платье! Вѣрно, отъ Франсины? Я сейчасъ угадала; на всѣхъ ея работахъ какое-то особенное cachet... А шляпа отъ Жендро? Очень къ тебѣ идетъ... Жендро дѣлаетъ теперь не только шляпы, но и платья... тоже съ огромнымъ вкусомъ. Вчера на вечерѣ у Дитрихштейновъ—почему ты не была? — Нини Хотекъ прѣхала въ туалетъ отъ Жендро и казалась почти хорошенькой.

Такъ продолжали мы болтать въ томъ же духѣ. Наконецъ я ловко повернула разговоръ на свѣтскую хронику и спросила по возможности непринужденнымъ тономъ:

— А слышала ты, будто бы принцесса *** близка съ нѣкимъ барономъ Тиллингомъ?

— Слышала кое-что, но вѣдь это старая исторія. Теперь, какъ всѣмъ извѣстно, принцесса увлекается однимъ актеромъ изъ Бургъ-театра. А развѣ ты интересуешься барономъ? Что ты краснѣешь? Нечего отрицательно трясти головой, улыка на лицо: лучше говори правду! Надо удивляться, что тебѣ до сихъ поръ не успѣлъ никто понравиться... я была бы ужасно рада, еслибъ ты въ кого нибудь влюбилась... Слово нѣтъ—Тиллингъ не партія для графини Доцки; у тебя такъ много гораздо болѣе блестящихъ поклонниковъ—а у того, кажется, ни пфенига за душой. Впрочемъ, ты сама довольно богата; однако, опять таки онъ слишкомъ старъ для тебя... по моему, старъ... Сколько лѣтъ было бы теперь бѣдному Арно? Ахъ, какъ было грустно тогда. Никогда не забуду, какъ ты принялась читать вслухъ письмо моего брата... Да, скверная вещь война... разумѣется, не для всѣхъ. Для другихъ она отличная вещь; вотъ хоть бы мой мужъ: онъ спитъ и видитъ, чтобы опять началась кампанія; ему такъ хочется отличиться. Я понимаю это—будь я солдатомъ, я также стремилась бы къ славному подвигу или къ повышенію по службѣ...

— Или къ тому, чтобъ тебя искалѣчили и убили?..

— О, я никогда не думала бы объ этомъ! О такихъ вещахъ

не слѣдуетъ думать: вѣдь несчастье постигаетъ только того, кому оно суждено. Такъ и тебѣ, душа моя, было суждено остаться молодой вдовою.

— И чтобъ исполниться этому предопредѣленію, должна была возгорѣться война съ Италіей?

— А вотъ, если мнѣ суждено быть женой сравнительно молодаго генерала...

— Должно произойти новое столкновеніе между народами, чтобы твой Гризбахъ скорѣе повысился? Однако ты воображаешь, что міровой порядокъ слѣдуетъ самымъ простымъ предначертаніямъ! — Но что такое хотѣла ты сказать мнѣ насчетъ Лили?..

— То, что она вскружила голову твоему кузену Конраду. Кажется, онъ скоро сдѣлаетъ ей предложеніе.

— Сомнѣваюсь. Конрадъ слишкомъ вѣтрянъ и сумасброденъ, чтобы думать о женитьбѣ.

— Ахъ, всѣ мужчины вѣтряны и сумасбродны, что не мѣшаетъ имъ жениться, когда они полюбятъ не на шутку... Какъ ты думаешь, нравится онъ Лили?

— Право, не знаю: не замѣчала.

— Конрадъ—отличная партія. Послѣ смерти дяди, ему достанется имѣнье Селавецъ. Да, кстати, о Дронтгеймѣ... Ты знаешь, что Ферди Дронтгеймъ, промотавшій свое состояніе на танцовщицу Грилли, говорятъ, женится теперь на дочери богатаго банкира? Конечно, никто изъ „нашихъ“ не станетъ ее принимать... А ты будешь сегодня вечеромъ въ англійскомъ посольствѣ? Опять нѣтъ? Впрочемъ, ты права: на этихъ посольскихъ раутахъ всегда какъ-то чувствуешь себя несовсѣмъ между своими. Такая тамъ масса иностранцевъ, о которыхъ не знаешь хорошенько, вполнѣ ли они люди *comme il faut*; каждый проѣзжій англичанинъ, который сдѣлаетъ визитъ посланнику, приглашается на парадные приемы, будь онъ землевладѣлецъ средняго сословія, фабрикантъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Я люблю англичанъ только въ романахъ изданія Таухница... Ты уже читала „Джэнъ Эйръ“? Не правда ли, восхитительно? Когда моя Беатриса начнетъ говорить, я сейчасъ возьму къ ней бонну-англичанку... Французенкой Ксавера я совсѣмъ недовольна... Недавно встрѣчаю ее на улицѣ: она гуляетъ съ моимъ ребенкомъ, а за ней

такъ и увивается какой-то молодой человекъ, въ родѣ прикащика. До того заговорились оба, что и не видятъ меня. Увидали, когда ужъ я стояла передъ ихъ носомъ. Ну, разумеется, бонна переконфузилась, была готова сквозь землю провалиться. Вообще, мученье съ прислугой!.. Вотъ и моя горничная объявила мнѣ на дняхъ, что выходитъ замужъ... а я только успѣла къ ней привыкнуть! Терпѣть не могу въ домѣ новыхъ лицъ... Какъ, ты ужъ уходишь?

— Да, милочка, мнѣ надо сдѣлать еще два-три безотлагательныхъ визита... до свиданья.

И я не согласилась остаться даже „на пять минутокъ“ у пріятельницы, хотя ровно никакихъ безотлагательныхъ визитовъ мнѣ не предстояло. Въ другое время я охотно слушала бы пустую свѣтскую болтовню и поддерживала ее со своей стороны, но въ этотъ день она показалась мнѣ невыносимой. Мною овладѣла тоска... Ахъ, вотъ еслибъ еще разъ послушать такихъ рѣчей, какъ вчера! Ахъ, Тиллингъ... Фридрихъ Тиллингъ!.. Значить, то, что напѣвали мнѣ колеса экипажа, было правдой... Со мной произошло превращеніе—я поднялась въ иную сферу чувствъ. Мелочные интересы, совершенно поглощавшіе мою милую Лори: туалеты, бонны, свѣтскіе браки и исторіи съ наслѣдствами, все это казалось мнѣ до того жалкимъ, ничтожнымъ, что я была готова задохнуться. Нѣтъ, нѣтъ, скорѣй на свѣжій воздухъ, на широкой просторъ! А главное: Тиллингъ свободенъ; „принцесса увлекается теперь однимъ актеромъ изъ Бургъ-театра“... Навѣрно, онъ никогда ее не любилъ... Это было преходящее увлеченіе, и оно отошло въ область прошлаго.

VIII.

Промчалось много дней, а Тиллингъ все не появлялся на моемъ горизонтѣ. Каждый день я посѣщала театръ, откуда спѣшила куда нибудь на вечеръ, въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ, но все напрасно.

Въ мои пріемные дни собиралось много посѣтителей, только между ними не было его. Да я и не ждала къ себѣ барона. Онъ не могъ прійти послѣ словъ, сказанныхъ имъ

на обѣдѣ у моего отца: „Графиня, вы не должны ожидать отъ меня этого“ и потомъ послѣ фразы, вырвавшейся у него на прощанье, когда онъ подсаживалъ меня въ экипажъ: „понимаю—значить никогда“. Странно было бы, еслибъ онъ появился на моихъ журъ-фиксахъ. Я оскорбила его своей холодностью—это ясно. Баронъ избѣгалъ меня, въ томъ не могло быть сомнѣнія. Но что же мнѣ оставалось дѣлать? Я горѣла нетерпѣніемъ увидать его, загладить свою тогдашнюю нелюбезность и отвести душу въ разговорѣ съ нимъ, какъ въ тотъ памятный вечеръ. Ахъ, какъ милы казались мнѣ теперь часы, проведенные въ обществѣ Тиллинга, послѣ того какъ я поняла, что онъ мнѣ дорогъ. Въ слѣдующую субботу, вмѣсто желаннаго гостя, ко мнѣ пріѣхала, по крайней мѣрѣ, его кузина, та самая, въ домѣ которой я познакомилась съ нимъ на парадномъ балу. Когда она вошла, сердце у меня забилось такъ сильно, что я съ трудомъ подавила свое волненіе. Наконецъ-то я узнаю что нибудь о человѣкѣ, занимавшемъ мои мысли. Однако я не рѣшилась спросить о немъ, чувствуя, что не могу произнести его имени безъ того чтобъ не вспыхнуть предательскимъ румянцемъ. И такимъ образомъ мы толковали съ моей пріятельницей о разныхъ разностяхъ—между прочимъ, и о погодѣ, — но я не обмолвилась ни единымъ словомъ о томъ, что лежало у меня на душѣ.

— Ахъ, Марта,—спохватилась вдругъ та,—я и забыла: мой кузенъ Фридрихъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе—третьяго дня онъ уѣхалъ отсюда.

Я почувствовала, что вся кровь отхлынула отъ моихъ щекъ.

— Уѣхалъ? Куда? Развѣ его полкъ переведенъ?

— Нѣтъ... Ему дали отпускъ ненадолго. Онъ поспѣшилъ въ Берлинъ къ умирающей матери, чтобъ застать ее въ живыхъ. Мнѣ ужасно жаль его; Фридрихъ обожаетъ свою мать.

Два дня спустя, я получила письмо съ берлинскимъ штемпелемъ. На адресѣ былъ незнакомый мнѣ почеркъ. Но я тотчасъ догадалась, отъ кого оно, даже не успѣвъ прочитать подписи. Вотъ что писалъ мнѣ Тиллингъ:

Берлинъ. Фридрихштрассе, 8. 30-е марта 1863 г.

Часъ ночи.

„Дорогая графиня! Я *долженъ* передъ кѣмъ нибудь излить свое горе... Но почему именно передъ вами? Имѣю ли я на это право? Конечно нѣтъ, но я чувствую неодолимую потребность къ тому. Вы будете сочувствовать мнѣ—я въ томъ увѣренъ. Еслибъ вы знали мою безцѣнную мать, которая въ настоящую минуту борется со смертью, вы полюбили бы ее. Чудное сердце, свѣтлый умъ, веселый нравъ, и притомъ столько достоинства въ характерѣ, и все это должна поглотить могила—никакой надежды. Я провелъ цѣлый день у ея постели и проведу здѣсь цѣлую ночь, ея *последнюю* ночь... Она ужасно страдала, бѣдняжка. Теперь ей немного лучше, но силы падаютъ, пульсъ почти не бьется... Кромѣ меня, въ ея комнатѣ дежурятъ ея сестры и докторъ. Ахъ, эта страшная разлука навѣкъ! Хотя и знаешь, что смерть неизбежна, что никому изъ насъ ея не миновать, но трудно примириться съ мыслью, что она должна постичь и нашихъ близкихъ. Чѣмъ была для меня моя мать, я не могу даже и выразить.

„Она умираетъ сознательно. Когда я пріѣхалъ сегодня утрому, больная встрѣтила меня радостнымъ восклицаніемъ:

„— Ахъ, я еще разъ вижу передъ собой своего Фрица! А я все боялась, что ты пріѣдешь слишкомъ поздно.

„— Ты опять выздоровѣешь, милая матушка!—воскликнулъ я.

„— Нѣтъ, нѣтъ; объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, мой старый мальчикъ! Не унижай священныхъ минутъ нашего послѣдняго свиданія пошлыми утѣшеніями, какія расточаютъ всѣмъ умирающимъ. Простимся лучше, какъ слѣдуетъ...

„Я упалъ на колѣни у ея кровати и не могъ удержать рыданій.

„— Ты плачешь, Фрицъ? Вотъ видишь: я также не говорю тебѣ обычныхъ словъ: „не плачь“. Мнѣ пріятно, что разлука съ твоимъ лучшимъ старымъ другомъ огорчаетъ тебя. Это служить мнѣ порукой, что ты не скоро позабудешь свою мать...

„— Никогда, пока я живъ.

„— Вспоминай при этомъ, что ты доставилъ мнѣ много радости. Не считая заботъ во время твоихъ дѣтскихъ болѣзней и страха за тебя, когда ты бывалъ на войнѣ, ты до-

ставлялъ мнѣ одно счастье и помогаль переносить испытанія, ниспосылаемая судьбою. Благословляю тебя за это, дитя мое.

„Тутъ съ ней опять сдѣлался приступъ сильныхъ болей. Какъ она жалобно стонала и вскрикивала, какъ искажались страданіемъ ея черты! У меня сердце разрывалось, глядя на нее. Да, смерть—это страшный, неумолимый врагъ... Видъ агоніи матери напомнилъ мнѣ послѣднія минуты всѣхъ, кто умиралъ въ моемъ присутствіи на полѣ битвы и въ лазаретахъ... Когда я вспомню, что мы—люди—иногда подстрекаемъ ближнихъ добровольно идти на смерть, внушаемъ цѣлующей юности пренебреженіе къ врагу, съ которымъ даже изможденная, слабосильная старость борется такъ отчаянно,—мнѣ становится стыдно за себя. Развѣ это не низость? Сегодняшняя ночь тянется невыносимо долго... Еслибъ несчастная больная еще могла спать, а то она лежитъ съ открытыми глазами. Я неподвижно просиживаю по получасу возлѣ ея изголовья, а потомъ пробираюсь потихоньку въ сосѣднюю комнату къ письменному столу и прибавляю на этомъ листѣ нѣсколько строкъ, чтобы опять вернуться на прежнее мѣсто. Такъ мы дотянули до четырехъ часовъ утра. Я только что слышалъ, какъ били часы на ближайшихъ башняхъ города. Невольно содрогнешься при мысли, что время безостановочно, непрерывно подвигается впередъ, неумолимо отсчитывая послѣднія минуты горячо любимаго существа, которое вскорѣ должно перейти въ вѣчность. Но чѣмъ безучастнѣе все окружающее къ нашимъ страданіямъ, тѣмъ сильнѣе жаждешь подѣлиться своимъ горемъ съ другимъ человѣческимъ существомъ, къ которому тяготѣетъ сердце. Вотъ почему я соблазнился, увидѣвъ на столѣ чистый листъ бумаги, оставшійся послѣ докторскаго рецепта; я излилъ на немъ все, что навиѣло на душѣ, и шлю его вамъ, увѣренный въ вашемъ сочувствіи...

„7 часовъ утра. Все кончено.

„— Прощай, мой старый мальчикъ.—Это были ея послѣднія слова. Потомъ она закрыла глаза и заснула навѣки. Спи спокойно, безцѣнная старушка мать!

„Со слезами цѣлую ваши милыя руки, остаюсь
Вашъ смертельно огорченный

Фридрихъ Тиллингъ.*

Письмо это я храню до сихъ поръ. Какъ истерся и поблѣднѣлъ листокъ, исписанный его рукою! И не только протекшія двадцать пять лѣтъ привели его въ такой видъ, но также слезы и поцѣлуи, которыми я покрывала тогда дорогія строки. „Смертельно огорченный“—да... А мнѣ хотѣлось громко вскрикнуть отъ восторга, когда я прочитала это посланіе. Хотя въ немъ не говорилось ни слова о любви, но нельзя было яснѣе выразить, что писавшій любить ни кого инаго, какъ ту, передъ которой онъ излилъ свою душу. Не думалъ же онъ о принцессѣ въ такой часъ, у смертнаго одра матери, не стремился же онъ выплакать свое горе на ея груди; нѣтъ, его тянуло ко мнѣ, и этого было достаточно, чтобы заглушить въ моемъ сердцѣ всякое ревнивое сомнѣніе.

Въ тотъ же день я отослала роскошный вѣнокъ изъ бѣлыхъ камелій на гробъ усопшей; среди бѣлыхъ цвѣтовъ красовалась одна алая полураспустившаяся роза. Пойметъ ли онъ, что блѣдные цвѣты безъ запаха предназначались покойницѣ въ знакъ печали, а единственный цвѣтокъ, пылавшій багрянцемъ—ему?..

IX.

Прошло три недѣли.

Конрадъ Альтгаузъ посватался къ моей сестрѣ Лили и получилъ отказъ. Однако, онъ не принялъ этого въ трагическую сторону и остался, какъ всегда, постояннымъ посетителемъ нашего дома, а въ обществѣ — неизмѣннымъ кавалеромъ.

Однажды я выразила ему свое удивленіе по поводу его непоколебимой преданности вассала.

— Меня очень радуетъ,—сказала я,—что ты не думаешь сердиться. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ это служить доказательствомъ непрочности твоего чувства къ Лили, хотя ты утверждалъ противное. Отвергнутая любовь обыкновенно бываетъ мстительна и переходитъ въ озлобленіе.

— Ошибаешься, почтеннѣйшая кузина, я безъ ума влюбленъ въ Лили. Сначала мнѣ казалось, что мое сердце принадлежитъ тебѣ. Но ты держала себя такъ неприступно, что

я успѣлъ своевременно подавить зарождающуюся страсть. Потомъ, нѣкоторое время я интересовался Розой и наконецъ остановился на Лили. Этому расположенію я останусь вѣренъ до гроба.

— Какъ это на тебя похоже!

— Лили или никто!

— Но если она не хочетъ быть твоею, мой бѣдный Конрадъ?

— Неужели ты думаешь, что я единственный на свѣтѣ, который, не смотря на неудачу перваго сватовства, будетъ свататься къ любимой дѣвушкѣ и во второй, и въ третій разъ, чтобы восторжествовать, наконецъ, въ четвертый? Она уступитъ, хотя ужь ради того, чтобъ положить конецъ моимъ притаваньямъ; вотъ увидишь, что уступить! Правда, Лили не влюблена въ меня—странный, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительный фактъ. Однако мнѣ ужасно нравится, что она при такихъ условіяхъ не соблазнилась заманчивой для каждой дѣвушки перспективой—сдѣлаться замужней дамой, и не спѣшила ухватиться за партію, весьма приличную съ точки зрѣнія свѣта. Теперь я еще больше влюбился въ нее. Мало по малу моя привязанность тронетъ женское сердечко Лили, вызоветъ въ немъ взаимность и вотъ ты сдѣлаешься моей свояченицей, дорогая Марта. Надѣюсь, ты не намѣрена мнѣ противодѣйствовать?

— Я? ужь, конечно, нѣтъ. Напротивъ, мнѣ нравится твоя система упорнаго ухаживанья. Всѣмъ женихамъ слѣдовало бы взять тебя за образецъ и добиваться своего, выжидая время, дѣйствуя на женщинъ одною нѣжностью. Англичане называютъ это *to woo and to win* ¹⁾). Но любить и достигать желаемаго этимъ путемъ — наша молодежь не даетъ себѣ труда. Они хотятъ не завоевывать счастье, а срывать его, какъ цвѣтокъ, на краю дороги!

Тиллингъ вернулся въ Вѣну уже двѣ недѣли назадъ—какъ мнѣ передавали—а между тѣмъ не шелъ ко мнѣ. Встрѣтиться съ нимъ въ обществѣ, разумѣется, нельзя было рассчитывать; по причинѣ траура онъ не принималъ участія ни въ какихъ развлеченияхъ. Но я думала, что баронъ навѣститъ меня или,

¹⁾ Вздохать и добиваться.

по крайней мѣрѣ, мнѣ напишеть. Однако день проходилъ за днемъ, не принося съ собою ни ожидаемаго визита, ни письма.

— Не понимаю, чтѣ съ тобой творится, Марта, — говорила мнѣ однажды утромъ тетя Мари, — съ нѣкоторыхъ поръ ты сама не своя: разсѣянная, не въ духѣ... Напрасно ты отвергаешь всѣхъ жениховъ, увѣряю тебя — напрасно! Я давно говорю: одиночество для тебя не годится. Слѣдствіемъ его является твой сплинъ, который замѣчаютъ. Скажи-ка: ты ужь говѣла въ посту? Это также принесло бы тебѣ большую пользу.

— Полагаю, что и то и другое, т. е. выходить замужъ и говѣть, слѣдуетъ дѣлать по сердечному влеченію, а не ради того, чтобъ избавиться отъ сплина. Между тѣмъ, изъ претендентовъ на мою руку мнѣ не нравится никто; что же касается говѣнья...

— Ты должна имъ поторопиться; вспомни: вѣдь завтра великій четвергъ... Есть ли у тебя билеты на церемонію „Умовенія ногъ“?

— Да, папа мнѣ досталъ, только я, право, не знаю, идти ли...

— О, непременно! Трудно себѣ представить чтонибудь красивѣе и умилительнѣе этого зрѣлища... торжества христіанскаго смиренія. Ихъ величества, государь императоръ съ государыней императрицей нагибаются до полу, чтобы омыть ноги старикамъ и старухамъ изъ богадѣльни. Не служить ли это нагляднымъ примѣромъ ничтожества земнаго величія передъ божественнымъ?

— Да, для того чтобы олицетворить собою смиреніе, преклоняя колѣна передъ ближнимъ, нужно сознавать себя очень высокопоставленнымъ лицомъ. Этимъ они хотятъ сказать: „какъ велико разстояніе между сыномъ Божиимъ и апостолами, такъ велико оно между мною, императоромъ, и богодѣленскими стариками“. Этотъ основной мотивъ церемоніи кажется мнѣ не особенно смиреннымъ.

— У тебя на все престранные взгляды, Марта. Въ три года, проведенныхъ тобою въ деревенскомъ уединеніи за чтеніемъ дрянныхъ книгъ, ты усвоила себѣ совсѣмъ превратныя понятія.

— *Дрянныхъ* книгъ?

— Да, именно дрянныхъ—я не беру назадъ своего выраженія. Недавно, когда я въ своемъ невѣдѣніи упомянула передъ архіепископомъ объ одной книгѣ, которую нашла у тебя на постелѣ и по заглавію приняла за божественную,— „Жизнь Іисуса“, какого-то Штрауса, — преосвященный какъ всплеснетъ руками да какъ крикнетъ на меня: „Господи, откуда вы достали такое безбожное, нечестивое сочиненіе?“ Я, разумѣется, сгорѣла со стыда и стала увѣрять, что не читала его, а только видѣла у своей родственницы. „Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — вы должны потребовать отъ вашей родственницы, чтобы она, ради спасенія свой души, бросила эту книгу въ огонь“. Вотъ я и передаю тебѣ слова архіепископа, дорогая Марта. Согласна ты сжечь эту вещь?

— Еслибъ мы съ вами родились за двѣсти-триста лѣтъ назадъ, то могли бы видѣть своими глазами сожженіе не только нечестивой, по вашему, книги, но и самого еретическаго автора. И это средство было бы дѣйствительнѣе — на время, конечно—да и то ненадолго...

— Ты уклоняешься отъ прямого отвѣта. Говори: сожжешь ты книгу?

— Нѣтъ.

— Такъ таки и „нѣтъ“, безо всякихъ околичностей?

— Къ чему бесполезныя разсужденія? Мы не поймемъ одна другую на этой почвѣ, дорогая тетичка. Послушай лучше, что я расскажу тебѣ про своего Рудольфа...

И мнѣ удалось благополучно повернуть разговоръ на неистощимую тему, которая никогда не приводила насъ къ неприятнымъ столкновеніямъ. Насчетъ того, что Рудольфъ Додки самый прелестный, необыкновенный и не по лѣтамъ развитой ребенокъ, мы всегда были согласны между собою.

Итакъ, на другой день я рѣшила присутствовать на церемоніи „Умовенія ногъ“. Въ началѣ одиннадцатаго мы съ сестрою Розой, въ черныхъ туалетахъ, какъ подобаетъ на страстной недѣлѣ, явились въ большую церемоніальную залу императорскаго Бурга. Здѣсь на эстрадѣ были заготовлены мѣста для аристократіи и дипломатическаго корпуса. Слѣдовательно, и тутъ мы очутились въ своей сферѣ, обмѣниваясь поклонами направо и налево. Галерея также была бит-

комъ набита счастливыми, получившими билеты, но вверху было уже смѣшанное общество, не принадлежащее къ „сливкамъ“, какъ мы, сидѣвшіе внизу на эстрадѣ. Короче, и на этомъ торжествѣ символизированнаго смиренія господствовала обычная обособленность кастъ, и привилегированный кругъ пользовался несомнѣннымъ преимуществомъ.

Не знаю, были ли настроены на религіозный ладъ остальные присутствующіе, но я чувствовала себя точно въ театрѣ передъ началомъ интереснаго спектакля. Какъ въ зрительной залѣ, обмѣниваясь поклонами изъ ложи въ ложу и нетерпѣливо ждешь, скоро ли взовьется занавѣсъ, также и здѣсь я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла въ ту сторону, откуда должны были появиться солисты и хоръ — участники предстоящаго зрѣлища. Декорація была уже поставлена — длинный столъ, за который должны были сѣсть старцы и старушки.

Я была довольна, что вздумала пріѣхать: ожиданіе чего нибудь интереснаго всегда пріятно возбуждаетъ и имѣетъ свойство на время разгонять тяжелыя мысли. А меня постоянно удручала одна мысль: „Почему Тиллингъ не хочетъ показываться?“ Но въ данную минуту я развлеклась и только ждала появленія коронованныхъ особъ съ ихъ смиренными гостями. И что же? Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я не думала о Тиллингѣ, мои глаза различили его въ толпѣ. Немедленно по окончаніи обѣдни, придворные сановники потянулись въ залу въ сопровожденіи генералитета и корпуса офицеровъ. Я безучастно скользила взглядомъ по рядамъ этихъ фигуръ въ раззолоченныхъ мундирахъ—вѣдь они не были главными актерами, а просто статистами для пополненія сцены—и вдругъ узнала между ними Тиллинга, занявшаго мѣсто какъ разъ противъ нашей трибуны. По мнѣ точно пробѣжала электрическая искра. Онъ не смотрѣлъ въ нашу сторону. Въ его чертахъ отпечатлѣлись слѣды недавно пережитаго горя: лицо было печально. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось выразить ему свое сочувствіе молчаливымъ пожатіемъ руки! Я упорно не спускала съ него взгляда въ надеждѣ, что магнетическая сила моихъ глазъ заставитъ барона взглянуть на меня, но напрасно.

— Идутъ, идутъ! — подтолкнула меня Роза. — Вонъ смотри туда, туда. Ахъ, какъ красиво! Точно на картинѣ.

Старики и старухи въ старинныхъ нѣмецкихъ костюмахъ были введены въ залу. Младшей изъ старухъ — по газетнымъ свѣдѣніямъ — было восемьдесятъ восемь лѣтъ, младшему изъ стариковъ — восемьдесятъ пять. Морщинистые, беззубые, скорбленные... Я рѣшительно не могла понять, чтò нашла тутъ живописнаго сестра моя Роза. Вѣроятно, ей понравились только костюмы. Въ самомъ дѣлѣ, они отлично гармонировали со всей церемоніей, проникнутой средневѣковымъ духомъ. Анахронизмомъ являлись здѣсь мы въ нашихъ современныхъ платьяхъ, съ нашими современными понятіями — мы не подходили къ картинѣ. Когда двадцать четыре бѣдняка заняли мѣста за столомъ, въ залу вошло нѣсколько сановниковъ въ распитыхъ золотомъ и украшенныхъ орденами мундирахъ; большая часть ихъ были люди пожилые: тайные совѣтники, камергеры, въ числѣ которыхъ оказался и министръ „Коченно“. За ними слѣдовало духовенство, принимавшее участіе въ торжествѣ. Такимъ образомъ, статисты были размѣщены, и вниманіе публики, ожидавшей выхода высочайшихъ особъ, достигло крайняго напряженія. Однако мои глаза не такъ пристально смотрѣли въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться дворъ; я все поглядывала на Тиллинга; онъ наконецъ меня замѣтилъ и поклонился.

Роза снова коснулась рукой моего локтя:

— Марта, тебѣ дурно? Ты вдругъ страшно поблѣднѣла, а потомъ вспыхнула... Гляди же: вотъ! вотъ!!

Дѣйствительно, капельмей... ахъ, то бишь оберъ-церемоній-мейстеръ подаль знакъ своимъ жезломъ, что императорская чета приближается. Это зрѣлище въ самомъ дѣлѣ было заманчиво такъ какъ, не говоря уже о томъ, что ихъ величества представляли самую высокопоставленную чету въ странѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ были и самой красивой парой въ цѣломъ государствѣ. За ними вошла вереница эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь, и праздникъ могъ начаться. Тутъ столъники и пажи внесли наполненные кушаньями блюда, а государь съ государыней поставили ихъ на столъ передъ стариками. Опять вышла настоящая картина. Посуда, кушанья, манера пажей нести ихъ напоминали знаменитыя произведенія художниковъ,

изображавшихъ пиры въ стилѣ возрожденія. Но какъ только блюда были разставлены, ихъ тотчасъ опять убрали со стола; эта работа—въ знакъ смиренія—производилась эрцгерцогами и эрцгерцогинями. Затѣмъ унесли столъ и началась главная часть церемоніи—то, что французы называютъ *le clou de la rièse*—собственно умовеніе ногъ, самая эффектная сцена. Конечно, все это дѣлалось только для виду, какъ и самый пиръ былъ однимъ представленіемъ. Опустившись на колѣни, императоръ проводилъ полотенцемъ по ногамъ старика, между тѣмъ какъ прислуживавшій священникъ какъ будто лилъ воду изъ кувшина. Такъ императоръ склонялся передъ каждымъ старцемъ отъ перваго до послѣдняго. Въ это время императрица — которую мы постоянно привыкли видѣть стоящей прямо, со своей величественной, гордой осанкой, — продѣлывала ту же процедуру передъ каждой старухой, не утрачивая однако своей обычной чарующей граціи. Музыку или, если хотите, объяснительный хоръ замѣнялъ здѣсь придворный капелланъ, читавшій соотвѣтствующее мѣсто изъ евангелія.

Мнѣ ужасно хотѣлось бы знать, что чувствовали во время церемоніи эти старики, сидѣвшіе передъ массой зрителей въ необыкновенномъ одѣяніи, видя у своихъ ногъ колѣнопреклоненныхъ высочайшихъ особъ—самого государя и государыню. Вѣроятно, ихъ ощущенія были крайне смутны; такъ, по крайней мѣрѣ, представляла я себѣ состояніе духа этихъ людей, ошеломленныхъ, ослѣпленныхъ необычайнымъ зрѣлищемъ. Конечно, происходившее казалось имъ какимъ-то волшебнымъ сномъ. Они должны были испытывать и радость, и смущеніе; имъ было и больно, и сладко, такъ что отъ множества нахлынувшихъ впечатлѣній и безъ того темныя старческія головы навѣрно совсѣмъ отказывались работать. Единственное, что они ясно себѣ представляли, была перспектива получить красный шелковый мѣшочекъ съ тридцатью серебряными монетами, который навѣшивается августѣйшей рукою на шею каждому, и большую корзинку провизіи, которую имъ даютъ передъ отправкой домой. Церемонія скоро кончилась и зала опустѣла. Сначала удалился дворъ; потомъ другіе соучастники парада. Наконецъ стала расходиться и публика съ трибуны и съ галереи.

— Ахъ, какая это была прелесть, какая прелесть!—шептала Роза, у которой заняло духъ отъ восторга.

Я ничего не отвѣтила. Въ сущности я не имѣла права относиться съ презрительнымъ состраданіемъ къ слабоумнымъ старикамъ и старухамъ, опалѣвшимъ отъ окружающаго великолѣпія. У меня была такая же странная путаница въ головѣ; только что видѣнное мною расплывалось въ моемъ сознаніи и лишь одна неотвязная мысль твердо засѣла въ мозгу: „Будетъ ли Тиллингъ ожидать насъ у выхода“? Между тѣмъ пробраться туда оказалось довольно затруднительнымъ. Прежде всего, насъ обступили знакомые, сидѣвшіе съ нами на эстрадѣ. Пришлось обмѣниваться, почти съ каждымъ, рукопожатіями и вѣжливыми фразами. Затѣмъ на площадкѣ парадной лѣстницы столпилась цѣлая масса народу, такъ что вышла настоящій утренній раутъ.—Здравствуй, Тини!—Bonjour, Марта!—Ахъ, графиня, вы также тутъ?—Ты ужь приглашена куда нибудь на первый день пасхи?—Мое почтеніе, ваше сіятельство, не забудьте, что мы ждемъ васъ въ понедѣльникъ на танцевальный вечеръ, запросто, по семейному.—Ты была вчера на проповѣди въ доминиканской церкви?—Нѣтъ, я была въ Sacré-coeur, гдѣ у меня воспитываются дочери.—Слѣдующая репетиція нашего благотворительнаго спектакля назначена въ четвергъ, въ двѣнадцать часовъ, милѣйшій баронъ: пожалуйста, не опоздайте.—Императрица опять была восхитительна.—Замѣтила ты, Лори, какъ эрцгерцогъ Людвигъ-Викторъ все время поглядывалъ въ сторону Гёттеръ-Фанни?—Madame, j'ai l'honneur de vous présenter mes hommages.—Ah, c'est vous, marquis... charmée.—I wish You good morning, Lord Chesterfield.—Oh, how are You?—Awfully fine woman, your Empress¹⁾—Вы уже взяли ложу на представленіе Аделины Патти? Удивительная восходящая звѣзда...—Значитъ, слухъ о помолвкѣ Ферди Дронтгейма съ дочерью банкира подтвердился—вотъ скандалъ!

Подобныя замѣчанія сыпались со всѣхъ сторонъ. Постороннему наблюдателю ни за что не пришло бы въ голову,

1) Честъ имѣю кланяться, сударыня.—Ахъ, это вы, маркизь... рада васъ видѣть.—Добраго утра, лордъ Честерфильдъ.—О, какъ поживаете?—Удивительно изящная особа, ваша императрица.

что эта публика только что присутствовала на религиозной церемоніи, олицетворявшей торжество смиренія. Наконецъ, мы добрались до воротъ, гдѣ насъ ожидали экипажи и собралась толпа народа. Эти люди хотѣли, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть на тѣхъ счастливицевъ, которымъ удалось увидеть высочайшихъ особъ; послѣ этого, они съ гордостью могли показаться съ своей стороны другимъ, потому что видѣли „видѣвшихъ“ торжество. Едва мы успѣли выйти, какъ передо мной выросъ Тиллингъ. Онъ поклонился.

— Мнѣ слѣдуетъ еще поблагодарить васъ, графиня Доцки, за великолѣпный вѣнокъ.

Я подала ему руку, но не могла вымолвить ни слова. Намъ подали экипажъ, надо было садиться и Роза толкала меня впередъ. Тиллингъ взялъ подъ козырекъ и хотѣлъ отойти. Тогда я сдѣлала надъ собой усиліе и сказала измѣнившимся голосомъ, который мнѣ самой показался чужимъ:

— Въ воскресенье, между двумя и тремя, я буду дома.

Баронъ молча поклонился и мы сѣли въ карету.

— Ты вѣрно простудилась, Марта,—замѣтила сестра, когда лошади тронулись.—У тебя охрипло горло. И почему ты не представила мнѣ этого мрачнаго офицера? Рѣдко можно встрѣтить такое унылое лицо, да и смотрѣть-то на него не особенно пріятно.

X.

Въ назначенный день и часъ Тиллингъ явился ко мнѣ. Передъ его приходомъ, я внесла въ красныя тетрадки слѣдующее:

„У меня есть предчувствіе, что нынѣшній день рѣшить мою участь. Мнѣ такъ хорошо и немного страшно, какъ передъ какимъ-то великимъ таинствомъ. Это настроеніе я должна отмѣтить въ своемъ дневникѣ, чтобы имѣть возможность даже много лѣтъ спустя ясно вспомнить знаменательный часъ, котораго я ожидаю теперь съ такимъ волненіемъ. Пожалуй, все выйдетъ иначе, чѣмъ я думаю, а, можетъ быть, и точно такъ... во всякомъ случаѣ мнѣ будетъ интересно убѣдиться, насколько можетъ человѣкъ предугадать свое будущее...

Тотъ, кого я жду, любить меня; доказательство тому—письмо, написанное имъ у смертнаго одра матери; онъ любитъ взаимно—это должна была сказать ему роза, вплетенная въ вѣнокъ для усопшей... И вотъ, послѣ этого, мы встрѣчаемся—безъ свидѣтелей, внутренно взволнованные; — онъ жаждетъ утѣшенія; я сгораю желаніемъ утѣшить его: мнѣ кажется, что намъ обоимъ не придется тратить лишнихъ словъ. Выступившія слезы, пожатіе дрожащихъ рукъ и—мы поняли одинъ другаго... Двое любящихъ, двое счастливыхъ людей—серьезно, торжественно, страстно, благоговѣнно счастливыхъ, тогда какъ въ обществѣ, конечно, отзовутся о нашемъ союзѣ равнодушно и сухо. Пойдутъ толки: „А знаете новость? Марта Доцки выходитъ за Тиллинга... Ну, ужъ партія!..“ Пять минутъ третьяго. Онъ можетъ явиться каждую секунду... Звонокъ!.. Какъ у меня забилося сердце... я вся дрожу, я чувствую, что...“

Тутъ замѣтка въ дневникѣ обрывается. Послѣдняя строка нацарапана страшно неразборчиво. Значить, слова о тревожномъ біеніи сердца и трепетѣ не были пустою фразой. Мои ожиданія не оправдались. Дѣйствительность не соответствовала мечтамъ. Во время своего визита, продолжавшагося не долше получаса, Тиллингъ былъ холоденъ и крайне сдержанъ. Онъ извинился передо мной за свою смѣлость писать мнѣ, не испросивъ предварительно позволенія на это, и прибавилъ: „Надѣюсь, вы простите такое нарушеніе приличій въ виду того, что я былъ слишкомъ убитъ горемъ, чтобы здраво разсуждать“. Потомъ мы поговорили съ нимъ еще о послѣднихъ дняхъ его матери, и баронъ разсказалъ мнѣ кое-что изъ ея жизни, но не обмолвился ни словомъ о другомъ... что лежало у насъ обоихъ на сердцѣ. На меня пахнуло холодомъ; я сама стала сдержанной и церемонной, а когда онъ поднялся, чтобы уходить, я не сдѣлала ни малѣйшей попытки удержать его и не пригласила прійти еще разъ.

Едва Тиллингъ ушелъ, я бросилась къ своему раскрытому дневнику, чтобъ дописать недоконченную фразу.

„Я чувствую, что... все потеряно... что я жестоко ошиблась, что онъ меня не любитъ и теперь будетъ думать самъ, что я тоже равнодушна къ нему. Я держала себя почти такъ, какъ будто хотѣла оттолкнуть его. Я чувствую—онъ никогда

не вернется ко мнѣ. А, между тѣмъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другаго человѣка, котораго я могла бы любить. Никто не сравнится съ нимъ по уму, благородству, добротѣ, и такъ, какъ я любила бы тебя, Фридрихъ, не сѣмѣетъ любить никакая другая женщина, а ужъ тѣмъ болѣе твоя принцесса, къ которой ты, кажется, вернулся. Сынъ мой Рудольфъ, ты одинъ остаешься моимъ утѣшеніемъ и опорой. Съ этой минуты я умерла для личнаго счастья, для любви; только материнская привязанность должна наполнять теперь мое одинокое сердце и всю мою жизнь... Если мнѣ удастся сдѣлать изъ тебя такого человѣка, какъ онъ, если ты, Рудольфъ, будешь впослѣдствіи оплакивать меня, какъ тотъ оплакиваетъ свою мать, я скажу, что жила не даромъ“.

Но какая въ сущности глупая вещь—дневникъ! Стремленіе увѣковѣчить на бумагѣ постоянно мѣняющіяся, исчезающія и вновь возникающія желанія, намѣренія и взгляды на вещи, которые составляютъ самый ходъ нашей духовной жизни,—не приводитъ къ желаемому результату и только заставляетъ насъ потомъ мучительно сознавать собственную пережвѣченность. Здѣсь, на одной и той же страницѣ, подъ однимъ и тѣмъ же числомъ, выражены два діаметрально противоположныхъ настроенія: сначала самыя радужныя надежды; потомъ полнѣйшее самоотреченіе, а на слѣдующихъ страницахъ опять иное, опять противорѣчія... Въ понедѣльникъ на пасхѣ выдалась превосходная весенняя погода,—и катанье на Пратерѣ, служившее какъ бы вступленіемъ къ первому парадному майскому „корсо“, отличалось необыкновеннымъ блескомъ. Я хорошо помню, какъ этотъ блескъ, это праздничное ликованье и весенняя нѣга плохо гармонировали съ печалію, наполнявшей мое сердце. Но я не согласилась бы промѣнять ее на прежнюю веселость, когда въ этомъ сердцѣ была пустота, не дальше какъ мѣсяца два тому назадъ, до моего знакомства съ Тиллингомъ. Хотя моя любовь, повидимому, не встрѣчала взаимности, но все же это была любовь—теплое, отрадное чувство, дававшее толчекъ моей жизненной энергіи всякій разъ, когда дорогій образъ вставалъ передо мною. Съ этимъ чувствомъ, не смотря на горе, жизнь казалась полнѣе и я ни за что не хотѣла заглушать его.

Разумѣется, мнѣ никакъ не могло прійти въ голову, что

я встрѣчу въ тотъ день на Пратерѣ, въ вихрѣ свѣтскаго веселья, его,—предметъ моихъ мечтаній. А, между тѣмъ, на дѣлѣ вышло такъ; разсѣянно блуждая взглядомъ вдоль аллеи для верховой ѣзды, я вдругъ увидала всадника въ военной формѣ, быстро мчавшагося въ нашу сторону, и, не смотря на свою близорукость, тотчасъ узнала въ немъ барона. Когда онъ приблизился къ нашему ландо и взялъ подъ козырекъ, я не только поклонилась ему, но стала дѣлать знаки, подзывая его къ себѣ. Правда, мнѣ тутъ же пришло въ голову, что это неприлично.

— Кого это ты зовешь?—спросила меня Лили. — Вѣрно, отца? Ахъ, нѣтъ,—прибавила она,—теперь и я вижу, вонъ идетъ неизбѣжный Конрадъ—это ему ты махала рукою?

Появленіе „неизбѣжнаго Конрада“ пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Я была благодарна милому кузену и тотчасъ принялась доказывать эту благодарность на дѣлѣ.

— Послушай, Лили,—начала я,—вѣдь онъ, право, прелестный человѣкъ и пришелъ сюда непремѣнно ради тебя... Ты должна надъ нимъ сжалиться и полюбить его немного... О, еслибъ ты знала, какъ хорошо питать къ кому нибудь искреннее чувство, то не оставалась бы такой холодной. Послушайся меня, сдѣлай счастливымъ этого добраго малаго.

Лили взглянула на меня съ удивленіемъ.

— Но если онъ не нравится мнѣ, Марта?

— Значить, ты любишь другаго?

Она покачала головой:—Нѣтъ, никого.

— Бѣдняжка, мнѣ жаль тебя.

Мы проѣхались еще раза два-три по аллеѣ. Но тотъ, котораго напрасно искали мои глаза, не показывался больше. Очевидно, онъ оставилъ Пратеръ.

XI.

Нѣсколько дней спустя, Тиллингъ зашелъ ко мнѣ днемъ. Въ моей гостинной сидѣли: отецъ, тетя Мари, Роза и Лили, Конрадъ Альтгаузъ и министръ „Конечно“. Я чуть не вскрикнула отъ радости: до того неожиданно было его посѣщеніе, но эта радость разсѣялась, когда баронъ, поздоровавшись

съ присутствующими и занявъ по моему приглашенію кресло противъ меня, сказалъ холоднымъ тономъ:

— Я пришелъ къ вамъ проститься, графиня, потому что черезъ нѣсколько дней уѣзжаю изъ Вѣны.

— Надолго? И куда?—Зачѣмъ?— Съ чего это такъ вдругъ?— раздались со всѣхъ сторонъ вопросы, между тѣмъ какъ я сидѣла, не говоря ни слова.

— Можетъ быть, навсегда... Въ Венгрію... Я перевелся въ другой полкъ.— У меня пристрастіе къ мадьярамъ...— отвѣчалъ баронъ, обращаясь то къ тому, то къ другому.

Тѣмъ временемъ, я успѣла опомниться и сказала по возможности спокойно:

— Однако вы быстро рѣшились. — Что такое сдѣлали вамъ наша Вѣна, что вы такъ спѣшите покинуть ее?

— Здѣсь для меня слишкомъ шумно и весело, а при моемъ настроеніи мнѣ гораздо пріятнѣе тишина и просторъ необозримой пустыни.

— Вотъ глупости!—возразилъ Конрадъ, — когда человѣку грустно, нужно, напротивъ, искать развлеченій. Вечеръ, проведенный въ Карль - театрѣ, во всякомъ случаѣ освѣжитъ васъ болѣе, чѣмъ цѣлые дни уединенія.

— Лучше всего встряхнулись бы вы, Тиллингъ,—вмѣшался мой отецъ, — еслибъ у насъ опять затѣялся походъ. То ли дѣло! По крайней мѣрѣ, чувствуешь себя весело, бодро! Только, къ сожалѣнію, ничего подобнаго еще нѣтъ въ виду; миръ угрожаетъ продлиться до безконечности.

— Что за удивительныя у тебя соединенія понятій, папа,— не утерпѣла я, чтобъ не возразить отцу, осѣдлавшему своего любимаго конька: — воевать, по твоему, „весело“, а миръ „угрожаетъ“.

— Конечно,—подтвердилъ министр,—на политическомъ горизонтѣ не замѣчается ни малѣйшаго пятнышка. Впрочемъ, гроза налетаетъ иногда неожиданно и никогда нельзя поручиться за то, что и малѣйшее уклоненіе барометра въ сторону не приведетъ къ войнѣ. Это я говорю въ утѣшеніе вамъ, г-нъ подполковникъ. Что касается меня, то мнѣ, какъ блюстителю внутреннихъ интересовъ страны, слѣдуетъ, конечно, желать наибольшей продолжительности мира. Только на этомъ условіи возможенъ успѣшный ходъ дѣлъ, находящихся

въ моемъ вѣдѣніи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ сочувствовать желаніямъ тѣхъ, кто съ военной точки зрѣнія, конечно...

— Пропу вапе превосходительство, — перебилъ Тиллингъ, — не приписывать мнѣ желанія, чтобъ у насъ началась война. Затѣмъ я позволю себѣ возразить и противъ того, что существуетъ будто бы особая „военная“ точка зрѣнія, въ отличіе отъ общечеловѣческой. Мы существуемъ на то, чтобъ въ случаѣ нужды защищать отечество отъ врага, какъ пожарные на случай пожара, чтобы тушить его. Поэтому солдатъ не имѣетъ права желать войны, какъ пожарный—пожара; то и другое—ужасное бѣдствіе и, какъ чело-вѣкъ, никто изъ насъ не долженъ радоваться несчастію ближняго.

„Добрый мой, хорошій!“ подумала я про себя. Тиллингъ между тѣмъ продолжалъ:

— Я знаю, что возможность отличиться представляется одному только при пожарѣ, а другому въ походѣ, но какимъ себялюбіемъ и узостью умственного кругозора нужно обладать для того, чтобы собственный меркантильный интересъ заслонилъ отъ насъ горе и страданіе цѣлыхъ тысячъ народа! Если же мы видимъ общее бѣдствіе и не сочувствуемъ ему, это еще хуже: значить, у насъ жестокое, безчувственное сердце. Миръ—величайшее благо или, скорѣе, отсутствіе величайшаго злодѣяства—это, какъ вы сказали сами, единственное состояніе, благоприятное интересамъ народонаселенія страны, а вы хотите признать за громадной частью того же народонаселенія, за арміей, право желать, чтобы это благополучіе прекратилось и взамѣнъ его наступило бѣдственное время войны? Неужели, по вашему, нужно сочувствовать этому „справедливому“ желанію, чтобъ оно обратилось въ требованіе, а тамъ дошло и до осуществленія? Неужели слѣдуетъ вести войну, чтобы армія не бездѣйствовала и была удовлетворена? Вѣдь этакъ, пожалуй, можно дойти до того, стануть что нарочно устраивать пожары, безъ которыхъ пожарная команда не будетъ имѣть случая отличиться и заслужить одобреніе!

— Ваше сравненіе хромаетъ, любезный подполковникъ, — возразилъ мой отецъ, противъ обыкновенія называя Тиллинга по его чину, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы дать ему

почувствовать, насколько подобные взгляды не согласуются съ его званіемъ.—Пожары приносятъ одинъ вредъ и убытки, тогда какъ войны создаютъ могущество и силу страны. Какимъ же инымъ путемъ могли бы образовываться государства и расширять границы своихъ владѣній, какъ не съ помощью удачныхъ походовъ? Солдаты любить войну не изъ-за одного только личнаго честолюбія; военная слава прежде всего даетъ пищу національной гордости, возбуждаетъ патріотизмъ...

— Т. е. любовь къ отечеству? — перебилъ Тиллингъ.— Право, мнѣ какъ-то странно, что мы, военные, точно монополизируемъ это естественное чувство, врожденное большинству людей. Каждому свойственно любить землю, которая его вскормила, каждый желаетъ, чтобы его соотечественники возвысились, а страна пользовалась благосостояніемъ, но счастье и слава достигаются иными средствами, кромѣ войны; можно гордиться другими подвигами, кромѣ завоеваній; на примѣръ, я гораздо болѣе горжусь нашимъ Анастасіемъ Грюномъ, чѣмъ любимъ австрійскимъ генералисимусомъ.

— Ну, какъ же можно сравнивать поэта съ полководцемъ!— воскликнулъ мой отецъ.

— Вотъ и я говорю то же самое. Лавры, не обогранные человѣческой кровью, несравненно прекраснѣе.

— Однако, любезный баронъ,—замѣтила моя тетка,— только разъ въ жизни приводится мнѣ слышать такія рѣчи отъ военнаго. Куда же дѣнется тогда боевой энтузіазмъ, воинственный пылъ?

— Эти чувства мнѣ не чужды, сударыня. Одушевляемый ими, выступилъ я въ свой первый походъ девятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Но, когда мнѣ довелось увидать настоящій бой и убѣдиться во-очію, какъ при этомъ разнуздываются звѣрскіе инстинкты человѣка, все мое воодушевленіе пропало, и при слѣдующихъ битвахъ я шель въ огонь уже безо всякой охоты, а единственно по долгу службы.

— Слушайте, Тиллингъ, я воевалъ побольше васъ, видѣлъ довольно кровавыхъ сценъ на полѣ битвы и однако не утратилъ воинственнаго пыла. Въ 49 году я уже немолодымъ человѣкомъ выступилъ въ походъ подъ командой Радецаго съ такимъ же восторгомъ, какъ и въ первый разъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, вы принадлежите

къ болѣе старому поколѣнію, въ которомъ воинственный духъ былъ гораздо сильнѣе развитъ, чѣмъ въ нашемъ, тогда какъ сострадательность, требующая удаленія всего, что причиняетъ напрасную муку, и проникающая теперь все дальше и дальше во всѣ слои общества, была чужда огромному большинству.

— Что жъ изъ этого? Страданія нигдѣ не избѣгнешь: оно также неустранимо, какъ и война.

— Видите, графъ Альтгаузъ, это старинная и сильно дискредитированная точка зрѣнія. Основываясь на ней, люди старались примириться со всякимъ соціальнымъ зломъ; они проповѣдовали покорность судьбѣ передъ неизбѣжнымъ, неустранимымъ, въ силу закона природы. Но, если при видѣ страшнаго бѣдствія у васъ однажды шевельнулся вопросъ: „Да полно—такъ ли, должно ли это быть?“ если въ ваше сердце закралось сомнѣніе, вы уже не можете оставаться хладнокровнымъ зрителемъ человѣческой бойни и вмѣстѣ съ состраданіемъ у васъ является нѣчто въ родѣ раскаянія, не личнаго раскаянія, а—какъ бы это сказать?—въ вашей душѣ заговорить *совѣсть эпохи*.

Мой отецъ пожалъ плечами.

— Ну, для меня это черезчуръ возвышенно, — сказалъ онъ. — Я только могу васъ увѣрить, что не одни дѣды съ гордостью и восторгомъ вспоминаютъ свои походы; но также, если вы спросите молодыхъ и даже самыхъ юныхъ, хочется ли имъ на войну, они съ жаромъ отвѣтятъ: „Еще бы! Очень хочется“.

— Самые юные—конечно. Въ нихъ не остылъ еще воинственный энтузіазмъ, привитый въ школѣ. Другіе же скажутъ: „я хочу на войну“, потому что по общепринятымъ понятіямъ настоящій мужчина и храбрецъ не можетъ отвѣтить иначе. Откровенный же отвѣтъ: „не хочу“ легко можетъ быть написанъ трусости.

— Ахъ,—замѣтила Лили, слегка вздрагивая,—я ужасно боялась бы во время битвы... Какъ должно быть страшно, когда пули летаютъ со всѣхъ сторонъ и вамъ ежеминутно грозить смерть...

— На устахъ молоденькой дѣвушки это звучитъ вполне естественно,—отвѣчалъ Тиллингъ,—но мы должны отрекаться отъ чувства самосохраненія... Солдатъ долженъ подавить въ себѣ и жалость къ другу и врагу во время войны, потому что

всякая чувствительность и мягкосердіе ставятся намъ въ вину наравнѣ съ трусостью.

— Только на войнѣ, любезный Тиллингъ, только на войнѣ, — подхватилъ мой отецъ. — Въ частной жизни, слава богу, мы не изверги.

— Знаю; это выходитъ чѣмъ-то въ родѣ „отвода глазъ“. Едва только объявятъ войну, всѣ ея ужасы принято ставить ни во что. Такъ иногда дѣти уговариваются между собою въ играхъ: если я сдѣлаю вотъ это или то, такъ это не считается. При игрѣ въ войну господствуютъ такія же невысказываемыя соглашенія: убійство перестаетъ быть убійствомъ; грабежъ — уже не грабежъ, а реквизиція; пылающія деревни представляютъ не пожары, а „взятые позиціи“. Однимъ словомъ, всѣ заповѣди божіи, правила катехизиса и нравственности ставятся ни во что, пока продолжается кампанія. Но, если человѣкъ перестаетъ увлекаться игрою, если на минуту забудетъ условное: „не считается“ и трезво посмотритъ вокругъ на ужасныя картины безчеловѣчной жестокости, — передъ нимъ предстанетъ во всей наготѣ это невыразимое бѣдствіе, это массовое преступленіе, и тогда онъ захочетъ одного, чтобы уйти отъ непосильной душевной муки, сложить голову вмѣстѣ съ прочими убитыми.

— Въ сущности это правда, — сказала тетя Мари, слушавшая барона съ задумчивымъ видомъ, — заповѣди: не убій, не укради, люби своего ближняго, какъ самого себя, прощай врагамъ своимъ...

— Не считаются — повторилъ Тиллингъ. — А тѣ, чье призваніе, казалось бы, состоятъ въ томъ, чтобы внушать людямъ правила вѣры, первые освящаютъ наше оружіе и призываютъ благословеніе неба на нашу кровавую работу.

— И совершенно справедливо, — замѣтилъ мой отецъ. — Въ библіи Іегова называется богомъ сраженій, господомъ воинствъ... Онъ самъ повелѣваетъ намъ обнажить мечъ, онъ самъ...

— Мы приписываемъ волѣ божіей все, чего намъ хочется достигнуть самимъ, — перебилъ Тиллингъ. — Какъ будто Господь можетъ отмѣнять на время вѣчныя завѣты любви. Все это выходитъ грубо, непослѣдовательно и ребячески наивно. За чѣмъ приписывать высшему существу наши страсти, наши

стремленія! — А теперь, графиня, — прибавил баронъ, вставая, — позвольте съ вами проститься. Извините, пожалуйста, что я невольно поднялъ такой невеселый споръ.

Голова у меня шла кругомъ; я не помнила себя отъ разнородныхъ ощущеній, нахлынувшихъ вдругъ, точно бурный приливъ. Все, только что сказанное Тиллингомъ, еще болѣе возвысило въ моихъ глазахъ любимаго человѣка... И мнѣ приходилось съ нимъ разстаться, быть можетъ, навсегда! Неужели мы равнодушно распростимся на глазахъ у постороннихъ, и затѣмъ все будетъ кончено?.. Нѣтъ, это невозможно. Если такъ выдетъ, я готова разрыдаться, едва за нимъ затворится дверь. Нѣтъ, все, кромѣ этого! И я рѣшительно встала.

— Одну минуту, баронъ Тиллингъ, — сказала я... — мнѣ хочется показать вамъ еще ту фотографію, о которой мы говорили прошлый разъ.

Онъ съ удивленіемъ вскинулъ на меня глаза, потому что между нами никогда не было и рѣчи ни о какой фотографіи. Однако Тиллингъ послѣдовалъ за мною въ уголокъ гостиной, гдѣ насъ не могла слышать остальная компанія. Я раскрыла наудачу одинъ изъ альбомовъ, лежавшихъ на столѣ, и баронъ склонился надъ нимъ. Тутъ я сказала ему вполголоса, вся дрожа отъ волненія:

— Я не отпущу васъ такимъ образомъ... Я хочу, я должна съ вами переговорить.

— Какъ хотите, графиня — я слушаю.

— Нѣтъ, не теперь. Вы должны прійти ко мнѣ еще разъ... завтра, въ эти же часы.

Онъ какъ будто колебался.

— Я приказываю вамъ... заклинаю васъ памятью вашей матери, которую мы вмѣстѣ оплакивали...

— О, Марта!..

Мое имя, произнесенное имъ, заставило меня вздрогнуть въ приливъ счастья.

— Итакъ, завтра, — повторила я, заглядывая ему въ глаза.

— Въ эти же часы.

Мы поняли одинъ другаго. Я вернулась къ остальнымъ

гостямъ, а Тиллингъ, поцѣловавъ мнѣ руку и раскланявшись съ присутствующими, скрылся за дверьми.

— Странный человѣкъ,—замѣтилъ отецъ, покачавъ головою.—Все, что онъ тутъ наболталъ, едва ли бы встрѣтило одобрѣніе въ правительственныхъ сферахъ.

XII.

На слѣдующій день, я опять дала приказаніе не принимать никого, кромѣ барона Тиллинга, какъ и при первомъ его визитѣ.

Предстоящій разговоръ наполнялъ мое сердце и сладкимъ нетерпѣніемъ, и боязнью, и нѣкоторымъ смущеніемъ. Я не знала хорошенько, что скажу ему, да и не хотѣла обдумывать. Еслибъ онъ спросилъ: „итакъ, графиня, что такое навались вы мнѣ сообщить? Чего вы отъ меня желаете?“ Не могла же бы я отвѣтить ему откровенно: „Я хотѣла сообщить вамъ, что люблю васъ, а желаю я... чтобъ ты остался“. Но, конечно, онъ не станетъ допытываться моей тайны въ такой сухой формѣ и мы пойдемъ другъ друга безъ категорическихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Самое главное заключалось въ томъ, чтобъ увидѣть его еще разъ и, если разлука неизбежна, обмѣняться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, задушевнымъ словомъ, проститься, какъ слѣдуетъ... Но при одной мысли о прощаньи мои глаза наполнились слезами.

Въ эту минуту Тиллингъ вошелъ въ гостинную.

— Я повинуюсь вашему приказанію, графиня, и... Но что такое съ вами?..—переваль онъ себя.—Вы плачете и теперь?

— Я?.. Нѣтъ... это дымъ... каминъ въ сосѣдней комнатѣ... Садитесь, Тиллингъ... Я рада, что вы пришли.

— А я счастливъ, что вы приказали мнѣ прийти — помните?—именемъ моей покойной матери... Послѣ того, я рѣшилъ высказать вамъ все, что лежитъ у меня на сердцѣ. Я...

— Ну?.. что же вы молчите?

— Говорить оказывается для меня гораздо труднѣе, чѣмъ я полагалъ.

— Но вами было высказано столько довѣрія ко мнѣ—въ ту печальную ночь, которую вы проводили у изголовья умирающей.—Почему же теперь я для васъ точно чужая?

— Въ тотъ торжественный часъ я былъ самъ не свой, а когда опомнился, на меня напала моя обычная робость. Я вижу, что преступилъ въ то время свое право и, чтобы не дѣлать того же впередъ, избѣгалъ встрѣчаться съ вами.

— Дѣйствительно, такъ: вы, повидимому, избѣгаете меня. Но почему это?

— Почему? потому что... потому что обожаю васъ.

Я ничего не отвѣтила и отвернулась, чтобы скрыть свое смущеніе. Тиллингъ также умолкъ.

Наконецъ, я собралась съ духомъ и прервала молчаніе:

— А почему вы хотите оставить Вѣну?

— По той же причинѣ.

— А развѣ вы не можете измѣнить своего рѣшенія?

— Могъ бы, потому что мой переводъ еще не состоялся.

— Тогда оставайтесь.

Онъ взялъ мою руку.

— Марта!

Во второй разъ онъ назвалъ меня по имени и эти два слога звучали такъ обаятельно для меня въ его устахъ... Мнѣ слѣдовало отвѣтить ему чтонибудь такое, что звучало бы и для него также сладко—тоже два слога, въ которые я вложу все чувство, которымъ полно мое сердце. И вотъ, поднявъ глаза на Тиллинга, я вымолвила:

— Фридрихъ!

Въ ту же минуту отворилась дверь и въ комнату вошелъ мой отецъ.

— Ахъ, ты дома! Алексѣй сказалъ, что тебя нѣтъ, и я рѣшилъ подождать твоего возвращенія... Здравствуйте, Тиллингъ! Послѣ вашего вчерашняго прощанья, я удивленъ, видя васъ здѣсь...

— Мой отъѣздъ отмѣненъ, ваше превосходительство, и я пришелъ...

— Сообщить о томъ моей дочери? Прекрасно. А теперь узнай, Марта, что привело меня къ тебѣ. Мнѣ нужно потолковать съ тобой о важныхъ семейныхъ дѣлахъ.

Тиллингъ поднялся.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, я являюсь помѣхой?

— Ничего; время терпѣть.

Въ душѣ я отсылала отца съ его семейными дѣлами къ антиподамъ. Его приходъ испортилъ мнѣ все. Нельзя было явиться болѣе некстати. Тиллингу оставалось только уйти. Но послѣ того, что произошло между нами, его удаленіе не грозило разлукой: наши мысли, наши сердца были съ тѣхъ поръ неразлучны.

— Когда же я увижу васъ опять?—спросилъ онъ тихонько, цѣлуя мнѣ руку на прощанье.

— Завтра, въ девять часовъ утра, я приѣду на Пратеръ верхомъ,—отвѣчала я тѣмъ же тономъ.

Мой отецъ раскланялся съ гостемъ довольно холодно и едва за барономъ затворились двери, какъ онъ набросился на меня съ суровой миной:

— Что это значитъ? Ты не велишь никого принимать и вдругъ я застаю тебя вдвоемъ съ этимъ господиномъ?

Я вспыхнула отъ гнѣва и частью отъ смущенія.

— О какомъ же семейномъ дѣлѣ хотѣлъ ты...

— Да вотъ объ этомъ самомъ, милостивая государыня.— Я желалъ удалить твоего курмахера, чтобы высказать тебѣ свое мнѣніе... Наши семейные интересы сильно пострадаютъ, если ты, графиня Доцки, урожденная Альтгаузъ, уронишь свою репутацію.

— Дорогой папа, я имѣю самага вѣрнаго охранителя своей чести въ лицѣ моего сына Рудольфа Доцки; что же касается родительскаго авторитета графа Альтгауза, то позволю почтительно напомнить тебѣ, что я, въ качествѣ самостоятельной женщины и вдовы, не завишу отъ него болѣе. У меня нѣтъ намѣренія завести интимнаго друга, какъ ты, повидимому, предполагаешь; если же я вздумаю вступить во второй бракъ, то буду руководствоваться въ своемъ выборѣ только влеченіемъ собственнаго сердца.

— Выйти за Тиллинга? Да ты опомнись! Это было бы преступленіемъ противъ семьи съ твоей стороны. Да для меня было бы легче... впрочемъ, нѣтъ, я не хочу говорить подобныхъ вещей... но скажи мнѣ по правдѣ, вѣдь ты не собираешься сдѣлать такой глупости?

— А что же можно возразить противъ этого? Недавно

ты самъ же предлагалъ мнѣ на выборъ подполковника, капитана и майора. Тиллингъ тоже подполковникъ...

— Вотъ это-то въ немъ и есть самое худшее. Будь онъ статскій, ему можно было бы простить его дикія воззрѣнія на войну и задачи военнаго сословія, но у солдата они граничатъ съ государственной измѣной. Ему, конечно, хотѣлось бы выйти въ отставку, чтобы не подвергать себя опасности въ походахъ со всѣми ихъ передрыгами и мученіями, которыя очевидно его пугаютъ. А такъ какъ у твоего барона нѣтъ состоянія, то очень естественно и умно съ его стороны искать невѣсту съ приданымъ. Однако, я молю Бога, чтобы ему досталась другая женщина, а не дочь стараго солдата, который участвовалъ въ четырехъ кампаніяхъ да и теперь съ восторгомъ пошелъ бы воевать, — не вдова храбраго молодого воина, встрѣтившаго славную смерть на полѣ чести.

Говоря такимъ образомъ, отецъ ходилъ тревожными шагами по комнатѣ; лицо у него горѣло, а голосъ дрожалъ. Я сама была взволнована. Нападки на любимаго мною чело-вѣка, прикрытыя пустыми трескучими фразами, возмущали меня. Однако спорить съ отцомъ было бы вполнѣ бесполезно. Я чувствовала, что какъ ни защищай Тиллинга противъ взводимыхъ на него неосновательныхъ обвиненій, никакіе аргументы не разубѣдятъ старика. Если онъ такъ превратно истолковывалъ взгляды барона, значить, они были ему совершенно чепопяты. Отецъ рѣшительно не могъ стать на точку зрѣнія Тиллинга, а я была не въ состояніи просвѣтить его, доказать ему, что онъ долженъ прилагать иной нравственный масштабъ, кромѣ солдатскаго, — который въ глазахъ генерала Альтгауза былъ выше всего, — къ мнѣніямъ, высказаннымъ Фридрихомъ, въ качествѣ чело-вѣка и мыслителя. Но пока я выслушивала молча его порицанія, подавая отцу поводъ думать, что онъ пристыдилъ меня и заставилъ отказаться отъ принятаго намѣренія, мое сердце еще сильнѣе стремилось къ тому, кого мои близкіе не сдумѣли понять и оцѣнить, и во мнѣ окончательно созрѣла рѣшимость сдѣлаться его женою. Къ счастью, я была свободна. Неодобреніе отца могло только огорчить меня, но не помѣшать нашему браку. Да я и не огорчалась особенно. Чудное, могучее счастье, открывшееся

передо мною четверть часа назадъ, было слишкомъ живо, чтобъ рядомъ съ нимъ нашлось мѣсто мелочной досадѣ.

XIII.

На слѣдующее утро, я проснулась въ такомъ радостномъ настроеніи, какое испытывала въ дѣтствѣ въ рождественскій сочельникъ, когда ожидала елки, да еще однажды, въ день свадьбы съ моимъ Арно: меня волновало то же самое сладкое ожиданіе, блаженная увѣренность, что сегодня мнѣ предстоитъ большая, ни съ чѣмъ несравнимая радость, что-то великое и прекрасное. Только вчерашнія слова отца огорчали меня немного, однако я постаралась прогнать невеселыя мысли.

Не успѣло пробить девять часовъ, какъ я уже вышла изъ экипажа у поворота на главную аллею Пратера и сѣла на лошадь, поданную мнѣ грумомъ. Погода была теплая, хотя нѣсколько пасмурная, но тѣмъ мягче казался воздухъ, напоенный благоуханіемъ весны, а солнечный свѣтъ былъ у меня въ сердцѣ. Ночью шелъ дождь, листья ярко зеленѣли и отъ влажной почвы поднимался свѣжій запахъ чернозема. Едва я успѣла проѣхать какихъ нибудь сотню шаговъ по аллеѣ, какъ услышала за собою топотъ копытъ; кто-то догонялъ меня бойкой рысью.

— Ахъ, здравствуй, Марта! Какъ я радъ, что встрѣтилъ тебя.

Это былъ опять таки нашъ „неизбѣжный“, нашъ неизмѣнный кавалеръ, кузень Конрадъ. Я, конечно, не имѣла причины раздѣлять его радость по поводу нашей случайной встрѣчи. Но что дѣлать: Пратеръ не частный паркъ, и въ хорошую весеннюю погоду главная аллея каждое утро кипитъ всадниками и амазонками. И какъ могла я быть до того наивной, чтобы рассчитывать на свиданье безъ помѣхи въ такомъ мѣстѣ? Конрадъ между тѣмъ пустилъ свою лошадь одинаковымъ аллюромъ съ моею и, очевидно, вознамѣрился быть моимъ вѣрнымъ спутникомъ во время всей прогулки.

— Кузень, вѣдь ты имѣешь во мнѣ хорошую союзницу,

не такъ ли? Тебѣ извѣстно, что я стараюсь расположить къ тебѣ Лили всѣми зависящими отъ меня средствами?

— Да, благороднѣйшая изъ кузинъ.

— Не дальше, какъ вчера вечеромъ, я опять перевозносила передъ нею твои рѣдкія достоинства... потому что ты въ самомъ дѣлѣ отличный юноша, стоворчивый, деликатный...

— Ну, говори, чего тебѣ отъ меня хочется?

— Чтобъ ты хлеснулъ своего коня и поскакалъ дальше...

Тиллингъ былъ уже вблизи насъ. Конрадъ сначала пристально взглянулъ на меня, потомъ на него, кивнулъ мнѣ съ улыбкой головою и помчался прочь, точно спасаясь отъ преслѣдованія.

— Опять этотъ Альтгаузъ!—были первыя слова барона, когда онъ сдѣлалъ поворотъ и пустилъ своего коня рядомъ съ моимъ. Въ тонѣ его голоса и на лицѣ ярко отражалась ревность. Я ликовала въ душѣ.—Что это, вашъ кузенъ пустился вскачь при видѣ меня? или его понесла лошадь?— прибавилъ онъ.

— Я сама отослала его прочь, потому что...

— Графиня Марта, какъ это странно, что мнѣ пришлось застать васъ вдвоемъ съ Альтгаузомъ! Вы знаете, въ свѣтѣ толкуютъ, будто бы онъ влюбленъ въ свою кузину.

— Это правда.

— И добивается ея благосклонности?

— Совершенно вѣрно.

— И не безъ надежды?

— Несовсѣмъ безнадежно...

Тиллингъ замолчалъ. Я смотрѣла ему въ лицо, улыбаясь счастливой улыбкой.

— Вашъ взглядъ противорѣчитъ послѣднимъ словамъ,— вымолвилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, — потому что ваши глаза какъ будто говорятъ мнѣ: „Альтгаузъ любитъ меня безнадежно“.

— Онъ даже никакъ меня не любитъ. Предметомъ его ухаживаній служитъ моя сестра Лили.

— Вы сняли у меня камень съ сердца! Вѣдь это изъ-за Конрада Альтгауза я хотѣлъ покинуть Вѣну. Я не могъ бы оставаться хладнокровнымъ свидѣтелемъ... это было бы сверхъ моихъ силъ—видѣть, какъ онъ...

— Ну, а какія же были у васъ другія причины?—перебила я.

— Опасеніе, что моя страсть усилится, что я не сѹмѣю ее скрыть, сдѣлаюсь смѣшнымъ и несчастнымъ...

— Ну, что жъ, вы несчастны сегодня?

— О, Марта!.. Со вчерашняго дня я живу въ такомъ хаосѣ чувствъ, что едва ли сознаю что нибудь хорошенько. И все таки меня волнуетъ страхъ—какъ бываетъ въ сладкомъ снѣ—что я неожиданно пробужусь для горькой дѣйствительности. Собственно говоря, моя любовь не имѣетъ будущности... Ну, что могу я вамъ предложить?.. Сегодня вы дарите меня своимъ благоволеніемъ, я вознесенъ на седьмое небо, а завтра... или, пожалуй, немного позже, вамъ вздумается лишить меня этого незаслуженнаго счастья, и вотъ я ввергнуть въ бездну отчаянья... Но что со мной? Право, я не узнаю себя: моя рѣчь пересыпана такими гиперболами, а между тѣмъ я вовсе не склоненъ къ экзальтаціи и обыкновенно отличаюсь большою разсудительностью и хладнокровіемъ. Я врагъ всякихъ преувеличеній. Впрочемъ, въ примѣненіи къ вамъ ничто не кажется мнѣ преувеличеннымъ: въ вашей власти подарить меня блаженствомъ и сдѣлать глубоко несчастнымъ...

— Ну, теперь поговоримъ и о *моихъ* сомнѣніяхъ: процесса...

— О, неужели эта сплетня дошла и до васъ? Это все пустяки. Тутъ ровно ничего не было.

— Вы отрекаетесь; разумѣется, это долгъ cadaго порядочнаго человѣка.

— Вышеупомянутая особа — ея сердце, какъ извѣстно, приковано въ настоящее время къ Бургъ-театру... надолго ли? оно такъ легко увлекается въ разныя стороны!—эта особа не принудила бы къ гробовому молчанію даже самаго скромнаго человѣка; поэтому вы можете повѣрить мнѣ вдвойнѣ. Кромѣ того, еслибъ эти слухи имѣли основаніе, зачѣмъ было бы мнѣ тогда покидать Вѣну?

— Ревность не хочетъ знать выводовъ разума: зачѣмъ бы мнѣ назначать вамъ свиданіе, еслибъ я желала встрѣтиться здѣсь съ моимъ кузеномъ Альтгаузомъ?

— Ахъ, какъ трудно мнѣ, Марта, спокойно ѣхать ря-

домъ съ вами... Я хотѣлъ бы упасть къ вашимъ ногамъ или, по крайней мѣрѣ, поцѣловать вашу руку...

— Дорогой Фридрихъ, — нѣжно сказала я, — подобныя изліянія совсѣмъ не нужны... И словами можно выразить свою любовь, какъ колѣнопреклоненіемъ, ласками, какъ...

— Поцѣлуемъ, — добавилъ онъ.

При этомъ словѣ, у насъ по тѣлу какъ будто пробѣжала электрическая искра; мы пристально посмотрѣли другъ другу въ глаза и поняли, что можно цѣловаться и взглядами...

Онъ заговорилъ первый:

— Съ которыхъ поръ?

Я поняла его лаконическій вопросъ и отвѣчала:

— Съ того званого обѣда у моего отца, а вы?

— Вы? Это „вы“ звучитъ диссонансомъ, Марта. Я отвѣчу только тогда, если вопросъ будетъ формулированъ иначе.

— А... а ты?

— Я? Съ того же вечера, конечно, но моя любовь стала мнѣ ясна лишь у смертнаго одра моей матери... О, какъ тосковалъ я тогда о тебѣ!

— Да, и мнѣ все стало понятно изъ твоего письма. А вотъ ты такъ не понялъ значенія алой розы, вплетенной между безжизненными бѣлыми цвѣтами; иначе ты не избѣгалъ бы меня такъ тщательно послѣ своего пріѣзда изъ Берлина. Впрочемъ, я и теперь не понимаю причины твоей сдержанности, твоего желанія уѣхать отсюда.

— Это очень легко понять. Я никогда не позволялъ себѣ надѣяться, что ты будешь моею. Только съ той минуты, когда ты именемъ моей покойной матери приказала мнѣ прійти къ тебѣ еще разъ, а потомъ велѣла оставаться, я понялъ, что ты не относишься ко мнѣ безучастно, что я могу посвятить тебѣ свою жизнь.

— Значитъ, еслибъ я сама не погналась за тобою, какъ говорится, ты не далъ бы себѣ труда завоевать мою любовь?

— Но у тебя столько жениховъ; я никогда не рѣшился бы соперничать съ такой плеядой.

— Ахъ, эти люди нейдутъ въ счетъ! Большинство изъ нихъ думало только о выгодной женитьбѣ на богатой вдовѣ...

— Видишь, этими словами опредѣляется преграда, которая удерживала меня отъ ухаживанья за тобою: ты — богатая

вдова, у меня же нѣтъ никакого состоянія. Лучше умереть отъ несчастной любви, чѣмъ быть заподозрѣннымъ со стороны свѣта, а, главное, со стороны обожаемой женщины въ корыстныхъ видахъ, въ которыхъ ты сейчасъ обвинила толпу претендентовъ на свою руку.

— О, ты мой гордецъ, мой благородный, несравненный! Развѣ я въ состояніи приписать тебѣ хоть что нибудь мелочное, низкое...

— Откуда такое довѣріе? Въ сущности ты знаешь меня очень мало.

И мы продолжали выспрашивать другъ друга въ такомъ же духѣ. За вопросомъ: „съ которыхъ поръ“ началась наша любовь; послѣдовали объясненія: „почему?“ Мнѣ прежде всего понравилась въ немъ откровенность его отзывовъ о войнѣ. То, о чемъ я думала про себя, что перечувствовала, затаивъ ото всѣхъ свои чувства, было продумано имъ еще основательнѣе, прочувствовано еще сильнѣе, чѣмъ мною, а, главное, высказано совершенно безъ утайки. Я же была увѣрена, что ни одинъ военный не можетъ раздѣлять моихъ интимнѣй и ужъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ явно обнаруживать своего отвращенія къ ужасамъ войны. Такимъ образомъ, я увидѣла, насколько его личныя качества возвышались надъ интересами его сословія и насколько переросъ его умъ возрѣнія современнаго большинства. Это создало, такъ сказать, основу моей возвышенной любви къ нему. Кромѣ того, у насъ обоихъ нашлось еще многое, что мы и отвѣчали другъ другу на вопросъ: „почему?“ Меня плѣнила и его красивая, благородная наружность, и кроткій голосъ, въ которомъ однако сказывалась твердость характера; я полюбила его потому, что самъ онъ былъ такимъ любящимъ сыномъ, потому что...

— Ну, а ты за что полюбилъ меня? — прервала я перечень его достоинствъ.

— О, по тысячѣ и одной причинѣ!

— Послушаемъ. Сначала приведи мнѣ эту тысячу.

— Полюбилъ я тебя за великое сердце, за крошечную ножку, за блестящій умъ, за кроткую улыбку, за тонкую шутливость, за бѣлую ручку, за женское достоинство, за чудесные...

— Довольно, довольно! Неужели ты дойдешь до тысячи? Нѣтъ, скажи ужь мнѣ скорѣе одну послѣднюю причину.

— Она проще всѣхъ, такъ какъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальные. Я люблю тебя, Марта, потому что люблю тебя. Вотъ почему!

XIV.

Съ Пратера я прямо поѣхала къ своему отцу.

Новость о моей помолвкѣ должна была, разумѣется, повлечь за собою непріятныя объясненія, но я предпочла не уклоняться отъ нихъ, а, напротивъ, пойти имъ навстрѣчу сейчасъ же, сію минуту, пока находилась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего завоеваннаго счастья. Отецъ мой, любившій поздно вставать, сидѣлъ за завтракомъ, читая утреннія газеты, когда я вошла въ его рабочій кабинетъ. Тетя Мари была тутъ же и тоже за чтеніемъ.

Когда я довольно торопливо вошла въ комнату, папа съ удивленіемъ поднялъ глаза отъ своей „Presse“, а тетка положила на столъ „Fremdenblatt“.

— Марта, такъ рано? И въ амазонкѣ,—что это значить? Я обняла ихъ обоихъ и сказала, бросаясь въ кресло:

— Это значить, что я сейчасъ каталась на Пратерѣ, гдѣ произошло нѣчто такое, что я хочу немедленно вамъ сообщить. Поэтому я даже не поѣхала домой переодѣться...

— Вѣроятно, что нибудь дѣйствительно важное и безотлагательное?—спросилъ папа, закуривая сигару.—Разсказывай; намъ очень интересно знать.

Критическая минута наступила. Слѣдовало ли мнѣ начать издалека, съ различными вступленіями и оговорками? Нѣтъ, лучше высказать все сразу съ рѣшимостью пловца, бросающагося однимъ прыжкомъ въ воду.

— Я выхожу замужъ...

Тетя Мари всплеснула руками; отецъ нахмурился.

— Надѣюсь однако,—началь онъ,—что твой выборъ не... Но я не дала ему кончить.

— Я выхожу за человѣка, котораго люблю всѣмъ сердцемъ, глубоко уважаю и который, надѣюсь, сдѣлаетъ меня

вполнѣ счастливой. Мой женихъ—баронъ Фридрихъ фонъ-Тиллингъ.

Отецъ вскочилъ съ мѣста.

— Дождались таки! И это послѣ всего, что я говорилъ тебѣ вчера...

Тетя Мари покачала головой.

— Я желала бы для тебя другаго мужа, — сказала она. — Тиллингъ, во-первыхъ, не партія: у него, говорятъ, ничего нѣтъ; во-вторыхъ, его правила и взгляды кажутся мнѣ...

— Его правила и взгляды сходятся съ моими, а искать такъ называемой „партіи“ я не намѣрена... Отецъ, дорогой отецъ, не принимай этого въ дурную сторону! Не отравляй мнѣ высокаго счастья, которымъ въ настоящую минуту переполнено мое сердце. О, мой добрый, любимый, старый папочка!

— Но, дитя мое, — отвѣчалъ онъ, нѣсколько смягчившись, потому что дочерняя ласка всегда имѣла свойство обезоруживать его, — вѣдь я хлопочу о твоёмъ же счастьѣ. Развѣ ты можешь быть счастливой съ военнымъ, который не преданъ своему дѣлу, какъ слѣдуетъ каждому истинному солдату — душой и тѣломъ?

— Тебѣ не слѣдуетъ вовсе выходить за Тиллинга, — поддакнула отцу и тетя Мари. — Его мнѣнія о военной службѣ меня, положимъ, не касаются, но я не могла бы найти счастья въ замужствѣ съ человѣкомъ, который такъ непочтительно отзывается о Іеговѣ древней библіи.

— Позволь тебѣ замѣтить, дорогая тетя, что вѣдь не ты выходишь замужъ за Фридриха Тиллинга.

— Вольному воля, спасенному рай, — замѣтилъ со вздохомъ отецъ, садясь на прежнее мѣсто. — Тиллингъ, конечно, выходитъ въ отставку.

— Объ этомъ мы пока еще не говорили. Для меня это, разумѣется, было бы пріятнѣе, но я боюсь, что онъ не согласится.

— Когда я подумаю, что ты отказала въ своей рукѣ князю, — вздохнула тетя Мари, — и что теперь, вмѣсто того чтобы возвыситься, тебѣ предстоитъ спуститься по ступенямъ общественной лѣстницы.

— Какъ вамъ не грѣхъ огорчать меня, а вы еще говорите

оба, что я вамъ такъ дорога! Сегодня—въ первый разъ послѣ смерти бѣднаго Арно—я пріѣхала къ вамъ сказать, что совершенно счастлива, спѣшила подѣлиться съ вами своей радостью, а вы, вмѣсто того чтобы раздѣлить ее, только всячески стараетесь отравить мнѣ счастливыя минуты! И какіе же аргументы приводятся вами противъ избранника моего сердца? Тутъ замѣшаны и милитаризмъ, и библія, и социальная лѣстница!

Полчаса спустя, мнѣ удалось, однако, немного умиротворить своихъ стариковъ. Судя по вчерашней сценѣ въ моей гостиной, я ожидала болѣе энергическаго отпора со стороны отца. Можетъ быть, еслибъ ему пришлось возставать только противъ моей склонности, противъ одного намѣренія выйти за Тиллинга, старикъ выказалъ бы больше настойчивости, но въ виду „совершившагося факта“ онъ совершенно спасовалъ, понимая всю бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія. Или, пожалуй, его подкупило чувство невыразимаго счастья, которое онъ читалъ въ моихъ блестящихъ глазахъ, улавливалъ въ растроганномъ тонѣ моего голоса? Такъ или иначе, но когда я собралась уходить, отецъ крѣпко поцѣловалъ меня въ щеку и общалъ заѣхать ко мнѣ въ тотъ же вечеръ, — повидаться со своимъ будущимъ зятемъ.

Очень жаль, что въ красныхъ тетрадкахъ не упомянуто ничего о томъ, какъ прошелъ остатокъ этого памятнаго дня. Подробности забылись мною за давностью времени; я знаю только, что то были чудные часы.

Къ вечернему чаю, у меня собрался весь семейный кружокъ и я представила Фридриха Тиллинга роднымъ, какъ своего жениха.

Роза и Лили были въ восторгѣ. Конрадъ Альтгаузъ крикнулъ: „Браво, Марта!—Тебѣ, Лили, слѣдуетъ брать примѣръ со своей старшей сестры“. Отецъ или побѣдилъ свою прежнюю антипатію къ моему возлюбленному, или ему удалось замаскировать ее изъ любви ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, онъ держалъ себя привѣтливо и не обнаруживалъ ничѣмъ своего недовольства; тетя Мари была растрогана.

— Браки заключаются по волѣ неба, — сказала она, — суженаго конемъ не объѣдешь; отъ своей судьбы не уйдешь.

Богъ дастъ, вы будете счастливы и я стану молить Всевышняго, чтобъ онъ благословилъ вашъ союзъ.

Моего сына Рудольфа также успѣшили представить „будущему папа“ и я испытала необыкновенное чувство—такое свѣтлое и возвышенное—когда любимый человѣкъ взялъ на руки моего ненагляднаго мальчика и крѣпко поцѣловалъ его, приговаривая:

— А изъ тебя, маленькій юноша, мы сдѣлаемъ общими силами цѣльнаго человѣка.

Послѣ чаю, мой отецъ завелъ рѣчь о выходѣ Фридриха въ отставку.

— Вы, конечно, захотите оставить свою службу, Тиллингъ?—спросилъ онъ.—Вѣдь вамъ такъ не нравится война, а теперь и тѣмъ болѣе...

Фридрихъ вскинулъ голову съ удивленнымъ видомъ.

— Бросить службу? Но вѣдь у меня нѣтъ другой карьеры.. Для того, чтобы нести военную службу, вовсе не надо любить войну, точно также...

— Точно также, какъ и для пожарнаго не обязательно любить пожары,—добавилъ папа.—Я заранѣе зналъ, что вы скажете, судя по нашему недавнему разговору.

— Я могъ бы привести еще много примѣровъ въ томъ же родѣ. Такъ, отъ врача не требуется, чтобъ онъ любилъ ракъ или тифъ; отъ судьбы, чтобъ ему доставляли особенное удовольствіе кражи со взломомъ. Но оставить свое поприще? Да что же вынуждаетъ меня къ этому?

— Ну, хоть бы перспектива избавить свою жену отъ необходимости жить въ захолустномъ гарнизонномъ городѣ,—вмѣшалась тетка,—а самое главное: избавить ее отъ страха за вашу жизнь, если вспыхнетъ новая война. Положимъ, этотъ страхъ — нелѣпость: кому назначено дожить до старости, тотъ вездѣ уцѣлѣетъ, не смотря ни на какія опасности.

— Конечно, приведенныя вами причины вполне основательны и само собою разумѣется, что моей первой заботой будетъ устранять отъ жены все непріятное. Но жить въ гарнизонномъ городишкѣ все же лучше, чѣмъ имѣть мужа безъ опредѣленной профессіи, безъ всякихъ занятій. Сверхъ

того, мой выходъ въ отставку непременно объяснили бы трусостью и нерадѣніемъ, а это такой позоръ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ опасности похода. Мнѣ, право, ни на минуту не приходила въ голову мысль бросить военную службу... И вамъ, надѣюсь, Марта? (при постороннихъ мы говорили на „вы“).

— А еслибъ я поставила это непременно условіемъ?..

— Этого вы не сдѣлаете. Потому что тогда мнѣ пришлось бы отказаться отъ величайшаго счастья. Вы богаты, у меня же нѣтъ ничего, кромѣ моей военной службы и видовъ на предстоящее повышение, а этимъ я не могу пожертвовать. Такой поступокъ унизилъ бы мое личное достоинство, пошелъ бы въ разрѣзъ съ моими понятіями о чести...

— Отлично, отлично, сынъ мой!.. Теперь я примирился съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, вамъ было бы грѣшно и стыдно бросить свою карьеру. Вы теперь ужь скоро дослужитесь до чина полковника, а тамъ навѣрно махнете и въ генералы. Потомъ васъ могутъ назначить комендантомъ крѣпости, областнымъ начальникомъ или военнымъ министромъ. А вѣдь это тоже даетъ почетное положеніе женѣ.

Я молчала, нисколько не соблазняясь перспективой сдѣлаться комендантшей. Пріятнѣе всего было бы для меня поселиться съ любимымъ человѣкомъ въ деревенскомъ уединеніи; однако я внутренно одобрила его рѣшеніе. Оно избавляло его отъ позорнаго подозрѣнія въ корыстныхъ расчетахъ, которое непременно обрушилось бы на моего мужа въ случаѣ выхода въ отставку. Свѣтъ неминуемо обвинилъ бы его, какъ сдѣлалъ это мой отецъ.

— Да, я вполне примирился съ вами, — продолжалъ старикъ. — Признаться, я думалъ, что вы прежде всего рассчитывали... Ну, ну, нечего смотрѣть на меня такъ грозно: я полагалъ, что вамъ хотѣлось сдѣлаться частнымъ человѣкомъ послѣ женитьбы, а съ вашей стороны это было бы ужасно неблагоприятно. Да и по отношенію къ моей Мартѣ — вѣдь она все же, какъ бы тамъ ни было, дочь и вдова солдата... Право, мнѣ кажется, она не могла бы долго любить штафирку.

Тиллингъ не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ бросилъ

мнѣ взглядъ, ясно говорившій: „Я знаю тебя лучше“, и от-
вѣчалъ вслухъ:

— Согласенъ съ вами: конечно, она влюбилась единст-
венно въ мой блестящій мундиръ.

XV.

Въ сентябрѣ того же года состоялась наша свадьба. Мой женихъ выхлопоталъ себѣ двухмѣсячный отпускъ и послѣ вѣнчанья увезъ меня путешествовать. Прежде всего мы отпра-
вились въ Берлинъ. Я пожелала первымъ долгомъ поклониться праху незабвенной матери Фридриха и положить вѣ-
нокъ на ея могилу.

Въ столицѣ Пруссіи пробыли мы восемь дней. Мужъ по-
знакомилъ меня со своей тамошней родней, и всѣ эти новыя лица
показались мнѣ милѣйшими, любезнѣйшими людьми. Но, по-
нятное дѣло, когда переживаешь свой медовый мѣсяцъ и смо-
тришь на міръ сквозь розовыя очки, все окружающее кажется
очаровательнымъ. Кромѣ того, новобрачнымъ принято оказывать
со всѣхъ сторонъ дружеское вниманіе, ласковую предупре-
дительность, чтобы они чувствовали себя еще счастливѣе.

Болѣе всего понравился мнѣ у сѣверогерманцевъ ихъ
языкъ и не изъ-за одного только акцента, который слышался
и въ рѣчи моего мужа, — одна изъ его особенностей, плѣнив-
шая меня прежде всего. Нѣтъ, главное здѣсь — способъ выра-
женія, онъ во многомъ не сходенъ съ нашимъ и, по моему,
въ немъ сказывается болѣе высокій уровень развитія народа.
Напримѣръ, въ высшихъ кружкахъ Вѣны не рѣдкость услы-
шать въ разговорѣ грамматически-неправильные обороты, что
рѣшительно не принято въ хорошемъ обществѣ Берлина.
Перепутыванье винительнаго и дательнаго падежей: „дай
меня шляпу съ перомъ“ встрѣчается у прусаковъ только въ
низшихъ классахъ, тогда какъ у насъ зачастую говорятъ:
„безъ тебѣ“, „съ дѣтей“ вмѣсто „съ дѣтьми“, и это въ пер-
вѣйшихъ аристократическихъ салонахъ! Положимъ, мы на-
ходимъ свой языкъ „задушевнѣе“ и также отзываются о
немъ иностранцы, однако, во всякомъ случаѣ, онъ стоитъ
ниже. Если судить о достоинствѣ человѣка по степени его

образованія—а какая же другая мѣрка была бы здѣсь больше у мѣста?—то сѣверогерманца слѣдуетъ признать немножко болѣе человѣкомъ, чѣмъ южанина, — мнѣніе, которое въ устахъ прусака должно звучать очень дерзко, а выраженное писательницей-австрійкой можетъ навлечь на нее упрекъ въ недостатокѣ патріотизма, но что жъ дѣлать! Какъ рѣдко случается, чтобы откровенно высказанная истина не оскорбила чего нибудь или кого нибудь...

Посѣтивъ кладбище, мы прямо отправились къ сестрѣ покойной. По любезной обходительности и умственному развитію этой особы, я могла судить о томъ, какъ мила, любезна и умна была умершая мать Фридриха, если она походила на фрау Корнелию фонъ-Тессовъ. У тетки моего мужа былъ единственный сынъ, только что произведенный тогда въ поручики. Во всю свою жизнь я рѣшительно не встрѣчала юноши красивѣе Готфрида фонъ-Тессовъ и любовалась нѣжными отношеніями между матерью и сыномъ. Видя, съ какою гордостью смотрѣла она на своего Готфрида и какъ почти-тельно-ласково обращался онъ съ нею, я съ восторгомъ представляла себѣ то время, когда сынъ мой Рудольфъ будетъ взрослымъ. Одно только было для меня здѣсь непонятно и я высказала свое недоумѣніе Фридриху:

— Скажи, ради бога, какъ позволяетъ любящая мать своему единственному ребенку, своему сокровищу, браться за такую опасную профессію, какъ военная?

— Видишь, милое дитя, — отвѣчалъ мнѣ мужъ, — существуютъ вещи, о которыхъ не принято думать, и самыя простыя соображенія, которыя никогда не принимаются въ расчетъ. То же самое относится и къ опасности солдатской службы. Объ ней старательно умалчиваютъ, находя неприличнымъ и достойнымъ только трусовъ—ставить ребромъ подобный вопросъ. Всѣ находятъ совершенно въ порядкѣ вещей, считаютъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и *должнымъ*, чтобы гражданинъ подвергалъ себя этой опасности, отъ которой почти всегда удается благополучно спастись (вѣдь процентъ убитыхъ мысленно распределяется между *другими*), причѣмъ никто не думаетъ о рискѣ умереть. Рискъ этотъ несомнѣнно существуетъ, но вѣдь смерть грозитъ всѣмъ и каждому, а не однимъ же военнымъ, и однако никто не думаетъ о ней.

Люди вообще изощряются на всѣ лады прогонять тяжелыя мысли, и въ этомъ отношеніи человѣческій умъ обнаруживаетъ поразительную изобрѣтательность. Кромѣ того, прусскому дворянину не найти болѣе пріятнаго и почетнаго положенія, какъ служба кавалерійскаго офицера.

Тетя Корнелія съ своей стороны, кажется, также почувствовала ко мнѣ симпатію.

— Какъ жаль,—замѣтила она, вздыхая,—что сестрѣ не удалось дожить до нынѣшняго дня. Она была бы въ восторгѣ отъ такой невѣстки, какъ ты, и отъ счастья Фридриха. Ей давно хотѣлось женить его, но онъ предъявлялъ такія требованія...

— О, вѣроятно, нѣтъ, дорогая тетя, если его выборъ остановился на мнѣ...

— Вотъ что англичане называютъ: „A trap for a com-
piment!“ Ты хочешь, чтобъ я тебѣ польстила? Изволь! я желала бы, чтобъ мой Готфридъ сдѣлалъ такую же счастли-
вую находку. Мнѣ ужъ и теперь хочется поняньчить внуковъ,
только объ этомъ еще рано мечтать: моему сыну едва минуло
двадцать одинъ годъ.

— Вѣроятно, онъ кружитъ головы всѣмъ молодымъ барыш-
нямъ, разбиваетъ множество юныхъ, неопытныхъ сердечекъ...

— Ну, едва ли: трудно найти болѣе честнаго, порядоч-
наго юношу. Со временемъ онъ доставитъ много счастья своей
женѣ...

— Какъ и Фридрихъ мнѣ...

— Ты не можешь еще знать ничего заранѣе, душа моя; супружескимъ счастьемъ можно хвалиться, проживъ лѣтъ де-
сять съ мужемъ; вначалѣ, въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы,
всѣ браки очень счастливы. Впрочемъ, судя по всѣмъ дан-
нымъ, какъ со стороны моего племянника, такъ и съ твоей,
можно, пожалуй, безошибочно предсказать, что вы не обжа-
нетесь одинъ въ другомъ.

Изъ Берлина мы отправились путешествовать по герман-
скимъ курортамъ. Не считая моего кратковременнаго путеше-
ствія по Италіи съ покойнымъ Арно—о чемъ у меня сохра-
нилось только очень смутное воспоминаніе — я почти не вы-
ѣзжала изъ Вѣны. Теперешнее же знакомство съ новыми
мѣстностями, новыми людьми и новымъ образомъ жизни при-

вело меня въ самое восторженное настроеніе. Миръ показался мнѣ вдругъ такимъ прекраснымъ и снова заинтересовалъ меня, какъ въ годы первой юности. Еслибъ не малютка Рудольфъ, оставленный дома, я сказала бы Фридриху: „Давай путешествовать, какъ теперь, цѣлые годы. Обѣздимъ всю Европу, а тамъ и другія части свѣта; станемъ наслаждаться беззаботнымъ существованіемъ туристовъ, свободно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, отдаваясь отрадѣ новыхъ впечатлѣній, собирая новыя свѣдѣнія. Вѣдь, путешествуя вдвоемъ, мы будемъ чувствовать себя немножко дома и въ совершенно чуждыхъ странахъ, и между чужими людьми“. Но что отвѣтилъ бы мнѣ Фридрихъ на такое предложеніе? Вѣроятно, онъ сказалъ бы, что человѣкъ не можетъ продлить своей свадебной поѣздки до конца дней и сдѣлать изъ путешествій свое призваніе; что ему данъ офиціальныи отпускъ всего на два мѣсяца, и привелъ бы въ придачу еще другіе, не менѣе благородные доводы.

Мы посѣтили Баденъ-Баденъ, Гомбургъ, Висбаденъ. И всюду то же веселое оживленіе, элегантная жизнь, масса интересныхъ личностей со всѣхъ концовъ свѣта. Только тутъ, при столкновеніи съ иностранцами, я узнала, что мой мужъ владеетъ въ совершенствѣ языками: англійскимъ и французскимъ. Это еще болѣе возвысило его въ моихъ глазахъ. Вообще я открывала въ немъ все новыя достоинства: кротость, веселость, живую воспримчивость ко всему прекрасному. Поѣздка по Рейну восхитила его, а въ театрахъ и концертахъ художественное исполненіе артистовъ доставляло ему глубокое наслажденіе. Поэтому Рейнъ со своими живописными старинными замками показался мнѣ вдвое романичнѣе, а слышанные нами знаменитые виртуозы приводили меня въ совершенный восторгъ.

Къ сожалѣнію, эти два мѣсяца промелькнули слишкомъ быстро. Фридрихъ просилъ продлить его отпускъ, но получилъ отказъ. Со дня нашей свадьбы, это была моя первая неприятность; мнѣ стало ужасно досадно, когда мужъ получилъ сухой офиціальныи приказъ, требовавшій нашего немедленнаго возвращенія на родину.

— И люди называютъ это свободой! — воскликнула я, сердито швыряя на столъ оскорбительныи документъ.

Тиллингъ улынулся.

— Да я и не думаю считать себя свободнымъ человѣкомъ, моя повелительница.

— О, еслибъ я была твоей повелительницей, то могла бы тебѣ приказать распротиться съ противной военной службой и служить только мнѣ.

— Этотъ вопросъ уже разъ навсегда рѣшенъ между нами...

— Разумѣется, и я должна уступить, но это опять таки доказываетъ, что ты вовсе не рабъ своей жены... и въ сущности я сама довольна такимъ порядкомъ вещей, мой милый, гордый мужъ!

XVI.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, мы переселились въ маленькій моравскій городокъ—крѣпость Ольмюцъ, гдѣ стоялъ полкъ Фридриха. Объ общественныхъ развлеченіяхъ въ этомъ захолустѣ не могло быть и рѣчи; мы предпочли имъ полное уединеніе. Исключая часовъ, посвящаемыхъ нами служебнымъ обязанностямъ—т. е. когда Фридрихъ возился со своими драгунами, а я исполняла материнскія обязанности относительно моего Рудольфа—мы съ мужемъ вполне принадлежали другъ другу. Я обмѣнялась съ полковыми дамами необходимыми церемонными визитами, но отъ болѣе короткаго знакомства рѣшительно уклонилась. Меня нисколько не прельщали интимныя собранія за чашкой кофе, гдѣ провинціальныя дамы передаютъ одна другой домашнія дразги съ прислугой и перемываютъ косточки знакомымъ. А моего мужа не тянула къ себѣ ни картежная игра у полковаго командира, ни попойки съ товарищами. Мы нашли для себя несравненно лучшее препровожденіе времени. Сфера, въ которой вращались наши интересы—когда мы съ Фридрихомъ сидѣли по вечерамъ передъ дымящимся чайнымъ котелкомъ—была очень удалена отъ мірка ольмюцкаго общества. Жителямъ этого захолустя было до нея „какъ до звѣзды небесной далеко“ и въ переносномъ, да отчасти и въ буквальномъ смыслѣ, потому что намъ болѣе всего нравилось направлять свои умственные экскурсіи въ область небесныхъ

свѣтилъ. Мы читали вмѣстѣ научныя сочиненія и знакомились изъ нихъ съ чудесами вселенной. Тутъ намъ приходилось спускаться въ глубины земнаго шара и возноситься къ небу, проникать въ тайны безконечно малыхъ микроорганизмовъ и блуждать въ безконечно далекихъ пространствахъ, доступныхъ глазу, только вооруженному телескопомъ. И чѣмъ величественнѣе развѣртывалась передъ нашими взорами вселенная во всемъ ея необъятномъ разнообразіи, тѣмъ ничтожнѣе казались интересы, поглощавшіе жителей Ольмюца. Однако, въ выборѣ чтенія мы не ограничивались одною областью естествознанія, но брались и за другія отрасли научныхъ изслѣдованій и мышленія. Такъ я принялась въ третій разъ перечитывать своего любезнаго Бокля, чтобы познакомить Фридриха съ этимъ авторомъ, которымъ онъ восхищался не меньше меня. При этомъ мы не пренебрегали ни поэтами, ни романистами, такъ что наши литературные вечера были настоящими праздниками ума, между тѣмъ какъ остальное существованіе было непрерывнымъ праздникомъ сердца. Наша любовь крѣпла съ каждымъ днемъ, и если страсть понемногу утрачивала свой прежній пылъ, зато узы привязанности становились тѣснѣе, взаимное уваженіе возрастало. Но что меня особенно радовало, такъ это отношенія Фридриха къ Рудольфу. Они были самыми лучшими товарищами, какихъ только можно себѣ представить; смотрѣть на ихъ игры и возню была настоящая потѣха. Фридрихъ, пожалуй, дурачился еще хуже маленькаго. Тогда къ нимъ спѣшила присоединиться и я. Какія глупости продѣлывались и говорились нами втроемъ, невозможно передать. Да простятъ намъ это мудрецы и ученые, которыхъ мы читали, уложивъ Рудольфа спать. Хотя Фридрихъ увѣрялъ, что прежде не особенно любилъ дѣтей, но маленькій пасынокъ, во-первыхъ, былъ ребенкомъ его Марты, во-вторыхъ, дѣйствительно заслуживалъ любви милымъ характеромъ и обращеніемъ, да и самъ искренно привязался къ отчиму. Мы часто строили планы насчетъ будущности мальчика. Неужели сдѣлать его солдатомъ?.. Нѣтъ. Онъ не подойдетъ къ этой роли, потому что въ нашу программу воспитанія не входило искусственное развитіе любви къ военной славѣ. Чѣмъ же онъ будетъ, — дипломатомъ? Пожалуй, но, вѣрнѣе всего, сельскимъ хозяиномъ. Какъ буду-

пчему наслѣднику майората фамиліи Доцки,—который долженъ былъ перейти къ нему отъ дяди Арно, въ то время уже шестидесяти-шестилѣтняго старика,—Рудольфу найдется достаточно дѣла и въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, если управлять ими, какъ слѣдуетъ. Тогда онъ введетъ къ себѣ въ домъ свою маленькую невѣсту, Беатрису, и сдѣлается счастливымъ человѣкомъ. Мы съ Фридрихомъ сами были до того счастливы, что искренно желали надѣлать счастьемъ всѣхъ своихъ современниковъ да и за грядущимъ потомствомъ упрочить побольше жизненныхъ благъ. Но это радужное міровоззрѣніе не мѣшало намъ однако видѣть горе и бѣдствія, которыя удручаютъ большую часть человѣчества и, вѣроятно, будутъ удручать его еще въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Я говорю о бѣдности, невѣжествѣ, рабствѣ, подвергающихъ человѣка такому множеству опасностей и золь, между которыми самое ужасное—война. „Ахъ, еслибъ можно было способствовать ея уничтоженію!“ Это горячее желаніе часто срывалось у насъ съ языка, но, вникнувъ въ существующій порядокъ вещей и принимая въ соображеніе современные взгляды общества, приходилось сознаться, что это недостижимо. Къ несчастью, прекрасная мечта о томъ: „да благо всѣмъ будетъ и да долготѣни будутъ всѣ на земли“, не хочетъ осуществиться, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ. Однако ученіе пессимистовъ, будто бы жизнь есть зло и что для всѣхъ было бы лучше не родиться, вполнѣ опровергалось нашимъ собственнымъ существованіемъ.

На рождество мы поѣхали въ Вѣну, чтобы провести праздники въ кругу моихъ родныхъ. Теперь отецъ окончательно примирился съ Фридрихомъ. То обстоятельство, что мой мужъ не захотѣлъ оставить военной службы, разсѣяло прежнюю неприязнь старика. Хотя они съ тетей Мари остались при своемъ мнѣніи, что я сдѣлала „плохую партію“, но они видѣли также, сколько счастья нашла я въ новомъ замужствѣ, и оцѣнили это. Роза и Лили горевали, что въ предстоящій карнавальнй сезонъ имъ придется выѣзжать не со мною, а подъ несравненно болѣе строгимъ надзоромъ тетки. Конрадъ Альтгаузъ по прежнему былъ постояннымъ гостемъ нашего дома и мнѣ показалось даже, будто бы онъ встрѣчалъ нѣсколько болѣе расположенія со стороны Лили.

Вечеръ сочельника прошелъ очень весело. Зажгли громадную елку; всѣ дарили другъ другу различныя вещи. Моего сынишку засыпали подарками, и онъ, разумѣется, былъ королемъ праздника; но и другіе не остались въ накладѣ. Такъ, Фридрихъ получилъ отъ меня вещицу, при видѣ которой не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Я приподнесла ему серебряное прессъ-папье въ видѣ аиста. Птица держала въ клювъ билетикъ съ надписью моею рукою: „Лѣтомъ 1864 года я принесу вамъ подарокъ“.

Фридрихъ бросился обнимать меня и еслибъ не присутствіе постороннихъ, то, пожалуй, пустился бы вальсировать со мною.

ХVII.

Въ первый день рождества, вся семья снова собралась къ моему отцу на обѣдъ. Изъ постороннихъ были только: превосходительный „Конечно“ и докторъ Брессеръ. Когда мы усѣлись въ знакомой столовой, мнѣ живо припомнился знаменательный вечеръ, сблизившій насъ съ Фридрихомъ на всю жизнь. Доктору Брессеру пришла та же самая мысль.

— А помните, баронесса, какъ мы играли съ вашимъ батюшкой въ пикетъ, а вы разговаривали съ барономъ Тиллингомъ у камина?—спросилъ онъ меня.—Не правда ли, я очень искусно притворялся, будто бы совершенно поглощенъ игрою, на самомъ же дѣлѣ чутко прислушивался къ вашей бесѣдѣ и хотя не могъ уловить въ ней отдѣльныхъ словъ, но по тону вашихъ рѣчей заключилъ, что между вами происходитъ что-то. И тутъ же у меня явилось убѣжденіе: „эти двое скоро составятъ парочку“. Теперь же, глядя на васъ, я прихожу къ новому убѣжденію: „изъ двоихъ вышла счастливая парочка, которая всегда останется такою“.

— Ваша проникательность, докторъ, изумительна. Да, мы счастливы. Но будетъ ли наше счастье прочно? Это зависитъ, къ сожалѣнію, не отъ насъ, а отъ судьбы... Надъ каждымъ счастьемъ витаетъ опасность и чѣмъ оно искреннѣе, тѣмъ она грознѣе.

— Но чего же вы можете опасаться?

— Смерти.

— Ахъ, вотъ что! Признаться, мнѣ не пришло это въ голову. Хотя по своей профессіи я очень часто встрѣчаюсь съ нею лицомъ къ лицу, но не думаю объ этомъ пугалѣ. Ъ тому же смерть слишкомъ далека отъ двоихъ здоровыхъ молодыхъ людей, составляющихъ вышеупомянутую парочку.

— Молодость и здоровье не служатъ гарантіей солдату...

— Гоните прочь подобныя мысли, любезная баронесса. У насъ въ виду нѣтъ никакой войны. Не такъ ли, ваше превосходительство, — обратился онъ къ министру, — вѣдь въ настоящее время на политическомъ горизонтѣ не замѣчается пока пресловутой „черной точки“?

— Какая тамъ точка! — отвѣчалъ министр. — Скажите лучше — мрачная грозовая туча.

— Какъ? Что? — съ живостью воскликнула я. — Что вы хотите этимъ сказать?

— Да ужъ Данія-то очень зазналась...

— Ахъ, Данія! — У меня отлегло отъ сердца. — Значить, туча грозитъ не намъ? Хотя меня ужасно волнуютъ слухи о всякой войнѣ, но если драться будутъ датчане, а не австрійцы, это все же лучше. Я стану сожалѣть ихъ, но бояться мнѣ нечего.

— Тебѣ нечего пугаться, если и Австрія приметъ участіе въ этой войнѣ, — горячо вступился мой отецъ. — Когда намъ придется защищать права Шлезвигъ-Гольштиніи противъ незаконнаго захвата, мы не рискуемъ ничѣмъ. Тутъ дѣло идетъ не объ австрійской территоріи, которую можно потерять вслѣдствіе неудачнаго похода...

— Неужели ты думаешь, папа, что — если налимъ войскамъ придется выступить — я буду интересоваться такими вещами, какъ австрійская территорія, шлезвигъ-гольштинскія права и незаконный захватъ ихъ со стороны Даніи? Для меня важно одно: опасность для жизни моихъ близкихъ, а она не уменьшится отъ того, по какому поводу будетъ затѣяна война.

— Судьбы отдѣльныхъ лицъ не берутся въ расчетъ при мировыхъ событіяхъ, милое дитя. Если вспыхнетъ война, всѣ вопросы о томъ, кому пришлось пасть, кому остаться невредимымъ, должны умолкнуть передъ однимъ вопросомъ великой важности: чтò можетъ выиграть или потерять при этомъ

родная страна? Если мы подеремся съ датчанами, намъ нечего терять; зато мы можемъ расширить нашу власть въ германскомъ союзѣ. Вотъ кабы Габсбургамъ отвоевать себѣ нѣкогда принадлежавшее имъ достоинство германскихъ императоровъ! И это было бы вполне справедливо: Австрія—самое значительное государство въ союзѣ; гегемонія за нами обезпечена, но этого мало... Я привѣтствовалъ бы войну съ Данией, какъ весьма благоприятный случай не только смыть позоръ нашихъ поражений въ 59-мъ году, но и добиться такого положенія въ германскомъ союзѣ, которое щедро вознаградило бы насъ за потерю Ломбардіи и—кто знаетъ?—настолько расширило бы наше могущество, чтобы Австрія безъ труда отняла назадъ эту провинцію.

Я взглянула на Фридриха. Онъ не принималъ участія въ нашемъ разговорѣ, а шутилъ съ моей сестрою Лили, заставляя ее смѣяться до упаду. Сердце у меня мучительно заняло, въ головѣ проносились отрывочныя, горькія мысли и каждая изъ нихъ по своему терзала душу: война... и вдругъ онъ, мой ненаглядный, жизнь моя, идетъ въ походъ... пожалуй, его искалѣчатъ, застрѣлятъ... Пожалуй, мой ребенокъ, появленіе котораго Фридрихъ привѣтствовалъ съ такимъ восторгомъ, родится на свѣтъ сиротою. Разрушено, разбито наше едва расцвѣтшее счастье, обѣщавшее такъ много въ будущемъ!.. Опасность лишиться его—на одной чашѣ вѣсовъ, а на другой? Возвышеніе Австріи въ германскомъ союзѣ, освобожденіе Шлезвигъ-Гольштиніи—„свѣжіе лавры въ вѣнцѣ нашего побѣдоноснаго войска“,—т. е. нѣсколько трескучихъ фразъ въ училищныхъ лекціяхъ и прокламаціяхъ, обращенныхъ къ арміи... да еще и то сомнительно: вѣдь если мы имѣемъ шансы одержать побѣду, точно также можетъ постичь насъ и пораженіе... И ради сомнительнаго блага отечества придется страдать не мнѣ одной, а многимъ тысячамъ другихъ людей въ нашей и вражеской землѣ. Ахъ, зачѣмъ подвергать себя этому, нельзя ли какъ нибудь отклонить грозящую бѣду? Что, еслибъ всѣ разумные, добрые, справедливые люди сплотились вмѣстѣ и устранили страшное бѣдствіе соединенными усиліями?

— Скажите, пожалуйста,—обратилась я къ министру,—неужели дѣла такъ плохи? Развѣ вы, министры и дипломаты,

не сдумѣли уладить недоразумѣній мирнымъ путемъ и помѣшать раздору?

— Неужели вы полагаете, баронесса, что на нашей обязанности лежитъ поддерживать вѣчный миръ? Конечно, это была бы прекрасная миссія, но, къ сожалѣнію, неисполнимая. Мы призваны только поддерживать интересы государства, которому служимъ, и царствующей династіи; призваны препятствовать уменьшенію ихъ могущества и добиваться возможнаго преобладанія, зорко охранять честь страны и мстить за причиненныя обиды...

— Иными словами—перебила я—дѣйствовать по правиламъ войны: какъ можно больше вредить врагу, т. е. всякому иноземному государству, а когда начнется раздоръ, все время настойчиво утверждать, что правда на вашей сторонѣ, хотя бы сами вы были убѣждены въ противномъ, не такъ ли?

— Ну, конечно...

— И стоять на своемъ до тѣхъ поръ, пока разъяренные противники не потеряютъ терпѣнія и не начнутъ драки?—дополнила я.—Но вѣдь это отвратительно!

— Да какой же иной исходъ найдете вы? Какъ же иначе рѣшать международные споры?

— А какъ рѣшаются процессы частныхъ лицъ въ благоустроенномъ обществѣ.

— Путемъ суда. Только народы ему не подчиняются.

— Какъ и дикари,—подоспѣлъ мнѣ на выручку докторъ Брессеръ.—Его народы еще недостаточно цивилизованы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, разумѣется, пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ будетъ учрежденъ международный третейскій судъ.

— До этого никогда не дойдетъ,—вмѣшался мой отецъ.—Есть вещи, которыя можно рѣшить лишь съ оружіемъ въ рукахъ, но никакъ не съ помощью судебного кодекса. Да еслибъ и можно было учредить такой третейскій судъ, то сильнѣйшія государства не станутъ прибѣгать къ нему, какъ дѣлаютъ и дворяне, получивъ личное оскорбленіе. Они вѣдь не затѣваютъ между собою процесса, а прямо шлютъ другъ другу секундантовъ и дерутся на честномъ поединкѣ.

— Но вѣдь и дуэль—варварскій, безнравственный обычай.

— Однако вамъ не удастся отмѣнить его, докторъ.

— По крайней мѣрѣ, я не стану одобрять его, генераль.

— А что скажешь ты, Фридрихъ, — продолжалъ отецъ, обращаясь къ своему зятю.—Пожалуй, ты также держишься того мнѣнія, что, получивъ пощечину, слѣдуетъ подать жалобу въ судъ и взять съ обидчика пять флориновъ штрафа за оскорбленіе дѣйствіемъ?

— Я не сдѣлалъ бы этого.

— А вызвалъ бы противника на дуэль?

— Само собою разумѣется.

— Ага, докторъ! Ага, Марта!—съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ мой отецъ.—Что, слышали? Даже Тиллингъ, хотя онъ не любитъ войны, стоитъ за дуэль.

— Стою за дуэль? Этого я не говорилъ. Я сказалъ только, что въ данномъ случаѣ прибѣгнулъ бы къ дуэли—какъ мнѣ и довелось уже два раза въ жизни. Вѣдь ходилъ же я много разъ на войну и пойду опять, какъ только представится случай. Я подчиняюсь законамъ чести, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они соответствовали моему нравственному идеалу въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ у насъ въ настоящее время. Мало по малу, когда этотъ идеаль сдѣлается господствующимъ, и законы чести измѣнятся; во-первыхъ, оскорбленіе, полученное незаслуженно, будетъ пятнать не обиженного, но обидчика; во-вторыхъ, въ дѣлахъ чести люди перестанутъ прибѣгать къ кровавому мщенію; этотъ обычай также уничтожится, какъ фактически уничтоженъ теперь въ цивилизованномъ обществѣ всякій самосудъ за другія преступленія. Но до тѣхъ поръ...

— Намъ придется долго ждать, — перебилъ мой отецъ.— Пока существуетъ дворянство...

— Оно также не вѣчно,—замѣтилъ докторъ.

— Ого, вы мечтаете объ уничтоженіи знати, г-нъ радикаль?—воскликнулъ мой отецъ.

— Феодалной? Конечно, „дворяне“ не нужны будущему.

— Но тѣмъ болѣе нужны „благородные люди“, — подтвердилъ Фридрихъ.

— И эта новая порода людей будетъ молча глотать пощечины?

— Она совсѣмъ не будетъ давать ихъ.

— И не станетъ защищаться, когда сосѣднее государство пойдетъ войною?

— Тогда государства не подумаютъ нападать на своихъ сосѣдей, какъ теперь сосѣдніе помѣщики не думаютъ дѣлать набѣговъ на наши усадьбы. И какъ теперь владѣлецъ замка не имѣетъ надобности содержать шайки вооруженныхъ слугъ...

— Такъ и государство будущаго станетъ обходиться безъ регулярнаго войска? Но куда же тогда дѣнетесь вы, господа подполковники?

— А куда дѣвались рыцари и латники?

Такимъ образомъ, у насъ опять возникъ старинный споръ и продолжался нѣкоторое время. Я жадно ловила каждое слово Фридриха. Мнѣ было безконечно отрадно слушать, какъ онъ твердо и увѣренно отстаивалъ принципъ высшей нравственности. Я восхищалась своимъ мужемъ и мысленно дала ему самому почетный титулъ, которымъ онъ въ началѣ разговора замѣнилъ званіе дворянина — „благородный человѣкъ!“

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1864 годъ.

I.

Мы пробыли въ Вѣнѣ еще двѣ недѣли. Однако, для меня святки утратили всякую прелесть. Эта „война въ виду“, о которой теперь шли толки и въ прессѣ, и въ салонахъ, отравляла мнѣ все. Едва только я вспоминала о чемъ нибудь отрадномъ, что входило въ составъ моего личнаго счастья, — а первую роль въ немъ играло обладаніе любимымъ человѣкомъ, который съ каждымъ днемъ становился мнѣ дороже, — какъ тутъ же немедленно являлась мысль о непрочности этого блага, о непосредственной опасности, которой угрожала предстоящая война моимъ счастливымъ днямъ. И я не могла наслаждаться настоящимъ. Конечно, намъ всегда грозить множество роковыхъ случайностей со стороны силъ природы въ ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ проявленіяхъ: болѣзнь, смерть, пожары,

наводненія, но мы привыкли о нихъ не думать и живемъ въ сознаниі сравнительной безопасности. Зачѣмъ же люди добровольно навлекаютъ на себя жестокія бѣдствія, нарочно, съ дерзкой отвагой вызывая искусственныя колебанія и безъ того предательской зыбкой почвы, на которой построено наше земное счастье? Впрочемъ, они привыкли смотрѣть на войну, какъ на неизбѣжное естественное зло, ставить ее на одну линію съ землетрясеніемъ и наводненіемъ, а потому и стараются думать о ней какъ можно меньше. Но я не могла болѣе раздѣлять этого взгляда. Однажды возникшее у меня сомнѣніе: „должно ли такъ быть?“ этотъ мучительный вопросъ, поднятый и Фридрихомъ въ нашемъ первомъ разговорѣ, вѣчно тревожилъ меня, и относительно войны я часто отвѣчала на него про себя отрицательно. вмѣсто покорности судьбѣ, у меня поднималось негодованіе и въ порывѣ безисходной тоски я хотѣла бы крикнуть имъ всѣмъ: „Не дѣлайте этого, не дѣлайте!“ Шлезвигъ-гольштинское герцогство, датская конституція, да что намъ за дѣло ихъ? И что намъ за печаль, отмѣнены или утверждены „протокольнымъ принцемъ“ постановленія 13-го ноября 1863 года? Но всѣ передовыя статьи газетныхъ листковъ и всѣ разговоры вертѣлись около шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, точно это было самое важное, самое необходимое для всѣхъ насъ и угрожало перевернуть цѣлый міръ, такъ что другой вопросъ: „придется ли нашимъ мужьямъ и сыновьямъ идти подъ пули?“ не могъ даже имѣть здѣсь мѣста. Только минутами могла я примириться съ такимъ положеніемъ вещей, именно когда передо мною ясно выступало понятіе: „долгъ“. Ну да, мы приналежали къ германскому союзу и должны были сообща съ союзными нѣмецкими братьями отстаивать права угнетенныхъ нѣмцевъ. Принципъ братства, пожалуй, былъ достаточнымъ стимуломъ для выполненія этой задачи съ помощью грубой силы; значить, съ настоящей точки зрѣнія, война *необходима*. Удѣпившись за эту идею, я почувствовала, какъ боль и досада немножко стихаютъ въ моей душѣ. Еслибъ, однако, я могла предвидѣть, что, два года спустя, пресловутая братская любовь между нѣмцами перейдетъ въ непримиримую вражду; что ненависть къ прусакамъ вспыхнетъ въ Австріи съ еще большей силой, чѣмъ ненависть къ датчанамъ,—я убѣдилась

бы еще тогда, какъ убѣждена теперь, что поводы, приводимые въ оправданіе враждебности между народами, не болѣе какъ пустыя фразы, фразы и дипломатическія уловки.

Сильвестровъ вечеръ, т. е. канунъ Новаго года, мы проводили опять таки въ домѣ моего отца. Когда пробило полночь, старикъ поднялся съ заздравнымъ бокаломъ въ рукахъ:

— Выпьемъ, — торжественно заговорилъ онъ, — за то, чтобы походъ, предстоящій намъ въ новорожденномъ году, покрылъ новою славою наше оружіе! — Тутъ я поспѣшила поставить свой поднятый бокаль обратно на столъ. — И чтобы судьба пощадила нашихъ близкихъ, — добавилъ отецъ.

Только тогда я чокнулась съ нимъ.

— Почему ты не присоединилась къ намъ при первой половинѣ моего тоста, милая Марта?

— Потому что относительно всякаго похода я могу пожелать только одного: чтобы онъ не состоялся.

Когда мы съ мужемъ вернулись въ гостинницу и прошли къ себѣ въ спальню, я бросилась на шею Фридриху.

— Единственный мой! Фридрихъ, Фридрихъ!

Онъ тихо прижалъ меня къ себѣ.

— Что съ тобою, Марта? Ты плачешь... и это въ новогоднюю ночь! Зачѣмъ встрѣчать слезами юный 1864 годъ, моя дорогая? Развѣ ты несчастлива или я оскорбилъ тебя чѣмънибудь?

— Ты? О, нѣтъ, нѣтъ, — напротивъ, ты сдѣлалъ меня слишкомъ, черезчуръ счастливой и потому мнѣ страшно.

— Неужели моя Марта суевѣрна? Ужь не думаешь ли ты о зависти боговъ, которые слѣзатъ разбить слишкомъ завидное людское счастье?

— Нѣтъ, на него покушаются не боги. Безразсудные люди сами навлекаютъ на себя горе.

— Ты намекаешь на близкую возможность войны? Но вѣдь это пока не рѣшено; къ чему же понапрасну печалиться раньше времени? Кто знаетъ, дойдетъ ли еще дѣло до похода; кто знаетъ, двинуть ли на театръ военныхъ дѣйствій нашъ полкъ? Поди сюда, моя ненаглядная, присядемъ здѣсь, — и онъ привлекъ меня рядомъ съ собою на софу, — не трать своихъ драгоценныхъ слезъ изъ-за одного только страха передъ возможностью несчастья.

— И этой возможности довольно, чтобы мое сердце обливалось кровью. Еслибъ она обратилась въ увѣренность, я не плакала бы такъ тихо у тебя на плечѣ, а рвалась бы и кричала съ отчаянія. Но возможность, вѣроятность, что въ этомъ году приказомъ по арміи ты будешь насильно вырванъ изъ моихъ объятій, совершенно достаточна, чтобы отравить мнѣ всю радость жизни.

— Вспомни однако, Марта: вѣдь тебѣ самой грозитъ большая опасность по причинѣ того, о чемъ мнѣ такъ мило сообщилъ твой рождественскій подарокъ. Между тѣмъ, мы оба не думаемъ объ ужасной перспективѣ роковаго исхода, хотя шансы умереть также велики для каждой женщины во время родовъ, какъ и для мужчины на полѣ сраженія. Станемъ же наслаждаться жизнью, пока все идетъ благополучно, и не будемъ думать о смерти, которая витаетъ надъ головами у всѣхъ.

— Ты говоришь, мой дорогой, точно тетя Мари, какъ будто наша судьба зависитъ отъ предопредѣленія, а не отъ неосторожности, жестокости, дикости и глупости окружающихъ насъ людей. Ну скажи, ради бога, въ чемъ заключается неотвратимая необходимость этой войны съ Даніей?

— Но вѣдь она пока не объявлена; пока еще...

— Знаю, знаю: пока еще обстоятельства могутъ случайно сложиться въ пользу мира. Но такой вопросъ по настоящему долженъ рѣшатъ не случай, не политическія интриги и капризы, а твердая, прямая воля человѣка. Впрочемъ, что толку въ моихъ разсужденіяхъ о томъ, должно ли, или не должно этому быть; я не въ силахъ измѣнить порядка вещей и мнѣ остается только жаловаться на него. Но тебѣ, Фридрихъ, слѣдуетъ поддержать меня въ этомъ; не старайся утѣшить свою жену избитыми, пустыми отговорками! Вѣдь ты самъ въ нихъ не вѣришь, вѣдь и твоя душа кипитъ тѣмъ же благороднымъ негодованіемъ. Если я нахожу въ чемъ нибудь отраду, такъ это въ сознаніи, что ты заодно со мною проклинаешь и осуждаешь зло, которое дѣлаетъ и меня; и безчисленное множество другихъ глубоко несчастными.

— Да, мое сокровище, если бѣда разразится, я буду чувствовать заодно съ тобою; я не стану скрывать ужаса и отвращенія, которые внушаетъ мнѣ человѣческая бойня... Но сегодня будемъ наслаждаться жизнью. Вѣдь мы пока еще при-

надлежимъ другъ другу, ничто не разлучаетъ насъ... между нашими сердцами нѣтъ ни малѣйшей преграды! Станемъ наслаждаться этимъ счастьемъ—пока оно у насъ не отнято—наслаждаться ото всей души. Не будемъ думать о грозящей намъ бѣдѣ. Никакая радость не можетъ длиться вѣчно. Черезъ сто лѣтъ будетъ рѣшительно все равно: дологъ ли, коротокъ ли былъ нашъ вѣкъ. Число счастливыхъ дней въ сущности не важно, гораздо важнѣе степень ихъ блаженства. Пускай же будущее приноситъ намъ, что угодно: наше настоящее до того прекрасно, что я способенъ въ настоящую минуту чувствовать только одинъ блаженный восторгъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ обвилъ меня своими руками и поцѣловалъ въ голову, покоившуюся на его груди. Тутъ призракъ грознаго будущаго ступевался и въ моемъ сознаниі, и я отдалась мирной отрадѣ настоящей минуты.

II.

Десятаго января мы вернулись обратно въ Ольмюцъ. Никто не сомнѣвался болѣе, что война будетъ объявлена. Въ Вѣнѣ еще раздавались отдѣльные голоса, опровергавшіе это; находились люди, которые вѣрили, что датско-гольштинскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ дипломатическимъ путемъ, но въ военныхъ кружкахъ нашего крѣпостнаго гарнизона никто не допускалъ возможности мирнаго исхода политическихъ осложнений. Въ средѣ офицеровъ съ ихъ женами замѣчалось необычайное и по большей части радостное оживленіе: вѣдь война давала случай отличиться и повыситься по службѣ; одного увлекала жажда дѣятельности, другаго честолюбіе, третій мечталъ объ увеличеніи оклада.

— У насъ готовится великолѣпная война, — сказалъ полковой командиръ на своемъ званомъ обѣдѣ, на которомъ присутствовали и мы въ числѣ прочихъ офицеровъ съ ихъ супругами, — и эта война будетъ необыкновенно популярна. Территоріальными потерями мы не рискуемъ, да и населенію не будетъ никакого убытка, потому что театръ военныхъ дѣйствій лежитъ въ чужихъ владѣніяхъ. При такихъ условіяхъ, вдвое пріятнѣе воевать.

— Что меня воодушевляетъ въ данномъ случаѣ,—замѣтилъ одинъ молодой штабъ-ротмистръ—такъ это благородный поводъ предстоящаго похода—защита поправленныхъ правъ нашихъ братьевъ. Что прусаки присоединяются къ намъ или, скорѣе, мы къ нимъ, это, во-первыхъ, служить ручательствомъ успѣха, а, во-вторыхъ, общаетъ еще тѣснѣе скрѣпить національныя узы. Идея національнаго единства...

— Ахъ, перестаньте лучше толковать о ней, — перебилъ командиръ нѣсколько строгимъ тономъ.—Вся эта белиберда не по плечу австрійцу. Это она навлекла на насъ кампанію 59 года, потому что служила любимымъ конькомъ Луи-Наполеону. Вспомните его „итальянскую Италію“. Вообще этотъ принципъ самъ по себѣ не годится для Австріи: чехи, венгры, нѣмцы, кроаты—гдѣ же тутъ національная связь? Мы знаемъ только одинъ принципъ, соединяющій насъ—непокупуемую любовь къ царствующей династіи. Слѣдовательно, если мы выступимъ въ походъ, насъ должно воодушевлять не то, что мы сражаемся вмѣстѣ съ нѣмцами и за нѣмцевъ, а перспектива послужить вѣрой и правдой нашему августѣйшему возлюбленному вождю. Да здравствуетъ императоръ!

Всѣ поднялись съ мѣстъ и чокались стоя. Искра воодушевленія запала въ сердце и мнѣ; она вспыхнула на мгновеніе яркимъ пламенемъ и согрѣла меня отрадной теплотой. Когда раздѣляешь съ тысячами людей любовь къ одному и тому же дѣлу, къ одному и тому же лицу, это сознание невольно вызываетъ глубокій порывъ безграничной преданности. Оно-то и заставляетъ сильнѣе биться сердца подъ видомъ вѣрности престолу, патриотизма и духа единства. Это ничто иное, какъ любовь, и она до того могуча, что даже принятое во имя ея дѣло ненависти—отвратительнѣйшее исчадіе смертельной ненависти—война начинаетъ казаться исполненіемъ священнаго долга любви. Но это возвышенное чувство вспыхнуло въ моемъ сердце лишь на одну минуту, потому что въ глубинѣ его таилась любовь, передъ которой блѣднѣла всякая преданность къ престолу и стихалъ патриотическій энтузіазмъ,—то была любовь къ моему мужу. Его жизнь представляла для меня величайшее благо, и если ее оставить на карту, я могу только проклинать эту новую кампанію, начнется ли она изъ-за Шлезвигъ-Гольштиніи, или

Японіи. Съ тѣхъ поръ я не знала покоя. 16-го января союзныя державы предъявили Даніи требованіе отмѣнить одинъ законъ, противъ котораго политическій сеймъ и мѣстное дворянство просили защиты германскаго союза, причемъ эта отмѣна должна была послѣдовать въ двадцать четыре часа. Данія отклонила посланную ей ноту, да и кто позволить такъ командовать собою? Ея отказъ предвидѣли, конечно, заранѣе, такъ какъ прусскія и австрійскія войска давно были двинуты на границу и 1-го февраля перешли Эйдеръ.

Такимъ образомъ, кровавый жребій былъ брошенъ, кампанія началась. Это дало поводъ моему отцу прислать намъ поздравительное письмо.

„Радуйтесь, дѣти“, — писалъ онъ. — „Наконецъ-то мы имѣемъ возможность загладить свои неудачи 59 года, поколотивъ датчанъ. Если мы воротимся со славой съ сѣвера, намъ можно будетъ снова обратиться къ югу. Прусаки останутся нашими союзниками, и тогда берегитесь оборвыши-итальянцы со своимъ интриганомъ Луи-Наполеономъ: ужь не отвертитесь вы отъ насъ“.

Полкъ Фридриха, къ немалому разочарованію командира и корпуса офицеровъ, не былъ посланъ на границу. Это обстоятельство вызвало новое соболѣзнующее письмо отъ папа.

„Искренно сожалѣю, что Тиллингъ имѣеть несчастіе служить въ полку, которому не пришлось открыть такого славнаго похода; впрочемъ, есть еще надежда, что ихъ потребуютъ позднѣе. Марта, конечно, очень довольна этимъ; она такъ боится за своего горячо любимаго мужа да и самъ Фридрихъ не особенно долюбливаетъ войну; впрочемъ я увѣренъ, что онъ только въ принципѣ противъ нея, т. е. ему было бы пріятнѣе, лишь ради такъ называемой „гуманности“, чтобы люди не воевали, но если разъ дѣло пошло на то, онъ, конечно, предпочелъ бы драться заодно съ товарищами; бьюсь объ закладъ, что у него теперь сердце не на мѣстѣ. По моему, слѣдовало бы всегда посылать противъ непріятели всю армію; въ такія времена тяжело солдату сидѣть дома“.

— И тебѣ, мой Фридрихъ, тяжело оставаться возлѣ меня? — спросила я, прочитавъ письмо.

Онъ прижалъ меня къ сердцу. Этого отвѣта безъ словъ было совершенно достаточно.

Но что за толкъ въ отсрочкѣ на неопредѣленное время? Все равно, я не знала ни минуты покоя. Каждый день могъ прийти приказъ о выступленіи. Хоть бы ужъ эта злополучная война поскорѣе кончалась! Съ величайшимъ вниманіемъ прочитывала я газетныя извѣстія и горячо желала, чтобы союзныя войска одерживали быстрыя и рѣшительныя побѣды. Сознаться откровенно: это желаніе было подсказано вовсе не патриотизмомъ. Для меня, разумѣется, было пріятнѣе, чтобы побѣда клонила на нашу сторону, но я имѣла тутъ въ виду, прежде всего, скорѣйшее окончаніе войны. Если она не затянется, то мое безцѣнное сокровище, мой Фридрихъ, не будетъ потребованъ на эту рѣзню. Триумфъ моихъ соотечественниковъ стоялъ для меня уже на второмъ планѣ, а на самомъ послѣднемъ—интересы „опоясаннаго моремъ“ клочка земли. Ну, что мнѣ изъ того: будетъ ли принадлежать Шлезвигъ-Гольштинія Даніи, или нѣтъ? Да наконецъ, для самихъ датчанъ и шлезвигъ-гольштинцевъ, какой былъ прокъ въ рѣшеніи этого вопроса? И, дѣйствительно, не казалось ли со стороны, что обѣ эти націи только пассивно подчинялись волѣ своихъ государей, оспаривавшихъ другъ у друга территорію и верховную власть; что здѣсь дѣло шло не о ихъ благѣ или бѣдствіи, но о притязаніяхъ „протокольнаго принца“ Аугустенбурга? Когда собаки грызутся за кость, то рвутъ только одна другую; въ исторіи же народовъ, въ большинствѣ случаевъ, сами глупыя кости—предметъ раздора—дерутся между собою и наносятъ другъ другу взаимный вредъ, отстаивая права тѣхъ, кто точитъ на нихъ зубы. „Меня хочеть сгрызть Азорка!“ „А на меня имѣеть притязаніе Плутонъ“. „Я протестую противъ нападеній Каро“. „А я считаю за честь, чтобъ меня сожрала Минка“, кричатъ кости. „Данія до Эйдера!“ вопіяли датскіе патриоты. „Хотимъ Фридриха-Аугустенбурга своимъ герцогомъ!“ твердили вѣрноподанные гольштинцы. Наши газеты, какъ и разговоры нашихъ политиковъ, вертѣлись, разумѣется, на томъ, что дѣло, за которое вступились „мы“, и есть единственное правое дѣло, единственное „исторически обоснованное“, единственно необходимое для поддержанія „европейскаго равновѣсія“. Конечно, въ передовыхъ статьяхъ и политическихъ разговорахъ въ Копенгагенѣ, противоположный принципъ защищался съ тою же

настойчивостью. Но не лучше ли было бы хладнокровно взвѣсить права обѣихъ сторонъ, чтобы прійти ко взаимному соглашенію, а, если это не удастся, пригласить третейскимъ судьей постороннюю державу? Къ чему только безъ усталы кричать: „я—я одинъ правъ?“ Кричать даже противъ собственнаго убѣжденія до тѣхъ поръ, пока охрипнешь и дойдешь до драки, предоставляя рѣшеніе спора грубой силѣ? Ну, развѣ это не дикость? А когда третья держава вмѣшается въ пререканія двухъ враждующихъ сторонъ, она тоже не взвѣшиваетъ ихъ правъ, не судитъ ихъ дѣйствій по справедливости, а прямо поднимаетъ оружіе. И это люди называютъ „внѣшней политикой?“ Нѣтъ, это внѣшняя и внутренняя грубость, тупоуміе подъ видомъ государственной мудрости, международное варварство.

III.

Конечно, текуція событія не представлялись мнѣ еще въ то время въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, а мои взгляды на политику не отличались теперешней опредѣленностью. Только минутами на меня находили сомнѣнія, которыя я спѣшила отогнать. Я старалась убѣдить себя, что таинственное нѣчто, называемое „государственными соображеніями“, недоступно пониманію непосвященныхъ, а моему небольшому разуму и подавно; что этотъ принципъ обусловливаетъ гражданскую жизнь народовъ. Это заставило меня ревностно приняться за изученіе исторіи Шлезвигъ-Гольштиніи, съ цѣлью составить себѣ ясное понятіе объ „историческомъ правѣ“, которое германскій союзъ принялся подтверждать въ настоящее время огнемъ и мечемъ.

Тутъ я, во-первыхъ, вычитала, что спорная полоса земли отошла къ Даніи еще въ 1027 году. Значитъ, датчане въ сущности правы и ихъ король законно владѣетъ соединенными герцогствами.

Между тѣмъ, двѣсти лѣтъ спустя, они отошли къ младшей линіи королевскаго дома и остались только въ нѣкоторой зависимости отъ Даніи, какъ ленныя владѣнія, обязанныя выставлять войско на ея защиту. Въ 1326 году Шлезвигъ былъ

уступленъ графу Гергарду Гольштинскому и „вольдемаровская конституція“ постановила, чтобы съ этихъ поръ „герцогства никогда не соединялись подъ однимъ скипетромъ“. Ахъ, вотъ что! Значить, германскій союзъ правъ: мы сражаемся за „вольдемаровскую конституцію“. Это совершенно правильно, потому что зачѣмъ же издавать постановленія, если они потомъ нарушаются?

Въ 1448 году, „вольдемаровская конституція“ подтверждена еще разъ королемъ Христіаномъ I. Какое же тутъ еще сомнѣніе: герцогства никогда больше не должны быть соединены подъ однимъ скипетромъ. Объ чемъ же хлопочетъ „протокольный принцъ“? Двѣнадцать лѣтъ спустя, умираетъ владѣлецъ Шлезвигъ, не оставивъ наслѣдниковъ; тутъ въ Рипенѣ собирается сеймъ (какъ это, право, хорошо, что всегда въ точности извѣстно, гдѣ и когда собирался сеймъ: итакъ, дѣло произошло въ 1460 году въ Рипенѣ); сеймъ провозглашаетъ датскаго короля герцогомъ Шлезвигъ; король въ свою очередь даетъ обязательство, что отнынѣ оба государства „вѣчно будутъ составлять одно нераздѣльное цѣлое“. Вотъ тебѣ разъ! Я снова становлюсь втупикъ. Единственной точкой опоры остается теперь для меня это: „вѣчно останутся нераздѣльными“. Но мое недоумѣніе возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ я подвигаюсь дальше. Не смотря на формулу: „вѣчно нераздѣльны“ (слово „вѣчно“ вообще играетъ въ политическихъ договорахъ премилую роль!) происходитъ постоянное дробленіе страны между сыновьями короля, затѣмъ она опять соединяется подъ однимъ королевскимъ скипетромъ, возникаютъ новыя линіи — Гольштейнъ-Готторпъ и Гольштейнъ-Зондербургъ, — которыя, путемъ взаимныхъ захватовъ и уступокъ отдѣльныхъ провинцій страны, подраздѣляются на линіи: Зондербургъ-Аугустенбургъ, Бекъ-Глюксбургъ, Зондербургъ-Глюкштадтъ, Гольштейнъ-Глюкштадтъ, — однимъ словомъ, я окончательно запутываюсь въ нихъ и ничего больше не понимаю.

Впрочемъ, подвигаюсь дальше. Можетъ быть, историческое право, за которое сыны нашей родины проливаютъ кровь, подтвердится позднѣйшими данными?

Христіанъ IV вмѣшивается въ тридцатилѣтнюю войну. Имперскія войска и шведы нападаютъ на герцогства. Тогда опять (въ Копенгагенѣ въ 1658 году) подписывается договоръ,

по которому владѣніе Шлезвигомъ закрѣпляется за Готторпъ-Гольштинскимъ домономъ и герцогства становятся окончательно независимыми отъ Даніи.

Наконецъ-то! Слава богу! У меня стало легче на душѣ.

Но чтѣ же происходитъ вслѣдствіе патента, даннаго 22-го августа 1721 года? А вотъ что, ни больше, ни меньше: готторпская часть въ Шлезвигѣ снова сливается съ датской монархіей, а 1-го іюня 1773 года и Гольштинія переходитъ къ королевскому дому; съ этого момента герцогства становятся простою датскою провинціей.

Ну, это совсѣмъ иное дѣло: теперь я вижу—датчане правы.

Правы, да неполнѣ, потому что на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года Гольштинія вошла въ составъ германскаго союза. Но это обстоятельство грызетъ датчанъ, оно имъ не по нутру. И вотъ они выдумываютъ пароль: „Данія до Эйдера“ и стремятся присвоить себѣ весь Шлезвигъ, прозванный ими „Южной Ютландіей“. Шлезвигъ же выбираетъ своимъ лозунгомъ: „наслѣдственное право Аугустенбурга“ и взываетъ къ національному чувству нѣмцевъ. Въ 1846 году король Христіанъ обнародываетъ прокламацію, заявляя въ ней, что онъ стремится къ охраненію цѣлости своего государства, противъ чего „германскія земли“ протестуютъ. Два года спустя, полное воссоединеніе объявляется съ высоты трона уже не цѣлью, а совершившимся фактомъ; въ отвѣтъ на это, въ „германскихъ земляхъ“ вспыхиваетъ возстаніе. Начинается война. Побѣда клонится попеременно то на сторону датчанъ, то на сторону шлезвигъ-гольштинцевъ. Тутъ происходитъ вмѣшательство германскаго союза. Прусаки „берутъ“ дюпелельскія высоты, но это не рѣшаетъ дѣла. Прусаки заключаютъ миръ съ Даніей; Шлезвигъ-Гольштинія принуждена теперь драться съ датчанами безъ союзниковъ и терпитъ рѣшительное пораженіе подъ Идштедтомъ.

Союзъ требуетъ отъ „возставшихъ“, чтобы они прекратили войну; они соглашаются. Австрійскія войска занимаютъ Гольштинію и вотъ герцогства *раздѣлены*. Гдѣ же тутъ обезпеченное королевскою грамотой „воссоединеніе на вѣчныя времена?“

Но дѣла Даніи съ герцогствами все еще не приходятъ въ норму. Тутъ я нахожу лондонскій протоколъ отъ 8-го мая

1852 года (хорошо, что всегда, по крайней мѣрѣ, въ точности извѣстно, какого числа пишутся такъ легко нарушаемые политическіе договоры); трактатъ этотъ утверждаетъ престолонаслѣдіе за принцемъ Христіаномъ Глюксбургскимъ. („Утверждаетъ“ — отлично). Теперь я также знаю, откуда взялось названіе „протокольный принцъ“.

Въ 1854 году, послѣ полученія каждымъ герцогствомъ своей особой конституціи, оба они „данизируются“. Однако, въ 1858 году „данизированіе“ Гольштиніи приходится прекратить. Такимъ образомъ, я дошла до событій, близкихъ къ настоящему, но все же не могу отдать себѣ яснаго отчета, куда нужно причислить обѣ эти „страны“ и что собственно послужило поводомъ къ настоящей войнѣ.

18-го ноября 1858 года былъ принятъ государственнымъ совѣтомъ знаменитый коренной законъ, регулировавшій общія дѣла Даніи и Шлезвига. Два дня спустя, умираетъ король. Съ его смертью, опять таки прекращается одна линія царствующаго дома, именно Гольштейнъ-Глюкштадская, и когда преемникъ монарха утвердилъ законъ, существовавшій всего два дня, выступаетъ на сцену Фридрихъ Аугустенбургскій (объ этой линіи я почти совсѣмъ забыла), заявляетъ свои права на владѣніе герцогствами и вмѣстѣ съ дворянствомъ обращается къ содѣйствію германскаго союза. Германскій союзъ тотчасъ посылаетъ саксонцевъ и ганноверцевъ занять Гольштинію; Аугустенбурга провозглашаютъ герцогомъ. Почему? Но прусаки и австрійцы съ этимъ несогласны. Почему? Этого мнѣ и до сихъ поръ не удалось понять. Оказывается, что лондонскій протоколъ долженъ быть уваженъ. Почему? Неужели протоколы, относящіеся къ абсолютно безразличному для насъ предмету, до того важны, что мы должны отстаивать ихъ кровью своихъ братьевъ? Нѣтъ, вѣроятно, за этимъ скрывается опять какое нибудь „государственное соображеніе“. Нужно возвести въ догматъ слѣдующее: что рѣшать господа дипломаты у себя за письменнымъ столомъ, то свято: ихъ рѣшенія—образецъ высшей мудрости; что придумано ими, то непременно служить къ упроченію могущества страны. Лондонскій протоколъ отъ 8-го мая 1852 года необходимо признать, а копенгагенскій законъ 13 января 1863 года нужно отмѣнить и притомъ въ двадцать четыре часа. Отъ этого за-

всѣли честь и благо Австріи. Конечно, въ приведенный догматъ было немножко трудно увѣровать, но въ политическихъ вопросахъ масса подчиняется принципу: „quia absurdum“, пожалуй, еще охотнѣе, чѣмъ въ религиозныхъ; тутъ не вникаютъ и не разсуждаютъ. Если мечъ обнаженъ, не требуется ничего больше, кромѣ молодецкаго „ура!“ и кипучей отваги, ведущей къ побѣдамъ. Сверхъ того, испрашивается благословеніе неба на борьбу съ непріателемъ. Какъ же иначе? Вѣдь Господу Богу нужно, чтобы протоколъ 8-го мая былъ уваженъ, а законъ 13 января отмѣненъ; онъ долженъ устроить такъ, чтобы именно столько людей погибло и столько деревень было сожжено, сколько требуется для восстановления правъ Глюкштадтской или Аугустенбургской линіи, которой предстоитъ управлять извѣстнымъ клочкомъ земли. О, неразумный, жестокій, бессмысленный міръ, позволяющій водить себя на помочахъ! Таковъ былъ выводъ изъ моего знакомства съ историческимъ развитіемъ шлезвигъ-гольштинскаго вопроса.

IV.

Съ театра войны между тѣмъ приходили благопріятныя вѣсти. Союзники выигрывали битву за битвой. Сейчасъ же послѣ первыхъ сраженій, датчане были принуждены очистить весь Даневекъ; Шлезвигъ и Ютландія до Лимфіорда были заняты нашими войсками и непріатель утвердился только на дюппельскихъ высотахъ и на Альзенѣ. Все это я знала въ точности, потому что у насъ опять были разложены на столахъ утыканныя булавками географическія карты, на которыхъ отмѣчались движенія и позиціи войскъ, согласно газетнымъ извѣстіямъ.

— Если мы возьмемъ теперь еще дюппельскія высоты, да пожалуй захватимъ и весь Альзенъ,—толковали граждане Ольмюца, (потому что никто не говоритъ такъ охотно о военныхъ подвигахъ, прибѣгая къ мѣстоименію „мы“, какъ люди, никогда не принимавшіе въ нихъ участія), тогда и конецъ дѣлу. Наши австрійцы дали себя знать. Молодцы пруссаки тоже дерутся великолѣпно; двое такихъ союзниковъ, конечно, непобѣдимы. Кончится тѣмъ, что Данія будетъ завое-

вана и присоединена къ германскому союзу. Славная война, обѣщающая намъ очень многое!

Я со своей стороны тоже ничего не желала такъ пламенно, какъ взятія дюппельскихъ высотъ—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—потому что это дѣло рѣшило бы участь войны и положило конецъ рѣзнѣ. Вѣроятно, такъ и случится, прежде чѣмъ полкъ Фридриха получитъ приказъ выступить въ походъ.

О, этотъ дамокловъ мечъ! Каждый день при пробужденіи я боялась услышать: „мы выступаемъ въ походъ“. Мужъ былъ готовъ на это. Не желая такой развязки, онъ тѣмъ не менѣе видѣлъ, что она приближается.

— Приучи себя къ мысли о разлукѣ, мое дитя, — говорилъ онъ мнѣ. — Безполезно возставать противъ неумолимой необходимости. Я не вѣрю, чтобы, даже въ случаѣ паденія Дюпеля, война пришла къ концу. Выставленная противъ непріятеля союзная армія слишкомъ мала, чтобы разбить датчанъ, и намъ придется послать значительное подкрѣпленіе, а тогда нашему полку не миновать похода.

Походъ продолжался уже два мѣсяца и все безъ толку. Хорошо, еслибъ кампанія могла рѣшаться одною битвой, какъ дуэль, такъ вѣдь нѣтъ: проиграютъ одно сраженіе, дадутъ другое; отдадутъ непріятелю одну позицію, сейчасъ укрѣпятся на другой, и такъ продолжается, пока не будетъ разбито на голову, почти уничтожено одно изъ войскъ, или обѣ воюющія стороны окажутся не въ силахъ вести борьбу...

Наконецъ, 14-го апрѣля дюппельскія высоты были взяты.

Вѣсть объ этомъ вызвала такое ликованье, какъ будто за стѣнами дюппельскихъ укрѣпленій находился обѣтованный рай. Отъ радости люди обнимались на улицахъ: „Слышали? Дюппель-то!.. О, наше храброе войско. Неслыханное героичество!.. Теперь надо благодарить Бога“. И по церквамъ шли благодарственные молебствія, а полковые капельмейстеры прилежно сочиняли марши и галопы подъ названіемъ: „Дюппельская твердыня“, „Штурпъ Дюпеля“ и т. д. Впрочемъ, товарищи Фридриха и ихъ жены не особенно радовались: имъ было досадно, что такой тріумфъ обошелся безъ нихъ. „Эдакая вѣдь неудача!“ повторялось на всѣ лады между этими людьми.

Мнѣ дюппельская побѣда доставила большую радость, по-

тому что вслѣдъ затѣмъ въ Лондонѣ собралась конференці для обсужденія условій мира и добилась перемирія. Ахъ, при одномъ этомъ словѣ: „перемиріе“ уже начинаешь дышать свободнѣе! А съ какимъ облегченіемъ вздохнула бы вселенная—впервые подумала я тогда—еслибъ со всѣхъ сторонъ послышалось: „Долой оружіе! долой навсегда!“ Я занесла эту замѣтку въ свой дневникъ, но тутъ же, охваченная уныніемъ, прибавила въ скобкахъ: „утопія“.

Что лондонскій конгрессъ положить конецъ плезвигъ-гольштинской войнѣ, въ томъ я нисколько не сомнѣвалась. Союзники побѣдили, дюпелльскія укрѣпленія были взяты—въ послѣднее время они играли такую важную роль, что ихъ взятіе казалось мнѣ послѣдней ступенью къ рѣшительному пораженію—какъ же послѣ этого будетъ Данія защищаться? Переговоры затянулись на очень долгое время; для меня такое промедленіе было бы сущей пыткой, еслибъ я не была съ самаго начала убѣждена, что они приведутъ къ счастливымъ результатамъ. Если представители могущественныхъ державъ и къ тому же люди благоразумные, благомыслящіе собираются вмѣстѣ ради достиженія такой цѣли, какъ заключеніе мира, неужели это можетъ имъ не удался? Тѣмъ ужаснѣе было мое разочарованіе, когда послѣ двухмѣсячныхъ дебатовъ пришло извѣстіе, что конгрессъ разстроился, не придя ни къ какому соглашенію.

А два дня спустя, въ полкъ Фридриха пришелъ приказъ: выступить въ походъ!

На сборы въ дорогу и прощанье ему было дано всего двадцать четыре часа. Между тѣмъ, и со дня на день ждала родовъ. Въ мучительный тяжелый часъ, когда женщина стоитъ на краю гроба и находитъ единственную отраду для себя въ присутствіи горячо любимаго мужа, мнѣ приходилось остаться одной, а главное: мучиться еще сознаниемъ, что дорогой человѣкъ ушелъ на войну, что ему также больно быть въ разлукѣ со мною въ такое время, какъ и мнѣ обходиться безъ него...

Это происходило поутру 20-го іюня. Всѣ подробности разставанья съ Фридрихомъ твердо запечатлѣлись въ моей памяти.

На дворѣ стояла душливая жара. Для защиты отъ нея,

въ моей спальнѣ были спущены шторы. Завернувшись въ легкой широкой пеньюарѣ, я лежала въ изнеможеніи на кушеткѣ. Ночью мнѣ почти не спалось и теперь мои отяжелѣвшія вѣки закрылись въ дремотѣ. Возлѣ меня на столикѣ стояла ваза съ букетомъ розъ, распространявшихъ сильный ароматъ въ душной атмосферѣ комнаты. Въ открытое окно доносились звуки сигнального рожка. Все это дѣйствовало усыпляющимъ образомъ, однако я не спала. Сознаніе не-вполнѣ покинуло меня, но тяжкія заботы, лежавшія камнемъ на душѣ, какъ-то забылись на время. Я не думала больше ни о войнѣ, ни о предстоящей мнѣ опасности; я сознавала только, что живу, что свѣжія розы подъ музыку горниста, наигрывавшаго сигналъ утренней зари, струили одуряющій сладкій ароматъ, что мой дорогой мужъ можетъ вернуться съ минуты на минуту и, когда увидить, что я сплю, то войдетъ въ комнату на цыпочкахъ, изъ опасенія меня потревожить. И въ самомъ дѣлѣ: вотъ пріотворилась дверь противъ моей кушетки. Не раскрывая глазъ, изъ подъ приподнятыхъ вѣкъ, я увидала вошедшаго Фридриха, но не сдѣлала ни малѣйшей попытки очнуться отъ своей дремоты, боясь, что видѣніе исчезнетъ; мнѣ казалось, что это былъ сонъ, и, пожалуй, я только видѣла во снѣ, будто бы приподняла слегка рѣсницы. Я даже зажмурилась и старалась вообразить, что вотъ Фридрихъ подходитъ ближе, наклоняется и цѣлуетъ меня въ лобъ.

Это такъ и было. Потомъ онъ опустился возлѣ меня на колѣни и остался въ этой позѣ. Розы по прежнему благоухали, а вдаль горнистъ продолжалъ монотонно наигрывать на рожкѣ.

— Марта, ты спишь!—услыхала я тихій голосъ мужа и открыла глаза.

— Ради бога, что случилось?—вырвался у меня въ ту же минуту крикъ испуга. Лицо стоявшаго возлѣ меня на колѣняхъ Фридриха было до того печально, что я тотчасъ сообразила все. Несчастье, очевидно, подкралось къ намъ. Вмѣсто отвѣта, онъ приникъ головой къ моей груди.

Да, это ясно: мужа потребовали на войну... Я охватила рукой его шею и мы оба долго молчали.

— Когда же?—спросила я наконецъ.

— Завтра утромъ...

— О, Боже мой, Боже!..

— Не пугайся, моя бѣдняжка! Собери все присутствіе духа.

— Нѣтъ, нѣтъ, дай мнѣ излить свое горе громкими жалобами... Я слишкомъ несчастна, да и ты тоже: это видно по твоему лицу. Ты страдаешь. Въ жизнь мою я не видала челоуѣка до такой степени убитаго горемъ.

— Да, моя ненаглядная, жена моя... я несчастливъ. Покинуть тебя да еще въ такое время.

— Фридрихъ, Фридрихъ, мы никогда больше не свидимся— я умру...

V.

Что перенесли мы оба въ эти двадцать четыре часа передъ разлукой, трудно выразить. Второй разъ въ жизни приходилось мнѣ отправлять въ походъ горячо любимаго мужа. Однако, это второе разставанье было несравненно больнѣе перваго. Тогда я смотрѣла на вещи совсѣмъ иными глазами, мои воззрѣнія были гораздо примитивнѣе, а про моего отважнаго юнаго Арно и говорить нечего: мнѣ его участіе въ походѣ представлялось роковой необходимостью, которой нѣтъ дѣла до моего личнаго горя; ему же эта война рисовалась въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, онъ рвался на театръ военныхъ дѣйствій, точно то была веселая экспедиція, обѣщавшая ему несомнѣнные лавры. Онъ шелъ въ походъ съ одушевленіемъ; я не роптала, провожая его. Во мнѣ еще оставался энтузіазмъ къ военной славѣ, привитый воспитаніемъ; я отчасти раздѣляла гордость мужа, которую внушала ему грандіозная затѣя смѣлыхъ завоеваній. Но теперь я знала, что Фридрихъ идетъ съ отвращеніемъ, а не съ радостью, на кровавую работу; я знала, что ему мила собственная жизнь, которую приходится поставить на карту, что ему дороже всего на свѣтѣ, не исключая и притязаній Аугустенбурга, его жена, тѣмъ болѣе, что она вдобавокъ не сегодня—завтра должна сдѣлаться матерью. Арно покидалъ меня, движимый пылкой отвагой, веселый и беззаботный, такъ что ему стоило позавидовать, тогда какъ при второмъ разставаніи оба мы

одинаково заслуживали жалости. Да, мы страдали одинаково и не таили этого другъ отъ друга. Ни малѣйшаго лицемѣрія, ни пустыхъ утѣшеній, ни громкихъ фразъ. Вѣдь мы составляли одно и не прибѣгали ко взаимному притворству. Лучшимъ утѣшеніемъ служило намъ то, что каждый изъ насъ понималъ, насколько безутѣшенъ другой. Разразившагося надъ нами несчастья мы ничуть не старались прикрыть условной маской патріотизма и геройства. Нѣтъ, перспектива стрѣлять по датчанамъ, колоть и рубить ихъ не могла примирить моего мужа съ необходимостью разстаться со мною; напротивъ, это лишь обостряло горе разлуки, потому что рѣзня и разгромъ претягъ каждому „благородному человѣку“. А для меня было также нисколько не утѣшительно, что Фридриха повѣсятъ въ чинѣ. Если же наша теперешняя разлука будетъ навѣкъ, если ему не суждено вернуться домой, то всѣ государственныя соображенія, вызвавшія эту войну, покажутся мнѣ не стоящими подобной жертвы, какими бы возвышенными и священными ни выставляли ихъ наши патріоты. „Защитникъ отечества“—почетное званіе, которымъ награждаютъ солдата! И въ самомъ дѣлѣ: что можетъ быть благороднѣе долга *защитать* своею грудью родную землю, своихъ соотечественниковъ? Но, опять таки, зачѣмъ присяга налагаетъ на военныхъ другія обязанности, кромѣ защиты отечества отъ непріятеля? Зачѣмъ они должны вторгаться въ чужія страны, когда роднѣе не грозитъ ни малѣйшая опасность, просто ради споровъ чуждыхъ государей за тронъ и могущество? Зачѣмъ приходится имъ рисковать жизнью, покидать свой семейный очагъ, какъ будто бы дѣло шло о защитѣ отечества — обстоятельство, обыкновенно приводимое въ оправданіе войны? Зачѣмъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ австрійское войско послали драться только для того, чтобъ посадить на микроскопическій тронъ какого-то Аугустенбурга? Почему? Зачѣмъ? Однако задавать подобные вопросы не только императору или папѣ, но даже самому себѣ равносильно государственной измѣнѣ, богохульству; по крайней мѣрѣ, свѣтская верховная власть сочтетъ это нарушеніемъ долга вѣрноподданнаго, а его святѣйшество — кощунствомъ безбожника, и никто изъ нихъ не найдетъ нужнымъ отвѣтить.

Въ девять часовъ утра, полку было назначено выступить

изъ Ольмюца. Мы не спали всю ночь, не желая терять ни минуты драгоценнаго времени, которое намъ оставалось провести вмѣстѣ. У насъ обоихъ лежало столько невысказаннаго на сердцѣ, а между тѣмъ слова не шли съ языка. Поцѣлуи и слезы оказывались краснорѣчивѣе ихъ; они ясно говорили: „я такъ люблю тебя, и мы должны разстаться!“ Но тутъ опять прорывалось замѣчаніе, звучавшее надеждой: „когда ты воротишься“... Вѣдь это было возможно... сколько другихъ возвращается съ войны къ своимъ. Но странно: повторяя: „когда ты воротишься“, я старалась представить себѣ восторгъ этой минуты и никакъ не могла. Напротивъ, Фридрихъ живо представлялся мнѣ трупомъ на полѣ сраженія, а саму себя я видѣла въ гробу съ мертвымъ ребенкомъ въ объятіяхъ. Моего мужа точно также мучили мрачныя предчувствія. Его слова: „когда я возвращусь“... звучали неискренно и чаще онъ принимался говорить о томъ, что будетъ, „если онъ останется“...

— Не выходи въ третій разъ замужъ, Марта! Зачѣмъ изглаживать новыми впечатлѣніями любви воспоминанія этого блаженнаго года!?. Не правда ли, вѣдь мы были счастливы?

Мы перебирали малѣйшія подробности нашего сближенія и нашей жизни вдвоемъ, съ момента первой встрѣчи до настоящаго часа.

— А мой малютка, мой бѣдный малютка, котораго мнѣ, вѣроятно, никогда не удастся прижать къ груди, какъ ты его назовешь?—спохватился вдругъ Фридрихъ.

— Фридрихомъ или Фридерикой.

— Нѣтъ, если родится дѣвочка, назови лучше Мартой. Пускай моя дочь носитъ имя, которое повторялъ ея отецъ, разставаясь съ жизнью.

— Зачѣмъ ты все говоришь о смерти? Когда ты воротишься...

— Да, если это когда нибудь случится!

Подъ утро мои заплаканные глаза сомкнулись отъ усталости. Легкая дремота одолѣвала насъ обоихъ. Крѣпко обнявшись, лежали мы рядомъ, не утрачивая однако сознанія, что часъ разлуки близокъ.

Вдругъ я вскочила съ громкимъ стономъ.

Фридрихъ быстро поднялся.

— Ради бога, Марта, что съ тобою? Неужели? Говори же! Но нѣтъ... не можетъ быть.

Я утвердительно кивнула головой.

Съ его губъ сорвался мучительный крикъ. Было ли то проклятіе, или молитва, трудно сказать. Онъ позвонилъ, что было силы, и поднялъ на ноги весь домъ.

— Скорѣе за докторомъ, за акушеркой! — приказаль Фридрихъ вбѣжавшей горничной. Потомъ онъ бросился на колѣни возлѣ постели и припаль губами къ моей безпомощно свѣсившейся рукѣ.

— Жена моя, безцѣнное сокровище!.. И теперь, въ такую минуту я долженъ уѣхать!

Я не могла говорить. Сильнѣйшая физическая боль, какую только можно себѣ представить, крутила и корчила мое тѣло, причемъ душевная пытка обострялась еще сильнѣе. „Онъ долженъ уѣхать какъ разъ теперь!“ И я хорошо понимала, чего это стоило ему.

Вскорѣ явились докторъ и акушерка, и тотчасъ принялись ухаживать за мною. Въ то же время Фридриху пришлось доканчивать свои сборы въ походъ. Покончивъ съ укладкой вещей, онъ вернулся въ спальню и, схвативъ врача за обѣ руки, заговорилъ умоляющимъ тономъ:

— Докторъ, докторъ, общайте мнѣ спасти ее! А потомъ прошу васъ, телеграфируйте мнѣ туда-то и туда-то. — Онъ назвалъ станціи, которыя имъ приходилось проѣзжать. — Вѣдь вы общаете, не такъ ли?... А еслибъ положеніе больной сдѣлалось опаснымъ... Но, впрочемъ, что жъ изъ этого? — съ отчаяніемъ прервалъ себя Фридрихъ. — Даже въ случаѣ крайней опасности я все таки не могу вернуться.

— Да, вамъ должно быть тяжело, баронъ, — отвѣчалъ докторъ. — Но успокойтесь — пациентка молода и сильна... Сегодня къ вечеру, надѣюсь, все кончится благополучно и вы получите успокоительныя депеши.

— Вы, конечно, будете посылать мнѣ благопріятныя извѣстія, такъ какъ я, не смотря ни на что, долженъ продолжать свой путь... — съ горечью возразилъ мой мужъ. — Но я *хочу* знать всю правду! Слышите, докторъ, я требую, чтобы, вы дали честное слово, нерушимую клятву чести сообщить мнѣ *всю* истину безъ смягченій. Только на этомъ условіи успокои-

тельныя извѣстія могутъ дѣйствительно успокоить меня, иначе я ничему не повѣрю. Итакъ поклянитесь мнѣ!

Врачъ охотно далъ требуемое обѣщаніе.

„О, мой бѣдный, бѣдный мужъ!“ — Эта мысль вонзилась мнѣ въ сердце, какъ острый ножъ. — „Пожалуй, ты сегодня же узнаешь, что твоя Марта умираетъ, но тебѣ нельзя будетъ вернуться закрыть ей глаза... Тебя ждетъ болѣе важное дѣло—поддержаніе правъ Аугустенбурга, котораго нужно посадить на герцогскій тронъ“. — Фридрихъ! — произнесла я вслухъ.

Онъ бросился ко мнѣ.

Тутъ какъ разъ пробили часы. Намъ оставалось еще нѣсколько свободныхъ минутъ передъ разлукой, но и тѣ были отняты у насъ: со мной опять сдѣлался приступъ невыносимыхъ болей, такъ что вмѣсто словъ прощанья я могла только охать.

— Уходите, баронъ,—вмѣшался докторъ.— Лучше скорѣе прервать тяжелую сцену. Всякое волненіе опасно для больной.

Фридрихъ наскоро поцѣловалъ меня и опрометью выбѣжалъ изъ спальни. Мои громкіе стоны и послѣднее слово доктора: „опасно“ напутствовали его.

Каково было ему выступать въ походъ! Чтò таилъ онъ на душѣ въ эти горькія минуты? А, между тѣмъ, на другой день въ мѣстной газетѣ появилась такая замѣтка о выступленіи драгуновъ изъ Ольмюца:

„Вчера —скій драгунскій полкъ, при громѣ музыки и съ развернутыми знаменами, выступилъ изъ нашего города, чтобы завоевать себѣ свѣжіе лавры въ опоясанной моремъ братской странѣ. Въ рядахъ войска было замѣтно радостное воодушевленіе; лица военныхъ пылали отвагой, глаза блестяи нетерпѣніемъ скорѣе отличиться, потѣшить молодецкую удалъ и т. п....“

VI.

Передъ своимъ отъѣздомъ, мой мужъ успѣлъ еще телеграфировать теткѣ о томъ, что я нуждаюсь въ ея уходѣ, и, нѣсколько часовъ спустя, она пріѣхала къ намъ. Добрая ста-

рушка нашла меня безъ сознанія и въ большой опасности. Много недѣль провела я между жизнью и смертью.

Ребенокъ мой умеръ въ тотъ же день, какъ родился. Душевное потрясеніе не прошло мнѣ даромъ. Мой организмъ ослабѣлъ какъ разъ въ такое время, когда ему было нужно собрать всѣ силы для того, чтобъ преодолѣть жестокія физическія страданія и вынести страшное напряженіе. Однимъ словомъ, еще немного—и меня бы не стало.

Докторъ, согласно данному имъ клятвенному обѣщанію, былъ принужденъ сообщить моему несчастному мужу о смерти новорожденнаго и крайне опасномъ состояніи родильницы. Что же касается извѣстій, получаемыхъ отъ него съ дороги, то мнѣ ихъ не передавали; я никого не узнавала и бредила день и ночь. Станный былъ это бредъ. У меня сохранилось о немъ слабое воспоминаніе, но передать его словами невозможно. Въ ненормальномъ хаосѣ мыслей, осаждающихъ воспаленный мозгъ, создаются такія понятія и представленія, которыми нѣтъ имени на языкѣ, приспособленномъ къ правильному мышленію. Мнѣ помнится только одно: что свои болѣзненные фантазіи я пыталась занести въ красныя тетрадки, что оба роковыхъ событія—войну и свои роды—я перепутывала между собою. Мнѣ мерещилось, будто бы пушки и холодное оружіе—я особенно ясно чувствовала удары штыковъ—служили орудіемъ моего разрѣшенія, а я сама лежала на землѣ и меня старались отбить одна у другой двѣ враждующія арміи... Что мой мужъ отправился въ походъ, это я отлично помнила, но онъ представлялся мнѣ въ видѣ мертваго Арно, тогда какъ Фридрихъ стоялъ у моей постели, переодѣтый сидѣлкой, и гладилъ рукою серебрянаго аиста. Каждую минуту я ожидала, что вотъ-вотъ къ намъ прилетитъ граната, лопнетъ и разорветъ насъ всѣхъ въ куски: меня, Арно и Фридриха, чтобы мой ребенокъ могъ родиться на свѣтъ и царствовать надъ „Данвигомъ“, „Шлезштейномъ“ и „Гольмаркомъ“... И это причиняло мнѣ нестерпимую боль, и главное: было совершенно не нужно... Между тѣмъ, гдѣ нибудь да находился же такой человѣкъ, который могъ все это передѣлать и прекратить. Невыносимая тяжесть, давившая мнѣ грудь и угнетавшая все человѣчество, должна была скатиться прочь по одному его слову. И я изнывала отъ желанія бро-

ситься къ ногамъ этого неизвѣстнаго и молить его: „Помоги намъ. сжался, помоги ради справедливости! Долой оружіе, долой!“

Съ этимъ возгласомъ я вернулась въ одно утро къ сознанию. Отецъ и тетка стояли въ ногахъ моей кровати и первый посѣвшиль сказать успокоительнымъ тономъ:

— Да, да, дитя мое, успокойся,—оружіе положено...

Возвращеніе къ самочувствію послѣ долгаго безпамятства— удивительная вещь сама по себѣ. Прежде всего испытываешь радостное изумленіе, сознавая себя живымъ, а вслѣдъ за тѣмъ является тревожный вопросъ самому себѣ: „кто же я такой?..."

Память тотчасъ подсказала мнѣ отвѣтъ, и въ ту же минуту радость бытія смѣнилась для меня душевной мукой. Я была больная Марта Тиллингъ, мой новорожденный умеръ, а мужа услали на войну... Но давно ли это произошло?... Тутъ я стала втупикъ.

— Живъ ли онъ? Есть ли письма, депеши? — были мои первые слова.

За время моей болѣзни накопилась цѣлая пачка писемъ и телеграмъ, полученныхъ отъ Фридриха. Большею частью они были наполнены вопросами о моемъ положеніи и просьбами посылать ему извѣстія ежедневно, по возможности, ежедневно. Это, конечно, было мыслимо только въ тѣхъ случаяхъ, когда мой мужъ со своимъ полкомъ останавливался въ мѣстностяхъ, имѣвшихъ телеграфное сообщеніе.

Мнѣ не позволили тотчасъ просмотрѣть его писемъ, опасаясь, чтобы это чтеніе не взволновало меня. Едва опомнившись отъ бреда, я прежде всего нуждалась въ спокойствіи. Одно только могли сообщить мнѣ: Фридрихъ до сихъ поръ оставался невредимъ. Онъ участвовалъ уже во многихъ удачныхъ сраженіяхъ и война должна была скоро кончиться; непріятель держался уже только на одномъ Альзенѣ, а когда тотъ будетъ взятъ, наши войска вернутся домой, покрытыя славой.

Такъ говорилъ отецъ, стараясь меня утѣшить. А тетя Мари передавала мнѣ исторію моей болѣзни. Цѣлыя недѣли прошли съ того дня, когда она пріѣхала въ Ольмюцъ; въ тотъ же день Фридрихъ выступилъ въ походъ, а мой ре-

бенокъ роделся и умеръ... Это я еще немного помнила, но что было послѣ: прїѣздъ отца, извѣстія отъ Фридриха и самый ходъ моей болѣзни... тутъ ужъ память отказывалась мнѣ служить. Только теперь я узнала, что едва не умерла. Доктора уже отказались отъ меня и папа былъ вызванъ проститься со мною передъ смертью. Фридриху добросовѣстно сообщали всѣ эти дурныя вѣсти обо мнѣ, но также и хорошія. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ врачи подають надежду, и, вѣроятно, телеграммы о томъ находятся въ настоящее время въ рукахъ Тиллинга.

— Да, если самъ онъ еще живъ,—замѣтила я съ тяжелымъ вздохомъ.

— Не грѣши, Марта,—уговаривала меня тетя.—Милосердый Богъ и его святые угодники спасли тебя по нашимъ молитвамъ ужъ, конечно, не для того, чтобъ послать тебѣ такой страшный ударъ. Вотъ увидишь: мужъ твой останется живъ. Недаромъ я молилась за него съ такимъ же усердіемъ, какъ и за тебя; ужъ ты можешь мнѣ повѣрить. А потому я послала ему освященную ладонку... Да нечего пожимать плечами! Ты вотъ не вѣришь въ это, но все таки вреда отъ такихъ вещей нѣтъ никакого, а сколько было примѣровъ, что онѣ помогали... Ты сама служишь мнѣ доказательствомъ, какъ много значить заступничество святыхъ. Когда тебѣ было особенно плохо, такъ что почти наступалъ твой конецъ—вотъ ей-богу—тутъ я обратилась съ молитвой къ твоей покровительницѣ, преподобной Мартѣ...

— А я,—перебилъ мой отецъ, строго державшійся клерикализма въ политикѣ, но въ практической жизни не сочувствовавшій набожности сестры,—выписалъ изъ Вѣны доктора Брауна и спасъ тебя.

На другой день, по моей неотступной просьбѣ мнѣ было позволено перечитать всѣ письма и депеши Фридриха. Ббльшею частью, то были вопросы вкратцѣ и такія же лаконическія сообщенія. „Вчера сраженіе—живъ и здоровъ“. „Двигаемся сегодня дальше. Депеши адресовать туда-то...“ Но оказалось тутъ и одно пространное письмо; на оберткѣ стояла замѣтка: „передать Мартѣ, только когда она будетъ внѣ всякой опасности“. Я стала читать его прежде всѣхъ остальныхъ.

„Жизнь моя! Суждено ли тебѣ когда нибудь увидѣть эти

строки? Въ послѣдней телеграммѣ отъ твоего врача говорилось: „У пациентки сильнѣйшая горячка. Состояніе сомнительное“. „Сомнительное!“ Докторъ прибѣгнулъ къ этому выраженію, можетъ быть, изъ жалости ко мнѣ, избѣгая написать прямо: „безнадежно“... Когда же это письмо будетъ вручено тебѣ, то знай, что ты внѣ опасности. Въ послѣдствіи я надѣюсь рассказать тебѣ, что я переживалъ наканунѣ одного сраженія; мнѣ вдругъ представилась моя обожаемая жена—умирающей... Ты какъ будто протягивала ко мнѣ руки, звала меня... Вѣдь мы даже и не простились хорошенько... И нашъ ребенокъ, которому я такъ радовался, умеръ!.. А что-то будетъ завтра со мной самимъ? Не сразитъ ли меня вражья пуля? Еслибъ я зналъ навѣрное, что тебя нѣтъ больше въ живыхъ, то смертоносный кусочекъ свинцу былъ бы самымъ подходящимъ для меня подаркомъ; если же ты спасена, то нѣтъ: я не хочу пока еще и думать о смерти. „Радостная встрѣча смерти“, которую постоянно превозносятъ въ назиданіе намъ полевые проповѣдники, совершенно противоестественная вещь. Счастливыи челоуѣкъ не можетъ ей радоваться... а если ты жива и мнѣ суждено вернуться домой, меня ждетъ впереди необъятное счастье. Вотъ радоваться жизни — другое дѣло и какъ мы будемъ наслаждаться ею вдвоемъ! передъ нами еще долгое будущее, если судьба не устроитъ иначе.

„Сегодня мы въ первый разъ столкнулись съ непріятелемъ. До сихъ поръ намъ путь лежалъ по завоеванной полосѣ земли, уже очищенной датчанами. Дымящіяся развалины деревень, вытоптанная хлѣбная поля, разбросанное по землѣ оружіе и солдатскіе ранцы, взрытая гранатами почва, лужи крови, трупы лошадей, общія могилы — вотъ какіе ландшафты съ ихъ зловѣщей обстановкой развертывались передъ нашими глазами, когда мы шли вслѣдъ за побѣдителями, чтобы, — если придется, — одержать рядъ новыхъ побѣдъ, т. е. спалить новыя деревни, и такъ далѣе... Сегодня мы такъ и поступили. Позиція осталась за нами. Позади насъ пылаетъ деревня. Жители, къ счастью, покинули ее заблаговременно. Но въ одной конюшнѣ забыли лошадь; я слышалъ, какъ она съ отчаянія стучитъ копытами и ржетъ изо всей силы... Знаешь, что я сдѣлалъ? Конечно, мнѣ за это не дали ордена, такъ какъ

вмѣсто того, чтобъ пришибить двоихъ-троихъ датчанъ, я скакалъ по направленію къ конюшнѣ съ цѣлью освободить несчастное животное. Но это оказалось невозможнымъ; ясли, солома подъ его копытами и самая грива лошади были уже охвачены пламенемъ... Тутъ я послалъ ей въ голову двѣ пули изъ револьвера; она тяжело рухнула наземъ и не шевельнулась болѣе: по крайней мѣрѣ, ей не пришлось сторгѣть живою. А черезъ минуту я ужь опять въ разгарѣ битвы, въ пороховомъ дыму, въ дикомъ хаосѣ звуковъ: со всѣхъ сторонъ трескотня выстрѣловъ, грохотъ обрушивающихся обгорѣлыхъ балокъ, бѣшеные крики остервенѣлыхъ людей. Большинство сражающихся, свои и непріатели, не помнили себя въ чаду сраженія, но у меня голова была совершенно свѣжа. Я никакъ не могъ вызвать въ себѣ чувства ненависти къ датчанамъ. Вѣдь если эти храбрецы напали на насъ, то ихъ побуждалъ къ тому гражданскій долгъ... Мои мысли были возлѣ тебя, Марта... Ты представлялась мнѣ покойницей на парадной постели и я могъ только желать, чтобъ меня поразила вражеская пуля. Но тутъ опять свѣтлымъ лучемъ мелькала надежда и сердце изнывало въ сладкой тоскѣ: „А что, какъ вдругъ она жива? А что, если мнѣ суждено вернуться домой?“...

„Сраженіе длилось болѣе двухъ часовъ и побѣда, какъ я уже сказалъ, осталась за нами. Разбитый непріатель обратился въ бѣгство. Мы не преслѣдовали его. Намъ и безъ того предстояло довольно работы. Въ небольшомъ разстояніи отъ деревни виднѣлась большая мыза, уцѣлѣвшая отъ пожара. Тамъ мы нашли просторное помѣщеніе для себя и нашихъ лошадей. Хозяевъ, конечно, не было, и мы безпрепятственно расположились тутъ на ночлегъ. Раненые уже перенесены туда же. Погребеніе убитыхъ отложено до завтрашняго утра. При этомъ, конечно, не обойдется безъ того, чтобы вмѣстѣ съ покойниками не похоронили и нѣсколькихъ мнимо-умершихъ, такъ какъ летаргія вслѣдствіе ранъ—дѣло самое обыкновенное. А нѣкоторые останутся и вовсе неразысканными; намъ надо спѣшить впередъ. Кто знаетъ, убиты ли пропавшіе безъ вѣсти товарищи, ранены ли они, или не ранены, а лежатъ гдѣ нибудь и не могутъ двинуться отъ изнуренія. Многіе остались та же подъ развалинами рухнувшихъ

во время пожара строений. Кого изъ нихъ пришибло до смерти, тѣ пускай потихоньку гниють; кого только поранило, тѣ пускай исходятъ кровью, а кто остался невредимъ, тотъ пусть умираетъ медленной голодной смертью. Намъ не до нихъ. Мы пойдемъ дальше и станемъ кричать „ура!“ Эдакая вѣдь у насъ славная, молодецкая, веселая кампанія.

„Слѣдующее столкновение съ врагомъ, вѣроятно, произойдетъ на открытомъ полѣ. Судя по всему, съ обѣихъ сторонъ будутъ выставлены значительныя военныя силы. Число убитыхъ и раненыхъ можетъ легко дойти до десяти тысячъ. Вѣдь когда начнутъ свою работу пушки, ряды за рядами такъ и выбываютъ изъ строя, точно ихъ сметаетъ ураганомъ. Что за дивное это приспособленіе! Но еще будетъ лучше, когда артиллерійская техника дойдетъ до такой степени совершенства, что явится возможность однимъ снарядомъ уничтожить всю непріятельскую армію дотла. Тогда, пожалуй, и войны сдѣлаются лишними, потому что при равновѣсіи силъ обѣихъ враждующихъ сторонъ рѣшеніе политическихъ споровъ нельзя будетъ предоставлять, какъ теперь, военной силѣ, тогда какъ въ наше время, кто одолѣлъ, тотъ и правъ.

„Почему я пишу тебѣ все это? Почему, какъ прилично воину, я не пою восторженныхъ похвалъ военному ремеслу? Потому что и томлюсь жаждой правды и ея безпощаднаго примѣненія къ практической жизни, потому что ненавижу лживую фразу, а въ данную минуту, когда смерть смотритъ мнѣ въ глаза да и ты, пожалуй, умираешь вдали отъ меня, мною овладѣваетъ неудержимое желаніе высказать все, что накипѣло на сердцѣ. Пускай тысячи другихъ думаютъ иначе или считаютъ долгомъ не высказываться откровенно; я хочу и долженъ сказать еще разъ, прежде чѣмъ паду жертвой войны, что война мнѣ ненавистна. Еслибъ каждый, сочувствующій мнѣ, имѣлъ достаточно мужества, чтобы громко заявить свое мнѣніе, какой протестъ раздался бы со всѣхъ сторонъ! Цѣлыя громы потрясли бы вселенную и заглушили не только теперешнее „ура!“ военныхъ легионовъ, но и грохотъ орудій. Все это потонуло бы въ боевомъ кличѣ человечества, жадно стремящагося къ „человѣчности“,—въ побѣдоносномъ возгласѣ: „война войнѣ!“

„Половина четвертаго по полуночи.

„Первая часть письма написана мною вчера ночью. Послѣ того я примостился на мѣшкѣ съ соломой и проспалъ часа два. Черезъ полчаса мы выступаемъ, и я еще успѣю передать мое посланіе полевой почтѣ. Всѣ уже на ногахъ и готовятся въ походъ. Бѣдные солдаты, какъ мало имъ пришлось отдохнуть послѣ вчерашней битвы; какъ плохо подкрѣпились они для предстоящей сегодня кровавой работы!.. Проснувшись поутру, я еще обошелъ нашъ импровизированный лазаретъ, остающійся здѣсь. Тутъ въ числѣ раненыхъ и умирающихъ мнѣ бросилось въ глаза двое несчастныхъ. Право, я охотно оказалъ бы имъ ту же услугу, какъ вчера горѣвшей лошади: пристрѣлилъ бы ихъ изъ состраданія. Подумай только: у одного отстрѣлена вся нижняя челюсть, а другой... но довольно!.. Я не могу тутъ ничѣмъ помочь и никто не можетъ; одна только смерть избавить ихъ отъ нечеловѣческихъ страданій. Къ несчастью, она иногда медлитъ приходить къ тѣмъ, которые ее зовутъ. У нея слишкомъ много дѣла: она спѣшитъ косить другихъ, кто надѣется на выздоровленіе и молить ее: „Пощади меня!“

„Моя лошадь осѣдлана. Остается только запечатать эти строки. Прощай, Марта... если ты жива!“

Къ счастью, въ пакѣ писемъ находились позднѣйшія извѣстія... Послѣ большаго сраженія, къ которому Фридрихъ готовился вслѣдъ за первой стычкой съ непріателемъ, онъ написалъ мнѣ коротенькую записку:

„Мы побѣдили. Я невредимъ. Вотъ ужъ цѣлыхъ двѣ хорошихъ вѣсточки: первая для твоего отца, вторая для тебя. Но я не могу умолчать, что безчисленному множеству другихъ этотъ день принесъ безчисленное множество бѣдствій“.

VI.

Въ другомъ письмѣ мой мужъ описывалъ свою встрѣчу съ вояроднымъ братомъ, Готфридомъ фонъ-Тессовъ.

„Представь себѣ, какая неожиданность,—писалъ онъ:—

какъ бы ты думала, кого увидалъ я недавно во главѣ кавалерійскаго отряда, проѣзжавшаго мимо нашего полка? Сына тети Корнеліи. Могу себѣ представить, до чего беспокоится теперь она... Однако самъ юноша доволенъ и счастливъ. Я замѣтилъ это по его гордой, сіяющей минѣ, и Готфридь подтвердилъ мои предположенія. Въ тотъ же вечеръ мы расположились вмѣстѣ лагеремъ. Я пригласилъ его въ свою палатку.—Ахъ, какъ это великолѣпно,—воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ,—что намъ довелось сражаться за одно и то же дѣло, кузень, и рядомъ другъ съ другомъ! Не правда ли, какой я счастливецъ? Не успѣли меня произвести въ поручики, какъ ужъ объявили войну. Непремѣнно постараюсь заслужить крестъ.—Ну, а какъ разсталась съ тобой тетя, какъ проводила тебя?—Извѣстно, какъ всѣ матери провожаютъ сыновей въ походъ: со слезами,—впрочемъ, она старалась ихъ скрывать, чтобы не отравить моей радости,—съ пожеланіями побѣды, съ печалью и гордостью.—Ну, а какъ ты самъ чувствовалъ себя, въ первый разъ попавши въ огонь?—О, это такое наслажденіе, такой восторгъ!—Тебѣ не нужно лгать передо мною, милый мальчикъ. Тебя спрашиваетъ не штабъ-офицеръ, требующій отчета въ твоихъ чувствахъ, обязательныхъ для каждаго военнаго по долгу присяги, а человекъ и другъ. — Я могу только повторить: это восхитительно, великолѣпно! Правда, что и страшно вмѣстѣ съ тѣмъ, но все же испытываешь такое чувство, какъ будто тебя уноситъ куда-то высоко отъ земли! А сознаніе, что исполняешь высокій долгъ мужчины, съ божіею помощью идешь на врага за императора и отечество! Потомъ эта мысль, что смерть, которой всѣ такъ избѣгаютъ и боятся, свирѣпствуетъ вокругъ тебя со всѣхъ сторонъ, что она близка и къ тебѣ? Тутъ невольно тебя охватываетъ какое-то особое, ни съ чѣмъ несравнимое, эпическое настроеніе... Мнѣ казалось, будто бы муза исторіи витаетъ надъ нами, посылая побѣдоносную силу нашему оружію. Въ моей душѣ пылалъ благородный гнѣвъъ противъ дерзкаго супостата, осмѣлившася попрасть священное право нѣмецкихъ земель, и я былъ радъ возможности удовлетворить свою ненависть... Эта *позволительность* убійства, нѣтъ, *обязанность* убивать, не дѣлаясь убійцей и безстрашно рискуя собственной жизнью, уже сама по себѣ—нѣчто таинственное, необъяснимое...

„Юноша еще долго фантазировалъ на эту тему; я не прерывалъ его. Вѣдь и меня обуревали тѣ же восторженныя чувства при первомъ сраженіи. „Эпическое“ настроеніе... да, онъ выразился очень метко. Героическія стихотворенія и героическая исторія, съ помощью которыхъ изъ насъ стараются выработать въ школѣ настоящихъ воиновъ, вибрируютъ у насъ въ мозгу, какъ отзвукъ грохота пушекъ; насъ возбуждаютъ и блескъ холоднаго оружія, и военные клики сражающихся. Кромѣ того, исключительность обстановки, „внѣзаконность“, въ которой вдругъ очутится человѣкъ, создаютъ иллюзію, будто бы тебя перенесли въ иной міръ... точно ты оставилъ за собою обыденное земное существованіе съ его мирнымъ теченіемъ, мѣщанскимъ спокойствіемъ, и бросился въ титаническую свалку духовъ преисподней... Но у меня этотъ угаръ скоро прошелъ и я только съ большимъ усиліемъ могу представить себѣ свои прежнія ощущенія, которыя описывалъ мнѣ и молодой Тессовъ. Мнѣ слишкомъ рано сдѣлалось понятнымъ, что, увлекаясь битвой, человѣкъ не возвышается надъ своей человѣческой природой, а, напротивъ, становится ниже ея что въ разгарѣ этой бойни его осѣняетъ не какое нибудь мистическое откровеніе изъ царства Люцифера, а въ немъ шевелятся подавленные культурой инстинкты жестокости, просыпается звѣрь. Только тотъ, кто можетъ опьянѣть отъ кровопролитія до дикаго наслажденія убійствомъ, кто способенъ—чему я былъ очевидцемъ—со всего размаха раскрыть черепъ безоружному врагу, кто спустился до степени палача, нѣтъ, еще ниже—кто уподобился кровожадному тигру, только тотъ можетъ испытывать моменты „сладогастія битвы“. Но со мной этого никогда не бывало, звѣрь мнѣ, жена моя—никогда.

„Готфридъ въ восторгѣ, что мы, австрійцы, воюемъ вмѣстѣ съ прусаками за одно и то же „правое дѣло“. (Что онъ въ этомъ смыслить? Вѣдь и всякій поводъ къ войнѣ выставляется въ приказѣ по арміи обязательно „правымъ дѣломъ“.)—Да, всѣ мы, нѣмцы, составляемъ единую братскую націю.—Какъ же, это подтвердилось еще въ тридцатилѣтнюю, а потомъ и въ семилѣтнюю войну, — процѣдилъ я сквозь зубы. Готфридъ не дослышалъ и продолжалъ:—заступаясь другъ за друга, мы побѣдимъ сообща cadaго врага.—Ну, а что, какъ не сегодня-завтра, милый юноша, прусаки затѣютъ войну

съ австрійцами и намъ обоимъ придется стать другъ противъ друга, какъ непріятелямъ? — Немыслимо! Послѣ того какъ мы вмѣстѣ проливали кровь за одно и то же дѣло, никогда больше не можетъ случиться, чтобы...—Никогда больше? Не совѣтую тебѣ прибѣгать къ выраженіямъ: „никогда“ и „вѣчно“ въ политическихъ вопросахъ. Что эфемериды въ животномъ царствѣ, то вражда и дружба въ сферѣ историческихъ явленій. Пожалуй, подобныя вещи не могутъ заинтересовать тебя въ данную минуту, моя больная бѣдняжка, но видишь ли: я задался мыслью, что буду убить, и не хочу уносить съ собой въ могилу моихъ невысказанныхъ чувствъ. Мое письмо можетъ попасться на глаза и другимъ, кромѣ тебя, и можетъ быть прочитано ими. Пускай же не останется безвѣстнымъ и не сгинетъ то, что шевелится въ душѣ свободно мыслящаго, гуманнаго солдата. „Вотъ на что я посягнулъ“, было девизомъ Ульриха фонъ - Гуттена. „Вотъ что я осмѣлился высказать“, скажу я, чтобы со спокойной совѣстью сойти съ жизненной арены“.

Послѣднее письмо отъ Фридриха было послано пять дней тому назадъ, и получено у насъ за два дня. Но мало ли что можетъ случиться въ пять дней въ военное время? Страхъ и тревога охватили меня. Отчего ни вчера, ни сегодня не было никакихъ извѣстій? О, какое страстное желаніе получить письмо, а, еще лучше, телеграмму, испытывала я! Мнѣ кажется, ни одинъ больной горячкой не томился такъ жгучей жаждой, какъ томилась я жестокой неизвѣстностью о Фридрихѣ. Моя жизнь была спасена. Какъ онъ будетъ счастливъ, найдя меня въ живыхъ, если только... Ахъ, это вѣчное „если“, убивающее въ зародышѣ каждую отрадную надежду!

Мой отецъ собирался уѣхать. Теперь онъ могъ спокойно оставить меня—опасность миновала да и его призывали въ Грумицъ неотложныя хозяйственныя дѣла. Мнѣ предстояло, какъ только я немного соберусь съ силами, отправиться къ нему туда со своимъ малюткой Рудольфомъ. Свѣжій деревенскій воздухъ окончателно поправитъ меня, да и мальчику онъ будетъ полезенъ. Тетя Мари оставалась при мнѣ, чтобы ухаживать за мною, а потомъ отвезти меня въ отцовское имѣнье, куда уже уѣхали Роза и Лили. Я не мѣшала старикамъ толковать объ этомъ и распорядиться мною, но въ

душѣ рѣшила отправиться въ Шлезвигъ-Гольштинію, какъ только буду въ состояніи вставать съ постели. Гдѣ въ данное время находился полкъ Фридриха, мы рѣшительно не знали. Такимъ образомъ, не было никакой возможности послать ему депешу, а мнѣ такъ хотѣлось телеграфировать мужу каждый часъ, спрашивая: „живъ ли ты?“

— Тебѣ не слѣдуетъ такъ волноваться,—поучалъ меня на прощанье отецъ,—иначе у тебя опять откроется горячка. Два дня безъ извѣстій: эдакая важность. Ровно никакого повода къ безпокойству. На походѣ не вездѣ встрѣчаются почтовые ящики да телеграфныя станціи, не говоря ужь о томъ, что передвиженія съ мѣста на мѣсто и битвы до того утомляютъ человѣка, что тутъ не до писемъ: радъ-радъ только отдохнуть. Полевая почта тоже не всегда акуратна; порой случается по двѣ недѣли не получать извѣстій изъ дому и не имѣть возможности послать ихъ самому. Въ мое время, я еще рѣже писалъ домой и никто не думалъ тревожиться.

— А ты почему знаешь, папа? Я, напротивъ, убѣждена, что твои близкіе также боялись за тебя, какъ я за Фридриха; не правда ли, тетя?

— Мы больше надѣялись на Бога, чѣмъ ты, — отвѣчала тетка.—Мы знали, что если благому провидѣнію будетъ угодно, твой папа вернется къ намъ невредимымъ, а потому не безпокоились, если долго не получали отъ него извѣстій.

— А еслибъ я не вернулся—чортъ побери!—то вы настолько любили свое отечество, чтобы понимать, какъ ничтожна жизнь отдѣльнаго солдата въ сравненіи съ важностью дѣла, за которое она ее потерялъ. А вотъ у тебя, дочь моя, далеко нѣтъ такихъ патріотическихъ чувствъ. Впрочемъ, я не хочу теперь съ тобой ссориться... Важнѣе всего, чтобъ ты поправилась и сберегла себя для своего Руди, котораго тебѣ слѣдуетъ воспитать хорошимъ человѣкомъ и защитникомъ отечества.

VII.

Однако я выздоровѣла не такъ скоро, какъ можно было ожидать. Отсутствие всякихъ извѣстій о мужѣ причиняло мнѣ невыносимое безпокойство, которое поддерживало у меня

постоянную лихорадку. По ночамъ я бредила разными ужа-сами, а день проводила въ мучительной тревогѣ, поджидая писемъ, или впадала въ апатію. При такихъ условіяхъ было трудно поправиться.

Послѣ одной тревожной ночи, когда меня преслѣдоваль особенно тяжелый кошмаръ—я видѣла Фридриха заживо погребеннымъ подъ грудю людскихъ и конскихъ труповъ, — у меня обнаружился рецидивъ горячки, и я опять была на волосъ отъ смерти. Моей доброй старушкѣ, тетѣ Мари, приходилось со мною плохо. Она считала своей обязанностью утѣшать и уговаривать меня, вѣчно ссылаясь на „предопредѣленіе“. Но ея наивные доводы имѣли свойство бѣсить меня. Вмѣсто того чтобы пропускать мимо ушей ея увѣщанія, я сердилась, спорила, наконецъ раздражалась жалобами на судьбу и въ пылу досады говорила, что излюбленная ею фаталистическая теорія насчетъ „предопредѣленія“ кажется мнѣ просто идиотствомъ. Конечно, такія рѣчи отзывались непозволительнымъ вольнодумствомъ, почти богохульствомъ, и моя добрѣйшая тетья не только чувствовала себя лично оскорбленной, но главное: дрожала за мою грѣшную душу, которой, можетъ быть, не сегодня-завтра придется предстать передъ престоломъ всевышняго судіи.

Существовало только одно средство успокоить меня ненадолго—это привести ко мнѣ въ комнату моего мальчика. „О, мое дорогое дитя, ты мое утѣшеніе, моя опора, мое будущее“!.. мысленно обращалась я къ нему, увидавъ малютку. Но бѣдняжкѣ Рудольфу не нравилось въ скучной, полутемной комнатѣ больной. Вѣроятно, ребенку было дико видѣть свою, прежде такую веселую, маму постоянно въ постели, заплаканной и блѣдной... Онъ самъ дѣлался неестественно тихъ и невеселъ, возлѣ меня, такъ что я спѣшила отослать его изъ спальни.

Отъ моего отца часто получались письма, въ которыхъ онъ спрашивалъ обо мнѣ и сообщалъ разныя извѣстія. Такъ, онъ писалъ къ начальству Фридриха и многимъ другимъ лицамъ, но пока „не получилъ никакого отвѣта“. Когда появлялся списокъ убитыхъ, онъ телеграфировалъ мнѣ:

„Фридриха нѣтъ между ними“.

— Ужь не обманываете ли вы меня?—спросила я однажды

тетю Мари.—Пожалуй, вамъ давно извѣстно, что моего мужа нѣтъ больше въ живыхъ, но вы скрываете истину?

— Клянусь же тебѣ...

— Клянешься своей вѣрой?.. Своей душою?

— Клянусь моей душою.

Такое увѣреніе принесло мнѣ невыразимую отраду, потому что я только и жила надеждой, цѣплялась за нее изо всѣхъ силъ... Каждый часъ ждала я письма или депеши. Мои глаза почти не отрывались отъ двери. Мнѣ все казалось, что вотъ сейчасъ въ комнату войдетъ кто нибудь съ ожидаемой радостной вѣстью. Когда я оглядываюсь назадъ на эти дни, они представляются мнѣ цѣлымъ годомъ безконечнаго мученья. Писемъ отъ Фридриха все еще не было, но передо мной опять блеснулъ свѣтлый лучъ во мракѣ, когда я узнала о новомъ перемиріи; теперь ужь, конечно, дѣло клонилось къ миру. Въ тотъ день, когда было получено это извѣстіе, я въ первый разъ ненадолго встала съ постели. Миръ! Сколько желанной отрады въ одномъ этомъ словѣ!.. Но, пожалуй, для меня слишкомъ поздно?.. Все равно: я чувствовала, какъ мнѣ въ душу вливается спокойствіе: по крайней мѣрѣ, я не стану теперь ежедневно, ежечасно представлять себѣ Фридриха среди кровопролитнаго сраженія, которое, пожалуй, происходитъ какъ разъ въ данный моментъ...

— Слава богу, теперь ты скоро поправишься,—сказала однажды тетя, усаживая меня на кушетку, придвинутую къ отворенному окну,—и когда ты немного окрѣпнешь, то намъ можно и въ Грумицъ...

— Какъ только я окрѣпну, то сейчасъ же поѣду... въ Альзенъ!

— Въ Альзенъ! Богъ съ тобою! Вотъ еще что придумала!

— Я хочу отыскать тамъ мѣсто, гдѣ Фридрихъ былъ раненъ или пожелалъ...

Голосъ у меня прервался; я не могла договорить.

— Не привести ли Рудольфа? — спросила старушка послѣ нѣкотораго молчанія.

Она знала, что это—вѣрное средство разогнать хотя ненадолго мои мрачныя мысли.

— Нѣтъ, лучше послѣ... Мнѣ хочется посидѣть одной... И ты сама, тетя, хорошо бы сдѣлала, еслибы пошла въ

другую комнату... Можетъ быть, я усну... Я чувствую такую слабость...

— Хорошо, дитя мое, я оставляю тебя въ покоѣ... Вотъ тутъ на столикѣ рядомъ колокольчикъ; позвони, если тебѣ что нибудь понадобится.

— Почтальонъ ужь былъ сегодня?

— Нѣтъ; вѣдь еще рано.

— Когда онъ придетъ, разбуди меня.

Я откинулась на подушки и закрыла глаза. Тетка тихими шагами вышла изъ спальни. За время моей болѣзни, всѣ домашніе усвоили себѣ эту неслышную походку.

Однако я не хотѣла спать, а только остаться наединѣ съ моими мыслями... Я лежала въ той же комнатѣ, на той же кушеткѣ, какъ и въ то утро, когда Фридрихъ пришелъ домой съ роковою вѣстью: „мы выступаемъ въ походъ“. И погода стояла такая же удушливо-знойная, и опять благоухали розы на столикѣ возлѣ меня, а изъ казармы долетала въ окно монотонная музыка сигнальнаго рожка. Каждая мелочь переносила меня къ тому недавнему прошлому... Мнѣ хотѣлось забыться въ дремотѣ и снова увидеть тотъ же сонъ, будто бы мой дорогой мужъ осторожно отворяетъ двери и входитъ въ спальню, а я смотрю на него сквозь узенькую щелку между вѣками... Запахъ розъ становился все сильнѣе, въ открытое окно доносилось отдаленное: тра-ра... И сознание настоящаго понемногу исчезло; мнѣ казалось, что я совершенно перенеслась въ прошлое. Все, происшедшее съ тѣхъ поръ, изгладилось изъ памяти и только одна идея все настойчивѣе овлаживала мозгомъ: вотъ сейчасъ отворится дверь и я увижу его. Но для этого надо, чтобъ мнѣ приснилось, будто бы я открыла глаза. Хотя съ большимъ усиліемъ, но все таки мнѣ удалось вызвать это представленіе... Я раскрыла вѣки на одну линію...

... И вотъ въ самомъ дѣлѣ передо мной желанная картина: Фридрихъ, мой возлюбленный Фридрихъ на порогѣ комнаты... Съ громкимъ рыданіемъ, закрывъ лицо руками, вскочила я съ изголовья. Въ одну минуту мнѣ стало ясно, что это одна галлюцинація, и послѣ момента райскаго блаженства, засіявшаго передо мной ослѣпительнымъ свѣтомъ, безотрадный мракъ отчаянія давилъ меня еще сильнѣе.

— О, мой Фридрихъ, ты погибъ для меня безвозвратно!— простонала я.

— Марта, жена!..

— Боже, что это значить? Настоящій голосъ—его голосъ. Нѣтъ, я не брежу. Вотъ чьи-то руки обнимаютъ меня порывисто, страстно... Это не былъ сонъ: я лежала на груди моего мужа.

VIII.

Какъ въ послѣдніе часы передъ разлукой, наше горе обнаруживалось больше нѣмыми проявленіями—поцѣлуями и слезами,—такъ было и въ минуту свиданья. Крѣпко прижимая къ себѣ любимаго человѣка, котораго не надѣялась увидѣть болѣе, я поняла, что бываютъ моменты въ человѣческой жизни, когда легко сойти съ ума отъ радости. Рыдая, смѣясь и вся дрожа отъ волненія, я опять и опять охватывала руками дорогую голову и горячо цѣловала Фридриха въ лобъ, въ глаза, въ губы, перемѣшивая ласки съ безсвязными словами умиленной нѣжности. Услыхавъ мой первый радостный крикъ, тетя Мари прибѣжала изъ сосѣдней комнаты. Она также не догадывалась о пріѣздѣ мужа и при видѣ его упала на ближайшій стулъ, громко восклицая: „Иисусъ, Марія и Іосифъ!“

Прошло довольно времени, пока улегся первый порывъ радости и мы были въ состояніи задавать другъ другу вопросы и отвѣчать на нихъ. Тутъ мы съ тетей узнали, что Фридрихъ былъ раненъ и оставался больной въ домѣ одного крестьянина, между тѣмъ какъ его полкъ ушелъ дальше. Рана оказалась не тяжелой, однако онъ пролежалъ нѣсколько дней безъ памяти въ сильной горячкѣ. Писемъ въ послѣднее время до него не доходило, и самъ онъ не могъ посылать ихъ. Когда ему стало легче, было объявлено перемиріе да и война, очевидно, пришла къ концу. Всѣ препятствія къ возвращенію домой были такимъ образомъ устранены. Но Фридрихъ не хотѣлъ уже ни писать, ни телеграфировать съ дороги, а безостановочно ѣхалъ обратно день и ночь. Онъ даже не зналъ, жива ли я, или нѣтъ, да и не хотѣлъ освѣдомляться о томъ, чтобъ не отнимать у себя надежды, ко-

торая поддерживала его на пути. Онъ спѣшилъ впередъ, впередъ, не теряя ни часу, лишь бы поскорѣе обнять ту, которая была для него дороже всего на свѣтѣ... И надежда не обманула его: онъ нашелъ свое сокровище: любимая женщина была спасена и счастлива, счастлива выше мѣры...

Вскорѣ мы всѣ переселились въ помѣстье моего отца. Фридриху дали продолжительный отпускъ для поправленія здоровья, а предписанныя ему докторомъ условія жизни—спокойствіе и чистый воздухъ—онъ легче всего могъ найти въ Грумицѣ.

Конецъ лѣта прошелъ восхитительно... Я не запомню другаго, болѣе прекраснаго періода въ моей жизни. Если свиданіе съ любимымъ человѣкомъ послѣ долгой разлуки приноситъ невыразимое счастье, то что же сказать о свиданіи съ нимъ послѣ того, какъ онъ считался погибшимъ? Когда я вспоминала на минуту мучительный страхъ, терзавшій меня передъ возвращеніемъ Фридриха, или картины бреда, осаждавшія по ночамъ мой болѣзненно-возбужденный мозгъ—мнѣ постоянно мерещился Фридрихъ израненнымъ, въ борьбѣ со смертью—то взглядывала на него, чтобъ отвести душу, и не помнила себя отъ восторга. Теперь онъ былъ для меня еще милѣе, во сто разъ милѣе, мой дорогой, едва не отнятый судьбою мужъ, и обладаніе имъ представлялось мнѣ какъ будто все нарастающимъ богатствомъ. Я считала себя уже нищей и вдругъ оказалась милліонеркой, въ смыслѣ сердечныхъ радостей и счастливой любви!

Вся наша семья собралась въ Грумицѣ. Братъ мой Отто, пятнадцатилѣтній юноша, которому предстояло пробыть еще три года въ Вѣнско-Нейштадтскомъ военномъ училищѣ, также пріѣхалъ туда на каникулы. Добрый, славный мальчикъ былъ любимцемъ и гордостью отца. Они вмѣстѣ съ Розой и Лили наполняли нашъ домъ весельемъ. Смѣхъ, бѣготня, игры въ мячъ, въ воланъ и всякія дурачества не прекращались у нихъ съ утра до ночи. Кузенъ Конрадъ, квартировавшій со своимъ полкомъ недалеко отъ Грумица, пользовался свободной минутой, чтобъ пріѣзжать къ намъ верхомъ; онъ также не уступалъ въ рѣзвости и шалостяхъ нашей молодежи. Другую компанію составляли старики: тетя Мари, отецъ и пріѣзжавшіе къ нему гостить товарищи. Солидные люди занимались кар-

точной игрой, совершали не особенно утомительныя прогулки по парку, аппетитно кушали, за столомъ, но болѣе всего занимались политикой. Недавнія событія во время войны, которая однако не привела къ окончательному рѣшенію шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, служили имъ неистощимой темой. Мы съ Фридрихомъ держались немного въ сторонѣ отъ гостей, появляясь только за столомъ, да и то не всегда. Намъ охотно позволяли это. Домашними было признано, что мы переживаемъ второе изданіе медоваго мѣсяца, и насъ оставляли въ покоѣ. Дѣйствительно, намъ пріятнѣе всего было оставаться наединѣ, не потому, чтобъ мы искали случая любезничать безъ постороннихъ свидѣтелей, какъ новобрачные, но потому что чувствовали себя вполне хорошо только вдвоемъ. Послѣ только что пережитыхъ тяжелыхъ заботъ, насъ не тянуло къ себѣ шумное веселье безпечной молодежи, а еще менѣе занимали интересы и разговоры пожилой компаніи сановныхъ лицъ, и мы широко пользовались предоставленной намъ—въ качествѣ влюбленныхъ—привилегіей искать уединенія. Мы предпринимали отдаленныя прогулки пѣшкомъ, поѣздки по окрестностямъ, иногда на весь день; цѣлыми часами просиживали въ библіотекѣ отца, а по вечерамъ, когда у стариковъ затѣвалась картежная игра, удалялись въ свои комнаты, гдѣ за чаемъ и папиросой у насъ опять начинались нескончаемые задушевные разговоры. Мы всегда находили очень много матерьяловъ для этихъ бесѣдъ и охотнѣе всего возвращались къ тяжелому времени разлуки, когда мы такъ дрожали одинъ за другаго и перенесли столько горя. Это заставляло насъ еще болѣе цѣнить настоящее. Между прочимъ, мы пришли къ заключенію, что такъ называемыя предчувствія—чистѣйшій вздоръ, одно суевѣріе. Вѣдь намъ обоимъ при разставаньѣ казалось, что одинъ изъ насъ непременно умретъ, и однако вотъ мы опять вмѣстѣ! Фридрихъ долженъ былъ подробно рассказать мнѣ обо всѣхъ своихъ страданіяхъ и опасностяхъ, которымъ подвергался въ походѣ, обо всѣхъ ужасахъ, видѣнныхъ имъ на полѣ сраженія и въ военныхъ лазаретахъ. Я любила, когда онъ говорилъ объ этомъ съ дрожью негодованія и жалости въ голосѣ. Когда мужъ принимался описывать жестокости, очевидцемъ которыхъ ему приходилось быть на войнѣ, тонъ его рѣчи, негодующій и страстный, затрогивалъ

самыя чуткія струны моея души. Чувства Фридриха служили мнѣ порукой, что человѣческое благородство все болѣе и болѣе беретъ перевѣсъ надъ тупостью и злобой, что ему предстоитъ,—сперва у отдѣльныхъ личностей, потомъ у большинства, а наконецъ и у всѣхъ,—побѣдить первобытное варварство.

Мой отецъ и Отто также нерѣдко просили мужа рассказать имъ нѣкоторые эпизоды послѣдней войны; онъ охотно удовлетворялъ ихъ любопытству, но ужь, разумѣется, говорилъ съ ними объ этомъ предметѣ совсѣмъ въ иномъ духѣ, чѣмъ со мною. Онъ ограничивался описаніемъ приемовъ тактики своихъ и непріятельскихъ войскъ, хода сраженій, различныхъ случайностей; перечислялъ названія взятыхъ и не сдавшихся укрѣпленій, рисовалъ отдѣльныя сцены лагерной жизни, повторялъ замѣчательныя изреченія главнокомандующихъ и т. п. Слушатели были въ восторгѣ; отецъ сіялъ довольствомъ, Отто восхищеніемъ; старые генералы поддакивали съ важностью глубокихъ знатоковъ военнаго дѣла. Только мнѣ не нравились эти сухіе рассказы; я знала, что подъ ними скрывался цѣлый міръ невысказанныхъ чувствъ и мыслей, волновавшихъ рассказчика, но глубоко затаенныхъ. Когда я однажды упрекнула его въ лицемѣріи съ глазу на глазъ, Фридрихъ возразилъ:

— Какое же тутъ лицемѣріе, какую неискренность видишь ты, Марта? И даже малодушное неумѣнье отстоять свои взгляды? Нѣтъ, милое дитя, ты ошибаешься: это просто соблюденіе приличій. Вспомни-ка наше свадебное путешествіе: отъѣздъ изъ Вѣны и то, какъ мы въ первый разъ остались съ тобою наединѣ въ купѣ вагона, а потомъ брачную ночь въ пражскомъ отелѣ. Развѣ ты передавала кому нибудь подробности нашего сближенія, развѣ говорила друзьямъ и знакомымъ о своихъ интимныхъ чувствахъ и желаніяхъ этого блаженнаго времени?

— О, нѣтъ, конечно, никому... О подобныхъ вещахъ умалчиваетъ каждая женщина.

— Ну, вотъ видишь! А есть также вещи, о которыхъ не станетъ распространяться мужчина. Вы не должны ничего говорить о наслажденіяхъ любви, а мы—о нашихъ страданіяхъ на войнѣ. Первое можетъ уронить вашу главную добродѣтель—цѣломудріе, послѣднее—наше мужество. Тайны

медоваго мѣсяца и ужасы поля битвы не станеть описывать въ благовоспитанномъ обществѣ ни одна „женственная“ женщина, ни одинъ „мужественный“ мужчина. Ты, можетъ быть, заливалась сладкими слезами въ упоеніи любви, а я, можетъ быть, кричалъ отъ страха, увидавъ прямо передъ собою смерть; но развѣ ты можешь признаться въ такомъ экстазѣ чувственности, а я—въ такой трусости?

— А ты въ самомъ дѣлѣ кричалъ... тебя колотила лихорадка, Фридрихъ? Мнѣ ты можешь это сказать. Если я открываю передъ тобою тайны моего любовнаго экстаза, почему бы и тебѣ...

— Не рассказать о смертельномъ страхѣ, который нападаетъ на насъ, солдатъ, на полѣ битвы, Да какъ же могло быть иначе? Фразы о геройской неустрашимости такъ и остаются фразами, а пѣсни поэтовъ—сочинительствомъ. Искусственно возбуждаемое фразерствомъ и поэзіей, воодушевленіе способно заглушить естественное чувство самосохраненія только на минуту, не болѣе. У грубыхъ натуръ, кромѣ того, просыпается звѣрская жажда убійства и разрушенія, заглушающая страхъ за собственную жизнь. Люди высокої честности, горячо преданные своему долгу, изъ благородной гордости подавляютъ въ себѣ наружныя проявленія этой боязни... Но какое множество солдатъ стонуть и воютъ, особенно изъ молодыхъ; какіе взгляды, полные отчаянія, приводилось мнѣ встрѣчать, какія искаженные ужасомъ лица, какія раздирающія сердце жалобы и бѣшенныя проклятія и мольбы доносились до моего слуха!

— И это терзало тебя, мой добрый, кроткій?

— Нерѣдко я самъ былъ готовъ стонать и вопить вмѣстѣ съ ними, Марта. И однако въ это время я дѣлался менѣе жалостливъ, чѣмъ обыкновенно. Казалось бы, ужь если при видѣ мученія одного существа ты радъ сдѣлать богъ знаетъ что для утоленія его муки, то видъ тысячекратнаго страданія долженъ вызывать въ тысячу кратъ сильнѣйшее чувство жалости. Однако выходитъ наоборотъ: слишкомъ большая масса бѣдствій притупляетъ сострадательность. Нельзя такъ сильно сожалѣть одного страдальца, если видишь вокругъ него еще 999 такихъ же несчастныхъ. Но, если жалость можетъ быть возбуждена въ человѣкѣ только до извѣстнаго пре-

дѣла, за которымъ она уже притупляется, все же каждый изъ насъ въ состояніи поразмыслить и приблизительно рассчитать необъятное количество человѣческихъ бѣдствій во время войны.

— Да, это доступно тебѣ, но вѣдь такихъ людей, какъ ты, разъ-два и обчелся; большинство же не размышляетъ, не взвѣшиваетъ и не рассчитываетъ.

— Не размышляетъ,—повторилъ Фридрихъ.—Да, вотъ въ томъ-то и горе. Причина всѣхъ золъ именно та, что большинство не хочетъ размышлять!

IX.

Мнѣ удалось убѣдить мужа въ необходимости выйти въ отставку. То обстоятельство, что послѣ женитьбы онъ продолжалъ служить болѣе года и отличился во время датской войны, избавляло его отъ нареканія, будто бы онъ женился по расчету, съ единственной цѣлью обезпечить себя матеріальными средствами, чтобы махнуть рукой на служебную карьеру. Теперь, въ виду предстоящаго заключенія мира, о которомъ уже шли прелиминарные переговоры, и продолжительнаго мирнаго времени, судя по всѣмъ даннымъ,—выходъ въ отставку не представлялъ ничего унижительнаго для чести барона Тиллинга. Хотя гордость Фридриха все еще возмущалась противъ такого шага и онъ отчасти колебался отказаться отъ своего положенія и связанныхъ съ нимъ денежныхъ выгодъ, для того чтобъ, по его словамъ: „ничего не дѣлать, быть ничѣмъ и не имѣть ничего“, но любовь ко мнѣ пересиливала въ немъ чувство гордости и онъ не могъ устоять противъ моихъ настойчивыхъ просьбъ. Я объявила, что не въ состояніи вторично пережить такого страха за него, какъ во время нашей разлуки, и мой мужъ сознавалъ, что самъ не въ силахъ подвергнуть насъ обоихъ опять такому же невыносимому страданію. Его деликатность, не допуская передъ нашей свадьбой даже мысли, чтобы онъ могъ жить на деньги богатой жены, отступила теперь на задній планъ; мы оба до того слились въ *одно*, что между нами не могло быть и рѣчи о „твоемъ“ и „моемъ“; мы научились слишкомъ хо-

рошо понимать другъ друга и Фридрихъ не имѣлъ больше повода опасаться, что я истолкую превратно его поступки. Кромѣ того, послѣдній походъ до того усилилъ въ немъ отвращеніе къ человѣческой бойнѣ, къ обязанности солдата проливать человѣческую кровь и до того обострилось въ его душѣ это чувство съ тѣхъ поръ, какъ онъ безъ утайки повѣрялъ его мнѣ, что выходъ въ отставку являлся для него не только уступкой нашему семейному счастью, но и подтвержденіемъ на дѣлѣ своихъ человѣколюбивыхъ теорій, что обязательно для всякаго честнаго человѣка. Такимъ образомъ, Фридрихъ общалъ мнѣ наступающей осенью — къ тому времени переговоры о мирѣ должны были окончиться — подать просьбу объ увольненіи.

Мы хотѣли купить имѣнье на мой капиталъ, лежавшій въ банкирской конторѣ Шмита съ сыновьями, а мужъ мой собирался въ немъ хозяйничать. При такихъ условіяхъ, онъ не могъ жаловаться, что ему нечѣмъ будетъ заниматься; что онъ сдѣлается „ничѣмъ“ и останется „ни съ чѣмъ“. На послѣдніе два пункта я отвѣчала слѣдующимъ образомъ:

— Будешь ты императорско - королевскимъ полковникомъ въ отставкѣ и счастливымъ человѣкомъ,—развѣ этого не довольно? А имущество твое будетъ заключаться во мнѣ, въ нашемъ Руди и... будущихъ дѣтяхъ,—развѣ этого мало?

Онъ со смѣхомъ заключилъ меня въ объятія.

Моего отца и другихъ мы не хотѣли до поры до времени посвящать въ наши планы, зная заранѣе, что насъ примутся отговаривать, порицать, пророчить всевозможныя неудачи и неприятели. Потомъ, когда дѣло сдѣлается, намъ будетъ уже легко дать отпоръ неудовольствію родныхъ; когда мужъ и жена составляютъ другъ для друга все на свѣтѣ, чужія мнѣнія не могутъ нарушить гармоніи ихъ жизни. Эта спокойная увѣренность за будущее усиливала еще болѣе наслажденіе настоящимъ, которое и безъ того казалось такимъ свѣтлымъ послѣ только что пережитаго тяжелаго прошлаго... Я могу лишь повторить: это было чудное время.

Мой сынъ Рудольфъ, теперь уже маленькій мужчина семи лѣтъ отъ роду, началъ понемногу учиться читать и писать, а его учительницей — была я. Мнѣ ни за что не хотѣлось предоставить боннѣ удовольствіе — да въ этомъ, конечно, она

и не нашла бы ничего пріятнаго — слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его младенческой души, руководя имъ на первыхъ ступеняхъ знанія. Часто мы брали мальчика съ собою на прогулку и не уставали отвѣчать ему на вопросы, предлагаемые его пробуждающейся любознательностью. Просвѣщали мы ребенка настолько хорошо и толково, насколько хватало нашего умѣнья, но зато никогда съ нимъ не лицемѣрили, не боялись открыто сознаться въ случаѣ собственнаго незнанія. — „Мы не умѣемъ объяснить тебѣ этого, Руди“. Вѣдь есть вопросы, неразрѣшимые ни для кого. Прежде случалось, что, не удовлетворившись нашимъ отвѣтомъ, онъ обращался за объясненіями къ тетѣ Мари, къ дѣдушкѣ и даже къ своей нянькѣ. Эти трое тотчасъ разрѣшали его сомнѣнія самымъ авторитетнымъ тономъ, и тогда Рудольфъ съ торжествующимъ видомъ спѣшилъ похвастаться передъ нами: „Вотъ, вы не знали, сколько лѣтъ мѣсяцу, а я узналъ: шесть тысячъ лѣтъ. Смотрите же, не забудьте!“ Тутъ мы съ Фридрихомъ молча переглядывались. И въ этомъ взглядѣ, въ этомъ молчаніи сказывалась масса жалобъ и сомнѣній, которыя могли бы наполнить цѣлую книгу о педагогикѣ.

Особенно не нравилась мнѣ игра въ солдаты, которой занимались съ мальчикомъ мой отецъ и братъ. Я не успѣла оглянуться, какъ ужъ ребенку успѣли внушить понятіе о „непріятелѣ“, о необходимости его „поколотить“. Однажды мы съ Фридрихомъ наткнулись на такую сцену: Рудольфъ немилосердно билъ хлыстомъ двоихъ пронзительно визжавшихъ щенковъ.

— Вотъ это тебѣ, лукавый итальянецъ! — приговаривалъ онъ, нападаая на одного изъ нихъ, — а это тебѣ, забіяка — датчанинъ! — И удары посыпались на другую собачку.

Фридрихъ сгоряча вырвалъ хлыстъ изъ рукъ усерднаго карателя враждебныхъ націй.

— А вотъ это тебѣ, злой австріецъ, — произнесъ онъ, хлеснувъ раза два по плечамъ ребенка.

Итальянецъ съ датчаниномъ обрадовались возможности улепетнуть и очередь визжать отъ боли наступила теперь для нашего малолѣтняго соотечественника.

— Ты сердисься на меня, Марта, за то, что я ударилъ твоего ребенка? Въ принципѣ я противъ тѣлесныхъ наказа-

ній, но жестокое обращеніе съ животными выводитъ меня изъ терпѣнія...

— Ты хорошо сдѣлалъ,—перебила я.

— Такъ значить... только съ людьми... можно обращаться жестоко? — спросилъ ребенокъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

— Тоже нѣтъ... еще менѣе...

— Но вѣдь ты самъ же колотилъ итальянцевъ и датчанъ?

— Они были враги...

— Значить, ихъ можно ненавидѣть?

— А вотъ не сегодня-завтра, — шепнулъ мнѣ Фридрихъ, — пасторъ станетъ толковать ему о любви къ врагамъ—о, логика!—И, обращаясь къ мальчику, прибавилъ вслухъ:

— Враговъ нужно бить не изъ ненависти, а потому что они сами хотятъ поколотить насъ.

— Да за что же?

— Потому что мы ихъ...—началъ было новичокъ въ педагогій, но тотчасъ спохватился:—нѣтъ, изъ этого заколдованнаго круга рѣшительно не сыщешь выхода! Ступай играть, Руди: мы съ мамой простили тебя.

Кузень Конрадъ, какъ мнѣ казалось, понемногу пріобрѣталъ благоволеніе Лили. Постоянство дѣйствительно преодолеваетъ всѣ препятствія. Я желала этой свадьбы и съ удовольствіемъ замѣчала, какъ глаза моей сестры сіяли радостнымъ блескомъ, едва она слышитъ знакомый стукъ копытъ лошади Конрада, и какъ она вздыхала, когда онъ уѣзжалъ. Кузень не ухаживалъ больше за нею, т. е. не говорилъ ей о своей любви, не возобновлялъ предложенія, но прямо велъ правильную осаду противъ ея сердечка.

— Какъ существуютъ различные способы брать крѣпость,—объяснилъ онъ мнѣ въ одинъ прекрасный день:—штурмомъ, голодомъ, также есть и различныя средства принудить къ капитуляціи сердце женщины. Между ними одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ: привычка, умѣнье тронуть... Вѣдь Лили навѣрно тронута тѣмъ, что я такъ упорно люблю, упорно молчу и упорно возвращаюсь къ ней. Если я перестану бывать, она непременно почувствуетъ громадный пробѣлъ въ своемъ существованіи, а если я стану еще нѣкоторое

время дѣйствовать въ томъ же духѣ, Лили будетъ не въ силахъ безъ меня обойтись.

— А сколько лѣтъ намѣренъ ты добиваться руки своей избранной?

— Право, не рассчитывалъ... Просто до тѣхъ поръ, пока она меня возьметъ.

— Я удивляюсь тебѣ. Да развѣ нѣтъ другихъ дѣвушекъ на свѣтѣ, кромѣ нея?

— Для меня нѣтъ. Я забралъ себѣ въ голову, что женюсь непременно на ней. У Лили есть что-то особенное въ складѣ рта, въ походкѣ, въ манерѣ говорить, чего не замѣняютъ мнѣ совершенства всѣхъ другихъ женщинъ... Вотъ хоть бы взять къ примѣру тебя, Марта: вѣдь ты во сто разъ умнѣе и красивѣе сестры...

— Благодарю...

— Но я не женился бы на тебѣ...

— Благодарствую...

— Именно потому, что ты слишкомъ умна. Ты смотрѣла бы на меня сверху внизъ. Моя звѣздочка на воротникѣ, сабля, шпоры не импонируютъ тебѣ, а Лили смотритъ съ уваженіемъ на человѣка, способнаго постоять за отечество. Я знаю, она обожаетъ военныхъ, между тѣмъ какъ ты...

— Имѣла уже двоихъ мужей - офицеровъ, — возразила я, смѣясь.

X.

Во время обѣдовъ, на верхнемъ концѣ стола, гдѣ мой отецъ со своими старыми пріятелями давали тонъ общей бесѣдѣ и гдѣ сидѣли мы съ Фридрихомъ (на другомъ концѣ болтала между собою молодежь) шелъ по большей части разговоръ о политикѣ; то была излюбленная тема сановныхъ старичковъ. Переговоры о мирѣ, колебавшіеся то въ ту, то въ другую сторону, доставляли имъ случай похвастаться своимъ глубокомысліемъ, такъ какъ разсужденія о государственныхъ дѣлахъ—самое подходящее и почтенное занятіе для серьезныхъ людей въ часы досуга. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ большинство. Изъ любезности и дружескаго снисхожденія къ моему слабому женскому разуму, ктонибудь изъ

генераловъ обыкновенно оговаривался и замѣчалъ: „Эти вопросы едва ли могутъ интересовать нашу молодую баронессу Марту; въ сущности, намъ слѣдовало бы поднимать ихъ только въ мужскомъ обществѣ, не такъ ли, прелестная барынька?“

Я спѣшила увѣрить въ противномъ и серьезно настаивала, чтобъ наши политики продолжали бесѣду. Событія въ военномъ и дипломатическомъ мірѣ въ самомъ дѣлѣ сильно интересовали меня. Смотри на предметъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ гости моего отца, я тѣмъ не менѣе настойчиво желала прослѣдить весь ходъ „датскаго вопроса“, изученнаго мною съ такою добросовѣстностью по поводу минувшей войны; мнѣ ужасно хотѣлось знать, чѣмъ-то онъ кончится. Теперь, послѣ столькихъ сраженій и нашихъ побѣдъ, предстояло рѣшить, что будетъ съ обоими герцогствами, служившими такъ долго предметомъ раздора, но дѣла все оставались пока въ неопредѣленномъ положеніи. Утвержденъ ли, по крайней мѣрѣ, въ своихъ правахъ Аугустенбургъ, пресловутый Аугустенбургъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся? Какъ бы не такъ! На сцену выступилъ даже новый претендентъ, точно имъ было мало разныхъ Глюксбурговъ, Готторповъ и другихъ герцогскихъ линій, прямыхъ и побочныхъ, имена которыхъ постоянно перепутывались у меня въ головѣ. Теперь Россія выставляла кандидатуру Ольденбурга вмѣсто Аугустенбурга. Въ результатѣ же войны, до сихъ поръ оказывалось, что, помимо всякихъ Глюкс—, Аугустен—, Ольден— и другихъ „бурговъ“, герцогства должны отойти къ союзникамъ-побѣдителямъ. Привожу статьи мирнаго трактата, обсуждавшагося въ то время:

1) Данія уступаетъ герцогства Австріи съ Пруссіей.

Этимъ я осталась довольна. Союзники, безъ сомнѣнія, поспѣшатъ уступить безкорыстно отвоеванныя ими земли законному владѣльцу.

2) Граница будетъ въ точности опредѣлена.

Это опять таки было бы очень мило, лишь бы такое „опредѣленіе“ границъ представляло побольше устойчивости. Вѣдь, право, жаль смотрѣть, какъ эти синенькія и зелененькія извилистыя линіи на географическихъ картахъ—то и дѣло—перескакиваютъ туда и сюда.

3) Государственные долги распредѣляются по количеству народонаселенія.

Этого я не понимала, не дойдя еще въ своихъ занятіяхъ до изученія политико-экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Да и сама политика интересовала меня только въ смыслѣ войны и мира, такъ какъ то и другое было близко моему сердцу, во-первыхъ, по человѣколюбію, во-вторыхъ, изъ привязанности къ мужу.

4) Военныя издержки платятъ герцогства.

Ай да остроумно! Страну опустошили, поля въ ней вытоптали, народъ перебили, надо же вознаградить ее чѣмъ нибудь за такое множество потерь. Вотъ въ видѣ награды и придумали обязать ее къ уплатѣ контрибуціи.

— Ну, что же сегодня новенькаго насчетъ Шлезвигъ-Гольштиніи?—спрашивала ужъ теперь я сама, видя, что разговоръ медлитъ перейти на политическую почву.

— А вотъ что,—отвѣчалъ мнѣ, 13-го августа, отецъ:—графъ фонъ-Бейстъ поднялъ на сеймѣ вопросъ: по какому праву союзники *приняли уступку* герцогствъ въ свою пользу отъ короля, котораго германскій союзъ не признаетъ законнымъ владѣльцемъ послѣднихъ?

— Въ сущности это резонное возраженіе,—замѣтила я.—Протокольный принцъ не былъ признанъ законнымъ государемъ страны и вдругъ вы торжественно принимаете отъ Христіана IX-го...

— Ты ничего тутъ не смыслишь, дитя,—перебилъ отецъ.—Это просто хитрость, придирки со стороны Бейста. Герцогства принадлежать намъ, потому что мы ихъ завоевали.

— Но вѣдь не для себя?.. Война поднялась изъ-за подтвержденія правъ Аугустенбурга.

— Опять же ты ничего не понимаешь. Выставляемые кабинетами поводы къ войнѣ передъ ея началомъ отступаютъ на задній планъ, когда она кончится. Тогда побѣды и пораженія вызываютъ новыя комбинаціи; тогда государства уменьшаются, увеличиваются и перекраиваются по совершенно непредвидѣнной мѣркѣ.

— Значить, и поводы къ датской войнѣ были не серьезными поводами, а только предлогами?—спросила я.

— Предлогами? Ну, нѣтъ,—поспѣшилъ на выручку моему отцу одинъ изъ генераловъ,—скорѣе ихъ можно назвать толчками, поводами къ событіямъ, которыя совершаются са-

мостоительно послѣ кампаніи, по мѣрѣ успѣховъ враждующей стороны, одержавшей верхъ.

— Еслибъ отъ меня зависѣло,—вступился опять мой отецъ,—то послѣ Дюппеля и Альзена я не пошелъ бы на переговоры о мирѣ; мы легко могли завоевать всю Данію.

— А что же намъ съ ней дѣлать?

— Присоединить къ германскому союзу.

— Обыкновенно ты ограничиваешь свои патріотическія чувства одной только Австріей, милый папа. Какой же тебѣ интересъ въ этомъ увеличеніи германскаго союза?

— А развѣ ты позабыла, что Габсбурги нѣкогда были германскими императорами и могли бы снова сдѣлаться ими?

— И ты радовался бы этому?

— Какой же австріецъ не сталъ бы радоваться такому великому событію и гордиться имъ?

— Но какъ же быть,—замѣтилъ Фридрихъ,—если и другія великія державы Германіи питаютъ тѣ же честолюбивыя мечты?

Мой отецъ громко расхохотался.

— Корона священной римско-германской имперіи на головѣ протестантскаго королька! Да въ своемъ ли ты умѣ?

— Только бы обѣ великія державы не перессорились между собою изъ-за провинцій, отнятыхъ у Даніи,—замѣтилъ докторъ Брессеръ.—Завоевать ихъ было не мудрено, а вотъ что съ ними дѣлать теперь? Это послужитъ только поводомъ ко всевозможнымъ затрудненіямъ. Всякая война, каковъ бы ни былъ ея исходъ, непременно таитъ въ себѣ зародышъ слѣдующей войны, потому что всякое насиліе нарушаетъ чье нибудь право. Отсюда рано или поздно вытекаютъ новыя притязанія, слѣдуетъ новое столкновеніе, которое опять раздражается новымъ насиліемъ, и такъ идетъ до безконечности.

Нѣсколько дней спустя, мы узнали новость: король Пруссіи Вильгельмъ сдѣлалъ визитъ нашему императору въ Шёнбруннѣ. Разумѣется, самый задушевный пріемъ, объятія. Всюду прусскіе орлы. Полковая музыка такъ и жаритъ прусскіе національные гимны. Гремятъ со всѣхъ сторонъ оглушительныя привѣтствія. По улицамъ ликованье. Мнѣ это было очень пріятно, потому что опровергало злобѣщее пророчество

доктора Брессера, будто бы завоеванный сообща обѣими державами клочокъ земли послужить яблокомъ раздора между ними. Газеты также отзывались о настоящемъ положеніи дѣлъ въ самомъ успокоительномъ тонѣ и предсказывали мирный исходъ существующихъ осложненій въ политикѣ.

Мой отецъ радовался не меньше меня взаимнымъ изъясненіямъ дружбы въ Шёнбруннѣ, но имѣлъ при этомъ въ виду не миръ, а войну.

— Я очень доволенъ,—говорилъ онъ,—что мы приобрѣли новаго союзника. Въ союзѣ съ Пруссіей намъ будетъ также легко отнять обратно Ломбардію, какъ было легко справиться съ датчанами.

— Ну, извините, Наполеонъ III не допуститъ этого, а Пруссіи не расчетъ съ нимъ ссориться,—возразилъ одинъ изъ генераловъ. Ужъ одно то служить нехорошимъ признакомъ, что Бенедетти, заклятый врагъ Австріи, состоитъ теперь посланникомъ въ Берлинѣ.

— Но объясните мнѣ, пожалуйста, господа,—воскликнула я, складывая руки,—почему всѣ благонамѣренныя державы Европы не заключать между собою союза? Вѣдь это было бы проще всего...

Мужчины пожали плечами, смущенно улыгнулись и ничего не отвѣтили. Очевидно, я опять отмочила какую нибудь „глупость“, какъ это нерѣдко бываетъ съ „дамами“, когда онѣ пускаются въ недоступную имъ область высшей политики.

XI.

Наступила осень. 30 октября, въ Вѣнѣ былъ подписанъ мирный трактатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настало время осуществить мое завѣтное желаніе: Фридрихъ долженъ былъ выйти въ отставку.

Но человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ. Тутъ случилось непредвидѣнное обстоятельство, нанесшее тяжкій ударъ моимъ надеждамъ: банкирскій домъ Шмита съ сыновьями обанкротился и я разомъ потеряла все свое состояніе.

Этотъ крахъ былъ также послѣдствіемъ войны. Бомбы и картечи разбиваютъ не однѣ стѣны укрѣпленій, куда онѣ направлены; производимое ими сотрясеніе распатываетъ на

далекомъ пространствѣ немало банкирскихъ конторъ и кредитныхъ учрежденій, которыя лопаются, погребая подъ своими развалинами тысячи жертвъ.

Конечно, несчастье моего банкира еще не довело меня до нищеты, какъ многихъ другихъ, потому что отецъ не допустилъ бы насъ терпѣть недостатка, но мои планы рушились: объ увольненіи Фридриха со службы теперь не могло быть и рѣчи. Мы съ мужемъ перестали быть обезпеченными людьми и его жалованье сдѣлалось для насъ единственнымъ самостоятельнымъ ресурсомъ. Хотя отецъ и обезпечилъ меня порядочнымъ содержаніемъ, однако при такихъ условіяхъ для моего мужа было невысказано выйти въ отставку. Я сама не могла настаивать на этомъ: какую роль пришлось бы ему тогда играть относительно тестя?

Оставалось покориться обстоятельствамъ въ виду непоправимой бѣды. „Предопредѣленіе“! рѣшила бы тетя Мари. Не могу сказать однако, чтобы такая значительная денежная потеря—мой лопнувшій капиталъ простирался до нѣсколькихъ сотъ тысячъ гульденовъ—особенно убивала меня. По крайней мѣрѣ, въ моемъ дневникѣ упоминается объ этомъ почти вскользь, да и моя память—гдѣ съ тѣхъ поръ запечатлѣлось столько несравненно болѣе ужаснаго—не сохранила глубокихъ слѣдовъ происшедшей со мною денежной катастрофы. Помню только, что мнѣ было страшно жаль отказать отъ своихъ воздушныхъ замковъ: отъ покупки помѣстья и независимой жизни вдали отъ такъ называемаго „свѣта“; въ остальномъ же мое разореніе не слишкомъ огорчало меня. Во-первыхъ, какъ я упомянула выше, отецъ не допустилъ бы насъ ни въ чемъ нуждаться при своей жизни, а въ случаѣ его смерти я была обезпечена значительнымъ наслѣдствомъ; моему сыну Рудольфу также предстояло въ будущемъ сдѣлаться владѣльцемъ большаго состоянія. Одно утѣшало меня: въ виду не было никакой войны, хотя бы даже самой незначительной; мы могли смѣло разсчитывать лѣтъ на десять, на двадцать мирнаго времени, а до тѣхъ поръ!..

Шлезвигъ-Гольштинія съ Лауэнбургомъ, по трактату 30 октября, окончательно отходили къ Пруссіи и Австріи, въ ихъ полное распоряженіе. Конечно, оба государства, связанные

теперь узами дружбы, порадуются такому приобретению, братски подѣлятся полученными выгодами и не будутъ имѣть никакого повода къ раздору. По крайней мѣрѣ, на всемъ протяженіи политическаго горизонта не замѣчалось „черной точки“. Позоръ понесеннаго австрійцами пораженія въ Италіи достаточно изгладился славными побѣдами въ Шлезвигъ-Гольштиніи; значить, наше военное честолюбіе было удовлетворено и не имѣло причины измышлять новыхъ походовъ. Съ этой стороны я могла быть покойна. Война была у насъ такъ недавно, что это казалось мнѣ гарантіей противъ ея повторенія въ скоромъ времени. Послѣ дождя свѣтитъ солнышко и заставляетъ насъ забывать миновавшее ненастье. Послѣ землетрясеній и изверженій вулкана, люди принимаютъ строить новыя жилища на мѣстѣ развалинъ и не думаютъ, что катастрофа можетъ повториться. Главный источникъ жизненной энергіи человѣка, повидимому, кроется именно въ его забывчивости.

Мы съ Фридрихомъ поселились на зиму въ Вѣнѣ. Моего мужа прикомандировали къ военному министерству и занятія по новой должности были ему все таки пріятнѣе казарменной службы. Въ этомъ году, мои сестры съ тетей Мари вздумали провести карнавальнй сезонъ въ Прагѣ. Полкъ Конрада тоже стоялъ въ столицѣ Богеміи. Было ли то простою случайностью или молодежь нарочно устроила такъ, чтобы находиться поближе другъ къ другу? Когда я высказала свое предположеніе моей сестрѣ Лили, та густо покраснѣла и замѣтила, пожимая плечами:

— Вѣдь ты знаешь, что я равнодушна къ Конраду.

Мой отецъ переѣхалъ на свою прежнюю квартиру въ Герренской улицѣ. Онъ уговаривалъ насъ поселиться съ нимъ, такъ какъ мѣста было достаточно; однако мы съ Фридрихомъ предпочли жить отдѣльно и наняли небольшой домикъ на набережной Франца-Иосифа. Жалованья мужа и денегъ, получаемыхъ отъ отца, хватало съ избыткомъ на наше скромное хозяйство. Разумѣется, о постоянномъ абонементѣ въ театрахъ, о придворныхъ балахъ и вообще о выѣздахъ въ „свѣтъ“ мы не могли и помышлять, но намъ не стоило никакого труда отъ нихъ отказаться. Мы даже радовались, что

мое разоренье оправдывало нашу уединенную жизнь, которая приходилась по сердцу обоимъ.

Однако нашъ домъ былъ постоянно открытъ небольшому кружку родныхъ и знакомыхъ. Особенно усердно посѣщала насъ моя старинная пріятельница Лори Гризбахъ,—пожалуй, даже усерднѣе, чѣмъ бы я желала. Ея бесѣды, которыя и прежде казались мнѣ слишкомъ пустыми, сдѣлались теперь для меня настоящей мукой, а умственный кругозоръ этой свѣтской бабочки какъ будто сдѣлался съ годами еще уже. Но Лори была прехорошенькой женщиной, живой и кокетливой. Я понимала, почему она кружить головы мужчинамъ, да и въ обществѣ графиня Гризбахъ слыла особой, довольно благосклонно принимавшей поклоненіе. Мнѣ было немного непріятно, что Фридрихъ ей нравился. Я нерѣдко замѣчала, какъ она бросаетъ ему вскользь выразительные взгляды, очевидно рассчитывая, что они западутъ въ его сердце. Мужъ Лори, краса Жокей-клуба, усердный посѣтитель скачекъ и театральныхъ кулисъ, такъ часто измѣнялъ ей на глазахъ у всѣхъ, что, еслибъ жена отплатила ему тою же монетой, ее не стали бы судить особенно строго. Но чтобы орудіемъ супружеской мести моей пріятельницы послужилъ Фридрихъ,—этого я не могла допустить...

„Неужели во мнѣ шевельнулась ревность?“ Я просто сторѣла со стыда, поймавъ себя на такомъ недостойномъ чувствѣ... Нѣтъ, вѣдь я увѣрена въ сердцѣ моего мужа... Ни единую, положительно ни единую женщину въ мірѣ онъ не въ состояніи любить, какъ меня. Ну, да, *любить*, это опять иное дѣло, но увлечься? Развѣ глубокая, спокойная любовь къ одной исключаетъ у мужчины вспышку страсти къ другой?

Лори даже и не думала скрывать своего расположенія къ Фридриху.

„Послушай, Марта,—говорила она,—право, тебѣ можно позавидовать: у тебя такой прелестный мужъ“. Или: „Совѣтую тебѣ хорошенько приглядывать за Тиллингомъ: за нимъ вѣроятно, гоняются всѣ дамы“.

— Я слишкомъ увѣрена въ немъ,—отвѣчала я.

— Не дѣлай себя смѣшною! Какъ будто понятія: „вѣрность“ и „мужъ“ имѣютъ что нибудь общее между собою. Вотъ хоть бы взять къ примѣру моего Гризбаха...

— Боже мой, пожалуй, на него клеветуют! Да опять же, не всё мужчины на одинъ покрой...

— Всѣ, рѣшительно всѣ—повѣрь мнѣ! Ни единый изъ нашихъ знакомыхъ мужчинъ... то есть, я хотѣла сказать: въ числѣ моихъ поклонниковъ есть и женатые люди—спрашивается, чего они хотятъ? Ужь, конечно, у нихъ въ виду не упражненія въ супружеской вѣрности ни съ моей, ни съ ихъ стороны.

— Они вѣроятно знаютъ, что ты останешься непреклонной къ ихъ мольбамъ...—замѣтила я и прибавила, смѣясь:—Ну, а Фридрихъ также принадлежитъ къ этой фалангѣ?

— Ужь этого я не скажу тебѣ, дурочка. Благодарю и за то, что я сознаюсь откровенно въ своей симпатіи къ нему. Теперь отъ тебя зависитъ держать ухо востро.

— Я и то не зѣваю, Лори; не думай, чтобъ маленькія ухищренія твоего кокетства оставались для меня незамѣченными. Это, право, несовсѣмъ хорошо съ твоей стороны.

— Вотъ что! Ты ревнуешь? Ну, я стану дѣйствовать осторожноѣе на будущее время.

Мы обѣ разсмѣялись, однако несовсѣмъ искренно. Прикидываясь въ шутку ревнивой, я въ самомъ дѣлѣ немного ревновала, да и Лори, прикидываясь заинтересованной Фридрихомъ, дѣйствительно была къ нему несовсѣмъ равнодушна.

Гризбахъ не участвовалъ въ шлезвигъ-гольштинскомъ походѣ и это бѣсило его. Лори съ своей стороны тоже сердилась на „проклятую неудачу“.

— Такая славная, великолѣпная война! Она непременно доставила бы ему повышение, и вдругъ его полкъ остался на мѣстѣ!—жаловалась моя подруга.—Впрочемъ, надо надѣяться, что ужь въ ближайшую кампанію...

— Что ты тамъ толкуешь?—перебила я.—Да у насъ въ виду нѣтъ никакихъ политическихъ осложненій. Или тебѣ, можетъ быть, говорилъ кто нибудь? Изъ-за чего бы, кажется, возгорѣться теперь войнѣ?

— Изъ-за чего? Да я объ этомъ, право, нисколько не беспокоюсь. Войны являются, вотъ и все тутъ! Каждая пять-шесть лѣтъ непременно бываетъ война — ужь таковъ ходъ исторіи.

— Но должны же существовать какія нибудь причины?

— Можетъ быть, только кто ихъ знаетъ? Ужь, конечно, не я и не мой мужъ. „Изъ-за чего это опять дерутся наши?“ какъ-то спросила я его въ послѣднюю войну. „А, право, не знаю, да и это мнѣ рѣшительно все равно“,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами. „Досадно только, что меня туда не потребовали“. О, мой Гризбахъ—настоящій солдатъ! Въ дѣлѣ войны военному нечего докапываться: „зачѣмъ?“ да „почему?“ Это касается дипломатовъ. Я никогда не ломала головы надъ политическими вопросами. Намъ, женщинамъ, ужь совсѣмъ не къ лицу въ нихъ соваться, да и чтò мы поймемъ въ такихъ премудростяхъ? Когда разразилась гроза, надо молиться...

— Чтобы молнія ударила въ домъ сосѣда, а не въ нашъ? Это, разумѣется, проще всего!

(Продолженіе будетъ).

ВЪ ЛѢСУ.

~~~~~

Какъ флеромъ голубымъ, закрывъ на полчаса
Окрестность,—дождь прошелъ косыми полосами;
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ орошенными полями...

Тепло и аромать... свѣжѣетъ зелень ржи,
На солнцѣ бархатнѣй становится пшеница
И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ, у межи
Болтаютъ веселѣе птицы...

Пойдемъ же въ лѣсъ... Свѣжа и зелена
Березокъ куща тамъ, и дѣвственны, не смяты
Межъ ними ландыши... Цвѣтущая весна
Тамъ разлила свои лѣсные ароматы.

Пойдемъ туда... И снова, можетъ быть,
Напомнимъ намъ весна и роца молодая,
Какъ молоды еще съ тобой мы, дорогая,
Какъ можемъ мы еще и вѣрить, и любить...

Ив. Бунинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ.

(ОТЪ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА).

Парижъ переселился на Ходынское поле; это рѣдкостное событіе нарушило мирную жизнь москвичей. Французская выставка наконецъ открылась, на радость московскихъ и особенно уѣздныхъ дамъ, копившихъ деньги—между прочимъ, и изъ ассигнованныхъ дворянскимъ банкомъ,—въ надеждѣ купить здѣсь за грошъ мнѣя новомодныя платья и всякія бездѣлушки, которыя можно показывать пріятельницамъ и хоть этимъ позабавиться частью. Бѣдныхъ дамъ ждетъ, однако, горькое разочарованіе: то, что въ Парижѣ такъ дешево, о чемъ столько разъ, рассказывали астилицы, тамъ побывавшія, все это на Ходынскомъ полѣ дорого, во-первыхъ, существуетъ высокая пошлина, а, во-вторыхъ, французскіе комерсанты не желаютъ возвращаться домой съ дальнего сѣвера безъ солидной пачки рублей, хотя бы и бумажныхъ.

Еще болѣе разочаруются тѣ, кто поспѣшитъ на выставку. Она открыта съ 29-го апрѣля; это значить, что за 70 коп. днемъ и рубль вечеромъ вамъ любезно предоставляется право войти въ раду, смотрѣть то, что есть, и любоваться, какъ устраиваютъ трины, приносятъ необъятные ящики и выкладываютъ товаръ. Это для глазъ, а для слуха—стукъ молота, звукъ пилы и рубанка. Работники сильныхъ ощущеній также не останутся безъ пищи: работники могутъ задѣть ихъ длинными досками, которыя они отжигаютъ среди гуляющей публики; дамы могутъ запутаться въ разбросанныхъ по полу стружкахъ, зацѣпиться платьемъ за гвозди, торчащіе въ ящикахъ, между которыми приходится лавировать, и очутиться такимъ образомъ въ весьма конфузномъ и

неинтересномъ положеніи. Подумаешь, что все это за 70 копѣекъ и за тѣ же 70 копѣекъ еще сколько общаній! Будетъ поставлено еще много витринъ, будутъ оперетка и балетъ, будутъ въ саду цвѣты, будутъ подробные каталоги выставки,—все будетъ къ концу мая. Но такъ какъ теперь многого нѣтъ, и, главное, нѣтъ каталоговъ, я вынужденъ ограничиться общимъ впечатлѣніемъ, какое произвела на меня выставка, откладывая до другаго раза болѣе подробное ея описаніе... если она будетъ того заслуживать.

Впечатлѣніе это,—скажу прямо,—для французовъ не выгодно; и я говорю это съ сердечнымъ сокрушеніемъ, потому что питаю большую симпатію къ французамъ. Но съ нами, корреспондентами, случилось нѣчто, весьма неприятное: еще до открытія выставки, мы, бѣдные представители прессы, долго дежурили въ передней «генеральнаго секретаря» выставки. Положимъ, чинъ у меня маленькій, но даже министры любезно просятъ меня подождать въ приемной. Должно быть, «генеральный секретарь» — постъ очень важный, но намъ въ Россіи по невѣжеству нашему неизвѣстный, что нибудь въ родѣ статсъ-секретаря. У двери въ его кабинетъ стоятъ артельщики и безъ доклада никого «не пускаютъ», а, доложивъ, отвѣчаютъ: «очень заняты, просятъ подождать полчаса». Подождать приходится въ передней, и если одинъ изъ двухъ стоящихъ тутъ стульевъ пустъ, не возбраняется посидѣть. Наконецъ, впускаютъ въ святилище; принимаетъ васъ не самъ г. секретарь, а его помощникъ, лицо также весьма важное (и замѣчу въ скобкахъ: такой же французскій еврей, какъ и его начальникъ). Ему подается письмо отъ редактора того журнала, которому угодно было избрать васъ корреспондентомъ. Разсмотрѣвъ письмо, г. помощникъ секретаря требуетъ у васъ двѣ фотографическія карточки; на одной онъ дѣлаетъ собственноручную помѣтку, что вы такой-то, а другую передаетъ своей канцеляріи, съ приказаніемъ изготovitъ вамъ бесплатный входный билетъ, какъ представителю прессы. Въ канцеляріи говорятъ, что билетъ будетъ готовъ черезъ два часа. На ваше удивленіе, почему такой пустой вещи нельзя сдѣлать въ пять минутъ, вамъ резонно отвѣчаютъ, что билетъ долженъ быть подписанъ самимъ секретаремъ, а его въ конторѣ нѣтъ и нельзя же беспокоить его изъ-за такихъ пустяковъ. Я покорился судьбѣ и рѣшилъ посмотреть на работы; оказалось, что это невозможно. Положимъ, у меня былъ билетъ, любезно предоставленный мнѣ редакторомъ «Наблюдателя», но онъ потерялъ силу: за нѣсколько дней до открытія выставки, измѣнили форму билетовъ для осмотра работъ и мой устарѣлъ. Конечно, мнѣ выдали бы другой, но опять пришлось бы докладывать о себѣ, опять ждать «движенія

зоды», и т. д. Я вновь покорился судьбѣ и, побродивъ по пыльному шоссе, явился въ назначенное время; но тутъ меня съѣздить «пущать» не хотѣли и велѣли прійти черезъ полчаса, такъ какъ секретарь былъ чрезвычайно занятъ. Однимъ словомъ, я потерялъ полдня, тогда какъ въ былое время я въ Петербургѣ получалъ гораздо скорѣе заграничный паспортъ, и, какъ ни строга наша полиція, все же фотографической карточки отъ меня не требовали.

Вотъ начало, дурно повліявшее на мое расположеніе духа и маложившее неизгладимую печать на мои отношенія къ выставкѣ. Идея самой выставки, возникшая въ смѣлыхъ парижскихъ головахъ, была, повидимому, такова. Нѣсколько предприимчивыхъ французовъ рѣшили открыть лавочку въ Москвѣ, на почвѣ «франко-русскаго союза», существующаго или несуществующаго—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ очень моднаго. Смѣлыхъ организаторовъ хвалятъ за инициативу и предприимчивость; но, собственно говоря, они ничѣмъ не рискуютъ. Они набрали достаточное количество экспонентовъ и за каждый аршинъ земли взимаютъ съ нихъ приличную плату, такъ что самая маленькая вигрина даетъ не меньше 400 рублей. Высокая арендная плата съ содержателей ресторановъ, театровъ и проч. окупить значительную часть издержекъ по устройству выставки; прибавьте къ этому еще кругленькую сумму за входные билеты, и вы легко сообразите, что расходы смѣлыхъ инициаторовъ вернутся сторицею. Рискуютъ, слѣдовательно, одни экспоненты, твердо уповающие на симпатіи русскаго общества. Если имъ придется увезти домой болъшую часть товара, они провозгласятъ насъ ничего не понимающими варварами и тогда—чего добраго!—конецъ франко-русскому альянсу, который теперь такъ живописно изображенъ при самомъ входѣ на выставку.

На главномъ фасадѣ развѣшаны въ перемежку флаги русскихъ и французскихъ цвѣтовъ, гербы французскихъ и всероссійскихъ городовъ. Какой трогательный альянсъ: Лионъ и Царевokokшайскъ, Марсель и Пошехонье! Еще болѣе трогательную картину представляютъ рестораторы г. Ансаръ и г. Александровъ, помѣстившіеся рядомъ: и тотъ, и другой кормятъ и поятъ публику. Ихъ сосѣдство какъ будто наглядно изображаетъ франко-русскій союзъ; зайти съ тому или другому, это почти то же самое,—два шага направо или два шага налево. Но подъ близкимъ сосѣдствомъ и наружною грязнью скрывается тайное недоброжелательство. Ансаръ старается прельстить французскими гарсонами и парижскимъ коньякомъ, стоимостью въ 60 коп. и 1 руб. за рюмку; онъ надѣется, что фешенебельные русскіе не станутъ ѣсть въ русскомъ трактирѣ

Когда тут же рядом можно заказать обѣдъ на французскомъ языкѣ и получить счетъ, написанный на парижскомъ жаргонѣ. И какой счетъ! Чтобы пообѣдать у Ансара, надо, по крайней мѣрѣ, имѣть два дома въ Москвѣ, да три имѣнія въ черноземной полосѣ. Хитрый французъ сообразилъ, что всякому лестно хоть во время обѣда казаться рантьеромъ и пропріетеромъ. Поэтому, за кусочекъ сыра послѣ обѣда взимается 60 коп.; это тотъ самый кусочекъ, который въ Парижѣ стоитъ 10 коп., изъ чего слѣдуетъ, что французы считаютъ насъ въ шесть разъ богаче, чѣмъ они сами.

Теперь, конечно, трудно предсказать, какіе плоды пожнутъ экспоненты; но я считалъ ихъ дальновидѣе и остроумнѣе. Я думалъ, что они пожертвуютъ настоящимъ для будущаго, выставляютъ кучу баснословно дешеваго товара, довольствуясь минимальнымъ барышемъ, и, уже поймавъ на эту удочку всероссійскую публику, откроютъ свои магазины по нашимъ градамъ и весямъ. Но французы хотятъ дѣйствовать по русски; они надѣются нажиться быстро и вернуться осенью въ Парижъ съ карманами, туго набитыми нашими процентными бумагами. На выставкѣ есть хорошія и изящныя вещи, но цѣны такъ солидны, что средній покупатель удаляется съ ужасомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ о своей бѣдности. Очень хорошъ, напр., отдѣлъ бронзы, но тутъ самая ничтожная, самая маленькая вещица цѣнится *въ 80—100 руб.* Много ли у насъ такихъ любителей?! Возьмемъ другой отдѣлъ, пріятный сердцу каждаго россіянина,—отдѣлъ винъ. За маленькой стойкой двѣ милостивныя французенки любезно откупориваютъ бутылки шампанскаго и разливаютъ шипучую влагу въ бокалы. При ближайшемъ ознакомленіи, оказывается, что милыя парижанки, по крайней мѣрѣ, на половину русскія; онѣ принадлежатъ къ созданіямъ, торгующимъ во французскихъ кондитерскихъ и говорящимъ по французски съ посѣтителеми, которые хотятъ щегольнуть своимъ европейскимъ образованіемъ; онѣ называютъ другъ друга Альфонсами и Матильдами, но какъ только въ кондитерской никого нѣтъ, французенки разговариваютъ на чистѣйшемъ московскомъ нарѣчій и называютъ другъ друга Аграфенами и Маремами. Тѣмъ не менѣе, шампанское, которое наливаютъ эти дѣвицы—говорятъ—пріѣхало прямо изъ Шампани. Это, конечно, утѣшительно, особенно для вѣрующаго; менѣе утѣшительно то, что за бокаль берутъ 75 коп., — нѣсколько дешевле, чѣмъ на благотворительныхъ базарахъ. Никому не воспрещается выпить цѣлую бутылку и внести за это 8 руб. Тутъ же вы можете получить маленькую карточку, гдѣ значится, что лучшее шампанское стоитъ 6 франковъ, т. е. по теперешнему курсу 2 руб. Это—цѣна безъ провоза и безъ

пошлины; съ накладнымъ расходомъ выдать, должно быть, 4 руб.; все таки дешево, и вы собираетесь уже захватить бутылочку-другую, чтобы угостить пріятеля, но тутъ оказывается, что *меньше 25 бутылокъ не продаютъ*. Увы! ста рублей на шампанское у васъ въ карманѣ не оказывается. Это — крупная и поразительная ошибка. Можно сказать съ увѣренностью, что нѣтъ ни одного москвича, который по тому или иному случаю—а случаевъ выпить такъ много—не купилъ бы бутылку-другую, настоящаго шампанскаго; но вдругъ—25 бутылокъ!.. Нельзя же заставлять добродушнаго обывателя поглощать сразу такое количество.

По дорогѣ въ Москву, французы какъ будто утратили нѣкоторыя свойства, плѣняющія насъ въ Парижѣ. Извѣстно, что они большіе мастера выставлать товаръ, но на Ходынскомъ полѣ этого что-то не замѣтно. Витрины ужь очень просты и не изящны, и, можетъ быть, не хватаетъ мѣста для роскошнаго эталажа. Нѣкоторые шкафы по моему очень неинтересны, напр., сукно для панталонъ; о добротѣ судить подѣ стекломъ нельзя, а рисунки—самые обыкновенные, какіе мы всѣ носимъ. Отдѣлъ дамскихъ платьевъ поражаетъ своимъ безвкусіемъ.

Здѣсь выставлено, между прочимъ, произведеніе, которымъ одинъ портной хотѣлъ приобрести безсмертную славу, и потому оцѣнилъ его въ *10 тысячъ франковъ*. Это—такъ называемое придворное платье изъ зеленого бархата (aquamarin) съ весьма длиннымъ треномъ; безконечный хвостъ расшитъ золотомъ и изукрашенъ луннымъ камнемъ и другими камнями, напр., рубинами, конечно, фальшивыми. Костюмъ аляповатъ и некрасивъ; эффектъ онъ могъ бы произвести только при дворѣ шаха персидскаго. Смотрѣлъ я и другія платья, но понравилось мнѣ только одно, и то лишь потому, что оно бѣлое, почти безъ всякой отдѣлки. Меня могутъ принять за шутника или за дикаго человѣка, не понимающаго красоты въ европейскомъ смыслѣ слова. Сознаюсь, что я своимъ глазамъ не вѣрилъ; всѣмъ извѣстно, что никто не имѣетъ столько вкуса, какъ французскіе портные и портнихи—законодатели моды—и вдругъ платья въ 500—600 рублей, которыхъ не купить ни одна свѣтская дама, умѣющая одѣваться. Я думаю, это объясняется тѣмъ, что лучшія парижскія мастерскія ничего не прислали въ Москву. На подобную мысль навелъ меня косметическій отдѣлъ. Тутъ духи, помады, особенно много бѣлил и румянъ, но все неизвѣстныхъ фирмъ. Фабриканты, пользующіеся извѣстностью, ничего не прислали. Надо думать, что французскіе купцы посмотрѣли на выставку, только какъ на хорошую рекламу и выгодную лавочку;

оттого крупныя фирмы, въ рекламѣ не нуждающіяся, ничего и не выставили. Въ самомъ дѣлѣ, какой барышъ могъ получить отъ выставки нап., Пино, когда его духи имѣются въ каждомъ аптекарскомъ магазинѣ?

Любителямъ прекраснаго пола и пикантнаго времяпровожденія я очень совѣтую провести день-другой на выставкѣ. Чтобы прійти въ надлежащее настроеніе, надо зайти прежде всего въ художественный отдѣлъ. Здѣсь множество голыхъ женщинъ во всѣхъ видахъ и направленіяхъ. Здѣсь встрѣчаются сюжеты мифологическіе съ Венерами и Психеями въ классической наготѣ, какая и подобаетъ богинямъ; сюжеты историческіе, гдѣ знаменитыя женщины появляются голыми въ силу сложившихся обстоятельствъ; сюжеты современные, гдѣ дамы совлекаютъ одежды безъ достаточнаго основанія, исключительно по винѣ автора. Этюды наготы многообразны: женщина стоя, женщина, повернувшаяся спиной, женщина, лежащая на правомъ боку; таковая же, лежащая на лѣвомъ боку; женщина, лежащая на спинѣ, лежащая на животѣ. Эффектно это множество голыхъ тѣлесъ на одномъ полотнѣ; но эффектно и одно голое тѣло, достаточно крупное, на которомъ вы можете изучить всѣ детали женскаго естества. Совѣтую всѣмъ маменькамъ привести сюда своихъ слишкомъ чопорныхъ дочерей; онѣ такъ привыкнуть къ наготѣ, что, пожалуй, раздѣваться станутъ при кавалерахъ и—чего добраго—скорѣе жениховъ найдутъ. Послѣ разнообразныхъ ощущеній, испытанныхъ въ художественномъ отдѣлѣ, надо и отдохнуть. Для этого рекомендую сходить въ алжирскую кофейню,—настоящій плодъ современной цивилизаціи. Эта якобы восточная кофейня—искусная фальсификація, гдѣ не только кофе, но и женщины поддѣланы на восточный манеръ. Парижанинъ, одѣтый въ алжирскій костюмъ, предлагаетъ вамъ за 20 коп. чашку чернаго кофе, свареннаго по восточному. Я бывалъ въ Константинополѣ, и сейчасъ же замѣтилъ, что похоже, да несовсѣмъ; на двѣ чашки есть немного гущи, но гуща не восточная и аромать то же не восточный. Настоящій «турка» отвернулся бы отъ такого кофе. Въ кофейнѣ устроена крошечная сена, у подножія которой сидитъ тапёрша. По усиленному требованію публики, дается представленіе. Занавѣсъ взвивается, на эстрадѣ появляется группа арабскихъ женщинъ. Нѣкоторыя, для большаго эффекта, выкрашены въ коричневый цвѣтъ, будто онѣ загорѣли подъ палящими лучами алжирскаго солнца, котораго никогда и не видали. Подъ звукъ полекъ и канкановъ, Зульма, Тальма, Фатьма, одна за другой исполняютъ восточные танцы, которые всего лучше назвать криклянціемъ. При ближайшемъ ознакомленіи, оказывается, что эти живописныя дѣвицы («живописныя» въ томъ смыслѣ, что лица ихъ

представляютъ, дѣйствительно, живопись) весьма хорошо знаютъ русскіе порядки, кабинеты въ Эрмитажѣ и у Палкина, сивуху и балыкъ. Ларчикъ просто открывается: Зульма и Фатъма—хористки неизвѣстной національности, не разъ побывавшія въ Аркадіи и другихъ опереточныхъ театрахъ.

Кофе надо закусить чѣмъ нибудь и скоротать какъ нибудь время до обѣда; поэтому въ четыре часа слѣдуетъ отправиться въ вафельное отдѣленіе, которое открывается какъ разъ въ это время. Вафли, какъ многое другое на выставкѣ, служатъ иллюстраціей франко-русскаго союза. Русскіе повара, вооружившись большими ложками, черпаютъ массу изъ кадокъ и льютъ ее на машину, согрѣваемую газомъ (въ родѣ щипцовъ у французскихъ парикмахеровъ) — изобрѣтеніе французскаго гения. Черезъ минуту вафля готова; изъ грубыхъ рукъ русскаго повара беретъ ее въ свои деликатныя ручки французженка, кладетъ на тарелку, посыпаетъ сахаромъ и подаетъ вамъ. Вкусна и пахнетъ ванилью. Вафли пользуются наибольшимъ успѣхомъ; одна штука стоитъ всего гривенникъ, это для кармана необременительно, а между тѣмъ гривенники создадутъ множество франковъ, потому что едва ли вафля стоитъ себѣ болѣе двухъ копѣекъ.

Поглотивъ достаточное количество вафель, вы можете—если у васъ останется мѣсто въ желудкѣ—пообѣдать, причемъ на благоусмотрѣніе cadaго предоставляется заказать себѣ рябчика, купленнаго въ Охотномъ ряду, но изготовленнаго во французскомъ ресторанѣ, и заплатить за него кучу франковъ, или за умѣренную цѣну съѣсть такого же рябчика, изжареннаго подъ руководствомъ иностранца Ломача (заправителя буфета у Александра) и сервированнаго русскимъ лакеемъ во французскомъ платьѣ. Послѣ обѣда, можно поболтать съ пріятелями или посмотреть, какъ убираютъ товаръ изъ витринъ и лавочка закрывается. Это не значить, что надо уходить домой; въ 8 часовъ открывается театръ-концертъ г. Омона. Заведеніе это въ просторѣчьи называется кафе-шантаномъ, гдѣ все дурное заимствовано изъ русскихъ нравовъ. Въ Парижѣ берутъ за входъ весьма умѣренную плату, и въ самой залѣ вамъ сервируютъ прохладительные и крѣпительные напитки; поэтому антракты продолжаются 10 минутъ, не дольше. На Ходынкѣ, за ложи взимаютъ 12 и 10 руб., за кресло 1-го ряда—4 руб., 2-го ряда—3 руб. и т. д. Антракты длиннѣйшіе, рассчитанные на то, что посѣтители посидятъ въ буфетѣ, гдѣ все получить можно, но зато все втридорога. Театръ Омона — это опять таки трогательное олицетвореніе франко-русскаго альянса. Россія представлена здѣсь куплетистами-гармонистами-балалаечниками, кото-

рые, одѣвшись въ польскіе костюмы, стараются доказать, что у насъ утраченъ интересъ къ русской пѣснѣ. На русскіе мотивы распѣваютъ они куплеты о Кохѣ и его лѣченіи, причемъ по стихосложенію какого-то доморощенного поэта выходитъ, что *Кох* и *много*—это богатѣйшая рима. Франція прислала представительницъ парижскихъ бульваровъ и даже одну «звѣзду»; по крайней мѣрѣ, такъ титулуется на афишѣ нѣкая шансонетная пѣвица. Можетъ быть, это будущая Нанà, и нужно надѣяться, что она увезетъ съ собою пріятное воспоминаніе о русскихъ бумажникахъ. «Птички пѣвчія» вообще потрафляютъ нашему вкусу и показываютъ все, что у нихъ есть, и даже то, чего нѣтъ. Большой фуроръ произвела одна пѣвица, вышедшая на сцену въ одной шляпкѣ: по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось сначала; потомъ уже я разсмотрѣлъ, что на ней трико. Она очевидно хотѣла доказать, что турниръ отмененъ не безъ причины, ибо далеко не всѣмъ онъ нуженъ.

Въ заключеніе, совѣтую всѣмъ отправляющимся на выставку запастись тремя вещами: фонаремъ, синими очками и складнымъ стуломъ. Последняя принадлежность необходима, потому что далеко не у всѣхъ такія крѣпкія ноги, какія предполагаетъ почтенная администрація. Пока выставка окончательно не устроена, можно садиться на ящики съ нераспакованнымъ товаромъ, хотя не безъ риска, потому что гвозди любятъ впиваться въ мягкія части нашего брэннаго тѣла. Но когда ящики уберутъ, будетъ труднѣе найти скамейку... чѣмъ здравую мысль въ «Гражданинѣ». Темныя очки нужны, чтобы не ослѣпнуть; такъ называемый садъ очевидно боится воды: онъ представляетъ сплошную пыль, поднимающуюся безъ всякой церемоніи и засоряющую самые чистые глаза. Наконецъ, выставка освѣщается электричествомъ, кажется, со специальною цѣлью доказать, что и при этомъ освѣщеніи XX вѣка можетъ быть темнѣе, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городкѣ. Въ 11 часовъ гасятъ 99 фонарей и оставляютъ одинъ; послѣ этого, администрація съ истинно французскою галантностью предоставляетъ желающимъ провести на выставкѣ еще два часа. Это очень пріятно амурничающимъ парамъ, но не посѣтителемъ строгихъ нравовъ, которые, пробираясь къ извозчикамъ, могутъ только наткнуться на стулья, разставленные въ саду, или на фонарные столбы. Поэтому благоразумнѣе взять съ собой изъ дому фонарь въ руки, чтобы не возвратиться съ таковымъ на лбу.

М. Синимагиновъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Праздникъ социалистовъ.—Французскіе анархисты.—Убійства въ Фурми.—Парламентскія волненія.—Беспорядки въ Италіи.—Соціализмъ въ Германіи.—Принятіе рейхстагомъ законопроекта о рабочихъ.—Поездки и рѣчи Вильгельма II.—Кто хозяинъ въ представительномъ правленіи?—Нынѣшній повинистъ и бывшій буршъ.—Цензура, не пропускающая императорскихъ рѣчей.—Смерть Мольтке и живучесть Бисмарка.—Война сербскаго правительства со своей королевой.—Бѣлградскія сцены и столкновенія.—Новые подвиги жидовства.—Убійство христіанской дѣвочки въ Корфу.—Неудачный походъ противъ русскихъ финансовъ Ротшильда, отказывающагося отъ своей подписи.—Англія, интригующая за спиною жида.—Дрейфюзъ и французскіе жида.—Какъ относятся къ жидовству Германія и Англія?—Возвращеніе Цесаревича.

Извѣстно, что годъ тому назадъ социалисты, не соблюдающіе никакихъ праздниковъ, постановили одинъ день въ году назначить всемірнымъ праздникомъ социализма, и выбрали для этого первый день послѣдняго весенняго мѣсяца. Само собою разумѣется, что въ праздникъ работать не слѣдуетъ, а потому вожаки партіи приглашали всѣхъ рабочихъ Европы и Америки прекратить на этотъ день всякія работы по всѣмъ фабрикамъ, копиямъ, мануфактурамъ. Воззваніе это не имѣло, однако, успѣха и большинство «арміи труда» отказалось даже отъ однодневной забастовки, тѣмъ болѣе, что многіе заводчики и работодатели объявили, что исключаютъ тѣхъ рабочихъ, которые не явятся 1-го мая въ обычнымъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе, день этотъ возбудилъ вездѣ тревожныя опасенія между правительствами и капиталистами: ждали большихъ забастовокъ! и беспорядковъ, приняли мѣры дать сильный отпоръ, но, сравнительно, почти вездѣ день прошелъ довольно спокойно, хотя анархисты воспользовались случаемъ, чтобы пограбить, гдѣ можно, буржуазію и поднять народъ во имя его нарушенныхъ правъ. Въ Парижѣ они дерзко нападали мѣстами на полицію и даже пытались взорвать отель герцога Тревизскаго, въ самомъ центрѣ столицы, на углу Елисейскихъ полей и Беррійской улицы. Только благодаря солидной постройкѣ, отель не пострадалъ отъ взрыва динамитнаго патрона, подложеннаго въ подвалъ, но трескъ отъ взрыва былъ такъ силенъ, что его слышали на разстояніи версты, и отъ дѣйствія его во многихъ сосѣднихъ домахъ разбились стекла, а сосѣдній съ отелемъ шеститажный

домъ такъ пострадалъ, что нуждается въ серьезномъ ремонтѣ. Всѣ жильцы должны были выѣхать изъ него, и вообще въ кварталѣ была большая паника. Анархисты мстили герцогу Тревизскому, сыну маршала Мортъе, за то, что онъ, какъ членъ комитета угольныхъ копей, содѣйствовалъ преслѣдованію браконьеровъ. Въ отдаленной части города, Левалуа-Летерье, произошла кровопролитная свалка; на улицѣ появилась группа анархистовъ съ краснымъ знаменемъ, но была разогнана патрулемъ и ретировалась въ сосѣдній кабакъ въ Клиши. Полицейскій комисаръ съ нѣсколькими сержантами предложилъ имъ удалиться, но они стали стрѣлять изъ револьверовъ, потомъ сдѣлали вылазку и напали на полицію. Произошла свалка, и анархисты начали дѣйствовать кинжалами. Полицейскимъ приходилось плохо, многіе изъ нихъ были ранены. Но на выстрѣлы прискакало нѣсколько жандармовъ. Одинъ анархистъ распоролъ кинжаломъ брюхо лошади, жандармъ упалъ и переломилъ ногу, но остальнымъ удалось смять разбойниковъ и обратить въ бѣгство. Гораздо сильнѣе беспорядки были въ Лионѣ, гдѣ въ трехъ мѣстахъ города произошли серьезные схватки между народомъ и войсками. Возставшихъ было болѣе тысячи; они несли революціонныя эмблемы и кричали: *à bas l'armée!* На предложеніе разойтись отвѣчали камнями и выстрѣлами изъ револьверовъ. Кавалерія не разъ должна была производить формальныя атаки цѣлыми эскадронами. Было немало раненыхъ.

Но самые серьезные беспорядки произошли въ Фурми, фабричномъ городѣ Сѣвернаго департамента. Утромъ было арестовано нѣсколько стачниковъ, подстрекавшихъ и другихъ рабочихъ послѣдовать ихъ примѣру. Въ 5 часовъ вечера, 1,200 человекъ напали на мерію, гдѣ были заперты арестованные, и требовали ихъ освобожденія. Нападавшіе начали бросать камни и вступили въ рукопашную схватку со стражей. Схватили одного офицера и онъ съ трудомъ вырвался живымъ. Тогда войска начали стрѣлять въ народъ и убили, по официальнымъ свѣдѣніямъ, семь человекъ, между которыми были женщины и дѣти, да ранили десять, но парижскія газеты увеличиваютъ число убитыхъ до 14, раненыхъ до 40. Эти убійства страшно раздражили рабочихъ, а подавленіе беспорядковъ подало поводъ къ усиленной агитаціи противъ министерства. Устроены были митинги негодованія. Антиправительственныя газеты начали печатать, что войска стали стрѣлять въ народъ безъ нужды, что не было сдѣлано требуемаго закономъ воззванія—разойтись. Констатировали ужасное дѣйствіе стрѣльбы изъ новыхъ ружей Лебеля: рабочіе не видѣли ни дыма, ни огня, не слышали никакихъ звуковъ, а между тѣмъ падали, какъ снопы, пораженные пулями, производившими ужасныя раны. Въ палатѣ депутатовъ посыпались запросы министру внутреннихъ дѣлъ. Депутатъ лѣвой стороны Габриель сказалъ: «Лебе-

левскія ружья, назначенныя для виѣшнихъ враговъ, совершили чудеса противъ французскихъ рабочихъ». Его призвали къ порядку. Гранжэ, бывшій буланжистъ, называлъ министра убійцею рабочихъ. Пренія продолжались и на другой день. Радикаль Дюме говорилъ, что само правительство вызвало беспорядки своими распоряженіями: во Франціи рабочимъ запретили производить манифестаціи, когда въ Англіи и Германіи это было разрѣшено. Поэтому, тамъ все и прошло спокойно, а во Франціи лилась кровь. Дюме сталъ увѣрять, что одинъ унтеръ-офицеръ приказалъ стрѣлать въ женщинъ. Оратору закричали: «вы врете!» Соціалистъ Буайе говорилъ, что онъ былъ въ Марсели и самъ пострадалъ отъ грубости полиціи и солдатъ. Тамъ войска напали на манифестантовъ безъ всякаго вызова съ ихъ стороны. Буланжистъ Рошъ сообщилъ, что онъ вернулся съ мѣста катастрофы, гдѣ произвелъ безпристрастное изслѣдованіе. Жестокая расправа съ народомъ ничѣмъ не была мотивирована. Стрѣльба продолжалась минуты четыре, но аббатъ Мегріэ выбѣжалъ изъ церковнаго дома и бросился между сражающимися со словами: «довольно! перестаньте стрѣлать!» Болѣе тридцати семействъ потеряли своихъ кормильцевъ. Въ тѣлѣ убитыхъ найдено даже по шести пуль. При этомъ ораторъ развязалъ принесенный имъ на трибуну узелъ и показалъ окровавленную рубашку, пронизанную пятью пулями и полученную отъ вдовы убитаго. «Нельзя извинить,—говорилъ онъ,—что нашихъ солдатъ заставляютъ играть роль мясниковъ, если не убійцъ». Президентъ Флокэ заявилъ, что онъ не позволитъ оскорблять войско. Рошъ протестовалъ, что его упреки направлены не противъ войска, а противъ министра, который давно сидѣлъ бы на скамьѣ подсудимыхъ, еслибы во Франціи существовало правосудіе. Констанъ, взойдя на трибуну, объявилъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность за сдѣланныя имъ распоряженія. Вездѣ, гдѣ было достаточно войска, спокойствіе не было нарушено. Открытый бунтъ въ Фурми произошелъ оттого, что туда послано мало войска. Чтѣ было дѣлать солдатамъ, подвергавшимся оскорбленіямъ, нападеніямъ и насиліямъ? Рабочихъ подстрекали агитаторы. Министръ кончилъ словами: «Я выражаю свою признательность тому, кто былъ такъ несчастливъ, что вынужденъ былъ совершить то, чтѣ совершилось, для исполненія своего долга». Рошъ три раза закричалъ въ лицо Констану: «Убійца!» Ему вторили соціалисты и даже многіе изъ публики въ галереяхъ. Палата потребовала «цензуры», то есть осужденія Роша. «Я требую,—кричалъ онъ,—чтобы въ официальномъ текстѣ было сказано, что я подвергся взысканію, защищая убитыхъ противъ убійцъ». Рошъ былъ присужденъ къ временному удаленію изъ палаты и, уходя, сказалъ: «Вы всѣ лакеи, достойные своего барина». Мильеранъ потребовалъ назначенія слѣдственной комисіи. Президентъ совѣта министровъ, Фрейсинэ, возсталъ противъ этой мѣры, и она была

отвергнута палатой, хотя за нее подали голоса и члены правой стороны: Кассаньякъ, граф де-Мёнъ и др. Переходъ къ очереднымъ дѣламъ былъ принятъ послѣ выраженія палатою одинаковаго чувства симпатіи къ рабочимъ и къ арміи, и рѣшимости осуществить мирными средствами законныя требованія рабочихъ. Понятно, что такія фразы и благопожеланія не могли разрѣшить жгучаго вопроса, и онъ перешелъ изъ палаты въ частныя собранія и журналистику. Въ Парижѣ, въ Тиволи и другихъ мѣстахъ были очень бурныя политическія сходки. На нихъ ораторствовали: Гранжэ, Габріель, Рошъ и буланжистъ Лоръ. Въ Тиволи какой-то анархистъ началъ кричать: «Долой отечество!» но его выгнали и постановили резолюцію, обозвавшую Константа убійцею, измѣнникомъ, прихвостнемъ выскочекъ и большинства палаты. Манифестаціи продолжались на улицѣ, такъ что толпу разогнали только атаки кавалеріи. Явилось очень много недовольныхъ палатою и ея президентомъ, Флокэ, отказавшимся принять депутацію рабочихъ. Буланжисты опять зашевелились съ тѣхъ поръ, какъ глава ихъ переселился въ Брюссель. Въ сѣверныхъ департаментахъ сильное броженіе.

Кровь пролилась перваго мая и въ Римѣ, но исключительно по винѣ анархистовъ. Держась строго конституціи, правительство не запрещало сходокъ и на открытыхъ мѣстахъ. На площади Іерусалимскаго Креста устроили трибуну съ краснымъ знаменемъ общества социалистовъ «gioventu operosa» (дѣйствующая молодежь) и чернымъ — въ память Оберданка, покушавшагося убить императора Франца-Іосифа. Ораторами были три красныхъ члена палаты депутатовъ (между ними одинъ анархистъ, еврей Барцилай) извѣстный агитаторъ Чипріани и анархистъ Ланди. Всѣ они громили католицизмъ и правительство, но Ланди началъ кричать: «Довольно болтали! Пора перейти отъ словъ къ дѣлу!» Полицейскій комисаръ увидѣлъ въ этихъ словахъ призывъ къ насилію и приказалъ арестовать Ланди. Жандармъ схватилъ его за воротъ, но въ ту же минуту былъ заколотъ кинжаломъ. Произошла свалка, которою Ланди воспользовался, чтобы бѣжать (онъ до сихъ поръ не разысканъ). Разсвирѣпѣвшая толпа смяла полицію и бросилась въ городъ, но ее встрѣтили два эскадрона кавалеріи и отрядъ пѣхоты. Ихъ осыпали градомъ камней, но войска произвели атаку и нѣсколько анархистовъ были ранены сабельными ударами. Они скрылись въ сосѣдніе дома и начали бросать изъ оконъ въ солдатъ чтó попало. Ихъ выбили оттуда штыками. Пробовали строить баррикаду, но она была тотчасъ разрушена, причемъ двое было убито и до сорока ранено, между ними четыре офицера и 25 солдатъ. Войска дѣйствовали только холоднымъ оружіемъ. Въ городѣ магазины и лавки поспѣшно запирались; вездѣ били тревогу, засѣданіе палаты открылось позже обыкновеннаго, когда порядокъ былъ возстановленъ и множество анархистовъ арестовано. Министръ внутрен-

нихъ дѣлъ Никотера отвѣчалъ на запросъ о событіи, что войска вели себя образцово, даже слишкомъ великодушно. «Большаго долготерпѣнія нельзя требовать, когда имѣешь дѣло съ сотнями изступленныхъ, взывающихъ къ грабежу, убійствамъ и поджогамъ. Во всей Италіи рабочіе соблюдаютъ спокойствіе и порядокъ. Здѣсь приходилось дѣйствовать только противъ анархистовъ, а снисходительно обращаться съ этой сволочью было бы преступленіемъ». Министръ подтвердилъ фактъ, что Барцилай получилъ сабельный ударъ, но замѣтилъ, что депутатамъ не слѣдовало бы участвовать въ анархической сходкѣ. Въ палатѣ поднялся шумъ. Кабинетъ потребовалъ довѣрія, которое и было дано значительнымъ большинствомъ.

Въ Берлинѣ, день перваго мая прошелъ совершенно спокойно. Забастовавшихъ рабочихъ почти не было. Пошумѣли нѣсколько больше обыкновеннаго въ народныхъ кабакахъ, выпили больше кружекъ пива и тѣмъ все кончилось, но газеты, принимающія къ сердцу интересы среднихъ классовъ, сильно озабочены развитіемъ социализма и пророчатъ большія бѣды въ близкомъ будущемъ. Они насчитываютъ въ Германіи до четырехъ милліоновъ социалистовъ, и это число не кажется преувеличеннымъ. На послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ, было подано больше двухъ милліоновъ голосовъ за социаль-демократическихъ кандидатовъ. А сколько же еще не подавали голосовъ, сколько лицъ, не имѣющихъ права голосованія, сколько женщинъ—почти десятый процентъ всего нѣмецкаго населенія: цифра почтенная! Четыре милліона гражданъ не признаютъ ни императорской власти, ни собственности, ни религіи, ни даже патриотизма, считая національное чувство признакомъ отсталости. Центральнй органъ социализма, газета «Vorwärts», праздновала годовщину учрежденія французской коммуны изданіемъ особаго торжественнаго нумера на ярко-пурпурной бумагѣ. Всѣхъ социалистическихъ журналовъ теперь въ Германіи 178, сотни школъ и учебныхъ заведеній. Въ апрѣлѣ, въ Берлинѣ открылось восемь новыхъ школъ, Fortbildungs-Schule, для рабочихъ. Десятки тысячъ умныхъ и энергичныхъ агентовъ-проповѣдниковъ, дисциплинированныхъ не хуже регулярной арміи, распространяютъ ученіе социализма не только въ городахъ, но и по деревнямъ, среди сельскаго населенія. И съ этою страшною силою правительство стало только недавно считаться, десятки лѣтъ умышленно игнорируя успѣхи социальной пропаганды, замалчивая ее, а гдѣ можно, и вовсе запрещая говорить объ ней. Не похожи ли эти глубокомысленные политики на людей, которые, при видѣ приближающейся опасности, закрываютъ глаза, думая, что этимъ устраняютъ ее? Опасность не велика, пока во главѣ этой грозной массы стоятъ такіе повелители, какъ Бебель и Либнехтъ. Оба эти высокоталантливые и высокопоставленные депутаты — старики, идеалисты прошлыхъ временъ,

искренно любящие народъ и надѣющіеся достигнуть своихъ цѣлей путемъ мирныхъ преобразованій. Но надолго ли они сохранятъ свое вліяніе надъ молодымъ поколѣніемъ рабочихъ? Недавно Либнехтъ посѣтилъ концертъ въ залѣ фисгармоніи, въ учрежденіи, считающемся ретрограднымъ, и долженъ былъ извиняться въ этомъ передъ тремя тысячами молодежи, потребовавшей у него объясненія на сходкѣ. Старику, полжизни высидѣвшему въ тюрьмѣ за свои убѣжденія, честнѣйшему вождю партіи, пришлось выслушать нахальные дерзости отъ людей, которые гораздо ниже его по таланту и образованію. Изъ другихъ социалистовъ ббльшею популярностью пользуются Вернеръ и Бруно Вилле, но они—писатели, живущіе теоріями, и неспособные удержать своихъ приверженцевъ отъ крупныхъ беспорядковъ. Новаго Лассала нѣтъ въ виду, а, между тѣмъ, найдись ловкій, самолюбивый агитаторъ со звучнымъ голосомъ, съ умѣньемъ говорить эффектныхъ фразы, съ представительной внѣшностью,—и многотысячная толпа, вскормленная недовольствомъ и революціонными утопіями, смѣло пойдетъ за нимъ на любое кровавое дѣло.

Теперь нѣмецкихъ социалистовъ сдерживаетъ то обстоятельство, что императоръ взялъ въ свои руки рѣшеніе части социальнаго вопроса—положенія рабочихъ; но хотя проэктъ дѣйствительно либеральныхъ реформъ въ этомъ дѣлѣ принятъ окончательно рейхстагомъ, многіе находятъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано все еще очень мало. Такъ, постановленіе, что рабочіе, оставляющіе безъ всякой причины работодателя, обязаны за это уплатить вознагражденіе, возбудило неудовольствіе социалистовъ; ихъ не удовлетворило и учрежденіе наблюдательныхъ комисій изъ рабочихъ при заводахъ. По вопросу о работѣ женщинъ и дѣтей, рейхстагъ постановилъ, что женщины должны работать не болѣе 11-ти часовъ, а работа дѣтей до 13-лѣтняго возраста — вовсе запрещается; для дѣтей же до 16-ти лѣтъ — ограничена. Бебель требовалъ еще ббльшаго сокращенія рабочихъ часовъ, такъ какъ женщины съ каждымъ днемъ принимаютъ все больше участія на фабричныхъ работахъ, а это, ослабляя женскій организмъ, ведетъ къ вырожденію націи, что видно уже и теперь при наборѣ, поставляющемъ съ каждымъ годомъ все мѣньшее число здоровыхъ солдатъ. Что же касается до смертности дѣтей, то она, по статистическимъ цифрамъ, доходитъ до ужасающихъ размѣровъ въ промышленныхъ округахъ. Вопросъ о нормальномъ рабочемъ днѣ не рѣшенъ, потому что всякое сокращеніе часовъ повело бы здѣсь къ вздорожанію производства. Установлена только продолжительность рабочаго дня, съ точки зрѣнія санитарной охраны рабочихъ, но всякое иное ограниченіе встрѣчаетъ сопротивленіе даже со стороны самихъ рабочихъ. Проэктъ устройства кассы для больныхъ рабочихъ отложенъ. Воскресный отдыхъ обезпеченъ для всѣхъ рабочихъ; вообще,

сдѣлано много полезныхъ улучшеній, но полумѣры, какъ во всѣхъ законахъ, даютъ возможность обходить ихъ. Затѣмъ сессія парламента пріостановилась болѣе чѣмъ на полгода (по 10-е ноября). Для чего понадобился правительству такой продолжительный срокъ?

Германскій императоръ занимается все тѣмъ же, чѣмъ и прежде: не сидитъ на одномъ мѣстѣ, поминутно разъѣзжаетъ, мѣняетъ своихъ министровъ и говоритъ рѣчи при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Разъѣзды его не всегда оканчиваются благополучно: недавно русская тройка, вывезенная имъ изъ Россіи, выбросила его изъ экипажа, ударившагося о столбъ. Вильгельмъ остался невредимъ, но неужели нельзя, въ подобныхъ случаяхъ, принять болѣе серьезныя мѣры: предосторожности? Вѣдь ужъ который разъ случаются съ нимъ несчастія отъ скорой ѣзды. Нельзя же всякій разъ надѣяться на счастливый исходъ, да на чудесное спасеніе. На этотъ разъ лошади понесли оттого, что въ тройку, вмѣсто захворавшей русской, впрягли нѣмецкую лошадь: господа шталмейстеры не додумались до того, что нѣмецкая кляча, не привыкшая къ троечной ѣздѣ, не пойдетъ вровень съ нашими лошадьми. Не подошелъ къ новымъ любимцамъ императора и старый министръ путей сообщенія, Майбахъ, послѣдній изъ представителей бисмарковскаго режима; остался теперь только одинъ Беттихеръ, другъ стараго канцлера, получившій отъ него въ подарокъ 350,000 марокъ изъ гвельфскаго фонда и отплатившій за это тѣмъ, что подвелъ его — подать въ отставку. Оказывается теперь, что Бисмаркъ, кромѣ временныхъ подачекъ своему другу, далъ ему еще и нѣсколько хлѣбныхъ мѣстъ, въ видѣ синекуры, какъ напр., мѣсто церковнаго старшины въ соборѣ, за которое онъ до сихъ поръ получаетъ по десяти тысячъ марокъ въ годъ. Но противъ Беттихера давно возстало все общество, а императоръ не любитъ соображаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ рѣчи своей, въ Дюссельдорфѣ, онъ заявилъ категорически: «Въ странѣ долженъ быть одинъ только хозяинъ, и хозяинъ этотъ я; никакого другаго я не допущу». Любопытно, что прусская цензура считаетъ необходимымъ сдерживать слишкомъ откровенное краснорѣчіе своего монарха, и вычеркнула эту фразу изъ рѣчи, напечатанной въ «Правительственномъ Указателѣ», тогда какъ ее слышали представители всей провинціи. Иностранная печать напомнила при этомъ случаѣ, что и по конституціи монархъ не хозяинъ, а только первый слуга своей страны, и что государь существуетъ для народа, а не народъ для государя. Этой старой истинѣ уже больше столѣтія, и напрасно Вильгельмъ въ той же дюссельдорфской рѣчи говоритъ: «Во внутреннемъ законодательствѣ я не отступлю ни на одну пядь отъ намѣченнаго мною пути». Онъ отступилъ и на нѣсколько пядей даже въ законопроектѣ по рабочему вопросу и, какъ ни мало самостоятеленъ германскій рейхстагъ, онъ все таки доказалъ, утверждая

законъ со значительными измѣненіями, что въ странѣ хозяйничаетъ парламентъ. Хозяйничанье это можетъ быть неприятнымъ императору, и онъ можетъ всячески мѣшать парламенту, приостановить на время его дѣятельность, какъ дѣлалъ это Вильгельмъ I, по наущенію Бисмарка; но представительной системы, вошедшей въ плоть и кровь народа, не уничтожатъ никакіе Бисмарки съ ихъ хозяевами. Идея будетъ всегда выше факта, нравственная сила—выше физическаго насилія.

Другую рѣчь, произнесенную императоромъ при раздачѣ новыхъ знаменъ нѣсколькимъ полкамъ, прусская цензура и вовсе не напечатала. Рѣчь появилась во «Fremdenblatt» и другихъ вѣнскихъ газетахъ, такъ что германская печать стала даже жаловаться—конечно, весьма почтительно,—что слова ея императора являются въ чужой землѣ, а не въ «Правительственномъ Указателѣ». Рѣчь эта прославляетъ шовинизмъ, а не парламентаризмъ. «Не парламентскія большинства и ихъ резолюціи, а солдаты и армія сплотили воедино германскую имперію», — говоритъ Вильгельмъ и приводитъ слова своего дѣда офицерамъ въ Кобленцѣ: «Вотъ господа, на которыхъ я могу положиться». Положиться монархъ можетъ на каждаго истиннаго гражданина своей страны, а не на тѣхъ только, у кого съ боку привѣшена сабля. Имперія сплотилась отъ счастливой войны съ Франціей, и не надо забывать, что и безъ войны еще въ 1848 году, могла возникнуть имперія, еслибы Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ порѣшительнѣе и не страдалъ той болѣзью, которая довела Пруссію до регентства, а его самого—до ранней кончины. И потомъ, къ чему эти вѣчныя восхваленія непоколебимой преданности, мужества и самоотверженія арміи, «особенно тѣхъ нашихъ товарищей, которые стоятъ на границѣ». На какой границѣ? Если на французской, они, конечно, могутъ съ гордостью вспомнить о Седанѣ, но не должны забывать и объ Іенѣ, и о томъ времени, когда вся Пруссія состояла изъ Кенигсбергской провинціи и своимъ существованіемъ была обязана заступничеству своего другаго пограничнаго сосѣда.

Говорилъ еще очень много Вильгельмъ и студентамъ боннскаго университета, гдѣ онъ самъ слушалъ лекціи по окончаніи гимназическаго курса въ Касселѣ. Если понятно пристрастіе къ военщинѣ у оратора, привыкшаго съ дѣтства играть въ солдатки, то восхваленіе буршей, фізіономіи которыхъ, налитыя пивомъ, испещрены шрамами, полученными на пьяныхъ дуэляхъ съ товарищами,—дѣлается уже совершенно непонятнымъ. Принявъ депутатовъ корпораціи «Боруссія» и наговоривъ имъ множество громкихъ фразъ о томъ, что организація студенчества способствуетъ здоровому воспитанію, поддерживая въ юношествѣ германскій духъ и жизнь, императоръ вечеромъ отправился въ студенческій кабачокъ, въ гражданскомъ платьѣ, въ шапочкѣ и лентахъ цвѣтовъ «Боруссія», пилъ пиво и находилъ, что для него—истинное наслажденіе быть въ

этомъ университетскомъ городѣ. А незадолго передъ тѣмъ, статсъ-секретарь Боссе жаловался официально на «развращающее вліяніе нѣмецкихъ студентскихъ кружковъ, приучающихъ молодежь къ роскоши и лѣни и вырабатывающихъ нигуда не годныхъ гражданъ и чиновниковъ». «Vossische Zeitung» напечатала рѣчь Вильгельма, назвавшаго дуэли «рыцарскими играми, развивающими мужество». «Наши дуэли,—говорилъ дальше монархъ,—часто бываютъ не поняты, но вы не должны этимъ смущаться и будете, надѣюсь, по прежнему прилежно работать вашими палашами (Ich hoffe Sie werden noch wie vor — Ihre Schläger tüchtig gebrauchen). Фразу эту, конечно, также не пропустила цензура въ «Правительственномъ Указателѣ», вѣроятно, на основаніи того, что нельзя даже императору расхваливать дуэль, считающуюся, по прусскому уложенію, даже не проступкомъ, а преступленіемъ.

Съ необыкновенною торжественностью, почти съ королевскими почестями скоронилъ Вильгельмъ своего лучшаго стратега, Мольтке, умершаго почти въ одно время съ нашимъ фельдмаршаломъ, великимъ княземъ; но «великій молчальникъ» умеръ на 92-мъ году, а не на 60-мъ. Отдать должную справедливость его военнымъ талантамъ—это было понятно, но напрасно нѣмецкія газеты, въ избыткѣ усердія, восхваляютъ его безпримѣрный патріотизмъ. Мольтке былъ человекъ, полный военнаго, но не гражданскаго мужества, а это не одно и то же. Не говоря уже о его далеко не гуманномъ отношеніи къ побѣжденнымъ французамъ, доходившемъ до того, что даже Бисмаркъ долженъ былъ останавливать его хищническія и мстительныя попытки, онъ навязалъ Германіи на десятки лѣтъ тяжелую обузу—отстаивать, въ вѣчномъ страхѣ реванша, отторгнутыя у Франціи провинціи. Да и въ чемъ же заключается особенный патріотизмъ Мольтке? Датчанинъ по происхожденію, онъ въ молодости велъ жизнь военнаго авантюриста, служа въ Турціи, Египтѣ, и первую кампанію сдѣлалъ во время датской войны противъ своего отечества. Въ прусскій генеральный штабъ онъ вступилъ 56-ти лѣтъ и подготовленные имъ тамъ планы войны съ Австріей доказали его блестящія способности. Онъ все приготавливалъ заранѣе, исподволь, съ изумительною методичностью и обдумываніемъ всѣхъ возможныхъ шансовъ войны. Когда, въ началѣ франко-прусской войны, ему сказали: теперь-то у васъ будетъ много дѣла, онъ отвѣчалъ: «напротивъ, теперь придется только приводить въ исполненіе то, что давно уже приготовлено и обдумано во всѣхъ подробностяхъ». Это была діаметральная противоположность славянскому увлеченію, думавшему сначала—чуть не съ одной дивизіей освободить Болгарію и занять Константинополь. Мольтке, съ перваго момента войны, собралъ противъ Франціи такія силы, съ какими не могла бороться гнилая, расшатанная въ основахъ, вторая им-

перія. И такого человека, работавшаго неутомимо до послѣдняго дня своей жизни, Вильгельмъ, взойдя на престолъ, лишилъ мѣста начальника генеральнаго штаба и замѣнилъ своимъ любимцемъ, ровно ничего не сдѣлавшимъ, графомъ Вальдерзее. Но Мольтке не бросился въ оппозицію правительству, не сталъ писать противъ него въ газетахъ, жаловаться на судьбу, заводить бесѣды съ репортерами: онъ продолжалъ вести ту же самую регулярную и методическую жизнь, засѣдая въ имперскомъ рейхстагѣ и прусскомъ парламентѣ, гдѣ провелъ все утро въ день своей смерти, вернулся пѣшкомъ домой, плотно пообедалъ и сѣлъ, какъ всегда, играть въ вистъ. За картами онъ почувствовалъ себя дурно, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, легъ на свою походную постель и умеръ, какъ жилъ, спокойно и молча. Другъ его, старый канцлеръ, второй творецъ германскаго объединенія, не имѣлъ достаточно мужества, чтобы пріѣхать въ Берлинъ на похороны, еслибы ему даже и формально запрещали это, и прислалъ только вѣнокъ на гробъ своего сподвижника. Но и объ этой присылкѣ не смѣли даже сказать нѣмецкія газеты, кромѣ оппозиціонной «Kreuz-Zeitung». Теперь Бисмаркъ ждетъ осени, чтобы явиться въ Берлинъ простымъ членомъ парламента, выбраннымъ десятью тысячами голосовъ противъ пяти тысячъ полученныхъ кандидатомъ социалистовъ. Побѣда не блестящая и роль «канцлера въ отставкѣ», какую онъ выбралъ себѣ — далеко не завидная. Но жажда власти въ старикѣ такъ сильна, что, желая схватить хоть тѣнь ея, онъ забываетъ свое личное достоинство и историческое значеніе.

Бѣлградскіе радикалы съ ихъ регентствомъ, министерствомъ и скуптиною приняли, наконецъ, самыя радикальныя мѣры противъ своей королевы, арестовали ее во дворцѣ и насильно отвезли въ Австрію, въ городъ Землянъ, подъ конвоемъ солдатъ, какъ преступницу, сообщивъ при этомъ ея вѣрноподданымъ, что она изгоняется изъ Сербіи до совершеннолѣтія короля Александра. За удовольствіе не видѣть болѣе до этой же эпохи своего бывшаго короля Милана, сербское правительство заплатило нѣсколько милліоновъ, но королевѣ Наталіи нельзя было предложить деньги и ее выслали просто такъ — даромъ. Не даромъ только обошлась и обойдется эта высылка всѣмъ этимъ либераламъ, вопіющимъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, когда они въ оппозиціи, и нарушающимъ всѣ права и законы, какъ только достигнуть власти. Назначенные Миланомъ регентами, эти господа такъ и остались его покорнѣйшими слугами, исполняющими всѣ его приказанія. Заодно съ ними дѣйствуютъ и радикальные министры, которыхъ когда-то преслѣдовала партія напредняковъ, бывшая во власти, а теперь, за неимѣніемъ этой партіи, они сами преслѣдуютъ свою королеву, потому что нельзя же когонибудь не преслѣдовать, если захватишь власть въ свои руки. Но «выдвореніе» Наталіи совершилось, однако, не такъ благополучно, какъ на

это рассчитывали. Сначала министры «просили чести» королеву уѣхать, но когда та отвѣчала, что уступить только силѣ—отправили къ ней начальника полиціи съ жандармами и казенною каретою. Полиція стала уговаривать ее отправиться «добровольно». Королева сѣла, наконецъ, въ свой собственный экипажъ и ее отвезли на пристань, гдѣ стоялъ подъ парами, уже нѣсколько дней зафрахтованный казною, пароходъ «Казань». Но народъ занялъ рѣшительно все улицы, ведущія къ пристани, бросился на жандармовъ и, пуская въ нихъ градъ камней, заставилъ бѣжать. Главными лицами при нападеніи были студенты, въ числѣ двѣхсотъ человѣкъ. При восторженныхъ крикахъ народа, они повернули экипажъ королевы и повезли ее обратно во дворецъ. Несмѣтная масса народа запрудила всю площадь передъ дворцомъ, гдѣ студенты составили охранительную стражу королевы, принужденной нѣсколько разъ выходить на балконъ, чтобы отвѣчать на привѣтственные крики толпы. Между тѣмъ, министры собрали войска и на площадь явились гвардейцы и кавалеристы. Видя невозможность разогнать толпу, приказали атаковать ее холоднымъ оружіемъ. Тогда градъ камней полетѣлъ въ войска; они подались назадъ, нѣсколько офицеровъ и солдатъ было ранено. Тогда гвардейцы дали три залпа и началась рукопашная свалка, во время которой было много убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ; народъ смялъ гвардейцевъ, но ихъ выручила подоспѣвшая пѣхота, къ полуночи разогнавшая наконецъ народъ. Министры совѣщались всю ночь, произвели много арестовъ и подъ утро выставили противъ королевы пятитысячное войско, рѣшившись отправить ее не на пароходъ, а по желѣзной дорогѣ. Въ четыре часа утра жандармы ворвались во дворецъ королевы, взяли его штурмомъ, влѣзли, по приставленнымъ снаружи лѣстницамъ, даже въ ея спальню, арестовали ея стражу изъ студентовъ, и она во второй разъ отправилась въ изгнаніе, сказавъ начальнику полиціи: «я не хочу, чтобы изъ-за меня лилась кровь моихъ согражданъ. Передайте министрамъ, что поступокъ этотъ покроетъ вѣчнымъ позоромъ правительство и всю страну. Эти господа, очевидно, совсемъ забыли, что они достигли власти подъ знаменемъ свободы и популярности. Но придетъ день искупленія за это преступленіе передъ Богомъ и народомъ». Въ самомъ дѣлѣ, эта война съ женщиною, виновною только въ томъ, что она любитъ своего сына—постыдна и возмутительна. Народъ, конечно, негодуетъ, волнуется, но что за дѣло до него всемъ этимъ Ристичамъ и Протичамъ? Послѣ отъѣзда королевы, толпа перебила еще все окна въ домѣ военнаго министра и сбиралась разнести домъ Ристича, но его охраняли сильные отряды войскъ. Кричали также: «долгой Пашича»! и этотъ бывший либераль подалъ въ отставку вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и военнымъ. Это однако же не удовлетворяетъ общественнаго мнѣнія. Оставлены: градоначальникъ, полицейскій комисаръ и начальникъ жандар-

мерія, но эти—за непринятіе «должныхъ» мѣръ при высылкѣ королевы. Королю не дали проститься съ матерью; его заранѣе отравили въ Топчидере и скрыли отъ него печальныя сцены столкновенія съ народомъ. Объ нихъ сообщилъ королю адъютантъ, и его за это отставили. Сынъ долго плакалъ по матери. Даже Миланъ, жуирующий въ Парижѣ, писалъ, что правительство въ этомъ случаѣ дѣйствовало грубо и неумѣло; экс-король, конечно, въ подобномъ случаѣ употребилъ бы какую нибудь каверзу, а на столкновение съ народомъ не рѣшился бы.

Бѣлградскія сцены во время высылки королевы возбуждаютъ еще и потому опасенія настоящихъ сербскихъ патриотовъ, что существуетъ тайный договоръ, заключенный Миланомъ съ Австрією, въ силу котораго эта добрая сосѣдка можетъ ввести въ Сербію свои войска, для водворенія порядка, кѣмъ либо нарушеннаго. Безпокоютъ еще страну и непрекращающіяся приставанія другой сосѣдки, Болгаріи, требующей выдачи Ризова и прочихъ болгарскихъ эмигрантовъ, злоумышляющихъ будто бы на драгоцѣнное существованіе господина Стамбулова. Охраняя свою жизнь, этотъ маленькій деспотъ не церемонится съ чужими подданными и, допытываясь признанія участія въ заговорѣ, истязалъ недавно одного серба такъ, что тотъ, послѣ пытки въ тюрьмѣ, едва имѣлъ силы дотащиться до своего консула, чтобы принести ему жалобу. Несчастнаго повѣсили за руки и били до тѣхъ поръ, что вся спина его представляетъ одну сплошную рану. Иностранные агенты прямо пишутъ, что если въ Болгаріи обращаются такъ съ лицами другихъ націй, охраняемыхъ капитуляціями, то какъ же обращаются съ самими болгарами? Стамбуловъ засадилъ въ тюрьмы чуть не половину Софіи и распоряжается тамъ, ничѣмъ не стѣсняясь. Мѣшкѣвъ, набитыхъ пескомъ, которыми стегали захваченныхъ, оказалось недостаточно и онъ изобрѣлъ новую пытку—инструментомъ, до того сжимающимъ руки допрашиваемаго, что ломаются кости и онъ лишается чувствъ. Противъ такого изобрѣтенія протестовали всѣ иностранные агенты, конечно, кромѣ австрійскаго,—но протесты не повели ни къ чему.

Въ послѣднее время, во всей Европѣ поднялись никогда не смолкавшіе, но теперь еще болѣе усилившіеся протесты противъ наглости, мошенничества и даже преступленій жидовъ. Прежде всего, на островѣ Корфу повторилось злодѣйство, въ которомъ народная молва обвиняла еще средневѣковыхъ евреевъ: зарѣзана въ еврейскую пасху восьмилѣтняя христіанская дѣвочка Марія Дессила. Официальныхъ свѣдѣній по этому дѣлу нѣтъ, потому что жида прилагаютъ всѣ старанія, чтобы замѣть его, и сильное давленіе производится также финансовымъ міромъ, особенно Ротшильдѣмъ. Бывшій депутатъ Корфу, Георгій Зервось обнародовалъ слѣдующія подробности. Въ католическую школу для дѣвочекъ на островѣ жидъ портной Сарда отдалъ свою воспитанницу, двухъ съ половиною

лѣтъ и нынче взялъ обратно. Полицейскій сторожъ Хараламписъ, обходя ночью кладбище еврейской общины, замѣтилъ нѣсколько человекъ, собиравшихся зарыть мѣшокъ въ землю. При видѣ полицейскаго, люди эти разбѣжались, но онъ узналъ между ними сторожа синагоги и могильщика; мѣшокъ они унесли съ собою. На другой день, въ пять часовъ утра, другой полицейскій видѣлъ, какъ Сарда стоялъ надъ мѣшкомъ, лежавшимъ у дверей его дома. Черезъ нѣсколько часовъ, Сарда явился въ полицію и объявилъ, что кто-то убилъ его дочь и положилъ ее тѣло въ мѣшокъ. вскрытіе обнаружило, что смерть послѣдовала отъ перерѣза горла и на тѣлѣ произведено острымъ орудіемъ еще около двадцати небольшихъ ранъ, такъ что дѣвочка истекла кровью. Сейчасъ нашелся свидѣтель, полуслѣпой нищій, жидъ Ефраимъ, показавшій, что онъ видѣлъ, какъ пятеро христіанъ несли трупъ дѣвочки. Но онъ сталъ такъ путаться въ своихъ показаніяхъ, что его привлекли къ суду не только по обвиненію въ ложной присягѣ, но и въ участіи въ преступленіи. Раввинъ тотчасъ представилъ метрическія свидѣтельства, доказывавшія, что убитая была дочерью Сарды—и, слѣдовательно, отцу не было причины убивать ее. Но свидѣтельства оказались поддѣльными. Ремесленное управленіе города, гдѣ Сарда жилъ болѣе 12-ти лѣтъ, показало по книгамъ, что у жида-портнаго никогда не было семейства, а монахини въ школѣ свидѣтельствовали, что Марія сама себя называла и была католичкой, воспитанницей, а не дочерью Сарды. Это злодѣйство сильно взволновало грековъ, и они убили нѣсколькихъ евреевъ и разгромили ихъ имущество. Беспорядки на островѣ продолжались нѣсколько дней, пока съ твердой земли не прибыли военныя подкрѣпленія. Англія послѣдила отправить на Корфу корабли—для защиты своихъ подданныхъ—и тоже сдѣлала Австрія, хотя на островѣ оказался всего только одинъ австрійскій жидъ.

Не знаемъ, какое названіе дать подвигу жида французскаго, Альфонса Ротшильда, вздумавшаго повредить русскимъ финансамъ, приобретающимъ съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе прочности и устойчивости. Въ ряду цѣлой серіи конверсій, предпринятыхъ и съ успѣхомъ производимыхъ нашимъ министерствомъ, заключенъ былъ въ Парижѣ съ Ротшильдомъ договоръ о выпускѣ 3-проц. займа для конверсіи закладныхъ листовъ бывшаго общества взаимнаго поземельнаго кредита. Когда всѣ условія были уже выполнены и договоръ подписанъ обѣими сторонами, жидовскій баронъ вдругъ отказался отъ своей подписи и предъявилъ русскому правительству наглые домогательства въ пользу русскихъ евреевъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ, въ ноябрѣ прошлаго года, глава англійскаго дома Ротшильдовъ. Парижскому оберъ-жиду было указано на неумѣстность подобныхъ домогательствъ; тогда баронъ Альфонсъ объявилъ, что онъ отказывается отъ исполненія своихъ обязательствъ по трехпро-

центному займу и началъ кампанію противъ русскихъ цѣнностей съ цѣлью пониженія ихъ на европейскихъ биржахъ. Сначала это удалось ему, потому что курсъ нашъ упалъ—хотя незначительно и на короткое время, а теперь онъ гораздо выше, чѣмъ при объявленіи объ этой жидовской продѣлкѣ. Гораздо ниже упали бумаги нѣмецкія, австрійскія и французскія. По балансу нашего государственнаго банка, за границею имѣется русскихъ суммъ у банкировъ до 238-ми миліоновъ золотомъ, да въ Петербургѣ, кромѣ размѣннаго фонда, до 120-ти миліоновъ. Съ такими ресурсами Россія можетъ оказывать на заграничные финансовыя круги могущественное давленіе, что и сказалося отчасти на продѣлкѣ Ротшильда, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ банкировъ, онъ воспользовался отпазомъ въ исполненіи жидовскихъ претензій, чтобы нарушить договоръ, который ему было тяжело выполнить, особенно послѣ того, какъ наше министерство потребовало, въ трехмѣсячный срокъ, возврата 45-ти миліоновъ рублей золотомъ, помѣщенныхъ въ англійскомъ банкѣ, у Ротшильда и у Беринговъ. Говорятъ, что жида даже принудили Ротшильдовъ не принимать участія въ русскихъ конверсіяхъ. Въ англійскомъ парламентѣ, жидъ Симонъ говорилъ, что, одновременно съ извѣстіемъ о высылкѣ евреевъ изъ Москвы, газеты сообщили объ участіи Ротшильдовъ въ выпускѣ русскаго займа, но они не могли помогать правительству, принимающему такія крутыя мѣры. Другой ораторъ Вайтъ прямо заявилъ: «когда я читалъ, что Ротшильдъ и Блейхредеръ принимаютъ участіе въ русской кредитной операціи, для меня ясно, что интересы кошелька для нихъ дороже интересовъ ихъ племени и религіи». Во всякомъ случаѣ, какъ ни оправдываютъ поступокъ Ротшильдовъ, это все таки позорное отступленіе, съ дѣловой и банкирской точки зрѣнія.

Понятно, что вся жидовствующая печать начала послѣ этого осыпать насъ еще большими клеветами и инсинуаціями. За Россію стоятъ только немногіе честные органы журналистики, какъ газета «Abwehr». Она говоритъ прямо, что жида натравляютъ Германію на войну съ Россіей, во-первыхъ, потому что война для нихъ всегда выгодный гешефтъ, а, во-вторыхъ, потому что они надѣются на новый европейскій конгрессъ, который откроетъ имъ дорогу въ Россію, какъ берлинскій конгрессъ открылъ Румынію для жидовской эксплуатаціи. «Отъ этого происходятъ теперь усиленные припадки ихъ ярости и крокодиловы слезы о притѣсненіяхъ бѣдныхъ евреевъ даже въ западныхъ губерніяхъ». Вездѣ жида стараются втереться и усилить свое вліяніе, хотя всѣ правительства борются противъ ихъ зловреднаго вліянія. И, чтобы поддержать это вліяніе, жидовство лжетъ на каждомъ шагѣ самымъ наглымъ образомъ. Такъ, когда по случаю убійства дѣвочки въ Корфу, газеты припомнили подобное же недавнее тисса-эсларское дѣло о зарѣзанной венгерскими евреями Эсфирь Солимоеса, они очень развязно объявили, что Эсфирь находится

въ живыхъ и обитаетъ въ Нью-Йоркѣ. Дѣйствительно, какая-то дѣвушка выдавала себя тамъ за Эсфирь, но когда городскія власти сдѣлали дознание, она созналась, что ея фамилія—Кольмейеръ и что она получила тысячу долларовъ за то, чтобы выдавать себя за Эсфирь. Жидовскія интриги высказываются и во Франціи противъ насъ, и противъ своего правительства, хотъ тамъ же и организовался «всемирный антиеврейскій союзъ», съ цѣлью «оградить интересы Франціи отъ торжествующаго международнаго еврейскаго паразитизма и отъ хищническихъ продѣлокъ людей безъ родины, какими несомнѣнно являются чуждые всему міру евреи». Оказывается, что и убійство рабочихъ въ Фурми—дѣло еврейскихъ рукъ, такъ какъ префектъ Сѣвернаго департамента и подпрефектъ Исаакъ,—евреи. При столкновеніи съ рабочими, Исаакъ струсилъ, и такъ какъ для него христіанская кровь не представляетъ никакой цѣны, то онъ и приказалъ стрѣлять въ народъ. Противъ насъ вооружилась въ послѣднее время особенно газета «National», но что за личность редакторъ его, жидъ Дрейфюзъ, видно изъ разоблаченій другихъ парижскихъ газетъ. Онъ былъ присужденъ за шантажъ противъ «общества коммерческаго и промышленнаго кредита» къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, къ уплатѣ 100,000 фр. штрафа и къ напечатанію судебного рѣшенія въ 75-ти газетахъ. Газеты обвиняли его также въ вымогательствѣ денегъ отъ содержателя игорнаго дома въ Монако, и это дѣло произвело столько шуму, что онъ принужденъ былъ объясняться со своими избирателями, пославшими его въ палату депутатовъ и требовавшими, чтобы онъ сложилъ съ себя это званіе. На сходѣ, вмѣсто того чтобы оправдываться, онъ началъ драться; его избили, и онъ съ трудомъ успѣлъ бѣжать. Кардиналъ-архіепископъ Ришаръ жаловался на парижскомъ сѣздѣ католиковъ, что болѣе трети воспитанниковъ казенныхъ учебныхъ заведеній не были на конфирмаціи, почему ихъ и нельзя считать за христіанъ. Это произошло съ тѣхъ поръ, какъ, во время министерствованія Жюля Ферри, изъ всѣхъ школъ было удалено распятіе, ибо «видъ его оскорблялъ религиозныя чувства учениковъ-евреевъ» (!). Въ протестантской Пруссіи, судебное вѣдомство жалуется на преобладаніе въ составѣ присяжныхъ засѣдателей евреевъ, стоящихъ всегда за своихъ единовѣрцевъ и даже являющихся свидѣтелями. Президентъ бреславльскаго окружнаго суда разослалъ циркуляръ о томъ, чтобы земскіе суды не допускали въ число жюри слишкомъ много евреевъ. Они узнали о циркулярѣ и съ криками негодованія сдѣлали въ палатѣ депутатовъ формальный запросъ правительству. Оно не отрицало факта, но объявило, что это—административная мѣра, не подлежащая вѣдѣнію палаты. Любопытно признаніе газеты «Times», которая такъ хлопочетъ о разселеніи жидовъ по всей Россіи и въ то же время старается всячески оградить отъ нихъ Англию. Газета говоритъ: «Намъ совершенно достаточно нашихъ евреевъ, чтобы

увѣриться въ томъ, что хотя евреи очень почтенный народъ въ своемъ родѣ (in their own way), но въ христіанскому обществу они все таки являются нежелательнымъ прибавленіемъ (not a desirable addition)». Кабая ужь тутъ желательность, когда всѣ націи не знаютъ, какъ отъ нихъ избавиться! Въ послѣднее время, газеты опять заговорили объ основаніи новаго жидовскаго царства гдѣ-то въ Америкѣ—на милліоны Гарша и Ротшильдовъ. Что-то ужь очень долго толкуютъ объ этихъ обѣщанныхъ милліонахъ, а евреи между тѣмъ продолжаютъ множиться и населять всѣ земли, выживая коренныхъ жителей. Вѣдь если ихъ начать вывозить изъ одной Россіи, даже по пятисотъ тысячъ каждый годъ, то не вывезешь всѣхъ и въ 12 лѣтъ, да и по истеченіи ихъ останется 1.200,000 новыхъ, потому что каждый годъ ихъ родится у насъ до ста тысячъ.

Цесаревичъ возвращается въ Россію послѣ долгаго путешествія по далекимъ странамъ, казихъ никогда не посѣщали наслѣдники русскаго престола. Излишне было бы говорить о громадномъ значеніи такого странствованія для всесторонняго гуманнаго развитія. Былъ онъ и на берегахъ Нила и Инда, на островахъ и во владѣніяхъ, принадлежащихъ Англіи, Франціи, Голландіи; видѣлъ народы, такъ непохожіе на тѣхъ, которыми онъ будетъ повелѣвать: египтянъ, мусульманъ, индусовъ, сіамцевъ, малайцевъ, ананитовъ, китайцевъ, японцевъ; видѣлъ нравы, обычаи, учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что его будетъ окружать на родинѣ; видѣлъ, наконецъ, черты людскаго ослѣпленія и фанатизма, подвергшись въ Японіи нападению изувѣра, нанесшаго ему саблею ударъ въ голову. Рана, по счастью, оказалась неопасною, но она еще разъ доказала, что самыя лучшія намѣренія, самыя гуманныя чувства не ограждаютъ отъ фанатическаго озлобленія... Изъ Владивостока Цесаревичу предстоитъ проѣхать Сибирь и всю Россію, и это путешествіе по своему царству, въ которомъ онъ будетъ встрѣченъ съ не меньшимъ почетомъ, но съ большою искренностью, чѣмъ въ чужихъ земляхъ, будетъ еще полезнѣе для сближенія съ тѣми милліонами народовъ, съ тѣми странами, которыми онъ будетъ вѣьегда управлять. «Тотъ, кто поставленъ во главѣ другихъ людей, долженъ ближе узнать ихъ, чтобы принести имъ больше пользы»,—говоритъ старый моралистъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Сочиненіе *Анны Столповской*. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891.

Серьезная книга, написанная русскою женщиною и отвѣчающая научнымъ требованіямъ нашего времени, не такое частое явленіе въ русской литературѣ, чтобы его можно было оставить безъ вниманія. Нельзя не сознаться, что на подобный трудъ способны немногія изъ нашихъ соотечественницъ, и хотя прежде всего книга г-жи Столповской далеко не «сочиненіе», какъ она ее назвала, но и для хорошей компиляціи нужно немало умѣнья, усидчивости, терпѣнія и систематичности, а всѣ эти свойства не принадлежатъ къ отличительнымъ качествамъ женской натуры. Недостаточно обложить себя хорошими источниками: надо знать—что именно взять и у кого взять. На послѣдней страницѣ своего объемстаго труда, въ 470 страницъ слишкомъ, г-жа Столповская перечисляетъ вкратцѣ нѣсколько новыхъ матеріаловъ о Китаѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ, но ихъ еще больше у англичанъ и нѣмцевъ, съ которыми она, повидимому, незнакома. Да и между перечисленными источниками далеко не всѣ имѣютъ серьезное значеніе: не думаемъ, чтобы можно было извлечь что нибудь дѣльное изъ книги маркиза де-Курей: «Серединная имперія», а сочиненіе Марко Поло такъ устарѣло, что едва ли имъ можно пользоваться въ настоящее время. Г-жа Столповская говоритъ, что ея желаніе было написать многостороннее историческое сочиненіе, которое касалось бы главныхъ фактовъ жизни китайскаго народа и важныхъ, находящихся съ нимъ въ связи, историческихъ вопросовъ. Желаніе вполне почтенное, но—увы!—недостижимое и на тысячѣ страницъ для лица, не ознакомившагося на мѣстѣ съ своеобразною китайскою культурою въ ея тысячелѣтнемъ развитіи. Китай высылаетъ въ болѣе цивилизованныя страны эмигрантовъ-рабочниковъ, отличающихся усердіемъ, сметливостью, довольствующахся малымъ, но стоящихъ на низшей степени развитія. Авторъ разбираемой нами книги, вслѣдъ за многими европейскими публицистами, опасается, чтобы эта механически работающая сила не превратилась со временемъ въ завоевателей. Но эпоха переселенія народовъ отошла уже въ область исторіи и никакія полчища по-

лудикарей не страшны для соединенныхъ силъ Европы, обладающей такими орудіями истребленія, о которыхъ и понятія не имѣютъ варвары нашего времени. Просвѣщенный китаецъ еще можетъ быть опасенъ своимъ сосѣдямъ, но когда-то еще онъ просвѣтится! а грубая желтолицая масса, не смотря на ея численность, разлетится въ прахъ при первомъ столкновеніи съ арійскими племенами,—развѣ они сами помогутъ ей своими раздорами и своей политикой интригъ и зависти.

Въ книгѣ г-жи Столповской два отдѣла: первый очень краткій и посвященъ географіи, этнографіи и исторіи страны; только исторія занимаетъ сотню страницъ. Во второмъ отдѣлѣ изслѣдуются: языкъ (который собственно слѣдовало бы отнести къ этнографіи) и которому посвящено пять страничекъ; религія—довольно обширная, но и довольно безсвязная статья; затѣмъ—семья, государственный строй, этика, литература, наука, школа, экономическое состояніе, земледѣліе, торговля, внѣшній бытъ и современное состояніе Китая. Во всемъ этомъ много типическихъ фактовъ, вѣрныхъ замѣтокъ, здравыхъ сужденій, но компіляціи не достаетъ, во многихъ мѣстахъ, стройности и систематичности. Мѣстами авторъ компилируетъ такъ, что безъ объясненія можно стать втупикъ. Такова, напримѣръ, фраза о томъ, что въ девятый годъ правленія Цин-Ши-хуан-ди «собирались слѣбцы и анналисты, чтобы сличать іероглифы и опредѣлять ихъ правильное произношеніе». Какъ же это слѣбцы могли сличать іероглифы? Едва ли также основательно называть китайскихъ чиновниковъ герцогами, или говорить, что Китай сдѣлался теперь вполне доступнымъ. До этого еще очень далеко. Выраженіе автора о неуваженіи китайцевъ къ «парламентскому», т. е. къ «парламентерскому флагу», можетъ быть, только опечатка, хотя и не показанная въ длинномъ спискѣ разныхъ «еггата». Все это, конечно, мелочи, но вотъ религію Будды слѣдовало бы представить въ болѣе ясномъ и подробномъ изложеніи, а не останавливаться на пустомъ наборѣ словъ, въ родѣ: «ириди, мириди, шириди». Что это также за выраженіе: «Лаоцзы родился въ пустотѣ мрачнаго чуда?» Юридической стороны китайской жизни авторъ почти вовсе не затрагиваетъ; о правительственной власти говорить, что она становится все незначительнѣе и въ будущемъ сдѣлается еще ничтожнѣе. Съ этимъ нельзя согласиться, и хотя въ Китаѣ нѣтъ министерствъ вѣроисповѣданій, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, изящныхъ искусствъ, почтъ, торговли, морскихъ дѣлъ, колоній, и китайцы говорятъ: «лучшій изъ министровъ—это весь народъ»,—но нельзя ждать гуманнаго міровоззрѣнія отъ такого неразвитаго народа, находящагося въ такомъ рабскомъ подчиненіи у своего деспотическаго правительства. Что значить по русски: «выложбленное золото; цѣль музыки—уряжать людскія страсти; свилеватая штамба»; какія это «дѣти Гана» пріѣзжаютъ въ Санъ-Франциско?» Сильно сомнѣваемся мы, чтобы въ Китаѣ росли деревья, производящія

сало, и чтобы первый корабль, приходящій въ Лондонъ съ грузомъ свѣжаго чая, получалъ полмилліона франковъ преміи. Не мѣшало бы также обратить побольше вниманія на философскія системы китайцевъ: сравненіе мировоззрѣнія этихъ современныхъ пифагорейцевъ съ ученіемъ самосекаго философа могло бы повести къ любопытнымъ выводамъ. Трудно признать также положеніе автора, высказанное имъ въ заключеніе своей компіляціи, что Китай привыкъ къ самоуправленію и что экономической бытъ народа достигъ высокаго благосостоянія, какимъ страна будто бы обязана конфуціонизму. Этическая рутина философа задержала, напротивъ, развитіе народной культуры. Тамъ, гдѣ не только богдыханъ, но и «тѣнь тѣни его», послѣдній мандаринъ и чиновникъ, имѣютъ неограниченное право надъ жизнью каждаго индивидуума изъ четырехсотмилліоннаго населенія Китая—частые бунты въ родѣ тайпингскаго и постоянныя голодовки, истребляющія сотни тысячъ народа, будутъ всегда заурядными и нормальными явленіями. Вѣдь самъ же авторъ заканчиваетъ свою книгу словами, что «необходимо ограниченіе сильнаго (т. е. богдыханскаго и мандаринскаго) авторитета, для сохраненія нормальнаго историческаго хода цивилизаціи народа».

Въ концѣ книги, г-жа Столповская помѣстила для чего-то отдѣльно: «нѣсколько словъ по поводу статьи В. С. Соловьева: «Китай и Европа», напечатанной въ «Русскомъ Обзорѣніи» 1890 года. Статья г. Соловьева ничѣмъ не замѣчательна, кромѣ отсутствія логики и исторической критики, но отсутствіе это видно и въ нѣкоторыхъ другихъ его статьяхъ (какъ напр. въ защиту жидовъ въ «Русской Мысли») и потому останавливаться на нихъ ровно незачѣмъ. До мнѣнія этого русскаго философа о китайскихъ философахъ Лаоцзы и Конфуціѣ нѣтъ никому никакого дѣла, да и г-жа Столповская напрасно увѣряетъ, что въ Китаѣ «постоянно проявляется необыкновенно дѣятельное повышеніе уровня нравственныхъ понятій въ многочисленной народной массѣ». Повышается этотъ уровень развѣ только у отдѣльныхъ немногихъ лицъ, а массѣ еще далеко до развитія, сколько нибудь похожаго на европейское.

Исторія педагогики, *Карла Шмидта*. Томъ первый. До-христіанская эпоха. Переводъ Э. Циммермана. Москва, 1891.

Сочиненіе Шмидта пользуется огромною извѣстностью въ Германіи и считается лучшимъ, вполне классическимъ руководствомъ для изученія науки, которую многіе даже изъ ея адептовъ относятъ однако къ области искусства. Трудъ Шмидта заключаетъ въ себѣ четыре огромныхъ тома (послѣдній состоитъ изъ двухъ частей) и три тома выдержали уже три изданія, явившись и на русскомъ языкѣ въ 1880 году въ переводѣ Эдуарда Циммермана, сдѣланномъ по изданію В. Ланге, исправленному и дополненному этимъ ученымъ. Недавно явился и первый томъ, имѣющій

отдѣльный интересъ и переведенный съ четвертаго нѣмецкаго изданія, значительно пополненнаго и даже передѣланнаго профессоромъ Эмауиломъ Ганнакомъ, директоромъ педагогическаго института въ Вѣнѣ. Кромѣ того, второе изданіе, какъ видно изъ втораго заглавнаго листа, исправляя еще, «на основаніи изученія новѣйшихъ источниковъ», Фридрихъ Диттесъ. Такимъ образомъ, изданная и у насъ К. Т. Солдатенковымъ книга является плодомъ соединенныхъ трудовъ трехъ писателей и даетъ на 840 страницахъ дѣйствительно полную исторію педагогики, изложенную во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Можно сказать утвердительно, что Карлъ Шмидтъ положилъ основаніе нѣмецкой педагогикѣ и хотя умеръ 27 лѣтъ тому назадъ на 46 году, но съ тѣхъ поръ наука не сдѣлала замѣтныхъ шаговъ впередъ, и онъ можетъ считаться вполне типичнымъ ея представителемъ. Сынъ простаго ангальтскаго крестьянина, онъ съ трудомъ добился согласія отца на поступленіе въ гимназію, откуда перешелъ въ университетъ въ Галле, на богословскій факультетъ, и вышелъ изъ него послѣдователемъ Штрауса, Фейербаха, Бруно Бауэра и Штирнера. Но потомъ онъ бросился въ другую крайность и сдѣлался ревностнымъ шестистомъ. Онъ занимался также много антропологіею, писалъ брошюры о гармоніи міровъ и мировоззрѣніи, думая найти во френологіи научныя основанія законовъ воспитанія, но послѣднія девять лѣтъ своей жизни посвятилъ исключительно педагогикѣ и, переѣхавъ въ Готу, въ званіи директора готской семинаріи, составилъ уставъ народныхъ школъ въ герцогствѣ и преобразовалъ учительскія семинаріи. Но и какъ членъ училищнаго совѣта, и какъ писатель, Шмидтъ внесъ въ педагогику протестантскую религіозную нетерпимость—и это главный недостатокъ его, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, вполне почтеннаго труда. Смѣшеніе воспитанія съ узкимъ, нерѣдко фанатическимъ шестистомъ немало вредитъ научнымъ выводамъ его книги, переполненной благочестивыми размышленіями, часто вовсе не идущими къ дѣлу. Даже при изложеніи языческихъ вѣрованій древняго міра Шмидтъ преподаетъ греческимъ и римскимъ писателямъ христіанскія наставленія. Но чисто историческая сторона его изслѣдованій заслуживаетъ полнаго вниманія, если изъ нея откинуть догматическія увлеченія. Приступая въ 1886 году къ переработкѣ книги Шмидта, чтобы поставить ее въ уровень съ новѣйшими изслѣдованіями въ области педагогики, Диттесъ пригласилъ въ сотрудники Ганнака, какъ знатока древняго міра, и лучшія мѣста въ книгѣ принадлежатъ этому ученому. Во введеніи приводится способъ изложенія педагогики и ея значеніе. Нельзя согласиться съ положеніемъ автора, что въ христіанствѣ «человѣкъ вступилъ въ согласное взаимодействіе съ внѣшнимъ міромъ»: напротивъ, въ эпоху языческаго классицизма, человѣкъ жилъ гораздо ближе къ природѣ. Воспитаніе у египтянъ—при раз-

дѣленіи его на эпохи—изложено черезчуръ кратко: на двухъ страницахъ. Говоря о духовномъ воспитаніи среднихъ вѣковъ, нѣмецъ Шмидтъ изъ узкаго патріотизма никакъ не могъ удержаться, чтобы не выставить германца того времени «носителемъ духовнаго развитія, одареннымъ отъ природы творческою силою, полнымъ религіозности, вѣрности, честности, задушевности, внутренней жизни». Зато восточная церковь названа «окостенѣвшею, разложившею христіанство въ формулы и рѣшавшею истину на буйныхъ соборахъ». И, между тѣмъ, у такого религіознаго автора встрѣчаются, по отношенію къ догматическимъ вопросамъ, не постижимые промахи. Такъ, говоря о вѣрованіи египтянъ въ троичность божества, Шмидтъ прибавляетъ: «Троица единаго совершеннаго Творца, въ видѣ отца, матери и сына, повторяется въ Тримурти индійцевъ и въ христіанствѣ». Но въ христіанской троицѣ нѣтъ и помину о матери. Сумашедшихъ никто не считаетъ одержимыми злымъ духомъ, какъ увѣряетъ авторъ. Въ ученіи Зороастра онъ признаетъ самую чистую форму монотеизма и говоритъ: «даже христіанство не въ состояніи передать содержанія этого понятія лучше, чѣмъ оно выражено въ Вендидадѣ». Грековъ авторъ защищаетъ отъ обвиненія въ любви къ красивымъ юношамъ, хотя это давно признано исторіей. Знаменитый девизъ Солона, которому мудрецъ слѣдовалъ всю свою жизнь, переданъ не точно: «отнюдь не черезчуръ!» Правильнѣе будетъ: «ничего не слишкомъ!» Опытный педагогъ, Шмидтъ, повидимому, плохо зналъ геометрію, если говоритъ, что Фалесъ изобрѣлъ теорему: «по пересѣченіи двухъ прямыхъ, вертикальные углы равны», тогда какъ равны вовсе не вертикальные углы, а противолежащія вершинами. Демокрита Абдерскаго и приверженцевъ ученія объ атомахъ можно назвать атомистами, но никакъ не «атомистиками». Греческой педагогикѣ дано вообще гораздо больше мѣста, чѣмъ римской. Мировоззрѣніе римлянъ или,—какъ неудачно выражается Шмидтъ,—«направленіе римства» лучше всего изображаетъ Сенека. Въ заключеніе, авторъ высказываетъ мысль, что «Израиль сокрушился о то противорѣчіе, что, познавъ Бога всего міра, призналъ его одного лишь своимъ національнымъ богомъ». Это понятно, но что евреи «постигли міръ и людей, какъ безсамотное передъ Богомъ твореніе»—этого мы не понимаемъ, также какъ и то, что «язычество обезнаціоналило все божественное», и что «у язычниковъ, также какъ у іудеевъ, внутреннее образованіе оцѣпенѣло въ наружную ученость». Вообще языкъ перевода очень тяжелъ, неправиленъ и мѣстами ставитъ совершенно втупикъ читателя. Г. Циммерманъ—явно не русскій человекъ, иначе онъ не сталъ бы употреблять такихъ выраженій, какъ: «имовитая аристократія, надаръ ушей, стропотное торжество, копотный трудъ, знатнѣйшее сочиненіе, увѣты педагоговъ, музоугодное образованіе, въ противень педагогикѣ, многое пришлось урядить; такъ, отвѣчая новѣйшимъ изслѣдованіямъ, передѣлана исторія

грековъ и воспитаніе на Критѣ расширено». Такихъ неуклюжихъ фразъ мы могли бы привести сотни. Иногда переводчикъ желаетъ блеснуть игривыми выраженіями, и тогда у него являются «зарничныя взблески фантази». Мѣстами неправильность фразъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ: «Нерону снаружи привитыя Сенекою ученія мудрости отпали вновь». Да вѣдь за такую конструкцію гимназисту много поставить и единицу! Но, не смотря на всѣ недостатки перевода и ханжество подлинника—книга Шмидта полна такими вѣрными выводами и любопытными подробностями, что составляетъ все таки цѣнное приобрѣтеніе и для нашей педагогической литературы, небогатой теоретическими и историческими сочиненіями въ этой области знанія.

Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій и популярно-научныхъ статей, издаваемый и редактируемый врачомъ А. Θ. *Тельнихинымъ*.—Выпускъ 2-й.—Саратовъ, 1890.

Своимъ сборникомъ, второй выпускъ котораго появился въ свѣтъ, г. Тельнихинъ задумалъ прійти на помощь русскому самообразованію, очевидно, смущаемый тѣми американскимъ эксцентриками, которые полагаютъ, что по нѣсколькимъ руководствамъ можно самообразовать себя надлежащимъ образомъ. Американскіе эксцентрики имѣютъ однако то преимущество, что они рекомендуютъ «самообразователямъ» систематическую программу изученія различныхъ отраслей знанія и, согласно этой программѣ, даютъ списокъ сочиненій, пригодныхъ для самообразованія. Г. Тельнихинъ упростилъ дѣло и, вмѣсто всякаго руководства и программы, издаетъ сборникъ, составленный изъ случайныхъ статей и публичныхъ лекцій, въ большинствѣ случаевъ переводныхъ или же скомпилированныхъ самимъ г. Тельнихинымъ. Очевидно, что по такому сборнику, еслибъ онъ даже и расширился до сотни выпусковъ, ничему толково выучиться нельзя. Къ тому же, по всему видно, что г. Тельнихинъ имѣетъ довольно смутныя понятія какъ о наукахъ вообще, такъ и о самообразованіи въ особенности. Въ своемъ предисловіи, отвѣчая одному лицу, сдѣлавшему ему упрекъ, что онъ въ своемъ сборникѣ не удѣляетъ мѣста психологіи, г. Тельнихинъ говоритъ: «задаваясь цѣлью содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, выработкѣ обоснованнаго (?) міросозерцанія, я очевидно долженъ предпочитать матеріалъ, основанный на фактахъ, которые можно лично провѣрить, наблюдать въ лабораторіяхъ и музеяхъ, необоснованнымъ измышленіямъ (?) хотя и даровитыхъ людей. Частая смѣна однихъ метафизическихъ системъ другими, въ прошломъ, заставляетъ относиться къ нимъ въ высокой степени сдержанно». Изъ этихъ словъ видно, что г. издатель имѣетъ чрезвычайно смутное понятіе о психологіи, полагая, что психологія есть нѣчто въ родѣ метафизики и, вѣроятно, не зная, что въ настоящее время психологія есть такая же опытная наука, какъ напримѣръ, фізіологія, къ которой

г. Тельнихинъ чувствуетъ особенное пристрастіе; онъ также не знаетъ, что психологическіе факты можно «наблюдать въ лабораторіяхъ», лучшимъ доказательствомъ чего служить психологическая «лабораторія» Вундта въ Лейпцигѣ. Не рекомендуетъ «Самообразованія» г. Тельнихина также и то, что онъ метафизическія системы называетъ «необоснованными измышленіями»: называть «измышленіями» труды величайшихъ мыслителей человѣчества, какими были Аристотель, Платонъ, Декартъ, Кантъ, Лейбницъ,—значить не только быть непозволительно развязнымъ, но и не въ мѣру невѣжественнымъ. Г. Тельнихину слѣдовало бы также знать, что «необоснованныхъ» метафизическихъ системъ нѣтъ, какъ нѣтъ и «необоснованныхъ» научныхъ знаній. Впрочемъ, даже и въ той области «самообразованія», которую г. Тельнихинъ признаётъ, существуютъ необъяснимые пробѣлы: признавая, напримѣръ, естественныя науки, медицину, гигиену, географію, юриспруденцію, г. Тельнихинъ, очевидно, не признаётъ исторіи и исторіи литературы,—самыхъ образовательныхъ системъ человѣческаго знанія. При всемъ томъ, г. Тельнихинъ не прочь отъ беллетристики и во второмъ выпускѣ напечаталъ довольно плохенькій рассказъ подъ заглавіемъ: «Матрена».

За беллетристикою онъ, впрочемъ, признаетъ только пользу, а о художественности нисколько не печется. Для него беллетристика только тогда имѣетъ значеніе для самообразованія, когда она тенденціозна. Для «самообразованія» онъ также считаетъ необходимыми свѣдѣнія о томъ, какъ лучше научиться плавать, какъ готовить вина изъ фруктовъ, какъ бороться съ гусеницей, какъ готовить чучела. Недостаётъ только умѣнья ходить по канату и щелкать соловьемъ, какъ грибоѣдовскій «пѣвецъ зимой—погоды лѣтней».

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Опять судебная ошибка! — Штабсъ-капитанъ Сазоновъ и перипетіи его печальной исторіи. — Братья Крутовы и ихъ изворотливость. — Черезчуръ выдающееся усердіе витебской слѣдственной власти. — Пособничество „камеры преданія суду“. — Безъ вины виноватый. — Рѣчь оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, А. Ѳ. Кони. — Исторія „Игналинскаго“ товарищества. — „Странная ошибка“ минскаго отдѣленія крестьянскаго банка. — *Dura lex, sed lex.* — Всепожирающіе таланты. — Кто извлекалъ пользу отъ крестьянскаго банка?

8 іюня 1876 года, штабсъ-капитанъ Сазоновъ, по довѣренности крестьянъ, братьевъ Крутовыхъ, совершилъ на имя своей жены Маріи Сазоновой закладную крѣпость на имѣніе Ковнаты въ суммѣ 20 т. рублей, срокомъ на три года. 10 декабря 1879 года эта закладная, по истеченіи трехлѣтняго срока, была представлена ко взысканію и бывшему витебскому соединенною палатою гражданскаго и уголовного суда постановлено было взыскать съ Крутовыхъ въ пользу Сазоновой 23,600 рублей. Противъ такого присужденія Крутовы не возражали, находя, что между ними и Сазоновыми существуютъ расчеты, въ силу которыхъ присужденіе по закладной будетъ погашено. Лишь 14-го марта 1883 года, т. е. почти черезъ семь лѣтъ, Крутовы предъявили въ витебской соединенной палатѣ искъ къ Сазонову, въ которомъ ходатайствовали или о признаніи, что по закладной въ пользу Сазоновыхъ съ нихъ слѣдуетъ всего 6,237 р., или о присужденіи имъ, по расчету съ Сазоновыми, обратно 22,762 р. и о понужденіи Сазонова возвратить имъ векселя на сумму 19,900 р. Разсмотрѣвъ это дѣло, переданное изъ соединенной палаты, по случаю введенія судебной реформы, витебскій окружной судъ, 25-го мая 1884 г., въ искѣ Крутовыми отказалъ, *устранивъ споръ о подлогѣ расписки въ полученіи закладной*, заявленный во время производства дѣла, *какъ опровергнутый заключеніями свидущихъ людей*. 17-го мая 1885 года, петербургская судебная палата по 1-му департаменту, разсмотрѣвъ апелляціонную жалобу Крутовыхъ на это рѣшеніе, оставила жалобу безъ послѣдствій и рѣшеніе утвердила. На это рѣшеніе палаты Крутовы подали кассационную жалобу, и правительствующій сенатъ, 9-го іюня 1887 г., отмѣнилъ рѣшеніе, потому что палата не вошла въ обсужденіе основательности соображеній суда, послужившихъ къ устраниенію спора о подлогѣ. Вслѣдствіе этого, 15-го февраля 1888 г. петербургская судебная палата, по

2-му департаменту, рассмотрѣвъ рѣшеніе витебскаго окружнаго суда во всемъ его объемѣ, вновь постановила рѣшеніе это утвердить. На это послѣднее рѣшеніе судебной палаты Крутовъ снова подалъ кассационную жалобу, которую гражданскій кассационный департаментъ, рѣшеніемъ отъ 13 февраля 1890 года, оставилъ безъ послѣдствій, и такимъ образомъ рѣшеніе палаты *объ отказѣ Крутовымъ въ искѣ* и *объ устраниніи спора о подлогѣ* расписки стало незыблемымъ, т. е. не подлежащимъ болѣе обжалованію ни въ апелляціонномъ, ниже въ кассационномъ порядкѣ. Но одинъ изъ братьевъ Крутовыхъ оказался хитроумнымъ Одиссеемъ и, благодаря этому, сумѣлъ дать дѣлу совершенно неожиданный оборотъ. Надобно замѣтить, что петербургская судебная палата, устранивъ споръ о подлогѣ расписки безъ предъявленія обвиненія прямо противъ извѣстнаго лица, высказала, между прочимъ, соображеніе, что Крутовы не лишены права обратиться къ уголовному суду съ прямымъ обвиненіемъ кого либо въ подлогѣ этой расписки. Этой лазеечкой и воспользовался одинъ изъ братьевъ Крутовыхъ, въ виду неуспѣшности своего гражданского иска. А именно: одновременно съ подачей кассационной жалобы на рѣшеніе петербургской судебной палаты *объ отказѣ Крутовымъ въ искѣ*, одинъ изъ нихъ, Павелъ Крутовъ, обратился къ судебному слѣдователю съ прошеніемъ, въ которомъ онъ прямо обвинялъ Сазонова въ подлогѣ расписки о полученіи имъ закладной для передачи своей женѣ, утверждая, что эта расписка написана на одномъ изъ чистыхъ листовъ (съ подписью его, Крутова), данномъ Сазонову для написанія прошенія.

Если вы, любезный читатель, не имѣете никакихъ личныхъ счетовъ съ отставнымъ штабсъ-капитаномъ Сазоновымъ, да и Крутовъ вамъ ни братъ, ни свать, то вы, конечно, сразу спросите: какимъ образомъ можетъ быть предъявлено обвиненіе въ уголовно-наказуемомъ дѣяніи къ человѣку, котораго гражданскій судъ рѣшеніемъ, *вошедшимъ въ законную силу, призналъ правымъ даже по предъявленному къ нему гражданскому иску?* Вѣдь если допустить подобныя вещи, то послѣ этого можно, пожалуй, привлечь къ суду уголовному всякаго законнаго владѣльца любой собственности за владѣніе этой собственностью. И вы будете совершенно правы, задавая подобные вопросы. Отношенія, существовавшія между Сазоновымъ и Крутовыми, по авторитетному заключенію оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, А. О. Кони, носятъ на себѣ чисто гражданскій, договорный характеръ, почему эти отношенія и не давали законныхъ основаній ни прокурорскому надзору, ни судебной палатѣ *превращать ответчика по гражданскому иску въ обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, фактическіе признаки котораго не заключаютъ въ себѣ состава уголовно-наказуемаго дѣянія*. Такъ говоритъ одинъ изъ компетентѣйшихъ нашихъ криминалистовъ-практиковъ, оберъ-прокуроръ Кони. Но витебскій слѣдователь, купно съ прокурорскимъ надзоромъ, взглянули на дѣло иначе. Обвиненіе, предъявленное Крутовыми противъ Сазонова, сразу получило въ ихъ глазахъ характеръ какого-то ужаснаго преступленія, а мнимый преступникъ—предста-

вился какимъ-то чудовищемъ, и отъ него потребованъ былъ залогъ въ *сто тысячъ* рублей, до представленія котораго онъ былъ «*ввергнутъ въ темницу*». Однако, по жалобѣ Сазонова, витебскій окружной судъ, признавъ такой размѣръ залога неправильнымъ и основаннымъ на бездоказательныхъ домогательствахъ Крутова, постановилъ отмѣнить принятую судебнымъ слѣдователемъ «*мѣру пресѣченія*» и отдать Сазонова на поручительство, съ денежною отвѣтственностью въ 20,000 руб., обративъ вниманіе судебного слѣдователя на вопросъ о томъ: можетъ ли составленіе спорной расписки заключать въ себѣ признаки преступленія, приписываемаго Сазонову? Но слѣдственная власть, повидимому, съ самаго начала порѣшила не церемониться съ Сазоновымъ; слѣдствіе продолжалось и, по окончаніи его, прокурорскимъ надзоромъ составленъ былъ обвинительный актъ противъ Сазонова, въ который было введено *не предъявленное ему и не бывшее предметомъ предварительнаго слѣдствія* новое обвиненіе въ присвоеніи выписи закладной крѣпости. Этотъ обвинительный актъ былъ утвержденъ спб. судебной палатой и послужилъ основаніемъ для постановки вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ, на которые они дали утвердительные отвѣты о виновности Сазонова. Какъ небезизвѣстно, вѣроятно, читателямъ, этотъ приговоръ произвелъ на Сазонова такое удручающее впечатлѣніе, что онъ, немедленно послѣ объявленія вердикта присяжныхъ засѣдателей, выстрѣлилъ въ себя и, только благодаря счастливой случайности, промахнулся и тѣмъ избѣгъ смерти. Мы говоримъ: «счастливой» случайности, потому что общественной совѣсти было бы невыносимо тяжело перенести смерть человѣка, ни въ чемъ неповиннаго, по винѣ органовъ правосудія, отъ которыхъ общество прежде всего ждетъ правды и милости, а не «*обидъ и терзаній*». Конечно, людямъ свойственно ошибаться (*errare humanum est!*) почему и *судебныя* ошибки возможны и дѣйствительно бываютъ. Но ошибки—ошибкамъ рознь. А каковъ характеръ ошибокъ и промаховъ, допущенныхъ слѣдственной властью, прокурорскимъ надзоромъ и камерой преданія суда по дѣлу Сазонова, видно изъ того, что правительствующій сенатъ отмѣнилъ не только рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ витебскаго окружнаго суда, *но и все производство по этому дѣлу, начиная съ преданія суду*. Не будемъ, однако, забѣгать впередъ, а послушаемъ сначала, что говорилъ относительно дѣйствій слѣдственной власти и камеры преданія суду тотъ же officialный критикъ подобныхъ дѣйствій, оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони. «*Ближайшее разсмотрѣніе вопросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, — читаемъ въ рѣчи г. Кони, — приводитъ къ убѣжденію, что они не содержатъ въ себѣ признаковъ преступленія* и являются послѣдствіемъ смѣшенія понятій о гражданскомъ и уголовномъ правѣ, причемъ законнымъ или безразличнымъ, въ смыслѣ гражданскаго права, дѣйствіямъ придается характеръ уголовного дѣянія... *Первый вопросъ* о томъ, виновенъ ли Сазоновъ въ передачу Крутову закладной крѣпости на имя М. Сазоновой и въ присвоеніи ея себѣ, и въ передачу занятыхъ

подъ закладную 20,000 руб., представляется неправильнымъ и по формѣ, и по содержанію. *По формѣ*, онъ неправиленъ потому, что въ послѣдней своей части *содержитъ указаніе на дѣяніе, не имѣющее уголовного характера*. Непередача повѣренными полученныхъ имъ денегъ доверителю безъ установленія, что деньги эти присвоены или растрочены, не составляетъ еще само по себѣ преступленія, а даетъ лишь право на истребованіе отчета отъ повѣреннаго въ порядкѣ исковаго и исполнительнаго производства, и вызываетъ собою уголовное преслѣдованіе—какъ это неоднократно разъяснено правительствующимъ сенатомъ—лишь послѣ признанія гражданскимъ судомъ повѣреннаго обязаннымъ возвратить полученную имъ сумму и при обнаруженіи, что повѣренный этой суммы возвратить не можетъ или не хочетъ, такъ какъ онъ ее присвоилъ или растратилъ. Между тѣмъ, введеніе такого обстоятельства въ вопросъ присяжнымъ засѣдателямъ несомнѣнно должно было повліять на представленіе ихъ о преступномъ характерѣ дѣйствій Сазонова и могло заставить ихъ думать, что Сазоновъ,—даже вопреки обвинительному акту,—обвиняется въ присвоеніи 20,000 р., тогда какъ не только въ предшествовавшемъ гражданскомъ производствѣ указывалось на то, что закладная была выдана *по расчетамъ* между Сазоновымъ и Крутовыми,—причемъ она служила лишь обезпеченіемъ настоящихъ и будущихъ денежныхъ обязательствъ Крутовыхъ,—но даже и въ прошеніи самого Павла Крутова, возбудившаго уголовное преслѣдованіе, было заявлено, что ему отъ Сазонова не слѣдовало никакихъ денегъ, такъ какъ закладная служила лишь обезпеченіемъ прежняго его долга Сазонову... Этотъ вопросъ неправиленъ и *по содержанію*, ибо дѣяніе повѣреннаго залогодателя, передающаго выписъ закладной не ему, а залогопринимателю, *не только не заключаетъ въ себѣ признаковъ какого либо преступленія, но и вполне соответствуетъ смыслу самой залоговой сдѣлки и точному указанію примѣчанія къ ст. 1650 и статей 1651 и 1652 I ч. X. зак.* Въ настоящемъ дѣлѣ,—такъ какъ Крутовы сами признають, что закладная была совершена согласно ихъ желанію и состоявшемуся между ними и Сазоновой соглашенію,—выписъ должна была находиться въ рукахъ Сазоновой, какъ принявшей имѣніе Ковнаты въ залогъ, *и Сазоновъ, передавъ выписъ своей жень, не только не совершилъ уголовного преступленія, но даже ничѣмъ не нарушилъ правъ своихъ доверителей*. Поэтому всѣ разсужденія обвинительнаго акта о доказанности или недоказанности расчетовъ по закладной крѣпости на имѣніе Ковнаты, подкрѣпляемыя свидѣтельскими показаніями, представляются не только излишними, но и неправильными. Допущеніе опроверженія или провѣрки содержанія крѣпостныхъ актовъ, не заподозрѣнныхъ въ подложности, свидѣтельскими показаніями *внесло бы смуту и неустойчивость во весь гражданскій бытъ и отняло бы всякое значеніе у закона, устанавливающаго твердое и непререкаемое доказательство укрѣпленія правъ на недвижимое имущество*».

Обращаясь ко второму вопросу, А. Э. Кони находилъ, что

статья 1684 уложенія караетъ того, кто, пользуясь ввѣренною ему бланковою подписью для написанія какого либо акта, самовольно напишетъ другой актъ, *убыточный или вредный для вѣрившаго бланкъ*, и употребить для своей выгоды бланковую подпись. Можетъ ли быть признана расписка, въ которой значится, что Крутовъ получилъ отъ Сазонова закладную крѣпость для передачи ее Маріи Сазоновой, такимъ актомъ, о которомъ говорится въ 1694 и 1692 ст. уст. угол. суд.? Согласно послѣдней статьѣ, *актами* признаются тѣ письменныя сдѣлки, которыя въ дѣлахъ исковыхъ, тяжбныхъ и торговыхъ могутъ быть принимаемы за доказательство права на имущество или принятія какихъ либо обязанностей. Правительствующій сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Пояркова 1877 г., № 96, и въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, разъясняющихъ 1694 и 1692 ст., призналъ, что для примѣненія ст. 1694 необходимо внесеніе въ бланкъ обязательства или отказа отъ какихъ либо правъ лица, давашаго бланкъ; поэтому, не всякое пользование бланкомъ подходитъ подъ ст. 1694, а лишь такое, которое устанавливаетъ извѣстныя гражданскія правоотношенія между лицомъ, давшимъ бланкъ, и другимъ физическимъ или юридическимъ лицомъ. Написаніе надъ бланкомъ текста, который не устанавливаетъ никакого обязательства или свидѣтельствуеетъ о томъ, что никакого обязательства и устанавливать не можетъ,—не подходитъ подъ 1694 ст. Поэтому существованіе спорной расписки ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ, что Сазоновъ составилъ вредный или убыточный для Крутовыхъ актъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что въ самомъ обвинительномъ актѣ указано, что вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ спб. судебной палаты 15-го февраля 1888 г. признано, что *даже доказанность подложности расписки 10-ю іюня 1886 г. не можетъ имѣть никакого значенія для разрѣшенія вопроса о безденежности закладной* въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства,—то самое написаніе такой расписки, еслибы оно и было доказано, расписки не содержащей въ себѣ какого либо обязательства, представляется совершенно безцѣльнымъ и не подходящимъ подъ указаніе 1694 ст. «Такимъ образомъ, *постановка первого и второго вопросовъ о виновности Сазонова представляетъ собою подкрѣпленіе предъ присяжными засѣдателями обвиненія въ дѣяніи не преступномъ*, обвиненіемъ въ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ 1694 ст. ул., *причемъ связь обоихъ вопросовъ, поставленныхъ судомъ, не могла не повліять и на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, которое столь удручающимъ образомъ повліяло на подсудимаго*».

Мы цитировали эту часть рѣчи г. Кони почти дословно, потому что въ ней представитель оберъ-прокурорскаго надзора доказалъ, какъ нельзя болѣе наглядно и просто, непростительныя ошибки, допущенныя въ настоящемъ дѣлѣ, какъ будто нарочно для того, чтобы добиться обвиненія Сазонова *quand même*, хотя въ дѣйствительности во всѣхъ приписываемыхъ Сазонову дѣйствіяхъ рѣшительно нѣтъ и тѣни преступности. Будь дѣло Сазонова «единичнымъ» въ нашей судебной практикѣ, то на немъ быть

можетъ, и не стоило долго останавливаться, ибо, какъ мы уже сказали выше, *erga humanum est*. Конечно, и степень *ошибочности* можетъ быть различна, и, смотря по свойству и характеру допущенныхъ ошибокъ, слѣдуетъ обсудить возможную отвѣтственность за подобныя ошибки тѣхъ лицъ, которыя допустили ихъ. Насчетъ этого и въ уложеніи о наказаніяхъ можно найти соотвѣтствующія указанія (ст. 370 и 410). Но дѣло въ томъ, что судебныя ошибки стали у насъ за послѣдніе годы явленіемъ довольно частымъ, и въ печати давно указывалось на нихъ. Эти указанія имѣли покуда частный характеръ. Теперь же они нашли себѣ и официальное подтвержденіе въ заключеніи оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента. По словамъ этого компетентнаго въ судебныхъ дѣлахъ представителя власти, дѣло Сазонова «являетъ собою одинъ изъ тѣхъ, къ сожалѣнію, *частыхъ въ послѣднее время примѣровъ*, когда власть, предающая суду, придаетъ съ излишнею поспѣшностью гражданскимъ правоотношеніямъ уголовную окраску». «Достаточно припомнить — прибавилъ при этомъ официальный ораторъ—хотя бы бывшее недавно въ разсмотрѣніи сената дѣло Пятаковского и Фирсова, по которому присяжныхъ засѣдателей спрашивали: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что утвердился одинъ въ правахъ наслѣдства къ имуществу своей матери, зная, что другія лица имѣютъ къ этому имуществу наслѣдственныя права, и съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ, по предварительному соглашенію съ Фирсовымъ, совершилъ закладную на его имя на наслѣдственный домъ, во владѣніе которымъ онъ былъ введенъ? — какъ будто для утвержденія въ правахъ наслѣдства каждый наслѣдникъ обязанъ ожидать ходатайства всѣхъ остальныхъ, быть можетъ, и не желающихъ воспользоваться своимъ правомъ на наслѣдство, а двусторонній гражданскій актъ, какъ закладную, можно совершить безъ предварительнаго соглашенія!? Введеніе такимъ образомъ присяжныхъ засѣдателей въ оцѣнку чисто-гражданскихъ отношеній можетъ — если правительствующій сенатъ не положитъ этому предѣла надлежащими разъясненіями—привести въ концѣ концовъ къ тому, что присяжныхъ засѣдателей будутъ спрашивать: доказано ли приобрѣтеніе подсудимымъ права собственности на извѣстное имущество, или не виновенъ ли векселедатель въ томъ, что передалъ вексель векселедержателю, вмѣсто того чтобы оставить его у себя?»

Такимъ образомъ, огнѣнъ должно признать безспорно установленнымъ фактомъ, что частое повтореніе въ нашей уголовно-судебной практикѣ ошибокъ, влекущихъ за собою позоръ и разореніе ни въ чемъ неповинныхъ людей, не является слѣдствіемъ *случайныхъ* обстоятельствъ. Напротивъ, причиною этихъ ошибокъ является возведенное въ *систему* неправильное пониманіе своихъ правъ и обязанностей со стороны слѣдственной власти и поставленной во главѣ слѣдственнаго процесса «камеры преданія суду» — т. е. судебной палаты, которая, вмѣсто того чтобы блюсти за полною и законностью слѣдствія, выполняетъ это свое назначеніе крайне легкомысленно и, по официальному удостовѣренію, нерѣдко передаетъ суду за дѣянія, *не заключающія въ себѣ никакихъ при-*

знаков преступленія!! «Дальше этого—по справедливому замѣчанію одной московской газеты—идти некуда, и полная несостоятельность нашей слѣдственной части обнаруживается во всей своей неприглядной очевидности». Но какъ помочь дѣлу? Коснувшись вскользь этого вопроса въ предыдущемъ нашемъ обзорѣ, мы высказали ту мысль, что для устраненія неправильныхъ дѣйствій слѣдственной власти, которыя повторяются *систематически*, необходимо допустить и на предварительномъ слѣдствіи тотъ же контролирующій элементъ, который нашъ законъ допускаетъ на судѣ, т. е. контроль защиты. Эту мысль раздѣляетъ и вышецитированная нами московская газета. «Дѣйствующій нынѣ слѣдственный строй—замѣчаетъ эта газета—исключаящій вполнѣ на слѣдствіи и защиту, и гласность, есть компромиссъ стараго и новаго порядковъ, и онъ именно можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ всей тщеты сдѣланной въ 1864 году попытки сочетанія противоположныхъ началъ. Главные дѣятели судебной реформы, С. И. Зарудный и Н. Б. Буцковский, проэктировали допущеніе гласности и состязательности на предварительномъ слѣдствіи, и государственный совѣтъ въ 1862 г. одобрилъ эту мысль въ принципѣ. Но впослѣдствіи, въ 1864 году, мысль эта была оставлена и установленъ нынѣшній слѣдственный строй, являющійся компромиссомъ между тайнымъ, инквизиторіальнымъ и состязательнымъ началомъ, съ сильнымъ преобладаніемъ перваго. Начиная съ перваго акта слѣдствія и кончая преданіемъ суду—во всѣхъ стадіяхъ господствуетъ старая келейная система сыскаго процесса и бумажнаго производства, съ полнымъ устраненіемъ защиты, и подсудимый долженъ самъ защищаться, какъ умѣетъ. «Двадцатипятилѣтній опытъ дѣйствующей системы, приведшій къ тому печальному состоянію, которое нынѣ господствуетъ, невольно привелъ теперь всѣхъ безпристрастныхъ людей къ мысли, что только обращеніе къ основамъ судебной реформы можетъ вывести изъ этого прискорбнаго для правосудія положенія». Слѣдуетъ поэтому признать, что только въ допущеніи защиты и состязательнаго начала во время предварительнаго слѣдствія можно найти выходъ изъ нынѣшняго безотраднаго положенія. Противъ предложенной мѣры обыкновенно возражаютъ, что наша адвокатура, къ сожалѣнію, не стоитъ на высотѣ своего призванія, что нѣкоторые члены адвокатскаго сословія обнаруживаютъ слишкомъ усердное стремленіе къ «объясненію» своихъ кліентовъ, что особенно неудобно въ слѣдственной стадіи процесса, гдѣ приходится собирать «уголовный» матеріалъ. Но это возраженіе, очевидно, основано на простомъ недоразумѣніи, потому что совершенно упускается изъ виду, что неосновательныя домогательства защиты на предварительномъ слѣдствіи, также точно, какъ и теперь на судѣ, *весьма легко могутъ быть парализованы разумно-энергическимъ* противодѣйствіемъ со стороны хорошо организованной и опытной слѣдственно-обвинительной власти. Мало того. Намъ сдается, что нынѣ наши слѣдователи весьма нерѣдко относятся къ своимъ обязанностямъ совершенно автоматически, именно потому, что имъ нечего опасаться никакого противовѣса, и у нихъ нѣтъ того стимула, который за-

ставляетъ обыкновенно дѣйствовать обдуманно, осторожно и энергичски. Лишь въ бою закаляется воинъ. Словъ нѣтъ, что, въ смыслѣ личнаго благодушества слѣдователя, для него удобнѣе и спокойнѣе оставаться единоличнымъ, самовластнымъ хозяиномъ судьбы обвиняемаго. Но для спокойствія общества подобное единичное хозяйничанье въ стадіи слѣдственнаго процесса едва ли заслуживаетъ одобренія. А если это такъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что спокойствію общества *слѣдуетъ* отдать предпочтеніе предъ благодушіемъ слѣдователя, тѣмъ болѣе, что это благодушіе, — какъ показалъ опытъ, — весьма невыгодно отражается на дѣлахъ правосудія, роняя въ глазахъ общества его свѣтлый престижъ, имѣющій огромное значеніе для всей государственной жизни страны. Нѣтъ худа безъ добра. Участь, постигшая Сазонова по случаю судебной ошибки, сама по себѣ представляетъ весьма печальный фактъ. Но въ немъ есть и хорошая сторона, заключающаяся въ томъ, что, благодаря вышеописанному казусу, теперь *официально* удостовѣрено, что подобныя казусы стали въ послѣднее время явленіемъ *довольно частымъ*. А это официальное признаніе явленія, о которомъ приходится сожалѣть, позволяетъ думать, что въ концѣ концовъ возьмутся и за устраненіе подобнаго явленія.

Но еще болѣе печально, когда совершаются фатальныя ошибки, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ разгромъ нѣсколькихъ сотенъ душъ, причемъ у людей, совершающихъ эти фатальныя ошибки, не является и тѣни сознанія въ совершаемыхъ ими ошибкахъ. А есть у насъ и такія сферы общественной дѣятельности. Взять бы, напримѣръ, хоть слѣдующій казусъ изъ дѣятельности крестьянскаго банка, о которомъ находимъ подробныя свѣдѣнія въ одной изъ полуофициальныхъ провинціальныхъ газетъ («Виленскій Вѣстн.»). Весною 1887 года, громадное товарищество крестьянъ-переселенцевъ Черниговской и Могилевской губерній, счетомъ 173 двора и свыше 500 душъ одного мужскаго пола, заключили запродажную запись на имѣніе Игналинъ (Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи), заключающее въ себѣ около 3,000 десятинъ, и стали селиться сначала во временныхъ землянкахъ, а потомъ уже и въ избахъ, которыя выстроили съ разрѣшенія владѣльца. Вскорѣ оказалось, что, вмѣсто необходимыхъ по запродажной 80 тысячъ, крестьянскій банкъ, къ содѣйствію котораго обратились крестьяне, согласился выдать только 50 тысячъ, чѣмъ поставилъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе и продавца, и покупателей: первому оставалось только прибѣгнуть къ обратному выселенію крестьянъ, а крестьянамъ, потратившимъ послѣднія сбереженія на переселеніе, постройку избъ и обзаведеніе на новомъ мѣстѣ, предстояло полное разореніе, еслибы въ это дѣло не вмѣшалась высшая власть. Въ 1888 г., съ особаго разрѣшенія, товариществу была выдана ссуда въ 70 т. р., причемъ владѣлецъ получилъ все сполна, съ помощью ссуды и дособранныхъ крестьянами 10 т. р. Наконецъ-то они заключили купчую крѣпость; оставалось только постепенно погашать банковскій долгъ, но недостаточность пахот-

ныхъ и сѣнокосныхъ угодій (Игналицъ—преимущественно лѣсная дача) и неустроенное еще хозяйство на новомъ мѣстѣ сильно стѣсняли платежные ресурсы товарищества. При такихъ условіяхъ, всего естественнѣе было бы приступить къ вырубкѣ и выкорчеванію лѣса, какъ въ видахъ расширенія пахотной площади, такъ и для погашенія банковскихъ платежей, тѣмъ болѣе, что близость Днѣпра обезпечиваетъ хорошій сбытъ и довольно высокую цѣну лѣса (сажень дровъ продается по 8—9 р.). Но препятствіемъ къ этому послужилъ крестьянскій банкъ, благодаря задержкамъ и проволочкамъ котораго игналинцы пропустили удобное время для сплава лѣса и для заключенія выгодныхъ сдѣлокъ съ покупателями. Наконецъ, послѣ долгихъ ходатайствъ, они добились отъ минскаго отдѣленія крестьянскаго банка разрѣшенія производить рубку лѣса и уже вывели нѣсколько десятковъ тысячъ проданныхъ спицъ на пристань, какъ вдругъ, по распоряженію банка, на послѣднія было наложено запрещеніе, «въ видахъ обезпеченія взноса платежей». Сверхъ неустойки, которую крестьяне должны были выплатить купцу за недоставку въ условленный срокъ спицъ, они потратились также на расходы по охранѣ спицъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока наконецъ эти злополучныя спицы не были проданы самимъ банкомъ, но не по 12 р. за 1000, какъ запродали ихъ крестьяне, а всего только по 9 р. Также точно затормозилъ банкъ и продажу дровъ, не смотря на то, что расчистка вырубленнаго участка, обрабатываемого въ пашню, только увеличивала цѣнность имѣнія, и всѣ деньги, выручаемыя крестьянами за урожай, вносились въ банкъ же въ видѣ платежей. Эти стѣсненія привели къ образованію значительной недоимки, и имѣніе, за невзносъ платежа первой половины 1890 г., было назначено въ публичную продажу, на 9 марта 1891 г., въ то время, когда масса нарубленныхъ дровъ, неразрѣшенныхъ къ продажѣ, почти достаточная для покрытія недоимки, бесполезно гнила въ лѣсу. Товарищество снова обратилось съ ходатайствомъ о разрѣшеніи продать дрова, указывая на грозящую неустойку, но въ отвѣтъ получило предписаніе, въ которомъ минское отдѣленіе банка объявляло: 1) что продажа дровъ не была разрѣшена товариществу въ виду того, что запродажная сдѣлка была заключена безъ вѣдома банка и если, за неисполненіе принятыхъ обязательствъ, товарищество полатится неустойкою, то этого и слѣдовало ожидать; 2) что теперь продажа дровъ не можетъ быть разрѣшена «въ виду возможности продажи или оставленія за банкомъ всего имѣнія», и что 3) вообще крестьяне не должны надѣяться ни на малѣйшее снисхожденіе. Игналинцы собрали послѣдніе гроши и въ январѣ 1891 года уплатили недоимку платежа, слѣдуемаго ко взносу весною 1890 г., но имѣніе и послѣ того не было снято съ торговъ, хотя за крестьянами оставалась недоимка только одного платежа, по закону допускаемая. Получивъ отказъ въ ходатайствѣ о снятіи имѣнія съ торговъ, игналинцы просили сообщить имъ точную сумму, которая должна быть внесена для отмѣны продажи, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить товариществу продать съ публичнаго торга скотъ и постройки тѣхъ крестьянъ, которые не въ состояніи уплатить

числящейся за ними недоимки банку. Банкъ объявилъ необходимую для предотвращенія публичной продажи сумму въ 5,438 р. и предписалъ волостному правленію обратитъ главное вниманіе на продажу движимаго имущества и построекъ неисправныхъ плательщиковъ; въ случаѣ же, если этимъ путемъ не будетъ пополнена вся недоимка, то тогда разрѣшалось приступить и къ продажѣ дровъ, гнѣющихъ въ тѣсахъ и болотахъ. Началась продажа движимости, вольная и невольная, залого, займы, получаемые путемъ закабаленія у деревенскихъ ростовщиковъ и пр., но вырученная сумма все еще далеко не приближалась къ требуемому 5,438 р., а день окончательной продажи — роковое 9-е марта 1891 года — все приближался да приближался. И, вѣроятно, въ концѣ концовъ земля была бы продана, еслибы случайно въ это мѣстечко не приѣхалъ одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ губернской администраціи. По его представленію, на дѣло это обратилъ вниманіе губернаторъ и отмѣнилъ продажу земли.

Около этого времени, пришла въ Голмичи новая повѣстка изъ банка, извѣщавшая о скоромъ наступленіи срока весенняго платежа 1891 года, причемъ этотъ *будущій* платежъ съ прежней недоимкой, пеней и проч. исчисленъ въ тѣ же 5,438 руб., *следовательно, считалась недоимкою и взыскивалась сумма, въ которую входилъ и будущій платежъ*, тогда какъ дѣйствительная недоимка могла образоваться только отъ невзноса осенняго платежа 1890 г. и, какъ видно изъ той же повѣстки, *равнялась всего только 2,444 р.*, которые свободно могли быть пополнены продажей дровъ и спицъ и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ. А, между тѣмъ, за невзносъ этой фиктивной недоимки продается движимость и постройки сотни наиболѣе бѣдныхъ домохозяевъ и чуть-чуть не идетъ съ торговъ все имущество товарищества!

Мѣстный корреспондентъ, сообщившій приведенныя свѣдѣнія «Виленскому Вѣстнику», заключаетъ свою корреспонденцію словами: «Несомнѣнно, во всемъ этомъ замѣшалась какая-то странная ошибка». Очень можетъ быть, что это дѣйствительно такъ, хотя мы имѣемъ основаніе думать, что заключительный выводъ корреспондента есть ничто иное, какъ злая иронія надъ дѣйствіями лицъ, совершившихъ описанную имъ «странную ошибку», заключающуюся въ цѣломъ рядѣ «ошибочныхъ» дѣйствій. Ибо тотъ же корреспондентъ, — описывая въ одномъ изъ своихъ предъидущихъ сообщеній исторію покупки вышеназваннымъ товариществомъ имѣнія «Игналинъ» при помощи крестьянскаго банка, — добавляетъ: «Покупка казалась очень выгодной, и покупщики заранѣе предвкушали свое будущее благоденствіе. Но на практикѣ вышло совершенно иначе, и большинству членовъ товарищества предстоитъ продажа всего ихъ имущества съ публичнаго торга, а — *следовательно — нищенская сума*». «Какъ же — спрашиваетъ онъ — это случилось?.. Очень просто! Во-первыхъ, вслѣдствіе разныхъ формальностей, выдача ссуды затянулась, а между тѣмъ крестьяне, не ожидая этого, снялись съ своихъ мѣстъ и сѣли на новую землю ранѣе совершенія купчей. Продавецъ воспользовался этимъ и накинулъ порядочную надбавку къ продажной цѣнѣ. Во-вторыхъ, по

совершеніи купчей, товарищество не собралось съ деньжонками для взноса платежей и затынуло ихъ на сумму до пяти тысячъ. Земля назначена къ продажѣ, но покупатели поватужились, продали кое-что яко бы лишнее, внесли три тысячи, такъ что осталось только двѣ тысячи, которыя они надѣялись пополнить продажею части дровянаго лѣса. Казалось бы, что изъ 2½ тысячъ десятинъ продать сотни двѣ десятинъ лѣса—дѣло весьма естественное и не трудное; обратились за разрѣшеніемъ въ минское отдѣленіе крестьянскаго банка, анъ не тутъ то было: за силою статьи такой-то, примѣчанія такого-то, пункта такого-то, продажа лѣса оказалась невозможною, но зато продажа имущества *несостоятельныхъ* плательщиковъ (это при значительной наличности лѣса, часть котораго могла бы быть продана по всѣмъ правиламъ самаго *раціональнаго* лѣснаго хозяйства) оказывается вполнѣ возможною... Мы слышали даже, что, при обсужденіи этого вопроса въ минскомъ отдѣленіи крестьянскаго банка, предложеніе о продажѣ крестьянскаго имущества было отвергнуто единогласно всѣми членами, *кромя одного*, который сталъ на почвѣ строгаго закона и, вооружившись цѣлымъ рядомъ статей, доказалъ, что крестьянское имущество по закону должно быть продано на пополненіе недоимки, а лѣсъ не долженъ». Что же дѣлать: «*duræ lex, sed lex!*»—воскликаетъ корреспондентъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что дѣло какъ будто было не въ «странной ошибкѣ», а въ самомъ законѣ, которому корреспондентъ придаетъ характеръ «*duræ legis*». Не будемъ, однако, вдаваться въ критическую оцѣнку объясненія, даннаго корреспондентомъ, такъ какъ онъ, быть можетъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, желаетъ воздержаться отъ слишкомъ рѣзкой критики дѣйствующихъ въ игналинской исторіи лицъ. Но фактъ все же остается фактомъ, и невольно возникаетъ стародавній вопросъ: отчего дѣятельность крестьянскаго банка вызываетъ столько *справедливыхъ* нареканий съ разныхъ сторонъ? Мы подчеркнули слово: «справедливыхъ», потому что дѣятельность этого банка, на который возлагали когда-то столько надеждъ, во многихъ случаяхъ оказывается не только бесполезной, но прямо таки вредной для его кліентовъ. Въ печати неоднократно указывалось на то, что ссуды, выданныя изъ крестьянскаго банка, служили часто не только не къ улучшенію положенія заемщиковъ, а, напротивъ, вели даже къ абсолютному разоренію крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю при помощи этихъ ссудъ. По поводу этого страннаго и вмѣстѣ печальнаго явленія, газета «Новое Время» замѣтила на дняхъ, что «нуженъ особый талантъ, чтобы изъ живаго и полезнѣйшаго дѣла создать такую опаснѣйшую ловушку для малоземельныхъ крестьянъ, и этого таланта оказалось въ администраціи банка больше чѣмъ нужно...» — Это, конечно, довольно остро сказано, но правдиваго здѣсь немного, ибо ни для кого не тайна, что главную пользу отъ крестьянскаго банка извлекали не крестьяне, а помѣщики, спустившіе, при помощи этого банка, ненужныя имъ земли крестьянамъ по очень высокой цѣнѣ, а для «споспѣшествованія» подобной операціи едва ли требуется особый талантъ. Но,

оставляя открытымъ вопросъ о «талантливости» дѣятелей крестьянскаго банка въ прошломъ, необходимо, однако, подумать: какъ устранить въ настоящемъ послѣдствія, уже происшедшія отъ *прежней* дѣятельности банковскихъ заправилъ, и—что еще важнѣе—какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы крестьянскій банкъ не продолжалъ идти по тому же опасному пути въ будущемъ? Но объ этомъ вопросѣ мы поговоримъ въ другой разъ.

ИТОГИ ДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(2 МАРТА 1881 Г.—2 МАРТА 1891 Г.).

III.

Въ предъидущемъ изложеніи мы старались обрисовать черты нравственной фізіономіи русскаго общества, какъ онѣ сложились за время „преобразовательнаго періода“, и указать тѣ главныя дѣйствующія силы, которыя вліяли у насъ, такъ или иначе, на движеніе государственнаго руля. Такихъ силъ или—говоря европейскимъ политическимъ языкомъ — такихъ „партій“ оказывалось на лицо три. Первая по вліянію, *прогрессивная партія* задавалась цѣлью преобразовать нашъ внутренній бытъ сообразно новымъ условіямъ свободнаго, цивилизованнаго государства; къ ней принадлежали всѣ образованнѣйшіе и безкорыстнѣйшіе государственные дѣятели, а равно всѣ наиболѣе видные, наиболѣе талантливые представители литературы и журналистики. Эта партія (безъ различія ея дѣленій на „славянофиловъ“ и „западниковъ“) стремилась вдохнуть новую жизнь въ нашъ государственный организмъ путемъ систематически-обдуманыхъ и послѣдовательно-проведенныхъ реформъ, имѣющихъ въ своемъ базисѣ принципы: свободы личности и равноправія предъ судомъ и закономъ. Славянофилы и западники, либералы и честные консерваторы не спорили между собой о необходимости освобожденія: крестьянъ — отъ деспотическаго помѣщичьяго права, печати — отъ слишкомъ крѣпкихъ тисковъ предварительной цензуры, косившейся даже на басни Крылова и баллады Жуковскаго; суда — отъ безцеремоннаго давленія адми-

нистраціи; земскаго благоустройства — отъ попечительности губернскихъ правленій. Когда Катковъ, уже эмигрировавшій изъ прогрессивнаго лагеря, поднялъ свою знаменитую травлю на новый судъ, не отличая въ немъ безтактныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ отъ основнаго принципа, то И. С. Аксаковъ возражалъ ему и его приспѣшникамъ съ обычной горячностью: „Съ легкой или, вѣрнѣе, тяжелой руки „Московскихъ Вѣдомостей“ — писалъ онъ — прочія газеты и газетки, съ публикой вкупѣ, хоромъ ревуть на новый судъ: „ату его! ату!“ глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хохотомъ, на весь судебный персоналъ, на весь судебный институтъ — какъ будто кто имъ задалъ задачу *не только поколебать его авторитетъ, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ...* Кричатъ и голосятъ о нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ и *молчатъ о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ*, молчатъ о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей, такъ недавно еще неправосудной землѣ! Забываютъ и объ этомъ множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно-доблестныхъ тружениковъ!“ Разногласіе между славяно-фильской и западнической фракціями прогрессивной партіи начиналось уже съ вопросовъ чисто-политическаго представительства, которые такъ и не успѣли созрѣть до практическаго приложенія, если не считать упомянутой нами попытки московскаго дворянства въ 1865 г.

Вторая, тоже достаточно вліятельная, партія — была *партія ретроградная*, или „стрѣleckая“, какъ прозвалъ ее князь В. Ѳ. Одоевскій, припоминая старовѣрческіе бунты противъ „новшества“ Петра Великаго. Въ этой партіи съютились наиболѣе закоснѣлые крѣпостники изъ старозавѣтнаго дворянства и фабрикантовъ-посессионеровъ; сюда же примкнулъ и всякій отбросъ канцеляріи и казармы, оставшійся „не у дѣла“ при новыхъ порядкахъ, которые обходились безъ многописанія, взятокъ и зуботычинъ.

Третью, слабую количественно, но опасную по своему фанатизму партію представляли наши пресловутые *бунтари*, которые пользовались каждымъ проявленіемъ неустойчивости въ правительственныхъ взглядахъ, каждой неурядицей въ общественныхъ дѣлахъ, каждой ошибкой администраціи, чтобы

взывать къ расчлененію государства, къ упраздненію капитала и споліаціи имуществъ, къ замѣнѣ семьи — воспитательными домами, брака — свальнымъ грѣхомъ и т. п. Мы говорили уже объ *истинномъ происхожденіи* этихъ бунтарей, которые, даже въ хронологическомъ смыслѣ, не могутъ назваться дѣтьми преобразовательной эпохи, а являются собой лишь поздній „гнилой отпрыскъ крѣпостничества, безправія и самосуда“. Общаго между бунтарями и прогрессивной партией, конечно, ничего не было, кромѣ громкихъ словечекъ: „свобода“ и „прогрессъ“, которыми эти лицедеи любили прикрывать свою безчеловѣчную и бессмысленную тиранію; но внутреннее духовное родство нашихъ анархистовъ съ крѣпостнической партией достаточно доказано нами. На это родство указывали, съ разныхъ точекъ зрѣнія, и проф. Цитовичъ въ своей извѣстной брошюрѣ, и Герценъ въ посмертныхъ сочиненіяхъ, и кн. Одоевскій, назвавшій конституціонную затѣю московскихъ дворянъ — „олигархическимъ *нигилизмомъ*“. Если нашу прогрессивную партію, — по крайней мѣрѣ, въ литературѣ, — и можно попрекнуть чѣмънибудь, то развѣ тѣмъ, что она не имѣла рѣшимости обрубить сразу этотъ, волочившійся за нею, нигилистическій хвостъ и даже отчасти кокетничала съ радикальными юнцами, какъ бы боясь утратить свой либеральный престижъ. Правда, въ сатирахъ Щедрина мы встрѣчаемъ насмѣшки надъ „сепаратистами“, проектирующими отдѣленіе Золотоноши отъ російской имперіи, надъ очень передовыми дѣвицами, проповѣдующими объ „упраздненіи родительской власти“ вслѣдъ за упраздненіемъ крѣпостнаго права; у него встрѣчается даже довольно цѣлостный типъ „опротившагося“ Филомафитскаго, чающаго спасенія міра отъ собственноручной „обдѣлки земли“; но и за эти рѣдкія прикосновенія къ большому мѣсту сатирикъ получалъ изрядныя головомойки отъ нѣкоторыхъ журнальныхъ сотоварищей и не могъ давать полнаго простора своему перу... Къ слову сказать, отрещиваться отъ крайнихъ теорій было неудобно въ то время еще и потому, что анархическая клика обносила своихъ враговъ извѣтомъ въ „шпіонствѣ“, въ продажномъ служеніи правительству. Подъ тяжестью подобнаго извѣта погибъ, напр., несчастный Бени, журналистъ второй руки, виновный только въ томъ, что онъ, какъ европейски-образо-

ванный человекъ, имѣлъ свои понятія о задачахъ государства и объ условіяхъ прогрессивнаго общественнаго развитія. Ошельмованный писатель (по свидѣтельству г. Лѣскова) вынужденъ былъ искать спасенія въ гарибальдійскихъ отрядахъ, чтобы хоть смертію своею доказать несправедливость взведенной на него клеветы. И онъ, дѣйствительно, нашель тамъ свою смерть...

Ретроградная партія, открыто стоявшая на почвѣ крѣпостничества, безправія и патріархальнаго самосуда, сама отлично сознавала свое духовное родство съ анархистами и по принципамъ, и по практическимъ пріемамъ, и, сознавая это, перекидывала своихъ чадъ въ чужую люльку.

Если кто могъ еще искренно радоваться возникновенію у насъ такого ассортимента людей, который отрицаетъ всѣ основы государственнаго, національнаго, общественнаго и культурнаго существованія, — то это, несомнѣнно, наши инородцы, возмечтавшіе: кто—о соединеніи, подъ прусскимъ орломъ, съ любезнымъ „фатерландомъ“; кто—объ уничтоженіи „черты осѣдлости“; кто—о возсозданіи „ойчизны“ отъ моря до моря; кто—о „личной уніи“ съ россійскимъ колосомъ, который бы только помогалъ во дни голода, а затѣмъ стыдливо отказывался отъ всякихъ государственныхъ правъ на завоеванную его кровью территорію. Нашъ анархическій терроризмъ, — клонившій къ распаденію государства на отдѣльные штаты и совсѣмъ не похожій въ этомъ отношеніи даже на терроризмъ первой французской республики, оставшейся и подъ властью Робеспьера *une et indivisible*, — этотъ терроризмъ пришелся какъ нельзя больше на руку польскимъ патріотамъ въ 1863 году. Разслабленіе умовъ по этому пункту было у насъ такъ велико не только въ общественныхъ, но и въ правительственныхъ сферахъ, что въ самомъ Зимнемъ дворцѣ (какъ видно изъ многихъ напечатанныхъ мемуаровъ) уже задавались вопросомъ: уступить ли намъ грядущей Рѣчи Посполитой *только* (!) однѣ сѣверо-западные провинціи, или придется отдать и нашъ Кіевъ, „дряхлаый, златоглавый“? У Каткова нашлось настолько государственнаго смысла и національнаго чутья, что онъ съ негодованіемъ отнесся къ шляхетско-клерикальнымъ претензіямъ и увлекъ за собою въ ту пору русское общественное мнѣніе. Но, хватая всегда черезъ

край, Катковъ и тутъ пересолилъ, проповѣдуя ненужныя жестокости; а затѣмъ сдѣлалъ изъ „польской интриги“ какую-то *cheval de bataille*, выѣзжая на ней въ походъ противъ всѣхъ внутреннихъ преобразованій и въ защиту какого-то тираническаго классицизма, отъ котораго уже и въ то время отмахивались обѣими руками въ западной Европѣ. Гоняясь за польской интригой даже тамъ, гдѣ и запаха ея не было, московскій громовержецъ, — растерявшій всѣхъ лучшихъ своихъ сотрудниковъ (В. П. Безобразова, И. С. Тургенева и друг.) и оставшійся подѣ конецъ на своемъ Олимпѣ съ однимъ г. Любимовымъ, — проглядѣлъ у себя подѣ носомъ настоящую *еврейскую интригу*, съ которой только теперь приходится намъ сводить свои счеты... Да хорошо еще, если проглядѣлъ, а то — говорятъ — видѣлъ и умышенно отводилъ глаза, по мановенію руки одного вліятельнаго банкира. Оцѣнивая дѣйствительную заслугу Каткова и осуждая возникшія отсюда непомѣрное самохвальство и нетерпимость, А. В. Никитенко справедливо говорить въ своемъ „Дневникѣ“: „Если вамъ случилось оказать мнѣ услугу, то не дерите же съ меня процентовъ сто на сто, какъ какой нибудь жидь-ростовщикъ! Вотъ, напр., господинъ Катковъ сдѣлалъ нѣчто хорошее своей газетой и теперь считаетъ, что онъ купилъ этимъ право дѣлать всевозможныя гадости. Съ неслыханною дерзостью онъ всякаго несогласнаго или хоть сколько нибудь расходящагося съ его мнѣніемъ *клеимитъ названіемъ измѣнника, врага отечества, нечужды* и пр., и пр. Но вѣдь это значить имѣть слабую голову, чтобы такъ скоро опьянѣть отъ успѣха и надуться такимъ непомѣрнымъ количествомъ спѣси и самохвальства“.

„Русскій человекъ не выносить своего величія“ — слыхалъ я нерѣдко въ частныхъ разговорахъ отъ Никитенко, и ту же мысль высказываетъ онъ въ примѣненіи къ Каткову. Редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, дѣйствительно, не вынесъ своего величія и, обуянный непомѣрнымъ самомнѣніемъ, захотѣлъ играть роль безгрѣшнаго оракула, изрекая неотразимые приговоры надъ своими противниками, во имя „спасенія отечества“. Съ одной стороны, это выходило какъ будто очень благонамѣренно, ибо Катковъ всегда отправлялся въ своихъ сужденіяхъ отъ неприкосновенности какихъ-то

„основъ“, имъ однимъ охраняемыхъ; съ другой же, яростныя и придирчивыя нападки на высокопоставленныхъ лицъ, не лишенныхъ довѣрія верховной власти, подрывали авторитетъ всего правительства *in corpore*. Выходило иногда такъ, что Катковъ прозорливѣе самого государя видѣлъ „измѣнительскую“ душу его ближайшихъ совѣтниковъ... А такъ какъ „Московскія Вѣдомости“—по обстоятельствамъ, еще неполнѣ выясненнымъ—пользовались исключительно для себя *полной свободой печати* и отказывались даже печатать министерскія предостереженія, то робкія возраженія имъ въ защиту инкриминируемыхъ государственныхъ людей только укрѣпляли въ публикѣ убѣжденіе, что въ самомъ правительствѣ существуютъ два противоположныхъ теченія: одно — легальное, пользующееся покровительствомъ Михаила Никифоровича, а другое—законопротивное и терпимое лишь по недосмотру верховнаго блюстителя. Можетъ быть, оно и было такъ на самомъ дѣлѣ; но, во всякомъ случаѣ, такая односторонняя, злая критика существующаго режима нисколько не способствовала его упроченію. Ретроградная партія, имѣвшая свои личные счеты съ нѣкоторыми изъ государственныхъ людей, ликовала, видя упадокъ правительственнаго авторитета, и не безъ основанія считала Каткова „последней формациі“—своимъ апостоломъ. Недаромъ же и московскіе „верховники“ подносили ему знаменитую чернильницу, а „Вѣсть“ пѣла гимны за отказъ напечатать предостереженіе...

Изъ этой нестройной, неуравновѣшенной борьбы указанныхъ нами партій,—при недостаточной опредѣленности и устойчивости въ правительственныхъ предначертаніяхъ, мѣнявшихся, смотря по ходу открытаго и закулиснаго ратоборства,—и возникла та „сумятица разнородныхъ понятій, толковъ и противодѣйствующихъ одно другому вліаній“, которую мы отмѣтили въ предъидущей статьѣ.

IV.

Обстоятельства, при которыхъ новый русскій государь вступилъ на престолъ своихъ предковъ, „немногимъ отличались—по справедливому замѣчанію одной петербургской газеты—отъ труднаго и опаснаго положенія, въ которомъ за-

стали Россію кончина императора Николая I и вступленіе на престолъ Александра II. Правда, 1-го марта 1881 г. Россія не находилась въ открытомъ вооруженномъ столкновеніи ни съ одною европейскою державою, но въ нашемъ обществѣ, смущенномъ предшествовавшими годами шатанія и броженія и подавленномъ ужасомъ мартовской катастрофы, *не было зато и слѣда одушевленія*, которое, въ виду внѣшняго непріятели, соединяло всѣ сословія русскаго государства при вступленіи на престолъ императора Александра II. Опасность, между тѣмъ, грозила самому бытію русскаго государственнаго строя. Недоразумѣнія въ обществѣ и части правительственныхъ слоевъ достигали своего апогея“.

Къ концу же истекшаго десятилѣтія — по свидѣтельству другой петербургской газеты — печальная картина эта разительнo измѣняется къ лучшему: „Наше внутреннее положеніе въ настоящее время столько же ясно и опредѣленно, какъ и устойчиво. *Нѣтъ никакихъ недоумѣній о томъ, чѣмъ надлежитъ быть правительству и чѣмъ — обществу. Нѣтъ смѣшенія правъ и обязанностей того и другаго. Нѣтъ споровъ о томъ, кому должна принадлежать власть. Нѣтъ борьбы между властями коронными и общественными.* Расшатанный порядокъ въ мѣстномъ управленіи упрочивается послѣдовательно-проводимыми преобразованіями. Разстройство экономическихъ дѣлъ, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, настойчиво устраняется, и хотя въ этомъ отношеніи труднѣе достигнуть замѣтныхъ результатовъ въ короткое время, но въ общей совокупности нельзя и нынѣ уже не замѣтить ясныхъ признаковъ улучшенія... Школа, болѣе другихъ частей государственнаго вѣдѣнія запущенная и требовавшая упорядоченія, по самому существу дѣла не допускала какой либо спѣшности въ преобразованіяхъ, и хотя о результатахъ произведенныхъ преобразованій въ этой части было бы преждевременно говорить съ полною опредѣлительностью (здѣсь разумѣются ограничительныя мѣры противъ крайностей классицизма. и заботы о тѣлесномъ развитіи подростяющихъ поколѣній), но не подлежитъ сомнѣнію, что новыя начала, внесенныя въ жизнь школы этими преобразованіями, болѣе согласованы и съ государственными потребностями, и съ условіями здороваго — физическаго и духовнаго — развитія учащагося юношества. Вообще

же въ умственной жизни за это десятилѣтіе совершился—можно сказать—полный переворотъ. *Броженіе и шатаніе мысли, достигшее зенита въ концѣ предшествовашаго царствованія, постепенно улеглось.* Пережитый горькій опытъ примѣриванія къ Россіи чуждыхъ ей шаблоновъ научилъ сознательно цѣнить свои историческія основы, научилъ не только относиться съ трезвою критикою къ соблазнамъ мнимаго политическаго прогресса, но и съ уваженіемъ къ своему исконному, трудами многихъ поколѣній выработанному, политическому строю. Все это въ совокупности дало могущественный толчокъ росту національнаго самосознанія въ Россіи. Спустившись съ облаковъ на родную почву, русская мысль приобрѣла устойчивость, какой давно не имѣла. У себя дома ей открылось благодарное поприще въ разработкѣ тѣхъ важныхъ практическихъ задачъ, осуществленіе коихъ намѣчено было цѣлью новаго царствованія уже въ одинъ изъ первыхъ дней его. Такое направленіе русской мысли, разумѣется, не могло сообщить ей вѣшняго трескучаго эффекта и блеска политической поэзіи, но оно дало Россіи результаты гораздо болѣе осязательные и благотворные“.

Увѣренія почтенной газеты, что „броженіе и шатаніе мысли у насъ улеглось“, что русская мысль приобрѣла уже полную устойчивость — быть можетъ, нѣсколько преждевременны и составляютъ только *ria desideria* (очень ужъ много заставили насъ пережить и переварить въ теченіе одной лишь четверти вѣка!) но несомнѣнно, что проповѣдь анархизма и сепаратизма значительно поослабла и не пользуется довѣріемъ даже среди учащейся молодежи. Суды не служатъ уже болѣе невольною ареною для проповѣди разрушенія и террора; наша публика, —еслибы ей и пришлось вторично выслушать процессъ Вѣры Засуличъ, —едва ли стала бы аплодировать, какъ героинѣ, этой предшественницѣ Перовской и Желябова. Карты раскрыты, результаты игры извѣстны—и бѣшеному фанатизму нѣтъ болѣе мѣста въ русской жизни. Теорія измѣненія политическаго строя путемъ судорожныхъ вспышекъ, катаклизмовъ и членовредительствъ всякаго рода, —эта теорія, которая только и могла зародиться въ кучкѣ одичалыхъ и озлобленныхъ людей, потерпѣла крушеніе не въ одной практикѣ, но и въ сознаніи мыслящихъ людей. Туманныя фразы, прикрывавшія эту теорію,

разлетѣлись, какъ дымъ, и отвратительная дѣйствительность заглянула намъ прямо въ глаза. Мы хорошо знаемъ теперь, что называлось „свободою чувства“, „независимостью мысли“, „последними словами науки“ въ нашихъ доморощенныхъ фаланстерахъ и политическихъ заговорахъ; мы видѣли, во имя какого „народа“ приносились кровавыя жертвы; мы убѣдились, что „благо человечества“ не имѣетъ ничего общаго съ разбойническими подвигами неразвитыхъ, но тщеславныхъ выскочекъ, рывшихся въ мантию политическаго мученичества. Какъ бы ни казались тѣсны рамки нашей общественной и государственной жизни,—въ нихъ всегда найдется мѣсто для честнаго, скромнаго, самоотверженнаго труда на благо родины, на пользу ближняго, и раздвигаются эти рамки накопленіемъ знаній, богатствъ, серьезнымъ политическимъ опытомъ, а не одиночными психопатическими затѣями и порывами...

Но если смолкли теперь или, по крайней мѣрѣ, лишились всякаго кредита голоса, взывавшіе ко всеобщему разрушенію посредствомъ террористической организаціи власти; если миновали „трескучіе эффекты“ политическаго мученичества,—то не смолкли еще другіе, въ сущности, тождественные голоса, проповѣдующіе внѣшнее, мертвое „упорядоченіе“ путемъ привилегированнаго беззаконничества, споліаціи гражданскихъ правъ и грубаго физическаго насилія, въ видѣ палки и зуботычины. Эти голоса твердятъ то же, что твердила когда-то скарятинская „Вѣсть“, но еще съ бѣльшею разнужданностью и меньшимъ запасомъ ума и знанія. Эти новоявленные крѣпостники продолжаютъ *нигилистически отрицать всю четверть вѣка*, прожитую Россіей не по ихъ указкѣ, не по ихъ скалозубовскому шаблону, и не желаютъ брать изъ этой якобы прокаженной области ни одного зерна, ни одной культурной идеи. Съ забавнымъ психопатическимъ упорствомъ,—такъ сильно напоминающимъ остолбенѣлое упрямство ихъ чадушекъ-нигилистовъ,—они отсылаютъ насъ назадъ, за грань 19-го февраля 1861 г., и устами „Гражданина“ попрекаютъ правительство и за то, что оно не дало земскимъ начальникамъ всѣхъ правъ крѣпостной опеки надъ крестьянами, и за то, что позволяетъ этимъ крестьянамъ увеличивать, при пособіи казеннаго кредита, свои земельные участки,

а не батрачить весь вѣкъ на помѣщичьихъ земляхъ; и за то, что не уполномочило губернаторовъ смѣнять судей собственною властью, „по третьему пункту“; и за то, наконецъ, что отмѣняетъ практикованіе розогъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Само собой разумѣется, что эти вождедѣнія гальванизи- зированнаго крѣпостничества такъ при немъ и останутся (доказательствомъ служить энергическій протестъ „Церков- наго Вѣстника“ противъ послѣдней розголюбивой выходки кн. Мещерскаго); само собой разумѣется, что наше прави- тельство идетъ своею дорогою, слѣдуя завѣту манифеста 29 апрѣля 1881 г. о „водвореніи порядка и правды, *при дѣйстви учрежденій, дарованныхъ Россіи императоромъ Александромъ II-мъ*“; но отголоски этихъ вождедѣній сви- дѣтельствуютъ, что „броженіе умовъ“,—по крайней мѣрѣ, на этомъ пунктѣ,—не улеглось окончательно и продолжаетъ сби- вать съ толку наше общественное мнѣніе...

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюатели»).

ВЪ МАЪ.

I.

Мѣсяць грезь, любви и пѣсень,
Клятвъ при лунномъ свѣтѣ...
Дѣвѣ платья вѣротъ тѣсень,
Тяжело въ корсетѣ.
Ужъ намѣченный могилой,
Полнь любовной жаждой,
Млѣеть сладко старецъ хилый
Передъ юбкой каждой.
День и ночь вопросомъ дачнымъ
Занята столица,
По окраинамъ невзрачнымъ
Мысля разселиться.
Классикъ тощій надъ тетрадкой
Хмуръ сидить, въ досадѣ,
Черезъ улицу украдкой
На сосѣдку гляди.

Вдохновенія избытокъ,
 Съ музой въ tête-à-tête'ѣ,
 Превращаютъ въ пукъ кредитокъ
 Аполлона дѣти...

II.

Въ тихій часъ отдохновенья,
 Въ часъ полночной тишины.
 Снятся многимъ, безъ сомнѣнья,
 Радужные сны.
 Подвѣчные уборы
 Снятся дѣвѣ въ сна часы,
 Флеръ д'оранжъ, фата и шпоры,
 Стрѣлкою усы.
 Мучась недугомъ суровымъ,
 Мигъ лоя забвенья въ снѣ,
 Безъ врачей, больной—здоровымъ
 Зритъ себя вполнѣ.
 Сонъ купца зѣло приятенъ:
 Зритъ онъ, лежа на боку,
 Что за рубль съумѣлъ отдать онъ
 Лишь по пятаку.
 Спитъ маркизь О'Квичъ, и снится
 Соблазнительно ему,
 Что хранить въ себѣ столица
 Иудеевъ тьму;
 Что, отнюдь не ограничивъ
 Грязныхъ ихъ гешефтовъ рядъ,
 Обратился ужъ въ Бердичевъ
 Пышный Петроградъ...

Старый Капраль.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СЕНТЕНЦІЯ.

(Въ формѣ легкаго каламбура).

Нельзя ребенка, какъ *осла бить*,
 Чтобъ научить его *умно жить*.
 Битьемъ пороковъ не *ослабить*,
 Хорошихъ качествъ не *умножить*.

Аористъ.

РИЮМЫ НАБОРЩИКА.

I.

Жизнь для однихъ—вседневный плачь,
 А для другихъ—смѣшнѣй комедій;
 О развлеченьяхъ мнитъ богачъ,
 Бѣднякъ мечтаетъ объ *О. Б. Д.*
 Одинъ отъ юности счастливъ,
 Другой на все взираетъ косо;
 Контрастъ подобный обсудивъ,
 Невольно ставишь *знакъ вопроса*.

II.

Жизни пошлость чуднымъ раемъ
 Кажетъ намъ порой вино;
 Часто то мы *О. Б. Щ. М.*,
 Что исполнить мудрено.

Ш.

Юнецъ, къ поступкамъ гнуснымъ строгъ,
 Готовъ вѣщать бы, какъ пророкъ,
 Порочнымъ истину святую,—
 Увы благимъ стремленьямъ рокъ
 Нерѣдко ставитъ запятую.

IV.

Гдѣ ораторъ про народъ
 Очень смѣло рѣчь ведетъ
 И молчатъ упорно прочіе,
 Тамъ (картинка не нова)
 Слишкомъ рѣзкія слова
 Замяняетъ—*многоточіе*.

Дебютантъ.

НА ИЗГНАНІЕ ЖИДОВЪ ИЗЪ МОСКВЫ.

(По прочтеніи жалостливой статьи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“).

„*Не утѣжай, голубчикъ мой!*“

*Не утѣжай, жидочекъ мой,
 Не покидай поля родня,
 Въ Европу не ступай ногой—
 Тебя тамъ встрѣтятъ люди злые!*

У насъ же—коль въ расчетъ-то взять!—
 Тебя такъ любятъ Авсѣенки,
 Тебѣ легко снимать здѣсь пѣнки
 И пальцемъ масло колупать.

Да не смутить тебя надзоръ:
Онъ «ганделю» совѣмъ не страшень,
Его обманеть ловкій воръ
И дань возьметъ... съ хоромъ—до пашень.

Ефимъ Простосердовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

ВАЛЕРІАНА СВѢТЛОВА.

1) **БРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ**. Около 300 страницъ. Цѣна 1 р. 25 к., на велен. бум. 1 р. 50 к. На пересылку 25 к.

2) **НОВЕЛЛЫ**. Около 500 стр. Цѣна 1 р. 50 к., на велен. бум. 1 р. 75 к. На пересылку 25 к.
Продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

А. В. КРУГЛОВА:

1) „ГУБЕРНСКІЯ СКАЗКИ“.

(Повѣсти изъ провинціальной жизни). Изящное изданіе, на хорошей бумагѣ. Ц. 1 р. 80 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкою.

2) „НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РѢКѢ“.

(Путевые негативы). Женскій Аванъ. — Вѣчевой городъ. Ц. 1 р. безъ пересылки, 1 р. 30 к. съ пересылкою.

Для лицъ, выписывающихъ книги прямо отъ Магдалины Ивановны Фелотовой (Любань, станція Ник. жел. дор.):

1-я книга—1 р. 20 к. съ пересылкою (20 к. можно марками).

2-я книга—1 р. съ пересылкою. За обѣ книги, приобр. за разъ—2 р. съ пересылкою.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

На годъ: безъ доставки 6 р. 60 к. Съ доставкой и пересылкою по Россіи 8 руб.

Подробное объявленіе съ образцами премій, высылается по требованію бесплатно.

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій, у Аничкина моста, д. № 68—40.

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАН.
I. Блѣдь. Романъ Н. Ѳ. Бажина	3
II. Изъ «Болгарскихъ мотивовъ». Стихотвореніе А. В. Круглова.	59
III. Очерки средневѣковой жизни. П. В. Безобразова.	60
IV. По Сѣверному Кавказу. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). М. Слобожанна	73
V. Весною. Стихотвореніе Л. Афанасьева	95
VI. Три удара молніи. Разсказъ Людовика Галевя	96
VII. Письма о современной журналистикѣ. О. В.	122
VIII. Шулханъ-Арухъ. (Этюдъ). А. А. Быкова (Оконч.)	140
IX. Памяти прошлаго. Стихотвореніе Апол. Коринфскаго	154
X. Жертва добродѣтели. Разсказъ Джемса Пэна	156
XI. Законъ и общинное землевладѣніе. (Окончаніе). Н. П. Дружина	164
XII. Плѣнный воинъ. Стихотвореніе Л. И. Пальмина	178
XIII. На шахтахъ. Романъ С. С—видова	179
XIV. Долой оружіе! Романъ-хроника, Берты фонъ-Зуттнеръ	226
XV. Въ лѣсу. Стихотвореніе Ив. Бунина	332

Современное обозрѣніе.

XVI. Французская выставка въ Москвѣ. М. Синимагинова	1
XVII. Политическая хроника	9
XVIII. Новыя книги	25
XIX. Наши внутреннія дѣла	32
XX. Итоги десятилѣтія	44
XXI. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Стараго Капрала, Аориста, Дебютанта и Ефима Простосердова.	54

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ
КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРИИ

НАШЕГО

ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осмынадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣла карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный прозектъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный триумvirатъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Θ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4; «*Русская Старина*», 1889 г. № 7; «*Новое Время*», № 4634; «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343; «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270; «*Всемирная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля. Складъ въ главной конторѣ журнала «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» (Спб., Владимірская, № 6). Годовые и полугодовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляют къ подписной цѣнѣ 2 р.

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа Георга Эберса: **СЕРАПИСЬ**. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для бібліотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять семикопѣчныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, привязанныя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи невзвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыхъ гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кроме праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Приемъ *въ редакціи*—по четвергамъ, отъ часу до двухъ. 8) Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансом за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналъ, не допускаются.*

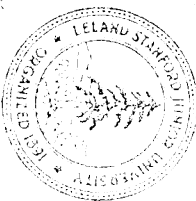
Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

AP
50
N33
v.10
no.6
1891

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

